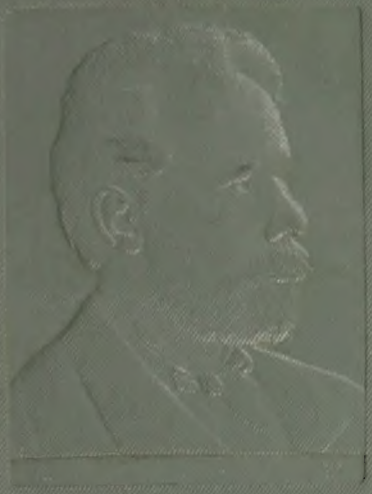
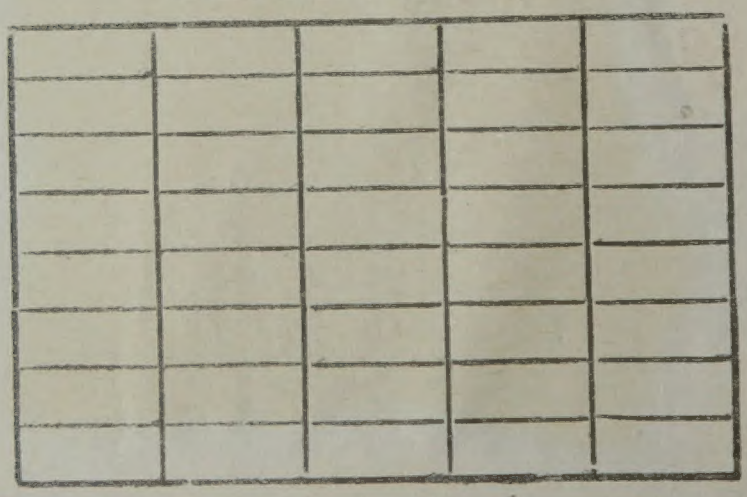


ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока



1930

П.И. ЧАЙКОВСКИЙ

ПЕРЕПИСКА
С П.И. ЮРГЕНСОНОМ

ТОМ 1

1877–1883

РЕДАКЦИЯ ПИСЕМ И КОММЕНТАРИИ
В.А. ЖДАНОВА И Н.Т. ЖЕГИНА

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ
ЗАСЛ. ДЕЯТ. ИСК. Б.В. АСАФЬЕВА.

МУЗГИЗ
МОСКВА
1938

БИБЛИОТЕКА
ЛЕН. ГОС. КОНСЕРВАТОРИИ
Инвент. № 1345
1980

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
М. А. ГРИНБЕРГ

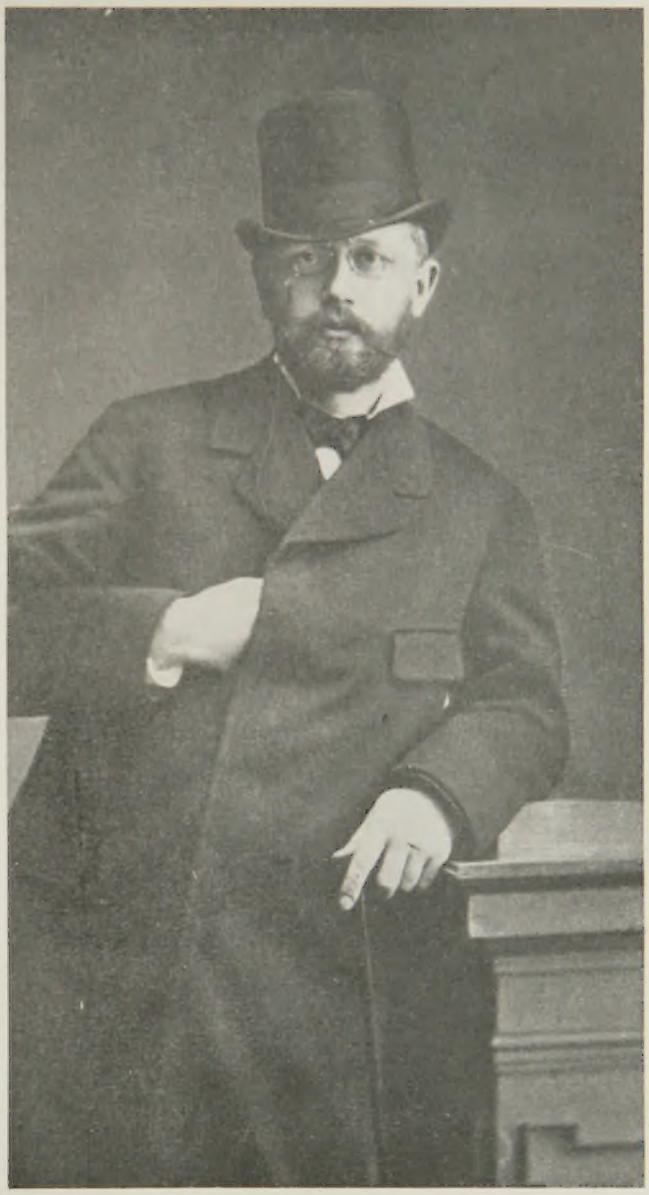
Книга подготовлена к печати и напечатана под художественной и технической редакцией Александра Бродского

Шрифты на переплете, титульный лист, заглавные заставки в тексте — работы художника Г. Вычегжанина

Барельеф П. И. Чайковского на переплете — работы художника А. Я. Байцурова

Сдано в набор 19 декабря 1936 г. Подписано к печати 2 Октября 1937 г.
Бумага 72 × 110. Печ. листов 24. Авт. листов — 23 л. Печ. знаков в 1 п. л. 48 600.
Уполн. Главлита Б—30907. Зак. типогр. 5140. Тираж 5000.

Типография им. Володарского, Ленинград, Фонтанка, 57.



П. И. Чайковский
1877 г.

Б. В. Асафьев (Игорь Глебов)

ПЕРЕПИСКА П. И. Чайковского с П. И. Юргенсоном в большинстве страниц — обмен деловыми и будничн однообразными и монотонными толками, просьбами и доса дами, вполне естественными между композитором и изда телем. Но это лишь первый, особенно бросающийся в глаза, слой их взаимоотношений. За ним легко вскры вается более пестрый слой — обмен дружескими разно образнейшими сообщениями по поводу как личных, так и вокруг совер шающихся затруднений и всякого рода жизненных казусов.

Юргенсон — талантливый сметливый делец и весьма циничный наблю датель окружающего его музыкантского мирка — снабжает своег корреспондента, счастливо вырвавшегося из бытового болота — обиль ными сведениями обо всем характерном в жизни музыкальной Москвы. о знакомых, о друзьях, о своем и их времяпрепровождении. Повествует он обо всем метко и достаточно бесстыдно, но безусловно со здравым смыслом, а потому, в результате, из его писем и из ответов Чайков ского, там где эти ответы или сообщения выходят за грани мучительных противоречий измученной психики композитора, образуется весьма обсто ятельная летопись быта и нравов, помогающая уяснить и понять не только многие, болезненно искривленные, черты и свойства в жизнепо ведении и творчестве Чайковского и его современников, но и в самом росте русской музыкальной культуры.

Третий, более глубокий и содержательный слой переписки — все, что относится к внутреннему интимному миру переживаний композитора, к его творчеству и мятущемуся сознанию. Тут Чайковский в трудном положении: тот, кому он столь доверчиво исповедуется, сочувствует творческой продуктивности композитора, но не может, однако, постичь всей сложности и спутанности его психики. Кроме того, друг-издатель не всегда в состоянии заглушить в себе голоса расчетливого дельца, и дружба, вернее, приятельство столь различных натур спотыкается о скользкий порог трезвых финансовых соображений.

Нельзя забывать, что в алчно капитализирующейся феодальной России тоже нелегко было наладить культурно-обстоятельно налаженное музыкальное издательство. Имеющиеся в данной переписке отголоски „Хождений купца Юргенсона по мукам" (генерал-губернатор, полиция, духовная цензура, судебные дела и делишки) не рисуют в розовом свете его правового положения. Но при всех тяготах, наживаться можно было все же неплохо, и когда нищий, в сущности, композитор ахает, как это его „милый собственник" в состоянии будет выложить за вновь купленный дом столь громадную сумму (125 000 р.), читателю переписки понятно, что не один только здравый смысл дельца Юргенсона, но и вдохновенный труд Чайковского, помогли такому преуспеянию издательского кармана.

Больно и унизительно за великого музыканта, выступающего почти во всех письмах в роли жалкого просителя. Постоянно извиняясь за рост своего сочинительства, даже третируя свое творчество, считая себя неоплатным юргенсоновским должником и чуть ли не расточителем, в общем скудных, денежных подачек, Чайковский, вечно нуждающийся, обираемый и — возможно — кое-кем шантажируемый, ведет крайне беспокойное существование. Его борьба за право „не служить" и жить только творческим трудом, упорным и настойчивым трудом ремесленника, далась ему не легко и безусловно преждевременно истощила его жизненные силы.

А ведь Чайковский был еще из тех, кому повезло, кому завидовали. Он имел постоянную ренту — субсидию от Н. Ф. Мекк, его оперы сравнительно быстро завоевали признание. И когда в этой же переписке его с Юргенсоном читаешь о том, как продавал последнему свои романсы Римский-Корсаков или как клянчил жалкие авансы Ларош, то за всей историей взаимоотношений Чайковского и Юргенсона начинает раскрываться еще более горькая и скорбная история отчаянной борьбы за существование, едва ли не всех, выдающихся творцов русской музыки и музыкальной культуры в период ее интенсивнейшего роста.

Юргенсон не является каким-то исключительным эксплоататором Чайковского. В сравнении с эквилибристическими финансовыми операциями над композиторским трудом, производившимися не в одной России, а и цивилизованными издателями капиталистической Европы, где практика бесстыдного обирания даже крупнейших музыкантов, достигших известности, освящена была уже давними налаженными высококультурными традициями, — юргенсоновское издательски-приятельское обхождение

с Чайковским и руководство им, как, несмыслящим в делах, беспечным ребенком, отзывает даже некоторой патриархальностью, словно перед нами купец-заказчик, объезжающий округ, снабжающий кустарей материалом и отбирающий готовые изделия.

Соперник Юргенсона — издатель Бессель действовал куда беззастенчивее и скопидомнее. Чайковский сам понимал, что Юргенсон как никак рисковал на нем — в начале его композиторской карьеры — и, печатая в расчете на будущее его крупные вещи, должен был искупать большие затраты соответственными прижимистыми операциями на других участках. Исключительная честность и моральная щепетильность Чайковского не позволили ему вместе с наступавшей известностью воспользоваться ею и найти более выгодно платящих издателей. Но вот тут-то, в мучительном осознании Чайковским неизбытности продажи своего творчества, в состоянии всегдашней зависимости и необеспеченности, а не в какой-то исключительной, выходящей за пределы „капиталистический добросовестности", финансовой эксплоатации со стороны Юргенсона, начинает себя проявлять злое воздействие собственничества на творческий труд, благодаря чему все приятельство, казалось бы, столь прочное, исчезает как досадная видимость. Чайковский с какого-то момента (характерна в этом смысле история с оплатой „Мазепы") не мог не ощутить со всей тягостностью, что, в сущности, его музыка, его труд ему не принадлежит, что без чиновников контор императорских театров, властителей репертуара, и без Юргенсона (акула знакомая, но все-же акула!) и ему подобных деятелей он — Чайковский — беспомощный и жалкий полубродяга, лишенный прочных оседлых связей и собственнических корней.

Порой, почти с каким-то ироническим благоговением взирает он на здравый деляческий подход Юргенсона к людям и явлениям, но чаще беспомощно злится и судорожно терзается. Так восстает перед нами из скромной деловой переписки страшная драма жизни величайшего русского музыканта, одаренного чувствительнейшей душой. Уже в первом томе переписки эта драма, в сущности, суммируется в одном отчаянном возгласе: „Ох, эти деньги, деньги!" (письмо 307), вырвавшемся у измученного композитора в результате вечно унизительного состояния нудного просительства.

Нам, очевидцам роста сказочной свободной страны, в которой право на труд каждого гражданина является основным устоем всей жизни, всего государственного строительства, теперь трудно постичь, сколько времени, усилий, нервов, унижения должны были затрачивать те мечтатели из числа людей искусства, которым казалось справедливым, что их труд, труд художника-мыслителя может их прокормить. Чайковский в жестоких условиях дико, озорно и рвачески капитализирующейся самодержавной России наивно желал быть только композитором, а не чиновником, не директором банка, не лавочником, не управляющим чьим-либо трудом. Переписка с Юргенсоном — отличный документальный обзор его усилий отстоять это свое право, обзор, заключающий в себе кроме того много ценных сведений о тогдашнем музыкально-издательском деле, об усло-

виях оплаты труда, о становлении концертной жизни, о московском купеческом меценатстве, как своеобразно феодальном культуртрегерстве во имя получения гражданских прав и т. д. и т. д.

Перед нами ярко всплывает музыкантский быт, быт серый, жалкий, в котором всякая идейная художественно-просветительная деятельность производится в условиях и в необходимости попрошайничества и подхалимства, среди сплетен, клеветнических слухов и оговоров, среди всякого рода подозрительности. Фоном всему этому служит тупо-мещанское времяпрепровождение, с нелепыми кутежами, жратвой, сидением в трактирах различного ранга. Почти повсеместная лень, развинченность, привычка не выполнять обязательства. Вполне, поэтому, понятны частые жалобы Юргенсона, человека немецки-ремесленного склада ума, с врожденной привычкой к порядку в делах, на этого рода распущенность людей, подобных Кашкину, Ларошу, людей превосходных, но затрепанных нелепым бытом, где десять процентов культурной работы приходилось искупать, в сущности, бездельем разного вида на все остальные девяносто процентов, чтобы обеспечить себе право досуга на творческую деятельность.

Бегство Чайковского из Москвы в 1877 г. в результате, потрясшего его, нервного кризиса, было счастливейшим событием в жизни композитора. Нельзя объяснять это бегство только неудачной женитьбой. Женитьба была лишь отчаянной попыткой приспособиться к окружающей действительности. Но необходимость бегства подготовлялась и осознавалась давно. И целью было освобождение творчества. От того-то, и в первое время бегства и долго спустя, Чайковский так судорожно цепляется за обретенную видимость свободы, досуга, так боится всякого плена, всякого покушения на его распоряжение собственным временем. Но политически-слепое, а не только близорукое, сознание композитора мешало ему понять основные причины своего основного раздвоения: с одной стороны, тяга к родине, к Москве, к друзьям, искренняя любовь к ним, а с другой — боязнь и даже, временами, отвращение.

Наивный монархист по традиционно унаследованным убеждениям, Чайковский боялся сознаться себе в основном—в крахе самодержавного режима и политического положения России.

Он не мог понять, что на родине росту творчества и жизненных сил его самого и окружающих мешали не одни лишь свойства личной психики, не только безкультурье, не эксплоатация, не вечная нужда, не бесстыдный быт, не кутежи и беспечное „авось", но что все это вместе питалось и подогревалось силами мрачнейшей и бесчеловечнейшей политической реакции, в условиях которой каждое проявление не только самостоятельно-творческой, но даже — и особенно — культурно-просветительной работы, встречалось с подозрением и, если не просто пресекалось полицейским произволом, то искажалось и искривлялось.

В области музыкальной культуры противодействующей силой тупой реакции и стихийному невежеству был, внедряемый с неимоверными усилиями, музыкальный профессионализм.

Вся деятельность братьев А. Г. и Н. Г. Рубинштейнов в этом направлении заслуживает глубочайшего уважения. Возникновение, создание и все усиливающееся влияние высших музыкальных школ в Петербурге и Москве повлекло за собой раскидывание сети музыкальных училищ в провинции. Теперь на смену случайным музыкальным педагогам самой пестрой квалификации (учителя „варяги", т. е. заезжие или эмигрировавшие в Россию иностранцы — за исключением немногих выдающихся музыкантов, именитых педагогов, — не могли быть, в большинстве своем, носителями высокого музыкального просвещения, а российские дамы и барышни, — когда они, обычно, после окончания институтов в силу ли семейного положения или необходимости заработка, принимали на себя обучение ребят музыке, — не в состоянии были поднимать музыкальную культуру выше скромных норм поместно-усадебного или городского домашнего музицирования) вступали в работу новые кадры, кадры профессионалов-педагогов, приученные к трудовой дисциплине в своем искусстве, получавшие систематическое образование и смотревшие на свое дело, как на цель жизни. С каждым консерваторским выпуском эта армия получала все более и более организованное подкрепление.

Рядом с освоением музыкального просвещения путем организации и систематизации музыкального образования шло развитие концертной жизни, опять-таки на широко демократическом (в смысле расширения круга слушателей и подготовки разночинных исполнительских сил) основании в противовес узко-феодальным тенденциям и традициям дилетантского музицирования. Это, начавшееся через высшие музыкальные школы, организованное и систематическое всасывание европейской музыкальной культуры естественно — и, конечно, в связи с экономическим возрастанием российской буржуазии — вело к своеобразной борьбе за музыкальный рынок, к накоплению самобытных композиторских, исполнительских и педагогических сил, которые могли бы противостоять иностранному музыкальному импорту различного рода и качества. Понятно, что в тесной связи со всеми указанными явлениями стоит и рост нотного дела и музыкального издательства. Музыкальным школам нужны стали пособия, концертным организациям — партитуры и оркестровые партии, увеличившемуся кругу музицировавших любителей и музыкантов-профессионалов — множество печатной нотной продукции.

Издательства и нотные магазины посреднического типа, поощрявшие широкий импорт для удовлетворения вкусов высших классов, должны были уступить место крупному музыкально-издательскому предприятию, организованному на широкий европейско-буржуазный масштаб, по образцу крупнейших германских и французских фирм, но с тенденциями к борьбе с иностранным импортом и к поощрению самостоятельной продукции. Таким предприятием в Москве и оказалось издательство П. И. Юргенсона. Творчество Чайковского было для этого издательства основным объектом своеобразной попытки подъема с в о е г о композитора и завоевания для него широкого поля деятельности не только в России, но и за ее пределами.

В свете этого явления переписка Юргенсона с Чайковским содержит весьма показательные и ценные сведения, особенно потому, что описываемые в ней события и происшествия музыкальной жизни лежат в курсе всего выше охарактеризованного музыкально-просветительного движения, начавшегося приблизительно в конце 50-х годов, определившегося в 60-х годах и ставшего в годы означенной переписки весьма интенсивным. Само собой разумеется, что столь веско обоснованное всем ходом развития русской культуры движение глубоко трансформировало психику музыкантов.

Композитор-барин, сочинявший много или мало, по дилетантски случайно или упорно и по существу уже крепко профессионально, как Глинка, но все же работавший только благодаря досугу и экономической обеспеченности, как собственник, должен был уступить место композитору, делавшему из музыки основную профессию, труд всей жизни, мастеру своего ремесла, но ремесла, поднятого на высшую ступень творчески-познавательной деятельности. Точно так же как в области исполнительской музыкант крепостной ремесленник преобразовывался в полноправного гражданина, зарабатывавшего средства к жизни независимо от помещика (полноправие надо, конечно, понимать очень условно, ибо в рамках феодально-буржуазной самодержавной России он попадал, выйдя из-под опеки помещика, в какую-либо иную кабалу, особенно по мере развития частной антрепризы), — в области музыкально-творческой шел процесс освобождения композиторского дарования от различного рода феодальной зависимости, включая зависимость от феодально-светских предрассудков, от которых также в области музыки страдал Глинка, как в области поэзии и литературы — Пушкин.

Чайковский, для своей эпохи, был первым, вполне завершенным, явлением композитора нового для России типа, композитором, вполне профессионалом, стоявшим на прочно освоенных им традициях симфонического мастерства западно-европейских классиков и романтиков: он сочетал в глубоко своеобразно личной и национальной сущности бетховенский и шумановский симфонизм с творчеством великого классика-реалиста русской музыки и выдающегося оперного драматурга Глинки, одновременно переключив завоевания берлиозовско-листовского программно-изобразительного симфонического стиля в шекспировски-яркие и трагедийно-напряженные психологически-образные звуковые проблемы.

Неисчерпаемый мелодический дар и всепроникающий лиризм в сочетании с острым чутьем музыканта-драматурга моцарто-доницетьевско-верднеевского склада содействовали Чайковскому-симфонисту в смысле пронизывания его музыки широкими обобщающими свойствами. Нет ничего удивительного, что такая „емкость и весомость“ дарования и способностей, при непрерывном интенсивном труде и при непрекращающемся росте интеллекта, давили психо-физиологически хрупкий организм Чайковского и что в переписке его с Юргенсоном восстает перед нами нервно-судорожный и душевно-растерзанный облик смятенного, словно вечно кем-то преследуемого и доходящего до позорного самоуничижения, человека.

Здравый деловой практический склад ума Юргенсона особенно рельефно оттеняет этот облик великого музыканта. Но за ним раскрывается и основное: образ человека организованной воли, напряженного труда, крепкой, творчески-рабочей дисциплины, умный и бережный, подобно Верди, хозяин своих неистощимых способностей и своего стихийно-напевного восприимчивого дарования. Не ленивый батрак своего вдохновения, а мастер, владеющий гибкими техническими рессурсами и „музыкальной инженерией" больших планов и широкого размаха, всегда, по моцартовски, предвидящий в процессе создавания идеи и форму всего произведения в целом и всегда пламенно охваченный этим процессом — таков Чайковский, как творческая личность, как чуткий композитор, чья искренняя музыка до сих пор воспринимается, как насыщенная высшей человечностью страстная мелодия, как песнь, глубоко страдавшего и мучительно любившего жизнь, сердца.

И вместе с тем это музыка высокой культуры — создание бурной эпохи борьбы с феодальным обскурантизмом за демократизацию всех областей музыки, за русское музыкальное просвещение, за мощный профессионализм и за творчество, как труд, против барского дилетантизма и взгляда на музыку, как развлечение, а также и против раздробленного кустарничества и идейно-убогого мелкого ремесленничества в защиту профессионально-организованного искусства и гражданских прав музыканта.

П. И. Юргенсон

Публикуемая переписка с Юргенсоном совпадает по времени с ранее опубликованной перепиской с фон-Мекк. Это обстоятельство побудило редактора избегать в комментарии повторений, с тем, чтобы ограниченное место его по возможности использовать для нового материала. Только в неизбежных случаях пришлось обстоятельно освещать уже затрагивавшиеся в тех книгах вопросы. Опыт предыдущего издания убедил в ненужности текстологических тонкостей при обработке писем композитора (не художника слова). Они мешают непосредственности восприятия и ничего не дают. В этом издании сохранены лишь звуковые особенности (окончания: ей, ею, если б, если бы, ия и ья и т. п.); цифры, кроме чисел месяца и сложных исчислений, переведены в слова; сокращенные слова, в том числе имена собственные, даны в развернутом виде без скобок, за исключением общеупотребительных сокращений (т. е., и т. п.) и тех случаев, когда сокращение не случайно, а характерно, или же когда нет полной уверенности в правильности дополнения (эти дополнения даются в прямых скобках). Красные строки в письмах Чайковского сохранены. Письма печатаются по новой орфографии, без сохранения особенностей подлинника. Приложенное факсимиле дает представление об особенностях письма Чайковского, а подробный анализ его сделан в предисловии ко второму тому переписки с фон-Мекк. В отношении Юргенсона пришлось допустить еще большие упрощения. Плохо зная русскую грамматику, он делал много ошибок, забывая иногда ставить предлоги, не согласовывая в падежах, чрезмерно злоупотребляя красными строками и многоточиями. Эти ошибки в книге выправлены и текст унифицирован, но в такой мере, чтобы не пострадали своеобразие стиля, непосредственность речи. Знаки препинания расставлены по требованиям грамматики (знак восклицательный берется только из подлинника), дата унифицирована: всегда в правом углу, с указанием сначала места написания, затем число (в двойных датах сначала старый, потом новый стиль) и год (при отсутствии в подлиннике места или года они даются в прямых скобках). При неправильном исчислении старого и нового стиля дата исправляется, с оговоркой в сноске, причем в письмах из заграницы признается ошибочным старый, а не новый стиль. При отсутствии авторской даты и в тех случаях, когда письмо писалось несколько дней, в левом верхнем углу дается полная редакторская дата (курсивом); в необходимых случаях обоснования датировки сообщены в комментарии. Примечания приложены в конце книги (цифровые сноски в тексте), переводы и объяснения терминов — под строкой (ссылка звездочкой). Имена в примечаниях не комментированы — дан аннотированный указатель (текст аннотации сокращен в сравнении с указателем в переписке с фон-Мекк).

Мало цензурные слова заменены точками, с сохранением первой буквы, нецензурные выпущены, и цифры в прямых скобках на их месте обозначают количество выпущенных слов (в ряде случаев, при чрезмерном обилии, совершенно выпущены и так называемые „мало цензурные" слова и выражения — с такой же зашифровкой). Переписка печатается с сокращениями. Она началась в 1872 г., в нашей же книге первое письмо Чайковского от 5/17 октября 1877 г. Всего выпущено 85 писем Чайковского. Все это мелкие записки и узко деловые письма. Письма Юргенсона сохранились только начиная с 1878 г. Из них за 1878—1887 г. выпущены 44 письма, во многом повторяющие содержание публикуемых писем. Помещенные в книге письма Юргенсона печатаются с сокращениями; пропуски отмечены в тексте знаком [...] Отсутствие утраченных или выпущенных писем в необходимых случаях оговорено в комментарии. Отрывки из писем Чайковского впервые опубликовались только в его биографии, составленной М. И. Чайковским, и в примечаниях к переписке Чайковского с фон-Мекк. Небольшие отрывки из двух-трех писем Юргенсона приведены в комментариях к переписке с фон-Мекк. Письма печатаются по подлинникам, хранящимся в Музее имени Чайковского в Клину. Иллюстрации воспроизводятся по фотографиям, находящимся в том же музее.

В примечаниях приняты следующие условные сокращения:

Ж. Ч. — М. И. Чайковский, „Жизнь Петра Ильича Чайковского". По документам, хранящимся в архиве имени покойного композитора в Клину. Три тома. Изд. Юргенсона, М. 1900—1902.

Ч. М. — П. И. Чайковский, „Переписка с Н. Ф. фон-Мекк". Три тома. Изд. „Academia", 1934—1936.

Р. М. О. — Императорское Русское Музыкальное Общество.

В текстологической работе принимала участие Э. Е. Зайденшнур, в редакции и комментарии музыкальных вопросов — Н. К. Рукавишников. Много сведений для аннотированного указателя получено от Н. П. Чулкова.

В. Ж.

1877 г.

П. И. Чайковский
1877 г.

1. Чайковский — Юргенсону

Берлин,
5/17 октября [1877 г.]

Милый Петр Иванович!

Я очутился за границей и должен здесь прожить несколько времени.[1] Между тем денег мало, курс ужасный. Я тебя хочу просить заказать мне что-нибудь для тебя нужное. Я не гнушаюсь никакой работой, лишь бы она принесла мне деньги. Что тебе нужно: романсы, пьесы, переложения, переводы? Ради бога, не стесняйся заказывать мне самые черные работы. Я теперь еще нездоров, но скоро оправлюсь совершенно и с радостью примусь за всякую работу.

Прощай, голубчик. Отвечай мне Genève, poste restante. Кланяйся милой Софье Ивановне.[2]

Твой П. Чайковский.

2. Чайковский — Юргенсону

Кларанс,
16/28 октября [1877 г.]

Милый друг Петр Иванович!

Я тебе писал из Берлина полторы недели тому назад с просьбой, с самой убедительной просьбой заказать мне какие-нибудь работы, ибо я страшно нуждаюсь в деньгах. До сих пор не имею ответа и боюсь, что письмо не дошло. Я нахожусь в самом трудном положении: с одной стороны, я не могу теперь возвратиться в Россию, а с другой, мне

1345

здесь жить нечем. Пожалуйста, и на этот раз не откажи мне в дружеской помощи; если буду жив и здоров, то воздам тебе сторицей.

На-днях мой человек Алексей[1] принесет к тебе переплетенную нотную тетрадь, где написана начерно моя симфония.[2] Потрудись мне ее сюда переслать.

С нетерпением жду от тебя ответа.

Твой друг

П. Чайковский.

Адрес: Clarens. Suisse. Canton de Vaud. Villa Richelieu.

Передай от меня нежный поклон Софье Ивановне и поцелуй Борису[3] и остальным.

3. Чайковский — Юргенсону

Clarens
28 октября*/9 ноября 1877 г.

Милый Петр Иванович!

Я так долго медлил ответом тебе потому, что ожидал сначала присылки нот. Сегодня они пришли, и я при первом случае примусь за переводы. Что касается до стихотворения, которое нужно *изобрать* или *сочинить*, то это будет довольно трудно. Впрочем, постараюсь.

Романсы и пьесы для фортепиано я непременно напишу. Пробовал даже теперь начать, — но тщетно. Того спокойствия духа, которое мне потребно для *сочинения*, я еще не добился и вряд ли скоро добьюсь. Зато я принялся с большим усердием оркестровать оперу;[4] примусь также и за симфонию, когда получу черновую тетрадь, которую просил тебя доставить и которую жду с величайшим нетерпением.

Ты в качестве директора Музыкального общества уже знаешь, что мне будут посылать сто рублей в месяц. При теперешнем курсе это деньги небольшие, — но все-таки деньги, и я обеспечен ими настолько, что уж наверное с голоду не умру. Правда, что и живу я таким скромным и бедным пустынником, что мне многого и не надо. Насчет переложений испанских увертюр скажу тебе, что ты *никоим образом* не должен их отбирать от *Вотана*,[2] ибо он их сделает несравненно лучше. Мне эта работа тем менее удобна, что я живу без фортепиано, а для переложения это необходимо!

Итак, переводы сделаю; романсы и пьесы напишу; переложений же прошу тебя не посылать. По правде сказать, я не великий мастер на это, а ведь тут *сам Балакирев* интересуется, а Балакирева я боюсь едва ли не более всех людей на свете.

Вообще же боюсь я людей до малодушия, и вот почему ты напрасно думаешь, что плохой курс может меня заставить вернуться в Россию. Я лучше умру здесь, как собака, чем показаться на московских

* *В подлиннике ошибка*: 29 октября.

улицах, в консерватории, в театрах, в концертах и т. д.! Здесь, конечно, тоже живут люди, — но такие, которым до меня никакого дела нет.

Пожалуйста, не сердись на меня, что я напрашивался тебе на всякую работу, а теперь от переложений отказываюсь! Я делаю это (т. е. отказываюсь) из честности, ибо знаю, что хорошо сделать не могу, а ведь это Глинка!

Жить здесь так, как я живу, очень дешево, но так как в Италии жить еще дешевле, да к тому же, так как горы, которыми я окружен отовсюду, начинают давить меня и навевают в конце концов тоску по равнине и широким горизонтам, то я решил перебраться в Италию и прежде всего в Рим. Если понравится там, то поселюсь на всю зиму, если нет, то перееду в Неаполь. Потрудись мне писать в Рим, poste restante до тех пор, пока я не сообщу тебе моего адреса. За милейшее твое письмо крепко жму тебе руку. Очень кланяйся от меня Софье Ивановне, Кашкину, которому собираюсь написать, а также Людмиле Николаевне.

Твой П. Чайковский.

P. S. Я уже сложил и запечатал предыдущий листочек, когда мне принесли письмо твое от 24-го октября. Ты увидишь из него, что мое нежелание делать клавираусцуг испанских увертюр совпало с твоим страхом перед Вотаном. Страх страхом, а то, что он сделает втрое лучше меня, несомненно.

За предложение денег от души благодарю. Теперь я этим предложением не воспользуюсь, но позволь мне рассчитывать в случае крайности на тебя.[3] Во всяком случае, прежде нужно что-нибудь сделать, а уж потом просить денег. Но меня очень трогает твоя милая дружеская внимательность и, кроме того, что трогает, она всегда будет поддерживать мой бодрый дух. Merci! Merci! Merci! Насчет tantiem'ов* я распорядился. Относительно квартиры я тоже уже сделал распоряжение.

Прощай, милый друг.

Твой П. Чайковский.

Не трудись брать для меня деньги из консерватории. Рубинштейн уж прислал мне двести рублей векселем. Следующие обещал прислать в декабре.[4]

4. Чайковский — Юргенсону

Венеция,
13/25 ноября 1877 г.

Милый друг Петр Иванович!

Merci за письмо и за все дружеские чувства, в нем заключающиеся. Я очень, очень ценю твое милое внимание и сочувствие.

---

* гонорара за постановки опер

Я всячески стараюсь не терять бодрость духа, но далеко еще не дошел до того момента, когда остается сказать: „плевать“ и затем на деле доказать, что „плюнул“, т. е. начать жить и действовать по-прежнему. Особенно мне горько то, что работать по-прежнему я еще не могу. Приходится заставлять и принуждать себя. Никакого вдохновения, никакой творческой похоти нет.

Так как мне на роду написано делать одни глупости, то и теперь своим путешествием в Италию я сделал страшную глупость.[1] В Clarens'e мне было и дешево, и хорошо, и покойно; правда, немножко скучновато подчас, да что ж делать! Мне захотелось в Италию. Я вообразил, что здесь дешевле. Но ведь прежде чем установиться где-нибудь, нужно ездить, останавливаться в отелях, а остановившись в отеле, как-то неловко не пойти в качестве путешественника посмотреть то и другое. Все это стоит денег, хлопот, утомления, суеты! Все это хорошо, когда едешь путешествовать для удовольствия, на лишние деньги, туристом. А куда уж мне теперь быть туристом!

Словом, я горько раскаиваюсь, что тронулся из мирной Швейцарии в страну, где золотой лимон на солнце рдеет.[2] Доехавши до Рима, я пришел в такое нравственное утомление; масса Sehbenswürdigkeiten* до того напугала меня, что я поскорее вспять. Нет, человеку, желающему посредством труда вылечиться от сильного нравственного потрясения, нельзя ехать в Италию. Здесь слишком роскошно, слишком хорошо, здесь не до работы. Я себе только напрасно расстроил нервы и уничтожил все плоды того отдыха от постигшей меня житейской невзгоды, который доставил мне тихий швейцарский уголок. Теперь я приехал в Венецию, где, по крайней мере, тихо, т. е. уличного шума нет, от которого в Риме я чуть с ума не сошел... Через несколько дней я должен расстаться с братом, который едет в Россию. Это будет тяжелая для меня минута. Я решился проводить его до Вены, где буду, конечно, incognito, и потому прошу тебя (при случае) не писать об этом Доору. Оттуда прямым путем в свой Clarens, где и застряну надолго. Если вздумаешь писнуть мне в Вену, то адресуй Leopoldstadt, Hôtel Goldenes Lamm.

Merci за предложение еще переводов. Прежде кончу те, за которые взялся; кое-что уже сделано. Путешествие в Италию сбило меня немножко с панталыку. Здесь, в Венеции, я начинаю снова делать понемножку дело.

Я очень, очень тебе благодарен за все московские известия. Все это меня крайне интересует, ибо не могу скрыть от тебя, что, несмотря на все, я страх как люблю Москву и всю ту среду, в которой привык жить. Ты единственный из друзей, через которого я знаю все, что там делается. Рубинштейн писал мне два раза, и очень милые письма, но новости рассказывать он ленив.[3] Карлуша на мое письмо не отвечает.[4] А Кашкину все еще я не собрался написать;[5] впрочем, он ведь абонирован, по твоим словам, Зверевым. Брат в конце этого месяца будет

---

* достопримечательностей

в Москве и устроит там все мои дела; между прочим и насчет квартиры распорядится. Если ему нужна будет помощь одного из друзей, то я надеюсь на тебя, голубчик.

Прощай, милый друг. Mercі за твои милые письма. Я очень дорожу ими. Если не напишешь в Вену, то напиши в Clarens, Villa Richelieu, где я буду через две недели.

Твой П. Чайковский.

Как я ликую, что наши концерты так удачны в отношении многолюдства. [6]

5. Чайковский — Юргенсону

Вена.

27 ноября/9 декабря 1877 г.

Милый Петр Иванович!

Я очень перед тобой виноват: переводы свои еще до сих пор я не сделал. Надеюсь, что они не особенно к спеху; во всяком случае я их сделаю, как только вернусь в Венецию. Благодарю тебя за предложение написать Скобелев-марш (я на это забыл тебе во время ответить), но не принимаю сего предложения, ибо не могу. Уж больно пòшло.

Полагаю, что согласно моей телеграмме ты выдал Бочечкарову сто рублей. Брат Толя возвратит тебе их если не сейчас, то по получении поспектакльной платы, которую ему придется получить за меня в Петербурге. [1]

Брат уезжает через три дня. Как только провожу его, то в тот же день поеду в Венецию, в коей намерен пробыть месяц, по крайней мере. Венеция хороша тем, что тихо там. Здесь мне только оттого хорошо, что я провожу время с братом и Котеком, которого я встретил неожиданно. Мы много с последним играем в четыре руки. Сидим почти безвыходно дома. Раза три были в опере, и кое-что мне понравилось („Wasserträger"), но зато исполнение „Аиды" было очень плохо. По поводу Котека у меня к тебе просьба. Ему очень хотелось бы заняться переложением с оркестра на фортепиано в четыре руки. Я ему посоветовал сделать арранжемент „Roméo et Juliette" Берлиоза. Любопытно знать, кому принадлежит право на печатание этого сочинения? Если тебе это известно, то потрудись ответить. Кроме того, не нуждаешься ли ты в каком-нибудь переложении; если да, то обратись к Котеку и ответь ему по следующему адресу: Berlin, Friedrichsstrasse, 96, bei Böhme. Надеюсь, приехавши в Венецию, получить от тебя письмо с кратким изложением состоявшихся концертов. Сегодня нужно писать много писем и потому умолкаю. До свиданья, голубчик.

Твой П. Чайковский

6. Чайковский — Юргенсону

Венеция,
5/17 декабря 1877 г.

Милый друг!

У меня корреспонденция завелась совершенно не по силам. Каждый день вечером, вместо отдыха, приходится садиться и писать несколько писем. Вот отчего, мой друг, я решился уменьшить покамест размер своих писем и прошу извинить меня, если ограничусь полулистиком. Я говорю покамест потому, что я теперь принялся за оркестровку своей симфонии. Она дается мне с большим трудом. Я пишу от утра до самого обеда и к вечеру так устаю, что мочи нет.

Переводы твои подвигаются, но медленно. Надеюсь через неделю тебе их выслать, а покамест прошу у тебя прощения за промедление. Но какая мерзость эта музыка! Какая пошлая и ребяческая дребедень! Если все остальное, что ты приобрел, не лучше этого, то поздравляю тебя — Балакирев et C⁰ просто навязали тебе всю эту ерунду потому, что хотели устроить аферу для Шестаковой.[1] Положим, Глинка гений, но ведь он был чистейшим дилетантом и его Nachlass* не мог никогда быть тем, что̀ он был у Шуберта, Шумана, Шопена и т. д.[2] Напрасно ты тогда не посоветовался с нами, т. е. людьми, уважающими Глинку, а не M-me Шестакову, у которой Стасов и C⁰ чаи ежедневно распивают. Впрочем, я, может быть, ошибаюсь. Милый издатель! ты совершенно прав насчет того, что не следует обращаться к иностранным издателям, и я очень жалею, что Фитценхаген навязал мне этого паршивого колбасника, который то обещает мне выслать триста марок, то начинает кобениться.[3] Но что же мне делать! Я пишу слишком много, чтоб ты мог все печатать. Признаться, мне казалось, что я тебе делаю услугу, отдавая виолончельную и скрипичную пьесу иностранному издателю. Мне все кажется, что ты только из деликатности предлагаешь мне отдавать тебе все! Тебе еще грозят в скором времени опера и симфония! Я ведь отлично знаю, что мои творения обогащают твои полки, но не твои карманы. Однако, будем надеяться, что когда Борис достигнет пятидесятилетнего возраста, то кое-что из моих писаний будет для него хоть сколько-нибудь доходной статьей.

Голубчик! не мсти мне и продолжай писать мне так же, как писал до сих пор. Эх! с каким бы удовольствием я бы пошел сегодня с тобой, Кашкиным и Карлушей куда-нибудь поужинать и покутить! Скучно, душа моя!

Твой П. Чайковский.

Напиши мне, куда теперь адресовать письма!

---

* наследство

7. Чайковский — Юргенсону

Venezia,
15/27 декабря 1877 г.

Друг Петр Иванович!

Получил сегодня твое письмо и чуть не провалился от стыда. Симфония до того поглотила меня, что я не имел силы оторваться, особенно для такого пошлого занятия, как перевод лубочных итальянских стихов с их лубочно-детскою музыкой. Дай бог, что[б] это было хлебно,— но это все-таки очень плохо. Тем не менее я сегодня же засел и сделал все, что мог. Сегодня же я посылаю тебе все, что ты мне дал. Я, впрочем, как увидишь, не все сделал. Для большей ясности выставлю на каждой вещи номер и объясню, как я с ней поступил.

№ 1. Квартет „Come di gloria al nome“ не кончен, кончать его не берусь, да кроме того он очень плох, и я его не перевел. Пусть Балакирев, навязавший тебе это, докончит, если ты непременно хочешь печатать.

№ 2. „La Notte o mai s'appressa“ то же самое.

№ 3. Бассовый речитатив „Ai quobil care“. Послушай: как Глинка ни гениален, но нельзя же печатать упражнение его в речитативе? Наконец, речитатив этот не имеет никакого конца и ни к какой арии не приводит. Зато, к немалому моему изумлению, после мрачных слов o tomba* вдруг появляется хор певчих и начинает душить: „яко да царя всех подымем“; впрочем, тоже не доканчивает и исчезает. Не понимаю, что это значит.[1]

№ 4. Романс „Tu sei figlia“ — переведено.[2]

№ 5. Романс „Pur nel sonno“ — перевел.[3]

№ 6. Романс „Mio ben ricordati“ — перевел.[4]

№ 7. Ромас „Ho perduto“ — перевел.[5]

№ 8. Ария — перевел.[6]

№ 9. Квартет, в котором слов не было. Это единственная порядочная вещь. Я приделал слова, хотя и неважные.[7]

Вот и все!

Петруша! Если вперед я попрошу у тебя работы вроде этой, т. е. переводов, отвечай мне: шалишь, врешь — и ничего не давай. Я потерял к этому всякую способность и охоту. Ради бога прости, что задержал тебя. Случилось же как нарочно, что я увлекся симфонией!

Потрудись впредь (до изменения) адресовать письма уже не сюда, а в Сан-Ремо: Italie Septentrionale. San Remo, près Menton.** Брат Модест с своим воспитанником[8] едет туда жить, и я поселюсь вместе с ними.

Твой П. Чайковский.

---

* могиле

** Poste restante. *(Прим. Чайковского.)*

1878 г.

П. И. Чайковский
Ницца - - 1878 г.

8. Чайковский — Юргенсону

[Сан-Ремо]
1/13 января [1878 г.]

Милый друг!

Рубинштейн передаст тебе мою просьбу.[1] С своей стороны я прошу тебя убедительно исполнить ее. У меня очень подробно записаны мои счеты с тобой. Впрочем, моя новая денежная просьба ничего в них не изменяет. Я прошу только деньги (триста рублей), которые я получу из консерватории 1 июня, 1 июля и 1 августа, уплатить теперь же сто рублей, 1 января, сто — 1 февраля и сто — 1 марта. Когда ты поговоришь с Рубинштейном и изъявишь свое согласие на эту операцию, то потрудись первые сто рублей послать в Столешников переулок, в магазин Учебное дело, г-же Малама, для передачи Ант. Ив. Чайковской.

Твои замечания относительно величины субсидии, даваемой мною моей супруге, совершенно верны, но я тебе скажу одно: чем больше, тем лучше, ибо тем менее я буду связан ею и тем спокойнее я себя буду чувствовать. Должен же я терпеть за свою глупость. Только деньгами я могу купить себе право презирать столько же, сколько ненавижу.

Петр Иванович! Я кончил симфонию и послал ее в Москву. Надеюсь, что ты не откажешься ее печатать. Гонорария за нее мне не нужно, но прошу тебя и умоляю заказать клавираусцуг Вотану и никому другому, или Танееву, если только этот не откажет, что весьма вероятно. Я очень сомневаюсь, чтоб ленивый Сережа взялся

за эту работу, но если возьмется, то я буду совершенно покоен. Словом, Лангера ни в каком случае.

С новым годом тебя, дружище. Когда-то увидимся? Mercі за письмо. Софье Ивановне нежный поклон, а детям поцелуй.

Твой П. Чайковский.

Очень рад, очень счастлив, что Рубинштейн хочет играть мой концерт.

9. Чайковский — Юргенсону

[Сан-Ремо]
12/24 января 1878 г.
Четверг.

Милый друг!

Я уже писал тебе о своей симфонии, но мне хочется еще раз тебе сказать, что я чрезвычайно желаю, чтобы клавираусцуг этой вещи был сделан безукоризненно хорошо. Я не только не желаю никакого гонорара, но готов сам приплатить сколько угодно, т. е. сколько могу, дабы эта симфония была хорошо переложена, хорошо напечатана, а главное, хорошо корректирована. Реши сам, кому предложить клавираусцуг, но только одному из двух: или Клиндворту, или Танееву; и тому и другому нужно дать хороший гонорарий, но первому, вероятно, больше, чем второму. Словом, приложи, о мой милый издатель, все старанья, чтобы симфония была издана на славу. [1]

Я также убедительно прошу тебя взять для печатания мою оперу „Евгений Онегин". Опера эта написана совсем в особенных условиях. Я не желаю хлопотать о постановке ее на большой сцене. Вообще ей не предстоит блестящая сценическая судьба, поэтому я с тебя не возьму за нее ничего, и сумма, занятая мной у тебя, так сказать, под залог следующей оперы два года тому назад, будет по-прежнему моим долгом, который я выплачу или посредством новой оперы (т. е. той, которая будет написана после „Онегина") или другими сочинениями. Итак, я желаю, чтоб ты ее печатал, и притом чем скорее, тем лучше.

Часть клавираусцуга готова, и ты можешь велеть снять копию с нее в консерватории. Остальная часть будет готова через месяц. Если ты примешься печатать в скором времени, то прежде отдай клавираусцуг Танееву и попроси его от моего имени переделать все, что у меня вышло неудобно и не фортепианно.

Я даю ему полную свободу изменять и переделывать переложение как угодно.

Опера эта может тебе принести когда-нибудь выгоду, ибо в ней есть много арий, которые могут иметь ход при благоприятных условиях.

Пожалуйста, дружище, не откажи мне в этой услуге. Не хочешь ли знать мои счеты с тобой; у меня хранится записочка.

Н. Г. Рубинштейн
С портрета семидесятых годов

По расчету, сделанному в прошлом учебном году (кажется в ноябре 1876 г.), я оставался тебе должным 250 р. Было после того забрано 25 р., 25 р., 10 р., 5 (за пересылку нот) и нынче (Бочечкарову) 100. Ты мне должен что-то за пьесы, печатавшиеся на счет М-me Мекк. Кроме всего этого 500!!! Сумма изрядная. Так ли?

Твой П. Чайковский.

10. Чайковский — Юргенсону

Сан-Ремо,
17/29 января 1878 г.

Петр Иванович!

Сейчас получил твое письмо и пришел в ужас. Я выслал тебе переводы Глинки в пятницу 28/16 декабря. Я чуть с ума не схожу от страха, что рукописи Глинки пропали. Я тотчас же телеграфировал в Венецию и если получу сегодня ответ неудовлетворительный, то поеду в Венецию. Господи! какая мерзость почта!!! Сколько из-за нее я терпел именно здесь, в Италии. Вообще страна лимонов и апельсинов — стерва.

Прочел твою нахлобучку за отказ в делегатстве.[1] Чтобы долго не распространяться, коротко объясню тебе мою profession de foi.

1) Никогда ни к каким тузам заграничного мира я не ходил умолять их о принятии во мне участия и не пойду.

2) Успех моих сочинений нисколько не может произойти оттого, что я как [1] на именинах являюсь делегатом от русской музыки — без денег, без инструкции, не имея возможности ничего организировать, ибо правительство решительно отказывается от субсидий, словом, находясь в положении самом глупом и щекотливом.

3) Гораздо выгоднее для меня явиться в Париже не на выставке, где всякая ж... будет из кожи лезть, чтоб ее слушали и дали ей патент на всемирную известность, а в обыкновенное время — так, как я хотел это сделать в прошлом году, и не делегатом, ибо эта должность обязывает меня хлопотать о всех, кроме себя, а самим собой — без визитов к тузам, а на свои деньги. Т. е.: вот я! Хотите, приходите и слушайте. Вообще я заранее убежден, что выставка окажется временем весьма мало удобным для приобретения известности. Там, где является разом тысяча подобных мне искателей славы (на которую впрочем я [1] хочу), то я вследствие своего скромного нрава рискую остаться совершенно незамеченным.

4) Ты косвенным образом упрекаешь меня в том, что я пренебрег не только своими, но и твоими интересами. Ну уж извини, мой друг. Бери меня, каков я есть, или плюнь на меня. Если я и прежде не был способен свой товар лицом продавать, то теперь окончательно в этом отношении никуда не гожусь.

5) А главное, не хочу ехать в Париж, ибо это мне претит, ибо это скучно, ибо я хочу летом жить в деревне и быть в России, ибо мне надоело, наконец, хотеть казаться не тем, что я есть, надоело насиловать свою природу, какая она паршивая ни на есть. Вообще я теперь дошел вот до чего: хотите — знайте, любите, играйте, пойте меня, украшайте меня лаврами, венчайте меня розами, курите мне фимиамы; а не хотите, — [1] и наплевать! Т. е. это относится к публике, славе и т. п. дерму.

Тебя удивит количество г.... и свинства в моем письме. Я зол стал. Надоело мне все, ох, как надоело!!!! По поводу того, как кто отнесся к моему отказу от делегатства, я сделал много курьезных наблюдений.

Прощай, голубчик, прости.

Твой П. Чайковский.

11. Чайковский — Юргенсону

Сан-Ремо,
24 января/5 февраля 1878 г.

Милый Юргенсон!

У меня свалилась гора с плеч, узнавши, что ты наконец получил рукописи. Я очень струхнул на прошлой неделе. Вот как было дело. Уезжая из Венеции, я просил хозяина отеля запаковать эти рукописи и в тот же день, тотчас после отъезда моего, отослать их на почту. Я имел основание довериться этому господину. Получивши на прошлой неделе твое письмо и узнав, что ты переводов все еще не получил, я тотчас телеграфировал ему запрос, выслана ли рукопись и если да — повеление прислать мне почтовую расписку. Денег я ему оставил достаточно и знал, что недостаток их не мог ему служить препятствием. На другой же день я получил от него ответ, что дело затянулось потому, что с него будто потребовали на почте пятьдесят франков залога???? Однако же он все-таки отправил пакет, но не по почте, а через какую-то контору. При этом он выслал мне две расписки, из коих я ровно ничего не понимаю. На одной написано: 2-го января, а на другой — 29-го. Эти две расписки я тебе посылаю и в заключение прошу простить, что напутал. Слава богу, что все хорошо кончилось.

Строчек я не считал, ибо не хочу за них никакой платы. Я также не прошу у тебя гонорария ни за симфонию (я отказываюсь от твоих ста рублей), ни за скрипичную, ни за виолончельную пьесу. Касательно последних двух я ничего не знаю. Seine Hochwohlgeborene Fitzenhagensche Dummheit* распорядилась отсылкой этих пьес к какому-то колбаснику, который изволит сквалыжничать и не только не высылает мне гонорария (триста марок), но и не печатает пьес. Потрудись сказать Фитценхагену, что я требую от колбасника его** немедлен-

---

* Его высокоблагородия Фитценгагеновская глупость

** Leukhardt или Luckhardt что ли? (*Прим. Чайковского.*)

ного возвращения рукописей и не хочу, чтоб он их печатал ни под каким видом, ни за сто тысяч рублей.[1]

Повторяю, что ни за переводы, ни за симфонию, ни за эти пьесы денег мне не нужно. Прошу у тебя вместо этого следующих трех услуг:

1) по-царски заплатить Танееву за клавираусцуг симфонии,

2) взять у меня оперу и напечатать ее с тем условием, что я получу за нее гонорарий только в том случае, если она пойдет на большой сцене (что весьма сомнительно, ибо я решил отдать ее на императорский театр только по их усиленной просьбе, а хлопотать сам ни за что не буду),

и 3) чтоб ты позволил мне в случае нужды кредитоваться у тебя по-прежнему на суммы не свыше ста, двухсот рублей, которые заплачу впоследствии или деньгами или работами.

В Париж не поеду, хотя бы мне предложили миллионы. Не хочу. Отныне буду делать только то, что хочу. Плевать, плевать, плевать, плевать!

Твой П. Чайковский.

12. Чайковский — Юргенсону

[Сан-Ремо]

26 января/7 февраля 1878 г.

Сегодня получил твое письмо, милый мой Петр Иванович! Ты очень мил. Меня очень пугает твоя щедрость относительно меня. Тем не менее я возьму с тебя деньги за оперу только в том случае, если она пойдет на большой сцене, и то не такую большую сумму как та, которую ты мне предлагаешь. Гонорарий за симфонию я уступаю Танееву, за переводы не могу взять ничего, ибо, по-моему, они очень слабы, что же касается скрипичной и виолончельной пьесы, то потрудись прежде от моего имени вытребовать их от Leuckart'a, а о плате поговорим впоследствии.

Очень тебе благодарен, душа моя, за то, что не скупишься со мной и так охотно издаешь меня. Впрочем, это для меня не ново. Я всегда умел ценить твое великодушие и щедрость относительно меня. Mercі, mercі и mercі!

На-днях я высылаю остальные действия оперы в Москву к Альбрехту, которого попрошу распорядиться насчет переписки клавираусцуга, и напишу ему, что рукопись должна рассматриваться как твоя собственность и по миновании надобности доставлена к тебе.[1]

Не забудь пожалуйста, что прежде чем печатать оперу, необходимо, чтобы Танеев просмотрел и исправил все неудобные в отношении исполнения места. Я ему даю carte blanche распоряжаться как ему угодно.

Извини, что пишу мало и наскоро. Очень спать хочется. Нежный поклон Софье Ивановне и безешки* детям.

Твой П. Чайковский.

* поцелуи

13. Чайковский — Юргенсону

San Remo,
4/16 февраля [1878 г.]

Милый Петр Иванович!

Я на-днях выслал оперу, т. е. все недоставшие части, в консерваторию. Теперь клавираусцуг полный, и я буду несказанно рад, если ты можешь в близком будущем перейти к гравированию оного. Опера эта, мне кажется, скорее будет иметь успех в домах и, пожалуй, на концертных эстрадах, чем на большой сцене, и потому то обстоятельство, что она будет напечатана гораздо раньше, чем поступит в репертуар больших театров, — не неблагоприятно. Успех этой оперы должен начаться снизу, а не сверху. Т. е. не театр сделает ее известной публике, а, напротив, публика, мало-по-малу познакомившись с нею, может полюбить ее, и тогда театр поставит оперу, чтобы удовлетворить потребность публики. Может быть, я заблуждаюсь, но мне кажется, что при самой рациональной, тщательной постановке она может нравиться и на сцене. Но для такой постановки нужно, чтобы исчезли рутинные, ходульные, казенные приемы и чтобы я имел право требовать всего, что я считаю необходимым для того, чтоб опера была обставлена как следует. Вот почему я никогда не сделаю первого шага к постановке оперы на казенном театре и буду ждать, чтоб меня униженно просили об ней.[1] Тогда я скажу: извольте, но в таком случае так и так, а не так — так ну вас к матери! Что касается постановки в консерватории, то это будет для „Онегина“ большим счастьем. Там будут петь птенцы, но зато не будет рутины. Консерватория должна дать образец постановки этой оперы, и я заранее знаю, что в общем эта постановка не оставит ничего желать. Что касается того, что в консерватории нет вполне достойных и подходящих исполнителей, то их еще меньше в казенном театре. Гилев — Онегин для меня лучше, чем Фюрер — Онегин. Климентова — Татьяна для меня лучше чем Люценко — Татьяна. Зильберштейн — Ленский все-таки ближе к идеалу, чем толстопузый Додонов — Ленский. По крайней мере, и Гилев, и Климентова, и Зильберштейн будут как следует промуштрованы Рубинштейном, Самариным, Карлушей,[2] Губертом. Следовательно, в общем будет артистическое, а не чиновническое ведение дела.

Я переезжаю на две недели во Флоренцию и потому потрудись мне написать по следующему адресу: Italia, Firenze. Via Cerretani, Hôtel Citta di Milano.

Нежный поклон Софье Ивановне.

Твой П. Чайковский.

Пансион „Жоли“ в Сан-Ремо. Здесь Чайковский
закончил оперу „Евгений Онегин“

14. Чайковский — Юргенсону

Флоренция,
14/26 февраля [1878 г.]

Милый мой Петр Иванович!

Сейчас я написал Карлуше, чтобы он слово в слово перевел Фитценхагену несколько очень энергических строчек, в которых я требую, чтобы он немедленно вытребовал от Люкгардта мои обе пьесы и доставил их тебе.[1] Надеюсь, что это скоро сделается. Я переехал ненадолго во Флоренцию, где мы с братом устроились очень хорошо и необыкновенно дешево. Флоренция мне нравится. Здесь уже совсем весна; окна открыты целый день, цветов множество, на улицах шумно и весело. Нечего говорить, Италия страна хорошая, а все-таки я только сплю и вижу Россию и всей душой стремлюсь... Dahin, dahin, wo keine Citronen blühn![2]

Думаю, что месяца через два уеду в деревню к сестре, а 1-го сентября явлюсь в Москву. Я неимоверно здоров и, кажется, сильно толстею. Окончивши симфонию и оперу, я было хотел несколько времени безусловно отдыхать, но вскоре безделье начало тяготить меня, а так как, живя теперь не один, не имея под рукой инструмента и находясь в шумном городе, мне неудобно начать что-нибудь большое, то я предположил себе понемножку писать маленькие пьесы. Хочу попробовать написать ряд легких пьес, Kinderstück'ов.* Это будет для меня приятно, а для тебя, я думаю, даже и выгодно, т. е. сравнительно.[3] Как ты об этом думаешь? Вообще, друг мой, напиши, какими мелкими сочинениями я тебе особенно могу угодить. Я очень расположен теперь в виде отдыха заняться всякой мелкой работой. Но только от переводов безусловно отказываюсь. Не нужно ли тебе духовных пьес? Если да, то укажи, какие тексты? Выгодно ли тебе будет напечатать полную литургию моего сочинения? Вот работа, которая была бы мне особенно приятна.[4] Можешь ли ты печатать духовную музыку и можешь ли надеяться на сбыт ее? А я бы с большой любовью занялся этим.

Теперь у меня к тебе следующая просьба.

Потрудись выслать мне: 1) „Франческу“ в две и в четыре руки; 2) третий квартет мой в четыре руки; 3) если вышло переложение Баталиной моих увертюр в четыре руки, то и их тоже вышли; 4) если ты хочешь, чтоб я написал литургию, то пришли мне экземпляр литургии Львова (обиход, что ли?); 5) попроси убедительно Кашкина приискать мне текстов для романсов и их тоже пришли.

Все это пошли по следующему адресу: Suisse, Canton de Vaud, Clarens, Madame Mayor, Villa Richelieu, pour remettre à M. P. T. Через полторы недели я еду туда и надеюсь найти мою посылку.

Твой П. Чайковский.

Обнимаю тебя, детей и нежно кланяюсь Софье Ивановне.

---

* детских пьес

15. Чайковский — Юргенсону

Clarens,
27 февраля/11 марта [1878 г.]

Милый друг!

Вчера[1] я приехал в Clarens и хотя немножко скучаю о Флоренции, но чувствую себя здесь очень хорошо. Я нашел здесь телеграмму, которую мне переслали из Флоренции и из которой я понял только то, что несколько человек обедали у Разумовского. Все остальное совершенная загадка; суди сам: „Diner Rasoumovsky lettre exprimous succès sclattent de la humouir heureux buvons santé souhaitons retour. Rasoumovsky, Rubinstein, Gurquesou, Ksrimalu, Hubert, Abbreohti, Rassohin.“ *

Я очень был удивлен узнавши. Из знакомых я нашел там только имя Губерта. Но кто другие? Как ты думаешь, кто такой Гуркесу? Кто такой Рассохин?

Только потом я догадался, что мой издатель скрывается под именем Гуркесу, а Кашкин под псевдонимом Рассохина! Недурен также Аббреохти. Как бы то ни было, но над изуродованными именами я посмеялся, а смысла все-таки не понял.

В своем последнем письме ты мне пишешь, что посылаешь Антонине Ивановне сто рублей. Вторые это или третьи? Из консерватории ты получишь моих только двести рублей. Следовательно, если ты заплатил по сто рублей два раза, то мы квиты. Засим ты спрашиваешь меня, посылать ли в марте сто рублей? Да, голубчик, пожалуйста. Я еще не знаю, как выплачу тебе эти сто рублей. Вероятно я поручу Толе получить за меня поспектакльную плату за одно представленье „Вакулы“ и отослать ее тебе; если же нет, то потрудись пока записать на мой счет в свои книги. Вообще извини, что несколько злоупотребляю твоей щедростью. Но, ради бога, записывай аккуратно. По всей вероятности я тебе в более или менее отдаленном будущем дам порядочное количество мелких пьес, и нужно, чтобы наши счеты могли быть всегда сведены без затруднения. Не пугайся массы моих пьес. Я нисколько не намерен сдирать с тебя за них большие куши и уж во всяком случае не воспользуюсь тем условием, которое мы когда-то заключили насчет цены за мелкие пьесы. Во-первых, я нарушил это условие, отдав скрипичную и виолончельную пьесу немцу, во-вторых, это цена невозможная, в-третьих, у тебя теперь нет никаких конкурентов. Бессель давно отстал, а иностранцы только надувают. Но, однако, и не даром. Жду с нетерпением твоей посылки.

Твой П. Чайковский.

---

* „Обед Разумовского письмо выражаем блестящий успех [*1 сл. непереводимо*] счастливы пьем здоровье желаем возвращения. Разумовский, Рубинштейн, Гуркесу, Кзрималу, Губерт, Аббреохти, Рассохин“.

16. Юргенсон—Чайковскому

Москва,
3 марта 1878 г.

Милый друг! Твое последнее письмо, хотя форматом лилипут, меня очень обрадовало: я вижу, ты опять оживаешь. Дай тебе бог.

Единственным признаком анормальности у тебя является чрезмерное презрение к презренному металлу (?), старайся в этом отношении принять меры своевременно.

Твой брат писал мне и просит одну арию для певицы Панаевой.[1] Он очень хвалит ее, но что за надобность торопиться? Панаева не Лавровская,— может быть, лучше, да зелена еще. Я все-таки желал исполнить требование Анатолия, да мне не дают. Карлуша и Рубинштейн руками и ногами протестуют; они сидят на твоей партитуре, как курицы на яйцах. Цербера Карлушу поддерживает минотавр Рубинштейн, который сказал, что „Онегин" — твоя лучшая вещь; видно, не хотят дать его никому. Дай им уже волю! Я сам бы желал, чтобы до выхода клавираусцуга не певали бы ничего из этой оперы, а там пусть их жарят от первого до последнего нумера. Тебе легко отговориться передачей мне.

Я совершенно, совершенно согласен: пускай усиленно просят, пусть молят о позволении петь или исполнять твои сочинения, я всегда был против ухаживанья перед кем бы то ни было — надо себе цену знать! Если я буду знать твое окончательное решение, я так и буду знать. Меня злило, что какой-нибудь Соловов при просьбе о „Франческе" счел возможным пригрозить, что если к 1-му января не будут голоса и партитура в Петербурге, то она не пойдет вовсе... Я бы ему загнул маменьку, если бы не ты...

Я получил от тебя два письма от 24-го и третье от 26-го января (сегодня). Но можно ли жить чорт знает где в расстоянии восьми дней от Москвы? Ведь Нью-Йорк в пятнадцати днях от нас.

Противный Фитценгаген! Он непременно желает твою виолончельную пьесу переделать, обвиолончелить и говорит, что ты ему дал полную мочь. Господи! Чайковский revu et corrigé par Fitzenhagen!! * Позволь мне послать его к maman. Скрипичная пьеса у Leuckart'a, но этот колбасник молчит и Фитцену не отвечает и манускрипта не возвращает. Я ему сегодня писал.

Гржимали и Фитцен не в ладах. Бродский выходит из консерватории, так как он требует профессуру. Эдакая заносчивость.

Напиши Фитцену д в а с л о в а о твоей пьесе и обрати его ко мне. Опера твоя, насколько пересмотрена Танеевым, отдана в гравировку. Ты не против формата in 8vo (с целью удешевления для публики, т. е. п о к у п а т е л е й)? Французские оперы все in 8vo. Отвечай!

Peter Comploier![2] Что ты преувеличиваешь, какая тут щедрость с моей стороны? Разве мы не условились давным давно? Пожалуйста, оставь по-моему. В денежных делах я сильнее тебя, и поэтому предоставь их мне. За симфонию я прибавлю твои сто рублей к моим ста рублям за арранжировку Танееву.

За переводы я Кашкину платил за „Оставим Париж мы",[3] а у тебя, у Санремоского узника, возьму даром! Как бы не так. Если ты не хочешь взять ничего, то я эти деньги пожертвую на памятник Глинке или, если такой уже поставлен, пропью их с тобою при первом свидании. О плате за пьесы скрипичную и виолончельную поговорим после.

Сегодня девятый концерт с Грюцентагеном без Фитценмахера[4] — воображаю, какая прелесть!

Прощай, голубчик! Кланяйся брату. Поезжай в Константинополь — н а ш а там!! [5]

Твой П. Ю.

---

* просмотренный и исправленный Фитценгагеном!!

17. Чайковский — Юргенсону

Clarens,
15/27 марта 1878 г.

Милый мой Петр!

Благодарю тебя от всей души за присылку нот. Я не мог достаточно нарадоваться тому, что в „Франческе“ нет ни единой ошибки, т. е. это я говорю о клавираусцугах, а не о партитуре, в которую боюсь заглянуть. Напечатано все это превосходно. Гораздо слабее мои восторги относительно квартета. Во-первых, ех-Баталина[1] кое-где сплоховала, а во-вторых, она не первоклассная корректорша. Ошибки есть и довольно грубые.

Что касается духовной музыки, то ты прислал мне совсем не то, что мне нужно. Мне нужен полный текст литургии, с музыкой или без музыки, — это все равно. Умоляю тебя достать мне таковой или в крайнем случае указать, к кому за ним обратиться.

Я кончаю скрипичный концерт. Как-то совершенно случайно я набрел на мысль о нем, сел, увлекся, и теперь черновая работа уже почти готова. Вообще тебе угрожает порядочная масса моих новых писаний. У меня уже есть семь мелких пьес, два романса и начало фортепианной сонаты.[2] К концу лета придется нанять специальный вагон, чтобы доставить тебе всю эту груду. Воображаю, как из уст твоих раздается энергическое: [4] Пеняй на себя, дружище; зачем связался со мной. Я останусь здесь еще недели две-три, а к Святой уже буду в Каменке. С тобой не увижусь до осени. При первом свидании, не говоря дурного слова, прямо махнем в трактир и учиним выпивку. Вообще, странное дело, я не могу иначе вообразить себя в будущем учебном сезоне в Москве, как сидящим в трактире и успешно осушающим как графины с водкой, так и бутылки с вином. Чувствуется мне, что нередко я буду проводить время с Зверевым, а уж о Кашкине и говорить нечего. Какая без Кашкина выпивка? Это то же, что сад без деревьев, пирог без начинки, холостой Губерт без [1], московская публика без итальянской оперы, издание Юргенсона без опечаток, Николай Львович без присущей ему глупости, Софья Ивановна без конторы объявлений,[3] Людмила Николаевна без роскошных черных очей, обед Клиндворта без жирного пудинга, Рубинштейн без Агафона,[4] Агафон без Марфы, Марфа без кулебяки, кулебяка без Дениса, Денис без тарока,* тарок без Безекирского, Безекирский без Бауэра, Бауэр без Грейнера, Грейнер без Бауэра, Бауэр без Грейнера, Грейнер без...

Однако, я залепортовался.

Прощай, милый друг. Я очень рад, что Рубинштейн играл мой концерт, и весьма грущу, что как нарочно он играл его, когда меня нет.[5]

Твой П. Чайковский.

---

* слоеного пирога

18. Чайковский — Юргенсону

Clarens.
27 марта/8 [апреля 1878 г.]

Милый Петр Иванович!

Получил сегодня твое письмо. Mercі, душа моя, за твои хорошие, дружеские, милые письма. Я их тем более ценю, что ты единственный из моих друзей, ведущий со мной настоящую переписку. Только из твоих писем я узнаю, что делается в Москве, с которой меня соединяет неразрывная связь и к которой, как магнит к северу,* я постоянно обращаюсь мыслями. Люблю я эту грязную старуху, ужасно люблю и вне ее не могу жить.

Поговорю с тобой о разных делах.

1) Концерт скрипичный я кончил. Осталось только поработать дней пять над инструментовкой. Так как клавираусцуг написан очень грязно и так как в партитуру я не успею вписать скрипичного голоса, то Котек, который находится здесь, отвезет все это в Берлин и отдаст для переписки копиисту. Ты, следовательно, получишь проверенную и чисто написанную копию клавираусцуга и рукопись партитуры. Я желал бы, конечно, чтоб концерт был напечатан как можно скорее в виде клавираусцуга и оркестровых голосов. Но, разумеется, нельзя против рожна прати. Имеешь ли ты возможность напечатать его к осени, а это было бы хорошо, ибо если он поспеет к зимнему сезону, то скорее распространится, если только суждено ему распространяться. Не можешь ли ты написать Боку, чтоб он принял на себя отсылку к тебе клавираусцуга и партитуры? В таком случае Котек, которому поручено все это устроить, отнес бы их к нему. Не найдешь ли ты возможным для скорости поручить Боку переписку концерта на голоса в Берлине? Впрочем, распоряжайся как хочешь. Знай только, что концерт в Берлине у Котека, адрес которого будет известен Боку.

Концерт я здесь много раз играл, и он производил каждый раз единодушный или, лучше сказать, двоедушный фурор, ибо публика, состоящая из Модеста и Котека, в унисон поет мне за концерт хвалебные гимны. По уверению Котека, он не труден ни мало.

2) Получил ли ты скрипичную и виолончельную пьесы? Написал ли ты Leuckart'y? Не находишь ли ты нужным, чтобы Котек сходил? Ты можешь вообще в случае нужды написать Котеку, адресовав письмо к Боку.

3) Я позволю себе заявить, что я не желал бы, чтобы какое бы то ни было мое сочинение печаталось без моей окончательной корректуры. Поэтому ни оперу, ни симфонию, ни концерт, ни другие пьесы прошу тебя не выпускать в свет прежде, чем они не побывают у меня.

---

* Из чего, однако, не следует заключать, что у магнита есть мысли. (*Прим. Чайковского.*)

Полагаю впрочем, что ни одно из них не будет готово ранее сентября, и поэтому я, уже приехавши в Москву, займусь их корректурой. Кстати о корректурах. Я попрекнул тебя в прошлом письме за ошибки, но я не имел в виду обвинять тебя в них. Ты в этом всего менее виноват. Виновата судьба, не посылающая тебе хороших корректоров. Впрочем Кашкин хорошо корректировал партитуру „Франчески". При беглом обзоре я не нашел ни одной ошибки. Об клавираусцугах „Франчески" и говорить нечего. Они безупречны как голубицы. Это первое мое сочинение, напечатанное так, что я был вполне удовлетворен. Пожалуйста, при случае передай от меня Клиндворту мою благодарность самую искреннюю. Я был в таком восторге, что хотел ему писать, но по-немецки не умею, а по-французски ему было бы скучно. Милого Кашкина тоже благодарю.

В случае если бы одно из вышепоименованных творений было прокорректировано ранее сентября, то я попрошу тебя для моей окончательной корректуры прислать его ко мне в Каменку. (Фастовская железная дорога, ст. Каменка, в Киевской губернии.) Что касается первых двух корректур, то оперу я бы на твоем месте отдал Кашкину, а симфонию — Танееву. Концерт же непременно должен быть корректирован Котеком и никем иным, ибо, будучи хорошим музыкантом, он в то же время и хороший скрипач.

4) На заглавном листе симфонии должно стоять: Посвящается моему лучшему другу.

Так как через неделю я еду в Россию, то отныне прошу тебя писать мне письма в Каменку.

Засим мне остается заключить тебя письменно в свои объятия и, попросив тебя передать мой нежный поклон Софье Ивановне и не менее нежные поцелуи детям, сказать, что я есмь твой друг

П. Чайковский.

Merci за сто рублей, посланные Антонине Ивановне. Более я тебя вероятно не буду беспокоить, а впрочем не знаю.

19. Чайковский — Юргенсону

Каменка.
15 апреля [1878 г.]

Милый друг!

Невыразимо совестно мне было вчера обратиться к тебе опять за деньгами. Я приехал сюда без копейки, тогда как рассчитывал, что у меня останется кое-что. Впрочем я уверен, что, по крайней мере, из-за Антонины Ивановны больше беспокоить тебя не буду. По секрету скажу тебе следующее, но, ради бога, между нами. Сестра и зять (добрейшие люди на свете) взялись устроить мне развод, и уже теперь

первые шаги сделаны.[1] Благодаря их помощи я надеюсь к осени окончательно сделаться свободным. Разумеется, будут нужны деньги, и они берут на себя все расходы по делу. По всей вероятности, по поводу этого дела мне придется съездить летом на север, и я льщу себя надеждой повидаться с тобой. Желательно, чтоб я мог попасть в Москву, когда ты будешь там. Напиши мне, едешь ли ты в Париж и если едешь, то когда.

Я пишу это письмо с величайшим трудом. В Лозанне, накануне отъезда в Россию, я свалился с очень высокой лестницы и значительно расшибся, хотя серьезных повреждений нет. Но у меня очень болит до сих пор правая рука, в том месте, где носят браслеты. Я порвал себе мускул и хотя все меры приняты, но несколько времени еще писать мне будет очень трудно. Слава богу, что жив остался. Свидетели моего падения думали, что я разобьюсь вдребезги.

Во всяком случае я до конца июня не тронусь отсюда, и потому если встретится надобность послать мне корректуру, то присылай сюда.

Меня очень беспокоят наши счеты. Я потерял бумажку, на которой были написаны мои расчеты с тобой, и теперь мне кажется, что долг мой вырос до бесконечности. Пожалуйста, не теряй из виду необходимости, чтобы наши денежные дела были ясны и точны. И не думай, что я исключительно о своих интересах хлопочу. Напротив, я боюсь, как бы вследствие рассеянности ты себя не обидел.

Прощай, душа моя, прости, что мало пишу. Я пока ничего не делаю. Примусь за писание уже после праздника.

Христос воскресе!

Софье Ивановне целую ручку, детей лобызаю.

Твой П. Чайковский.

20. Чайковский — Юргенсону

Каменка,
24 апреля [1878 г.]

Я написал марш и посылаю тебе его. Гонорария не нужно, ибо я тоже патриот, но имени прошу тебя не выставлять, а выдумать, какой хочешь, псевдоним.[1]

Mercì за милое письмо. Корректуру получил. Тороплюсь кончить письмо, чтобы отправить его сегодня же.

Твой П. Чайковский.

21. Чайковский — Юргенсону

Киев,
15 мая [1878 г.]

Милый друг!

Каким образом ты мне до сих пор ничего не написал о марше? Я сочинил его и послал тебе в тот самый день, когда получил твое письмо. Это было уже около месяца тому назад. Отчего ты мне ничего

не говоришь об этом марше в письме от 11-го, которое я получил сегодня?[1] Заключаю из этого, что марш до тебя не дошел. Это очень жаль. Ты не пишешь мне также ничего о корректуре концерта, тоже уже давно высланной. Все это меня беспокоит и злит.

То, что ты пишешь мне о Кашкине, очень мне понятно, т. е. я очень сочувствую твоему негодованию. Леность, распущенность должны иметь свои границы, и как только границы эти пройдены, начинается уже недобросовестность, которую очень неприятно встретить в таком хорошем человеке, как Кашкин.

Я случайно попал в Киев. Нужно было проводить сестру, которая со всем семейством приехала сюда на несколько дней по делам.

Сейчас должен вести детей сестры к их дяде; поэтому ничего больше не пишу.

Об деле ничего еще не знаю. До сих пор не получаю ответа на ultimatum, посланный к Антонине Ивановне.

Пожалуйста, голубчик, дай мне знать насчет марша и корректуры.

Твой П. Чайковский.

22. Чайковский — Юргенсону

Каменка.[1]
21 мая [1878 г.]

Друг мой! Я получил от Антонины Ивановны согласие на развод. Радости моей нет пределов.[2]

До окончания дела необходимо нужно, чтобы деньги лежали у человека, к которому эта госпожа питает доверие. Я ей предложил тебя, и она согласилась. Поэтому в скором времени я вышлю на твое имя десять тысяч рублей. Если моя супруга придет к тебе, то не откажи ей в разъяснении дела и в советах. Если б ты знал, до чего она феноменально глупа!

Условия развода следующие:

1) десять тысяч в день подписания развода,
2) расходы на мой счет,
3) я беру вину на себя.
4) Она требует, чтобы кроме десяти тысяч я дал ей две тысячи пятьсот рублей, которые она заняла под залог своего леса и которым срок в августе. Я объяснил ей, что долг этот нужно будет уплатить из десяти тысяч, а на две тысячи пятьсот рублей я ей дам вексель и буду выплачивать понемногу.

Но я вижу теперь одно. Для начатия дела мне необходимо будет самому приехать в Москву, и в начале июня я это приведу в исполнение. Нужно будет достать адвоката по бракоразводным делам, нужно будет вообще все это разъяснить и дать ход делу.

Итак, жди меня.

До свиданья.

Твой П. Чайковский.

23. Чайковский — Юргенсону

Каменка,
16 июня [1878 г.]

Милый друг!

Merci, merci, сто тысяч раз merci! Письмо твое с превосходным описанием твоего свиданья с Антониной Ивановной я получил сегодня.[1]

Дело дрянь. Эту гранитную стену глупости не проймешь ничем. Ждать, пока она согласится на все формальности развода, нельзя. Да если она и изъявит согласие, кто поручится, что на судоговорении она не отмочит какого-нибудь скандала и не начнет доказывать, что я не преступил супружеской верности? Нужно, чтобы она сама, своим собственным умом дошла до того, что развод и для нее не менее желателен, чем для меня, чтоб она не воображала себя моей благодетельницей, а напротив, чтобы просила и умоляла м е н я дать ей согласие на развод. И буду ждать этого, — но уж десяти тысяч она не получит. Я-то ждать могу, а деньги ждать не могут.

Итак, вот к чему я пришел. Отложить дело о разводе до более благоприятных обстоятельств и вовсе не тщиться снова выпрашивать у нее согласие как милость. А покамест п о м е р е в о з м о ж н о с т и уплачивать ей денежную ежемесячную субсидию. Потрудись, следовательно, вместе с письмом, которое ты получишь в одно время с этим, отправить к этой [1] сто рублей. Я написал ей то, что пишу тебе, т. е. что случай дать ей десять тысяч по причине ее упорства ускользнул из рук моих. Я заранее даю согласие на развод в случае, если когда-нибудь она возьмет на себя инициативу, — но предваряю ее, чтобы на десять тысяч уже более не рассчитывала.

По приезде в Москву я постараюсь устроить, чтобы она переселилась в другой город.

Насчет корректуры вальса[2] прости меня. Я решительно не имел времени просмотреть ее, а так как при моем отъезде подвернулся Арендс, то я и поручил ему. Насчет пьес, написанных для скрипки,[3] скажу тебе, что я могу отвечать за них и быть уверенным в хорошей корректуре только в том случае, если ты отошлешь их к Котеку. Итак, если это возможно, пошли и вальс к Котеку, который наверно тебя не задержит. Но все-таки прости за терпимые тобой из-за меня проволочки. Когда я совсем вернусь в Москву, то надеюсь, что корректурных недоразумений у нас больше не будет.

Благодарю стократ судьбу за то, что решился тотчас уехать из Москвы.[4] Веришь ли, я несколько дней ходил как сумасшедший после массы испытанных там впечатлений, как приятных, так и неприятных.

Будь здоров, душа моя. Оперу, пожалуйста, не печатай, пока я не просмотрю корректуру.

Я начал переписывать сонату для фортепиано, сочиненную еще в Швейцарии. Бедный Юргенсон!..

Твой П. Чайковский.

24. Чайковский — Юргенсону

1878 г. июня 22? Каменка.[1]

Милый друг мой!

Прости, ради бога, что опять прибегаю к тебе с просьбой. Потрудись, пожалуйста, послать одного из твоих приказчиков или к Соловьеву или, еще лучше, к Рассохину (на Волхонке) и вели ему купить там полное собрание театральных сочинений Ленского, которые изданы под общим заглавием: Театр Ленского.[2] Затем книгу сию потрудись прислать по известному тебе адресу (Киевск. губ., Черк. уезда, мест. Смелу, оттуда в Каменку). Цену же этой книги припиши к долгам моим.

Пишу тебе наскоро и потому не распространяюсь.

Если ты уже заказал заглавный лист к вальсу-скерцо, то поставлено ли там посвящение: Иосифу Иосифовичу Котеку? Это совершенно необходимо. Что касается концерта, то я хочу его посвятить Ауэру, — но, впрочем, об этом еще поговорим.[3]

Надеюсь, что последнее мое письмо с просьбой переслать сто рублей Антонине Ивановне ты получил.

До свидания, голубчик. Следующее письмо будет пообстоятельнее.

Твой П. Чайковский.

25. Чайковский — Юргенсону

Вербовка,
1 июля 1878 г.

Благодарю за письмо и за посылку Ленского. „Онегина" я еще не получил, но займусь им с большим усердием и не задержу тебя.

Антонина Ивановна прислала мне на-днях целую тетрадь. Начинается с того, что она рассказывает твой визит, говорит, что ты совершенно напрасно мялся и скрывал, что я в Петербурге, тогда как ей это было достоверно известно (?). Затем, в сотый раз доказывается, что я невообразимый подлец, изверг, мошенник и т. д. Но никогда еще это не было выражаемо в такой решительной форме. Потом достается моим родным за их подлость. Потом идет целый ряд самых непостижимых глупостей, а в заключение она предлагает мне в очень повелительной форме явиться к ней в Москву и вместе с ней предстать на суд людей (?); эти люди узнают от нее всю правду и разведут нас. Относительно своих счетов со мной она говорит, что ей нужно заплатить в августе 2500 р., которые она заняла на устройство нашей квартиры. На вопрос мой, сколько она выручила от продажи всех вещей,

она отвечает, что все купленное в прошлом августе на 2500 р. она продала за 295 р. (?). При этом она повелевает мне заплатить все 2500.[1] Я отвечал ей на полстраничке, что долг ее я уплачу, с вычетом 295 р., сторублевую пенсию буду платить по мере возможности, и предупредил, чтоб она больше не трудилась писать мне, ибо письма ее я буду возвращать нераспечатанными. Итак, вот на чем остановилось дело. Из письма ее я вывожу заключение, что она если не совсем сумасшедшая, то скоро окончательно всбесится. Поэтому можно предположить, что она еще долго не отстанет. Не входя в подробности моих денежных счетов с ней, скажу тебе утвердительно, что подобной г а д и н ы, как она (во всех отношениях), еще никогда не было на свете. Из твоих слов я заключаю, что ты не вполне знаешь сущность наших отношений с ней и совершенно напрасно опасаешься для меня, что она чем бы то ни было может пробрать меня. Опасность не в этом, а в том, что я не ручаюсь за себя. При встрече с ней я легко могу притти в припадок бешенства и задушить или убить ее. Уверяю тебя, что это чуть не случилось в прошлом году и что в этом заключается серьезная опасность. Необходимо нужно, чтобы она жила в другом городе, а как это сделать? Думаю, думаю и не придумаю. Весьма сомневаюсь, чтоб она согласилась переехать в другой город, если я ей буду угрожать уменьшением платы. Она очень желает получать побольше денег — это ясно; но ясно также, что она хочет жить ко мне поближе, ибо из нее нельзя искоренить мысль, что в сущности я всегда был влюблен в нее и рано или поздно паду к стопам ее. Вообще она до того безумна, что решительно не знаешь, чем пробрать ее. Но хорош я во всем этом! Впрочем, я могу без преувеличенья сказать, что я был н е в с в о е м у м е, когда все это устроилось. Были обстоятельства, сбившие меня с панталыку. Ну, довольно об этом.

Известие о принятии Рубинштейном делегатства было для меня интересной новостью. Напиши мне, друг мой, в свое время в точности, когда будут эти концерты, т. е. в какие ч и с л а. Меня просили собрать об этом подробные сведения.[2]

Если окажется нужным послать деньги Антонине Ивановне, то я тебе пришлю. Около 1-го августа ты получишь от меня 2500 р. для передачи ей, с подробной инструкцией.[3] Не отказывайся, голубчик, быть по-прежнему посредником между нами. Обещаю тебе, впрочем, избавлять тебя от свиданий с ней. Едешь ли ты в Париж?[4]

Твой П. Чайковский.

Котека зовут И о с и ф о м, но мать, полька, прозвала его Эдуардом; я велел ему именоваться настоящим своим именем.

Концерт я хотел посвятить тому же Котеку, но во избежание разных толков,[5] вероятно, решусь посвятить А у э р у. Венявскому и другим знаменитостям — ни в каком случае. Я очень люблю А у э р а и как артиста и как человека.

26. Чайковский — Юргенсону

Вербовка,
12 июля [1878 г.]

Милый друг!

О твоем бедствии я уже давно знал из газет и восхищался твоей статьей, в самом деле отлично написанной. Бедный! Очень, очень огорчила меня эта неприятность. Очень бы мне хотелось знать, насколько ты потерпел убытку и преувеличена ли или умалена цифра в четыре тысячи рублей, о которой говорилось в газетах.[1] „Онегина“ я до сих пор не получил ни единой нотки, но вчера пришла повестка, и надеюсь, что сегодня или завтра явится и самая посылка.

В начале августа я пришлю тебе 2305 р. сер., вероятно, посредством Алеши. Из них 2205 р. составляют сумму долга Антонине Ивановне, за вычетом вырученных продажею денег, а сто рублей потрудись (если возможно) авансировать мне, послав ей тотчас же сто рублей. Не посылаю тебе денег теперь, потому что их еще не имею, но можешь быть вполне уверен, что в свое время они придут, а также потрудись вместе с ста рублями послать ей письмо, которое ты получишь вместе с сим и в котором я написал ей счет всего, что она получила и может рассчитывать получить.

Я провожу время очень приятно, и сердце болезненно сжимается при мысли, что 1-е сентября не далеко. Я люблю Москву и люблю в ней многих людей, но... тут следует большое количество разных но.

Мужество и твердость духа, с коими ты переносишь постигшее тебя бедствие, увеличивают еще мой респект* к твоей персоне, хотя он и без того был велик. К сожалению, не видав твоего нового помещения, я не могу себе представить, как и где это все случилось. Неужели же в самом магазине была вода? Я полагаю, что это все было в каком-нибудь нижнем этаже, где был склад твоих изданий? Так или нет? Мне кажется, что если в числе погибших нот нет иностранных изданий, то ты потерпел менее убытку, и утешаю себя, что это было именно так.

Не смущайся тем, что я в Вербовке, и не полагай, что адрес мой изменился. Пиши и посылай мне по старым адресам.

Весьма усердно я занимаюсь охотой. Чудное удовольствие.

Концерт я посвящаю Ауэру, — прими это к сведению. Работаю я понемножку, т. е. переписываю разные вещи, сочиненные еще зимой и весной. Берегись. Тебе угрожает порядочный материал для работы в Колпашном переулке.[2]

---

* уважение

Ни в каком случае я не буду тебя просить ездить к Антонине Ивановне. Пусть или сама приходит за деньгами, или же ты поручишь доставку их артельщику.

Прощай, милый друг!

Твой П. Чайковский.

Пожалуйста, поклонись Софье Ивановне и поцелуй детей.

Танеев кончил симфонию и пришлет ее тебе.[3] Гонорару он ожидает сто рублей, и более не нужно.

27. Чайковский — Юргенсону

1878 г. июля 18? Вербовка.

Милый друг!

Толя тебе передаст 2500 р. сер.[1]

Из них:

1) 2205 рублей ты передашь Антонине Ивановне под расписку в коей должно быть означено, что деньги эти она получила для уплаты долга такому-то (она при получении должна сказать, кому она должна), сделанного ей под залог леса.

2) 100 рублей получи с меня за те, которые ты послал по моей просьбе в последний раз в текущем месяце около 15-го числа.

3) Остальные 195 р. потрудись отдать той же Антонине Ивановне под отдельную расписку, в коей должно быть сказано: в счет получаемой мной помесячной пенсии.

Прости, голубчик, что так злоупотребляю твоей дружбой. Тебе отнюдь не следует обращаться к Антонине Ивановне лично, т. е. ездить к ней. А ты должен или 1) послать артельщика или 2) вызвать ее к себе. Последнее было бы всего лучше. Я тебя убедительно прошу самому к ней не ездить и ни в какие разговоры не вступать — слишком много чести и излишняя трата времени. Единственный способ разговаривать с ней это посредством цифр. Получивши от Анатолия деньги, потрудись посредством артельщика дать ей знать, что деньги получены, дабы она не имела права говорить, что я запоздал, и при этом спроси ее, как она желает получать деньги: через артельщика или у тебя.

„Онегина“ я так и не получил: почему? — не знаю. Повестка, о которой я тебе писал и в которой я подозревал посылку „Онегина“, была совсем другое. Надеюсь, что от неаккуратности почты ничего вредного не произошло, но прошу тебя, если ты послал „Онегина“ посылкой, навести справку, почему она не дошла.

Засим обнимаю тебя.

Твой П. Чайковский.

Не забудь дать мне верные сведения насчет концертов Рубинштейна в Париже.

P. S. Я писал Мамонтовой, что песни ее, которые уже были готовы в прошлом мае (1877 г.) и которые она передала мне для приделания ритурнелей, мне до того противны, что я не в состоянии с ними опять возиться, тем более, что прошлогоднюю рукопись я потерял и забыл, в каких песнях нужно приделывать ритурнели. Я просил ее освободить меня от работы. Она написала мне письмо с колкостями и с жалобой на рутинность (?) моих аккомпаниментов в первом выпуске, но соглашается избавить меня от участия в деле воспитания и требует высылки песней, которые она в начале лета мне прислала для обработки. Я очень рад, — но нужно возвратить ей деньги, которые я в прошлом году после больших хлопот получил с нее. Она заплатила мне, как и в первый раз, по пять рублей за песню, а сколько их было, я не помню. Кажется, около двадцати штук, т. е. на сто рублей. Не потрудишься ли ты послать к ней узнать, сколько я ей должен, и отдать за меня долг? Песни же я вышлю ей на-днях.

П. Ч.

Имею ли я право запретить ей печатать мое имя на следующих изданиях первого выпуска песен?

28. Чайковский — Юргенсону

Вербовка,
29 июля [1878 г.]

Милый друг!

M-elle Переслени передаст тебе мои рукописи. Ты получишь не мало материала для своих граверов. Я посылаю тебе:

1) Сонату.
2) Двенадцать пьес для фортепиано (средней трудности).
3) Альбом из двадцати четырех пьесочек для детей.
4) Шесть романсов.
5) Полную литургию.

Кроме того, в скором времени доставлю тебе три пьесы для скрипки, которые теперь у меня выпросил для переписки один здешний любитель.

Вот какой гонорар я желал бы получить за все это:

1) за сонату	50 р.
2) за двенадцать пьес по 25 . . .	300 р.
3) за детский альбом по 10 . . .	240 р.
4) за шесть романсов по 25 . . .	150 р.
5) за скрипичные пьесы по 25 .	75 р.
6) за литургию	100 р.
Всего . . .	915 р.

или, круглым числом, 900 р.; но ввиду того, что я сразу написал так много, я все это уступаю тебе за 800 р.

Теперь, друг мой, я бы попросил тебя составить счет того, что я тебе должен, и того, что ты мне должен, включив сюда и гонорар за оперу и за скрипичный концерт. Согласен ли ты, чтобы оперой я уплатил тебе долг в пятьсот рублей, сделанный именно ввиду оперы? За скрипичный концерт я бы желал рублей пятьдесят. Пожалуйста, голубчик, разъясни и определи состояние наших счетов, — это для меня весьма нужно. Если по окончательном расчете окажется, что за тобой более или менее круглая цифра, то мне не нужно, чтоб ты платил мне все разом, — а понемножку. Впрочем, как хочешь. Если не ошибаюсь, то Антонине Ивановне ты выплачивал за меня по сто рублей: 1) 15 января, 2) 15 февраля, 3) 15 марта, 4) 15 апреля, 5) 15 июня и 6) 15 июля, итого — шестьсот рублей. Из них двести ты получил из консерватории, сто я тебе выдал сам в июне, и сто ты получил теперь из суммы, доставленной Анатолием; следовательно из шестисот четыреста я уже уплатил.

Я получил корректуру „Онегина“ и буду с ней долго возиться: ошибок довольно, больше по моей вине, но также и по вине корректора. Но не сердись на бедного Кашкина; ему в самом деле не до корректур. [1]

Твой П. Чайковский.

29. Чайковский — Юргенсону

Вербовка,
[2 августа 1878 г.] [1]

Милый друг!

Корректуру я тебе высылаю. Ради бога прикажи, чтобы ошибки были исправлены как можно точнее. Прости, что в иных местах я сделал изменения. Виноват в этом не я, а Танеев, который весьма небрежно отнесся к моей просьбе офортепианить клавираусцуг, сделанный мной без помощи инструмента за границей. По отпечатании исправленного экземпляра, отдай его на просмотр Кашкину, а после того подожди моего приезда к 1-му сентября и вели приготовить уже вполне исправленный экземпляр для последней и окончательной корректуры.

Имел ли ты в виду мою просьбу, с которой я к тебе отнесся еще из заграницы зимой насчет заглавного листа? [2] Я просил тебя озаглавить так:

Евгений Онегин
Лирические сцены
в 3-х действиях.

Это необходимо. Я не хочу по многим причинам называть эту вещь оперой. [3]

Кашкин желает видеть высланный мной экземпляр с поправками до отдачи его на растерзание Алексею, Василию и tutti quanti. [4]

Merci, голубчик, за твои хлопоты по части устройства моих дел с Антониной Ивановной.

Едешь ли ты в Париж? Когда концерты?

Твой П. Чайковский.

Получил ли ты ворох моих новых творений?

Теперь буду отдыхать и всячески набираться новых сил.

P. S. Распечатываю письмо, чтобы прибавить следующее. Я сейчас получил от Котека известие, что ты послал ему „Вальс-скерцо", в коем он нашел совершенно невозможные опечатки и что он экземпляр с поправками отослал к тебе. Я самым решительным образом протестую против выхода в свет моего очень ценимого мной сочинения с искажениями, в коих я не виноват. Я тебя просил всякое мое сочинение прежде печатания присылать мне. Отчего ты этого не сделал? Или отчего ты не посылал его Котеку для корректуры? Опечатки, о которых мне пишет Котек, совершенно искажают и губят сочинение. Боже мой! Когда же, наконец, ты найдешь корректора, на которого можно будет вполне положиться! Извини, пожалуйста, и не сердись на меня, но я решительно не могу допустить, чтоб „Вальс-скерцо" вышел в свет в его теперешнем виде.

30. Чайковский — Юргенсону

Ворожба. Ст. Курск.-Киевской дороги,
[8 августа 1878 г.][1]

Друг мой!

Пишу тебе лишь несколько слов. Я уехал не надолго из Вербовки, чтоб посетить Кондратьева и проводить брата Модеста, гостившего в Вербовке и возвращающегося домой.

Твое письмо и счет я получил.[2] Очень радуюсь, что за тобой кругленькая цифра, хотя и конфужусь. Благодарю тебя за прибавки. Я желаю деньгами этими распорядиться следующим образом. Потрудись мне прислать в Каменку (Киевской губернии, Черкасского уезда, мест. Смелу) сто рублей приблизительно к 20 августа. Остальные деньги (за вычетом того, что ты заплатишь Мамонтовой и Бочечкарову) я попрошу тебя уплачивать, начиная с 1-го октября, помесячно Антонине Ивановне.

Я еще не знаю, как ты отнесся к моей просьбе исправить ошибки в „Вальсе-скерцо" и сделать еще две корректуры оперы. Пожалуйста, не сердись. Напишу обстоятельнее, вернувшись во свояси.

Твой П. Чайковский.

31. Чайковский — Юргенсону

1878 г. октября начало — середина. Петербург.[1]

Милый друг!

Пишу тебе только несколько слов. Пришел Ларош и зовет к Модесту. Концерт посвящается Ауэру. От Котека я получил письмо с просьбой прислать ему партитуру концерта — у него нет. Сделай это поскорее.

Обнимаю.

Твой П. Чайковский.

32. Юргенсон — Чайковскому

1878 г. октября 18—19. Москва.

Москва,
18 октября 1878 г.

Конфиденциально.

Милый Петр Ильич, вчера вместе с твоим письмом пришло длинное послание от Балакирева. Между прочим объясняет он свой отказ от кафедры в Москве:[1] „Из многих причин моего отказа сообщу Вам наиболее основательную и вескую для вашей консерватории: чтобы учить какому-нибудь предмету, следует знать его научно, я же не могу быть профессором гармонии, в которой есмь самоучка, руководящийся инстинктом, способностью, а отнюдь не научным знанием".

Это одна из „многих причин". Неужели это возможно? Не есть ли это скромность паче гордости? Неужели Балакирев знает меньше Кашкина и Лангера?

Затем он желает знать о тебе и заключает из сделанного ему предложения, „что тебе весьма плохо".[2] „Где он, в Москве или за границей, и каково его положение, в состоянии ли он везти* переписку, хотя бы не деловую, или же ему возбранены и словесные сообщения с людьми, не только письменные? Очень обяжете, если дадите о нем сведения".

Славный малый этот Балакирев, я его очень люблю. Я ему напишу, что ты в Питере, на несколько дней уехал, и предложу ему адресовать свое письмо ко мне или к одному из братьев твоих.[3] Это я сделал для того, чтобы ты был волен „войти с ним в словесные, не только письменные сообщения" или же укрыться...

Котеку послал сегодня партитуру концерта.

Не ты родишь, когда сочиняешь, — ты только, как бы сказать, [1]... (ах, как непечатно), я же мучаюсь родами и почти всегда поперечными. Бедное дитя! затем разные повитухи — корректоры „обчищают" его con amore** ... Я же все злюсь и увеличиваю свою печень.

Иногда думается: какой народ, такой и государь, или: каков издатель, таковы и корректоры. О господи! Один Вотан сидит над облаками и занимается презиранием нас, мелких.

Затем имею тебе сообщить, что твой Николай Львович болен в оспе. Третьего дня приходит какой-то здоровенный мужчина и обращается ко мне: „Петр Иванович! Николай Львович кланяется вам и просит у вас пятьдесят рублей". Я изумился его velocité*** и говорю: „Как же это он без записки через незнакомого человека просит денег? Я вас в первый раз вижу!" — „Точно так, они больны в оспе, не могут-с, даже не кушают". Вот-те сюрприз! Эта шельма, если не врет, может меня заразить, а дашь—

---

* Он пишет „вѣсти". Г. профессор, кто прав? *(Прим. Юргенсона.)*

** с любовью

*** стремительности

пропьет, ибо я знал, что за птица лакей Бочечкарова. Наконец решил послать через Михаила[4] или Алешу прямо к Николаю Львовичу. С одной стороны, бедному человеку я хотел помочь ради тебя (мне лично он антипатичен), но такими кушами я не думал отваливать. Все-таки послал ему пятьдесят рублей, строго наказав Алеше не дотрагиваться до больного или его вещей, но не отдавать его знаменитому Лепорелло. Бедный Бочечкаров! Заразился от Кондратьева и должен терять теперь свой благообразный вид! Хоть бы „князь Григорий" помог ему или графиня Бобо...

В прошлую субботу я играл винт с Рубинштейном и Гензельтом у Рибы. Боже! какая скука, какой педант этот старик, какой немец — самодур! Мы держали себя совершенно независимо.

В воскресенье был первый квартет, и Малый зал битком набит. В зале воздух совершенно испортился, и, кажется, мы второй дадим в Большом зале. Обстановка обыкновенная. Все были. Муромцева, совершенно здоровая, немного похудевшая (но это ей идет), мне казалось, менее слащава против прежнего, изволила присутствовать. У нас две тысячи членов, сто двадцать действительных и несколько сот „безбилетных", которым отказано.

Ты не читал в газетах, что Шостаковский открыл школу фортепиано, пения, теории, разных инструментов и сделан музыкальным директором драматического общества?[5] Капельмейстером у них Шуровский. Итальянская опера приедет на шестьдесят представлений и начнет 6-го ноября. 4-го первый концерт Музыкального общества.

Все высыпал, прощай!

Твой П. Ю.

Альбом детский можно печатать, двенадцать пьес тоже? Ответствуйте.

19/10.78

Когда дело дошло до отсылки Котеку партитуры, то оказалось, что я адрес забыл, а где записано, было долго искать. Я отправил к Боте и Боку, напиши ему об этом и при случае повтори мне адрес или вернее № Kronenstrasse.

33. Чайковский — Юргенсону

Петербург,
20 октября [1878 г.]

Милый друг!

Сейчас получил твое письмо. Меня очень разозлила бесцеремонность Бочечкарова, которого даже оспа не может оправдывать. Он только что получил от меня через Алешу тридцать рублей; остальные мог достать у других своих друзей и знакомых. Как бы то ни было, но я и слышать не хочу, чтобы пятьдесят рублей были даны тобой. Потрудись их внести в мой счет. Но прошу тебя впредь никогда не давать Николаю Львовичу ни копейки, если я о том не буду тебя просить.

Я здесь скучаю и томлюсь почти так же, как в Москве. Если б не братья и не отец, ради которых я собственно и приехал, то я не остался бы здесь ни единой минуты. Хуже всего то, что у меня здесь нескончаемое количество разных родных, и я по горло увяз в этом океане родственности. По большей части все это люди мне совершенно чуждые, а между тем бывать нужно. Господи! Когда же, наконец, я попаду хоть в Камчатку, лишь бы жить свободно и одиноко!

Merci за Балакирева. Это действительно добрый и хороший чело-

век, но видеться с ним я желаю меньше, чем с кем-либо. Он очень тяжелый и деспотически требовательный собеседник.

Детские пьесы печатать можно. Что касается двенадцати пьес, то мне необходимо их все-таки просмотреть — я их не видел ни разу. Поэтому потрудись, мой друг, прислать их сюда и притом как можно скорее, ибо долго я здесь не останусь, и во всяком случае не долее 1-го ноября. Сегодня сюда приехал Рубинштейн; я был у него тотчас после приезда и завтракал. Он немедленно после завтрака уехал к великому князю. Завтра мы вместе будем обедать у Лароша.

Твое „везти" и Балакиревское „вѣсти" одинаково неправильны. Нужно вести. Переписку не „возят", не „вѣдают", а ведут.

Я виделся с Бесселем, который мечет громы и молнии против Осипа Ивановича из-за „Онегина".[1]

Прощай, голубчик.

Твой П. Чайковский.

Софье Ивановне нежный поклон.

34. Юргенсон—Чайковскому

Москва,
24 октября 1878 г.

Милый друг, сегодня высылаю тебе двенадцать пьес в неоконченной корректуре. Я их вырвал из пасти Кашкина и потому еще в сыром виде. Возврати их прямо или через Осипа Ивановича под бандеролью.

Насчет Бочечкарова будь покоен. Твоим именем он не требовал, не от тебя я ему послал эти деньги, я о них успел фундаментально забыть и не подумаю их тебе в счет поставить. Жаль, если ты ему головомойку дал и этим мне урон нанес на глазах оспенного Ник. Л. Бочечкарова.

Эк тебя! В Камчатке! Ближе-то нет пустого места? Вот хоть бы имение Трубецкого Пензенской губ. — тысяча двести [десятин] чернозема и стоит пустяки, половина того, что Гулак-Артемовская у Пастухова в дурачки выиграла, а ей теперь на что?[1] Будет себе жить близ Камчатки и амурничать с сальными камчадалами.

Ты очень смеялся, когда ты читал мою поправку Балакирева? Это забавно и напоминает какой-то Кашкинский рассказ о двух дворянах, спорящих о том, как писать „фдеревню" или „вдеревню". Я бы мог сделать попытку очиститься, сказав: „я нарочно", но нет! Бог накажет в другом месте за кривду; итак каюсь, — писал я это не без самоуслаждения и как-то довольный тем, что не один я делаю ошибки. Теперь я уничтожен и только тешусь тем, что даже не могу сказать: „знал да забыл".

Плюй на Бесселя, как мы с Осипом Ивановичем плюем на его картонные громы. Брату послано 15, 10, 15, 30 экземпляров „Онегина". Довольно, кажется? Горячку они порят вследствие того, что не все экземпляры дошли. Подкузмил же я их анонсом в „Голосе", посланным несколько преждевременно. Очень может быть, что несколько ярых поклонников обегали все магазины и всех подняли на ноги...

Сейчас была у меня Моисеева, очень жалела, что ты уехал; она думала тебе поручить оркестровку своего марша!! Вот поистине колоссальная дура! Никому не возбраняется быть глупым, но Моисеева положительно злоупотребляет этим правом. Я это ей дал понять... Проймешь ее!

Прощай, мой друг, извини за болтовню и сообщи свой адрес, когда покинешь Петербург.

Боже мой! Как я теряю память! Ведь было не мало, судя по потере.

Кланяйся братьям и Ларошу, последнего проси выпить за мое здоровье лишнюю рюмку водки.

Твой П. Юргенсон.

35. Юргенсон — Чайковскому

Москва,
27 октября 1878 г
Вечером.

Мой милый Петр! Получил твои письма-лиллипутки. [1] Принял к сведению
Дабы не забыть: если мне вздумается награвировать твой концерт (ор. 23) в партитуре, то, ввиду перемен в фортепианном голосе, как мне быть? Корректурные листы двенадцати пьес я послал к тебе под бандеролью, но не совсем просмотренными, и потому ты, что называется, брось только „высший взгляд" на корректуру, а вытравливанием мелких ошибок не занимайся. Ты, быть может, получишь в среду первый оттиск литургии.

Когда увидишь Бесселя, скажи ему, что мне страшно везет, дела так и лезут в гору (плюнь ему при этом трижды на обе стороны лица) — и все больше твои вещи. Прибавь, пожалуйста, что ты оперу „Е. Онегин" отдал мне даром, а на тантьему будешь кормить меня завтраками в Бельвю... Боже, что бы я дал, чтобы видеть его рожу при этом. Я бы стал петь гробовым голосом за кулисами на тему инфернального галопа разные ему, Бесселю, укоризны: вот ты Бессель, вот ты Бессель, с. с., с. с.; вот ты Бессель, вот ты Бессель, с. с... и т. д.

Не можешь ли ты при этом узнать стороной или прямо, как он думает насчет продажи твоих пьес мне. „Опричника" он, вероятно, не отдаст ради тантьемы, но пусть его пользуется, а все прочие вещи не желает ли он спустить? Может, теперь удобный момент, он в деньгах будет нуждаться, ну хоть бы для того, чтобы купить новые вещи...

Я всегда делаюсь болтливым с тобой и этим тебя утруждаю. Прости! прости!

Твой П. Ю.

P. S. Гулак-Артемовская играла с Н. Пастуховым в четыре руки „Франческу" и во время „адского вихря" заразилась духовением ада, нашептыванием сатаны.

36. Чайковский — Юргенсону

Каменка,
11 ноября 1878 г.

Милый друг!

Корректуры я сделал и послал тебе. Желательно, однако, чтобы Кашкин сделал еще одну хорошую корректуру, а кроме того я попросил бы тебя дать проиграть эти пьесы Танееву и попросить его, с своей стороны, если заметит ошибки, исправить их. Засим я полагаю, что тебе уже ничего более посылать мне не нужно. За сонату я вполне спокоен, так как она у Клиндворта. Литургию я видел, и если остальное так же хорошо будет награвировано, как то, что у меня в руках было, то можно обойтись и без меня. Клавираусцуг симфонии будет корректировать Танеев, и я на него надеюсь. Кстати, пожалуйста, не забудь посвящений: шесть романсов Анатолию, двенадцать пьес Модесту, симфония Моему лучшему другу.

Такая досада! Я забыл в Петербурге свою черновую рукопись трех частей сюиты и очень боюсь, чтоб она не пропала. Я писал брату Анатолию, чтобы отыскал ее, но известий никаких не имею. Это тем более досадно, что здесь я написал еще две части, так что мог бы во Флоренции приняться за оркестровку. [1]

Хотя мне здесь удивительно хорошо и приятно на душе, хотя я не помню, чтоб когда-нибудь физически и нравственно я чувствовал

себя так хорошо, как теперь, но все-таки на будущей неделе, 14-го числа, я еду за границу. Причина этому та, что сестра с мужем и старшими детьми уезжает на-днях на два месяца в Москву и Петербург.[2] Я не имею никаких известий из Москвы. Отчего не состоялся второй концерт на прошлой неделе? Не болен ли Рубинштейн? Не собрался ли уехать? Господи! как счастливы те, которые не принуждены жить в наших милых столицах! Я уже два раза был на охоте, а завтра иду на волков. Будет конная облава и более тридцати стрелков! Это гораздо веселее, чем шесть часов теоретических классов или сиденья в конторе Юргенсона, хотя бы и в качестве хозяина. Пиши Florence, poste restante.

Твой П. Чайковский.

37. Чайковский — Юргенсону

Каменка,
15 ноября [1878 г.]

Милый друг мой!

Нельзя ли мне подписаться на один месяц на „Московские ведомости“ с 1-го декабря по 1-е января? Адрес мой следующий: Florence, Viale dei Colli, Restaurant Bonciani.

Я просил одного Давыдовского знакомого нанять мне скромное помещение где-нибудь за городом, и он пишет мне, что нанял по 1-е января прелестные две комнатки с чудным видом на Флоренцию и окрестности.[1] Вследствие нездоровья, отъезд мой за границу несколько затянулся. Я еду завтра; остановлюсь на одни сутки в Вене и на одни сутки в Венеции. Останусь во Флоренции столько времени, сколько захочется, и ничем стесняться не буду, т. е. если соскучусь по России, то немедленно вернусь в уютный уголок, всегда готовый для меня в Каменке. Но полагаю, что во Флоренции мне не будет дурно, так как я намерен заниматься очень усердно. Вот что, голубчик. Имеешь ли ты возможность узнать по каталогам, напечатана ли была в Париже опера Mermet на сюжет Jeanne d'Arc. Опера эта была дана вскоре после открытия здания новой оперы, т. е. лет шесть-семь тому назад, а может быть и поменее. Сколько помнится, она с торжеством провалилась, но все-таки, я думаю, была напечатана. Пожалуйста, не забудь ответить мне на этот вопрос в следующем письме. Я надеюсь, что ты по-прежнему будешь баловать меня своими письмами. Сообщи мой адрес на всякий случай Рубинштейну, Альбрехту, Танееву и вообще всем, кто пожелал бы со мной войти в письменные сношения. Я окончил вчерне свою сюиту; она будет состоять из пяти небольших частей.

1) Introduzione e fuga.
2) Scherzo.
3) Andante melanconico.

4) Марш лиллипутов.
5) Пляска великанов.

Признаюсь, я бы очень желал, чтобы она была исполнена в Москве в нынешнем же сезоне, а то когда дождешься, пока сделают клавир-аусцуг, пока перепишут и напечатают голоса! Впрочем, как хочешь.

Софье Ивановне нежное приветствие.

Твой П. Чайковский.

38. Юргенсон — Чайковскому

Москва,
16 ноября 1878 г.

Дорогой друг! Не долго было удовольствие видеть тебя в Москве. В данную минуту тебя уже нет даже в России.

Корректуру получил и все сказанное принял к сведению. Посвящения все сделаны, боюсь только за симфонию, но она еще weit im Felde.* Шесть романсов, концерт, виолончельная пьеса, альбом вышли. Не надо ли кому послать от тебя? Твою сюиту вышлет тебе Анатолий, не проглотит же он их?[1] Немцы любят „ich möchte sie (ihn) vor Liebe auffressen",** но Анатолий не немец, а твои черновые — не ты.

В Москве ничего особенно нового. Концерты шли своим чередом, не пропускались. Рубинштейн был принят в первом концерте,[2] но не так горячо, как бы следовало; все-таки газетные сплетни сделали свое дело.[3] Он сердится и думает поехать в Америку. Хозяин конторы Юргенсона ***

Только Зверев, как паук, ловит муху — Кашкина и влечет его в Патрикешку.

Насчет Зарембы узнал. Он действительно параличем разбит совершенно, жена и трое детей без средств. Я донес об этом вчера дирекции, и решили немедленно отправить от Р. М. О. пятьсот рублей. Я думаю, однако же, попробовать сделать маленькую частную коллекту. ****

Годовой обед у Разумовского был 5-го ноября. Бесцветно, если бы не Кашкин, который приехал от Зверева пьяный и для „осаже" выпил еще много вина, держал спич и был очень забавен. Затем отправились по домам около девяти часов.

Завтра играет Брассен и поет Корсов.

Боже! Кто бы мог предположить, что ты делаешься Немродом, будешь истреблять волков и будешь конно-облавить!

Прощай, член стрелкового батальона Жерар Смело-Каменских лесов,[4] предайся теперь флорентинским ночам и помни, помни обо мне! Спусти слезу над конторою и ее хозяином

П. Юргенсоном.

39. Юргенсон — Чайковскому

Москва,
18 ноября 1878 г.

Колпашников-Кестль
Вечером.

Сегодня я начал уже тебе писать по поводу твоих сочинений: в рукописи или печатными допустить к исполнению? Я больше и больше убеждаюсь, что не следует их исполнять до выпуска —

* [до нее] еще далеко
** „от любви желал бы ее (его) сожрать"
*** В подлиннике часть текста утрачена.
**** складчину

1) потому, что для меня до исполнения есть рычаг именно в том, дабы поспеть к сроку, чтобы скорей исполняли.

2) Рукопись теряет цену оттого, что ходит по рукам и оркестрам.

3) Акт напечатания важнее одно или двукратного исполнения, между тем ради исполнения приходилось отодвигать издание на год и более.

4) Важным я считаю издание оригинала, а потому переложение может ждать. Четвертую симфонию твою я почти не вижу, вот скоро год, а партитура все гуляет, и приходится приступить к гравировке, когда все уже ее [1], вся прелесть новизны потеряна.

5) От этих переходов из рук в руки оригинала он легко может пропасть, как пропала рукопись твоей „Бури".

6) В моих интересах, чтобы твои пьесы не исполнялись иначе, как по печатным экземплярам.

7) В твоих интересах точно так же, иначе пьеса может быть отодвинута до бесконечности, потому что решительно нет причин торопиться.

8) Имея печатные экземпляры партитуры, пьеса может быть исполнена в десяти местах, в это время арранжироваться и т. д.

9) Ведь не желаешь же ты исполнения твоего сочинения не оконченного? Пьеса ненапечатанная — тоже не готова.

Больше пунктов не будет. Французы идут еще далее: опера или оперетка поступают в продажу только к первому представлению. Не бывает случаев исполнения раньше издания, *— разве какого-нибудь мелкопоместного сочинителя. Итак, прошу тебя, когда кончишь сюиту, прислать мне партитуру. Я немедленно приступлю к печатанью, симфонию отложу, Сербский марш отложу. A propos! ** Сербский марш тоже живое доказательство верности моего взгляда. Покуда партитура гуляла в Америке, сколько раз просили ее у меня для исполнения в Питере и в Москве!

Вчера был третий концерт „с Брассеном", который имел большой успех. Он хорошо играет, чисто, но холодно. После концерта, в котором Корсов не участвовал (охрип),[1] был ужин в Эрмитаже на счет Рубинштейна. К стыду дирекции, за ужином ели или пили двое директоров: Алексеев и Юргенсон! Хороши, нечего сказать, директора! Было нас двадцать три человека.

Рубинштейн решился ехать в Америку, если ему хороший куш заплатят, например, сто пятьдесят тысяч франков.

Я тебе завидую, мой друг, но завидую как-то теоретически: чудесно освободиться от всего хоть на время, не надолго, освободиться от всего, что ежедневно и неотступно давит, забыть все дела и заботы! Мне это доступно, т. е. я, уезжая из Москвы, оставляю все тут — как бы шкуру: приезжаю, опять влезу. Но мне беда без людей, и во Флоренции мне нужны люди.

Завтра квартет с Brassin[3] и после обед у Вотана. Вот налопаемся разных английских блюд: шишек, квадратиков, лепешечек, пуддингов, — страсть! Вотан-громовержец и ласково смеющаяся Геба-Генриетта.[4]

Прощай. Софья Ивановна благодарит и говорит тебе „mille chose". **

Твой П. Юргенсон.

Я тебе несколько дней тому назад писал poste restante, Florence.

40. Чайковский — Юргенсону

Флоренция,
24 ноября/6 декабря 1878 г.

Вот я уже пятый день во Флоренции. Сегодня получил твое письмо и весьма ему обрадовался, ибо очень мало имею известий из России

---

* Вот почему думаю — и „Jeanne d'Arc" напечатан.[5] (*Прим. Юргенсона.*)

** Кстати!

*** „тысячу любезностей"

и от этого нет-нет, да и взгрустну. Пожалуйста, почтеннейший друг, не оставляй меня без твоих писем, они мне поистине великое благо.

Поселился я вне города в очень уютном и милом помещении среди безусловного безмолвия. Эту тишину я страх как люблю и по вечерам долго брожу по балкону, наслаждаясь отсутствием всяких звуков. Оно тебе покажется странным: дескать, как это наслаждаться отрицанием звука и вообще чем-то несуществующим. Но если б ты был музыкант, то, может быть, подобно мне имел бы дар в отсутствии звука, среди ночной тишины слышать все-таки какой-то звук, точно будто земля, несясь по небесному пространству, тянет какую-то низкую басовую ноту! Но это вздор.

Я принялся с большим усердием за инструментовку двух частей сюиты, написанных в Каменке, а первых трех так до сих пор и не получил. Очень мне хочется поскорее отделаться от этой работы и отдаться всецело опере. Очень радуюсь выходу новых моих вещей. Попрошу тебя прислать мне по одному экземпляру всех этих прелестей и сделать это сейчас же, ибо я не знаю, сколько времени останусь здесь.[1] Очень может быть, что уеду куда-нибудь еще подальше. Скажи, пожалуйста, отдал я тебе три скрипичные пьесы или нет? Корректуру их попрошу тебя посылать Котеку. На них должно быть посвящение следующее: П о с в я щ а е т с я Б[xxxxxxx], т. е. Б. и семь крестиков.[2] Еще ответь мне пожалуйста, на следующий вопрос. Когда приблизительно будет готова симфония, т. е. клавираусцуг, и как понимать твои слова, ч т о т ы з а н е е б о и ш ь с я. Если под этим ты подразумеваешь, что заглавный лист уже готов и без посвящения, то умоляю тебя Христом богом велеть сделать новый.[3] Я бы сказал, что убытки беру на себя, если б не знал, что ты таких предложений не принимаешь. Пожалуйста, ответь обстоятельно.

Попроси Кашкина мне написать о том, как шли концерты, как идут репетиции „О н е г и н а“, вообще о консерватории. За это я, по приезде в Москву, страстно облобызаю его. Какая гадость Москва и как я рад, что меня там нет; я ожидал, что публика своей овацией заставит Николая Григорьевича вполне позабыть все мерзости московской прессы. Я очень рад буду, если он уедет в Америку, хотя это пахнте погибелью всей московской музыки.

Твой П. Ч.

41. Юргенсон — Чайковскому

Москва,

2/14 декабря 1878 г.

Дорогой друг! Вчера вечером перед концертом получил я твое письмо. Сегодня прилагаю тебе вчерашнюю программу.[1] Вместо третьего нумера должен был играть Вильборг, но, вследствие слишком усердной работы на рояли, он свалился с ног, упал в обморок, и пришлось отложить его Шарвенку. Г-жа Паприц спела не дурно, но особенного успеха не имела. Кто она, не знаю, но поет она как немка и собою не красива... Антракт из „Графини“, по-моему, очень вульгарная вещь, но понравилась и (hor-

ribile dictu)* повторили. Главная роль у Фитценгагена, и когда его приятель Клейн или Schmertz робко кликнул „bis", то он немедленно сел и валял еще раз. Лезгинка отличается хорошей оркестровкой, но творчества, оригинальности ни следа. Гольдмарка симфония очень не дурна, но длинна, продолжительна, как деревенская свадьба, тянется в пяти частях, в красивых, но однообразно идиллических мелодиях до бесконечности, так что с каждою частию далее увеличивается тоска и пламенное желание окончания этой красоты. Все вздохнули свободно, когда явились характеристические признаки финала (отчего считают это необходимым?). Все говорили, что красиво, но длинно и утомительно.

Ты, вероятно, улыбаешься и говоришь: „Каково? Юргенсон критикует и высказывает какие-то мнения о музыке!" Но дело в том, что я достаточно не глуп, чтобы не знать, что̀ такое критика, и понимаю, что мне в разговор музыкантов о том, „куда впадает большая терция", вмешиваться не след, — но достаточно долго жил между музыкантами, чтобы иметь понятие о музыке. Я, конечно, не могу восхищаться каким-нибудь fis, неожиданно вырвавшимся из полумиллиона других звуков, не способен оценить многозначительный взгляд Э. Лангера во время исполнения музыки и т. д., но это мне не препятствовало составить себе свое собственное мнение: j'ai mon opinion et je le partage,** и если оно глупое, то имеет достоинство искренности.

Чтобы тебя, однакоже, не оставить без артистических и критических разборов Кашкина и Альбрехта, то я им передал твое желание: вчера Альбрехту, сегодня, сию минуту, — Кашкинихе...

Надо отправить письмо, и потому смотри на эти строки как на начало (продолжение завтра).

„Московские ведомости" получишь с 1-го декабря.

Твой П. Ю.

42. Юргенсон — Чайковскому

Москва,
2 декабря 1878 г.

Часть II, глава I.

Продолжаю. После концерта не было ужина (отсутствующие Зверев и Кашкин исключаются из правила). Увы! Это теперь обычное явление: пять концертов и один ужин! Когда это бывало? Легче было себе представить пять ужинов и один концерт.

Сегодня под бандеролью послал тебе один нумер газеты Hahn'a — о тебе и России несколько заметок. Бедный Ган! Он тебе курит фимиам, ты же на него смотришь столь же равнодушно, как на всякого петуха.[1] Кроме того прилагаю программу пятого концерта, только-что забытую приложить в только-что отправленное письмо к тебе. Еще прилагаю вырезку из газеты Эскюдье насчет „Садко" и параллель лестную для „Бури".

Сегодня получил опять письмо от Ciardulli из Неаполя. Всего три страницы, на которых он беспокоится насчет „io non ho capito bene della vostra lettera: se deve mondare biglietti consorziale delle Banche Italiane*** и т. д., или rubli russi**** Петра I или Екатерины II и т. д. Убей его, пожалуйста, взглядом, когда будешь в Неаполе. Все-таки я ему закатил на 389 lires.

Какая здесь была погода все время! Одна пакость, но тем не менее верный отпечаток всех дел наших как политических, так гражданских и музыкально-критических. Вчера шел целый день снег, и санный путь идеально гладкий установился немедленно. Дорога скатертью! Кстати! Это мне напоминает людей, у которых дорога предлежит

---

* (страшно сказать)

** у меня есть свое мнение, и я его разделяю

*** „я не вполне понимаю ваше письмо: нужно ли послать билеты общественного итальянского банка"

**** русские рубли

скатертью: С. М. Третьяков произведен в статские советники, С. П. Яковлев в каммергерры! Родиславский (помнишь сладострастного столоначальника?) получил звезду.

Бочечкаров опять прислал своего человека с письмом самого восторженного содержания и просьбою „сколько могу". Я ничего не мог. Вчера узнал от Карла Карловича, что он ему писал, и он не знал дать или не дать. Я ему сообщил твой запрет.

Странно! На первой странице твоего письма ты восхищаешься своим tusculanum* в Collei de Vale,** а на четвертой странице уже мечтаешь о местах более отдаленных. Бедный! ты ищешь бури, как будто в буре есть покой?!

Ты думаешь, мне не знакомы припадки грусти, тоски, желания уйти и зарыться? Но я знаю, что я бы не выдержал без занятий и дела. Элементы наши противоположны. Ты можешь работать и действовать с успехом даже в пустыне, мне же нужны люди и люди в таком количестве, чтобы пройти нельзя было. При всем этом меня берет тоска и жгучее желание хотя на короткое время вырваться и удрать...

Ты говоришь: музыкант! Да разве много таких музыкантов, имеющих дар в отсутствии звука, в ночной тишине слышать все-таки что-то такое, что немцы метко назвали „Sphärenmusik"? Только гениальные музыканты, получивши от природы этот „дар", только те удостаиваются этой музыки. Кто еще из „наших" слышит ее? Ответствуйте!

Слава богу! я не получил ни даров, ни талантов на горе и на радость, но у меня есть нервы, как оказывается, и они, подлые, делают из меня человека чувствительного ко всему. Представь себе, я четвертую ночь сплю плохо и готов хоть сейчас реветь... Это я так. Молчок.

Вышлю концерт, романсы и альбом. Остальное: сонату, двенадцать пьес и литургию,—когда выйдут. Соната потерпела корректуру настолько обильную, что гравер мне поставил за нее восемь новых досок в счет. Зато можешь быть уверенным, — ни одна из твоих пьес не выйдет столь белоснежно-беспорочною из печати, как соната, посвященная Вотану. Три скрипичные пьесы получил, и они скоро пойдут к Котеку. Посвящение не забуду ни на симфонии, ни на пьесах. Симфония гравируется в Питере и обещали мне через месяц корректуру. Но от первой корректуры до выхода в свет, ты знаешь, целая пропасть, покрытая и закрытая кружевною лигвою, сквозь которую проваливается моя корректура!

Вообрази, и голоса к скрипичному концерту не избегли общей участи: пришлось новых досок награвировать около десятка. На этот раз не по вине корректора или автора, а переписчика; он пропустил в нескольких голосах такты!! Просто на Макара шишки валятся.

Симфония будет посвящена „лучшему другу". Времени достаточно, чтобы написать на французском титуле; сказать ли это и какими словами. Также для трех пьес ор. 42: Dediées à Mr B^^^^^^ *** или à^^^^^^ или à Mr Б^^^^^^Б? Расходов по форме или корректуре посвящений никаких, даже если бы титула готовы были. Это пустое. Я боялся, что я забуду — кому или как. Разве ты не заметил в моих письмах, что я иногда забываю суть назвать, будто контрпарт*** уже знает, что я хочу сказать. Вообще я по скромности невысокого мнения о стиле своем и не верю Кашкину, который раз в пьяном виде меня стал уверять, что у меня литературный талант. Так как кроме этого златоуста никто этого не говорил, то я в праве думать, что талант этот сокрыт даже от меня.

Николин день хотели мы отпраздновать лихим кутежом за городом, человек пять-шесть, но, увы, Фитценгаген будет, Вотан (хотя при питье он сносен), Лангер со своими клыками,—и дело выйдет [1] [2]

Прощай, мой милый друг. Если будет что интересного, напишу. Поцелуй от меня Венеру медичийскую, а за неимением—хоть M-me Bonciani.[3]

Твой П. Юргенсон.

* виллой
** Сознательное искажение Viale dei Colli.
*** Посвящаются Б^^^^^^
**** другая сторона (корреспондент)

43. Чайковский — Юргенсону

Флоренция,
3/15 [декабря 1878 г.]

Что-то приумолк мой милый московский корреспондент! Я нахожусь в очень скверном расположении духа и вот почему. Я кончил инструментовку двух последних частей сюиты и сделал клавираусцуг, а знаменитая утраченная рукопись до сих пор не появляется. Из письма брата я вижу, что он просил Осипа Ивановича взять на себя пересылку. С тех пор прошло две недели. Что бы это значило?

Ты получишь партитуру и клавираусцуг собственного изделия к Рождеству, если только рукопись не пропала. Хорошо было бы, еслиб к последнему концерту Музыкального общества поспели печатные голоса и в виде третьей корректуры по ним бы исполнили эту вещь. Мне бы очень этого хотелось. Но, вероятно, ты скажешь, что я с ума сошел и что голоса нельзя гравировать, как блины пекут! В таком случае извини.

В двух твоих последних письмах заключается очень робкий твой ропот на судьбу. Мне нравится, что ты с мужеством переносишь свое весьма щекотливое и подчас должно быть убийственно-тяжелое семейное положение. Хотя мы с тобой никогда об этом не говорили, но я тем не менее очень хорошо понимаю, что тебе подчас жутко приходится. Извини, что я полез в интимные разговоры, но я тебя искренно люблю, и мне ужасно бы хотелось, чтоб совершился какой-нибудь переворот, который возвратил бы тебе спокойствие и семейное счастье. Увы! я знаю, как это трудно, хотя и не невозможно.

Если я решился заговорить об этом, то это для того, чтобы ты знал, что, в случае, если тебе захочется облегчить душу излиянием, ты всегда найдешь во мне друга, который принимает в тебе самое теплое участие. Но если ты хочешь знать мой взгляд на это, то вот он в кратких словах. Я никого не обвиняю. Во всем этом виноват fatum, но я охотно бы принес какую-нибудь жертву для того, чтобы тебе не нужно было ежедневно завтракать в Столешниковом переулке и чтобы в Колпашном переулке[1] был твой исключительный дом и ничем не смущаемое семейное счастье. Дорого бы я дал за это.

Прости, что полез в интимность.

Твой П. Чайковский.

Через полторы недели я еду в Париж и прошу адресовать Rue de la Paix, Hôtel de Hollande.

44. Чайковский — Юргенсону

Флоренция,
10/22 декабря 1878 г.

Какой ты очаровательный человек! Два дня сряду получаю от тебя милые письма! Ноты получил и ужасно доволен. Во-первых, издания

отличные, а во-вторых, ошибок нет! Вот до чего мы с тобой дожили, душа моя! Оказывается, что если я тебя винил в опечатках по поводу прежних вещей, то был никто иной, как свинья, ибо ты в этом ни мало не виноват. Пока я мало обращал внимания на корректуры и действовал на основании знаменитого всероссийского принципа: „ничего, сойдет!", сочинения мои кишели опечатками [4]. Но стал я об этом больше хлопотать — и дело пошло лучше. Замечательно, что я не нашел опечаток ни в концерте, ни в романсах, ни в детском альбоме, а в сочинении, посвященном à M. Guillaume[1] и им самим корректированном, — нашел! Ура! Мы побили немцев! Мое и Кашкинское сердце должны пылать кичливою гордостью! Нет, шутки в сторону — чудесные издания! Могу сделать только одно замечание. Я сожалею, что мне не пришло в голову просить тебя детский альбом напечатать другим форматом. Ведь Володя Давыдов должен будет играть стоя, чтоб смотреть на ноты! Картиночки значительно уступают по художественному достоинству Сикстинской мадонне Рафаэля, но ничего, сойдет, — детям будет занятно.[2]

На скрипичных пьесах французское посвящение должно быть просто: dédié à B^^^^^^. Итак: в русском посвящении семь звездочек, а во французском шесть.

Не удивляйся, что, восхищаясь Флоренцией, я все-таки еду в Париж. Дело в том, что я приступаю к опере, для которой мне нужны материалы, которые я тщетно старался найти здесь и которые найду только в Париже.[3] Во-вторых, такой большой город, как Париж, есть для меня такая же пустыня, как Villa Bonciani. В-третьих, я наперед знаю, что сочинение оперы будет до такой степени меня подавлять, увлекать, возбуждать, утомлять, что я просто боюсь жить в тихом уголке, где нужно всегда быть вдвоем с самим собою. Необходима легкая возможность рассеяться и отвлечь себя от исключительного сосредоточенья всех сил на один предмет, посредством театра, музыки, гулянья по шумным улицам и т. д. Последние три дня (за неполучением сюиты) я принялся за оперу и довел свои нервы до того, что вчера вечером, читая историю Иоанны д'Арк, разразился истерикой.[4]

Погода сегодня была божественная, и я целый день прогулял в одном сюртуке с розой в петличке. Вообще говоря, мне очень хорошо, но это не мешает мне иногда погрустить немножко по милым людям, живущим на суровом севере. За отчет об концерте очень благодарен. Не воображай, что я к твоим отзывам отношусь свысока. Во-первых, ты понатерся, а во-вторых, правдив и пишешь то, что думаешь, чего никогда не делают присяжные критики.

Обнимаю тебя.

П. Ч.

Софье Ивановне не забудь крепко (!) поклониться.

P. S. Я решился ехать в Париж, во-первых, потому, что мне нужно собрать там материалы для будущей оперы; во-вторых, потому, что хочу

послушать какой-нибудь музыки; в-третьих, потому, что люблю Париж. Само собой разумеется, что я ни к одному чорту там не пойду, ибо в том-то и заключается заманчивость Парижа, что такой большой город, в коем нет ни родных, ни знакомых, есть такая же пустыня, как та, в которой я обретаюсь теперь. Приехавши, я постараюсь найти дешевенькую квартирку и жить с самою отчаянною скромностью, но если окажется, что жизнь в Париже не по карману, то уеду в Швейцарию. Во всяком случае с неделю я там останусь и попрошу тебя писать мне в Hôtel de Hollande, Rue de la Paix впредь до перемены адреса. Я желал бы, чтобы никто, кроме самых близких друзей, не знал о моем адресе. Если спрашивают: где я? — отвечай: за границей и живу в Италии, а письма мне посылают на poste restante.

Я продолжаю быть здоровым и благополучным, но злюсь, что нет работы вследствие неполучения рукописи.

П. Чайковский.

45. Юргенсон — Чайковскому

Москва,
13 декабря 1878 г.

Дорогой Петр Ильич! Спасибо за твое милое письмо и теплое участие. Где же я умолк? Я тебе закатил два письма гигантских размеров, одно в три или четыре, другое в шесть или восемь страниц, написанных в о д и н д е н ь! Несчастный! Они лежат в этом таинственном ресторане Bonciani? Я надеюсь, они не погибнут там в твоем Viale dei Colli?

Твоя рукопись в руках Осипа Ивановича, и ты беспокоишься? О малодушный! Верь, мой друг, ты спасен, ты в верных руках. Разве ты забыл, как долго шла твоя посылка из Италии?

Никакой нет человеческой возможности издать голоса сюиты к десятому концерту. Во-первых, оттого, что рукопись не готова и едва ли раньше середины января приедет ко мне; во-вторых, десятый концерт будет уже в я н в а р е!!! Посуди теперь сам, милый композитор, не будучи богом или Редером, мог бы ли я поспеть с гравировкой вообще?? Но, в-третьих,— корректура?! Ха! ха! ха!— сколько яду в этом адском хохоте моем! Да знай же, безумный, бог всесильный даже в корректорском деле наложил на меня клеймо Каина и сказал между прочим: заработай свой хлеб, издавая ноты, но тщетны пусть будут твои потуги насчет обретения хорошего корректора; если же ты и найдешь на Поварской такового,[1] то и он затянет тебя до языковысовыванья. Итак, чти надпись над дверью ада у Данта и успокой себя...

Сегодня отправил к тебе две газеты, в которых говорится о тебе; мне думалось, что это доставит тебе маленькое удовольствие.

Рубинштейна продолжают терзать в газетах. Письмо Дюбюка[2] дало Размадзе, Лукину и Соболеву (туда же!) пищу. Особенно бесит меня Лукин! Как вспомню его сытую, нахально-самодовольную харю, так меня коробит. Дюбюку достался же! Они его ростовщиком выставляют, который музыкантам за сто процентов деньги дает, стихи сочинили и всячески продергивают.

Ларош писал о Четвертой симфонии, хвалит симфонию, но больше тебя вообще.[3] „Мандарин“ Кюи'а (каков, а!) в клубе художников после двух лет репетиции, в исполнении артистами русской оперы—провалился.[4]

Сегодня Вотан с супругою позвали на „кусок ростбифа,“ а после обеда дамский вечер у Софьи Ивановны. Тут мы, значит, двух мух разом убьем.

Прилагаю тебе письмо Антонины Ивановны и мой ответ к ней. Я бы охотно умолчал об этом эпизоде, если бы не считал этот „штрих“ дополнением к портрету

ее и, быть может, не бесполезным тебе знать. Мне было бы неприятно, если [бы] ты рассердился на нее или счел бы нужным обругать; плюнь, не стоит. Я бы даже ей не отвечал, если бы не желание показать ей, что я не был уничтожен, особенно же ввиду того, что желал ей сказать насчет известных выдач.

Конечно, только в минуты упадка духа и телесной немочи, на меня действует уныние настолько сильно, что все мне кажется невыносимым, и я ищу сочувствия, кому бы это повынікать... Пеняй на себя, если я буду злоупотреблять твоей дружбой и буду петь тебе иеремиады.* Будучи сегодня бодрым и сильным, я поберегу беседу о сентиментах до следующего пароксизма.

Ларош здесь. Он приехал для „Онегина", но напрасно, ибо я тебе писал, что Климентова получила свои правила и петь не могла. Ларош просто придирается к случаю, чтобы пожуировать на счет Краевского и добродушных москвичей. Он остановился в Славянском базаре в первом этаже и разыгрывает из себя фон-барона. Во время квартета он присылает Рубинштейну карточку, что он болен и будет очень рад, если кто-нибудь к нему зайдет. Я был глуп и пошел. В три часа дня он в постели, водки и закуски б ы л и на столе gewesen,** и он ждал ванну! Болезнь его состояла в чуть-чуть видном флюсе.

После разных шуток и прибауток он приступил ко мне: „У меня будет к тебе просьба и хотя это очень нахально с моей стороны, но я у тебя попрошу двадцать пять рублей взаймы. Это очень нахально?" — „Очень",— был мой ответ, и не старался скрыть, что удивлен этой просьбой. Он стал намекать на то, что он приехал для „Онегина", шутя, знаешь, но, по-мне, не без намерения запугать: „Ах! свинья, я приехал для „Онегина", которого ты издатель..." — „Ну, брат, если кто свинья, то, конечно, ты и т. д. Что значит просить в займы, когда ты ведь не отдашь?" Одним словом, кончилось тем, что я ему не отказал. Со мной были только десять рублей, я ему их отдал и сказал, что пятнадцать я ему останусь должным. Он за ними прислал на другой день и закинул удочку: „Хочешь, я тебе переведу Hanslick, „Vom Musikalisch-Schönen"? [5] На мое замечание, что если ему хочется работать, то не лучше ли компилировать историю музыки. Он стал уверять, будто ему на историю музыки надо три года, а Ганслика перевести все равно, что завтрак съесть... Он взял пятнадцать рублей да ушел.

Итак, ты в Париже! Я понимаю, что это невозможно долго сидеть без духовной пищи, хотя у Бончиани с флорентинскими ногами. Вообще всякие места, когда они gewesen sein,***—лучше. Ожидание счастия и наслаждения, воспоминания после счастья— есть, но самое счастье есть ли?

Прощай, мой милый, будь здоров и наслаждайся. Кланяйся достойным привратницам Hôtel de Hollande.

Твой П. Юргенсон.

46. Юргенсон — Чайковскому

Москва,

1878 г. декабря 16. Москва. [1] 15 декабря 1878 г.

Дорогой друг! Вчера сдали седьмой концерт с Венявским. [2] Боже, что за мученье глядеть на него! Представь себе человека в агонии, долженствующего играть перед тремя тысячами толпы на скрипке! Просто macabre... ****

Он еле двигает ногами, лицо одутловато, глаза полузакрыты, дышет тяжело и ежеминутно стонет, удушливо кашляет, так и кажется, что он вдруг вытянется и кранкена

---

* Жалобы. Образное выражение, происходящее от названия книги „Плач Иеремии", приписываемой пророку ветхого завета.

** следы

*** в прошлом

**** мертвец (Danse macabre — танец мертвецов)

задаст. * Рубинштейн ходит как лев и готов съесть всех. Наконец пора выходить на эстраду. Вышел еле живой, приняли его горячо, он не твердой рукой повел смычком, мало-по-малу окреп и сыграл первое Allegro хотя не с прежним огнем, но, принимая в расчет его состояние, — очень хорошо. Рубинштейн его поддерживал оригинальным способом: „Если тебе не хорошо, перестанем?" А сам все идет вперед. — „Не хорошо? Finissons, veux-tu?" ** и т. д., а сам все махает палочкой. Сыграли вторую часть, сыграли и Finale, и все вздохнули свободнее. Венявский тотчас поехал домой.

Девица Макарова пела плохо, хотя голос у ней есть. Твой романс она спела не хорошо. Кюи'я романс не поняли. Сен-Санса „Bachanale" понравился мне, несмотря на некоторую легкость содержания; сорт тот же, как „Danse macabre", — сразу поймет и наш брат не музыкант. Он (т. е. Сен-Санс, а не немузыкант) употребил и в этой пьесе какие-то костяшки в роде кастаньет. Публика осталась холодною; я думаю, от того, что спешили домой.

После концерта ужинали в Эрмитаже. Всех было девять человек, оттого что многие не приехали. Оказалось, ужин дал Алексеев. Между гостями был Ларош, с которым мы заключили новое условие на перевод Ганслика. Я, конечно, мало верю в исполнение с его стороны; не велика важность, — вперед ему не дам, шалишь!

Завтра должен быть квартет с Венявским, если у него не будет приступа его болезни — ожирения сердца и катарра. В пятницу концерт фонда с Арто и Венявским. Сегодня должен был итти „Онегин", но не пойдет по болезни Климентовой. Сюрприз Рубинштейну будет без музыки. Вот все, что могу тебе сообщить.

Прощай, кланяйся своей милой Blanche, плюй на пушку в Пале-рояле и выкушай un bitter *** за мою душу.

Твой П. Ю.

47. Чайковский — Юргенсону

Париж.
18/30 декабря 1878 г.

Милый друг!

Перед отъездом из Флоренции я получил милейшее письмо твое с описанием празднеств 6-го декабря. Я не только не нашел ничего пошлого в этом кутеже, но, признаюсь тебе, немало позавидовал, читая твои строки. Выпить в хорошей компании всегда в высшей степени приятно и климат тут не при чем. Вообще я убежал из Москвы от разных обстоятельств, сделавших мне жизнь там невыносимою, но вас, моих московских друзей, я люблю так же, как и прежде, и часто, часто мне сильно бывает по вас грустно. Так бы иногда хотелось очутиться среди Вас! Двенадцатилетняя привычка — не шутка. Я привык не только к Вам, но и к самой нашей старушке Москве, которая ни мало не виновата, что в ней совершилось усложнение фактов, заставивших меня бежать. Но я не теряю надежды, что когда-нибудь опять поселюсь на берегах Москвы-реки и в ней кончу свой век. Разумеется, для этого нужно 1) чтоб я не должен был двадцать шесть или даже четырнадцать часов в неделю сидеть в классе, и 2) чтоб..... и т. д.

Сегодня я получил от тебя два газетные отзыва обо мне. Пожалуйста, голубчик, никогда не трудись посылать мне хвалебные статьи

* kranken — быть больным (*нем.*)
** Кончим, хочешь?
*** [рюмочку] горькой

на мой счет, ибо если мне на что плевать, так это именно на газетные рецензии как хвалебные, так и ругательные. И те и другие, по большей части, вздорные и в сущности всегда меня несколько раздражают: и хвалят глупо и ругают глупо. Но из сего не следует, что я плюю на отзывы моих друзей или мнения таких авторитетов, как Рубинштейн. Сообщаемое тобой известие, что Николай Григорьевич восторгается моей оперой, меня крайне обрадовало. Ничего, напротив, так поощрительно не действует на меня, как подобные отзывы. Я начинаю сильно подумывать об том, чтобы к представлению (если оно состоится, в чем я не вполне уверен) тайно приехать в Москву и из темного уголка послушать.

Теперь вот еще что. Приехавши в Париж, я убедился, что жить здесь долго мне нельзя. Во-первых, денег не хватает, хотя я и поселился под облаками; во-вторых, суета, шум, движение, все это меня как-то пугает и приводит в смятение. Поэтому, голубчик, потрудись писать мне в Clarens, Villa Richelieu (Suisse, Canton de Vaud), куда я в весьма скором времени отправляюсь, а именно дней через пять.

Хорош Осип Иванович! Несмотря на все мои просьбы, приставания, телеграммы, — я так и не дождался рукописи, которую по просьбе брата он обещал прислать мне. Много крови испортило мне это ожидание! Наконец мне надоело ждать — и я уехал.

Прощай, мой милый друг. Всем поклоны.

Твой П. Чайковский.

48. Чайковский — Юргенсону

Париж,
20 декабря 1878 г./1 января 1879 г.

Получил твое письмо от 13-го со вложением письма Антонины Ивановны и твоего ответа. Во всем этом мне всего противнее то, что ты из-за меня должен тратить время на переписку с этой феноменальной дурищей. Твой ответ написан слишком хорошо, т. е. слишком остроумно, — она этого оценить не может. Еще лучше было бы, если б ты просто написал: за деньгами посылайте кого угодно и когда угодно, а писем впредь не пишите, ибо буду отправлять их Вам нераспечатанными. И весьма тебе буду обязан, если в случае нового письма ты поступишь именно так.[1] Кстати, я должен привести в ясность мои денежные счеты с тобой. При моем отъезде за тобой было 200 р. Из них 100 ты уплатил 1-го ноября, 50 — 1-го декабря (то и другое Антонине Ивановне) и 50 — Бочечкарову. Таким образом, теперь мы квиты, за исключением того, что я тебе должен за газеты и т. п. мелочи. Теперь попрошу тебя, дружище, снова открыть мне кредит и продолжать выдавать или самой Антонине Ивановне или тем, кого она будет посылать, по пятьдесят рублей

в месяц, которые я тебе уплачу или деньгами, или другими путями в более или менее непродолжительном времени. Прости, пожалуйста, за все беспокойства и неприятности, которые тебе причиняет это посредничество.

Представь, что я не помню, писал тебе я третьего дни, или только хотел писать? Если не писал, то знай, что мое намеренье пожить в Париже разбилось о несколько неодолимых препятствий и между прочим о недостаток денег. Вследствие сего я решился уехать отсюда в свой милый Clarens. Не смейся над моим непостоянством и неумением где бы то ни было прочно водвориться. Впрочем, это скитание с места на место имеет свою прелесть.

Вчера был довольно комический эпизод. Я зашел в какой-то музыкальный магазин на бульваре (Gregh или что-то вроде этого). Спрашиваю: „Есть у Вас „Jeanne d'Arc" Mermet?" — „Нет, но я сейчас Вам достану у Choudens, подождите немного". Я остался, а любезный хозяин тотчас же стал мне рекомендовать разные пьесы Ketterer'a и др. на русские мелодии. Когда я отказался, то он стал мне их играть, а затем сообщил, что он сам сочиняет и очень популярен в России, откуда Mrs Bernard и Iurgenson выписывают массу его творений. Тут он стал их играть одно за другим, без конца. Из учтивости я слушал и из подлости хвалил. Битый час я должен был просидеть, слушая его дребедень, пока наконец пришел его приказчик от Choudens.

История с посылкой моей рукописи очень странная, — но я до сих пор ее не получаю. Анатолий отвез ее к Осипу Ивановичу 22-го ноября, а уехал я из Флоренции 16-го декабря. Согласись, что в двадцать пять дней посылка могла притти. Оказалось, что Анатолий вручил ее не Осипу Ивановичу, а приказчику. После моей телеграммы, посланной 1-го декабря, я получил известие, что рукопись пролежала все время в магазине и послана лишь 4-го. Но от 4-го до 16-го прошло двенадцать дней — и все-таки ее не было. Тогда я решился уехать, думая, что если суждено ей пропасть, то пропала, а нет, так найдется, куда бы я ни поехал. Очень много крови напортила мне вся эта история. Извини за глупое предположение о возможности напечатать голоса к десятому концерту. Я пришлю тебе партитуру и клавираусцуг вероятно к февралю, если рукопись не пропала. Прощай, голубчик. Mercі за прелестные письма.

Твой П. Ч.

История с 25 [рублями] Лароша весьма резко рисует всю глубину его падения.[2]

49. Юргенсон — Чайковскому

Москва,
21 декабря 1878 г.

С Новым годом! Сегодня у тебя Новый год, и письмо получишь ты чуть ли не на Новый год. Поздравляю, желаю тебе здоровья тела и духа и кошелек, из которого во всякое время можно бы вынуть золотой (по 8 р. 60 к.), как бы часто ни повторять операцию.

В воскресенье вечером был третий квартет, в котором должен был участвовать Венявский. Днем, за завтраком у Рубинштейна, я видел его; он острил, так и сыпал каламбурами. Квартет назначен был в Большой зале. Девять с четвертью, девять с половиною — не начинают! Отправляюсь в артистическую комнату, — мой Венявский еле жив, стонет и тоскливо машет руками, прижимая кулаками сердце; тяжелая картина! Когда припадок уменьшился, он вышел с Танеевым на сонату Крейцера, сыграл первую часть и не мог далее — ушел. Минут через десять опять вышел, сыграл вторую часть и окончательно отказался. Гильф докончил блистательно, и публика ему очень аплодировала. Я был около Венявского, а то бы с наслаждением следил бы за этим неловким из неловких. Венявский очень скоро отдышался, но играть не хотел, говоря, что именно скрипка ему причиняет и вызывает боли в сердце. Опять пошел смешить...

В собственном (втором) концерте игра его уже мало напоминала прежнего Венявского, но в сонате он был просто Лугертом и только моментами вспыхивал. Бедный. Он должен был играть завтра, но, кажется, играть не будет.[1] Я не знаю, так ли мучительно ему, как нам, особенно Рубинштейну; так и кажется, что мы его насилуем, что мы, как палачи, его пытке подвергаем. Бог с ним [...]

Прощай, душа моя. Prends un bock * за мое здоровье в кафе под Брандусом и вспомни, что сидишь под своими собственными творениями.

Твой П. Юргенсон.

50. Юргенсон — Чайковскому

Москва,
28 декабря 1878 г.

Мой дорогой путешественник! Не сидится тебе нигде, и милый Clarens, вероятно, тоже долго не удержит.

Мне надлежит отвечать тебе на два письма, т. е. я в долгу! Боже великий, до чего я дожил! Впрочем, я тебе раз таких два письма закатил — страсть. На письмо твое от 30-го [18/30 декабря] я хотел писать в субботу, но, несмотря на мое желание даже лопнуть, не достиг этим ни до чего.

Начнем по порядку. В пятницу был концерт фондовский с Арто и Венявским.[1] После Третьей симфонии Мендельсона вышел Венявский с романсом Бетховена, с трудом доиграл и затем исчез. Об нем говорить не буду, ты все знаешь. Затем вышла Арто. Я ее видел близко, — больно жирна и некрасива! Одета как королева. Вышла на экстраду (Торлецкий) и — ничего, особенно нашему брату недальновидному. Запела „Верди прати", и все забывали о фигуре. Пела чудесно, пела перед публикой не особенно подкупленной; полагаю, что все, как и я, думали, что она руина. Нет, она победила предвзятое мнение не только уменьем, но и голосом. Мне кажется, голос у нее не хуже прежнего. Потом она пела по-немецки „Песню Маргариты" Шуберта и вслед за тем по-русски „Песню Маргариты" Глинки. Удивительно. Ведь „Песня Маргариты" Шуберта вещь знаменитая и бесспорный перл, я слышал ее в первый раз, но мое патриотическое сердце совсем на стороне Глинки. Отчасти это тоже от характера; я не сентиментален и люблю энергию и страсть. Энергия у меня у самого немного есть, а страсть — страсть, это я люблю так, это моя пассия! Шуберт, быть может, вернее изображает немку, Глинка и не думал немку изобразить, и вышло лучше. Кроме того, мне кажется, сладкая Clärchen, киснувшая по Эгмонте, не по натуре Арто, и потому она вышла естественнее в романсе Глинки [...]

Выдачи за твой счет буду продолжать и прошу тебя, если тебе деньги нужны, располагать мною; я тебе могу дать авансом или займообразно — как тебе удобнее. Не выслать ли тебе тысченку-другую франков immédiatement ** в Женеву? Я сейчас... [...]

Эпизод у Грега совсем живого тебя мне представил. Наверное ты ему язык и кулак показывал, непотребными словами по-русски его ругал? Жаль одного, отчего ты ему не оставил свою карточку, на манер того, как в прежнее время владетельные принцы, распахивая грудь в решительную минуту, показывали царскую звезду. У нас в России

* Выпей кружку [пива]
** теперь же

столько звезд, что ты, понятно, об этом или этих рассказах ничего не знаешь, потому что Яковлев обладает двумя звездами и камергерским ключом [...]

Кашкин меня избегать стал. Он малый честный и деликатный; чувствует, что он не исполняет свою обязанность как должно и наносит мне ущерб незаслуженный, — ему и совестно, так как он сам выдумал эту должность и сам же жалованье себе назначил. Признаюсь, терпеть не могу в делах такую распущенность. Горе мое...

Прощай, мой милый друг, будь здоров!

Твой П. Ю.

P. S. Можешь себе представить: 25, 26, 27-го был болен и ни капли вина не принимал и поныне еще на диэте. Какие-то геморроические головные боли.

51. Чайковский — Юргенсону

Дижон.

29 декабря 1878 г./10 января 1879 г.

Пятница.

Ты, может быть, знаешь из газет о страшной снежной мятели, свирепствовавшей во Франции в ночь с 27 на 28 по ст. стилю. Как-раз мне пришлось выехать из Парижа 27-го вечером. Было бы слишком долго рассказывать все, что мы вытерпели от холода и голода. Например, на одной станции, где кроме хлеба, и то с трудом, нельзя было ничего достать, мы стояли с четырех часов утра до часа пополудни и мерзли! Боже, как мы мерзли! До Дижона нас дотащили в третьем часу дня, и поезд наш тотчас начал маневрировать, а мы, никем не предупрежденные, остались с Алексеем в своем купе. После маневров мы остановились где-то в темноте среди массы других вагонов. Стало совсем темно, а мы все стоим. Наконец мы вылезли и, утопая по брюхо в снегу, стали искать кого-нибудь, чтоб узнать о своей судьбе. Встретился наконец какой-то служащий. Оказалось, что все пассажиры давно, еще до маневров, были предупреждены о том, что дальше ни один поезд не пойдет; забыли только наше купе, из замерзших и обледенелых окон которого мы не могли ничего видеть. Пришлось тащиться с вещами по сугробам снега в темноте на станцию, где начальник оной объявил мне весьма учтиво, что они все потеряли голову и поэтому неудивительно, что я просидел на запасном пути более трех часов. Все поезда отменены впредь до расчистки пути. Осталось одно: отправиться в гостиницу, что я и сделал. Боже мой! что было за наслаждение сесть у камина в комфортабельном кресле, а потом съесть за table d'hot'ом превосходный обед. Это было вчера. Сегодня, выспавшись отлично и отогревшись у камина, я ходил на станцию узнать, когда можно будет ехать. Начальник станции объявил, что ехать можно будет ночью в два часа. Осмотрел город, который невелик, но очень мил. Здесь оказался очень хороший музей, премиленький театр, в который я успел зайти вчера вечером. Но что за мороз, — это ужасно! В комнате можно сидеть только у камина. На улицах снег лежит толстым слоем, а около тротуаров целые снежные стены. Говорят, что с 1840 г.

не было ничего подобного. Я не только не огорчен случившимся, но до некоторой степени я даже забавляюсь этим. До свиданья, дружище! Mercі за милые письма.

Твой П. Чайковский.

52. Чайковский — Юргенсону

Clarens,
30 декабря 1878 г./11 января 1879 г.
(Canton de Vaud, Clarens, Villa Richelieu.)

Милый друг!

Сегодня утром я приехал наконец сюда. Я надеюсь, что ты получил мое дижонское письмо и знаешь о моих приключениях.

Целый день сегодня я думал, где бы мне достать денег, чтобы прожить этот месяц. Париж, Дижон — все это стоило мне так дорого, что я приехал сюда с сорока франками в кармане, и хотя меня охотно станут здесь держать в долг, но сидеть без денег в высшей степени неприятно, а у меня до начала февраля не будет ни копейки.

Мне очень неприятно обращаться к тебе. Чем люди деликатнее, щедрее, тем труднее адресоваться к ним за денежною помощью. Но в конце концов я решаюсь все-таки просить у тебя двести рублей, которые возвращу тебе не позже весны или деньгами или другим способом. Пожалуйста, извини; я тщетно ломал себе голову и пришел к заключению, что все-таки проще всего поэксплуатировать все того же никогда не отказывающего Юргенсона. Я, пожалуй, прибавил бы ради соблюдения приличия, — что в случае неимения денег ты нисколько не обидишь меня отказом, но не хочу ломаться. Я, конечно, не обижусь, но не могу себе представить тебя отказывающего, и потому, пожалуйста: имей деньги и присылай. Моя поездка в Париж была в сущности глупостью, хотя и приятною глупостью. Не в том дело, что в Париже дороже, чем в Швейцарии. И там можно дешево устроиться, но в таком случае нужно останавливаться не в Hôtel de Hollande, а нанять дешевую меблированную квартирку и сразу повести обычную трудовую жизнь, изредка позволяя себе удовольствия. Я же разыгрывал из себя туриста, приехавшего покутить, и протранжирил в полторы недели столько, сколько при скромной жизни издержал бы в два месяца.

Какая здесь тишина после Парижа! Даже несколько грустно. Во всем пансионе я один и за table d'hot'ом восседаю solo.

Дабы скорее получить деньги я, вероятно, решусь завтра телеграфировать тебе.

Извини и прощай.

Твой П. Чайковский.

1879 г.

П. И. Чайковский
1879 г.

53. Чайковский — Юргенсону

Clarens,
3/15 января 1879 г.

Получил сегодня письмо твое от 28 числа и, читая его, не мог не воскликнуть несколько раз: „О, милый Юргенсон!“ Не странно ли в самом деле, что ты, как бы предчувствуя, что я буду немножко мучиться тем, что опять обратился к тебе за деньгами, предупреждаешь мою просьбу и предлагаешь мне оные. Поистине ты одно из утешений, ниспосланных мне небом! Благодарю тебя, милый мой друг!

Ты напрасно упрекаешь меня за то, что я удираю от рукописи. 13-го числа (ноября) я написал брату, прося его прислать по адресу рукопись и во избежание затруднений предложил обратиться к Осипу Ивановичу. Только 22-го Анатолий решился отнести ее к Осипу Ивановичу. От 22-го до 4 декабря она пролежала в магазине, потому что Анатолий имел неосторожность вручить ее не Осипу Ивановичу, а приказчику. 5-го декабря я получил по телеграфу известие, что накануне она выслана по почте, а 16-го, т. е. через одиннадцать дней, я уехал, ибо решил, что если рукопись в двенадцать дней не могла дойти до меня, то или она пропала, и тогда нечего ждать, или она все равно дойдет до меня. Уезжая, я сделал распоряжение о высылке в Париж. В Париже я пробыл полторы недели. Только в последний день я получил по почте повестку от флорентинской станции ж. д., что там в товарном складе есть на мое имя посылка. Неужели это она? Неужели Осип Иванович три листика исписанной нотной бумаги мог мне послать не по почте, а большою скоростью? Я написал туда, чтобы переслали в Кларанс, но полагаю, что это что-нибудь другое. По почте же ничего послано

мне не было, ибо все письма и газеты до сих пор мне оттуда пересылают аккуратно, и если бы пришла рукопись, то послали бы и ее. Я склонен думать, что плоды моего вдохновения застряли где-нибудь по дороге между Питером и Флоренцией и я никогда их не получу.

Ты напрасно думаешь, душа моя, что я вследствие тоски перекочевываю с места на место. Уверяю тебя, что я находился и во Флоренции, и в Париже, и здесь в отличном настроении, за исключением нескольких эпизодических наплывов хандры, вследствие сторонних обстоятельств: например, вследствие получения от тебя письма со вложением гениального произведения пера Антонины Ивановны. Все, что хотя отдаленным образом напоминает мне эту милую особу, повергает меня в самое омерзительное настроение. Теперь я живу в совершенно пустом доме; я единственный обитатель Pension Richelieu. Кроме своего Алексея и прислуживающей девушки не вижу решительно никого — и между тем нисколько не скучаю. Только в первый день мне было несколько грустно вследствие того, что дом этот очень живо напоминает мне моих милых двух братиков, с которыми я здесь жил. Работаю я все эти дни очень усердно, и опера начинает понемногу вылезать из моей головы на бумагу. Отчего ты мне ни слова не написал о „Евгении Онегине"? Я до сих пор ничего не знаю. Пожалуйста, голубчик, черкни об этом словечко. За милые твои письма не знаю как и благодарить тебя. Вообще, страх как я ценю все твои милые поступки относительно меня.

Твой П. Чайковский.

54. Чайковский — Юргенсону

Кларанс,
7/19 января 1879 г.

Милый друг!

Вчера получил посланный тобой перевод на пятьсот франков. Он пришел необыкновенно кстати, ибо я уже два дня не имел никаких денег. Оно горе, положим, небольшое, потому что здесь почти не на что тратить денег, — но все как-то неловко быть вовсе без презренного металла. К тому же, завтра счет подадут за первые восемь дней, и хотя я здесь мог бы сколько угодно жить в доме, но это неприятно. Благодарю тебя несчетное число раз. Писал ли я тебе или нет, что рукопись получена? Ты не можешь себе представить, до чего я был рад увидеть эти грязные листы нотной бумаги. Они для меня были бесконечно дороги, ибо никогда я бы не мог второй раз также точно изложить те мысли, на коих основаны пропадавшие три части, как в первый раз. Там есть одно Andante, которым я очень доволен. Однакож, теперь за инструментовку никоим образом не примусь. Я по горло погряз в опере. Дело подвинулось настолько, что дня через три у меня будет готово целое большое первое действие. Работа идет очень легко, но что меня несказанно затрудняет, утомляет и раздражает — это либретто, которое я фабрикую собственными средствами. Уверяю тебя, что фабри-

кация эта совсем не дурна, но чего мне она стоит! Насколько музыкальное сочинительство мне приятно, легко и усладительно, настолько литературное мне достается ценой убийственно-томительной натуги.[1] Я окружил себя многими источниками, но преимущественно черпаю из Жуковского—Шиллера. Благодаря работе и строго установленному порядку жизни (в этом отношении я совсем не артист и ненавижу безалаберность в распределении часов), дни проходят незаметно. Тишина здесь идеальная, и единому богу известно, до чего я люблю эту тишину, до чего для меня бесконечно дорога совершенная уверенность в том, что ни один [1] голландский не придет навестить меня! Впрочем откровенно скажу, что при такой работе, как сочинение большой, капитальной * оперы, — лучше жить в большом городе, чтобы иметь возможность освежать себя развлечениями. Но нечего делать!

Знаешь ли ты, что „Онегин" будет исполняться в Петербурге у Абазы?[2] Будут петь Лавровская, Абаза, Панаева, Прянишников, Лодий. Я не знаю только, на сцене и в костюмах это будет, или в зале. Прощай, душа моя!

Твой П. Чайковский.

55. Юргенсон — Чайковскому

1879 г. января 10—12. Москва.

Москва,
10 января 1879 г.

Дорогой друг! Я очень рад, что тебя утешил, и горжусь, что продолжаю утешать. Ты у меня один, надо же тебя баловать, и баловать приятно такого хорошего мужчину. Затем меня подстрекает надежда, что пятьдесят лет после наших смертей (дай бог, чтобы этот момент настал бы в конце 20 столетия) какой-нибудь русский Ян или Ноль (читай: Nohl) напишет три тома: „Жизнь, странствования и случившиеся случаи П. И. Чайковского", издание Бориса Борисовича Юргенсона, и там во втором томе (Московский период, 1868—1878) будет сказано: „Если и нельзя отвергать совершенную самобытность Чайковского относительно музыкального развития, так сказать, „созревания" гениального героя нашего рассказа, причем справедливость требует сказать несколько теплых слов (переход мотивированный!) о его московском издателе П. Юргенсоне, названном самим Чайковским утешительным явлением" и т. д. — Не говори: „Боже сохрани, чтобы мой биограф нагородил бы такую чушь", — это я так ради высокого стиля пародирую...

Жаль, что Бродского нет, я бы его попросил нарисовать твой „sejour" ** на дижонской станции; воля твоя — комично!!

Ты спрашиваешь об „Онегине" и просишь известий. В консерватории происходит какой-то сумбур, о котором я сегодня вечером узнаю более подробно. Зильберштейн был уличен в посещении Барцала — Шостаковского для „пробы голоса" — каков стервец! Его, с. с., всячески вытаскивали из ничтожества, и он посещает вражеский лагерь для „пробы голоса"!! Рубинштейн, остервеневшись, выгнал его из консерватории с отметкой „впредь никуда не принимать" и, кажется, он опять его принял.[1] Этими штуками и упорными паскотями в газетах он, Рубинштейн, ужасно раздражается, и я это весьма понимаю. Возможная ли вещь, чтобы так нахально, единодушно лаяли и обливали человека помоями, и не только его, но все его окружающее; и никто ни гу-гу! Господи! Если бы я владел письмом, я бы сумел дать достойный ответ, не ругаясь. Увы! воля моя бессильна перед немощью образования, отсутствия дисциплины мысли.

---

* Конечно, не в смысле музыкальных достоинств, а в смысле серьезности сюжета. *(Прим. Чайковского.)*

** пребывание

11-го утром.

Вчера восседали в величественном кабинете Третьякова. Родили мышь. Положили — поднести Рубинштейну адрес, читали проект Ларош и проект Мейна, выбрали мейновский... не потому, что талантливее, но больше потому, что очень Ларош виден.

Насчет „Онегина" скажу, что после нескольких глупых выходок оркестра и Кленовского дирижером назначен Танеев. Оркестровые мальчики поднесли Кленовскому адрес и дирижерскую палочку!! После концертов, говорят, Рубинштейн сам будет дирижировать. Я хотя и директор, но, вследствие редких визитов в консерваторию, в сущности мало знаю про происшествия там и потому во время перерывов в концертах плохо дела знаю.

Я сам вечно занят, вечно куда-то спешу, куда-то постоянно нужно, что-то беспрерывно меня подталкивает — это меня подчас утомляет. Старость ли это? [...]

12-го.

Сегодня у одного твоего приятеля родилась дочка.[2] Грустно и радостно...

Еще вспомнил! Твой „Онегин" пойдет непременно, ибо Рубинштейн испрашивал кредита на расходы по части костюмов. Будут костюмы двадцатых годов — их надо сшить!

Третий день я горю желанием отправить это письмо, все меня задерживают! Теперь не хочу долее ждать, отправлю послание. Прощай, швейцарец! Была ли у тебя елка? Катался ли на коньках по Женевскому озеру? Подарили ли тебе boite à musique? Их там много; я думаю, есть ватер-клозеты с музыкой? Хочу торговать ими, т. е. не ватерклозетами, а музыкальными ящиками. Далеко от тебя Saint Croix — родина всех ящиков с музыкой? Не хочешь ли для развлечения поехать туда, если это близко? Если да, то сделай это на мой счет и з а в я ж и для меня там entente cordiale ** или relation avec ma maison honorable.*** Не шутя, я был бы тебе очень благодарен — сыграй моего chargé d'affaire,**** е с л и это тебе доставит удовольствие; если нет, то письменно я тоже могу завязать сношение.

Сейчас у меня Танеев. Кланяется и благодарит, на-днях напишет тебе длинный ответ.

Твой П. Юргенсон.

Сегодня день рождения Софьи Ивановны; она тебе кланяется. День основания университета. Знаменательный день!!

56. Чайковский — Юргенсону

Clarens,
14 26 января 1879 г.

Сейчас произошло очень интересное событие. Существуют, как тебе известно, три замечательные личности, хорошо тебе знакомые: 1) довольно плохой стихоплет г. N. N., написавший всего несколько текстов к некоторым русским романсам твоего издания; 2) г. Б. Л., бывший музыкальным рецензентом в „Русских ведомостях", и 3) композитор и экс-профессор г. Чайковский.[1]

Час тому назад г. Чайковский пригласил двух живущих вместе с ним сограждан, г. г. N. N. и Б. Л., к фортепиано и исполнил им второе действие сочиняемой им оперы „О р л е а н с к а я Д е в а". Г. Чайковский,

* музыкальный ящик
** сердечное согласие (взаимоотношения)
*** связь с моей уважаемой фирмой
**** доверенного

находящийся с N. N. и Б. Л. в самых интимных отношениях, победив без труда свойственную ему застенчивость, с большим искусством, увлечением и вдохновением сыграл перед ними свое новое произведение. Нужно было видеть восторг этих двух господ! Можно было подумать, что они сами принимали участие в сочинении этой оперы (г. N. N. действительно составлял либретто — однакож, это не значит, что он автор оперы), до того они горделиво стали расхаживать по комнате, важничать и умиляться перед красотою исполненной музыки! Кончилось тем, что автор, долго старавшийся выдерживать роль скромника, вдруг тоже пришел в азарт, и в заключение все трое стали как угорелые бегать вместе по балкону, ища в чистом воздухе успокоение для потрясенных нервов и для сдержания нетерпеливого чувства как можно скорее услышать и остальные действия (первое уже было исполняемо целиком). Тщетно г.г. N. N. и Б. Л. ставили на вид г. Чайковскому, что нельзя оперы как блины печь, — тот приходил в отчаяние от бессилия человеческой натуры, неспособной в одну неделю выложить на бумагу все, что уже накопилось в голове. Наконец эти добрые люди кое-как успокоили бесновавшегося композитора, и тот пошел писать письмо какому-то купчишке московскому...

Все это между нами.

Г. Чайковский просил меня спросить тебя, каким образом случилось, что в Петербурге певица Каменская исполняла два раза сцену письма из „Евгения Онегина"? Кто ей дал партитуру? Отчего никто не объяснил ей, что нельзя петь в концерте вещей, в которых нет конца? Он жалеет, что его не спросили. В прошлом году то же самое хотела сделать Панаева, но он ей объяснил всю невозможность петь отдельно номер, который непосредственно связан с следующим. Жаль, что это случилось! N. N., Б. Л. и Чайковский кланяются тебе.

Твой друг Петр.

57. Юргенсон — Чайковскому

Москва,
19 января 1879 г.

Милейший друг! Кажинный божий день я думал тебе писать, но целая масса голландских [1] отрывают меня, и делов тоже не мало, так время и летит вихрем, и я старею, старею! И знать, что это никогда не кончится, ждать отдыха с уверенностью, что отдых будет только в гробу. Лукавый меня попутал, чорт меня дернул, леший меня тянет открыть торговлю в Нижнем на ярмарке. „И для какого чорта пошел он на эту галеру?" — спросишь ты. — „Для того, чтобы потерять пятьсот экю!" — отвечу я тебе [...]

В письме от 7-го ты жалуешься на трудность составления либретто и как эта работа тебе не по нутру. Скажи же, ради самого Юпитера, кто же тебя принуждает, кто тебя просит? Ты скажешь: „откуда взять либретто?" Не говоря о наших поэтах, хотя и они все отозвались бы, но отчего не взять у французов или немцев; особенно немцам прямо заказать можно, дать им сюжет: на! работай! А там Лишин или Калашников переведет, конечно, — до музыки.

Какое мне горе с корректурами, просто [1] ... Теперь пропала часть корректур оркестровых голосов. На дороге из Берлина обратно (посланы 3-го декабря нов. ст.) они исчезли! Где они пропали, теперь и не доберешься. Соната твоя тянется чуть ли не полгода, и Клиндворт мудрит, прибавляя разные финалы; впрочем, он не меняет смысла, а только способ писания и скромные „ossia“ * мелкими нотами. Ненавистно только это затягивание.

Я преклоняюсь перед твоей усидчивостью и рабочей силой; я бы не мог, не выдержал бы! А одиночество? Умер бы непременнейшим образом. Не скажу, чтобы голландцы меня радовали, но я неисправимый оптимист и терплю эти отвлечения, утешая себя тем, что они вместе с тем отвлекают и геморой, этого мерзкого спутника всех сидящих.

Скажи, далеко Женева от тебя, часто ты туда ходишь или едешь? Там, вероятно, есть увеселения всякого рода?

Кончу сегодня, может, вечером или завтра еще напишу. Тройственному союзу ответ особо. Спешу тебе только сказать, что я весьма неохотно дал письмо Татьяны, но, во-первых, клавираусцуг вышел, во-вторых, отказ растолковали бы в дурную сторону всячески.

Прощай, мой милый Петр.

Твой Петр.

58. Чайковский — Юргенсону

Clarens,
19/31 января 1879 г.

Милый друг!

Получил вчера твое письмо. Поздравляю моего хорошего знакомого с рождением дочки. Желаю, чтобы она была младшим членом своего семейства не только теперь, но и навсегда, а также, чтобы вообще семейные обстоятельства этого хорошего знакомого по возможности приносили бы ему лишь спокойствие и отраду. Думаю, что время, которое вообще сглаживает разные жизненные шероховатости, и тут окажет свою целебную силу. Льщу себя надеждой, что все ненормальное мало-по-малу онормалится (если так можно выразиться), что у уязвленных язвы заживут, что все неразъясненное и невысказанное разъяснится и выскажется и, словом, настанет мир и всеобщее благоденствие...

То, что ты мне пишешь о преследованиях и травле газет на Николая Григорьевича, невыразимо взволновало меня. Я не раз уже волновался и думал об этой мерзости, ища способа с своей стороны что-либо предпринять, чтоб содействовать к прекращению возмутительного фельетонного преследования, но затруднялся в выборе средств. Может быть, никому другому как мне не приличествовало бы написать по поводу этого громогласную статью, и я бы это сделал и охотно и хорошо, но есть причина, по которой полемика, особенно с анонимными фельетонистами, для меня навсегда невозможна. Тебе известна тактика этих гадин. Они сплетничают и бьют противника инсинуацией, а ты знаешь, как я, к несчастию, уязвим с этой стороны.[1] Опыт доказал, что меня может заставить замолчать всякий паршивый писака намеком на известное обстоятельство. И если я ради себя готов был бы плюнуть на

* варианты, обычно облегченные (*муз. терм.*)

подобные намеки, то ради очень близких и горячо любимых людей, носящих мою фамилию, я поставлен в необходимость бояться этого больше всего на свете. Таким образом, писать я ничего не могу в этом случае. Конечно, можно было бы не подписаться, но, во-первых, эти пронырливые гадины узнают, кто автор бьющей их статьи, а во-вторых, моя печатная защита Рубинштейна только тогда имела бы цену, когда бы я подписался. Я пришел вчера к тому выводу, что мне остается одно средство. Тебе известно, что Стасов, столь запальчивый, несправедливый и резкий в своих писаниях, — в сущности человек не злой и порядочный, хотя и пристрастно-односторонний. Я решил, что если написать ему письмо, в котором разъяснить ему, что на обязанности всякого честного человека, любящего родное искусство, заступиться за такого деятеля как Николай Григорьевич, что нельзя позволять, чтобы человека, оказавшего русской музыке неизмеримые заслуги, безнаказанно оскорбляли еженедельно в печати, наконец, что человек этот незаменим и все московское музыкальное дело погибнет с его уходом, — то он настолько порядочен, что заставит Суворина запретить своей московской шавке лаять на Николая Григорьевича. Так я и сделал. Письмо я написал обстоятельное и просил Стасова немедленно отправиться к Суворину и поговорить с ним об неблаговидной роли, которую его корреспондент заставляет играть „Новое время“.[2] Что из этого выйдет, не знаю, но клянусь тебе, что это единственное, что я мог сделать. Пожалуйста, держи это в секрете безусловном. Когда Стасов ответит мне, я сообщу тебе о результатах моей попытки.

Ездил в Женеву за нотной бумагой. Какой скучный и пошлый городишка. Был в симфоническом собрании. Прежде чем отвечать тебе по поводу Saint Croix, мне нужно будет узнать, где оно. В следующем письме отвечу. А покамест до свиданья.

Твой П. Чайковский.

59. Чайковский — Юргенсону

Clarens,
27 января/8 февраля 1879 г.

Получил сегодня ответ от Стасова. Он рассыпается в уверениях любви ко мне, радуется и считает себя счастливым, что я написал ему, ибо думал, что после парижских его корреспонденций[1] я знать его не хочу, говорит, что готов все для меня сделать, но по совести не считает возможным заступиться за Николая Григорьевича, которого он считает достойным газетного гнева за то, что он деспот, за то, что он приучает молодежь к холопству, за то, что он гнетет всех талантливых людей и поощряет бездарность и т. д. Он предлагает Рубинштейну защищаться печатно и берется напечатать всякое опровержение взводимых на него небылиц, обещается сказать Суворину, чтобы он был разборчив в принятии бранных статей на Николая

Григорьевича, но больше сделать ничего не может. Ну, словом, я потерпел fiasco. Письмо Стасова до крайности меня растревожило, и, чтоб не написать ему глупостей, я отложил ответ.[2] Пожалуйста, душа моя, никому обо всем этом ни слова. Пожалуйста, похлопочи, чтобы к концерту Николая Григорьевича ему устроили грандиозную манифестацию. Это все-таки будет самый лучший ответ на все мерзости. Ты не поверишь, до какой степени после всех этих огорчений Николая Григорьевича я позабыл все маленькие кошечки, пробегавшие между нами, до какой степени все его достоинства затмили теперь в моих глазах его некоторые слабости и как я горячо желаю, чтоб он остался в Москве по старому. Ведь страшно подумать, что̀ будет, если он совсем бросит дело! Только теперь, когда Москве грозит на сей раз весьма серьезно его отставка, можно вполне оценить всю бесконечную пользу и важность его для музыки в России.[3]

Ты удивляешься, что я безропотно переношу одиночество. Ах, душа моя, не только безропотно, но с неизъяснимым наслаждением. Ведь это нормальный для меня строй жизни. Я только тогда и могу быть покоен и действительно счастлив, когда один. Само собой разумеется, что я ничуть не прочь и что даже мне необходимо от времени до времени наслаждаться обществом нескольких очень немногих любимых и ценимых мной людей, — но лучше всего я себя чувствую все-таки тогда, когда одиночество мое безусловно. А как здесь хорошо теперь! Какая чудная погода! Какой сегодня был заход солнца. Я не имел духу уходить с балкона до тех пор, пока не стало совсем темно.

Тем не менее через пять дней я отсюда уезжаю в Париж! Чувствую, как ты смеешься! Как и почему — долго было бы рассказывать. Но вся суть в том, что я должен это сделать, хотя, по правде, с бо̀льшим удовольствием остался бы здесь. Впрочем, я и там буду так же безусловно одинок, как здесь. Жизнь там мне будет обеспечена на весь февраль, а в начале марта я намерен быть уже в России. Пожалуйста, обо всех сих подробностях никому ни слова. Коли спросят, где я, говори: в Париже, а зачем, почему, — не знаешь. Даже мне приятно было бы, чтобы кроме самых близких (т. е. наших, в случае если захотят писать мне) не знали, что я в Париже, ибо в самом деле оно несколько странно: курс все падает и падает, а я в Париж. Когда-нибудь обо всем этом поговорим с тобой конфиденциально. Здесь я прожил в целый месяц всего около пятисот франков. Ты спрашиваешь, далеко ли в Женеву отсюда? Четыре часа езды. Пожалуйста, поклонись от меня дорогой Софье Ивановне. Я очень радуюсь, что ей нравятся детские пьесы. История с ключом мне очень нравится.[4]

Твой П. Чайковский.

Как мне досадна история с корректурами. Желаю успеха твоей нижегородской торговле. Впрочем не сомневаюсь в нем! Если не будет чумы, я к тебе приеду на ярмарку.

П. Ч.

Дом в Кларане (Швейцария), где П. И. Чайковский писал оперу „Орлеанская дева"

60. Юргенсон — Чайковскому

Москва,
31 января 1879 г.

Дорогой друг! Спасибо тебе за твои добрые пожелания, хотя они несбыточны, пожалуй; — есть всему конец, но конец-то какой? Смерть! Разве я могу этого желать? Если я кому могу желать смерти, то только себе и не раньше, как поставив дело свое на твердое основание, т. е. хотя бы уплатою долгов капитальных, тогда — с богом[...]

Насчет Рубинштейна могу сказать, что он спокойнее, но не оставляет свое намерение поехать концертировать. Я сам читал письмо Ульмана, который предлагает ему пятнадцать тысяч francs за шесть недель в Германии и Голландии в 1879 г. и пятьдесят тысяч francs за три месяца в 1880—81 году. Он должен ехать, ибо он залез в долги для великого князя Константина Николаевича, который его заразил оптимизмом насчет освещения Яблочкова.[1] Рубинштейн взял паев на сорок пять тысяч francs = девятнадцати тысячам рублей. Деньги, конечно, занял.

Признаюсь, я не разделяю твою веру в благородство Стасова: то, что он писал о Рубинштейне, было так шпиговано неблагопристойностями — нельзя благородному человеку так писать не только про противника, но даже о враге. Но какой ему Рубинштейн враг? Боюсь, мой друг, что этот поганец будет в своем кругу хвастаться твоим письмом: как, мол, разбил; пощады просит! Кто поживет, увидит. Недавно утешила цензура Рубинштейна — не пропустила каррикатуры, которую хотел пустить „Будильник".

Душа моя, я вполне верю, вполне знаю, что ты не можешь ничего сделать против этой шайки мошенников пера. Я буду очень рад, если Стасов окажется порядочным человеком; я б о ю с ь, что ты ошибся [...]

Прощай, милый, будь здоров, кланяйся г. г. Б. Л. и N. N.

от твоего П. Юргенсона.

Скажи: я их очень люблю.

61. Чайковский — Юргенсону

Clarens,
1/13 февраля 1879 г.

Я все еще здесь, душа моя! Но собираюсь дня через два уехать. Не поверишь, как мне грустно расставаться с своей милой, тихой, одинокой Villa Richelieu. Если б я был богат, то, конечно, приобрел бы себе этот успокоительный, чудесный приют. Продолжаю заниматься, и опера все понемножку подвигается. Когда-то настанет чудная минута, когда можно будет сказать: аминь! Оркестровку я уже не считаю за работу; это приятное и совершенно спокойное времяпровождение.

С живейшим интересом прочел я историю твоего неудачного пьянства. Я припоминаю, что хотя не в такой степени, но тебе случалось и прежде иногда напиваться неудачно, т. е. слишком внезапно. Помнишь нашу поездку втроем с Кашкиным в Кунцово года два тому назад. Тем не менее казус довольно неприятный. Зато уж воображаю, как ты теперь месяца два будешь вести себя неукоризненно. Позволяю тебе не пить до моего приезда, но зато, когда буду в Москве, нужно будет непременно хоть один раз старинной тряхнуть. А уроком ты воспользуйся и узнай ценой нескольких синяков, что нельзя налегать сразу на вино, а понемножку.

Здесь совсем весна. Тепло, весело, а два дня тому назад над нашими головами разразилась страшная гроза. Что-то у нас в России будет весной! Пойдет ли черная смерть разгуливать по привольным нашим равнинам или застрянет там, где она теперь? Здесь в газетах уверяют, что русские оффициальные известия ложны и что чума свирепствует, а народ бунтует и убивает докторов; даже целая история рассказана, как были убиты шесть докторов в Ветлянке. Это очевидно басня. Признаюсь, что у нас за границей вообще считают дозволенным врать про Россию все, что угодно.

Пожалуйста, душа моя, при свидании спроси Рубинштейна, получил ли он письмо, которое я написал ему 1-го января! Мои приятели, за исключением тебя, весьма бесцеремонно не отвечают по принципу на мои письма, и я так привык к этому, что не обижаюсь, но мне было бы досадно, если б письмо не дошло до Рубинштейна.

Прощай, голубчик. Адресуй Paris, poste restante.

Твой П. Ч.

62. Чайковский — Юргенсону

Париж,
6/18 февраля 1879 г.

Милый мой купец Нижегородский!

Начинаю письмо двумя просьбами. Котек давно уж просил меня о следующих двух вещах: 1) какая-то певица Шульцен-Астен желает иметь мою карточку с моей надписью, а 2) скрипач де-Ана желает иметь мой концерт. И то и другое я давно обещал, давно пишу Котеку, что я к тебе уже обращался с этими просьбами, и давно он в каждом письме изъявляет удивление насчет твоего невнимания к моим убедительным просьбам. Наконец сегодня совесть моя заговорила, и я признался, что до сих пор ни разу ни о том, ни о другом не писал тебе. Итак, душа моя, 1) потрудись послать к Дьяговченке купить у него мою карточку, 2) вели приказчику уложить экземпляр моего концерта и пошли то и другое в Берлин на имя Котека по его адресу или через Бока. Надпись на карточке я поручил сделать Котеку, в том предположении, что г-жа Шульцен-Астен не может быть знакома с моим чудным почерком. Пожалуйста, голубчик, исполни обе просьбы.

Ты, может быть, думаешь, что я тебя сообщу что-нибудь насчет моих парижских впечатлений. „Ошибся, друг!“ — как говорит Кашкин, когда выпивши он от прозы переходит к стихам. Не сообщу, — ибо я еще не осмотрелся, приехавши только сегодня утром. Покамест я только сознаю в душе своей невыразимое сожаление о моей чудной и покойной жизни в Clarens. Увидим, что будет завтра. Что касается Clarens, то мой отъезд произвел целую драму. Хозяйка плакала, хозяин неистово трепал меня за руку, горничная девушка (необыкновенно милое

существо) плакала, и я тоже прослезился. Уверяю тебя, что нигде и никогда за границей я не чувствовал себя так хорошо, как там. Если обстоятельства позволят и если не произойдет никакого крутого переворота в моей жизни, то я намерен отныне там проводить большую часть зимы.

Здесь я пока раздражаюсь от мимо проезжающих экипажей и конфужусь чего-то, когда показываюсь на улице в толпе. Нет, я решительно создан быть анахоретом и большую часть жизни проводить в исключительном обществе г.г. Б. Л. и N. N.

До свидания, дружище. Пиши мне по следующему адресу: Rue Rivoli, Hôtel Meurice. Был сегодня на poste restante, но от тебя письма не получил.

Твой П. Чайковский.

63. Юргенсон — Чайковскому

1879 г. февраля 7—8. Москва.

Москва,
7 февраля 1879 г.

Так я и знал! Стасов если не бесчестный человек, то дипломат! Как это? Воображаемого врага сразили г....чисты, а он должен поднять палец против недостойных сплетников!! Чего захотел! Бог с ними, с этой сволочью, с этими либеральными на словах генералами. И то хорошо, если Суворин будет разборчивее и не допустит этот тон vil-se-sent. *

Я тебе писал уже (а не уже писал), что я никому не скажу про твое письмо, но сомневаюсь, чтобы Стасов не похвастался... Ну, чорт с ними.

Разве я тебе не писал, что Рубинштейн не хочет дать своего концерта ни здесь, ни в Петербурге? Это дефицит по меньшей мере 5500 р., но он тверд: „В Москве играть не буду; в Твери и Туле могу, в Москве не могу". Его Ульман ангажирует на будущий ноябрь, а на сезон 1880—81 — в Америку на три месяца; за первое tourné на шесть недель в Германии и Голландии — пятнадцать тысяч francs, за Америку — пятьдесят тысяч, и он, кажется, согласился.

Манифестацию думаем устроить в десятом концерте посредством поднесения адреса. Адрес затем будет напечатан в „Московских ведомостях" и „Голосе", с сопровождением передовых статей.[1] Я полагаю, что Рубинштейн не оставит Москву уже потому, что не хочет, чтобы сказали, будто он сложил оружие перед Лукиным, Размадзе и Карепиным. Поверь, минимая победа в данное время будет забыта очень скоро, и горлодеры нынешние не будут потом сами знать, о чем они кричали. Заграничные поездки будут, я надеюсь, всячески полезны [...]

Я сегодня получил твое письмо от 1-го февраля. Узнай, пожалуйста, что стоит Villa Richelieu, я буду отчислять с каждого рубля, полученного за твои творения, известный процент до тех пор, покуда не наберется столько, чтобы купить виллашку эту. Если не хватит денег, то я найму этот балкон, по которому ты бегал с Л. Б. и N. N. после второго акта „Жанночки", а хозяйку поставлю в обязанность посетителей доводить до балкона и, сняв шапку, благоговейно объявить: „Voila, Mrs et M-mes, sur ce balcon-là le fameux Чайковский a composé la divine „Jeanne d'Arc" (Editeur P. Jurgenson, le Breitkopf et Hartel de Moscou")** и т. д. [...]

Насчет чумы загадочно: отчего это раздувают, кому интерес, кто тут в мутной воде рыбу ловит? Вот уже пять-шесть дней телеграммы Лорис-Меликова к министру:

---

* дурно пахнущий

** Вот, господа, на этом балконе знаменитый Чайковский сочинил божественную „Орлеанскую деву" (издатель П. Юргенсон, этот московский Брейткопф и Гартель)"

в Ветлянке, Силитряном и других деревнях ни одного больного!!! Несмотря на это, наши границы во всей Европе блокированы, наши товары воспрещены!! Спрашивается, отчего мы не можем ответить энергичным возвышением на товары ввоза? Это просто богоугодное дело, а мы облизываемся и благодарим.

Сегодня был у меня Танеев. Я его спрашивал насчет письма, он хочет писать; я ему сказал: poste restante. Вероятнее, что не напишет.[2]

Где ты, бедный, блины кушаешь? С ветлянской икрой?[3] У нас теперь в моде уральская и московская, т. е. вынутая из живых рыб в Москве. Пять рублей фунт вместо одного рубля восьмидесяти копеек. Я не трушу, ем без разговора.

Писал ли я тебе, что я после девятого концерта был амфитрионом?[*] Надо сказать правду, было сухо и вяло, видно не умею я угощать.

Пабст написал Gigue в 4/4, я напечатал и... в лужу. Хорош преподаватель консерватории. Вот бы Размадзе на зубок! Опять бы московскому Брейткопфу[4] досталось.

Прощай, мой милый, долго ли ты останешься в модном Вавилоне?

Твой П. Ю.

8 февраля.

P. S. Сейчас привезли мне ящик с нотами моего издания обратно; граница наша заперта для вывоза, ввоз дозволен.

64. Юргенсон — Чайковскому

1879 г. февраля 12—13. Москва.

Москва,
12 февраля 1879 г.

Дорогой иностранный композитор!

Прежде всего исполняю поручение начальства: Рубинштейн приказывает тебе знать, что он твое письмо получил,[1] собирался тебе писать, но предпочел ежедневные репетиции твоей оперы — все-таки легче. Он велит тебе знать, что он просто влюблен в твоего „Онегина“ и принял бразды в свои руки; приходится все переучивать, и он боится не успеть к 17-му марта, и в таком случае даст, сколько успеет приготовить. Думаю, успеет.

Твоей Шмерцен-Альтен-Шульцен куплю карточку, если найду. На кой ей [1]?

Генриху де-Ана посылаю завтра концерт от себя, с надписью; я с ним знаком — с вечера у издателя Зимрока в Берлине, который меня без ужина оставил, когда все кушать пошли.

Хорошенькая эта Шульцен-Астен? [...]

Знаешь, я боюсь, немцы завербуют тебя и запишут тебя в число „своих“; ведь, ты уже намечен! Одни называют тебя шуманистом, другие вагнеристом, но во всяком случае будут писать: „Seiner Richtung nach zur deutscher Schule gehörig; lebte 50 Jahre lang in der Schweiz“.[**]

Удивительно, как ты можешь жить с N. N. и г. Б. Л.; такой деятельный человек и вдруг — с этими лентяями, по целым годам ничего не делающими водишь дружбу... Скорее я пойму „вареный лук“ [...]

Мишу отрешили от должности. Он немедленно напился и ворвался ко мне в святилище со словами: „Итак, меня уволили! Позвольте спросить, за что? Разве я Вам не служил? Даже (sic!) другие жильцы очень довольны остались, дали мне по рублю, стало быть стою“ и т. д. Затем он объявил мне грозным тоном, что он г. Чайковскому напи-

---

[*] гостеприимным хозяином [т. е. угощавшим в ресторане]

[**] „По своему направлению он принадлежит к немецкой школе; прожил в Швейцарии 50 лет“

сал, т. е.: погоди праздновать победу, тебе достанется... На другой день он прехладнокровно выехал, свалив свой скарб на ломового. Воз изрядной величины!

Писал ли я тебе о Болахонцеве? Он, бедный, в чахотке и поехал в Ялту. Вернется ли?

13 февраля 1879 г.

Сейчас получил письмо от Котека. Зачем он в Берлине? Ему это для рекламы? Чем он живет?

Тебе, вероятно, известно, что Иоахим твои сочинения не любит до ненависти! Ведь это курьез! Как мне противны подобные люди! Что за прирожденная несправедливость и глупость. Немец, с. с. Господи! эти Дитрихи-Фридрихи созданы богом просто на наказание человечеству, — именно так, как Дюбюк рассказывает.

Отчего не Hôtel de Hollande?

Прощай, парижский житель Rue Rivoli. Тут же и Ротшильд или же Rue Lafitte? Аристократы, чорт возьми.

Прощай, душка!

Твой П. Ю.

P. S. Предыдущее письмо было poste restante.

65. Чайковский — Юргенсону

Париж,
13/25 февраля 1879 г.

Душа моя! Был сейчас на почте и получил твое письмо, а вчера из Швейцарии мне прислали тоже твое послание, не заставшее меня. Знаешь, что мне даже совестно, зная, до какой степени обширна твоя переписка, получать от тебя столь часто столь большие и интересные письма. Во вчерашнем письме ты пишешь мне насчет St. Croix.[1] Я покраснел от стыда. Уверяю тебя, что я съездил бы с удовольствием, если б совершенно не забыл об этом поручении. Я все собирался узнать, где оно (т. е. St. Croix) находится, да так и позабыл! Извини, пожалуйста.

Я здесь живу сущим пустынником и только два раза выхожу на улицу, чтобы удовлетворить потребности желудка и промяться немножко. Было бы неблагодарно относительно Парижа, если б я сказал, что скучаю здесь. Помещение мое теперь, на заднем дворе гостиницы, очень тихое, и никто меня не беспокоит, так что работаю не меньше, чем в Швейцарии. Бываю в театрах изредка, имею много книг, ну, словом, живу очень хорошо, но все-таки в тайне души вздыхаю о своей милой вилле Ришелье. Я создан для такой жизни, и только подобные условия существования могут вполне удовлетворять меня. Никакой город и никакой блеск и шум не могут дать того чудного ощущения совершенного покоя, совершенной свободы, которые возможны в тихих и изолированных уголках мира. А если еще к этому прибавить красоты такой природы, как на берегах Женевского озера, — то чего же лучше. Однакож, постоянно жить в Швейцарии русскому нельзя. Горизонта нет, и горы в конце концов давят и душат. Если мои обстоятельства не переменятся, то я надеюсь каждую зиму месяца два-три жить в моем возлюбленном Clarens.

В воскресенье я испытал громадное музыкальное наслаждение. В одном концерте (в Châtelet, где играет оркестр Colonn'a) давалась одна из любимейших моих вещей: „La Damnation de Faust" Берлиоза. Исполнение было очень хорошее. Я так давно не слышал хорошей музыки, что плавал в эмпиреях, чему не мало способствовало то, что я был один, что никакие знакомые рожи около меня не сидели, что Лангер не делал многозначительных мин, Кондратьев не тыкал меня пальцем в бок в тех местах, где ему нравится, и т. д. Но что это за вещь! Бедный Берлиоз! Пока он был жив, его здесь знать не хотели. Теперь в газетах его называют: „Le grand Hector"! ²

Не малое удовольствие доставило мне также вчерашнее представление в Comédie Française. Сегодня здесь празднуется так называемый Mardi gras,* по улице масса ряженых, толкотня, суета. Я потолкался среди их после обеда и вернулся домой, велел подать чаю, благодушествую за чайком и пишу письма милым людям. Господи, до чего я, собственно говоря, благополучен! Мог ли я когда-нибудь мечтать, что буду так наслаждаться жизнью! Иногда мне как Собакевичу (который, никогда не быв болен, говорил, что это не к добру) кажется, что все это непрочно и что мне готовятся какие-нибудь напасти.

До свиданья, душа моя!

Твой П. Чайковский.

Адрес мой: Rue de Rivoli, Hôtel Meurice. Останусь еще шестнадцать дней.

66. Чайковский — Юргенсону

Париж,
18 февраля/2 марта 1879 г.

Ты меня просто конфузишь своими письмами, любезный Колпак (т. е. житель Колпашного переулка)! Теперь я даю тебе двухнедельный отпуск и буду ждать следующего твоего письма в Петербурге, куда я собираюсь довольно скоро, а именно приблизительно через неделю, а так как ты сие письмо получишь дней через пять, то писать сюда уже не стоит. Я остановлюсь в Берлине дня на два или на три.

То, что ты мне пишешь об „Онегине", мне очень приятно. Полагаю, что по случаю смерти бедного великого князька[1] представление не состоится! Очень жаль! Или несмотря на все все-таки дадут его? Не думаю!

Я продолжаю вести жизнь анахорета, несмотря на то, что нахожусь в центре цивилизованного мира. Даже в театре не бываю! Был сегодня в концерте Паделу. Программа очень интересная и исполнение изрядное, но далеко не первоклассное. Сегодня воскресенье, погода чудная, и очень было приятно гулять по оживленным улицам. Но, пообедавши,

* последний день масленицы

я все-таки тотчас вернулся домой, надел халат и сижу, втайне души вздыхая о своей кларанской хозяйке и о милой горничной Marie и о пустом доме, которого я был единственным обитателем!

Мне очень жалко, что этот дурак Михайло лишился хорошего места. Он малый честный и добрый, но его несчастье — непомерная глупость и способность при хорошем обращении быстро делаться тунеядцем и лентяем. Очень жаль, но главное неприятно то, что я сознаю на себе вину его крайней избалованности. Какую разницу представляет его брат. Я его балую еще в десять раз больше, но это на него имеет только благодетельное влияние, т. е. нисколько не ослабляет рвение и заботливость о мне и лишь облагораживает и возвышает его. Представь, что он очень усердно занимается сам по Оллендорфу французским языком и начинает уже кое-что болтать. Ты спрашиваешь, на что живет Котек. Он зарабатывает уроками (у него, благодаря сначала протекции Иоахима, а потом самому себе, от уроков отбоя нет) более четырехсот марок в месяц, несмотря на то, что плата там небольшая. Кроме того, он во всех богатых берлинских домах играет в квартетах с Иоахимом и с де-Ана то вторую скрипку, то альта. В первое же время он пользовался помощью нескольких друзей и в том числе меня. Но это продолжалось очень недолго. Он сделает карьеру: малый очень ловкий и умеющий нравиться.

Сегодня я получил известие об отчаянном положении Николая Львовича и решился просить тебя дать ему двадцать пять рублей из моего счета. Извини за беспокойство. Итак, голубчик, буду ждать от тебя письма в Петербурге и прошу адресовать к Анатолию: Новая улица, дом 2, кв. 30.

Твой П. Чайковский.

67. Юргенсон — Чайковскому

1879 г. февраля 17—21. Москва.

Москва,
17 февраля 1879 г.

Тебе, конечно, все равно, но а мне приятно следующее: „Франческу“ исполняли в Нью-Йорке 21-го декабря в Филармоническом обществе. Кроме того, исполняли: „Eroica“ Бетховена и Pastorale из Symphonie fantastique Берлиоза, пела Минни Гаук. Текст твоей программы в переводе Лонгфелло был напечатан на афише; мне сообщают: mit vielen Beifall.* 8-го февраля исполняли там же Третью твою симфонию; понравилась менее, ибо не была так тщательно einstudirt. ** Оркестр из шестидесяти трех струнных и двадцати пяти прочих инструментов. Это самое уважаемое учреждение концертное в Америке, существует уже тридцать семь лет. Ты участвовал в сто семьдесят седьмом концерте.

Кстати! но спросишь: почему кстати? — Пишу это письмо вообще в виде memorandum'a. Итак, умоляю тебя, достань мне у г-на Б[illegible] свой оригинал трех пьес, наври ему, что хочешь: что нужен он для проверки корректуры, что ты ему собственноручную копию дашь, но оригинал чтобы он выслал. Ich bitte, Herr ex-Professor, seien

* при сильных аплодисментах
разучена

sie kein Schwein. * Это мой каприз (отчего мне не иметь капризов?), подкладка которого все-таки доброкачественна, т. е. собрание твоих рукописей в твердых руках — для потомства [...]

20 февраля.

В последнее время я одурел. Совсем помолодел, делаю глупости. Будучи выпивши, я хотел сказать любезность Дмитрию Васильевичу,[1] нашему амфитриону, и говорю: „Нет ли у Вас, Дмитрий Васильевич, еще экземпляров Вашей истории музыки, — спрашивают". — „Есть", говорит. — „Передайте мне, хотите на комиссию, хотите — за деньги, отдайте мне все!" — „Хорошо, мы с тобой об этом поговорим". На-днях я послал к нему экземпляр твоей литургии с надписью: „Многоуважаемому Дмитрию Васильевичу от издателя". Получаю вчера письмо, postillon ** был его сын (странный мущина!). Письмо начинается: „Ваше Высокородие, Многоуважаемый Петр Иванович". Дальше он приносит к стопам моим горячие благодарности, тронут, очевидно, до слез и, наконец, просит о рандеву. Я, не откладывая в дальний ящик, лечу к нему. Что между нами произошло, пусть останется тайной для всех. Результат: некто вышел из серенького домика, удрученный 418 экземплярами церковной музыки и беднее на 836 рублей. Не ожидал! — сказал я себе, и мог благодарить только судьбу, что их не было больше. Виноват я только сам: я был почему-то уверен, что экземпляров очень мало, и, не спросясь броду, полез в воду. Пророни хоть ты слезу, мой друг, за последствия моего благородства. Я начинаю „благородничать" à la Н. Д. Рдевского, помешанного на благородстве. Я, впрочем, имел все-таки столько присутствия духа, что выговорил себе рассрочку платежа в течение года. Дмитрий Васильевич хотел мне за поднесенный экземпляр твоей литургии отдать два рубля. Он славный старик [...]

Ну ее к maman, эту St Croix. Чорт их дери, этих boites à musique. Я рад, что ты не был [...]

Недавно я вдался в литературу обличительную в „Московских ведомостях".[2] Тупоголовые немцы насмехаются над нами и не пускают наш товар к себе, публику обкуривают г о л ы м и в течение шести часов в Эйдкунене и прочих местах и т. д. Между товаром воспрещенным, однако же, ноты не были названы. Я отправляю к моему другу Чиардулли в Неаполь ящик с нотами на Берлин — не принимают! Каково усердие россиян! Я передал ящик экспедиторам, немцам, и те преспокойно приняли и отправили [...]

Чиардулли пишет мне огромные письма огромного формата; я все собираюсь к итальянцам для перевода и никак не доберусь... С сонатой никак не могу разрешиться, марш в четыре руки вышел. Симфония гравировкой окончена, теперь начнутся корректурные мытарства.

Прощай, милейший парижанин.

21/2. 79.

Твой П. Юргенсон.

68. Чайковский — Юргенсону

Париж,
25 февраля/9 марта 1879 г.

Милый друг!

Я должен прибегнуть к тебе опять с денежной просьбой, как это мне ни неприятно. Но на этот раз я займу у тебя на самый короткий срок, т. е. до 1-го апреля, и не думай, что по случаю 1-го апреля я тебя обману. Дело в том, что я поступил очень глупо со своими финансами

* Прошу вас, господин экс-профессор, не будьте свиньей.
** почтальоном

и вследствие этого могу доехать только до Берлина; чтобы добраться до Петербурга и заплатить за мое пребывание в Берлине мне нужно около пятисот марок, ну, словом, двести пятьдесят рублей.[1] Попрошу тебя прислать их по адресу Котека и, если можно, по телеграфу на какого-нибудь банкира, ибо мне не хотелось бы в Берлине долго оставаться. Я выезжаю отсюда в среду 28 февраля/12 марта и 29/13 буду в Берлине, где хотел бы остаться не более двух дней.

Я сейчас слышал исполнение „Бури" в концерте Châtelet. Мне очень грустно сообщать моему издателю, что, несмотря на хорошее исполнение, она не имела никакого успеха. По окончании ее раздались тощие аплодисменты и несколько очень энергических свистков. На меня это произвело очень грустное впечатление, совершенно испортившее розовое настроение духа, в котором нахожусь уже несколько дней, вследствие совершенного окончания оперы. Я рад буду отсюда уехать. Впрочем, я почти был уверен, что так будет, хотя ожидал от себя большей силы духа.[2]

Прости, что не пишу больше,—очень устал. Извини за приставание с деньгами. Ей-богу, это совершилось неожиданно для меня самого.

Твой П. Чайковский.

Адрес Котека: Linkstrasse, 18, II Treppe. Herrn Iosef Kotek

69. Чайковский — Юргенсону

Париж,
26 февраля/10 марта 1879 г.

Сегодня утром я получил твое милейшее письмо, а часов в пять— не менее милую и курьезную телеграмму.[1] Замечательно, что эта телеграмма не была ни на волос переврана, тогда как телеграммы французские всегда доходят в искаженном виде. Я очень, очень благодарен тебе за это приятное известие, к тому же сообщенное на русском языке. Но мне немножко совестно перед тобой. Ты мне посылаешь приятные известия — я же только пристаю к тебе с деньгами. Впрочем, повторяю, что этот заем я делаю независимо от всяких других обязательств и отдам тебе долг наверное не позже 1-го апреля.

Известие, что „Онегин" пойдет, меня тем более обрадовало, что я решил, что по случаю смерти бедного юноши-великого князя он будет отменен. Желание слышать „Онегина" превозмогает мою склонность прятаться, и поэтому я решился 17-го числа непременно быть в Москве, но не иначе как инкогнито, т. е. так, чтобы кроме консерваторского тесного кружка никто об этом не знал. Я надеюсь, что Карлуша будет так добр и сумеет меня куда-нибудь спрятать так, что я бы наслаждался слушанием своего творения никем не подозреваемый. Как и где можно будет меня спрятать, — я не знаю, но прошу тебя сообщить об этом Карлуше и Николаю Григорьевичу, так как около

6-го или 7-го числа я буду в Петербурге, а тут уж недалеко будет и 17-го марта, то попрошу тебя, голубчик, написать мне приблизительно ко дню моего приезда в Питер подтверждение, что опера не отложена. Я еще не знаю, приеду ли в Москву так, чтобы до отъезда в деревню там и остаться, или вернусь в Петербург, но во всяком случае приеду.

Я уже сегодня вполне утешился от воспоминания о вчерашнем шиканье и с достодолжным равнодушием переношу сию маленькую неприятность. Ведь я ожидал этого — другого и не могло ничего быть. Мне, конечно, неловко самому принимать на себя инициативу, но мне очень хотелось бы и Паделу и Colonn'у как-нибудь дать знать, что есть одна моя вещь, которая наверно здесь понравилась бы и с которой следовало бы начинать знакомство французов со мной: это Andante Первого квартета. Это тем более возможно, что в каждом концерте и того и другого исполняются отрывки камерной музыки, исполняемые всем оркестром. Не мог ли бы ты как-нибудь об этом хлопотнуть?[2]

Сегодня я встал с головною болью, ибо вчера сильно выпил, дабы опохмелиться, за завтраком тоже хватил не мало. Гарсон подал мне газету, в которой я прочел ругательство на себя.[3] Это только удвоило мой аппетит.

До скорого свиданья.

Твой П. Чайковский.

А все-таки Париж чудный город.

Петербургский адрес: Новая улица, на углу Невского, дом № 2/75, кв. 30.

70. Чайковский — Юргенсону

Париж,
27 февраля/11 марта 1879 г.

Ты удивишься, что я опять тебе пишу. Мне хочется несколько утешить твое издательское сердце. Сегодня я узнаю из газет, что шикал „Буре" в сущности только один человек. Он же шикал и Сен-Сансу.[1] Посылаю тебе вырезку из газеты, которая подтвердит тебе это известие. Вообще, с свойственной мне способностью всякие свои маленькие невзгоды видеть в очень преувеличенном свете, я преувеличил и неуспех „Бури".

Твой П. Чайковский.

71. Юргенсон — Чайковскому

1879 г. февраля 28 — марта 2. Москва.

Москва,
28 февраля 1879 г.

Любезный друг! Начинаю письмо ради памяти несчастной...

Какого ты мнения насчет „Ромео и Юльетты" Чайковского? Не следует ли продать эту увертюру Юргенсону? Он бы издал эту достойную вещь достойным образом во

всех видах и заплатил бы гонорар. Названный opus издан в партитуре, голосах, для двух фортепиано и в четыре руки одинаково скверно.[1]

Я имел случай без натяжки передать Бесселю о своем желании купить твои вещи у него за хорошую цену и с условием доставить ему экземпляры моего издания этих вещей по особенно дешевой цене и с его фирмой, — он не дал ответа. Ты помнишь, я ему отказал в кредите и прекратил сношения. На-днях получаю от него письмо, в котором он изъявляет желание иметь со мною прямые сношения, но таким тоном, как будто он положил гнев на милость. Я ему ствечал очень вежливо, не отказывался иметь с ним дело, но поставил ему на вид неудобства его предложения м е н я т ь с я и з д а н и я м и и высказал свои соображения насчет основания, на котором его желание может быть исполнено. Очень вежливо и осторожно тут же предложил ему продать мне твои вещи; он отводит себе душу притворным небрежением... O tempora, o Bessel & Co! [2] [...]

2 марта 1879 г.

Вчера Софья Ивановна была у Кашперовых. Их, не исключая и Софью Ивановну, осчастливил Тургенев, просидев там вечер. Он оказывается твоим пламенным поклонником, знает и имеет все твои вещи, все решительно. Расспрашивал о неизданных, не готова ли соната, наконец просил ввиду болезни ноги прислать ему Литургию, последние романсы, скрипичные вещи, говорил много про „Онегина", восторгался музыкой, и смеялся добродушно над либретто, называя оное „чимборассо". [3]

Я бы твоему либреттисту сделал серьезные представления за небрежность к композитору. Дай ты durch die Blume * понять, что подобное отношение к другу доказывает все, кроме дружбы, и поверь, как ни легкомыслен N. N., он наверное поймет, что с тобой шутить нельзя, что ты ему поставишь бекар — а он что без тебя? Своих ног нет.

Я, конечно, поспешил Тургеневу послать ноты. Не хотел бы я с него взять деньги, но как он примет мой кадо? ** Ты знаешь, он всегда в Москве живет у Маслова. Удивительно, как это великие люди, как Тургенев, дружатся с глупцами, подобными Маслову! Или — вдруг Маслов умен, но усиленно это скрывает? Он мало того что глуп, но он еще и не особенно добродушен. Что он со мной обращается свысока, можно и приписать личной антипатии, но Рубинштейну он симпатизирует, но он вовсе с ним не в таких отношениях, чтобы, когда Рубинштейн входит в директорскую, сидя его приветствовать, между тем как Рубинштейн всегда встает. Таких, как Маслов, — миллионы, много ли гениальных людей? Итак, решено: гениальные люди любят глупцов, и я опять в дилемме: если так, то ни ты, ни Рубинштейн меня не любите, или: я глуп? По свойственному человеку самолюбию, я ищу den goldenen Mittelweg *** и нашел его, — где бы ты думал? — в „Онегине", в первом же акте:

Ларина и н я н я (вместе):

Привычка свыше нам дана,
Замена счастию она.

Наша старая „Дуня" все это поет... Вариант:

Привычка свыше нам дана,
Взамен любви для Юргенсона!
(ударение на на).

Сегодня вечером концерт учеников и ужин в самом собрании. Выручка будет не дурная. В воскресенье восьмой квартет с твоим квартетом № 3.

Еще эпизодик из вечера „с Тургеневым". Понятно, что Кашперова, композитора „Марии Тюдор" и „Грозы", коробило от похвалы „Онегину", и он пробовал пакостить.

---

* сквозь цветы (мягко)
** cadeau (*фр.*)—подарок
*** золотую середину

сказав: „Помните, Иван Сергеевич, такое-то место напоминает такое-то место из «Нормы»?“ Тургенев очень мило замял эту глупость.

Получил ты мою телеграмму в Париж? Как тебе понравились шифры? Ключ нашел? Быть может, телеграфисты переврали? Вот содержание: „Субботу исполняли „Онегина“ всего с оркестром. Чудесно! Пойдет неминуемо 17 марта“.

Прощай, милейший друг. Если увидишь Васюку, то дай ему под..... (сколь искусно скрыл непечатное слово). Кланяйся братцам и Анатолию Ильичу, который на меня сердится за непочтительное письмо и прекратил знакомство.

Твой П. Ю.

72. Юргенсон — Чайковскому

Москва,
12 апреля 1979 г.

„Jurgenson, que me veux tu?“ * — скажешь ты, пожалуй, получив знакомый тебе конверт.

Нельзя, „очень интересно то, что я“... знаю.

Был у меня Римский-Корсаков. Пришел узнать, что можно ли на меня рассчитывать или надо отложить попечение временно или совсем. Я ему взял да и рассказал, как я понимаю: что я де согласен саночки возить, но с условием, чтобы иногда и кататься, ибо смешно будет, если я буду издавать тяжеловесные квартеты с убытком нескольких сот рублей, а вещи, на которые есть сбыт, достанутся Бесселю. Он согласился с верностью моих доводов, но свалил тогдашнюю неудачу н а т е б я! Надо же было souffre-douleur'а ** найти! Словом, он припер меня к стене и вколотил в мой на минуту разинутый рот четыре фортепианных пьесы и, покуда я ими давился, втиснул туда же пятую.

Гонорар он пожелал иметь твой! Я отклонил это тем, что сказал: „У нас особые условия с Чайковским, у нас назначение гонорара идет как по маслу“. Он нашел, наконец, мерилу: „По примеру прежних лет, как за шесть романсов, — кажется, сто тридцать рублей?“ Когда я напомнил, что всего сто, то он поспешно согласился. „Итак, — говорю, — там за шесть сто рублей, стало быть, тут за четыре шестьдесят рублей“. — „Маловато! — говорит Римский, — я полагал бы восемьдесят рублей“. — „Извольте“, — говорю. — „И знаете, — говорит ласково Корсаков, — я поищу у себя пятую пьесу, чтобы было сто рублей, с одной стороны, для округления цифры, а с другой — в с е о д н о й п ь е с о й б о л ь ш е в п е ч а т и“!! Комично! [...]

Ларош был у брата и взял у него двадцать пять рублей за мой счет под предлогом, что он получил от меня работу, потом сообщил Осипу Ивановичу, что теперь неудобно писать о Литургии, и будто я все-таки виноват, — зачем я напечатал без разрешения директора капеллы... Совсем жулик!

Я, со своей стороны, написал подробно Брандусу, Боку и Доору, прося их, заклиная их во имя дружбы, во имя свободы науки поднять гвалт во всех газетах, им доступных. Посмотрим. Прощай.

Твой П. Ю.

73. Чайковский — Юргенсону

Каменка,
14 апреля 1879 г

Милый друг!

Все сие письмо есть ничто иное, как ряд просьб, которые попрошу тебя по возможности исполнить и при этом простить нахальство, с которым продолжаю злоупотреблять твоей дружбой.

---

* „Юргенсон, чего ты от меня хочешь?“
** козла отпущения

1) Мне нужно купить пианино ценой приблизительно рублей в триста. Есть ли у тебя в складе таковой? Если есть, то я его приобретаю на чистые деньги и попрошу прислать мне, и по возможности скорее! Если нет, то попроси, пожалуйста, Кашкина или Танеева поискать для меня у Николаи и у других, например, у Мейкова.

2) Потрудись подписаться для меня на „Московские ведомости" на полгода, с пересылкою сюда в Каменку.

3) Сестра потеряла счет должных тебе ею денег за последнюю посылку нот (кажется, осенью) и просит таковой прислать.

4) Потрудись послать артельщика к Соловьеву и купить у него две книги, а именно: 1) „Религия и философия", Бориса Чичерина и 2) „Князь Бисмарк и его люди", Буша. Обе книги только что вышли. Вот покамест все. Если Ларош исполнил свое обещание и написал статью об аресте Литургии, то потрудись и ее прислать. Сегодня я кончил партитуру сюиты и завтра принимаюсь за четырехручное переложение. И то и другое пришлю тебе через недели полторы. После того примусь за инструментовку оперы.

Я здесь ожил. Погода стоит чудная, люди окружают меня хорошие, и так как нет никакого сомнения, что я не встречу, гуляя по полям и лесам, ни Василия Соколова, ни Шостаковского, ни Александры Дормидонтовны,[1] ни Стасова, ни Лукина, ни Кавелина, ни Мамонтовой, ни Муромцевой, ни Фаворского, ни вообще каких бы то ни было людей или противных или скучных, ни, наконец, гениальной и несравненной дамы, получающей у тебя пятьдесят рублей в месяц,[2] — то я покоен и доволен. Правда, что зато я не встречаю нескольких милых друзей, в числе коих и ты на первом плане, но что делать! Нет возможности соединить в одно целое все желательные блага!

До свиданья, душа моя! Поклонись всем и Софье Ивановне в особенности.

Твой П. Чайковский.

74. Юргенсон — Чайковскому

Москва,
14 апреля 1879 г.

Друг неразумный!

Внимая твоим мольбам, Татьяна (Климентова тож) сняла с себя портрет в образе и платье княгини Греминой, но, увы! чуть ли не саженной величины! Куда мне с этой громадиной? Где ты поместишь оный портрет? Переслать ли тебе его и в каком виде? В рамке или в тисках досчатых или заканачен в дупле столетнего дуба? Ответствуйте! Покуда я погрёб (можно ли так сказать?) Татьяну в недрах моей конторки.

Чайковский, я скрывать не стану,
Едва я поместил Татьяну.

Надпись гласит: „Милому и симпатичному Петру Ильичу Чайковскому от Татьяны (Климентовой)". Несколько покровительственно, не правда ли? Это в духе, знаешь, двадцатых годов. Татьяна иначе не стала бы говорить. Верно?

Сегодня „мы“ пахали, т. е. подносили адрес Долгорукову.[1] На мою долю досталось левую перчатку князя пожать и немой поклон. Чтобы достигнуть этого, я ждал два часа, а другие—пять часов!! — Посчастливилось мне ради того, что я приехал двумя часами позже назначенного. Там со мной случился легкий конфуз: я разорвал свой фрак на том месте, где сзади пуговица, и вынужден был ходить все время, покрыв это место шапо-кляком. Под конец я так изловчился, что хоть еще трое суток, покрываясь фиговой шляпой, ходить по княжеским салонам.

Я теперь знатно работаю: только на полчаса домой обедать и назад в контору вплоть до одиннадцати часов вечера каждый день.

Прощай, будь здоров.

Твой П. Ю.

Погода у нас великолепная, 18 градусов в тени.

75. Чайковский — Юргенсону

Каменка,
19 апреля 1879 г.

Милый друг! Напрасно ты думаешь, что Климентова сняла свой портрет, вняв мольбам моим. Это сделалось по ее собственной инициативе. Попрошу тебя портрет этот покамест оставить у себя, или же, если найдешь возможным, доставить его к С. А. Бернард, которая в скором времени должна прислать мне сюда всю группу исполнителей „Онегина“. Я думаю, что нетрудно будет присоединить Климентову к группе. По поводу этого портрета я должен обратиться к тебе с новой просьбой. Потрудись, голубчик, послать к Дьяговченке и велеть ему сделать дюжину моих карточек, если негатив сохранился, и пусть они пришлют эти карточки сюда, и я вышлю деньги, или же если будешь так мил, то ты заплати и пришли. (Кстати! Не забудь, пожалуйста, при первом удобном случае прислать мне счет забранных у тебя капиталов.) Карточки эти мне нужно послать разным исполнителям „Онегина“, которым я это обещал, и в особенности Климентовой, которая очень просила и взяла с меня слово. Клянусь, что больше не буду тебя беспокоить своими поручениями. Что касается надписи г-жи Климентовой, то она мало меня удивила. Из разговоров с ней я имел случай удостовериться, что сия барышня весьма самоуверенна и в то же время весьма недалека. Господь с ней.

Я здесь очень основательно устроился. Все мои книги, портреты приехали, стол украшен обычными московскими украшениями и если бы была собака Бишка, то, сидя у себя в комнате, я мог бы иногда воображать себя в Москве. Работаю очень усиленно. Хочу как можно скорее спустить с рук несчастную и до нельзя надоевшую сюиту. Дня через три все будет кончено, и я питаю сладостную надежду, что в будущем сезоне она будет исполняться по печатным нотам. Или я очень ошибаюсь, или эта вещь должна иметь успех и способна быстро распространиться. Она очень скромно и легко инструментована.

Погода здесь стоит великолепная. Все было бы очень хорошо, если б меня не беспокоила сестра, которая в последнее время очень часто недомогает. Вчера она уехала по семейному делу в Киев, а сегодня получена депеша, что она там захворала. Зять отправился туда, а мы здесь все в ужасном беспокойстве. До свиданья, дружище. Прости за вечные беспокойства.

Твой П. Чайковский.

История посещения тебя Корсаковым весьма заняла меня. Я был о нем до сих пор лучшего мнения.

76. Чайковский — Юргенсону

Каменка,
22 апреля [1879 г.]

Mercі, душа моя, за исполнение моих назойливых просьб.[1] Относительно пианино я не решаюсь ни на Блютнера, ни на другого. Инструмент нужен мне самому, но так как настоятельной необходимости нет пока, то я решился подождать, ибо вдруг стало жаль денег. Так как все лето я буду занят инструментовкой оперы, то в инструменте нуждаться не буду, да и некогда будет много играть. Откладываю покупку до осени. Тебя же от всей души благодарю и прошу извинения за то, что побеспокоил напрасно.

Относительно желания Кашкина и Танеева скажу тебе, что не следует пренебрегать их предложением. (Между нами: я лучше бы желал, чтоб все сделал Танеев, ибо он большой дока по части фортепиано и вообще на него можно как на каменную гору положиться.) Что касается того, что оба сии моих друга работают тихо, то это ничего, ибо ведь спешить особенно нечего. Пожалуйста, дружище, если возможно, устрой, чтоб можно было в будущем сезоне исполнять мою сюиту. Полагаю, что лучше всего было бы, если бы репетиции того концерта Музыкального общества, на котором Николай Григорьевич ее исполнит, послужили бы третьей корректурой для голосов и для партитуры. Я начинаю ужасно гордиться сам своим творением, ибо вижу, как здесь некоторые части оного сильно нравятся. Все мои сожители сходят с ума от Andante, а с одной девицей, после того как мы с братом в четыре руки сыграли Andante, сделалась истерика (factisch!!!).* Доводить прекрасный пол до истерики, — ведь это верх авторского торжества!!! Ты пишешь, что Стасов сидит. Какой? Владимир или Дмитрий?

До свиданья, голубчик. Бесконечно благодарен за исполнение всех просьб моих.

Твой П. Чайковский.

---

* (фактически!!!)

77. Чайковский — Юргенсону

Тартаки,
6 мая 1879 г.

Давно мы не перекидывались с тобой письмами, почтенный дружище мой. Впрочем, может быть, меня и ожидают теперь письма и в том числе твое в Каменке. Дело в том, что я теперь гуляю, т. е. отправился погостить в пустое имение брата моего зятя с специальною целью провести несколько дней в полном одиночестве и праздности.[1] От времени до времени я нуждаюсь в таком образе жизни, т. е. в нахождении себя в t ê t e - à - t ê t e с матерью-природою. Это для меня величайшее из наслаждений. Целый день провожу в гуляньи, мечтаньи, читаньи, играний и молчу. Бедная партитура моя ждет меня в Каменке и томится в тоске разлуки со мной. Зато, возвратившись в Каменку, я, вероятно, не расстанусь с ней уже до тех пор, пока она не будет готова. Получил ли ты с ю и т у?

Человеческое существо женского пола, по неисповедимому промыслу судьбы носящее мое имя и связанное со мной узами брака, совершенного по обряду православной церкви протоиереем Дмитрием Васильевичем Разумовским, настоятелем храма св. Георгия, что на Вспольях, — обратилось с письмом к брату Анатолию (я запретил ей писать себе), в коем уведомляет, что ей н а д о е л и о с к о р б л е н и я и что она желает формального со мной развода. А так как к Анатолию зимой таскался от нее какой-то господин с предложениями развода и господину этому Анатолий сказал, что, пока у него не будет доверенности, он с ним не может говорить серьезно, — то она возвещает, что он явится с доверенностью. При этом считает долгом прибавить, что она считает его с л и ш к о м с н и с х о д и т е л ь н ы м в т р е б о в а н и я х и поэтому недовольна им. Она до сих пор еще ничего не может понять и воображает, что имеет право чего-то от меня требовать!! Замечательно, что про этого самого господина она говорила мне в Петербурге, что он нахал, дурак и что она отнюдь не посылала его к Анатолию, а это он по своей воле, ибо страстно влюблен в нее.

Словом, опять начинается канитель и, вероятно, опять ничем не кончится. Но на этот раз я не тронусь до тех пор, пока не окажется, что дело принимает серьезный оборот. Я поручил Анатолию сказать, что д е н е г никаких не дам.[2]

Твой П. Чайковский.

78. Юргенсон — Чайковскому

Москва,
12 мая 1879 г.

Любезный друг! Я тебе писал обо всем интересном здесь, теперь остается мне только еще добавить, что все обстоит благополучно: мы хотя у чинов полиции и находимся под сомненьем, ибо, по их суждению, „не станет же генерал требовать незакон-

ного, притом Гутхейль т о ж е говорит, что такой закон есть" (извлечение из разговора моего с квартальным).

Дмитрий Стасов, вернувшись из невольного уединения, пишет, что ни в каких законах древних и новых, даже ни в указе 1816 г., который цитируется Бахметевым, нет следа о власти директора капеллы налагать veto или разрешать церковную музыку к печати. Стасов, впрочем, допускает, что есть указ или закон неопубликованный и тогда Бахметев прав. Сомнительно! Почему бы тогда Бахметеву скрывать этот закон? Почему он цитирует указ 1816 г. в и с к а ж е н н о м виде! Левенсон ужасно хлопотал за нас, даже таскался по канцеляриям и управлениям в Питере и приготовил почву для будущего успеха. Ну, бог с ними! Я знаю, тебе этот вопрос немножко уже надоел. Ларош, с. с., ни единой строки не написал, даже Размадзе и тот замолвил в „Молве", „Новое время" упомянуло робко и деликатно, но не молчат. Мне сдается, что Ларош тебя ненавидит и завидует тебе и поет, выпивая седьмой стакан водки: „Нет, пусть погибну я..."

Кстати о „Онегине". Танеев положительно отказывается арранжировать, Кашкин тоже ничего не сделает, и потому прошу тебя разрешить мне поручить двухручное переложение Александре Ивановне.

Если я когда-нибудь, друг мой, с ума сойду, то поверь, что бы ни говорили, ни от чего другого свихнулся я, как от корректур и корректоров. В самом деле, ничто так не тревожит и раздражает, как повторение одного и того же неприятного впечатления или мысли. Кашкин не состоит уже более корректором, но у него лежат: 1) партитура твоего концерта, 2) Четвертая симфония 4/ms, * 3) „Хота" и „Мадридская ночь" в партитуре, 4) „Аида" для пения и т. д. Последние корректуры были верх совершенства: в трех пьесах дрянного композитора Томсена для корнет-а-пистона с фортепиано, после надписи Кашкина „поправивши, печатать", г. Мессер нашел еще д о с т а о ш и б о к!! Хорош бы я был!!

О дружба, это ты! Знаешь, я ужасно горжусь тем, что мы с тобою, имея постоянно денежные дела никогда о деньгах не спорим. Конечно, как откликнется, так и аукнется, но неужели я перед Кашкиным виноват? Никогда, со времени знаменитого вечера у Зверева, лет восемь тому назад, я о деньгах с Кашкиным не говорил и ему в оных не отказывал. Бог с ним! [...]

Известие о человеческом существе, в гражданской жизни называемом А. И. Чайковской, меня не удивило. Чем больше ты покажешь равнодушия и с п о к о й с т в и я, тем скорее, вероятно, роли переменятся и просительницей явится она, — и представь себе, вдруг она тебе предложит десять тысяч рублей. Если тебе представится случай быть ею недовольной, накажи ее отнятием пенсии на один или два месяца; этим ты докажешь свою независимость, и ничто не препятствует тебе подарить ей потом за хорошее поведение сто рублей.

Прощай, сердечный друг. Если случится что — напишу.

Твой П. Юргенсон.

79. Чайковский — Юргенсону

Каменка,
15 мая [1879 г.]

Дружище! Получил сегодня милейшее письмо твое. Вчера приехал сюда и нашел присланную тобой на просмотр транскрипцию М е с с е р а. На-днях займусь ею и тотчас пришлю тебе назад. Дай тебе боже повергнуть в прах старикашку Бахметева, и я почти уверен, что на нашей улице праздник будет. Неужели Ларош, не написав обещанной статьи, все-таки получил двадцать пять серебром?

---

* в четыре руки

Весьма радуюсь, что ты отдашь „Онегина“ Александре Ивановне.[1] По правде сказать, как-то совестно возлагать подобную работу на Танеева. М-me Губерт с ней отлично справится. Относительно твоих ламентаций по поводу корректоров скажу тебе, что это действительно грустное обстоятельство. Нельзя ли за дешевую цену найти хорошего корректора из немцев, который пошел бы на это охотно и делал бы свое дело серьезно? Сколько вижу из твоего письма, с Кашкиным ты разошелся окончательно (т. е. как с корректором), нужно же кого-нибудь на его место? Кстати, отчего у него корректура Четвертой симфонии, а не у Танеева? Во всяком случае, прежде отпечатания попрошу тебя прислать на последний просмотр ее мне! Сюиту, несмотря на доверие, которое внушает мне Лейпциг, тоже желал бы в свое время просмотреть. Это никогда не лишнее. Очень рад, что четырехручное переложение было в руках Клиндворта; надеюсь, что он кое-что там подчистит.

По части бракоразводного дела ничего нового. Во всяком случае я ни за что не соглашусь начать его ранее осени. Боже мой! Какую я задам знатную выпивку в тот день, когда у меня спадет с плеч эта ужасная, невыносимая обуза!

Теперь я намерен серьезно засесть за оперу, и так как летняя работа всегда очень утомляет, то хочу значительно сократить свою огромную переписку, а для постоянных и главных корреспондентов назначить известные дни. Тебе буду писать по четвергам, а если материалу не хватит или очень устану, то даже не каждую неделю. В следующий четверг, т. е. послезавтра, писать не буду. Иногда на меня находит очень страстное желанье побывать в Москве и повидаться с тобой и другими друзьями. Но когда вспомню, что там обретается Антонина Ивановна, — точно будто кто ведро холодной воды на голову выльет. В начале осени все-таки надеюсь побывать на старом пепелище. Несмотря ни на что, — грешный человек, люблю я старушку Москву. До свиданья, дружище мой!

Твой П. Чайковский.

Софье Ивановне нежный поклон.

80. Юргенсон — Чайковскому

Москва.
20 мая 1879 г.
Колпашников пер. Вечером.

Милый мой! Получил я вчера твое письмо от 15-го и успел вчера же отчасти исполнить указы, передав оные к исполнению. Губерту приказал и благосклонно разрешил его супруге заняться „Онегиным“ в две руки[...] Танеев, дай ему три года на арранжировку, охотно переложил бы „Онегина“, но он по понятным причинам не увлекся сотоварищем, прибавив: „кто бы он ни был“. Если доброе желание поможет, то, можешь быть уверенным, Александра Ивановна великолепно переложит.

Корректором, весьма рьяным, у меня теперь Мессер junior (ради брата, чтобы сохранить за ним место) и, надо отдать ему справедливость, действует успешно [...] В Лейпциге самые лучшие люди делают корректуры, как например, Рейнеке, и, даю тебе слово, богатейший из издателей не платит мою цену ни de facto, ни сравнительно. Всего на всего мои граверы более в год двух тысяч пятисот досок не сработают, в том числе все доски, корректируемые авторами. Платя шестьсот рублей в год, я плачу по двадцать пять копеек, между тем как в Лейпциге это стоит двадцать пять пфеннигов, т. е. по теперешнему курсу двенадцать с половиной копеек. Что ни говори, а грустно [...]

Вот тебе новость: Константин Николаевич выразил пламенное желание услыхать хоть несколько отрывков из „Евгения Онегина", а Рубинштейн обещал ему всю оперу 13-го июня.

Прощай, мой милый друг. П. Юргенсон.

81. Чайковский — Юргенсону

Каменка,
24 мая 1879 г.

Милый друг! Получил сегодня твое письмо. Для меня несомненно, что ты хандришь, и я тебе весьма рекомендую проехаться и освежиться. Плюнь на скверный курс, сосчитай, сколько у тебя кредитных рублей или, лучше, металлических полтинников свободных и, если их окажется штук до тысячи, в чем я не сомневаюсь, то поезжай за границу. Уверяю тебя, что ничто так не благодетельно действует на усталые нервы, как путешествие, а к ярмарке возвращайся. Может быть, и я соберусь в Нижний. Я очень понимаю всю тягость и щекотливость твоего положения, но так как нет никаких средств изменить его радикально, то прибегай к паллиативам, и сюда больше всего относятся путешествия. Ты не любишь ездить один, — но ведь в Берлине ты найдешь Бока и Котека, а в других городах бездну других знакомых. Непременно поезжай!

Я в полном смысле слова наслаждаюсь жизнью. И как немного нужно для того, чтобы я был доволен: порядочно идущая работа, возможность ежедневно совершать лесные прогулки, ограниченная сфера интимного семейного кружка — вот и все. Но иногда чувствую маленькое тяготение к Москве. Мне кажется, что если когда-нибудь обуза спадет с плеч, то я частенько и подолгу буду бывать в Москве. Но увы! Я очень сомневаюсь, чтобы дело состоялось. Антонина Ивановна написала Анатолию письмо, из которого явствует, что эта феноменальная дурища все-таки по-своему понимает дело и городит такой непостижимый вздор, который заставляет отчаиваться в успехе дела.[1]

Очень я радуюсь, что господь бог послал тебе Мессера. Быть может, сему ножу[2] суждено рассечь Гордиев узел корректорства. По поводу Мессера я должен попросить извинения. До сих пор я еще не просмотрел его транскрипции! В весьма скором времени просмотрю и пришлю ее. Очень может быть, что, когда первое действие оперы

будет готово, я пришлю тебе его вместе с клавираусцугом. Во-первых, вследствие такой пересылки партитуры по действиям ты, может быть, найдешь возможным сделать на всякий случай копию с партитуры прежде отсылки ее в дирекцию, а во-вторых, клавираусцуг я буду делать начерно, и его во всяком случае придется списывать. Во всяком случае мне необходимо будет по поводу оперы и многого другого побывать в Москве в конце лета или начале осени, и я это сделаю.

Пожалуйста, дружище, прими мой совет и проездись куда-нибудь. Ты, может быть, и прав, что нужно крест нести, но ведь и Христос изнемог, неся свой крест. И вот, чтоб набраться сил, нужно освежиться.

В заключение просьба. Для клавираусцуга мне нужна нотная бумага какого хочешь формата, но не более 16—18 линеек. Пришли мне, голубчик, тетрадей десять. Еще просьба. Потрудись долг моей сестры записать в мой счет. Она поручила мне послать тебе деньги, а я издержал их, ибо покамест сижу без гроша.

Твой П. Чайковский.

82. Юргенсон — Чайковскому

Москва,
26 мая 1879 г.

Милый друг! Высылаю тебе сегодня под бандеролью Четвертую симфонию в четыре руки, с двумя заглавными листами; третий заглавный лист содержит посвящение так, как в теперешнем виде можно думать, будто мои издания для тебя — лучшие друзья...

Возврати мне симфонию поскорее. Новый мой корректор покуда хорош и ревностен до того, что нашел в „Онегине" пятьдесят недосмотров! Он очень аккуратен и требователен относительно рисунка даже. Высылаю тебе двенадцать карточек твоих.

Чорт его знает, что за Кашкин. На-днях приходит Елизавета Константиновна за получением его жалованья, между тем он заявил, что долее 20-го апреля не желает заниматься корректорством. Ей и мне сделалось неловко, когда объяснилось, что жалованья нема; я предлагал ей в виде займа, но она не пожелала. Кашкин бы сказал: „давай"!

Экзамены кончились. Рубинштейн остался очень недоволен строгостью к его ученицам. Я думаю, Клиндворт действовал не без потаенной злобы, а Губерт — по своей анормальности. Странно, мне кажется, что у Губерта, кроме безусловной честности, нет убеждений, или его честность его заставляет быть нелогичным, — дескать, нельзя же всегда хвалить друга, это подло, и поэтому он всегда кого-нибудь да ругает. Чорт меня знает, безусловной честности должно быть нет или она фальшивая; разве естественно судить любимого человека так же, как и не любимого? Нет, это невозможно, и пусть проклят будет тот, кому это дается. Я — человек, и ничто человеческое мне не чуждо; — прелестно сказано, и меня бесит, когда от меня требуют подражания Христу. Сознательно я фальшь ненавижу, нет для меня кровнее обиды, как сомневаться в моей правдивости. Из всех так называемых смертельных грехов ложь для меня ненавистнее и мое чувствительное место. „К чему это он мне это говорит?" — скажешь ты. — После узнаешь [...]

У тебя всего один издатель — представь себе, если бы у тебя было сорок?! Причем, если принять Юргенсона за лучший сорт и Бесселя за моего антиподекса, то сколько бы тебе затруднений доставила бы лествица (Одоевский) или гамма страстей

(Тарновский) между нами? Иди, друг мой, в церковь деревенскую и поставь богу свечу (за меня) и чорту кочергу (за Антонину Ивановну) и спой один свою Литургию Чайковского (цифрованным басом).

Затем прощай! Получил ты свои 3 morceaux pour violon et pianoforte? Но чур! Я прошу вытребовать у г-на Б+++++++ оригинальную рукопись. Помни, что это условлено: после моей смерти ничего не пропадет [...]

Твой П. Юргенсон.

83. Чайковский — Юргенсону

Каменка,
31 мая [1879 г.]

Симфонию получил и очень скоро верну тебе ее назад. Сегодня я буду проигрывать ее с племянницей. 3 morceaux для скрипки получил уже давно и весьма восхищался изданием. Манускрипт цел, и я тебе его вытребую, но признаюсь, что тут не без трудностей. Особа, у которой она находится, далеко не из тех, что будет ею [2] — напротив.[1]

Внимая твоим жалобам на граверов и на их пьянство и безобразия, я трепещу от конфуза, ибо в неособенно отдаленном будущем на тебя свалится новое бедствие в виде весьма объемистой четырехактной оперы моего сочинения.

Сегодня высылаю, наконец, транскрипцию Мессера. Она весьма годится к печати, хотя кое-что мне в ней не особенно нравится, а главное, я сомневаюсь, чтоб она составляла благодарный скрипичный morceau. Впрочем, чорт его знает.[2]

Что делается у тебя с Кашкиным? Отчего вы разошлись не мирно? Мне немножко грустно усматривать между вами недоразумение. По всей вероятности, кто-нибудь его настроил враждебно против тебя, но, конечно, это пройдет. Очень желаю, чтоб вы помирились, т. е. разъяснилось бы недоразумение, но ни мало не сожалею, что он оставил свое корректорство. Он совсем не годится не потому, что не хочет, а потому, что с его ли безалаберной натурой заниматься таким делом, где требуется точность, спешность и внимательность.

Поверенный Антонины Ивановны был у Анатолия. Он так же глуп, как и она, и едва ли что из этого выйдет, но Анатолий объявил им, что раньше осени я дело не начну. Она просит через этого господина, чтобы в течение четырех месяцев я ей давал по сто рублей серебром. Дудки! Я намерен отказать, или, лучше, ничего не отвечать. Жаль, что я потерял ее письмо к Анатолию, — это верх совершенства и превосходит все доселе вышедшее из-под пера этой новейшей Georges Sand. По поводу чего ты говоришь о лжи? Мое любопытство сильно возбуждено. Удовлетвори оное!

Твой П. Чайковский.

84. Юргенсон — Чайковскому

Москва,
6 июня [1879 г.]
Неглинная.

1879 г. июня 7. Москва.

Ты зачем перевираешь? Я не говорил, что особа, у которой рукопись твоих 3 morceaux, небрежно (как деликатно!) отнесется к оригиналу; зачем же особе тогда [нужно] было против уговора выслать копию? Едва ли, однако же, особа может поручиться, что наследники также будут дорого ценить ее, т. е. рукопись. Я хлопочу без эгоизма, для потомства, в том числе и потомства „особы" [...]

Не твоя опера страшна, страшен мне „Граф фон Глейхен" Вальнера, а там еще „Купец Калашников". Ничего! Что преждевременно страшиться? Одно — чем скорее ты вышлешь, тем лучше для дела.

Теперь ты знаешь Мессера как скрипача, стало быть, его еще два нумера из „Онегина" можно и без цензуры?

Я не сумел выразиться, или ты не так понял. Мы с Кашкиным по-прежнему хороши, так как мое неудовольствие поддерживалось лишь беспрерывными задержаниями моих изданий: иной раз год и более, а несколько месяцев — это очень и очень часто. Он человек не бесчувственный, ему было совестно, и в конце концов он стал чувствовать ко мне некоторую неприязнь, как на виновника его неловкого положения. У него и теперь все корректуры с половины апреля „хоронятся", в том числе твой концерт. 2-го июня я его видел у Рубинштейна. Он поспешил отвести меня и сказал: „В понедельник я совсем освобожусь (?) и тогда немедленно примусь за корректуры"... Никакой ссоры между нами не было, ибо его попытка раздуть небывалое мое высокомерие разбилась о мою невинность и быстро принятыми мерами (пьянство вдвоем в продолжение шести часов). Может быть, Кашкин продолжает таить злобу на меня, я же — нисколько.

Мессер junior, исправляющий должность корректора, покуда превосходно исполняет свою обязанность. Он готовит тебе какую-то монументальную корректуру „Онегина" и трактат с катехизисом [...]

Антонина Ивановна третьего дня прислала свою сестру за деньгами ко мне под предлогом, что Анатолий писал им о ассигновке новых сумм, и предложила мне выдачу на основании письма Анатолия Ильича. Я очень вежливо отклонил сию просьбу и очень рад, что ты решился отстоять свои деньги. Напротив, уменьшить надо, и дело пойдет лучше. Не дурно бы ей забеременеть, вот когда она мягче воска сделается...

Я говорил в своем письме о лжи? Был такой у меня случай, сильно, неизгладимо на меня подействовавший; вероятно, об этом что-нибудь у меня вырвалось. В письме это длинно рассказывать, но с глаза на глаз я тебе передам, в чем дело было.

Вероятно 11-го пойдет „Онегин" при в. к. Константине Николаевиче.[1]

Прощай, друг, будь здоров.

Твой П. Юргенсон.

P. S. 7-го утром.

Сейчас получил Четвертую симфонию. Много ошибок. Изумлен. [2]

85. Чайковский — Юргенсону

[Каменка]
8 июня 1879 г.

Милый друг!

Так как высланной тобой нотной бумаги я не получил еще, а между тем первое действие у меня кончено, то я начал партитуру второго и примусь за фортепианное переложение, когда кончу его. Думаю, что в июле доставлю тебе два действия как партитуры, так и клавираусцуга.

За предложение денег благодарю очень, но не воспользуюсь им.[1] Правда, что у меня нет ни копейки и не будет до августа, но ведь мне и не нужно, а если случится нужда, то могу сделать маленький заем у зятя. Попрошу тебя только продолжать уплату пенсии женщине, носящей мою фамилию. Она через какого-то таинственного поверенного, который посещает Анатолия, просит у меня сверхштатных двести рублей, но я намерен отделаться молчком, несмотря на то, что Анатолий имел слабость обнадежить ее. Вообще братец мой по мягкости души совсем не годится в посредники между нами. Он, к счастию, скоро будет здесь, и я его промуштрую порядком.[2]

Получил письмо от Фитценхагена, сообщающего, что он с вариациями произвел будто бы фурор.[3] Тем лучше.

Надеюсь, что корректуру симфонии ты получил. Ошибок я нашел не мало. Так как я сомневаюсь, что их исправят вполне правильно, то очень было бы желательно, чтобы Мессер сделал еще одну корректуру. Мы уж достаточно тянули! Можно и еще потянуть. Переложение сделано отлично, но мне на этот раз гравировка не совсем нравится. Местами слишком тесно и не достаточно ясно выделяются тактовые группы. Это, впрочем, относится к первой части. Относительно посвящения я очень рад, что ты велел перенести его на особую страницу.[4]

Засим, до свиданья, голубчик.

Твой П. Чайковский.

Извини за небрежное писание. Очень тороплюсь.

86. Чайковский — Юргенсону

Каменка,
9 июня 1879 г.

Милый друг!

Потрудись, пожалуйста, распорядиться, чтобы выслали мне сюда следующие вещи:

1) Cramer. 50 Etudes revues par Bülov.
2) Bach. Clavecin bien temperé.
3) Чайковский. „Времена года“: № 2, 6, 8. (Если у тебя нет, то вели достать у Гутхейля или кто там представитель Бернарда.)
4) Чайковский. „Евгений Онегин“, опера.
5) Чайковский. 12 morceaux средней трудности.
6) Чайковский. Соната.
7) Чайковский. „Снегурочка“ в четырехручном арранжементе Лангера.
8) Чайковский. Все три квартета в четыре руки.

Цену этих нот потрудись внести в мой счет. Их выписывает моя сестра и даст мне на это деньги, которые я оставлю у себя в виде займа, а ты в одном из следующих писем приложи счетик, дабы

я знал, сколько с нее содрать. Как грустно подумать, что человек, выписывающий сразу так много сочинений г. Чайковского, есть никто иной, как преданный друг твой

П. Чайковский!!!

Уступки никакой не нужно, ибо средства платить весьма имеют.

Я читал в „Киевлянине", что мою обедню несколько раз пели в Киеве в университетской церкви. Меня это невыразимо обрадовало, ибо я начинал побаиваться, что ей суждено не проникнуть в церковь. А вот и проникла и даже (что мне особенно приятно) весьма понравилась!

87. Чайковский — Юргенсону

[Каменка]
14 июня [1879 г.]
Четверг, $4^1/_2$ часов утра.

У меня завелся новый порядок. Ровно в четыре часа утра я просыпаюсь и потом уж, хоть ты тресни, заснуть не могу. Надеваю халат и у открытого окна сажусь заниматься и писать письма. Депеша твоя весьма меня обрадовала.[1] Очень приятно, во-первых, что торжествует принцип, во-вторых, что поганому старичишке нанесена неприятность, и, в-третьих, что ты можешь вкусить сладость мщения. Очень желательно было бы, чтобы в газетах было об этом деле пропечатано. Пожалуйста, при случае сообщи какие-либо подробности.

Жары стоят здесь невыносимые, и ох, как тяжело заниматься! Вдобавок еще мухи терзают. А я все-таки ежедневно работаю, и партитура подвигается. Мне осталась половина второго действия (самого большого), а после того я сделаю клавираусцуг сих двух действий и тотчас же то и другое тебе вышлю.

Жду с большим интересом корректуры „Евгения Онегина". Что там есть маленькие недосмотры, это я знал, но не думал, что их много. Хорошо было бы, если б рьяность, обнаруженная Мессером, была бы прочна и постоянна. Ты мог бы тогда успокоиться насчет корректур.

Я колеблюсь между желанием принять предложение Кондратьева, усиленно зовущего меня к себе, и отправиться туда на недельку отдохнуть, с тем чтобы уж ровно ничего не делать, и — страхом потерять десять дней для работы. Если поеду, то 20-го числа, а вернусь 1-го.

Пожалуйста, голубчик, напиши, что намереваются делать летом наши общие приятели. Куда едут Рубинштейн, Губерт? Где будет жить на даче Карлуша? Кашкин?

Очень тебе благодарен за все неприятности и докуки, которые ты из-за меня терпишь, принимая и разговаривая с Антониной Ивановной и ее сестрой. Прости, пожалуйста! Но какая наглость! С другой же стороны, как наивен мой брат прокурор, который дает по настойчивому требованию удостоверение, что я в е р о я т н о исполню денежное тре-

бование! О, как все это противно! До свиданья. Пожалуйста, не считай долгом деликатности писать мне каждую неделю. Пиши хоть раз в месяц — и за то буду благодарен.

Твой П. Чайковский.

88. Юргенсон — Чайковскому

[Москва]
15 июня 1879 г.
После почты.

Милый мой! Сюиту в партитуре мы начали. Как только первую часть кончат, так я передам списать голоса и немедленно и их начнем гравировать.

Известную пенсию буду платить. Сверхштатных не надо выдавать, все дело испортишь. Не знаю, ясна ли тебе моя мысль: чем больше ты ей будешь платить, тем ты ей „дороже"; чем больше ты покажешь, что ты тяготишься, тем значит дороже дашь за освобождение. Если бы ты мог перевернуть картину, начинать ее преследовать, просить у нее денег, сделать ей сцены, продавать ее юбки и т. д., иначе бы она запела. Она живет в Сокольниках, и я ее раз видел завернутую в голубую воздушную драпировку; порхала она по шестой просеке „как мимолетное видение". Делала вид, будто меня не видит [...]

Ты говоришь: „грустно, что господин, выписывающий столь много сочинений г. Чайковского, есть ни кто иной, как сам г. Чайковский". Не правда! Во-первых, это его сестра, а это должно тебе дать сладостное чувство сознания любви к тебе. Неблагодарный! Вспомни Танеева! Его брата, кажется, рвет от музыки Сергея Ивановича [...]

Монументальная корректура „Онегина" волнует Москву. Кашкин одобряет. Альбрехт взял ее к себе на двадцать четыре часа, и так ему понравилась, что продержал семьдесят два часа. Завтра к тебе отправлю. Пересмотри терпеливо.

Концерт доставил страшную работу Мессеру, так как он имел терпение сравнить голоса фортепиано и партитуру между собой и, находя разногласие, отправился к Рубинштейну на совет. Это замечательно, сколько он нашел в голосах и в фортепианной партии недосмотров. Страх!

Однако же, прощай, милый композитор, симпатичный не для одной Климентовой.

Твой П. Юргенсон.

89. Чайковский — Юргенсону

Каменка,
20 июня [1879 г.]

Да благословенна будет женщина, родившая на свет Мессера! По всему вижу, что человек вполне подходящий к твоим требованиям. Лишь бы только он не охладел в своем рвении. Сегодня, душа моя, я уезжаю в Харьковскую губернию. Предпринимаю это путешествие с целью отдохнуть. Оно продлится дней десять. Признаться, я очень устал от работы. Но зато, ей богу, опера будет на этот раз порядочная. Грешный человек, я нет-нет, да и восхищусь ею. К сожалению, я не могу послать тебе двух действий в партитуре, ибо нужно сначала сделать клавираусцуг, за который я примусь тотчас по возвращении, а может быть, и во время гощения у Кондратьева успею кое-что сделать. Знаешь ли, что инструментовка этой оперы была бы для меня чистейшим наслаждением, если б, к несчастию, у меня не сидел на шее клавираусцуг, т. е.

работа, которую я глубоко ненавижу. Не возьмется ли тот же Мессер помочь мне? Не сделает ли он первые два действия? Боже, как я был бы счастлив спустить ему эту работу с рук. Что он хороший музыкант, терпеливый и добросовестный человек—для меня несомненно, но скоро ли он работает? Поговори с ним и напиши мне ответ. Имей в виду, что до 1-го июля я буду во всяком случае у Кондратьева. Адрес: Харьково-Николаевской жел. дор. Сумской участок, станция Сыроватка, Н. Д. Кондратьеву, для передачи П. Ч.

Теперь отвечу на твои вопросы.[1]

1) Отмечал я отдельные номера в „Онегине“ у тебя в магазине, на данном тобой экземпляре, который, само собой разумеется, у тебя же и остался. Могу под присягой подтвердить это показание.

2) Французский перевод романсов, сделанный Донауровым, находится положительнейшим образом у тебя. Не могу в точности определить время, но что я тебе их отдал в прошлом году, то это опять-таки истина, которую могу подтвердить под присягой. Впрочем для большей уверенности я сейчас перерыл все свои бумаги, перевезенные сюда в сундуке, и рукописи не нашел. Поищи, голубчик — она наверное у тебя.

Голубчик! Устрой мне дело с клавираусцугом! Век не забуду твоих милостей. Счастливый Вагнер! У него есть горделивый Вотан, а у меня хоть бы ein bescheidener Messer.*

Пожалуйста, напиши мне к Кондратьеву.

Твой П. Чайковский.

Отчего ты мне ничего не написал о представлении „Онегина“?

90. Юргенсон — Чайковскому

18 июня 1879 г.

После почты.

1879 г. июня 18—21. Москва. 2½ часа, только не утра.

Напрасно ты встаешь так рано, чорта ли! И все это пустяки, какое-то подражание Татьяне: „Пастух играет, совсем светло! А я-то, я-то!“ — Брось! Прикажи себе, душа моя, сделать совершенно темные занавески из плотной материи, закрой каждую щель против света, закройся от нее герметически, и выгода будет двойная: во-первых, будешь спать ровно, сколько нужно для твоей комплекции, а главное (во-вторых), ни единая муха не коснется тебя. Это безусловно верно. Плюнь мне в карман, если это не так.

Будь спокоен, друг, я весьма намерен хлопотать о Литургии и сообщу тебе все. Мне только нужно получить циркуляр Козлова, — он, т. е. циркуляр, а не Козлов, будет оттиснут во всех газетах за границей, а в русских газетах будут статьи.

Для чего тебе так бешено работать? Куда ты, мой друг, стремишься? Еще кондрашку схватишь! Поезжай лучше к Кондратьеву, если там приятно и ты отдохнешь. Но, полно, так ли: в доме предводителя дворянства разве покойно? А рамс, а стуколка, а амуры (последнее, впрочем, лучше рамса)? Ну, да тебе лучше знать, где тебе весело или покойно [...]

Карлуша после тяжелой, но бесполезной борьбы против Анны Леонтьевны[1] сдался со срамом и нанял в Ахтырках флигель за триста пятьдесят рублей. Большую часть [времени] проводит на Никитской на развалинах консерватории. Ужасно дорогая переделка!!

* скромный Мессер

Браилов — дом Ф. Мекк

Я тебе вовсе не из деликатности пишу письма и даже не еженедельно, а когда придется. Прощай покуда.

Твой верный друг П. Ю.

21-го.

Будет тебе деликатничать. Хотя мне письма писать вовсе не тяжело, но я все-таки мало пишу из деликатности. Либо дело, либо удовольствие суть стимулами (выражение Лароша). Кстати о Лароше. Он ровно ничего не писал о Литургии[2]. Зачем ему нужно было это письмо раскаяния: „я только что проснулся от двухлетней летаргии". Боже мой! Неужели Ларош думает, что его тело для меня существует. Дух его я считаю навсегда погибшим. Остатки его ума он употребляет омерзвляющим (?) образом. Жаль, жаль.

Тебе же, мой милый, тебе не возбраняется писать т о л ь к о необходимое, только „дело, дело", и, даю тебе слово, ни даже в шестиаршинной глубине моего сердца не найдется на это капли самолюбия. Я отыму у тебя действительно рабочее время, ты же, конечно, понимаешь, как мало я „творю".

Сейчас получил письмо от Анатолия Ильича для Антонины Ивановны, и не прошло десяти минут после того, как является „сестрица" за известиями от тебя (читай: ордера на платеж), и я ей вручил письмо для передачи Антонине Ивановне. Сестрица только с кислой миной сказала: „как кстати", и грациозным наклонением головы простилась. Я только успел бросить взгляд на ее крысиные хвостики, которые, вероятно, по ее мнению, называются „косами".

30-го июня я еду на два дня в Питер с Рубинштейном для борьбы с непокорным Петерсеном.

Затем прощай, будь здоров и весел.

Твой П. Юргенсон.

91. Чайковский — Юргенсону

Каменка,
14 июля. [1879 г.]

Получил сегодня твое милейшее письмо. Радуюсь, что „Д е в а" дошла до тебя. С ней, к счастью, не случилось того, что было с бедной С е р е н а д о й. Н и к а к о й п а р т и т у р ы э т о г о п р о и з в е д е н и я, н и в р у к о п и с и, н и в о т т и с к е я н е п о л у ч а л. Нет сомнения, что она навеки погибла на почте. Что касается „О н е г и н а", то я все еще надеюсь, что он найдется. Впрочем, я до сих пор от Кондратьева известий об этом предмете не имею.

Ты спрашивал в одном из своих писем, зачем я тороплюсь с партитурой оперы? А вот зачем. Осенью предположено начать дело по поводу р а з в о д а. Мне придется ехать в Москву, мараться в дрязгах консистории, расстраиваться от переговоров с противной (без каламбура) стороной, — ну где же тут работать? А между тем нужно, чтоб в течение будущего сезона опера была представлена в дирекцию; нужно, чтоб был готов клавираусцуг, чтоб ты (если хочешь) имел время снять копию с партитуры. Независимо от этого я всегда в работе тороплюсь. Это невыгодно отзывается на моих творениях — но такова моя натура. Я все боюсь, что н е д о к о н ч у. А сколько у меня еще планов! Нужно сделать радикальные исправления в некоторых моих прежних сочинениях; нужно написать еще тысячу разных опусов! Сто жизней не хватит на то, чтоб привесть в исполнение все мои планы.

Теперь я кончил первую картину третьего действия, и завтра принимаюсь за вторую. Мне очень интересно знать, берется ли Мессер сделать одно действие, или оба? Скоро ли он работает? Уговорился ли ты с ним насчет платы? Смотри, чтоб он не нагрел тебя. Нашел ли ты экземпляр „Онегина“ с отдельными нумерами? Нашел ли ты переводы Донаурова, которые не долее как нынешнею осенью Алеша отнес тебе вместе с какой-то корректурой, — это положительно верно? Поищи, пожалуйста.

Mercі за два композиторские письма. Они оба в своем роде неподражаемы. Особенно хорош автор польки-мазурки, музыкальные чувства которого неизвестны еще обществу.

До свиданья, друже.

Твой П. Чайковский.

92. Чайковский — Юргенсону

Каменка,
24 июля [1879 г.]

Я все-таки ничего не понимаю насчет корректуры „Онегина“.[1] Что это значит? Каким образом могут быть копии корректур? С величайшим нетерпением ожидаю этой копии. А Серенаду получил. Ты ничего мне не пишешь, дружище, о том, дошел ли до тебя присланный мной из Низов арранжемент интродукции „Девы“.

Мне очень неприятно, что переводы Донаурова пропали. Мне кажется, что если б я был в Москве и ты бы дал мне порыться у тебя, то я их наверное нашел бы.

Приятно было увидеть в „Современных известиях“ объявление о Литургии.[2]

Сочинять оперу было бы приятно, если б знать наверное, что опера эта будет дана и хорошо дана. Я постоянно тревожусь мыслью о том, что написать оперу есть лишь первый шаг и что еще нужно много возни и хлопот прежде, нежели она попадет на сцену. На этот раз я сильно надеюсь на тебя. Как жаль, что не состоялась отдача московского театра Бевиньяни! Если б это случилось, я бы охотно отдал „Деву“ этому итальянцу. Мариинский театр ежегодно делается все хуже и хуже.

В настоящее время здесь гостит брат Анатолий. Насколько он усердно предается охоте и увлекается ею, настолько я внезапно охладел к ней. Не понимаю, что это значит? Теперь нужны величайшие усилия, чтобы затащить меня на охоту.

С каким бы удовольствием я проехался в Нижний посмотреть на твой магазин, на тебя, на Нижний, Волгу и все остальное. Увы! это невозможно. Нужно еще несколько времени посидеть здесь, потом ехать по разным местностям близлежащим, т. е. к брату Модесту, к брату Николаю и т. д. Потом опять приеду в Каменку, а когда попаду в Москву, еще не знаю.

Прощай, голубчик. Твой П. Чайковский.

93. Юргенсон — Чайковскому

Москва,
31 июля 1879 г.

Высылаю тебе сегодня в Смелу первый акт „Девы“ клавираусцугом и последнюю корректуру Славянского марша в партитуре. „Деву“ высылает тебе Мессер собственно только для критики, с вопросом: сделать ли, начинать ли второй акт? [...]

Увы! Милый друг, даже скудную надежду воскресить русскую оперу через итальянца Бевиньяни и космополитанца Безекирского — брось! Мерелли царствует как в Москве, так и в Питере. Кистеру стоило только поставить двум Б. двойной бекар, и Москва опять останется без русской оперы.

Я буду в Питере в августе и сентябре и буду хлопотать насчет „Девы“. Положим, без мыла никуда не полезу, с мылом не пропускают, но я все-таки постучу...

Посмотреть на мою лавку в Нижнем не стоит, — на меня можешь бросить куделью четыреста верстами ближе. Но на Волгу, Оку и фантастический, сказочный рынок из 1001 ночи, со всем антуражем, — магическим жезлом в несколько дней на четыре-пять недель, — это стоит. Если каждый соразмерно своих дел сделает усилье не меньше меня, — то это сумма и напряжение колоссальное, достойное титанов... Это в минуту восторга. Затем ярмарка кажется муравейником, и движущая сила — золотой телец. Только что ты коснешься слова „золото“, так тебя смех разбирает, ибо этот теленок бумажный и получает цену только посредством реальной печатни и воображения... Печатни наводят меня на мысли о своей печатне, — и пошло и пошло...

Я ездил на несколько дней в Нижний. Обстановка моя весьма приличная, но дела тихи; тихи они не у меня, но вообще — будто ярмарка не началась. Я удрал от скуки [...]

Прощай, милый друг.

Пиши!

Твой П. Юргенсон.

P. S. Ты главным образом напиши насчет клавирауса: продолжать ли?
Финал второго акта „Девы“ носит № 16.

94. Чайковский — Юргенсону

Каменка,
7 августа [1879 г.]

Милый друг!

Сейчас я послал на почту в Смелу за посылкой от Мессера. Очень меня это интересует. По рассмотрении тотчас дам тебе ответ. Третий акт я кончил и отдал его для переложения Котеку, который нарочно для этой цели приезжал сюда. Сделал я это ради скорости, но боюсь, что Мессер, может быть, обидится. Четвертый акт я отдам Мессеру. Надеюсь, что через месяц все будет кончено, т. е. с моей стороны. Сегодня я уезжаю на несколько дней к Модесту, но так как мне неизвестно, сколько я у него пробуду, то попрошу тебя адресовать мне по-прежнему в Каменку.[1] Очень может быть, что в конце августа мы с тобой увидимся, так как по некоторым семейным делам мне придется съездить в Петербург. Пожалуйста, скажи Мессеру, чтобы он принимался за второе действие, ибо хотя я еще не видел первого действия, но не сомневаюсь, что он работал порядочно, а если что

и не совсем будет мне нравиться, то ведь я могу исправить и сделать по-своему. Сегодня высылаю тебе корректуру серенады.

Очень, очень сокрушаюсь о нижегородской неудаче. А может быть, ты ошибаешься? Есть тысяча вещей, о которых нужно мне поговорить с тобой лично, и поэтому я страшно желаю побывать в Москве. Вероятно, работу Мессера я привезу сам вместе с партитурой последнего действия, которую надеюсь к тому времени окончить.

Пожалуйста, устрой, чтобы Мессер не обиделся за то, что третий акт я отдал Котеку. Во-первых, повторяю: это для скорости, во-вторых, хочу дать бедному Котеку возможность немножко заработать. Но впрочем, если Мессер хочет, чтобы имя его на клавираусцуге было напечатано, я на это охотно соглашаюсь. Ты можешь ему сказать, что третье действие я сделал сам.

До свиданья, мой милый издатель; дай тебе боже успеха в Нижнем и везде.

Твой П. Чайковский.

Надеюсь, что скоро увидимся.

P. S. Узнай, пожалуйста, у Мессера, который по счету последний нумер второго действия оперы. Через неделю, вероятно, кончу третье действие и не буду знать, как выставить нумера.

Пожалуйста, не забудь!

95. Чайковский — Юргенсону

[Симаки]
9 августа [1879 г.]

Милый друг!

Проиграл и внимательно просмотрел работу Мессера. Она сделана добросовестно, с большим старанием, — но... он решительно не имеет основания приравнивать себя к Клиндворту. Ему недостает понимания и дарования. Переложение его голо, бледно, лишено всякого блеска. Но так как оно все-таки сделано чисто и гладко, то он оказал мне большую услугу, и мне нетрудно будет посредством легких поправок и изменений отполировать его несколько грубоватую работу. Прошу его продолжать работу и как можно скорее приняться за второе действие. Первое действие я покамест оставлю у себя и или привезу его сам недели через три, или вышлю по почте в исправленном виде. Передай ему письмо, высылаемое вместе с сим. В гораздо более мягких выражениях, чем здесь, я высказал ему свое мнение и просил продолжать. Попроси его под каждыми двумя линейками клавираусцуга оставлять две свободные линейки для моих поправок и изменений. В конце концов все-таки я доволен его работой.

Некогда писать. До свиданья.

Твой П. Чайковский.

96. Чайковский — Юргенсону

[Симаки]
12 августа [1879 г.]

Печатается ли, т. е. гравируется ли сюита? Если еще не дошли до № 4, то я буду до нельзя счастлив. Только теперь я вдруг сообразил, что все пять частей сюиты в двухдольном ритме. Это невозможно. А так как № 4 сомнительного достоинства, то я поспешил написать вместо него другую вещь в ритме вальса, которая несравненно лучше. Как только окончу оперу, а это совершится через неделю, я съинструментую этот новый нумер и привезу тебе его к сентябрю вместе со всем остальным. Возможно ли это? Не опоздал ли я? Ради бога, ответь мне поскорее в Каменку. Если уж поздно, то я попрошу все-таки вклеить этот новый нумер, ибо невозможно оставлять всю сюиту в одном ритме. Ради бога, прости за беспокойство и безалаберность.

Твой П. Чайковский.

Но всего лучше похерить № 4 (очень сомнительный) и вместо него сунуть новый, несомнительный и более подходящий во всех отношениях.[1]

Прости!

97. Чайковский — Юргенсону

Симаки,
24 августа [1879 г.]

1) Ни партитуры серенады, ни экземпляра „Онегина“ с отметкой отдельных нумеров у меня быть не может.[1] Первую из них я имел у себя в руках в твоем кабинете, когда по твоей просьбе писал для Саразата отметки на клавираусцуге. Засим ничего о ней не слышал до июля месяца, когда ты в письме своем тщился уверять меня, что она была ко мне послана, чего, однакож, не могло быть, ибо я часто теряю портсигары и палки, но ни разу в жизни не терял предметов своей работы, а ведь корректура — работа. Всякая работа сидит у меня тяжелой многопудовой гирей на плечах до тех пор, пока не спущу ее посредством исполнения работы, — не иначе. Следовательно, забыть о корректуре вместе с присланной при ней черновой партитурой я не мог. Что касается упорства, с которым ты доказываешь, что у меня экземпляр „Онегина“ с отметками отдельных нумеров, то это, право, непостижимо! Эти отметки я сделал у тебя в кабинете, на Неглинной, на экземпляре, нарочно для того принесенном снизу прикащиком, фамилии коего не знаю, но отлично помню лицо его. Ну скажи, пожалуйста, на кой чорт я бы взял себе этот экземпляр. Он остался у тебя и должен быть у тебя.

2) Ты пишешь: „сюита готова в партитуре, ты видел корректуру". Что это значит? Никакой корректуры я не видал. Пишу тебе не из Каменки. Если она там, то дойдет до меня. Но посылал ли ты ее?

3) Ты пишешь: „Славянский марш готов в партитуре к печати". Каким образом он может быть готов, когда корректура у меня и еще мной не сделана? Не смешиваешь ли ты ее с сюитой?

4) Ты пишешь, что тебя интересует мой отзыв о корректуре „Онегина". Но ведь я не только не видел этой знаменитой корректуры, которая, чорт знает почему, пропала на пути из Каменки в Сумы, куда мне адресовал ее мой зять собственноручно, но даже до сих пор не могу понять, что это такое, зачем и почему, ибо я однажды просил тебя объяснить в чем дело, но ты не ответил.

5) Пусть Мессер думает, что *я* сделал клавираусцуг третьего акта, который, к слову сказать, готов и сделан, несогласно с твоим легкомысленным предположением, отлично по той простой причине, что Котек отличный музыкант, хотя и скрипач, чего нельзя сказать о некоторых других поклонниках моей музы, претендующих быть Клиндвортами! Клиндворт! Легко сказать. Он хоть и Вотан, хоть и грозен и подчас скучен и неприятен, но зато уж в своем деле собаку съел.

Все вышеизложенное писал человек, немножко на тебя озлившийся и сурово выразивший свой гнев в словах, полных самой ядовитой иронии.

Конец письма будет, увы, написан в другом тоне, ибо здесь является человек виноватый, собака с хвостом поджатым (впрочем, не та, которую съел Клиндворт), а не с тем закорючкой свернутым хвостом, который так горделиво отмахивался от твоих нареканий в начале письма. Итак, поджав хвост, начинаю выть.

О, мой милый, мой благодетельный Юргенсон! Прости, что, когда сюита уже награвирована, я послал тебе новую часть и прошу ее всучить в злополучную сюиту вместо миниатюрного марша! Прости,—но сделай по моему, ибо я буду несчастнейшим человеком, если просьба моя не будет уважена!

Я приеду в Москву, вероятно, в начале сентября и привезу с собой:

а) Партитуру последних двух действий,
б) Клавираусцуг этих же действий,
в) Клавираусцуг первого акта в исправленном виде,
г) Либретто оперы „Орлеанская Дева",
е) Корректуру партитуры Славянского марша.

Не посылай мне больше ничего. А если соблаговолишь ответить, то адресуй: Екатеринославской губ., Новомосковского уезда, почтовая станция Перещепино, оттуда в Гранкино. П. И. Ч.

Прощай, душа моя, и прости.

Выдачи особе прошу тебя продолжать.

(Подписи нет.)

98. Чайковский — Юргенсону

Симаки,
[25 августа 1879 г.[1]]

Merci! Очень благодарен тебе за милое согласие принять новую часть.[2] Ты пишешь, что следовало бы Marche miniature оставить. Видишь что, душа моя. Мне с некоторых пор стало казаться, что этот миниатюрный марш есть миниатюрное г..... Откровенно сказать, я бы желал выбросить эту дрянь вовсе. К тому же, шесть частей я нахожу слишком много. Лучше бы всего было, если б ты согласился поступить согласно моему вчерашнему письму и миниатюр выбросить, так чтобы вышло:

1) Интродукция и фуга.
2) Divertimento (кстати, я, кажется, забыл надписать это название), т. е. новая часть.
3) Andante.
4) Скерцо (бывший № 2).
5) Гавот.

Но дело в том, что я плохой судья в своих вещах, пока они не сыграны. Кажется, Танеев знаком с сюитой. Я вполне полагаюсь на его суждение. Пошли к нему, пожалуйста, записочку и попроси его откровенно сказать свое мнение. Если он, положа руку на сердце, скажет, что жалко бросать миниатюр, то пусть будет шесть частей. Если же нет, то брось! Убытки беру на себя (не великодушничай), — это будет справедливо.

В случае же, если б Танеев заставил бы тебя сохранить г....., то порядок частей следующий:

1) Интродукция и фуга.
2) Divertimento.
3) Scherzo.
4) Г.....
5) Гавот.

Увидимся довольно скоро. Один разик я попросил бы тебя написать по данному вчера адресу. Я отправлюсь туда через несколько дней.

Твой П. Чайковский

(родитель г.....)

99. Чайковский — Юргенсону

[Симаки]
27 августа [1879 г.]

Есть ли у Мессера мать? Если есть, то узнай, здорова ли бедная старуха? О, как она часто поминалась в последние дни. Я только что кончил исправление Мессеровской работы. Душа моя, когда я тебе писал три недели тому назад мои критические замечания о его клавир-аусцуге, то как далек я был от настоящей оценки этого труда! Только

взявшись за исправление, я уразумел, что̀ это такое. Алеша на-днях привезет тебе все мои работы, а вместе с ними и Мессеровский клавираусцуг. Ты увидишь, что только первая страница осталась цела (она сделана очень хорошо, ибо г. Мессер списал это место из моего переложения интродукции, где оно встречается в буквальном повторении),— все остальное пришлось переделывать до мельчайших подробностей. Нет! Никогда я не мог себе представить такой абсолютной бездарности, такого феноменального непонимания и тупости! Ты получишь также и переложение третьего действия, сделанное Котеком, и увидишь, что значит работа музыканта и работа... красивого, добродушного, но безгранично бесталанного, упитанного немецкого теленка. Мне очень бы не хотелось обижать Мессера, который всегда производил на меня впечатление добродушного малого и которого внимание к „Онегину“ (проявившееся в совершенно непостижимой для меня корректуре) меня трогает.

Но согласись, душа моя, что грустно иметь в виду ту же раздражающую нервы работу, которую я себе задал по поводу одной части первого действия, но только еще втрое более сложную и длинную, ибо второе действие вдвое больше и вдвое труднее первого. Ну, одним словом, я хочу тебя просить, нельзя ли учтивым образом отнять от него все, что не готово? Если да, то потрудись тотчас же отослать партитуру в Берлин к Котеку, который уже там (Linkstrasse, № 18, II Treppe, Herrn Iosef Kotek). Котек имеет то же свойство, что я — делать скоро и (это уж его свойство) — хорошо. Нельзя ли сказать Мессеру, что я теперь освободился и хочу для скорости сам сделать то, что он не успел? Готовую же его работу тоже потрудись отослать к Котеку. Ну, словом, если тебе удастся вырвать из копыт (хотел сказать: когтей, но вспомнил, что Мессер теленок) Мессера работу, то потрудись послать Котеку: 1) уже готовую работу Мессера для переправки, которую он охотно берет на себя, 2) партитуру второго действия. Начало первого действия, мной еще не просмотренное, я исправлю сам. Я попаду в Москву не ранее половины сентября.

Твой П. Чайковский.

100. Чайковский — Юргенсону

1879 г. августа 28—31? Симаки.[1]

Милый друг!

Мессер премилый, предобрый малый. Я очень раскаиваюсь в резких отзывах о нем. Пожалуйста, постарайся, чтобы это не дошло до него. В сущности я сильно преувеличивал недостатки его. Он обоим нам очень полезен.

До свидания.

Твой П. Чайковский.

Спасибо за деньги и за щедрые гонорары. Пиши в Каменку.

101. Чайковский — Юргенсону

Петербург,
[4 сентября 1879 г.[1]]

Ты, вероятно, очень удивишься, узнав, что я в Петербурге. Это произошло вследствие того, что я получил от брата Анатолия депешу о том, что вследствие служебных неприятностей он выходит в отставку и просит меня немедленно приехать. Я сейчас же собрался и вчера утром был уже здесь. Кажется, все кончится благополучно и брат останется на службе. Всей этой историей и этим быстрым переходом от безусловной деревенской изолированности к суете петербургской до того меня ошеломили, что я ничего путного сказать тебе не могу и лишь хочу известить тебя, что я здесь и что если встретится надобность, то напиши мне сюда (Новая улица, угол Невского проспекта, № 2/75, кв. 30).

В день моего выезда из Жмеринки тебе высланы все мои работы, т. е.

1) Действия третье и четвертое в партитурах,
2) Те же действия в фортепианном переложении,
3) Переложение Мессера с моими поправками.

Прежде всего нужно переписать начисто все эти переложения. Если у Мессера готово второе действие, то не пришлешь ли ты его сюда к Осипу Ивановичу, от которого я мог бы получить его.

Я решительно еще не знаю, сколько времени здесь останусь. Это зависит от устройства служебных дел брата.

О, ненавистный Петербург!

Думаю, что ранее недель двух мне не придется быть в Москве. Я послал тебе также корректуру Marche Slave.* Мне не хотелось разделывать металлические пуговки в ней, и потому поправки я делал так, что ошибки, найденные, например, на странице 22, отмечены на обороте страницы 21. Обрати, пожалуйста, внимание на это. Я бы рад был получить от тебя словечко.

П. Чайковский.

102. Чайковский — Юргенсону

[Петербург]
11 сентября [1879 г.]

Я выеду отсюда 18 сентября во вторник и, вследствие охватившей меня мизантропии и других обстоятельств, останусь в Москве не более одних суток, т. е. 20-го уеду.[1] Поэтому я бы желал весь день 19-го числа провести с друзьями. Не можешь ли пригласить меня обедать, ибо мне очень хочется видеть Софью Ивановну? Я бы желал, чтоб на этом обеде были у тебя Рубинштейн, Альбрехт, Кашкин, Гу-

* Славянского марша

берт, Танеев и, пожалуй, Зверев. Остановлюсь у Николая Григорьевича и прошу тебя испросить у него на это разрешение. Получил второй акт Мессеровской стряпни. В нем кое-чего не достает. Я бы желал 19-го числа иметь в руках все остальное, т. е. начало первого акта, которого в моих руках не было, и недостающие места второго. Потрудись сказать моему слуге Алексею, чтобы пришел меня встретить к курьерскому поезду в среду утром. А впрочем, я ему пишу особенно.

До свиданья.

Твой П. Чайковский.

Потрудись о моем приезде, кроме вышеупомянутых друзей, никому не говорить.

103. Юргенсон — Чайковскому

Москва,
11 сентября 1879 г.
Колпашников п.

1879 г. сентября 11—12. Москва.

Пишу тебе под звуки твоего терцета из „Девы". Играет Танеев прямо по партитуре. Кашкин заседателем. Альбрехт опаздывает, его ждут.

Цель моего письма — спросить у тебя, когда ты приедешь. Спрашиваю потому, что намерен прибыть в Питер по делам. Полагаю выехать 18-го сентября.

Приехал Карлуша, опоздав всего на пятьдесят минут. Начинаем вновь первый акт.

12 ч. 30 м. Уехали гости. Играли только два акта по партитуре. Думаем в субботу продолжать.

12-го.

Вчера прослушал я два акта „Девы" и особенно пленился терцетом, гимном и ариозо. Танцы мне нравятся, но на меня производят впечатление не французское, т. е. будто танцуют скоморохи, а не „histrion'ы * или Hofnarren. ** Кашкин флюгерничал по обыкновению. Карлуша восхищался от времени до времени какой-нибудь ноткой, не проронив слова о целом...[1] Для Альбрехта всегда важнее микроскопическая деталь, чем вся пьеса, он старался в интродукции искать красную нитку, но, по-мне, ему узел на красной нитке интереснее. Закусили мы единодушно и выпили — скромно. Я сделал настойку: налил чистого спирта на вишни и поставил на шесть недель на окно. Сереженька употребил две рюмки.[2] Все-таки разъехались в двенадцать с половиною часов.

Отвечай поскорей на мой вопрос, дабы нам не разъехаться: или ты останешься в Питере, или я буду ждать тебя в Москве. Ответствуйте!

Твой П. Юргенсон.

104. Чайковский — Юргенсону

С.-Петербург,
15 сентября [1879 г.]

Милый друг!

Я пробовал приступить к исправлению Мессеровской стряпни, но это оказалось невозможно без партитуры. На каждом шагу я встречаю,

* танцоры (исполнители пантомим)
** придворные шуты

кроме ребяческих промахов и ошибок, места несогласные с партитурой, а в чем несогласие, припомнить не могу. Господи! Можно ли было выдумать что-нибудь глупее моей фантазии не самому перекладывать оперу для фортепиано? Ведь теперь для меня двойная работа! Всего неприятнее то, что я даже не могу сердиться на бедного Мессера. По всему видно, что он с т а р а л с я, елико возможно, и, должно быть, сильно потел над работой. Но что же делать, если от природы ему не дано таланта, чутья, нюха? Нет ни одной странички сколько-нибудь возможной!

Пишу это я к тому, что мне необходимо будет взять партитуру второго действия с собой, и поэтому в день моего приезда попрошу тебя доставить мне ее. Из деревни я тебе очень скоро вышлю всю работу.

Приеду, как уже писал тебе, в среду 19-го числа с курьерским и остановлюсь не у Николая Григорьевича, как хотел, а у Д ю с с о, куда и прошу тебя убедительнейшим образом приехать вскоре после прихода поезда, ибо о многом нужно поболтать. Остановлюсь у Д ю с с о, ибо это для меня удобнее по разным причинам.

Твой П. Чайковский.

105. Юргенсон — Чайковскому

[Петербург]
20 сентября 1879 г.

Прилагаю двести рублей. Счет еще не готов и может тебе быть представлен позже.

Был я у Козлова и получил сюрприз: Бахметев не унимается и настаивает на своем праве разрешать или не разрешать духовную музыку, щелкает в с е х и натягивает им носы, объявляя им, что они не имели никакого права р а с с у ж д а т ь об этом деле, и т. д. и т. д. Одним словом, предстоит опять конфискация литургии...

До свидания, друг.

Твой П. Юргенсон.

P. S. Увидим, что Стасов[1] скажет.

106. Юргенсон — Чайковскому

[Москва]
29 сентября 1879 г.

Возвратился я благополучно из Питера. Стукался во все двери, поклонился всем. Твоего брата не поймал, хотя был у него и утром и вечером.

Направника, Евгения Альбрехта не застал. Лукашевича видел. Этот с. с. держит себя ужасно важным сановником, боится мускулом двинуть, сидит как окаменелый. Я ничего [не слыхал] кроме: „обратитесь к г. Христофорову", „обратитесь в нотную контору", „это до меня не касается", „что ж, пришлите — раньше поста рассматривать не будут".[1]

Господи! — думалось мне, — и я не должен его обругать! Я не могу ему сказать: „Что вы важничаете, с. с., ведь знаем мы вас, хамов". Воображаю, как этот же Лукашевич перед Кистером пляшет! [4]

У Стасова я был три раза. Он надеется, если не будет высочайшего повеления, натянуть нос г-ну Бахметеву. Он уверен, что дело дойдет до Сената [...]

После Питера никого не видал из друзей, кроме Кашкина, и тот семенил около меня лишь несколько минут. 1-го октября у Безекирского блины со „всеми". Завтра пойду в 12 часов к Рубинштейну.

Прощай! Твой П. Юргенсон.

Прилагаю письмо, присланное из консерватории.

107. Чайковский — Юргенсону

Каменка,
3 октября [1879 г.]

Милый Петруша! Завтра утром высылаю тебе сюиту и „Онегина". В сюите не мало опечаток. Ничто так не досадно, как делать корректуру без подлинной рукописи. Вследствие сокращений, т. е. пропуска неиграющих инструментов, в некоторых случаях я становился в тупик, и приходилось напрягать память. Дело в том, что при этой системе гравирования партитур необходимо очень тщательно надписывать над строчками, какие инструменты что́ играют. Между тем этого не сделано, или недостаточно ясно сделано. Кроме того, имеются и очевидные путаницы, т. е., например, на одной и той же строчке играет сначала флейта, а потом гобой. Мессер исправил очень мало. Вообще теперь об Мессере я имею очень определенное понятие. Это очень добросовестный и добродушный малый, которому можно поручать только черную работу. Например, по исправлении партитуры я теперь вполне могу доверить ему корректуру голосов и сверку их с партитурой. Но не более. Никакой самостоятельной работы я ему поручить не могу: он слишком бездарен и слишком мало сведущ. Очень часто он поправляет так, что делает хуже, чем сделал гравер, т. е. он понимает, что есть ошибка, а в чем она — не понимает. Иногда же ему мерещутся ошибки там, где их вовсе нет. Его корректура „Онегина" сделана хорошо, но именно тут на каждом шагу встречаются кажущиеся ошибки, которые мне пришлось опять переделать по-старому. Он нашел очень много неточностей, очень много неправильностей, и за это я ему благодарен. Что касается пресловутой поправки пауз, то это, по-моему, сущий вздор. Делай, как хочешь, и если это не отнимает времени, пожалуй, промучь граверов над бесконечной переделкой

в но, по-моему, это совершенно излишняя

роскошь. Если б я не торопился поскорей послать, то, вероятно, еще очень многие его поправки уничтожил бы, но время дорого, и я отсылаю тебе „Онегина" со всеми бесконечными изменениями таких подробностей, о которых и говорить не стоит.

Завтра я вероятно получу Divertimento и очень скоро отправлю его к тебе исправленным. Затем голоса пусть проверяет Мессер. Убедительно прошу тебя не печатать ни партитуры, ни голосов сюиты до тех пор, пока она не будет исполнена.

П. И. Чайковский ( ) в Каменке — имении Давыдовых

Пусть Мессер сделает три корректуры того и другого и пусть исполнение сюиты на репетициях послужит четвертой корректурой. Только после этого исполнения можно будет с достоверностью сказать, что ошибок, или несоответствий партитуры с голосами нет. Пожалуйста, голубчик, сделай это, т. е. дай, посредством исполнения по печатным партитуре и голосам, возможность получить окончательную уверенность в безошибочности издания.

Я был заранее уверен в том, что Лукашевич разыграет роль начальника. Но этим не следует смущаться. Опера все-таки наверное пойдет в будущем году, ибо я имею случай добраться до самого Адлерберга и доберусь. Чем скорее Мессер перепишет клавираусцуг, чем скорее партитуру можно будет отправить в Петербург — тем лучше. Я дал слово Направнику, что в ноябре партитура будет в его руках, и мне очень бы хотелось, чтобы на деле так и вышло. Потрудись похлопотать об этом! Пожалуйста, в следующем письме напиши мне, когда предполагается первый концерт, и можно ли надеяться, что сюита будет к тому времени готова!

Я тебя, кажется, не благодарил за наши счеты, коими я отменно доволен. Из оставшихся за тобой пятисот шестнадцати рублей потрудись удовлетворять существо женского пола, носящее мое имя. Послал ли ты письмо мое к ней? Это ответ на разные дерзости, которые она писала Анатолию.

Кланяйся Мессеру и скажи, что за „Онегина“ я очень ему благодарен. В конце концов, он все-таки очень много нашел ошибок, хотя и не крупных. Я наслаждаюсь деревенской жизнью. Будь здоров и дай тебе боже всякого благополучия.

Твой П. Чайковский.

Сообщи мне, в каком положении работа Мессера над клавираусцугом.

108. Чайковский — Юргенсону

Каменка,
20 октября [1879 г.]

Я так давно не имею от тебя никаких известий, что даже беспокоился бы, если б не получил на-днях письмо Кондратьевой с адресом, написанным твоей рукой. Или ты сердишься на меня? Если да, то за что?

На будущей неделе в пятницу я буду в Москве на один день и, как всегда, incognito. Прошу тебя, мой друг, к семи часам вечера прислать в Кокоревскую гостиницу всякие корректуры и рукописи, которые ты найдешь нужным мне показать. Если ты пожалуешь с ними сам, то, конечно буду очень рад. Весьма желал бы в этот вечер где-нибудь ужинать в нашей компании. Нельзя ли это устроить? Ты спросишь, зачем я еду именно теперь, а не позднее, к концерту? Так нужно по семейным

делам. Так как я буду нуждаться в деньгах, то попрошу тебя дать мне из оставшейся за тобой суммы двести рублей.

Засим обнимаю тебя.

Твой П. Чайковский.

Я написал эскизы первой части фортепианного концерта.[1] Бедный Юргенсон! Впрочем, ранее весны он готов не будет.

109. Чайковский — Юргенсону

Каменка,
21 октября [1879 г.]

Письмо твое получил.[1] Посылку получу завтра или после завтра и привезу ее с исправлениями. Буду, вероятно, в пятницу. Если что-нибудь задержит, буду телеграфировать. Mercì за сто рублей гонорара за сюиту. Напрасно ты пишешь свита;[2] на заглавном листе нужно поставить сюита. Я уверен, что Кашкин, Танеев, Губерт, Рубинштейн и т. д. будут согласны с моим мнением, что свита не годится и нужно именно сюита.

До свидания, друг мой.

Твой П. Чайковский.

По-моему, нужно сделать все возможное, чтобы „Дева“ поскорее попала к Направнику.

110. Чайковский — Юргенсону

1879 г. ноября 1—2? Петербург.[1]

Милый друг!

Тороплюсь написать тебе несколько слов. Вчера я был у Направника, и вот результат наших разговоров:

1) Необходимо до напечатания представить в дирекцию писанный клавираусцуг. Поэтому потрудись велеть сделать копию и послать ее Направнику.

2) Время исполнения сюиты зависит от того, когда ты пришлешь ее, но особенно торопиться не нужно, ибо, раз что она не попала в программу первого концерта, на котором хотели ее играть, — все равно через неделю, две или три она будет готова.

3) Партитуру „Девы“ чем раньше пришлешь, тем лучше. Я ему сказал, что третий и четвертый акты будут скоро высланы.

4) Направнику ужасно хочется печататься у тебя. Об этом я напишу тебе особенно завтра.

Обнимаю тебя.

Твой П. Чайковский.

5) Из „Евгения Онегина“ я позволил ему исполнить вальс и какие угодно вокальные нумера, но полонез запретил. Итак, пошли ему все, что он просит, кроме полонеза.“

---

1) К твоему возвращению из Петербурга клавираусцуг второго действия будет готов.

2) Нужно тотчас же отдать его переписать.

3) Партитура будет свободна, и нужно будет тотчас же отправить ее в Петербург, в дирекцию при докладной записке от меня, которая будет готова к твоему возвращению и будет находиться у Альбрехта.

4) Клавираусцуг должен быть переписан начисто и отправлен тоже в Петербург; после переписки нужно, чтобы предварительно его просмотрел Танеев. Мне кажется, что клавираусцуг должен быть переписан в двух экземплярах. По крайней мере, второе действие не может быть гравировано по черновому измаранному экземпляру.

5) Мне кажется, что теперь, до представления партитуры, тебе не нужно быть у властей театральных. Может быть, попозже ты съездишь еще раз, или поручишь Осипу Ивановичу хлопоты, хотя лучше было бы, если б ты сам.

111. Чайковский — Юргенсону

Петербург,
4 ноября [1879 г.]

Зачем ты мне прислал бумагу, выданную Антонине Ивановне от градоначальника? Что нужно сделать? Просит она новую, или просто возвращает по миновании надобности? Не понимаю. Точно так же не понимаю, какой автограф нужно американской девице: письмо или ноты, и что она хочет сказать, говоря, что заплатит за присылку?[1]

Теперь обратимся к Направнику. Когда я был у него, он очень жаловался на ненапечатание своих сочинений. И в самом деле, он в этом отношении несчастлив. Не найдешь ли ты возможным напечатать его „Демона“, который будет исполняться у нас в Москве? Говорят, что вещь очень хорошая. Мне бы очень хотелось оказать Направнику какую-нибудь услугу, — он очень мил ко мне. Не хочешь ли напечатать „Нижегородцев“, которые уже десять лет держатся на репертуаре? Прости, если это навязывание тебе сочинений Направника неуместно, но ведь я знаю, что ты из-за моей просьбы не станешь делать глупостей. Итак: если напечатание того или другого сочинения Направника—не глупость, то сделай это; если глупость,— извини, что пристал к тебе.

Я здесь шляюсь с утра до вечера, проводя жизнь довольно бессмысленную. Насчет отъезда ничего решительного сказать еще не могу, но в Москву теперь не поеду наверное, о чем прошу ничего не говорить, пока я не напишу Рубинштейну.

До свидания, голубчик!

Когда мое местопребывание определится, я попрошу тебя прислать мне те из моих сочинений, переиздание коих было бы желательно.

Твой П. Чайковский.

112. Чайковский — Юргенсону

Питер,
[8 ноября 1879 г.]

Милый друг! Я сейчас злоупотребил твоим карманом, т. е. был у Осипа Ивановича и взял у этого милейшего брата твоего сто рублей. Кроме того я занял у своей мачехи тоже сто рублей, которые не могу теперь возвратить, иначе как с твоей помощью, и потому, ради бога, прости меня, но я попрошу тебя выслать двести рублей Осипу Ивановичу, у коего мачеха моя по получении твоего ответа получит свои сто.

Положение наших счетов следующее. За тобой оставалось 516 рублей. Из них в Москве я взял у тебя 200, особе ты выдал два раза по 50, следовательно, 100, да теперь вышлешь Осипу Ивановичу 200, следовательно, из 516 р., собственно говоря, остается лишь 16. Но так как после того ты прибавил мне за сюиту 100, то остается 116, из коих и потрудись покамест выплачивать особе ее пенсию. В Петербурге теперь платят гонорар композиторам за исполнение их сочинений; хорошо бы было, если б и в Москве завели тот же обычай.[1] Тогда мне можно было бы зарабатывать ежегодно этим путем рублей до шестисот.

Что особа обратилась к Гензельту и к Рибе, то это очень хорошо. Это показывает, что мое письмо имело на нее, наконец, благодетельное влияние. Она будет умнее вести себя, когда у нее будет дело.

Я еду за границу завтра; следовательно, переложение Баташки[2] до меня не дойдет, но Толя его вышлет назад. Я вполне полагаюсь на Баташку и ее мужа. Я еду не в Италию, а во Францию. Потрудись покамест писать мне: Paris, Rue de la Paix, 20, Hôtel de Hollande. Mr. N. Kondratief, pour remettre à M. P. T. Дело в том, что я еще не знаю, где буду жить.

Был у невозможного, отвратительного Бесселя и взял партитуру Второй симфонии.

Очень не в духе я. Всем поклон. Обнимаю тебя.

Твой П. Чайковский.

113. Юргенсон — Чайковскому

Москва,
12 ноября 1879 г.
Колпашный. Вечером.

Милый друг! Опять ты в иностранию уехал, опять в свой милый Париж. Боже! Сколь ты ветрен!

Дела по части финансов я в Петербурге по твоему указанию устрою. Счет наш ты привел согласно истине.

Я давно стою за гонорар артистам, но Николай Григорьевич оппонирует. По случаю решения Петербургского отделения я поднял опять этот вопрос, но опять неудачно. Мне указали на то, что тебе постоянно за каждую новую вещь выдавали гонорар. Я понимаю, что это не то, да что же мне делать? Один в поле не воин [...]

В субботу был концерт с Гржимали.[1] Он играл Мендельсона. Понравился. После концерта мы хотели чествовать Гржимали за ужином, но забыли его пригласить. Ужинали под давлением сильной скуки с двумя Альбрехтами, Гильфом, Э. Лангером (Рубинштейном, спящим на диване), ели вчерашнюю говядину и пили пиво, а двадцать рублей истратили. Плавали в скуке как в собственном соку. Рассказывали анекдоты самого примитивного, архинемецко-музыкантского характера. Нет, дружище, стареем мы стареем. Один Зверев неутомимо, неуклонно ведет жизнь прежнюю. Кашкин не был, потому что вел какой-то разговор конфиденциально с Ларошем. А propos! Ларош поступил по моему совету и отправился к генерал-губернатору в канцелярию за паспортом за границу и (я думаю,—таки к его огорчению) получил его, как все благополучные граждане. Отъезд откладывается на будущую неделю.

Приехал Генрих Венявский; так же болен, как в прошлом году. На него тяжело смотреть. Он, вероятно, не долго проживет, но не хотелось бы мне, чтобы он умер в Москве. Поехал бы он в Брюссель, к своим, что тут мешкать! Приехал он без денег, без здоровья, как тут быть? Im Handumdrehen* сделался я издателем его новых двух пьес для скрипки с фортепиано.

Ты взял Вторую симфонию и будешь ее переделывать. Прекрасно! А „Ромео"? Затем, какие пьесы ты еще хотел подвергнуть пересмотру? Все? Куда тебе их выслать?

Paul Pabst написал Paraphrase de Concert на „Онегина", очень бравурную и чрезвычайно эффектную. Он посвятил пьесу Рубинштейну, и тот будет ее играть в своем концерте. Будет сделано два издания: de concert и facilité. **

„Онегина" исполняют: арию Ленского в артистическом клубе Додонов 14-го ноября; затем в Художественном собрании в Питере — всего, со всеми онерами, в костюмах и т. д., под управлением Главача. Кроме того, Направник — в Музыкальном обществе и наконец, кажется, в Музыкальном обществе у нас. „Онегин" for ever! ***

Прощай, мой милый мизантроп.

Твой П. Юргенсон.

114. Чайковский — Юргенсону

Париж,
19 ноября/1 декабря [1879 г.]

Милый друг! Вчера получил твое письмо и очень был им обрадован. Господи, какое счастье быть вне отечества; только переехавши границу я вздохнул свободно и почувствовал себя свободным, счастливым и покойным! (Дорогой удирал от Иосифа Венявского, ехавшего со мной на одном поезде, и, чтобы отделаться от него, даже выдумал, что еду не один, а с женщиной, причем он хитро подмигнул, как бы говоря: „ишь ты, канашка!") Но как я ни счастлив удрать из России, а все-таки друзьям всегда останусь верен, и посему желаю об них иметь известия и прошу тебя не оставлять меня своими милейшими письмами.

Я пока буду доканчивать вчерне свой концерт и лишь несколько позднее примусь за пересмотр старых вещей и пришлю тебе в свое

* мигом
** концертное и облегченное
*** навсегда!

время список вещей, которые желал бы пересмотреть и кои прошу тебя прислать мне. Прежде же всего займусь Второй симфонией, которую хочу основательно переделать. Тебе известно, вероятно, что Colonne по просьбе M-me Мекк будет играть мою Четвертую симфонию.[1] Пожалуйста, голубчик, сделай, чтоб это осталось между нами и чтобы не знали, что эта симфония ему навязана ценою д е н е г! Кстати по поводу навязыванья, не забудь написать Lucc'e насчет оперы. И тоже это между нами.

Я живу в Париже в том самом помещении, где был в прошлом году. Останусь здесь еще недели две и потом поеду в Италию, дабы соединиться с братом Модестом, который на всю зиму уехал туда.

„Онегина" Баташкиной работы тебе должен был переслать Бессель. Получил ли ты его?

Время провожу наиприятнейшим образом. Если б ты знал, до чего я мало завидую тебе, и как я бы желал тебе иметь возможность удрать так, как я! Всем поклон.

Твой П. Чайковский.

Paris. Rue Rivoli. Hôtel Meurice.

115. Юргенсон — Чайковскому

Москва,
22 ноября 1879 г.

Милый друг! Ты, вероятно, удивляешься, отчего я не пишу про дела твои, про жизнь московскую, про Музыкальное общество, про „Деву" и т. д.

Положим, я не в Париже, меня не развлекают мондэ сенского парадиза, не смущают прелести бульваров, но зато дела у меня много и вечная спешка...

Начну с того, что Иосиф Венявский был, два раза играл и успеха не имел. Он уехал, проклиная всех. Только что выехал в одни ворота Москвы, как его брат Генрих въехал в другие ворота смертельно больным. У него во второй раз водянка. Я посещаю его через день, но на него смотреть очень тяжело: я каждый момент думаю, что он при мне умрет. Приехал он без копейки и живет теперь на вырученные у Юргенсона за будущие пьесы деньги. Я вовсе не рад этому, так как цену он назначил дурацкую, но предпослав, что он гол, — иначе и т. д. Я молча согласился, мне решительно не хватает духа ему объявить, что он меня насилует, что Россия не Париж и т. д. Он в это время стонет и мечется как бы в предсмертной агонии. Бедный! Он в понедельник переехал из гостиницы в Мариинскую больницу. Я был у него вчера. Он проживет недолго, у него уже является сонливость — признак, что мозг затронут. Его семейство получит после его смерти 250 000 франков = 10 000 фунтов премии.

В прошлую субботу играл Николай Григорьевич „Caprice russe" Антона Рубинштейна.[1] Мне пьеса понравилась, и даже не как фортепианная пьеса, а как оркестровая. Рубинштейн играл ее последним нумером и был принят так, как никогда, — никто не уехал, что меня ужасно удивило; это я в первый раз видел.

Сегодня получил от Лукка письмо. Он пишет: чтобы дать ответ, необходимо иметь клавираусцуг. Прибавляет, что в Италии теперь очень трудно представить новую оперу. Придется ждать выхода оперы или по крайней мере корректуры. Но насчет перевода? Не было бы смысла послать ему с русским текстом оперу?

Концерты Музыкального общества идут по субботам. После концерта сходятся в Эрмитаж, но как-то без энергии, без огня, бесстрастно. Не только состарились, но коновода нет. Место Клименки все еще вакантно.

Прощай, мой милый странник, где ты теперь? У нас мороз в пятнадцать—семнадцать градусов, мы в комнатах зябнем и только в постели согреваешься, а ты, быть

может, от жары страдаешь? Ходишь по рощам без штанов и кушаешь апельсины, которые тебе сами в рот лезут? Волосы у тебя заплетены миртами и чело окороновано лаврами? С черноокими ты по вечерам танцуешь „Тарантеллу“ Делера, по ночам резвишься с „Danse des lutines“ Bazzini или пьешь английскую соль в Милане в Hôtel de l'Europe?

Прощай. Пришли мне ветку Палестины.

До свиданья

Твой П. Юргенсон.

P. S. Сюита готова.

116. Юргенсон — Чайковскому

Москва,
24 ноября [1879 г.]
Колпашников. Вечером.

Я только что отправил к тебе письмо по прежнему адресу в Hôtel de Hollande. Как жалко, что нельзя копировать мои письма к тебе; я иной раз ужасно бы хотел знать, что я тебе писал. Очевидно, „милейшие“ мои письма суть вдохновенные, ибо я потом редко помню содержание их и не понимаю в ответе часто, куда отнести намек. Ты пишешь, что мне неизмеримо мало завидуешь... Господи! Да помоги ты мне вспомнить то место в моем письме, где я вызываю верного друга завидовать мне. Это я, верно, над собой смеялся и тебе завидовал. Мне завидуют Гутхейли и Бесселя, да разве эти господа меня когда серьезно занимают? Мне лишь досадно, что они себе воображают иногда, будто я при своих делах и начинаниях думаю: „Вот будет досадно Бесселю! Как я этим удружу Гутхейлю!“ Плюнем.

Я понимаю твою радость жить там, где тебе хочется и нравится, понимаю даже, что ты не без удовольствия вспомнишь: „Никто теперь из россиян не потревожит меня“. Затем revue:* пассируют** разные противные лица — и в хвосте и изрядный хвост „друзей“; о них вспомнить приятнее вдали.

Мне очень понравился маневр с Иосифом Венявским. Гениально!

Прекрасно, сделай Вторую симфонию, но финал не изменяй. Четвертую симфонию я переписал для Парижа-Аркашона,[1] партитуру и голоса. Это стоило сто двадцать рублей, и Фроловский сильно качал головой и, вероятно, заподозрил меня в утрировке цен; за лист я взял сорок копеек и за партитуру восемьдесят копеек [...]

В четверг обедал я у Губертов и, возвращаясь, простудился. Горло у меня болит. Я все-таки продолжаю обычную жизнь. Вчера был четвертый концерт, играл Фитценгаген концерт Эккерта с финалом alla cosacca*** на pseudo-русский лад. Это немец, переодетый в казака. Успех был. Листа „Страсбургские колокола“ мне не понравились. Какой смысл в этой пьесе? Если эти хоры и соло еще уместны в отечестве Вотанов, но в Москве? Чего, чего там не было?! Прилагаю программу.

После концерта я поехал домой. Сегодня был в консерватории на молебне, не остался на заседание и не поехал на музыкальное собрание г. г. Альбрехта и Танеева. Лечусь.

Прощай.

Твой П. Ю.

---

* *досл.*: обозрение; *здесь*: встречи
** проходят (*фр.*)
*** в стиле казачка

117. Чайковский — Юргенсону

Париж,
26 ноября/8 декабря 1879 г.
Rue Rivoli. Hôtel Meurice.

Милый друг!

Вчера я получил прилагаемое письмо от Фюрстнера. Прилагаю также и ответ мой, посланный сегодня. Так ли я отвечал? Я очень затруднялся, что ответить, хотел сначала списаться с тобой, но потом решил, что это будет слишком долго, и ответил. Теперь, списывая копию, я начинаю бояться, что я напрасно рисовался перед Фюрстнером своим благородством. Кажется, я с тобой заключил какое-то условие, которое в прошлом году подписывал у нотариуса, и просто не имел права отдавать мои вещи Фюрстнеру. Как бы то ни было, но не скрою, что предложение Фюрстнера доставило мне удовольствие. В прошлом году подобное же предложение делал мне (кажется, по секрету от тебя — поэтому ты меня не выдавай) Бок. Ведь это все-таки служит доказательством, что мы с тобой можем надеяться серьезно перешагнуть через русскую границу.[1]

Я здоров, весел, счастлив и по-прежнему влюблен в заграницу вообще и в Париж в особенности. Но зима здесь стоит такая же ужасная, как и в России. Париж стал теперь похож на Петербург, с той разницей, что там умеют снег убирать, а здесь целые пирамиды снегу торчат по улицам, и проезд едва только возможен и то шагом. А снег все еще идет и идет. Парижане совсем потерялись.

Твой П. Чайковский.

118. Чайковский — Юргенсону

Париж,
30 ноября/12 декабря 1879 г.

Как ты ошибаешься, дружище, полагая, что я живу среди менее жестокой зимы, чем ты. В Париже стоят такие лютые морозы, в комнатах так холодно, что, наверное, здесь от холода больше страдают, чем в Москве. Я же наслаждаюсь, ибо люблю холод и ненавижу душные, топленые комнаты в России.

На другой день после Фюрстнера я получил еще предложение от какого-то Эрлера (на этот раз через Котека) сочинить и продать ему какие-то русские танцы!!! Видишь, как ко мне лезут и какой я чудный композитор, что какие-то немцы мне русские пляски заказывают. Я написал Котеку, что пишу то, что мне хочется, а не то, чего хочется какому-нибудь г. Эрлеру, и прошу его передать о том просителю.

Бедный Венявский! У меня сжалось сердце, читая известие о нем.

Через шесть дней я отправляюсь в Рим, где уже поселился мой брат Модест с своим воспитанником. Адресуй мне, пожалуйста, туда: Roma. Via del Babuino. Hôtel de Russie. Я не очень-то люблю Рим и лелею себя надеждой, что удастся Модеста увлечь куда-нибудь в другое место; а впрочем, увидим.

Концерт мой приходит к концу. Если ты не завел новый порядок, то я бы мог с быстротою римской свечки инструментовать его и послать тебе, — но теперь вряд ли ранее весны приведу его к вожделенному концу, ибо торопиться нечего. Если Николай Григорьевич будет играть его, то не иначе, как по печатным нотам в будущем сезоне.

Обнимаю тебя.

П. Чайковский.

119. Юргенсон — Чайковскому

Москва,
5 декабря 1879 г.
Kolpaschnikoff-Castle.

1879 г. декабря 5—6. Москва.

Фюрстнер никто иной, как берлинский Бесселъ, со всеми свойствами бесселевскими, со всеми недостатками и достоинствами Бесселя [...] Подлиза до тех пор, покуда есть расчет, а затем голый нахал. Он с Вагнером имел процесс, но, к счастию, проиграл. Он хотел руку положить на тантьему. Итак, мой дружеский совет: Фюрстнера избегать пуще Бесселя, ибо он умнее Бесселя и объедет почище того. Бок совсем другой человек, и с ним дело иметь весьма можно. Если тебе суждено в Берлине иметь издателя, то лучший из них Бок.

Теперь насчет того, чтобы иметь издателя „в заграницей". Я думаю, что об этом следует подумать и следует узнать, какая от этого польза. Оперы, конечно, могут быть изданы в каждой стране на данном языке, зато оперу трудно продать; тут Бок для Германии лучший человек. Оркестровые вещи могут только быть изданы один раз, т. е. нельзя издать оркестровые вещи в России, в Германии, во Франции. Остаются мелкие вещи. Эти можно будет со временем продать разным издателям, и если ты желаешь, то я могу следующие романсы или пьесы, до издания их у меня, предлагать в Берлине и Париже.

6 декабря!

Представь! Сегодня у Николая Григорьевича нет ничего, и он, якобы, отсутствует. В прошлое воскресенье был у Разумовского обед, но отсутствовали: Клиндворт, Лангер, Кашкин, Фитценгаген, Самарин. Рубинштейн этим так огорчился, что объявил 6-е декабря отмененным потому, что его в Москве не будет. Предположенную серенаду отменили и все посыпали голову пеплом.[1]

Тесный кружок наш как-то расползает и расползает неудержимо. Посмотри: тебя нет, Губерт киснет, Клиндворт дуется, Самарин дряхлеет, Кашкин дошел до такого разврата, что может манкировать. Прежними остались: Рубинштейн, Зверев, Лангер и я... „Уж и прежними!" — скажешь ты с улыбкой. А я скажу все-таки: прежними, насколько лета позволяют, т. е. школьничаем меньше, и то как бог на душу положит.

Твое письмо от 30-го я получил вчера вечером. Эрлер хорош со своим заказом на русские песни. [4] Что бы ты ему написал пьесы для ввоза в Россию же! Как бы ты не обзаграничился современем. Ради бога, не предпочитай ты иностранных издательств, не превращайся в космополита à la A. Rubinstein, не хорошо это...

Боже! В Риме, и можешь играть „Нерона" Рубинштейна и смотреть „Семирадского на месте![2] Счастливец!!!

(Со вздохом:) Прощай!

Твой П. Юргенсон.

P. S. Мессеру я заплатил сто рублей за два акта „Онегина". Это было курьезно: он по обыкновению долгое время освещал свои гигантские труды, да что он потерпел, какой ад и т. д. Мне это, наконец, надоело, и я ему бухнул: „Ich bin schon ganz weich geklopft, sagen Sie mir was es kostet.* Этим я его сбил с Россинанта,** и он стал говорить, что ему совестно и т. д. Кончилось дело тем, что я ему поставил на вид, что Шотт Клиндворту за первые клавираусцуги Вагнера платил по тридцать фунтов стерлингов, но то был Шотт и — по требованию Вагнера. Здесь дело другое: я не Шотт, он не Клиндворт, и Чайковский нисколько не требовал от меня, чтобы Мессер работал, но — я все-таки думаю дать ему сто рублей. Он делал вид, что это ужасно мало, но, чтобы покончить — взял. При этом я вспомнил, что я тебе за Котека должен сто рублей. Я тебе их записал в твой счет.

Когда выедешь из Рима, то привези мне оттуда тамошние „Erzeugnisse": *** 1 римскую скрипичную струну, 1 таковую же свечу, 1 гуся капитольского.

120. Юргенсон — Чайковскому

1879 г. декабря 7—10. Москва.

Москва,
7 декабря 1879 г.

Милый мой, я только что отправил первое „римское" письмо, и вот уже зарождается второе. Получил я письмо от Котека. Они с Фриденталь дают концерт. Она играет ор. 19, № 6, только что игранный Бюловым в Берлине два раза, он играет Serenade и Вальс, только что игранные в Музыкальном обществе Барцевичем.[1] Получаю „Menestrel" и читаю в газете „Escudier" про игранный твой квартет. Беру в руки „Revue et gazette musicale" и нахожу тебя в четырех местах в одном нумере. La société St. Cecile посвящает тебе одному целый „séance",**** Breitner играет в Пеште твой концерт. Rummel в Нью-Йорке в Филармоническом обществе — тот же концерт, с большим успехом [...]

10-го вечером.

В субботу играли сюиту с большим успехом.[2] Первая часть прошла без горячих заявлений восторга. Вторая, видимо, понравилась, Andante очень понравилось, но м а р ш вызвал несмолкаемые аплодисменты, до тех пор, покуда не повторили. Скерцо приняли очень хорошо. Гавот застал публику уже утомленной и горящей желанием удрать поскорей.

Это насчет публики. Рубинштейн жаловался на ужасную трудность для оркестра: еще немножко, и исполнение делается невозможным; чтобы хорошо вышло, надо, чтобы в оркестре в с е солисты были. От себя скажу (ты мне позволил свое суждение иметь): первая часть мне не понравилась, отчасти, конечно, оттого, что я не музыкант, а отчасти оттого, что тут требовалось доказать, что всякие „введения", да еще с фугой, должны произвести впечатление строгое. Andante твои в с е я ужасно люблю, может, оттого, что они мне доступнее, может, оттого, что это мой жанр, может, я так от природы получил пристрастие к андантам и скерцо... Итак, мы с тобой сдурили, исклю-

* Я все это достаточно хорошо знаю, скажите только, сколько это стоит.
** Россинант — лошадь Дон-Кихота. Смысл: сбил с него спесь.
*** изделия
**** концерт

чив марш. Лучше поздно, чем никогда, и потому я делаю публике подарок с маршем т. е. прибавлю к изданию в виде привеска; „симфония с верхом“ [...]

Прощай, счастливый обитатель Рима, прощай! Томлюсь!

Твой П. Ю.

Лист сделал транскрипцию полонеза из „Онегина“ и еще „переложил“ Славянскую тарантеллу Даргомыжского (последнюю без моей просьбы), но цену назначил бешеную, до водобоязни! И непременно в м е с т е! В этом году мне посчастливилось по части неожиданностей в гонорарах! От многих бы мне „не жить“, „ни за что не жить“...

121. Чайковский — Юргенсону

Рим,
16/28 декабря [1879 г.]
Via S. Niccolo di Tolentino. Hôtel Costanzi.

Милый мой друг!

Твое письмо получил дня два тому назад. Что тебе сказать про Рим? Город великолепный, богатый историческими воспоминаниями, обладающий климатом удивительным, — но в то же время шумный, пестрый, грязный. Он меня пока только интересует. Говорят, что нужно долго здесь пожить, чтобы полюбить Рим; увидим. А пока я наслаждаюсь, во-первых, чудными, солнечными днями, а во-вторых, обществом Модеста.

По поводу авансов немецких издателей скажу тебе истинную правду: они немножко льстят моему самолюбию, но никакого дела с ними иметь не желаю, во-первых, потому, что мне приятно иметь дело лишь с тобой; во-вторых, потому, что хочу, чтобы немцы приучались кое-что выписывать из России, в-третьих, потому, что они мерзавцы.

Ты сокрушаешься о том, что мы стареем и что уж нет того веселья, которое соединяло нас когда-то в тесный кружок. Еще бы не грустить! Да если б я оставался в Москве, я бы с тоски сгинул. Меня поддерживает кочующая жизнь и частые перемены обстановки, отвлекающие от грустных мыслей и сожалений о невозвратном прошедшем. Странное у меня отношение к Москве: я ее и страстно люблю и в то же время ненавижу, точно будто я ревную ее к чему-то, точно будто она изменила мне.

Отчего не играли еще сюиту? Или уж играли, но прошло это до того незамеченным, что ты и не написал мне об этом?

Я решительно ничего не делаю. Собираюсь приступить к переделке Второй симфонии, но не нахожу в себе ни искры охоты и вдохновения. Едва ли Рим благоприятное место для работы.

Пожалуйста, голубчик, потрудись к праздникам послать женщине с моим именем сверхштатных пятьдесят рублей. Хочу попробовать побаловать ее за то, что присмирела и оставила в покое как меня, так и всех моих родных. При этом потрудись упомянуть, что это делается именно к п р а з д н и к у, дабы она не вообразила, что каждый месяц будет сто получать. До свиданья, друг мой!

Твой П. Чайковский.

122. Чайковский — Юргенсону

Рим,
19/31 декабря 1879 г.
Via S. Niccolo di Tolentino. Hôtel Costanzi.

Милый друг!

Получил сегодня твое письмо. Оно повергло меня в совершенное отчаянье. Отзыв Николая Григорьевича о моей сюите, что будто бы она так трудна, что переходит за пределы возможного, удивляет, раздражает и убивает меня. Что-нибудь одно: или Рубинштейн ошибается, или мне следует бросить сочинительство. Как! Я только о том и стараюсь, чтобы писать проще и легче, и чем больше стараюсь, тем хуже выходит! Это ужасно.

Я просил Танеева написать мне подробно, в чем именно оказалась такая ужасная трудность. Мне немножко обидно, что никто из друзей не подумал обо мне и не телеграфировал мне после исполнения. Ведь, в сущности, единственный интерес, привязывающий меня к жизни, это мои сочинительства. Первое исполнение моей новой вещи составляет для меня эпоху, и неужели никто не мог понять, сколько для меня радости заключалось бы в нескольких сочувственных словах, из коих я увидал бы, что новая вещь исполнена и друзьям моим нравится![1]

Мне непонятно также то, что ты говоришь по поводу марша. Мы его не выбрасывали. При расставании с тобой было решено следующее: марш останется, но так как в голоса уже нельзя было вклеить его пятым нумером, то он должен был быть в конце, причем на первой странице ты хотел поставить заметку, что при исполнении играть его нужно не последним, а пятым. В партитуре же он должен был быть на своем месте, так же как и в переложении. Объясни мне, что это значит.

Ради бога, голубчик, ответь мне поскорее. Я стал безобразно раздражителен и от полученного твоего письма сегодня совершенно как собака болен.

Твой П. Чайковский.

123. Юргенсон—Чайковскому

1879 г. декабря 27—28. Москва.

Москва,
27 декабря 1879 г.

Вот уж никак не ожидал, что моя откровенность бед наделает и милого друга повергнет в тоску и злобу. Прости и забудь! Я по своей наивности и не догадался, что это глупо передать все, что слышишь. Теперь мне еще предстоит головомойка от Рубинштейна и, конечно, Губерта. Не стану еще раз в дураки и не буду объяснениями затрагивать опять, может, „не то"; тебе, вероятно, Танеев лучше скажет, в чем дело.

Вчера я послал тебе телеграмму следующего содержания: „Ты меня не понял, сюита понравилась, ее повторят в фондовском концерте". Этими словами я надеялся несколько отвлечь тебя от дурных мыслей; не знаю, удалось ли это?

Упрек твой насчет молчания друзей вполне справедливый и нами заслуженный каждым отдельно, хотя смешно обвинять Кашкина, Зверева, Лангера в отсутствии внимания. Я считаю, виноваты только Рубинштейн и я. Губерта исключаю, — он после концерта сказал: „Надо бы телеграмму Чайковскому“... Вот, между прочим, одна из дурных сторон непьянства, — все ползут врозь. Не в очистку себя скажу: я хотел один послать телеграмму и даже нарочно ехал крюком мимо телеграфа и — забыл свое намерение.

Деньги Антонине Ивановне я пошлю сегодня, хотя затрудняюсь: как? Писать не стану, может быть, сам съезжу [...]

Сейчас, перечитав твое письмо от 19-го, я вижу, что ты мое письмо невнимательно прочел, или я не ясно выразился. Рубинштейн сказал: „Ужасно трудно для оркестра, особенно у нас трудно, где оркестр составлен из разнородных элементов; так трудно, так трудно, — так и кажется, что еще немножко и совсем нельзя“. Ты же говоришь, будто Рубинштейн сказал, что трудность переходит за пределы возможного. Разве я так выразился? Тогда меня бить следует.

Теперь до марша. Его вставить, куда следует, нельзя было, не перекроив все сызнова и не отодвигая надолго печатанье. Голоса же были отпечатаны, и сам помнишь: мы спешили для того, чтобы тебе дать возможность приехать. Твой секретный отказ пришел позже и слишком поздно для переустройства издания. Марш после исполнения тотчас напечатали и ко всем экземплярам приложили — gratis.* Партитура с отметкой: играть (ad libitum)** после Andante. Голоса марша мне [1] Альбрехт обещался написать, чтобы экономически награвировать. Если доживем до второго издания, то все приведу в порядок.

„Ein Jeder weiss, wo ihm der Schuh drückt“,*** — гласит немецкая пословица. Мне по временам кажется, что я особенно несчастлив, что на меня шишки валятся, что я самый несчастный человек. Бывают дни, когда все, решительно все идет скверно, все, кажется, уговорились насолить мне. Сегодня один из тех дней — удивляюсь, как это я не лопнул!

31-го соберутся у меня встречать Новый год, и мы будем пить твое здоровье. Все будут. Спешу в театр, в „Жизнь за царя“; там дети мои слушают музыку и учатся патриотизму.

Прощай и не сердись на твоего искренно преданного

П. Ю.

28-го.

С Новым годом, о римляне из полуночных стран! Вместо того, чтобы любовно думать о москвичах, вы там сидите и злитесь; Модест Ильич, вероятно, подвел углем брови кончиком вверх и подливает. Eccajà zliuca! ....

---

* бесплатно
** (по желанию); *муз. терм.*
*** „Каждый знает, где ему башмак жмет“
**** Экая злюка!

1880 г.

124. Юргенсон—Чайковскому

Москва,
2 января 1880 г.
Вечером.

1880 г. января 2—3. Москва.

С Новым годом, милый мой! 25-го я поехал отыскивать „женщину, носящую твою фамилию“, с целью отдать ей в конверте назначенные ей деньги. Не застал. 27-го она сама явилась ко мне и поспешно сказала: „Я очень рада вас видеть, прошу вас, забудьте, что было“... Я молча поклонился и поспешно вручил ей конверт. Она затем справлялась о своем паспорте и на другой день прислала мне письмо, в котором просит передать тебе свою благодарность за то, что ты ее вспомнил, и просит о паспорте Анатолия Ильича не тревожить, — она может ждать, меня же просит принять уверение в полном уважении ко мне и т. д.

31-го декабря утром я вернулся из Питера от торжества фирмы М. Бернарда. Нельзя сказать, чтобы грандиозны были подарки или даже письменные доказательства сочувствия.

Больше всех сделал я: собрал подписи всех музыкальных торговцев Москвы в драгоценном альбоме, преподнес купно с братом очень красивый серебряный веер для писем, от Сазикова, и приехал из Москвы.

Гутхейль и Мейков телеграфировали, казанский торговец телеграфировал. Направник написал письмо.

Приказчики Бернарда поднесли маленький поднос, и Гутхейль — сосуд с пирогом и солонкой, Зайцев-композитор — солонку. Вот и все!

На другой день в „Петербургских ведомостях“ было сказано: масса подарков, масса приветствий со всех концов России, даже известный издатель Петр Иванович Юргенсон не поленился (!) приехать из Москвы...[1] Вот и поди! Точно я известный лентяй.

31-го вечером собрались обычные гости к обычной встрече Нового года. Всех смешила и веселила Александра Ивановна. Врала с величайшим искусством перворазрядной ingénu.

3-го.

Я получил сегодня утром письмо от Фюрстнера. Он меня уведомляет, что он перепечатал твой „Вальс-скерцо", „Детский альбом" и „12 morceaux". Он это сделал ввиду того, что какая-то другая „деятельная фирма" собиралась их издать!! Как доказательство, как неохотно он это сделал, он предлагает мне в обмен на его издания выслать ему партиями ор. 31, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 42, 43, с единственным правом распространения в Германии и Австрии, кроме того право собственности на перепечатанные им ор. 34, 39, 40—даром. Затем, в виде „вознаграждения" (Entschädigung),* он предлагает мне впредь ему высылать твои манускрипты на просмотр, и тогда он если решится на их издание, то купит право собственности** для стран, с которыми трактатов Россия не имеет. По получении ответа моего, он имеет в виду предлагать еще кое-что на счет „Евгения Онегина" [...]

Вот тебе сюрприз! Ведь как ни досадно узнать о том, что он названные вещи перепечатал, то все-таки это ничто [в сравнении] с чувством ярости за дальнейшие гнусные предложения — пойти к нему во временно-обязанные, сделаться вассалом [1] Фюрстнера. Нечего делать, придется либо во Франции продать творения твои или в Германии основать контору свою. На первое требуется согласный издатель (я уже писал Брандусу), на второе — новые заботы, новый расход и труды. Тяжела ты, шапка Мономаха!

Прощай, мой друг далекий.

Твой П. Ю.

125. Чайковский — Юргенсону

Рим,
4/16 января 1880 г.

Получил сегодня разом и твое и Танеевское письмо.[1] И то и другое подействовало на меня самым успокоительным образом. Преувеличил, между нами будь сказано, не ты, а наш друг Николай Григорьевич.

Вот что я хочу тебе сказать. Я переделал Вторую симфонию, т. е. первую часть, за исключением интродукции, написал вновь, Andante оставил по-старому, Скерцо переделал и переинструментовал, Финал сократил. Теперь делаю переложение в четыре руки. Теперь могу, положа руку на сердце, сказать, что симфония эта — хорошая работа. Но неужели все это достанется Бесселю, который никогда этого не напечатает, т. е. будет опять целые годы водить меня за нос и утверждать, что партитура гравируется за границей, когда она у него в шкапу? Ни за что не хочу этого, но что делать? Покамест я написал ему подробное письмо, в коем изложил, каким образом эта симфония досталась ему даром (я занял у него триста рублей, а по продаже „Опричника", т. е. поспектакльной платы, он вычел эти триста рублей, а за симфонию хотел мне дать впоследствии денег, но, конечно, ничего не дал), как он надувал, в каких отношениях я нахожусь с тобой и как я в настоящую минуту ни за что не отдам ему даром симфонии, которая стоила мне столько трудов и за которую я будто бы мог получить с тебя не только хороший гонорарий, но и быть уверенным, что

* вознаграждение за убытки

** С условием издать их раньше меня!!! (*Прим. Юргенсона.*)

у тебя она бы очень скоро была готова и в виде партитуры, и в виде голосов, и в виде переложения. Я сказал ему, что в настоящее время живу исключительно тем, что ты мне даешь, и что совершенно немыслимо, чтобы в то время как твой кошелек открыт для меня так широко, в то время как мне делают предложения заграничные издатели, — он один пользовался [бы] моими вещами даром. Письмо я заключил заверением, что не отдам ему симфонии в переработанном виде иначе, как за очень большую плату, а что его отговорку неимения денег я не могу принять, так как и сам их не имею и живу исключительно сочинениями. Так ли я написал? Ответа еще нет. Как только получу, сообщу тебе.[2]

Обнимаю тебя.

Твой П. Чайковский.

За телеграмму, дошедшую вполне исправно, очень благодарен.

126. Чайковский — Юргенсону

Рим,
11/23 января 1880 г.

Милый друг!

Я получил вчера твое письмо. Спасибо тебе за беспокойство, причиненное поездками к женщине с моей фамилией. Если б я знал, что тебе нужно будет самому к ней ехать, то не беспокоил бы тебя моей просьбой.

То, что ты мне пишешь о Фюрстнере, возмутительно. Надеюсь, что ты дал ему заслуженно презрительный и грозный ответ.

Мое здоровье плохо, да и нравственное состояние скверное. Из Петербурга получаю все грустные известия: сестра моя больна, дочь ее старшая больна, и, наконец, вчера я был извещен о смерти моего отца. Ему было восемьдесят пять лет, и известие это не могло поразить меня неожиданностью, — но это был чудной, ангельской души старичок, которого я очень любил, и мне горько, что я больше уж никогда не увижу его.

Бессель до сих пор не отвечает мне. Между тем все готово: партитура вновь написана мной с помощью переписчика, переложение переделано. Как бы мне хотелось, чтоб все это попало к тебе! Старую партитуру я сжег, и если Бессель будет артачиться, то он не получит ни старой, ни новой. Я боюсь, чтоб в случае ссоры он не вздумал восстановить уничтоженной партитуры посредством голосов, а голоса принадлежат Музыкальному обществу и находятся у нас в Библиотеке. Предупреди Карла Карловича, чтобы в случае запроса от Бесселя он голосов не давал ему. Своих же голосов у него никогда не было.

Посоветуй мне, как поступать в этом деле.

Обнимаю тебя.

Твой П. Чайковский.

127. Юргенсон — Чайковскому

1880 г. января 12—17. Москва.

Москва,
12 января 1880 г.

Танеев-то! Письмо в двадцать восемь страниц! Это те же ванны, взятые англичанином в первый день...

Конечно, ты поступил деликатно относительно Бесселя, но я сильно сомневаюсь, чтобы он тебе платил тем же. Я тебе уже говорил, что Бессель не имеет никаких прав на твою симфонию [...] Как бы то ни было, дело поставлено хорошо: согласится он, то ты возьмешь с него куш и непременно возьми нотариальное условие с назначением срока изданий партитуры, голосов и 4/ms.* Это важнее денег [...] Пришли мне докладную записку, которую ты хотел оставить у Альбрехта[1] [...]

В субботу опять концерт после долгого молчания; играет Ауэр.[2] Он никогда не играет твоих вещей; вероятно, ждет посвящения третьей пьесы „симпатичного Петра Ильича".

17 января 1880 г.

Из газет узнал я о смерти твоего отца. Ты не мог не быть приготовленным к этому, и закон природы и болезнь должны же были исполниться над ним. Тем не менее, тебе и брату было грустно уже потому, что вы вдали...

Венявский все еще в больнице, ему сделалось немного лучше, а теперь опять ухудшилось. Жена его сегодня уезжает в Брюссель к детям (есть семимесячный ребенок!), а сына оставляет здесь. Было бы лучше, если ему не суждено поправиться, чтобы прекратились его мучения, чтобы умер. Каждый раз, когда я у него бываю, это мне memento mori...** Он ведь в моих годах, гениальный человек, весь свет его знает и восторгались им, — а теперь!!

В заключение eine Fitzenhagensche Dummheit,*** выдуманная мною: „Послушайте, Фитценгаген, вы счастливый мужчина: как бы ни состарились [5]". Фитценгаген пришел в восторг, уверял, что он никогда лучшей вещи не слыхал (не хочет ли он издать у меня свой квинтет?) и пошел передавать. Прочие менее восторгались (не пишут квинтетов).

Недавно в Италии Andreoli исполнял твой концерт.

Прощай, мой милый. Поклон Модесту Ильичу от твоего

П. Юргенсона.

128. Чайковский — Юргенсону

Рим,
25 января ****/6 февраля 1880 г

Милый друг!

Я написал Бесселю основательное письмо с решительными требованиями. Гонорару я требую всего двести рублей, но зато он должен будет напечатать партитуру, голоса и переложение не позже как к 1-го ноября, и заключу с ним на этот счет формальное условие. Я долго думал, какой куш назначить ему, чтобы поставить в невозможность заплатить, но более двухсот я не мог потребовать, ибо

---

* четырехручного переложения
** напоминание о смерти
*** Фитценгагеновская глупость
**** *В подлиннике ошибка*: 24 января

не следует забывать, что какой он ни свинья, а ведь виноват-то во всем я. Зачем я ему дарил симфонию? Наконец, я не мог упустить из виду и того, что благодаря его промедлению моя симфония из пакостной сделается хорошей. Одним словом, мне не хотелось злоупотребить преимуществами моего положения и как бы вымогать из него больше, чем он может дать.

Трепещи, мой бедный друг! Кроме огромного фортепианного концерта, я написал для оркестра фантазию на итальянские темы.[1] И все это будет в непродолжительном времени оркестровано и сдано Юргенсону, а тот должен будет примахнуть к списку его уплат еще два гонорара. Ты мне отравляешь жизнь. Когда я пишу и увлекаюсь, то вдруг вспомню, что все это на твою шею, — и сия мысль обдает меня холодом.

Мое семейное горе я перенес без сильного потрясения. Жизнь закаляет людей и приучает к утратам. Но мне смертельно грустно подумать, что я уж больше не увижу моего дорогого, милого старика-отца!

У нас здесь в полном разгаре карнавал. Я его знал только по увертюре Берлиоза[2] и скажу тебе, что она хорошо передает кипучее веселье римской толпы. Кто этого не видел, тот не может себе представить, что̀ это за беснование.[3]

Обнимаю тебя.

Твой П. Чайковский.

При сем прилагаю докладную записку. Не забудь, что нужно представить либретто в двух экземплярах.

Нельзя ли концерт Фонда с моей сюитой дать в начале марта?

Не пиши мне до следующего письма с новым адресом. Я или поеду в Неаполь или прямо в Россию.

129. Чайковский — Юргенсону

Рим,
5/17 февраля [1880 г.]

Милый дружище! Ты всегда умудряешься посылать мне корректуры в каждое место именно тогда, когда я сие место покидаю. Так и теперь. Партитуру „Евгения Онегина“ я бы охотнее просмотрел в Петербурге, где я буду приблизительно около 1-го марта. Я с своей стороны напишу по указанному тобою адресу, чтобы ее прислали в Питер. Там особенного дела у меня не будет и как раз удобно заняться корректурой. Но, боже мой, что за дикая мысль гравировать эту партитуру? Это не только невыгодно, никому не нужно, не удовлетворяет ничьих потребностей, — это даже смешно, c'est ridicule!*

* это достойно насмешки

Вперед тебе наука; прежде чем делать мне сюрпризы, лучше предупреждай меня. Уверяю тебя, что, несмотря на всю мою всеми признанную наивность, я обладаю большой дозой здравого смысла, которого иногда бывают лишены очень умные и хорошие, но слишком увлекающиеся люди.* Впрочем, мой неблагоприятный взгляд ни мало не мешает мне быть тебе и в этом случае благодарным за твою дружбу, которую я страх как ценю.

Вот что, голубчик! Уж пора бы представить в дирекцию мою партитуру „Девы". Если не ошибаюсь, теперь как раз время. Не случится ли тебе надобность побывать в Петербурге? Вот бы кстати было. Я надеюсь, что теперь все переписки уже окончены? Теперь скажу тебе, что я уже не долго останусь в Риме, т. е., вероятно, недели через две уеду на север, причем буду кое-где останавливаться, а именно, в Мюнхене и Берлине. Собирался ехать в Неаполь, но денег оказалось недостаточно. Дай бог добраться до Питера. Дурное расположение духа продолжается, и нервы расстроены. Но плевать на них, — в сущности это пустяки. Между тем весна положительно начинает вступать в свои права — погода стоит чудная. Третьего дня мы ездили в Тиволи, прелестный городок среди гор в двадцати семи верстах отсюда. Это то самое место, где Лист прожил три месяца и откуда он, верно, прислал тебе столь разорительные транскрипции. Кстати о Листе. Я ужасно боюсь, что Вотан узнает, что я еще застал Листа в Риме и не был у него. Нельзя ли, чтоб он не знал, а то я нос боюсь в Москву показать. Но что за прелесть этот Тиволи!

Я переписываю теперь свой концерт. Дело идет очень тихо, ибо на меня напала невообразимая лень. Во всяком случае я тебе передам его весною, также как итальянскую фантазию, которой, мне кажется, предстоит порядочная будущность. Она будет звучать эффектно.

Обнимаю тебя, друг мой; сто тысяч благодарностей за милейшее письмо. Какая прелесть эпизод с потухшими электрическими лампами во время игры Вильборга.[1]

Твой П. Чайковский.

130. Юргенсон — Чайковскому

Москва,
14 февраля 1880 г.

Хорош и ты, мой голубчик! Получаешь такое громадное удовольствие (?) от моих писем, но, очевидно, они тебе надоедают, ибо иначе зачем было удержать меня от дальнейших напряжений? Зачем? Очень может быть, что это письмо тебя уже не застанет и потому я ограничусь самым необходимым. Прежде всего рад сообщить тебе, что твоя сюита имела последованием триста рублей гонорара от Музыкального общества в Москве; в Питере по положению — сто рублей.

Относительно Бесселя я прошу тебя остаться твердым. Да будет тебе совестно, если не будешь настаивать на гонораре, а главное на издании и непременно с условием

* Т. е. те, которые уговорили тебя гравировать партитуру. (*Прим. Чайковского.*)

нотариальным, где срок будет назначен с неустойкой и потерей уплоченного гонорара и всех прав собственности.

Ты ошибаешься, воображая, что гонорар за крупную вещь fällt in's Gewicht. * Нет, — ведь почти десять раз дороже стоит [самое] издание. Но я так твердо верю в твой гений, что это меня не пугает и пугать не может, покуда средства есть. Грех было бы жаловаться, друг мой, на неуспех твоих вещей, и верь, — ты моя слава, мой Яблочков, мой ореол! Хотя тебе может показаться смешным служить моим светом, солнцем, освещающим мою фирму, — не тужи. Die Sonne scheint für die Guten und Bösen (Bessel). **

Итак, если я тебе ограждаю жизнь, то ты мне жизненный путь ослепительно, яко комета, отмечаешь. Увлекайся.

Ты точно ребенок. Как? Я умудряюсь посылать тебе корректуры в каждое место именно тогда, когда ты уезжаешь?!! О, недальновидный композитор! Нет, Петр Ильич! Вы уезжаете из всех тех мест куда корректуры должны пойти! Вы удираете от корректур, не только от корректур — от всяких посылок, даже от денежных. Неблагодарный! [...]

По...по...поди ты, пожалуйста, со своими насмешками относительно партитуры. Мы еще посмотрим!! И то сказать, я никогда не обманывал себя относительно торговых результатов этого издания, а честь мне все ж отдадут. В номере от 11-го февраля Иванов тебя сильно похвалил за „Онегина", а меня — за партитуру (он видел оттиск у Главача). [1]

Подождем — увидим [...]

Я тебе писал, что я Ратеру (Бютнер тож) продал Листовские пьесы? Ему же передал номинально (секрет) право для Германии на твои ор. 21—43 и „Онегина", чтобы остатки от перепечатки сберечь.

Итак, до скорого свидания.

Твой П. Юргенсон.

Получено письмо из Нью-Йорка на твое имя от Дамроша, лежит вместе с дипломом у меня. [2]

131. Чайковский — Юргенсону

Рим,
20 февраля [1880 г.]

Ты не поверишь, душа моя, до чего кстати явились триста рублей выданные Музыкальным обществом. Положим, что умнее было бы их оставить у тебя для известной ежемесячной уплаты, но мне очень, очень нужны деньги. Я, как и всегда, зарвался, т. е. далеко ушел за границы своего бюджета, и уж думал злоупотребить твоей щедростью, как вдруг получаю твое письмо с столь приятным известием. Я тотчас же телеграфировал тебе о присылке означенной суммы в Париж к Кондратьеву. Ты удивляешься, отчего не ко мне? Очень просто. Он сегодня проездом был здесь, и я взял у него по курсу триста рублей франками, которые и возвратятся к нему посредством твоей посылки. Я выезжаю отсюда приблизительно через неделю; буду ехать с остановками и в начале марта буду в Петербурге. Я желал бы корректуры „Онегина" сделать в течение двух-трех недель, которые проведу в Петербурге. Там же я сделаю инструментовку концерта, который уже вполне готов в виде двух фортепиан. Трепещу при мысли,

* имеет значение [при издании]
** Солнце светит и добрым и злым (Бессель).

что Николай Григорьевич, которому этот концерт посвящен, опять раскритикует его.[1] Впрочем, если, и на этот раз раскритиковавши, он все-таки будет отлично исполнять его, как первый концерт, то это ничего. Однакож, желательно, чтобы на сей раз антракт между раскритикованием и исполнением был короче. Я покамест очень доволен и важничаю этим концертом, а что дальше будет, — не знаю.

Радуюсь, что „Дева“ в Питере. Ах, друг мой, как я желал бы, чтобы ты издал что-нибудь Направниковское! Как это бы нам помогло.

За тысячу лестных вещей, коими преисполнено твое письмо, благодарю. Весьма желал бы, чтобы твоя вера в меня когда-нибудь оправдалась. Но нет никакого сомнения, что из нас двух я тебе постоянно обязан, а ты лишь несешь одни тягости. Разве твои наследники поблагодарят меня? Дай бог.

Твой П. Чайковский.

Я, конечно, увижу тебя в Москве, но как было бы приятно увидеться с тобой в Питере!

Всем поклоны, начиная с Софьи Ивановны.

132. Юргенсон — Чайковскому

Москва,
28 февраля 1880 г.

Милейший! Яд любезнейшего твоего письма разлился по всем жилам моим, и пусть погибну я“,[1] но желание твое да будет исполнено! Я приеду на свидание к тебе! Кажется „Катеньки“[2] не жалко, чтобы посмотреть на твое лицо сию секунду!

„Как эти люди наивны“, — скажешь ты тут же Апухтину.

„А что?“ — вопрошает лениво Апухтин.

„Ты знаешь мою слабость: сказать в конце концов какую-нибудь сладость. Конечно, так... и представь, Юргенсон принимает это за чистую монету и летит стремглав в мои объятия. Не ожидал!“

Апухтин (спокойно): „Дворяне никогда не должны купцам показывать свое расположение, — они сейчас лезут на интимность. (Пауза.) Верь, все-таки самый плохой дворянин лучше самого доброкачественного купца... Кстати, Петинька, ты знаешь, есть купцы синей крови?“

Петинька удивлен.

Апухтин серьезно: „Я недавно на это сказал графу Х. (у него заводы): да, граф, есть! Но краски «анилиновые»“.

Табло!„

Никому я столько не пишу столько „востроумного“, сколько тебе, и томлюсь теперь мыслью: вдруг это совсем глупо? Ты когда-нибудь в сердцах скажи мне правду... Я думаю, это письмо тебя застанет, или, вернее, ты найдешь эти строки в Питере.

Я хотя только что вернулся из Питера и имел удовольствие получить впечатление успеха „Калашникова“ на месте преступления, но лишь на пять дней. Вчера читал телеграмму: „Опера снята, в бенефис Кондратьева пойдет «Пророк»“.[3] И теперь письма брата и Петерсена подтверждают злополучное известие. Сомневаюсь, чтобы „свет“ тут потерял, но что я много теряю — это верно![4] О, мать!

Консервативный Рубинштейн запрещен! Бессель, ликуй!

---

* Картина!

Насчет трехсот рублей не трудно было отгадать твою операцию. В Россию ты приедешь без копейки русских денег [...]

Я виделся с Анатолием Ильичем и многое ему передал. Виделся я с Направником, болтал с ним более часа. Кажется мне, будто он не искренен. Кстати, он употребил слово „случка" в смысле „случайный человек, выскочка". Как тебе нравится этот „чехоцизм"? Я Толе сказал, что тебе жить с ним неудобно ввиду миллиона посетителей у него и у Жедринского. Он согласился, что это тебе неудобно.

Я сегодня пишу в Лейпциг насчет корректур. Если ты не дал адреса, то велел адресовать Иосифу Ивановичу; дай ему знать, куда доставить тебе корректуры.

Ты знаешь, Антон Григорьевич ревнует тебя к Николаю. Он сердился, что Николай не приехал на первое представление „Калашникова", и сказал мне: „Брату не кланяйтесь, я сердит на него. Если бы эта опера была Чайковского, то он в Саратов поехал бы послушать". Очевидно, Антон Григорьевич вместе с Фамусовым верит, что дальше Саратова глуши нет.

Николай Григорьевич пусть критикует. Разве Клиндворт не критиковал? Если искренно любящие критикуют, разве это дурно? Я знаю критиков много хуже, отзывов ехидных, ядовитых, преднамеренных — вот критики сущие [3].

Николай Григорьевич в этом году в своем концерте в Москве и Петербурге играет „Paraphrase Onegin" Pabst, „Polonaise Onegin" Liszt и твою сонату.[5] Похвально.

Направника издавать для дела можно, но не забыть справки навести — для дела ли, т. е. властен ли он в приеме или отказе. Наверное нет. Значит, где дело? На сцене, когда опера принята? — Тогда он без взяток сделает все, что нужно. Одно из двух: или он говорит правду, что ты ему симпатичен, или он тебя ненавидит, завидует тебе, и тогда его этим не подкупишь. Жертвовать можно, но жертвовать без пользы — это, по меньшей мере, наивно. Об этом мы поговорим. Насчет плана действий нам бы следовало условиться, и, может быть, я приеду в Питер.

Боже, как иногда трудно бывает быть Юргенсоном! Терзают тебя иногда до бесчувствия, до обессиления. Есть времена, когда все идет неладно, совершаются со всех сторон такие дела, просто руки опускаются.

Когда, наконец, у меня будут помощники в полном смысле!

Вопль...

Твой П. Юргенсон.

133. Чайковский — Юргенсону

Питер,
10 марта [1880 г.]

Вчера утром я с большим беспокойством подходил к подъезду Осипа Ивановича, у которого должен был узнать о состоянии твоего здоровья. Вся эта история с неполучением денег в Берлине поставила меня в тупик. Я решительно не мог найти объяснения твоего молчания и, наконец, пришел к тому заключению, что ты или очень болен или даже еще хуже, т. е. умер. Какова же была моя радость, когда я узнал, что ты здрав и невредим. Наконец вчера вечером получил твое письмо с объяснением дела. Я провел несколько глупейших дней в Берлине в ожидании денег и тщетно ломая себе голову, чтобы понять, каким образом нет никакого ответа. На шестой день я решился прибегнуть к очень крутой и неприятной мере и тотчас же получил деньги. Но зато я ехал сюда в совершенной уверенности, что с тобой что-нибудь да случилось, и это мне было весьма грустно. Поэтому я чрезвычайно рад был вчера твоему письму.[1]

Котек по получении денег прежде всего выкупит свои часы, которые он заложил ради моего прокормления в Берлине, а остальное пришлет сюда. Уезжая, я все-таки подозревал, что деньги в конце концов придут, и потому распорядился ими таким образом. Мы скоро с тобой увидимся, и я подробнее тебе объясню все это. Пожалуйста, прости за все беспокойства и неприятности, которые ты претерпел по поводу этой истории. Мне очень перед тобой совестно.

Я приеду в Москву, вероятно, в субботу утром и остановлюсь в гостинице, но в какой — еще не решил. Приехавши, тотчас дам тебе знать.

А может быть, я решусь приехать и на генеральную репетицию.

До свиданья.

Твой П. Чайковский.

Со мной приедут братья, и я надеюсь, что их можно будет поместить.

134. Юргенсон — Чайковскому

Moscow,
14 марта 1880 г.

Бедный композитор! Пустую угрозу смиреннейшего издателя своего принял так к сердцу, что живет, притаившись в Питере. Перестань деликатничать. И не думаю и не думал поспешить „на свидание любви" в Питер; все это было не что иное как эйн виц. *

Меня тревожит вот что: я заказал у Бока в Берлине триста увертюр „Ромео и Джульетты" в две руки и получил их; теперь же, в виду вероятного компромисса твоего с Бесселем, я боюсь их пустить в ход, — чего доброго, буду отдан под суд как контрфактор. ** Сообщи об стадиях переговоров с фирмой Бессель и К° и не забудь взять копию с условия с ним: оно тебе после пригодится. Лучше всего, пришли мне этот список, я его присоединю к знаменитому контракту насчет „Опричника". Копия с этого позорного для издателей документа у меня.

В настоящее время никого не вижу и живу в совершенно замкнутом кругу и в мире картин, к которым понемногу пристращаюсь.

Сегодня вечером концерт Николая Григорьевича; билеты были за неделю проданы, теперь только входные имеются. [На концерт] Антона Григорьевича сегодня, [за] неделю, билеты тоже распроданы.

Приятная тебе новость: твой „Детский альбом" перепечатан в Лондоне под названием „Christmass-Album" *** [. . .]

Скажи, что означает в „Онегине" в последней сцене слово Онегина:

.И, зарыдав, у ваших ног
Излить мольбы, признанья,
Пени, все, [все] что выразить бы мог".

Это слово мне знакомое с дурной стороны — я неоднократно платил пени; но тут какие же пени?

---

* ein Witz — шутка *(нем.)*
** Контрафакция — нарушение авторских прав.
*** „Рождественский альбом"

Я на-днях купил право издания и все наличные экземпляры „Школы" Виллуана. Помнишь, он требовал двадцать тысяч рублей!! У наследников я купил пятьсот экземпляров и право издания навсегда за пятьсот рублей!! Sic transit gloria mundi *...

Прощай [...]

Твой П. Ю.

135. Чайковский — Юргенсону

Петербург,
19 марта [1880 г.]

Так как ты, еще когда я был в Риме, возвестил мне, что 23-го будет концерт с моей сюитой, и так как услышать ее мне очень хотелось, то я собирался в эту пятницу выехать на два дня в Москву. Оттого я тебе и не писал. Мне слишком многое надо тебе сказать, а писать здесь я не имею времени. Какое писать! Думать, связать две мысли я не могу в этой омерзительной чухонской дыре... Случайно узнаю вчера, что никакой сюиты не будет, а вместо оной будет Антон Рубинштейн. [1] Очень это хорошо для Фонда, но очень жаль для меня, ибо я радовался перспективе услышать сюиту. Что делать! Поездку в Москву откладываю.

Направник просил меня пересмотреть клавираусцуг оперы, говоря, что в нем много ошибок. [2] Я ужаснулся, когда взглянул! Ни одного такта нет без грубейших ошибок. Уезжая, я просил Мессера выставить на его паршивых мараньях по крайней мере знаки: p., f. и т. д. Ничего этого не сделано. Во многих местах слов не достает, а я их не помню; те места, которые были сделаны Мессером уже после моего отъезда по моим указаниям, вышли так же невозможны, как и вся его мазня. Ну, словом, — позор! Теперь я занимаюсь исправлением и просмотром. Чего это мне стоит — единый бог ведает. А между тем меня беспрестанно отрывают от дела.

Я приношу для оперы всевозможные жертвы, т. е. хожу к Направнику, даже к Лукашевичу, а по совету того же Направника в пятницу буду обедать у вел. кн. Константина. Все это мне очень тяжело, но кажется, что оперу дадут. А, впрочем, бог его знает.

Направник показывал мне партитуру сюиты: в ней множество ошибок. Вчера я играл ее же в четыре руки; ошибок много и очень скверных. Просто руки опускаются от бессильной злобы. Не думай, что я тебя обвиняю; виноваты обстоятельства. Но разве это не ужасно, что нет ни одного моего сочинения, не обезображенного грубыми опечатками!

Очень жаль, что я не буду в Москве теперь; мне бы многое нужно разъяснить в разговорах с тобой. В начале апреля приеду и проведу дня три.

---

* Так проходит слава мира.

До свиданья, душа моя!

Кланяйся Николаю Григорьевичу. Как мне досадно, что он не даст здесь своего концерта!

Твой П. Чайковский.

Первое и последнее действие по крайней мере хорошо переписаны; третье — отвратительно.

136. Юргенсон — Чайковскому

Москва,
26 марта 1880 г.

Отчего ты, милый друг, не отвечаешь на прямые вопросы? Мне важно знать, помирился ли ты с Basile'м или нет? Другими словами, могу ли я не считать Бесселя законным издателем, а лишь человеком, которому позволили печатать без исключительного права?? Мне необходимо это знать по крайней мере относительно „Ромео и Джульетты", потому что я на основании прежних с тобою разговоров считал дело решенным, а теперь не уверен и боюсь попасть в глупое положение человека, севшего между двумя стульями.

Концерты меня съели, ничего не успеваю — напишу на-днях подробнее.

Твой П. Юргенсон.

137. Чайковский — Юргенсону

Петербург,
27 марта [1880 г.]

Петр Иванович! Я буду в Москве в будущую пятницу — ровно через неделю.

Душа моя! Устрой мне, ради бога, одно денежное дело. Теперь не подлежит сомнению (почти), что опера пойдет. Между тем мне страшно, неимоверно нужны деньги в размере тысячи рублей серебром .[1] Не думай, что хочу занимать у тебя. Мне хотелось бы занять в Музыкальном обществе тысячу рублей, которые были бы обеспечены поспектакльной платой за оперу. Если же этого недостаточно, то вот что. Ведь мне ежегодно выдают триста рублей. Я бы отказался в течение четырех лет (надеюсь еще четыре года прожить) от этого вознаграждения, если бы мне выдали теперь тысячу. Даю тебе честное слово, что я не для себя нуждаюсь в столь крупном займе. Мне пришлось сильно поплатиться за некоторых близких людей (это между нами).

Поговори, пожалуйста, об этом с директорами Музыкального общества и с Николаем Григорьевичем в особенности. Если же это безумно, то нечего делать.

Только вчера я получил корректуру „Евгения Онегина". У меня лежат клавираусцуг „Девы" и партитура ее же. Направник просил меня все это тщательно просмотреть. Кроме того, я целый день обязан кого-то посещать, у кого-то неизменно быть, — ну, словом,

Титульный лист партитуры оперы „Евгений Онегин".
Первое издание П. Юргенсона

об корректуре „Онегина“ мне здесь решительно и думать нечего. Надеюсь сделать это в Москве.

Я страшно, невыразимо устал.

Так называемый мой концерт испортил мне много крови. Впрочем, был довольно удачен. Не знаю, хватило ли на стипендию.[2]

Твой П. Чайковский.

138. Чайковский — Юргенсону

[Петербург]
28 марта [1880 г.

С Бесселем я и не ссорился и не мирился. Я предложил ему переделанную Вторую симфонию за двести рублей. Он согласился. Контракт будет заключен в том смысле, как я тебе писал из Рима, но он просил только отсрочки обязательства напечатать голоса к октябрю и удалить его до 1-го января; на это я согласился. Половину двухсот рублей я у него взял; остальную получу при подписании контракта. Я совершенно не понимаю, что ты говоришь, спрашивая меня, намерен ли я отдать ему исключительное право на мои сочинения? Этот вопрос понятен только относительно „Ромео“. Не могу же я отнимать от него романсы, которые я ему продал? Или „Опричника“, которого я когда-то подарил? Из того, что Бессель явный плут и мошенник, то не следует, что и я должен быть недобросовестным?

Что касается „Ромео“, то мне очень жаль, что придется подписывать контракт прежде, нежели с тобой увижусь. Мне хотелось бы все это разъяснить. Во всяком случае, когда зайдет разговор об этой увертюре, я ему скажу, что Бок мне рассказал про его мошеннический поступок, и никоим образом не соглашусь дать ему право собственности для России, если он не согласится заплатить мне хороший куш. Я уже недели две не видел Бесселя. Но перед отъездом буду у него. Скажу лишь одно: чем окончательнее я разделаюсь с этой гадиной, тем лучше. Он мне до того стал противен, что я делаюсь просто болен, когда вижу его подлую улыбку и слушаю этот омерзительный высокий тенорок.

До свиданья!

Ради бога, похлопочи насчет тысячи рублей. Я пропал, если у меня их не будет.

Твой П. Чайковский.

Я уезжаю отсюда во вторник в Царское Село на два дня, а в четверг вечером выезжаю в Москву.

139. Чайковский — Юргенсону

Каменка,
18 апреля [1880 г.]

Уж несколько дней все смущаюсь неопределенным желанием написать тебе, хотя материалу для писания пока не набралось никакого. Зато от тебя ожидаю с нетерпением известий о том, 1) как мы легализируем мой заем, 2) в каком положении гравировка оперы и когда получу корректуру, 3) писал ли ты Боку о „Ромео", 4) вообще о разных наших делах.

Мне все почему-то кажется, что чего-то я [не] договорил с тобой, что есть какие-то вопросы, требующие нашего обоюдного обсуждения. Или это мне только кажется? Я прихожу к заключению, что слишком много пишу, и хочу целый год не писать ничего, кроме мелочи.

Про себя скажу, что вообще чувствую себя здесь отлично и в должной мере отдыхаю от всех тревог и сует, испытанных на севере. Весна здесь уже вступила в свои права. Понемножку занимаюсь инструментовкой концерта, который будет готов к отъезду Анатолия, коему и будет поручено передать тебе его.

Вот что я хотел тебя спросить, но отвечай откровенно. Скажи мне, сердишься ты на меня за то, что, находясь в Москве, я никогда не обнаруживаю желания бывать в среде твоего второго семейства? Меня немножко тревожит мысль, что, быть может, с моей стороны не совсем деликатно игнорировать людей, столь близких близкому другу? Как ты на это смотришь?

За совершенным отсутствием материала для писания, прекращаю, принося при сем тебе поздравления с праздником.

Получил ли ты сто рублей для Антонины Ивановны, которые я забыл передать тебе при свиданьи?

Твой П. Чайковский.

Не забудь четырехручное переложение „Ромео" у Боте и Бока!

140. Чайковский — Юргенсону

Каменка,
19 апреля [1880 г.]

Сейчас получил письмо от Направника и посылаю тебе его.[1] Не найдешь ли ты возможным написать ему по этому поводу милое письмецо? Ты видишь, до какой степени он деликатный человек и как хорошо иметь дело с таким композитором. Ты, может быть, усмотришь в моих словах хитрость, но я совершенно откровенно скажу тебе, что в моем мнении Направник стоит очень высоко, и мне весьма жаль, что такая превосходная вещь, как его Trio g-moll не принадлежит тебе. Эта вещь имеет хорошую будущность. Ну, словом, друг мой, я был бы до крайности счастлив, если б ты сделался издателем Направника.

Засим мне остается лишь выразить тебе мои дружеские чувства и подписать

П. Чайковский.

P. S. Обрати внимание на просьбу Направника о клавираусцуге. Письмо Направника возврати.

141. Юргенсон — Чайковскому

1880 г. апреля 23—24. Москва.

Москва,
23 апреля 1880 г.

Сейчас отдал я девице Марии Милюковой сто рублей. Письмо твое от 13-го с этими деньгами я получил вчера в одно время с письмом от 18-го апреля. Будучи вчера у Никитских ворот, я заехал к девицам Милюковым, не застал их, оставил весточку. Они, верно, догадались и весьма пламенно желали меня видеть. Девица Марья ждала меня по недоразумению вчера у магазина (запертого) несколько часов [...]

От Бока получил „Ромео", 4/ms, как видишь, — в издании Бесселя. Боку я не писал, подожду, чем кончится дело с Бесселем, которому писал, но покуда о „Ромео" ни полслова. Дай мне свободу вести дело, как я понимаю. До совершенного окончания дела о симфонии я промолчу о „Ромео". Насчет вопросов, не разрешенных и между тем не терпящих отлагательств, мне ничего неизвестно.

Слыхал ты термин в логике: Trugschluss, т. е. ложное заключение? Мне кажется, ты сделал такой Trugschluss, говоря, что слишком много пишешь. Какое же это „свободное сочинительство", если пробкой затыкать бьющийся ключ? Думается мне, это все слова, слова, слова (раз-два, раз-два). Пиши, пиши, что угодно, крупно или мелкоту; я уверен, ты не воздержишься очень строго, — да к чему? Тебя упрекают в небрежности в отделке. Не входя в роль критика, мне неподобающую, я допускаю возможность этого, но думаю, что это твоя манера писать, нечто природное, от тебя независящее. Так это?

Буду ждать Анатолия и концерта.

Насчет щекотливого вопроса о втором семействе я твое мнение узнал в прошлом году, и было бы с моей стороны непростительно желать твоего посещения, зная, что ты должен насиловать себя. Мне хотя грустно, мне их несказанно жаль, что они одиноки, но, к счастию, Наталия Николаевна этим не тяготится и не желает ни делать визитов, ни принимать гостей, не близких мне или ей. Конечно, живи ты в Москве, я попросил бы тебя когда-нибудь заехать, дабы она ничего бы такого не подумала. Теперь же, ввиду кратковременности твоих сежуров,* ты достаточно извинен.

24-го.

Я сейчас получил твое письмо от 19-го. Письмо Направника при сем возвращаю. Владей я очень большими средствами, даю тебе честное слово, я бы охотно стал бы издавать вещи, подобные Направниковским. Не оспариваю, современем получил бы я несколько процентов на затраченный капитал или, если потерпел бы совсем фиаско, сказал бы: „Ну, что делать!" Я же далеко еще от „благополучного гражданина", у меня еще крупные долги — могу ли я позволить себе быть издателем крупных пьес Направника? Письмо я ему напишу и постараюсь быть слаще „мирры и вина", „sanft wie die Tauben und klug wie die Schlangen".** На счет змеиной мудрости я, может быть, останусь при одном желании — буду надеяться на бога, который умудряет младенцев.

---

* séjour — пребывание *(фр.)*

** „кротким, как голуби и мудрым, как змеи"

Здесь штиль продолжается и погода чудесная, теплая, зеленеют деревья.

Прощай, мой милый друг, желаю тебе спокойствия душевного и телесного; у меня его нет.

С праздником!

Твой П. Юргенсон.

142. Чайковский — Юргенсону

Каменка,
30 апреля 1880 г.

Милый друг!

Относительно Антонины Ивановны скажу тебе, что для меня весьма желательно, чтобы она получила казенное место, и я очень радуюсь, что у нее есть протекция. Разумеется, для меня приятнее было бы, если б она получила место в провинции; в этом случае Москва опять бы сделалась для меня родным городом и весьма возможно, что я бы основался в ней на постоянное жительство. Но, слава богу, если она (т. е. женщина, носящая мое имя) получит место и в Москве. Чем более она будет занята, тем менее она будет обо мне думать и приставать. Итак, попроси Мессера, чтобы он с своей стороны всячески хлопотал об ее устройстве. Это будет для меня большая услуга.[1]

Относительно Бесселя прошу тебя поступать, как тебе угодно, и даю тебе полное полномочие действовать, смотря по обстоятельствам. Касательно „Ромео“ не позабудь, что Бессель, по его словам, имеет какой-то документ. Если действительно я дал ему какое-нибудь письменное удостоверение его права на сию вещь, то ведь ничего нельзя сделать! Еще попрошу тебя об одном: я очень боюсь скандала и газетных инсинуаций, к которым не преминет прибегнуть Бессель в своей бессильной злобе.[2] Смотри на него как на ехидну, которой ничего не стоит ужалить меня, ибо у меня есть одно больное и чувствительное место. Еще посоветую тебе стать выше тех дерзостей и оскорблений, которые он желает тебе нанести, и в переговорах с ним не горячиться, ибо не стоит.

Анатолий послезавтра едет в Москву. Пожалуйста, голубчик, приласкай его и попроси всех моих друзей по возможности усладить его первые довольно горькие дни в Москве. Он будет там сначала очень скучать, и вот тут-то весьма важно дружеское участие.[3]

До свидания! Анатоль привезет тебе концерт. Прости, что он такой длинный.

Твой П. Чайковский.

143. Чайковский — Юргенсону

Каменка,
3 мая [1880 г.]

Корректуру получил и занимаюсь ею очень усердно. Ошибок, т. е. моих поправок, будет бездна, но вина не граверов, а того же Мессера.

Все больше приходится исправлять его пакостную работу. Зато я заранее знаю, что с третьим и четвертым действием возни будет меньше. Не знаю, что ты мне посылаешь: вторую или третью корректуру, но во всяком случае предупреждаю, что мне необходима еще одна последняя корректура, и всего лучше будет, если ты пришлешь мне все четыре действия разом после того, как все мои теперешние поправки будут исправлены. Я совершенно против французских заголовок отдельных нумеров и убедительно тебя прошу все их выкинуть и велеть русские заголовки переставить на середину. К чему это? Ведь французского текста нет? Некоторые переводы заголовок чудесны. Например, choeur des filles!!! Это значит: хор [1]!!! Пожалуйста, голубчик, все это к чорту.

Будь так добр, потрудись мне выслать метроном; мне он очень нужен, и я давно уже собирался приобрести таковой, да все забывал. Например, Итальянскую фантазию[1] (которую я инструментую) невозможно будет выпустить без метрономных указаний.

Пожалуйста, оказывай Толе всякую протекцию и ласку.

Твой П. Чайковский.

144. Чайковский — Юргенсону

Каменка,
10 мая [1880 г.]

К тебе, душа моя, должен зайти Михайла с моей запиской, по которой попрошу тебя выдать ему пятьдесят рублей. Деньги эти посылает ему брат его по его просьбе, но так как отсюда в Смелу, т. е. в почтовую контору, с денежными письмами посылают только раз, в пятницу, до которой еще целая неделя, то ради спешности приходится обратиться. Деньги эти, пятьдесят рублей, я вышлю тебе на будущей неделе. Извини за беспокойство.

Корректуру первого акта я кончил и не знаю, высылать тебе сейчас, или же дождаться второго акта.

Итальянскую фантазию я решился переложить в четыре руки сам, ибо если отдать Танееву, то придется переписывать партитуру, а затем Сергей Иванович будет откладывать и дело затянется, а между тем я непременно желал бы, чтобы в течение будущего сезона эта фантазия уже исполнялась. Я посвящаю эту фантазию Карлу Юльевичу Давыдову, а оперу Эдуарду Францевичу Направнику. Прими это в соображение.

До свидания. Некогда писать.

Твой П. Чайковский.

145. Чайковский — Юргенсону

[Каменка]
16 мая 1880 г.

Благодарствуй за метроном. У меня готово „Итальянское каприччио“ (а не фантазия) в виде партитуры и в виде переложения, но то и другое нужно будет просмотреть и проиграть. Корректура первого акта тоже готова, но по исправлении второго акта мне хочется их обоих еще раз проиграть. Таким образом, я по всей вероятности дня через три пошлю тебе разом все, т. е. „Каприччио“ в обоих видах и корректуру обоих действий. В бесчисленном количестве ошибок виноваты не граверы, а все тот же г. Мессер, не потрудившийся, несмотря на мои усиленные просьбы, поставить согласно партитуре знаков и пропустивший теперь множество ошибок, которые, вероятно, уже были в его паршивой рукописи. Прекурьезный человек. Есть целые строчки без текста, и он этого не заметил, но в одном месте недостает одного слога, и тут красуется крест синим карандашом и с боку огромными буквами написано: Text fehlt.* И подобного рода штуки нередки.

Если по-русски написать: хор девок, без предшествующего прилагательного: горничных, дворовых, крепостных и т. д., то под девкой всякий поймет [1]. Так, например, когда Ларош говорит: „сегодня на Кузнецком мосту я встретил девку“, всякий понимает, что он встретил [1]. То же самое по-французски „filles“. Если перед ними нет: jeunes, vielles и т. п., то под fille, подразумевается [1]. Например, когда говорят: j'ai [1] une fille, то это не значит я [1] девушку, а — девку; в противном случае было бы сказано: une jeune fille. Итак, ты побежден.[1]

Напиши мне, голубчик, когда я могу рассчитывать получить третье действие.

Твой П. Чайковский.

146. Чайковский — Юргенсону

Каменка,
20 мая [1880 г.]

Ты напрасно, голубчик, так красноречиво доказываешь, что мне следует разводиться.[1] Я это понимаю так же хорошо, как и ты, и готов перенести всякие неприятности, лишь бы развязаться навсегда. Но все попытки, бывшие до сих пор, как тебе известно, ни к чему не привели. Теперь у меня составилась программа действий, от которой я ни на шаг не отступлюсь. В прошлом году, после целого ряда визитов и писем Антонины Ивановны, в коих она являлась совершенно сумасшедшей и идиоткой, я ей написал письмо очень убедительное и приспо-

* недостает текста

собленное к ее пониманию. И, кажется, она наконец поняла, судя по ее безупречному поведению в нынешнюю зиму. Я поставил ей условием получения пенсии, чтобы она безусловно отказалась от всякой переписки как со мной, так и с моими братьями, сестрой и т. д. и вообще от всякого напоминания о себе. Засим я дал ей сроку год, в течение которого просил ее обдумать и посоветоваться насчет своего положения, постараться разобрать, что̀ она выиграет или потеряет разводом, и засим написать мне без всяких ругательств, упреков и т. д. ясно и точно, чего она хочет. Если из письма ее я увижу, что она окончательно потеряла надежду сойтись со мной и поняла, что развод для нее лучшее разрешение дела, то я, с своей стороны, обдумаю, увижу, могу или нет достать нужные на развод деньги и засим обращусь к специалисту по этим делам. Если бракоразводное дело состоится, то необходимо будет, чтобы между ею и мной посредником был бы д е л е ц, хорошо знакомый с процедурой и которому мы оба должны довериться. Итак, теперь, по истечении годового срока (в сентябре), я буду ждать письма от Антонины Ивановны и засим посмотрю, что можно будет сделать. Ты напрасно думаешь, что при этом денежный вопрос второстепенный. Во-первых, я уже двукратно отказался от предложенных мне десяти тысяч; во-вторых, на большую сумму я никак не могу рассчитывать, а ведь ведение дела стоит не менее пяти-шести тысяч!!!

Что касается мамаши, то прошу тебя учтивым образом от нее отделаться. Это настоящая м е г е р а, способная на всякую мерзость и подлость. Как посредница она никуда не годится, я с ней никаких разговоров никогда вести не буду, уже хотя бы по той причине, что она, подобно своей милой дочке, сегодня хочет одного, завтра совершенно другого, и между собой они по большей части живут, как кошка с собакой. Спасибо тебе, дружище, за участие. Пожалуйста, не вмешивай в это дело Анатолия. Во-первых, ему не до того; во-вторых, он слишком суетлив, раздражителен и слишком любит меня, чтобы покойно относиться к делу.

Твой П. Чайковский.

147. Чайковский — Юргенсону

Каменка,
22 мая 1880 г.

Петр Иванович! Я тебе высылаю сегодня 1) „Итальянское каприччио“ а) в виде партитуры и б) в виде переложения и 2) корректуру первых двух актов „Девы“. Пожалуйста, голубчик, прикажи, чтобы все до единой мои поправки были сделаны тщательно. Когда же это будет исполнено, то новый оттиск потрудись мне прислать вместе с старым, на коем мои отметки, дабы я мог проследить, все ли ошибки исправлены. Заранее предупреждаю тебя, что н и к о м у н е д о в е р ю с д е л а т ь э т у р а б о т у и, одним словом, что совершенно необходимо, чтобы

я сам сделал еще одну корректуру. Что касается третьего и четвертого действия, то я ожидаю их с нетерпением и заранее тебе скажу, что в них поправок будет менее, ибо переложения этих действий сделаны людьми, а не чурбаном.[1] Заметь, во втором действии какая разница в количестве поправок между концом, который сделал я, и началом, которое сделал чурбан. Впрочем, не мне жаловаться. Кто виноват, что я поленился и доверился чурбану? Уж никак не ты, а именно я. Переложение каприччио я проигрывал с братом Модестом и могу поручиться, что даже Танеев не сделал бы... не скажу лучше, — но легче, удобоисполнимее. Я ему завтра напишу и попрошу извинения за то, что ввел в заблуждение.

До свиданья, душа моя!

Твой П. Чайковский.

148. Юргенсон — Чайковскому

Москва,
29 мая 1880 г.
Ширяево Поле.

Милый мой! Ты, вероятно, удивлен, что я перестал быть аккуратным корреспондентом. Что делать! Время летнее... И теперь сижу среди зелени, облитый солнцем на подобие вагнеровского „Грааля",[1] и строчу тебе ответ на четыре письма.

„Итальянское каприччио" вчера получил, и завтра будет проба его у меня в четыре руки на двух фортепиано Рубинштейном и Танеевым; кроме того Лангер его переписал на две стороны. Танеев вчера пересматривал (на экзамене) и говорит, что все кажется удобно-исполнимо.

Но боже! Что стало с „Девой"?! Это совсем „девка в семи местах мочалкой подвязанная" [...]

Насчет „мамаши" на другой день меня просветил Анатолий. Он совершенно спокойно и ясно доказал, что с этими дамами нельзя ни на что рассчитывать, и в последний момент, после всех жертв и мытарств, может случиться, что Антонина Ивановна скажет: „Я не хочу, все это вздор и комедия". Не будучи достаточно знаком с этими дамами, ни с этими порядками и законами, я вынужден молчать. Тем не менее пойду я к старухе и объясню ей дело, как сумею. Не думай, чтобы я растаял перед ней, нет, но мне казалось это так естественным получить свободу и не лишиться пенсий, что я и поверил — и теперь верю, хотя никак не отрицаю, что Антонина Ивановна вдруг пойдет на попятную. Нанять какого-нибудь человека детородного а ля Кашперов, соблазнить их и затем обличить ее, доказав свой alibi! Comment me venez vous devant?* [...]

Покуда довольно. Может, я увижу завтра твоего брата, и мы с ним переговорим, и ты получишь скоро сведения от твоего поверенного

П. Ю.

P. S. Кажется, я в воскресенье выеду в Питер на несколько дней.

P. S. № 2. Рубинштейн назначен Грейгом главой музыкального отдела на выставке 1881 г. и берет меня в помощники! Он предлагает тебе избрать и просит тебя согласиться на сочинение одного из следующих сочинений:

1. Увертюра для открытия выставки

или:

2. „ на 25-летие царя

или:

Как вы мне поможете?

Бранлов-парк

3. Кантату в каком угодно стиле или форме, но с оттенком духовной музыки, не непременно православной, на открытие Храма спасителя.

Конечно, за деньги.

149. Чайковский — Юргенсону

Каменка,
17 июня [1880 г.]

Милый друг!

Корректура третьего действия, сделанная весьма тщательно, готова, но боюсь отсылать ее под бандеролью, а так как страховые письма посылаются от нас лишь раз в неделю, в четверг, то нужно еще подождать до отсылки корректуры два дня. Хотелось бы скорее получить корректуру четвертого действия, а затем, отослав и ее к тебе, буду ожидать полного экземпляра всей оперы, которую еще раз прокорректирую как можно внимательнее, и потом уже понадеюсь на тебя и на то, что ты энергично потребуешь, чтобы граверы исправили все ошибки. Направник просил, чтобы к 1-му августу опера была готова, и я страстно желаю, чтобы это так и сделалось, но выпускать оперу в свет очень бы не хотелось до постановки. Как ты об этом думаешь? Пусть критикуют, ругают и поносят, когда опера попадет на сцену и когда клавираусцуг сделается лишь фотографическим отражением слышанного на сцене. Я не боюсь преждевременной руготни для себя, но боюсь, чтобы ругатели (а таковые наверно найдутся) не расположили публику враждебно к опере до ее появления на сцене. Ведь про меня уже сложилось мнение, что я не умею писать опер, и, чтобы рассеять это предубеждение, нужен сюрприз, т. е. успех оперы на сцене, на что я сильно рассчитываю, если публика не придет в театр с настроением враждебным, основанным на статьях до постановки оперы. Итак, когда корректура будет совсем готова, нужно будет напечатать несколько экземпляров для дирекции, а потом пусть доски полежат до постановки, которая состоится зимой.

Я остаюсь здесь до 30 июня. В этот день еду гостить в Браилов, имение г-жи Мекк, где я каждый год провожу несколько недель в полном одиночестве, но до сих пор держал это в секрете, и в прошлом году мне туда присылали письма из Каменки. Теперь же, для правильности корреспонденции, прошу тебя, начиная с конца июня, адресовать мне письма и корректуры по следующему адресу: Одесская жел. дор., ст. Жмеринка, оттуда в Браилов, в дом г-жи фон-Мекк, П. И. Ч. Однакож, я не желаю, чтобы кроме тебя кто-нибудь знал об этом. Останусь там недели три. Ради бога, поскорее четвертое действие.

Твой П. Чайковский.

150. Чайковский — Юргенсону

Каменка,
23 июня 1880 г.

Душа моя! Ты, кажется, думаешь, что сочинять торжественные пьесы по случаю выставки есть какое-то высочайшее блаженство, которым я поспешу воспользоваться и тотчас же примусь изливать свое вдохновение, хорошенько не зная, где, как, что, зачем, когда и т. д.? Я не двину ни одним пальцем до тех пор, пока мне чего-нибудь не з а к а ж у т. Если хотят, чтобы я написал на текст что-нибудь вокальное, пусть пришлют текст какой угодно (по заказу я готов хоть объявление провизора Чайковского о мозольной жидкости [1] положить на музыку). Если хотят, чтобы я написал что-либо инструментальное, пусть напишут ч т о именно, в какой форме и для иллюстрирования какого события. Вместе с тем необходимо, чтобы 1) назначили определенную цену с точным указанием, где и с кого могу ее получить, и 2) назначили определенный срок. Итак, узнай все это, переговори с кем нужно и решай. Все это я требую не по капризу, а потому, что иначе не могу сочинять подобные вещи, т. е. всякие торжественности, как когда мне точно и ясно скажут, чего им от меня нужно, за какую цену и к какому сроку. Есть два вдохновения: одно является непосредственно из души по свободному выбору того или другого мотива для творчества; другое з а к а з н о е. Для последнего нужны побудительные, поощрительные и поджигательные средства в виде точных указаний, назначенных сроков и грядущих в более или менее отдаленном будущем (многих) Е к а т е р и н. [2] Ты мне предоставляешь выбор того или другого торжественного события, как будто я могу прельститься одним из них! А что я тебе не отвечал раньше, то в этом виноват лично перед тобой, но напрасно ты говоришь, что это был д е л о в о й вопрос. [3] Деловые вопросы должны быть точны и ясны. Представь себе, что я бы уж успел вдохновиться и написать торжественную увертюру на открытие выставки. Что ж бы вышло? Оказывается, что великий Антон с своей стороны что-то наантонил. Куда ж я бы делся с своим маранием? Итак: точные, ясные указания и условия, а если с текстом, то присылка текста. До тех пор даже и не подумаю об выставке и сопряженной с нею музыке.

Корректуру четвертого действия кончаю сегодня, а вышлю в четверг. Какая длинная вышла опера! Бедный мой издатель! Много досок прибавилось в твоем складе! Ну, будем надеяться, что на сей раз будет серьезный успех.

Теперь, душа моя, буду с величайшим нетерпением ожидать полного экземпляра оперы с исправленными ошибками и сделаю еще одну последнюю тщательную корректуру. Но не забудь, что мне необходим также и старый экземпляр с моими поправками, дабы прежде всего проследить, исправлены ли мои отметки. Всего лучше, если все это будет мне прислано в виде посылки по адресу, который я тебе дал в предыдущем письме. На всякий случай даю тебе его вновь: О д е с-

ская жел. дор., ст. Жмеринка, оттуда в Браилов, в дом Н. Ф. фон-Мекк. Я еду, как писал тебе в прошлом письме, 30 июня и останусь там не менее трех недель. Засим прощай, милый друг, и не забывай твоего

П. Чайковского.

P. S. По поводу заказа прими во внимание, что я решительно отказываюсь доставать или сочинять текст сам. Присылайте текст, или заказывайте симфоническое, но ясно и точно.

151. Юргенсон — Чайковскому

1880 г. июня 27—28. Москва.
№ 2 *

Москва,
27 июня 1880 г.

Милый мой! Позволь тебе спеть:

„Ты не прав, ты не прав!“ [1]

Во-первых, насчет того, с каким удовольствием пишутся торжественные пьесы по „случаю“, я никогда не полагал, будто они пишутся с наслаждением, вдохновенно! Я даже не был уверен, примешь ли ты предложение. Я только удивляюсь, как это ты не понял, что тебе первому предоставили выбор, и отчего нельзя было дать немедленно ответ, хотя бы с отказом. Ты говоришь, что по заказу готов жидкие мозоли провизора Чайковского положить на музыку. Прекрасно. Почему бы не отвечать хотя этими словами?

Я убежден, ты не особенно огорчен произведением антоновского огня, но все же не ему, а тебе предложили первому выбор. Не получив от тебя ответа, Рубинштейн уехал месяца на два и, погостив у брата, предложил ему писать что-нибудь. Это было спустя две недели после письма моего к тебе. Теперь, не зная, из каких источников Рубинштейн думает покрыть издержки по выставке, я должен Николаю Григорьевичу писать об этом и ждать от него ответа насчет гонорара.

Какой ты шустрый! Нарисовал себе уже картину ужаса при столкновении двух увертюр, написанных по случаю открытия выставки 1881-го года. Боже праведный! Я начинаю думать, что виноват я один! Я не сумел изложить то, что хотел (по поручению) сказать, или ты мое первое письмо от 28-го мая [2] не получил [...]

Насчет выпуска „Девы“ я охотно сделаю по-твоему, хотя не убежден, что ты прав. Конечно, один блестящий пример „Онегина“ (не?) вполне доказательно, „Калашникова“ — тоже; но пусть я не буду причиной неудачи. Итак, решено: не выпускать раньше первого представления. Но чур! Это не значит, что мы будем ждать печатаньем, нет, этого нельзя. Выпускать в продажу не будем, а печатать начнем по получении твоего разрешения.

О том, что ты для всех в Каменке, нечего и говорить.

Я напишу Рубинштейну и спрошу более точного заказа насчет торжественных пьес, т. е. сколько катеринок.

28 июня 1880 г.

Еще новость! Сейчас получил от Гензельта, знаменитого Адольфа, транскрипцию твоего романса „То было раннею весной“. В былое время он дивно переклады-вал, но теперь стал ерничать, но, во всяком случае, переложение, на котором он выставляет свое имя, не будет сделано небрежно. Он желает, чтобы издание отличалось изящностью. [3]

---

* Этот номер пойдет по порядку на письмах, дабы видеть, не пропало ли предыдущее письмо. [4] *(Прим. Юргенсона.)*

Сегодня приедет брат со всеми детьми и поселяются у нас [на] десять-пятнадцать дней. Вот будет муравейник! Немецкого элемента „сколько много" окажется в тихом павильоне с выставки 1872 г., т. е. на моей даче в Люблине. Посмотрим, какой язык возьмет верх.

Прощай, милый друг, будь здоров и весел.

Пишши!

Твой П. Юргенсон.

1. Анатолий Ильич здоров, но ворчит на множество дел.
2. В Москве объявлен абонемент на р у с с к у ю оперу. „Онегин" в числе перечня, „Опричник" также.

152. Чайковский — Юргенсону

Браилов,
3 июля [1880 г.]

Получил твое письмо. По поводу выставочной музыки скажу тебе, что я, конечно, должен был что-нибудь отвечать тебе на твое первое предложение и если не сделал этого, то это потому, что не принял твои слова за что-нибудь уже решенное и требующее ответа, а лишь за предложение, что, дескать, если будет на выставке музыка, то и тебе бы написать надлежало. Пожалуйста, мои требования обстоятельных условий и определенного гонорара не прими за корыстолюбие. Я тебе написал то, что по поводу предложения почувствовал, а почувствовал я крайнее отвращение. Да без отвращения и нельзя приниматься за музыку, которая предназначена к прославлению того, что в сущности ни мало не восхищает меня. Ни в юбилее высокопоставленного лица (всегда бывшего мне порядочно антипатичным),[1] ни в Х р а м е, который мне вовсе не нравится, нет ничего такого, что бы могло поддать мое вдохновение. Между тем у меня в голове столько планов, столько начинаний всякого рода, за которые я охотно принялся бы, если б не должен был сдерживать себя, ибо чувствую, что начинаю писать слишком много. Отрываться от всего этого иначе нельзя, как или ввиду вознаграждения или же, пожалуй, в виде дружеской услуги. Если, например, Н и к о л а ю Г р и г о р ь е в и ч у н у ж н о, чтобы я написал, то ввиду всего, чем я ему обязан, я, конечно, готов написать все, что угодно, без всякого гонорара, но опять-таки не иначе, как узнав, чего именно от меня нужно. Если же это нужно не лично для него, а для комитета выставки и если хотят платить, то пусть скажут, сколько и где получить. Иначе я н е в с о с т о я н и и приняться за работу. Мне очень было бы неприятно, если б мой ответ был понят не так, как следует, и если бы Николай Григорьевич нашел в нем что-нибудь лично для себя обидное.

Теперь, душа моя, вооружись мужеством и приготовься выслушать одну из моих бесчисленных песенок на тему: д е н е г д а й т е.

Мне очень досадно, для меня величайшее несчастие, что ты не богатый человек. В настоящую минуту я решился во что бы то ни стало попытаться добыть сумму ни более ни менее как в ч е т ы р е

тысячи рублей серебром. Будь ты богат, я бы упросил тебя купить у меня поспектакльную плату за „Деву“ и за „Онегина“ за четыре тысячи. Это был бы для тебя некоторый риск, ибо я могу скончаться (чего, однакоже, не желал бы сделать), и тогда поспектакльная плата улетучивается, но отчего не рискнуть богатому человеку? Ведь может случиться, что я проживу долго, что оперы мои пойдут в ход и что ты даже что-нибудь и выиграл бы. Но, увы, ты не капиталист, и об этом думать нечего. Между тем я тебя уверяю совершенно серьезно, что мне очень нужны четыре тысячи, и сейчас объясню тебе почему.

В течение прошлой зимы я сильно зарвался, т. е. не только забрал вперед за много месяцев определенную месячную сумму, получаемую мной от M-me M***, но сделал множество долгов! Кроме того, я уже три года должен своему зятю тысячу рублей. Положим, я плачу ему шесть процентов в год, но дело в том, что у него нынче неурожай, дела его отвратительны и он в моей тысяче страшно нуждается. И чем менее он напоминает мне об этом долге, тем более я мучусь и хочу отдать, ибо знаю, что он дорого бы дал за получение этой суммы. Сделанный мною долг у тебя мне тоже хотелось бы узаконить, а еще лучше отдать. Всего я должен около четырех тысяч. Конечно стоило бы только написать той же M-me Мекк, и она, не задумываясь ни минуты, сделала бы это. Но я не могу, не могу, ибо есть всему границы. Она бы дала мне эти деньги без отдачи, — иначе она никогда не делает, а я ни за что в мире не хочу злоупотреблять ее чрезмерной добротой и деликатностью. Она подарила мне недавно часы, которые по заказу целый год делали в Париже и которые обошлись ей в тысяч десять франков. О! как я бы предпочел получить эти деньги вместо часов, но, что делать,—превратить это поистине художественное произведение в деньги я не могу и не хочу; это было бы слишком бессовестно.[2]

Единственное средство — прожить безвыездно целый год в деревне и ждать наплыва денег. Но на это у меня не хватает сил... Одним словом, вот чего бы мне хотелось. Неужели один из наших музыкальных тузов, т. е. Третьяков, или Алексеев, не мог бы меня ссудить четырьмя тысячами под твоим поручительством в том, что те деньги, которые ты по доверенности будешь получать из театра за поспектакльную плату, будут итти на уплату моего долга? Ведь, судя даже по „Вакуле“ (который не имел успеха), я бы в два года без всякого труда заплатил бы эти четыре тысячи. Совершенно экстренные получения, как, например, гонорар за выставочную музыку тоже могли бы итти туда; ну, словом, богатый человек рисковал бы тут лишь настолько, насколько прочна моя жизнь. Конечно, я могу умереть каждую минуту, но ввиду хорошего здоровья скорее можно предположить, что еще проживу.

Итак, не найдешь ли ты возможным поговорить с одним из этих тузов и в виде величайшего одолжения, а также их меценатской щедрости попросить их притти ко мне на помощь.

Если б это счастье могло осуществиться, то я заплатил бы 1000 р. и проценты зятю, 1000 р. и проценты тебе, около 500 р. генералу Шеншину, который тяготит меня неимоверно,[3] 500 р. по векселю, данному каменскому еврею, около 600 р. моему человеку Алексею, у которого я забрал все его многолетние экономии, и некоторые мелкие долги. Засим я бы был чист, как голубь, и мог бы совершенно покойно с 1-го ноября начать жить исключительно деньгами M-me M***. Умолкаю. Если я уж слишком перешел границы смелости и моя просьба только смешна, то, пожалев меня, разорви письмо и забудь о моей просьбе. Если же по зрелом рассуждении ты найдешь возможным поговорить с т у з а м и, то отчего не поговорить?

Не без волнения буду ожидать твоего ответа. Радуюсь, что ты согласен подождать с выходом оперы до первого представления. Печатать же ее тотчас по окончании корректур совершенно необходимо, и прежде всего несколько экземпляров нужно в дирекцию.

Не забудь, что я посвящаю оперу Направнику. Засим прощай и во всяком случае не сердись.

Твой П. Чайковский.

153. Юргенсон — Чайковскому

Москва,
15 июля 1880 г.

Милый мой! Вполне сознав трудность задачи относительно займа у тузов, я все-таки не колеблясь отправился к Третьякову и изложил ему дело в такой форме: дадимте втроем, Алексеев, Вы и я, эти деньги. Голова охотно согласился. Я в этот же день к Алексееву. Так и так. Он внимательно слушал и затем принес мне книжку выдач по Музыкальному обществу и показал, что Музыкальное общество у него в долгу на пятьдесят восемь тысяч рублей. Красноречивый отказ. Я уведомил Сергея Михайловича об этом и предложил ему дать две тысячи пятьсот рублей, я же дам тысячу пятьсот рублей.

Он вчера заезжал ко мне, не застав. Я был сегодня у него в Думе, и он согласился дать две тысячи рублей. На мой вопрос, какую от тебя бумагу взять, он сначала говорит: „Никакой", — затем практический человек взял верх, и он поручил мне взять, какую мне кажется нужным, бумагу, в которой было бы сказано, как и что..., т. е. сумма взятых денег и способ погашения. Сначала он сказал: „Пусть моего имени не будет, пусть на обязательстве будет одно ваше имя, я от вас получу уплаты" и т. д. Я было отказался от этого, теперь же думаю, что это тебе будет лучше, — впрочем, пиши, как хочешь. Для обстановки было бы лучше, если будет сказано, что ты получил четыре тысячи рублей, из которых тысячу погасишь манускриптами, остальные три — тантьемами. Я писал Третьякову, что я ему предоставляю первенство в получении погашения.

Теперь к самому займу. Тебе нужны четыре тысячи, но ты при этом считаешь и мою тысячу, чего вовсе не нужно. Ты со мной сочтешься. Стало быть остаются:

1000 Давыдову — заплатить
500 Шеншину — заплатить
500 каменскому [еврею] — заплатить
600 Алешке — отдать понемногу
400 мелких — „ „

Следовательно, „тыщу" недостает. Если твоему Алексею деньги не нужны, то отдай ему сто рублей, а пятьсот оставь на текущем счету. Мелкие долги, вероятно, тоже тебя не тревожат, и, наконец, наинужнейшие ты сосчитай, — я внесу.

Теперь к деньгам. Я их могу получить у Сергея Михайловича через неделю. Пришли мне бумагу (писанную на писчей бумаге), а я с ней пойду за деньгами к нему. Затем напиши, куда выслать деньги или кому здесь заплатить.

Какой безумный подарок тебе сделан! Что бы они ни стоили заказчице — их продать нельзя. Главным образом, тебе за них дадут такую ничтожную сумму, которую ты всегда достать можешь. Кроме того — ужасно неловко! Дать заложить — не хорошо. Когда тебе неудержимо захочется заложить, то посмотри на меня как на кассу ссуд.

Оперу требуют в Питер в нотную контору к началу августа. Когда ж ты пришлешь?? Пришли по частям и под бандеролью страховой, т. е. заказной бандеролью. Я тотчас начну печатать.

Анатолий Ильич здоров, скоро поедет в отпуск. Прощай!

Твой П. Юргенсон.

154. Чайковский — Юргенсону

Симаки,

18 июля [1880 г.]

Сегодня отправляю к тебе, душа моя, „Орлеанскую Деву", которую подвергнул внимательной корректуре. Ошибок еще не мало, частью вновь найденных, но большею частью происшедших вследствие невнимательности граверов, которые вместо поправки делали часто только новые ошибки. Например, положим, написан аккорд и я к третьей снизу ноте ставлю диэз, который и отмечаю сбоку. Что ж делает г. Алексей или Дмитрий? Он действительно прибавляет диэз, но только не к третьей ноте, а, например, ко второй, т. е. вместо у него выходит каковая поправка ничего не поправляет, а напротив, усугубляет сумбур. Пожалуйста, голубчик, наблюди, чтобы на сей раз они были внимательны. Если все отмеченное будет исправлено, то я могу поручиться, что опера будет напечатана почти без ошибок, ибо ручаться за безошибочность абсолютную, увы, не могу! Уж как я старался, как напрягал себя и все-таки вдруг нечаянно, уже окончательно просмотревши, натыкался на еще ни разу не замеченную ошибку, положим, не важную, но все-таки портящую дело. Однакож, будь покоен. Повторяю: опера будет почти безошибочна, если граверы сделают все как следует. Самого тебя попрошу обратить внимание на

нумерацию. Я вспомнил об этом, когда уже посылка была зашита. Правильно поставлены нумера отдельных сцен? В страницах нет ли ошибочного счета? Прочти все мои замечания на обороте первых страниц и прими их к сведению.

Не забудь, что в дирекцию нужно послать тотчас же несколько экземпляров.

Получил твое открытое письмо.[1] Я верю, т. е. не сомневаюсь в твоем желании исполнить мою просьбу, но, признаться, мало надеюсь. Живу здесь поистине как у Христа за пазухой. Я думаю, что не очень тебя испугаю, если скажу, что пишу вокальные дуэты.[2] Кажется, ты желал их?

Твой П. Чайковский.

155. Чайковский — Юргенсону

[Симаки]
20 июля [1880 г.]

Спасибо тебе, мой поистине благодетельный друг! Какой ты, право, милый и сколько ты хлопотал за меня! Конечно, я предпочел бы получить всю сумму, которую просил, но и то хорошо! Обязательство при сем посылаю. Если оно не годится, то ведь я потом могу послать другое. Мне нужны все деньги здесь, ибо все мои кредиторы здесь, т. е. в Каменке. В противность твоему совету, я предпочту заплатить долг Алеше, ибо он осенью идет в солдаты, и я отпущу его от себя не иначе, как совершенно сквитавшись с ним. Шеншин должен будет опять подождать; впрочем, все равно, ранее осени я его адреса не узнаю. Зятю во всяком случае отдам все, а в остальном кое-как заткну дырья.

Попрошу тебя выслать деньги сейчас же к Кондратьеву, куда я еду 26-го числа на несколько дней. Он продал свое именье и навсегда покидает его. 27-го у него прощальный обед на всю губернию; он усиленно звал меня проститься с Низами, а когда я отговорился безденежьем, то прислал мне деньги. Да мне кстати хочется побывать на могиле моего бедного старичка Николая Львовича. Итак, друг мой, адресуй деньги или кредитными билетами или, если хочешь, векселем на какой-нибудь Киевский банк* (я на возвратном пути в Каменку заеду в Киев) прямо на имя Николая Дмитриевича Кондратьева (Харьковской губернии, в город Сумы).

В первую минуту я было решил сам заехать в Москву за деньгами, но потом сообразил, что истрачу на эту поездку чортову кучу денег, и благоразумно воздержался. Ты увидишь, как я с нынешнего года начну жить аккуратно и благоразумно.

---

* Я предпочитаю это, ибо боюсь Кондратьевских лакеев-воров. (*Прим. Чайковского.*)

Корректуру выслал к тебе в пятницу 18-го. Ради бога, чтобы поправляли хорошо!!! Еще раз спасибо, голубчик.

Твой П. Чайковский.

Прошу, если можно, выслать сейчас же, ибо долго я у Кондратьева не останусь.

156. Чайковский — Юргенсону

[Симаки]
21 июля [1880 г.]

Вчера вечером я послал тебе письмо с просьбой выслать мне деньги к Кондратьеву, а сегодня утром получил сведения, вследствие коих планы мои изменились, и я к нему не еду, а 27-го числа отправляюсь домой в Каменку. Прошу тебя адресовать мне деньги туда (мест. Смелу), но не кредитными, а векселем на Киевский банк: по предъявлению. Долго было бы объяснять, почему именно так; но, одним словом, дабы я свел концы с концами, нужно, чтобы не вся Каменка узнала, что я получил деньги.

Извини, голубчик, за безалаберность.

Твой П. Чайковский.

157. Чайковский — Юргенсону

[Симаки]
23 июля [1880 г.

Милый друг мой!

В конверте, который ты мне прислал в последнем своем письме заключался один из прелестнейших курьезов, когда-либо мною читанных. Посылаю тебе этот литературный алмаз, но умоляю тебя пригласить к чтению его Кашкина, если сей последний в окрестностях Москвы. Ручаюсь тебе за чудное препровождение времени. Ничего нельзя выдумать более прелестного, как это либретто. Когда Саша, а вслед за ней Ваня кидаются в колодезь, я уже хохотал как сумасшедший, но когда является народ и Фаддей вытаскивает их, после чего их качают, — я едва не умер от смеха. Представь себе, какая благодарная для меня задача рисовать в оркестре откачивание! И как это ново! И что за стих! Чтобы не выпускать из рук этой прелести, я написал автору, что по недосугу сам написать музыку не берусь, но постараюсь между русскими музыкантами найти охотника. Сохрани либретто до моего появления в Москве.[1]

Я думаю, ты не мало смеялся над моей переменчивостью. То еду к Кондратьеву и прошу деньги выслать туда, то не еду и прошу выслать в Каменку. Что касается векселя, то я остаюсь при высказанном желании, т. е. не желал бы, чтобы ты мне выслал прямо деньги. Ты спросишь, почему я не поехал к Кондратьеву? Потому что тогда

мне нужно было бы кроме того ехать в Курскую губернию 1) к Жедринским, 2) к брату Николаю и в Полтавскую — к Модесту. А на это у меня не хватает ни сил, ни денег.

Мне весьма хотелось бы знать в точности положение моих счетов с тобой. Нельзя ли мне получить выписку из твоих счетных книг? Нельзя устроить, чтобы все, что я забрал у тебя, было отнесено в четвертую тысячу моего теперешнего долгового обязательства?

Я уезжаю отсюда 28-го, или самое позднее 29-го прямо в Каменку и буду ожидать твоего письма с векселем на Киевский банк. Получивши его, съезжу на один день в Киев и затем до глубокой осени совершенно успокоюсь.

Твой преданный

П. Чайковский.

158. Чайковский — Юргенсону

1880 г. августа 1—2. Каменка. Каменка.

Милый друг!

Получил, приехав сюда, твое письмо,[1] а другое, с переводом на киевский банк, получу сегодня поздно вечером [24]. Я, вероятно, 3-го августа поеду на один день в Киев.

То, что ты говоришь о концерте, совершенно рационально, и я буду очень рад подождать, пока Николай Григорьевич не разучит его.

Я здесь немножко грущу. Мне очень приятно видеть своих, но Каменка куда как неприглядна после идеально-прелестного места, в котором я прожил месяц. Анатолий еще не скоро приедет. Он теперь у Жедринских, потом заедет к брату Николаю и лишь потом сюда. Докончу письмо по получении корректуры и твоего заказного письма.

2 августа.

Письмо с переводом получил. Корректуру также. За то и другое спасибо! Скажи мне, голубчик, что означают некоторые якобы поправки карандашом, которые я всегда нахожу в присылаемых мне корректурах? Есть ли это корректура, сделанная Мессером? Если да, то это не корректор, а шут гороховый. По большей части его поправки суть новые грубые ошибки. Он только меня без надобности раздражает и сердит. Отныне я очень желаю, чтобы вторую и третью корректуру я делал без всякой его помощи. Он только разве первую может делать, когда ошибок так много и столь резко бросающихся в глаза, что даже от его внимания не ускользают. Кто гравировал? Очень хорошо гравировано: ясно, отчетливо, красиво. Не новый ли какой гравер у тебя завелся? Я не нахожу очень много ошибок, но зато какие ужасные

есть! По-моему, тебе следует учтивым образом отделаться от Мессера и искать нового. Это грустно, но что делать, — он плохой, очень плохой музыкант.

Будь здоров, душа моя.

Твой П. Чайковский.

Завтра еду в Киев.

159. Чайковский — Юргенсону

[Каменка]
3 августа [1880 г.]

В Браилове я получил письмо от Котека, в коем он передавал мне что Бильзе спрашивал меня, что я желаю, чтоб он играл в своих концертах из моих творений. Я написал, что очень буду рад, если он будет играть Четвертую симфонию, сюиту, „Бурю“ и „Итальянское каприччио“. Теперь Котек пишет, что Бильзе намекал на то, что ему следует присылать ноты даром, и очень уговаривает меня попросить тебя, чтобы ты выслал Бильзе мои партитуры и голоса. С одной стороны, я очень бы желал, чтоб Бильзе, играющий круглый год и имеющий свойство популяризировать симфонические сочинения, играл мои вещи; с другой стороны, не хочу, чтобы ты печатал мои произведения для того, чтобы потом рассылать их даром. Одним словом, нужно и тебе и мне сохранить в отношении Бильзе свое достоинство. Поэтому я тебя и не упрашиваю исполнить желание Бильзе, но лишь сообщаю тебе на усмотрение просьбу Котека.[1] Что ты думаешь об этом? Я бы предложил тебе, в случае если ты склонен послать, то сделать это не от тебя, а от меня, и цену всех посланных нот вписать в мой счет. Это было бы очень справедливо и просто, ибо автор, получивший уже свой гонорар, может роскошничать и на свой счет рассылать свои творения, но купцу, истратившему на них бездну денег, совсем не след дарить свой товар. Вообще мне немножко неприятно подносить свои вещи знаменитому капельмейстеру, но я очень склонен для Бильзе сделать исключение за то, что он играл „Франческу“ и выдержал два раза свистки и шиканье публики из-за меня.[2] Итак, если ты не находишь, что мы себя компрометируем, посылая нашу музыку даром в Европу, то потрудись выслать ему Четвертую симфонию, сюиту, „Бурю“. Если же ты находишь, что этого не следует делать, не посылай, — я не обижусь.

Твой П. Чайковский.

Сейчас еду в Киев.

160. Чайковский — Юргенсону

Каменка.
8 августа [1880 г.]

Съездил в Киев, получил деньги, возвратился, заплатил все, что было нужно, и, сделавшись на несколько времени снова нищ и убог,—

успокоился. Нашел здесь Анатолия, приехавшего в тот же день с другой стороны. Он много рассказывал мне про Москву. История Ларош меня особенно заинтересовала. Любопытно знать, воскреснет ли он в Париже или и там тоже будет погибать и все глубже опускаться? [1]

Получил твое письмо и счет.[2] Я нахожу, что с тобой очень выгодно вести дела. Хотя, с одной стороны, некоторая совестливость заставляет меня спорить и отказываться от твоих жирных гонораpиев, а, с другой стороны, сребролюбие кричит: „Ничего, бери, когда дают!" Увы! Последнее начинает звучать все громче... Я сдаюсь и говорю: Merci!.. Корректуры все получил и из них „Итальянское каприччио" скоро будет готово. Над концертом придется посидеть подольше и заняться им как можно прилежнее. Откуда у тебя взялись такие хорошие граверы? Концерт напечатан удивительно хорошо.

Весьма тебя, бедненького, сожалею и весьма не завидую твоим тяжелым обязанностям московского чичероне при г.г. Рубинштейне и Зенфе.

Получил ли ты посланное мною из Браилова письмо со вложением либретто „Маша и Ваня"? Ты ничего об этом не пишешь. Если письмо пропало, то я буду в глубоком отчаянии. Это был настоящий chef-d'oeuvre.

До свиданья, милый друг! Спасибо тебе за щедрость.

Твой П. Чайковский.

161. Чайковский — Юргенсону

[Каменка]
12 августа 1880 г.

Милый друг! Если, чего доброго, я сделаюсь когда-нибудь знаменит и после смерти моей станут собирать материалы для моей биографии, то из твоего сегодняшнего письма выведут совершенно ложное заключение обо мне.[1] Читая его, можно подумать, что я имею привычку навязывать свои сочинения и подлизываться к влиятельным людям, вообще делать всякие авансы ради их исполнения. Между тем это совершенно неверно. Я могу, положа руку на сердце, сказать, что не только никогда шагу не сделал, но мизинцем не двинул ради того, чтобы тот или другой Бильзе осчастливил меня своим вниманием. Именно этого сорта пассивная гордость и есть во мне. Но другое дело, когда аванс приходит с их стороны. Тогда я таю, умиляюсь и готов (конечно, издали, письменно) пред ними пресмыкаться. Так было с Бюло[вым], с Колонном в Париже и т. д. Я просто не могу забыть, что Бильзе имел мужество несколько раз принимать свистки и всяческие знаки неодобрения ради одного из моих произведений. С другой стороны, немецкая скаредность, которая проявляется в его выпрашивании нот на даровщинку, мне не нравится, и если б ты прочел мое письмо к Котеку, то увидел бы, что я очень энергически обругал его и зара-

нее предупредил Котека, что если ты найдешь излишним посылать ноты даром, то я буду вполне на твоей стороне. Писать к Бильзе я не хочу. Предоставляю все это дело твоему усмотрению. Блюди наше достоинство, но не упускай и нашей выгоды, и если ты найдешь возможным для Бильзе сделать исключение, то сделай. Еще раз повторяю: я очень желаю, чтобы мои вещи побольше игрались таким популяризатором, как Бильзе, но ни мало не буду в претензии и готов плевать на него, если ты находишь излишним баловать его.

Что касается до совета подражать Рубинштейну, то скажу тебе, что наши относительные положения так различны, что никакому сравнению не подлежат. Отними от Рубинштейна его виртуозность, и он тотчас ниспадет с своего величия на степень моего ничтожества. Вот тогда я бы хотел знать, у кого из нас больше настоящей авторской гордости. Ты, верно, не знаешь все, что выделывал Рубинштейн в Париже, чтобы поставили его оперу; [2] сколько носов ему ни наклеивали, он все лезет; да и многого другого ты не знаешь, как я вижу. Во всяком случае, я не такой важный барин, чтобы на авансы такого полезного и влиятельного туза, как Бильзе, отвечать: „Это не мое дело! Обратитесь к Юргенсону!“

Корректуры готовы, и я их высылаю тебе завтра. „Итальянское каприччио“, тщательно поправив, можно печатать. Но концерт я непременно желал бы просмотреть еще раз и прошу тебя прислать мне еще корректуру вместе с теперешним пробным оттиском. Знаешь что? Весной, послав концерт, я просил Рубинштейна, проиграв его, сделать свои замечания и поручить Танееву изменять подробности фортепианной партии сколько угодно, не касаясь сущности, в коей, что бы мне ни советовали, не изменю ни единого такта. Танеев отвечал, что менять решительно нечего. Значит, таково было мнение Рубинштейна. Поэтому едва ли нужно ждать, чтоб Николай Григорьевич разучил. Когда-то это он сделает? Впрочем как хочешь. Насчет Бильзе тоже как хочешь.

До свиданья, голубчик.

Твой П. Чайковский.

162. Чайковский — Юргенсону

[Каменка]
13 августа [1880 г.]

Посылаю тебе сейчас концерт и каприччио и хочу попросить не только концерт, как я писал вчера, но и каприччио прислать для просмотра еще раз вместе с теперешним оттиском. Гравировано и то и другое хорошо, но ошибок и весьма грубых совсем не мало. Обрати внимание твоих граверов на то, что они крайне небрежно относятся к знакам, т. е. к f., p., ff., pp., sf. и т. д. А, например, указания инструментов,

как-то: Fl., Ob., Cl., Fag., Cor. и т. п. совсем не поставлены, хотя в рукописи они везде есть. Вместо sf. беспрестанно ff., что имеет совсем другое значение; Ped. тоже не везде поставлена, ну, словом, в этом отношении большая небрежность, а ведь это очень важно. Обязанность болвана Мессера состоит в том, чтобы по рукописи проследить, сделано ли все так, как у меня; вместо того этот идиот и сукин сын позволяет себе исправлять и по-своему редактировать мои гармонии (каприччио, стр. 15) и вместо осмысленной модуляции устраивает ерунду. Это чорт знает что такое! В чем же заключается, наконец, его корректорство? Отныне я отказываюсь от всяких чужих корректур. Лучше я сам все сделаю; это будет совсем не дольше, ибо ведь и он, я думаю, первую корректуру задерживает. Я уж не говорю о том, что он настолько не музыкален, что вместо поправок производит новые ошибки, но хоть бы рукопись мою согласовал с оттиском. И того не делает. Я ужасно против него озлоблен.

Твой П. Чайковский.

163. Чайковский — Юргенсону

Каменка,
[24? августа 1880 г.]

Вы очень непроницательны, дорогой мой Петр Иванович! Маленькая сцена, написанная Вами с целью изобразить меня, получающего Ваше письмо, очень далека от действительности.[1] Совершенно наоборот. Если среди ожидающих меня утром, когда я выхожу к чаю, писем лежит конверт с изображением № 10 на Неглинном проезде,[2] я всегда радуюсь и спешу прочитать, ибо Ваши письма всегда для меня интересны и важны, так как, кроме разных деловых вопросов, они всегда живо рисуют мне картину всего происходящего в том московском кружке, в котором я прожил более десяти лет и с которым хочу и надеюсь сохранить всегдашнюю крепкую связь.

Попроси Николая Григорьевича дать мне более точные указания насчет пьесы для выставки. Что взялся написать Антон Григорьевич? Я не желал бы, чтоб моя вещь была в том же роде, как его. Что преимущественно требуется воспеть? Александра II-го или Россию вообще, храм спасителя и т. д.?

Надеюсь, что ты корректуры получил. Анатолий привезет тебе два новых опуса: 1) 6 дуэтов для пения, 2) 7 романсов и песней. Кроме того, к отъезду Анатоля я надеюсь покончить предпринятое мною исправление увертюры „Ромео". В каком положении находится дело с Бесселем? Могу ли я надеяться, что Бок напечатает новое издание „Ромео", исправленное, вновь проредактированное и усовершенствованное?

Засим весь наступающий год я хочу посвятить исправлению всех моих вещей, у тебя напечатанных, начиная с ор. 1 и кончая Третьей

симфонией. В свое время попрошу тебя все мои творения мне выслать для этой цели.

До свиданья, душа моя!

Ответь мне на вопрос о Бесселе и о выставочной музыке.

Твой П. Чайковский.

164. Чайковский — Юргенсону

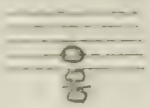
Каменка.
29 августа [1880 г.]

Толя привезет тебе романсы, дуэты, а также исправленные партитуру и четырехручное переложение „Ромео", по поводу которого у меня к тебе следующая просьба. Потрудись то и другое переслать к Боте и Боку и попроси его, чтобы он сделал новое, исправленное издание увертюры как в виде партитуры и голосов, так и в виде переложения. Конечно, я мог сам бы написать ему; но, во-первых, ввиду не разъяснившихся прав Бесселя, я хорошенько не понимаю, насколько Бессель связывает и меня и Бока, а во-вторых, мне бы хотелось, чтобы ты сказал Боку, что увертюра вследствие перемен и сокращения в конце, очень много выиграла и сделалась теперь настоящим chef d'oeuvre * (каково самохвальство!); сам это сказать я считаю неловким. Пусть Бок увертюру в новом виде примет в свое исключительное владение как для России, так и для заграницы. Я надеюсь, что по разъяснении прав Бесселя, т. е., лучше сказать, неправ его, ты войдешь с Боком в соглашение и будешь собственником „Ромео" для России. Как бы то ни было, я пламенно желаю, чтобы увертюра в старом виде, а также четырехручное переложение, омерзительно изданное Бесселем, исчезли, а вместо них возродилась бы новая, усовершенствованная увертюра. Кроме перемен, я сделал корректуру, исправил все опечатки и переменил заглавие. Кроме того поставил посвящение Балакиреву, коему она и была первоначально посвящена, но почему-то на изданиях Бока и Бесселя имя его не попало на заглавный лист. Я очень желаю, чтобы на сей раз Балакирев, по наущению которого я написал „Ромео", не был забыт.

Относительно „Девы" еще раз скажу, что издание превосходно. Но... все-таки есть опечатки. Положим, ни одной значительной нет, однакож, уверяю тебя, что я сегодня всю ночь не спал и целый день хожу как убитый только потому, что нашел кое-какие неточности. Насколько прежде я был безумно равнодушен к опечаткам, настолько теперь я возненавидел и боюсь их. Конечно теперь уже поздно делать еще корректуру, ибо вероятно печатание совершилось, но по крайней мере не позволишь ли мне приложить к экземплярам список опечаток, как это делается в книгах? Если не поздно еще, то буду очень утешен, если ты мне это разрешишь и приложишь к изданию печатный список

* Можешь даже наврать, что таково мнение Клиндворта, Рубинштейна и т. д. *(Прим. Чайковского.)*

опечаток. А знаешь, отчего произошли все эти последние опечатки? Оттого, что гг. граверы вместо поправок делают по небрежности новые ошибки. В одном месте я поставил poco più f., они из этого сделали poco riten. f., вследствие чего произошла бессмыслица, а место очень заметное. В другом месте в аккорде я прибавил к средней ноте бемоль,



а они поставили его к нижней ноте, и опять вышел вздор. Впрочем, повторяю, важных ошибок нет и в общем издание отличное. А посвящение Направнику? Оно необходимо, ибо я ему об этом говорил. Отчего ты позабыл его?

Обнимаю тебя, дружище.

Твой П. Чайковский.

165. Чайковский — Юргенсону

[Каменка]
1 сентября 1880 г.

Я хочу теперь приступить к пересмотру и исправлению всех моих сочинений, изданных тобой в прежнее время, т. е. от opus 1 до Третьей симфонии включительно. Так как у меня не хватает сил самому все это сделать как следует, то я просил Танеева, Лангера и Кашкина совокупными усилиями исправить Первую и Третью симфонии, а также „Бурю".[1] Надеюсь, что они мне не откажут. Потрудись, пожалуйста, дать им по экземпляру этих трех вещей. А мне покамест потрудись прислать все фортепианные пьесы прежние, т. е. всё, кроме концерта, тетради, где Бюловские вариации, и последней тетради с 12 пьесами средней трудности. К этому же приложи, пожалуйста, первые шесть романсов.

Теперь еще просьба. По случаю, кажется, Пушкинского юбилея в Москве вышла книга, где собраны все стихотворения, в коих воспевается Москва. Кажется, она называется: „Москва в произведениях русских поэтов".[2] Эта книга мне очень нужна, ибо я надеюсь в ней найти какую-нибудь тему для моей выставочной музыки, к сочинению которой собираюсь вскоре приступить и, по правде сказать, с неизъяснимым отвращением. Будь так добр, распорядись о покупке и присылке этой книги. Говорил ли ты с Николаем Григорьевичем, что я желаю более точных и подробных указаний, чего от меня нужно?

Что делает моя Вторая симфония? Вообще каково дело с Бесселем? Я боюсь, что эта скотина, дабы отмстить мне, вовсе не напечатает переделанной симфонии. Это для меня было бы ужасно неприятно!

До свиданья!

Твой П. Чайковский.

166. Чайковский — Юргенсону

[Каменка]
6 сентября 1880 г.

Посылаю тебе список опечаток в „Деве“. Так как ты забыл посвященье Направнику, то позволь напомнить на всякий случай еще два посвящения, а именно: 1) „Итальянское каприччио“ посвящено К. Ю. Давыдову. 2) Концерт — Николаю Григорьевичу. Направника зовут Эдуард Францевич.

Милый друг! Будь так добр, пришли мне, если можно, сейчас же:

1) Полное собрание сочинений Шумана.
2) „Снегурочка“ в 4 руки
3) Датская увертюра в 4 руки
4) Четвертая симфония в 4 руки

(2, 3, 4 — соч. Чайковского.)

Все это вели внести в мой счет.

Извини, что так часто надоедаю подобными просьбами. Напиши мне, пожалуйста, печатается ли, т. е. гравируется ли партитура и голоса „Итальянского каприччио“?

Обнимаю тебя.

Твой П. Чайковский.

P. S. Начал составлять список опечаток и скоро пришел к заключению, что игра не стоит свеч. Ни одной важной, искажающей до бессмыслицы, ошибки нет. Буду лучше надеяться, что не пройдет и года, как ты затеешь второе издание, и тогда мы сделаем хорошую корректуру.

Но посвящение Направнику необходимо.

167. Чайковский — Юргенсону

Каменка,
[6 сентября 1880 г.]

Петербургские артисты жалуются, что не могут получить печатного клавираусцуга. Роли им розданы, но учить невозможно. Прошу тебя принадлежащие мне пять экземпляров послать для Рааб, Макаровой, Орлова, Прянишникова, Мельникова. Пожалуйста, голубчик, сделай это сейчас.

П. Чайковский.

168. Чайковский — Юргенсону

Каменка,
[7 сентября 1880 г.]

Воображаю, как я тебе надоел своими письмами. Вчерашнее второе письмо было написано по поводу сообщения Толи, что певица Рааб

желает получить полный клавираусцуг. Я нахожу претензию главных исполнителей иметь клавираусцуг совершенно основательной и потому поторопился написать тебе о высылке моих пяти экземпляров в Петербург, забыв, что один я уже получил. Тем не менее прошу все-таки послать пять или даже шесть экземпляров для главных исполнителей. Им в самом деле нельзя учить роль без полного клавираусцуга. Кстати. Были ли в начале августа посланы в дирекцию те экземпляры, которые были обещаны Направнику? Или, о рассеянный Петр, ты позабыл об этом?

Относительно Левенсона и Пабста, предоставляю тебе решить этот вопрос. Пожалуй, исключения можно делать в Москве, где опера не пойдет, но взяв предварительно обещание с Левенсона, чтобы не смел писать статьи до первого представления. В Петербурге же, за исключением исполнителей оперы, нужно отказывать решительно.

Пожалуйста, не забудь посвящение Направнику.

Твой П. Чайковский.

169. Юргенсон — Чайковскому

Москва,
7 сентября 1880 г.

Вчера благополучно вернулся из Питера. Видел Анатолия; он здоров и будет сегодня в Колпашников-Castle обедать.

Прилагаю здесь черновой контракт Бесселя; еще раз формул[ир]ую свои предложения:

1. Я ему сделаю через нотариуса формальное заявление, что я на основании данных мне инструкций не могу согласиться на совершение с ним условия о Второй симфонии и, ввиду его отказа исполнить словесный уговор, объявляю его лишенным всех прав собственности на эту симфонию и подвергаю себя к возвращению ста двадцати пяти рублей plus расходы на гравировку, буде симфония начата. В случае он не пожелает добровольно возвратить партитуру, то не остановимся и перед требованием через суд.

2. На основании законов о правах собственности литературной и художественной, ты заявляешь Бесселю, что срок (пять лет) для первого издания „Ромео и Джульетты" истек и ты второе издание не желаешь ему отдать и просишь, по распродаже голосов, издания для двух фортепиано и для одного фортепиано в четыре руки не печатать более, так [как] все издания переделаны вновь.

3. (Для услады Бесселя.) Права собственности на op. 16, 21, 25 ты готов подписать отдельным актом.

Если ты думаешь, что он сдержит обещание относительно Второй симфонии, и желаешь ее ему оставить, то относительно этого все-таки сделать надо, равно относительно „Ромео", иначе он может постоянно мешать распространению нового издания и объявить его контрабандой.

Не помню, писал ли я тебе, что он хотел твои вещи мне продать за жирную цену? Цена, надо полагать, настолько жирна, что он даже и выговорить не хотел. При этом он делал вид, будто к этому его вынуждают „разговоры, неприятная переписка, дрязги, расстраивающие его здоровье" (они очень хлопочут о здоровье своем!). Непременно все, все! „Опричник", тантьему, все до последней ноты! Чтобы навсегда развязаться и более не слышать про Чайковского. Я хорошо понимаю эту игру: дешево и сердито! А если да вдруг — куш! Я не мог не смеяться над ним: „Вы, вероятно, хотите столько взять с меня, чтобы выстроить виллу, как Кумберг — «Kumbergia», и назвать «Бессельбургия»".

Теперь я буду ждать твоего решения.

„Дева“ твоя пойдет, вероятно, не раньше января, так как прежде спустить должны Кюнера.[1]

Здесь поступил новый профессор Нейперт в товарищи Клиндворту. Посмотрим, какой будет дебют его. Нейперт — норвежец, и, вероятно, у нас пойдут в ход разные Григи, Гады, Ниссены и Саломаны. Он также сочинитель и, увы, будет меня насиловать.

Прощай! Будь здоров.

Твой П. Юргенсон.

На-днях пришлю часть корректуры партитуры. Ты не жди всего, а просмотри, что получаешь. Нужна ли оригинальная партитура?

170. Юргенсон — Чайковскому

1880 г. сентября 6—10. Москва.

Москва,
6 сентября 1880 г.

Никто (à la [*1 неразобр.*]) не отгадает, кто мне на-днях писал. На первой и второй странице он объясняет причины своего неписания и потом — писания широ[ко]вещательного à la Вальтер Шкот и, кланяясь всем, особенно милому Петиньке (конечно, не Юргенсону), подписывается: „Твой Клименко“.

Нового он ничего не сообщает, разве только, что совершенно счастлив в супружестве. Детей нет. Живет он в Екатеринославе земским и городским архитектором. Денег нет.

Твои письма получил: от 25-го (или от 29-го?) — 2-го сентября, от 1-го — 5-го сентября. Толя приехал, и мы один раз скоропостижно с ним напились. Дуэты и романсы получил.

„Ромео“ в четыре руки в переложении г-жи Пургольд может только издать Бессель. Для двух фортепиано Клиндворт не продал Бесселю. Предлагать Боку, упрашивать его издавать „Ромео“ вновь мы всегда сумеем после неудачи с Бесселем.

Ты со своей любезностью Направнику ввел меня в конфуз; я точно сел между двумя стульями. Я тебе писал, что Направник вежливо отклонил мое предложение и кроме того сообщил об этом г-ну Ратеру (Битнеру), который на меня в претензии за желание отбить у него Направника, для которого он столько сделал!! Бог, ты и я одни знаем, сколь мало у меня желания было сделаться издателем г. Направника!! И вдруг между двумя стульями.

В подобном же положении нахожусь я с „Испанскими увертюрами“ Глинки. Стелловский не хотел тогда согласиться на передачу права арранжировки Балакирева этих увертюр — никак. Я заказал переложение Клиндворту и заплатил ему за четыре арранжировки двести рублей. Теперь Балакирев уговорил Стелловского дать свое согласие и желает, чтобы я его арранжемент напечатал, — да нельзя ли сейчас! Клиндворт надуется, узнав, что я это сделал; он с такой уверенностью передал мне рукописи: „Ich denke sie sind ein wenig besser geworden, als die von Herrn Balakirew“,* и как-то злобно засмеялся. Не издать, значит огорчить милого Милия, который замечательно любезно ко мне относится. Это какие-то два дивана, между которыми я поместился...

Я вынужден был выдать „Деву“ Рааб, Васильеву и Мельникову; они неотступно требовали — я уступил. Как теперь с прочими просителями: Левенсон, Пабст, Богуслав и пр.?

Мои интересы требуют двухручного клавираусцуга „Девы“. Разреши мне дать арранжировать Лангеру, он скоро сделает. Пойми, чудак, двухручное издается не для артистов, а для любителей, и поэтому твоя заботливость совсем не кстати. Чтобы не тревожиться, ты не бери двухручное издание в руки. Посвящение „Девы“ Направнику в восьмом, девятом и далее до десятого экземпляра сделано и теперь застраховано от забытья. На-днях выйдет Четвертая симфония в партитуре.

* „Я думаю, они стали немного лучше, чем [арранжировки] г. Балакирева“

Ноты для „пересмотра“ отправлены в Смелу. Книгу „Москва в родной поэзии“ я протежирую, и если ты даже ничего не выберешь, то с интересом прочтешь. Я ее тебе посвящаю.

О юбилярной пьесе я тебе много писал, целую симфонию писем, ты все забываешь (хи-хи-хи). Материн сын, понимай: пиши, что хочешь! Интересно знать, чего тебе знать, а равно любопытно бы посмотреть, как это ты „начнешь“ и как ругаешь, ругаешь — и потом увлечешься. Ты бы сразу насчет увлеченья...

Анатолий жив и здоров и в восторге от Колпашников-Castle и твоего

П. Юргенсона.

P. S. 10-го утром.

Сейчас получил два письма твоих от 6-го. Из предыдущего ты видишь, что я исполнителей удовлетворяю. Эти экземпляры ничего общего с твоими не имеют. Я отдал либретто „Девы“ в дирекцию и теперь не могу кончить клавираусцуг, не зная персонажей. Не можешь ли ты дать мне этот список и кроме того „содержание“ по нумерам — по-своему (ты был недоволен моим способом), чтобы окончательно пристроить порядок оперы?

171. Чайковский — Юргенсону

[Каменка]

12 сентября [1880 г.]

Милый друг! Я поместил одного талантливого мальчика в Училище Живописи и Ваяния;[1] платить за его учение и содержание будет каменский хозяин Ник. Вас. Давыдов, но я не могу содрать с него деньги, покамест не определится, чего все это будет стоить. Между тем Толя, которому поручено устройство этого дела, вероятно, встретит на первое время затруднение в разных требующихся обстоятельствами уплатах. Я сказал ему, чтобы в случае нужды обращался к тебе; пожалуйста, открой ему маленький кредит. Когда получу с Давыдова деньги, пошлю их Толе, и он тебе отдаст.

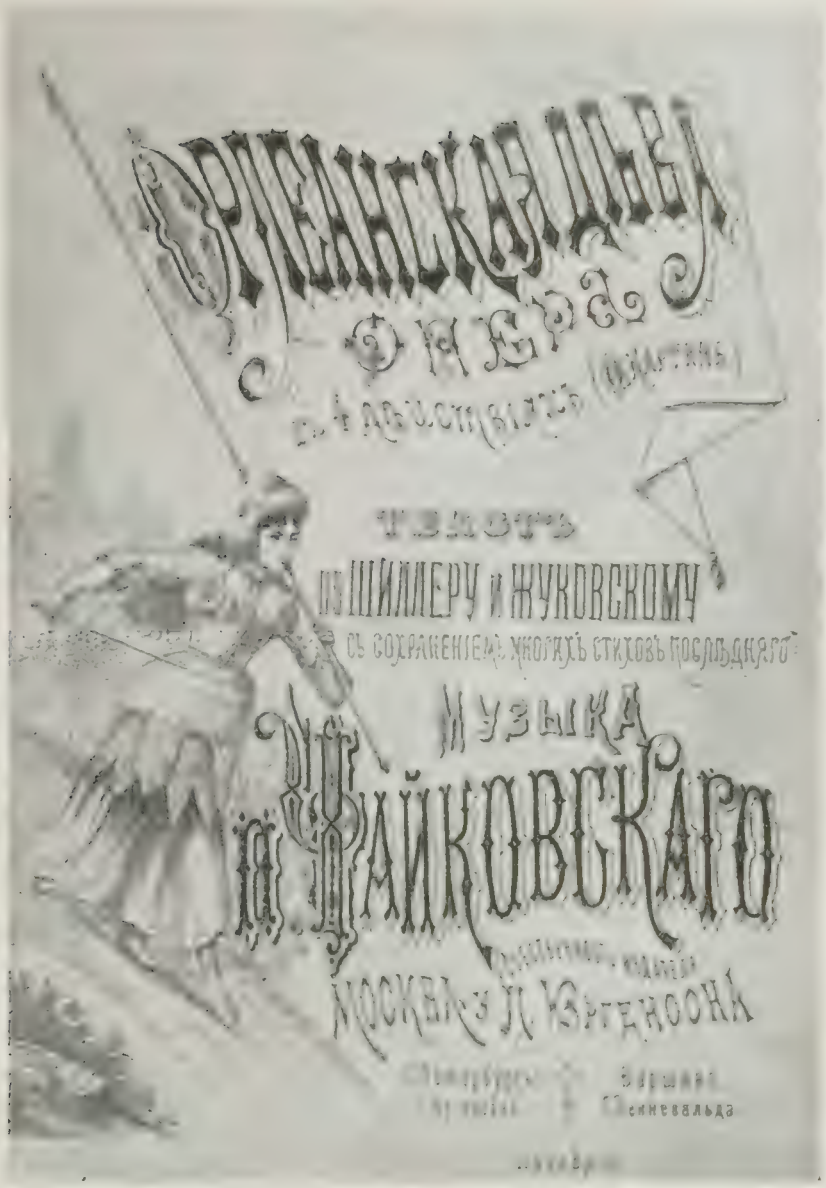
Каприччио и концерт отправил к тебе. За первый ручаюсь, а за второй нет, а так как страстно хочется, чтобы издание было безукоризненно, то прошу тебя устроить, чтобы его проиграл Танеев или даже Николай Григорьевич. Если никаких опечаток в глаза им не бросится, то значит моя корректура безупречна. Если же найдут, пусть отметят, и тогда вместе с моими новыми поправками все это отдать в металлографию, велеть исправить и засим пустить в свет сего последнерожденного нашего младенца.

Жду от тебя ответа на мой вопрос о том, гравируется ли партитура и голоса каприччио.

Обнимаю.

П. Чайковский.

Танеев просит „Деву“. Конечно можно.



Титульный лист партитуры оперы „Орлеанская Дева".
Первое издание П. Юргенсона

172. Чайковский — Юргенсону

Каменка,
13 сентября [1880 г.]

Ты ошибаешься, говоря, что переложение Пургольдши принадлежит Бесселю. Нимало. Она его сделала для меня, по просьбе Милия, и прислала мне, а я отослал Боку, у которого Бессель и утащил ее мошенническим образом вместе с Клиндвортовским. Я бы очень хотел, чтобы, нимало не стесняясь Бесселем, ты тотчас же отослал всю мою работу Боку, которому во всяком случае нет никакого дела до Бесселевских прав, тем более, что переложение я переделал по-своему. Бок может даже не печатать ее имени и приписать переложение мне.

Ты также ошибаешься, что я не помню всего, что было писано о выставочной музыке. Напротив, ты не помнишь и ни единого раза не отвечал на мои вопросы: 1) к какому времени написать, 2) каков гонорар? Очень может быть, что я оттого и не могу никак приняться за работу, что никто не хочет мне ответить на эти вопросы, а также хоть приблизительно изъяснить мне, чего от меня нужно. Когда заказывают, то нужно определительно сказать, чего хотят. Напрасно ты думаешь, что я могу увлечься этою работой. Писать по поводу выставки для меня было, есть и всегда будет делом крайне антипатичным и на которое меня может соблазнить или 1) хороший гонорар, или 2) просьба приятеля сделать это в качестве дружеской услуги. Повторяю то, что уже писал по поводу этого. Пусть мне или а) закажут (и как при всяком заказе скажут: когда и за сколько) или б) попросит тот, кто в этом нуждается, т. е. Николай Григорьевич, и опять-таки при этом хоть сколько-нибудь изъяснит, чего ему хочется. Недавно ты писал мне, что Николай Григорьевич не имеет времени думать об этом и через неделю даст мне указание. Теперь ты об этом ничего не пишешь и все требуешь, чтоб я увлекся, точно будто это в моей власти! Высказываю откровенно то, что думаю и чувствую по этому поводу, и если оказываюсь при этом интересаном, то что же делать? Таков я есть и притворяться не могу. Не напишу ни единой ноты, пока мне не скажут чего-нибудь точного и ясного.

Посылаю список действующих лиц и содержание по нумерам:

Действующие лица.

Король Карл VII (седьмой)	Тенор.
Архиепископ	Бас.
Дюнуа, французский рыцарь	Баритон.
Лионель, бургундский рыцарь	Баритон.
Тибо д'Арк, отец Иоанны	Бас.
Раймонд, ее жених	Тенор.
Бертран, крестьянин	Бас.
Воин	2-й бас.

Иоанна д'Арк . . . . . Сопрано.
Агнеса Сорель . . . . . Сопрано.
Голос соло в хоре ангелов . . . . . Сопрано.

Кавалеры и дамы двора, воины французские и английские, рыцари, монахи, цыгане и цыганки, пажи, шуты, карлики, менестрели, палачи, народ.

Содержание.

	стр.
Интродукция	2
Действие I	
№ 1. Хор девушек	14
№ 2. Сцена и терцет	19
№ 3. Сцена	30
№ 4. Хор народа и сцена	34
№ 5. Сцена	59
№ 6. Гимн	69
№ 7. Ария Иоанны	92
№ 8. Финал	102
Действие II	
№ 9. Антракт	124
№ 10. Хор менестрелей	128
№ 11. Танцы. а) Пляска цыган	134
б) Пляска пажей и карликов	144
в) Пляска шутов и скоморохов	146
№ 12. Сцена и дуэт	155
№ 13. Ариозо Агнесы и дуэтино	179
№ 14. Сцена и рассказ Архиепископа	192
№ 15. Рассказ Иоанны	202
№ 16. Финал	*
Действие III (Картина 1-я)	
№ 17. Сцена и дуэт	260
(Картина 2-я)	
№ 18. Марш	288
№ 19. Сцена и дуэтино	314
№ 20. Финал	322
Действие IV (Картина 1-я)	
№ 21. Интродукция и сцена	409
№ 22. Дуэт и сцена	420

* В подлиннике страница не указана.

Картина 2-я.

№ 23. Финальная сцена . . . . . 443.

Так или нет?

Пожалуй, отдай двухручное переложение Лангеру, но с тем, чтобы до отдачи в гравировку я бы мог просмотреть его.[1]

Если будешь отвечать Клименке, передай ему лобызания и приветствия.

Относительно истории с Ратером скажу, что мне совестно, что невольно подвел тебя, но прошу тебя в объяснениях с Ратером взваливать всю вину на меня, а не на Ратера.

Пожалуйста, голубчик, насчет выставочной музыки дай точные сведения. Иначе не могу.[2]

Твой П. Чайковский.

173. Чайковский — Юргенсону

Каменка,
15 сентября [1880 г.]

Становлюсь перед тобой на колени, молю простить мою надоедливость, но вместе с тем, вняв моей покорнейшей просьбе, исполнить три следующие посылки:

1) а) Сюиту в четыре руки, б) Четвертую симфонию в четыре руки, в) „Франческу“ в четыре руки, г) „Бурю“ в четыре руки и д) Первый квартет в четыре руки выслать за границу по следующему адресу: Oberviller, par Sarreburg, Alsace-Lorraine, à Madame Cerfbeer.

2) Один экземпляр „Иоанны“ выслать по следующему адресу: Italie, Florence, Villa Oppenheim, M-me N. de Meck.

3) Прислать мне сюда (Киевской губернии, Черкасского уезда, мест. Смела, оттуда в Каменку) следующие вещи в четыре руки:

1) Сюиту,
2) Четвертую симфонию,
3) „Бурю“,
4) „Франческу“,
5) Датскую увертюру,
6) Увертюру „Воевода“,
7) Сербский марш,
8) Второй квартет.

Не сердись, что, посылая экземпляр M-me Мекк, я отнимаю у тебя покупательницу. Во-первых, она еще купит несколько экземпляров, а во-вторых, теперь она просит, чтобы я ей выслал, и согласись, что мне можно ей поднести „Деву“ даром. Пусть это будет один из моих экземпляров.

Что касается поручения первого и третьего, то стоимость всех этих четырехручных вещей потрудись записать в мой счет.

Прости за назойливость.

П. Чайковский.

Вели кстати приложить к посылке сюда 1) „Дитя-пианист“ Мельцера и 2) Сборник Бухвостова* и тоже впиши их в счет.

174. Чайковский — Юргенсону

[Каменка]
18 сентября 1880 г.

Посылаю тебе бумагу из Цензурного ведомства, присланную мне режиссером Кондратьевым, вместе с пропущенным цензурою либретто. Ты увидишь, какие странные изменения от меня потребовали: пришлось, однакож, подчиниться. Я сделал незначительные кое-где изменения в словах, а в финальной сцене пришлось сделать сокращение.

Ты, кажется, собираешься ехать в Петербург. Не будешь ли ты так добр похлопотать в Главном управлении печати, чтобы мне позволили Архиепископа превратить не в Странника, а в Кардинала. Странник не имеет никакого смысла; а Кардинал есть в опере „Жидовка“; следовательно и мне должны его позволить.[1] Если же ты сам не поедешь в Петербург, то не можешь ли поручить это Осипу Ивановичу?

Посылаю тебе также письмо Направника. Пожалуйста, потрудись ему что-нибудь ответить насчет каприччио.[2]

Было бы хорошо, если б ты от меня или от себя послал два экземпляра оперы: один Направнику, другой Кондратьеву.

Твой П. Чайковский.

175. Чайковский — Юргенсону

[Каменка]
21 сентября 1880 г.

На меня нашло затмение. Для чего ты мне прислал партитуру Четвертой симфонии? Делал я корректуру ее, или нет, — решительно не могу вспомнить. Нужно ли мне ее просмотреть и отметить опечатки или она уж вполне готова? Если да, то скажи, кто делал коректуру? Отвечай мне по возможности скорей на этот вопрос!

Спасибо за все твои присылки.

Твой П. Чайковский.

Пожалуйста, похлопочи насчет Странника!

---

* *Правильно:* Буховцева

176. Чайковский — Юргенсону

Каменка,
9 октября [1880 г.]

Получил твое петербургское письмо.[1] Спасибо за хлопоты по поводу моих бессельских дел. Скажу тебе, что Бессель мне так гадок и мерзок, что я с своей стороны решительно не способен вести с ним какие бы то ни было дела. Одно воспоминание о нем приводит меня в нервное расстройство. Что же будет, если я вступлю с ним в письменные пререкания или разговоры? Поэтому я решил плюнуть на него и раз навсегда отказаться от всяких с ним сношений. Он для меня отныне не существует вовсе. Но тебе предоставляю в силу доверенности действовать как тебе угодно, хотя советовал бы поступить подобно мне, т. е. махнуть рукой. Поверь, что он когда-нибудь лопнет и придет просить тебя купить мои вещи, ему принадлежащие. Плюнь и жди!

К Направнику писать о неисполнении не могу. Дело в том, что еще перед прошлым сезоном великий князь потребовал, чтобы Вторая симфония была включена в программу, о чем мне сообщил Направник при свидании. Я, имевши тогда в виду переделку, просил отложить до будущего сезона. Когда я весной обедал у великого князя, он спрашивал о ней, очень интересовался ее новым видом и еще раз при мне сказал Направнику, чтобы она была включена в программу. Ведь великому князю нет никакого дела до моих пререканий с Бесселем, и ему совершенно все равно: по писанным или печатным нотам она играется. Будет очень неловко, если я теперь буду просить, чтобы симфонию не играли.[2] Что касается копии, то благодаря той безумной доверчивости, с которой я так преждевременно отдал этому подлецу мою рукопись, теперь ее иначе нельзя будет достать, как хитростью. Если ты найдешь способ добыть ее, то тем лучше. Вообще, повторяю еще раз, предоставляю тебе действовать, как найдешь нужным. Но „Ромео“ я бы попросил тебя послать к Боку в скорейшем времени.

Никогда не прощу себе той непростительной пошлости, глупости, слабости, дрянности и даже подлости, которые я проявил в моих отношениях к Бесселю.

Твой П. Чайковский.

177. Чайковский — Юргенсону

Каменка,
11 октября [1880 г.]

Милый друг!

Получил письмо твое со вложением контракта Бесселя.[1] Повторяю то, что сказал в предыдущем письме: я лично отказываюсь от всяких дел с Бесселем и даже отрицаю самое существование его. Ты же, воору-

женный моей доверенностью (если прежней недостаточно, можно написать другую), делай все, что признаешь нужным. Ввиду всего совершающегося, я не знаю, делать мне корректуру партитуры симфонии (вчера я получил продолжение первой части) или же, раз навсегда покончивши с Бесселем, даже не вмешиваться в исправление опечаток? На всякий случай я все-таки ошибки исправлю и пришлю тебе, а ты, если найдешь нужным, пошлешь или оставишь у себя до разрешения дела. Мне противно пересылать ему от себя. Представь, что этот нахал даже не отвечал на очень учтивое мое письмо.

Получил корректуру концерта. Примусь за нее, но, по правде сказать, я ожидал партитуры к а п р и ч ч и о, а не концерта. Ведь для последнего главное, чтобы голоса были скорее готовы, а для каприччио нужно и то и другое. Отчего ты не предпочел заняться сначала партитурой к а п р и ч ч и о?.

Есть ли надежда, что цензура отменит свое v e t o на Архиепископа?

Начинаю сильно ощущать всю недостаточность переписки и всю необходимость личного с тобой свидания. В самом начале ноября буду.

Твой П. Чайковский.

178. Юргенсон — Чайковскому

Москва,
14 октября 1880 г.

Прилагаю тебе официальное разрешение Главного управления по делам печати о возведении твоего странника в сан кардинала.

Очень рад, что ты скоро будешь, и потому ограничусь самым необходимым. Получил твои два письма от 9-го и 11-го. Насчет Бесселя я понял все и поступлю с ним деликатно, но твердо. Симфония погибла, т. е. из его рук ее вырвать трудно. Корректуру о б щ у ю я бы не сделал; последнюю, а в т о р с к у ю — отчего не делать? Сделав корректуру, ты можешь о существовании Бесселя забыть. Предложение относительно отсрочки исполнения беру назад, так как это теряет смысл, раз Бесселя собственность не оспаривается. Я думаю ему сделать нотариальное сообщение, в котором его права оспариваются или, вернее, не будут утверждены, если партитура и голоса не будут изданы. Относительно „Ромео“ непременно надо его уведомить, что он только издатель старого издания, а не собственник, и что на основании статьи такой-то второе издание выйдет у другого издателя.

Боку пишу сегодня. Получив его ответ, я пошлю ему ноты увертюры. Мне кажется, я поспею с каприччио и концертом одновременно, хотя ты прав, что партитура концерта менее нужна или позднее нужна. Не сообразил. Десять граверов работают исключительно каприччио и концерт; мы живо поспеем, ты только корректуру партитур не держи, голоса без тебя сделают.

Теперь писать, вероятно, больше не буду, скоро свидимся.

Анатолий блаженствует. Прощай!

Твой П. Юргенсон.

179. Чайковский — Юргенсону

Каменка,
27 октября [1880 г.]

Милый друг! Посылаю тебе письмо Бесселя, вполне обрисовывающее эту богомерзкую личность. Можно подумать, читая его, что я кругом им облагодетельствован и что это честнейший человек в мире. Отвечать ему не буду.

Петр Иванович! Тебя ожидает неприятный сюрприз. Я нечаянно написал серенаду для струнного оркестра в четырех частях и высылаю ее тебе послезавтра в виде партитуры и четырехручного переложения.[1] Вижу отсюда, как ты вскакиваешь и восклицаешь: „Благодарю — не ожидал!“ Оттого ли, что это мое последнее детище, оттого ли, что и в самом деле оно недурно, но только серенаду эту я люблю ужасно, и смертельно хочется как можно скорей выпустить ее в свет. Это очень удобная форма, голосов всего нужно пять. Я даже мечтал поехать в Лейпциг, заказать как можно скорее гравировку, чтобы еще в нынешнем сезоне, к концу, она могла быть готова, а доски отдать потом тебе. Мне так бы хотелось, чтобы она могла быть сыграна в этом сезоне и особенно в концерте Фонда, где оркестр удвоен. Ну, впрочем, об этом поговорим при скором свидании. Я, однакож, остаюсь здесь приблизительно до 8-го ноября и лишь 10-го или 11-го буду в Москве. Не успеешь ли прислать мне сюда еще одну корректуру? Например, партитура каприччио не готова ли?

Концерт гравирован хорошо, но страшная путаница в обозначении инструментов.

Будь здоров, дружище!

Твой П. Чайковский.

1881 г.

П. И. Чайковский
1881 г.

180. Чайковский — Юргенсону

Рим,
21 февраля/5 марта 1881 г.

Милый друг! Ты знаешь про меня все, что нужно, из писем к Толе; поэтому ничего тебе не пишу подробного и посылаю этот листочек как бы для того, чтобы издали некоторым образом протянуть дружескую руку и сказать, что я тебя люблю.

Расположение духа моего до приезда в Италию было скверное, почему — и сам не знаю. Здесь же мне хорошо. Я очень полюбил Рим, да и нельзя его не любить, когда узнаешь поближе. Отсюда поеду в Неаполь через неделю, потом в Ниццу, потом в Париж и, наконец, в начале апреля думаю направить стопы свои в Россию, причем едва ли удержусь, чтоб не заехать к вам в Москву.

Впрочем, я еще ничего определительного сказать не могу.

Бедненький! С ужасом думаю, как ты тащился со станции в Смольный!

Жду с нетерпением писем. Еще ни от кого ничего не получал. Обнимаю тебя. Всем твоим поклон.

П. Чайковский.

Адресуй мне: France, Nice, Boulevard de la Bouffa, 16, M-me Kondratief, pour remettre à M. P. T.

181. Юргенсон — Чайковскому

Москва,
21 февраля 1881 г.

Милый друг! Сижу я в твоей комнате, за твоим столом и пишу тебе письмо о твоих делах. Это ли не бескорыстие, Selbstlosigkeit! (трудно перевести одним словом, разве: несебялюбие?)

Ты помнишь, я хотел, проводив тебя, поехать в Смольный, к Милюковой. Так я и сделал. Отыскав ее квартиру, я не застал никого, кроме служанки казенной. Оказалось, старуха умерла, Марья Ивановна вышла гулять, Антонина Ивановна уехала в Москву. Взяв адрес, я телеграфировал Софье Ивановне, чтобы она немедленно л и ч н о передала Антонине Ивановне пятьдесят рублей. Мне это нужно было только для того, чтобы Софья Ивановна видела бы Антонину Ивановну и [узнала], насколько интересно ее положение. Софья Ивановна не догадалась и, получив ночью телеграмму, думала, что мне действительно нужна спешная передача денег, — поехала в шесть часов утра отыскивать ее. Антонина Ивановна уехала на несколько дней. Это было утром, и я чрез несколько часов вернулся из Питера. В этот же день я послал разведчика и на другой день знал все, что мне нужно было: она живет с сестрой в № 20, а в 21-м — их „брат" Больков. Между названными нумерами открытая дверь. Больков — кандидат прав и на судебные должности, мужчина невзрачного вида. Антонина Ивановна перебралась на время к акушерке Масман и родила, кажется, в день моего приезда. Вернется в нумера.

Ввиду важности для тебя факта, я счел возможным поручить дальнейшие розыски и констатирование факта с подробностями уже юристу Хмелевскому и выдал ему на эту штуку двести рублей. Прости, что я без твоего согласия это сделал, но нельзя было ждать, нельзя было упустить дорогое время и свежие следы. Я посоветовался с Анатолием, и он нашел, что терять время не следует. Независимо от Хмелевского, я буду через своего лазутчика стараться добыть себе сведения, дабы контролировать и быть au courant *

В „Новом времени" была статья Иванова, очень сочувственная.[1] В „Голосе" второй раз маленькая заметка о втором представлении также сочувственная.[2] Наконец, вчера, т. е. 19 го,[3] Кюи, заявляя о несомненном и большом успехе, не оставил тебе живой нитки...[4] Сегодня Левенсон плачется в „Русских ведомостях" о твоем отступничестве от хорошего пути, но тоже заявляет, что он предвидел успех.[5] Посылаю тебе этот нумер завтра под бандеролью.

Вчера вечером мы с Анатолием слушали „Онегина". Театр был полон, я еще утром рано нашел вывески на кассе театра: „билеты все проданы" и купил у барышника билет за пять рублей. Публика внизу была очень сдержанная, зато над бельэтажами буквально стон стоял! Если бы я не знал скупость твоего издателя, я бы должен был думать, что это он клакеров ** нанял. Но нет, так за деньги не стараются. Конечно, масляница помогает восторгам, но приятно думать, что посгом успех не уменьшится.

В доме у меня все благополучно. В деле маленький застой, особенно в инструментах. Надеюсь, после карнавала все опять займутся делом, и публика моя возьмется за покупку роялей с прежним усердием.

Рубинштейну лучше, и он ждет лишь Захарьина, чтобы он его благословил на поездку.[6] Клиндворт дирижировал десятым концертом и имел успех. Он на седьмом небе.

Анатолий канителится с Надинькой,[7] и весы его постоянно колеблятся: то он наверху блаженства, то в недрах тартарары. Вообще нельзя сказать, чтобы он очень тужил. Мы с ним вчера после „Онегина" пошли в клуб и там скороспостижно (слегка) напились.

Прощай, о друг! Все кланяются тебе.

Твой П. Юргенсон.

P. S. Желаешь ли ты развода? Дай мне инструкций. П о к а я н е б у д у в ы д а в а т ь п е н с и ю.

---

* в курсе

** Claquer *(фр.)* — аплодировать.

182. Юргенсон — Чайковскому

Москва,
28 февраля 1881 г.

Друг мой, сейчас была Марья Ивановна Милюкова и пожелала получить ежемесячное вознаграждение для сестры. Я сказал, что ты мне ничего не оставил, что ты их искал, но не находил, и потому решил временно остановить платежи. Я обещался тебе писать и спросил их адрес (нарочно, как нарочно соврал, будто ты их искал в Питере и Москве), прикидываясь незнающим. Конечно, это пустяки, но покуда нет надобности открывать карты. Итак, я не платил. Прикажешь, буду платить, даже пойду поздравлю с дочкой...

Хмелевский с своей стороны хлопочет, но ему важно знать, будет ли он вести дело далее или нет? Так „ты сомнения разреши".[1] Дашь ли ты ему доверенность или нет? Начинать?

Рубинштейн сегодня вечером выезжает в Берлин, Париж — Ницца.

Толя вчера у нас обедал. Он достал для Рубинштейна у Дервиза вагон министерский (?) и считает, что Дервиз большую жертву принес... По-моему, для меня было бóльшей жертвой уступить Дервизу даром свои билеты на концерт Зембрих, хотя я легче отказался от этого, чем от стакана доброго вина. Тем не менее, нельзя отрицать, что это для Николая Григорьевича большое, неоценимое удобство ехать до границы в таком салоне. С ним Третьяков и Григорий. Григорий за границей?! Как это он говорить-то будет на станциях.

„Дева" шла три раза с полным сбором; что дальше будет, неизвестно. Макарову газеты ставят выше Каменской! Поди тут! De gustibus — aut nihil, aut bene.[2]

[1] Есипова потребовала себе через Ратера даровой экземпляр твоего Второго концерта. Она никогда ничего твоего не играла, хотя часто приводят программу ее концертов. Я ненавижу этих дармоедов, мне обидно не из скупости, а потому, что это бесполезно и унизительно, унизительно потому, что это насильно... Все случаи, когда я хотел эманципироваться (на-ка, — от немецкого окончания нельзя: эманциповаться!), всегда оканчивались фиаско, моим конфузом. От этого мне „гратисные" * не стали симпатичнее. Меня злит даже то, что Антона Рубинштейна вещи моего же издания не требуют даром. Меня злит тут тайная подкладка, задняя мысль: иначе мы тебя лишим протекции нашей! [6]

Отвел немного душу.

Романсы печатаются, но дуэты и серенада все еще корректуются. Боже! Эти корректуры, эти корректоры. Полцарства за хорошего корректора!

Прощай, итальянец.

Твой П. Юргенсон.

P. S. Иванов в „Новом времени" поет дифирамбы Бесселю за партитуру Второй симфонии.[3] После девяти-то лет! [2]

183. Чайковский — Юргенсону

Неаполь,
1/13 марта 1881 г.

Получил сегодня твое письмо, милейший друг и блюститель моих всяческих интересов! Весьма одобряю и усердно благодарю тебя за следствие над тварью женского пола, произведшей на свет несчастное существо, быть может, носящее мое имя! Как бы воспрепятствовать ей

---

* „бесплатные" [претендующие на бесплатные экземпляры]

записать его в метрических книгах моим ребенком? Догадался ли справиться об этом твой шпион?

Я в принципе очень желаю развода, но меня смущает денежный вопрос. Мне достоверно известно, что дела M-me Мекк в настоящую минуту находятся далеко не в блестящем состоянии, и просить у нее что-нибудь сверх получаемой мной суммы я не могу.[1] Во всяком случае, после известного происшествия, я считаю совершенно излишним платить Антонине Ивановне какое бы то ни было вознаграждение в виде капитала, как об этом была речь прежде. Если ты хочешь быть до конца моим благодетелем в этом деле, то потрудись повидаться с каким-нибудь специалистом по части бракоразводных дел (например, секретарем консистории) и узнать от него, что̀ я могу в настоящую минуту предпринять. Только такой человек может указать нам способ действий на будущее время. Пенсию платить, конечно, не нужно.

Не забудь справиться: списали ли для тебя в Петербурге изменения, сделанные мною в Направниковском экземпляре клавираусцуга „Девы"? Желательно, чтобы оказалась возможность напечатать новое издание переложения с двумя капитальными изменениями (во втором и третьем действиях).

Пиши мне в Париж, Hôtel Continental, а если хочешь скорее, то в Ниццу, Boulevard de la Buffa, 16, M-me Kondratiev. Через неделю еду в Ниццу на три или четыре дня. Обнимаю.

Твой П. Чайковский.

184. Юргенсон — Чайковскому

Москва,
29 марта 1881 г.
Дома. Вечером.

Во всякое другое время ты бы нашел письмо от меня в Питере, теперь же мне ужасно мало было времени.

Какая поездка![1] Все скверно: вагоны старые, неудобные, есть нигде не приготовлено, езда черепашья и остановки коротенькие... Мы плохо спали, плохо ели, голодали буквально.

Ехали мы до Берлина сорок восемь часов. Так как мы все устали и путь еще предстоял длинный, то мы остановились на один день в Берлине — не без труда, так как покойника оставить не велено... На другой день был девятый день, и мы отслужили молебен [панихиду]. Никого не было. Тут мы по крайней мере два раза порядочно отобедали. Виделся я с Котеком; он ждал тебя.[2]

На границе мы должны были ночевать в Эйдкунене, так как наш поезд не доехал до Вержболова. Подлая, вонючая гостиница приняла нас на пять часов в свои недра.

Наконец в Вержболове перед отъездом оказалось, что я, чемодан Николая Григорьевича приняв за свой (две кэпли воды), не перевез свой чемодан в Вержболово из Эйдкунена. Времени не осталось, надо было оставить чемодан до следующего поезда. Это стоило мне шесть рублей.

Дамы наши доставили нам некоторое развлечение. Софья Алексеевна сердилась на Анну Алексеевну[3] и, наконец, даже в Смоленске поссорились. Анна Алексеевна женщина положительно хорошая и не глупая от природы, только в одном пункте помешательства она неисправима, — это ее энтузиазм к Антону Григорьевичу. Потом она

очень, очень симпатична без посторонних и ни одной глупости не скажет и не сделает.

Во время пути я телеграфировал из Кельна, Берлина, Вержболова, Динабурга и Смоленска к себе, в консерваторию, к Кэткову. Последнему — телеграмма из Вержболова или Вильны о том, что мы приедем в понедельник в одиннадцать часов тридцать минут дня. Они напечатали эту телеграмму и тем натворили бед: городская депутация назначила прием тела в среду и, конечно, не желала, чтобы публика знала о приезде нашем с покойником. Между тем мы ничего не знали, что у них делается и как они распорядились относительно встречи. Встречи никакой! Когда мы, наконец, настойчиво потребовали ответа в Смоленск, то получили вместо объяснений ответ: „Губерт встретит вас в Можайске". Действительно встретил, но точно полоумный: стал предлагать отцепку вагона с телом в Можайске, бегство из Кунцева на лошадях — все исходя из того страха, что выйдет скандал!!

До чего они голову потеряли! „Все я виноват, зачем телеграфировал". Не в моем нраве разыгрывать козла отпущения, и я сердито окрысился. Равно отпарировал я Сумбулу и Алексееву. Понимаешь эту нелепость? Мы едем восемь суток, я истратил сто рублей на телеграммы, не получив никаких известий от них, кроме депеши на границе с просьбой телеграфировать, когда приедем!

Все остальное знаешь ты из газет.

Теперь предстоит весьма и весьма важный вопрос о директоре. Тут все темно. Конечно, никому не угодишь. Не знаю, что будет; завтра первое заседание.[4]

Своих я застал всех в порядке, после тринадцати дней отсутствия, которые мне казались гораздо длиннее, и как будто время до отъезда было какое-то другое время, давно прошедшее. Это еще усилилось оттого, что до похорон дни были какие-то необыкновенные, тревожные, не будничные. Конечно, все пройдет, все изгладится и я успокоюсь, но я никак не могу войти в колею.

Анатолий освободился от невесты и совершенно доволен. Так-то лучше.

Дай брату моему полномочие получить деньги из театральной конторы за „Деву".

Ты скоро приедешь, так до свиданья!

Твой П. Юргенсон.

Поклон Модесту Ильичу.

Утренняя злоба: до сих пор дуэты твои все корректуются, просто тошно делается.

185. Чайковский — Юргенсону

С.-Петербург,
9 апреля [1881 г.]

Я пред тобой ужасно виноват, милый друг! Живу уже третью неделю в Петербурге и ни разу не собрался написать тебе. На меня нашло очень странное расположение духа. Отвращение ко всякой работе полнейшее, доходящее до того, что я даже письма не могу написать без величайшего напряжения. О музыке мне и думать противно.[1] Стремление куда-нибудь удрать сильнейшее, но обстоятельства заставляют сидеть в Петербурге и ждать. Теперь я бы мог уехать в деревню, так как для ухода за больной сестрой приехал зять, но зато сюда явился для свидания со мной Анатолий, и, пока он свободен, я должен остаться здесь. Надеюсь в начале Фоминой недели быть на один или два дня в Москве исключительно для свидания с ближайшими друзьями, а потом надолго уеду в деревню.

Извини, что я до сих пор еще не дал Иосифу Ивановичу доверенности на получение поспектакльной платы. Впрочем, до Фоминой

недели он во всяком случае денег не получит. Отвращение к человеческому сообществу дошло у меня до того, что я кроме сестры не был ни разу решительно нигде. Сколько раз собирался заехать к Осипу Ивановичу, но мысль, что с кем-нибудь встречусь, всякий раз останавливала меня. А впрочем, пользуюсь вожделенным здравием, чего и тебе, душа моя, от всей души желаю.

Поздравляю с праздником тебя и всех твоих.

Если есть какие корректуры, то удержи их до моего приезда в Москву.

До свидания, милый мой издатель.

Твой П. Чайковский.

186. Чайковский — Юргенсону

Каменка,
2 мая [1881 г.]

Посылаю телеграмму Модеста! Я сгорал от стыда, когда читал ее, ибо совестно тебя эксплуатировать, а между тем отказать не могу и помимо тебя не могу устроить дело. Ради бога прости! Впрочем, клянусь тебе, что 850 р. сер. выплачу тебе не позже начала июня. Ради бога прости, прости и прости.[1]

П. Чайковский.

187. Юргенсон — Чайковскому

Москва,
5 мая 1881 г.

Милый друг!

Вчера я выиграл свое дело против Бахметева в сенате. Ура!

Получив твою телеграмму в воскресенье вечером, я вчера утром послал депешу о выдаче ста пятидесяти рублей Иосифу Ивановичу. Ты любишь это меня корить за рассеянность, несчастный! В чужом глазу спицу видишь, а свои щетки, зубную Pasta не зришь? Корректуру оперы „Девы" сделать забыл?

Письмо твое от 1-го мая я получил сегодня как раз в ту минуту, когда Клеффель мне возвращает экземпляр, исковерканный на подобие петербурго-театрального экземпляра. Возвращаю в Питер их экземпляры. Я вышлю тебе точную копию — извольте тут сделать свои отметки собственноручно, а то легко сделать ошибку. Не задерживай! Ведь партитуры „Девы" у Направника; ты дал мне слово их выручить и — забыл.

Теперь просьба. Учитель каменской народной школы выслал мне семь рублей и просил ему продать гармонику в двадцать пять рублей в рассрочку... Единственно из симпатии к каменским господам и жильцам, я согласился и, мало того, устроил этому учителю даровую доставку через Бонифация.[1] Господин учитель Масловский вообразил себе, что подобная любезность неестественна, и [решил, что] очевидно ему подсунули дрянь... Понятное дело, что мне не желательно иметь более дело с г. Масловским, и я прошу тебя: отдай ему все его семь рублей и гармонику в ящике возьми к себе, чтобы при случае, может быть, с тем же Бонифацием препроводить ее ко мне. Вызови его к себе и прочти ему нотацию за его ничем мною не вызванную грубость. Я рояли не продаю в рассрочку, тем менее гармоники. Прилагаю его письмо.

Губерт принял директорскую должность. Поломался немножко. Клиндворт принимает дирижерство; ломался, ломался, наконец пошел на капитуляцию. Он сначала знать не хотел: нет бога, кроме Вотана — и даже Антона Григорьевича не желал. Дирекция зубами держалась за Рубинштейна и не очень симпатиз[ир]ует Клиндворту, — совсем его не хотели. Карлуша сильно интриговал против него, и мой голос остался в пустыне. Очень нравится нашим господам дирижерский калейдоскоп: Антон, потом Давидов, Балакирев, Римский, Эрдмансдерфер и т. д.; каждый день — свежие устрицы, каждый концеот — новый дирижер.

Губерт пишет, что он уладил дело с Клиндвортом, который напишет Антону Григорьевичу, что он очень рад после его дирижировки вступить в должность. Покуда, значит, дело улажено, но надолго ли? Бог весть...

Анатолий не будет жить на даче; им показалось дорого и не хорошо.

Вероятнее всего, что эти дачи остаются на моей шее, и мне придется потерять восемьсот пятьдесят рублей, что очень, очень неприятно, особенно теперь, когда и проч.

Прощай, будь здоров.

Твой П. Юргенсон.

P. S. Хотел бы ты взять на себя редакторство „Полного собрания сочинений Бортнянского", которое я замышляю? Ты спросишь: в каком смысле? В каком угодно, — отвечу тебе. Конечно, за хорошее вознаграждение.

188. Чайковский — Юргенсону

Каменка,
7 мая 1881 г.

Голубчик Петр!

Потрудись мне велеть выслать и записать в счет следующие вещи:

1) Детские песни Карлуши.[1]
2) Еще какие-нибудь детские песни, например, Гусельки.
3) Полный клавираусцуг „Вражьей силы" Серова.
4) Полный клавираусцуг „Юдифи" (если таковой имеется).

Теперь скажу несколько слов о себе. За отсутствием больной сестры и ее мужа, мне пришлось быть некоторым образом главою семейства и проводить большую часть времени с детьми.

Это было бы мне непривычно и тяжело, если б этих детей я не любил, как своих собственных. Ровно ничего не делаю; беру перо в руки только для писем. Да и охоты нет сочинять.

Я тебя просил что-нибудь заказать мне? В самом деле, не нужно ли тебе чего-нибудь? Нет ли у тебя какой-нибудь идеи, исполнению которой я мог бы содействовать? Если да, то напиши, пожалуйста.

Такой внешний толчок может возбудить мое застывшее рвение.

Неужели я старею и уже спел свою песенку?

Получил сегодня сведение, что сестре лучше и что скоро здесь будет.

Твой П. Чайковский.

Кланяйся Софье Ивановне и детей расцелуй.

189. Чайковский — Юргенсону

Каменка,
8 мая 1881 г.

Воображаю, как я тебе надоел!

В дополнение к выписанным вчера вещам, прошу прислать еще следующее:

1) Мне хочется попытаться написать всенощную, и для этого я нуждаюсь в полном тексте ее; прикажи узнать, нет ли в продаже такой книги, подобно тому, как есть, например, „Краткое изложение литургии для мирян", и если есть, то пришли мне. У меня имеется книга, где есть утреня и вечерня, но это не то; мне нужна именно всенощная со всеми эктениями и со всем, что поется.[1]

2) Я начал изучать обиход, но, дабы иметь о нем полное понятие, я нуждаюсь в книге Разумовского („История церковной музыки") и поэтому прошу оную прислать. Заранее за все это благодарю.

Твой П. Чайковский.

190. Юргенсон — Чайковскому

Москва,
11 мая 1881 г.

Петюшечка, как я жалею, что не могу тебя видеть, как ты paterфамильничаешь,* как ты младшему или младшей на ложке кашицу в ротик суешь (смотри, в глаза не попади!) и носик утираешь. Как они тебе на панталоны пустят и т. д. Мне сдается, время подходящее для детских песен. Вали! напиши дюжин четыре-пять Kinderlieder.** Хочешь, я тебе вышлю немецких сборников кучу? Ты текст, который тебе нравится, сам бы перевел и музыку бы написал. Не нравится? Тогда песни по духовной части сколько угодно, на все лады...

A propos! Писал ли я тебе, что процесс мой в сенате решен в мою пользу? Что я говорю: „в мою пользу"! Я считаю, что это своего [рода] освобождение от татарского ига, и я — Дмитрий Донской! Донской — не Донской, а — таран: лбом брешу прошиб или сделал.

Бахметева и оберполицмейстера московского Козлова присудили к уплате убытков и судебных издержек пополам. Сначала я жалел Козлова, а теперь рад. Зачем это он холопски исполняет неваконное требование такого г....*** как Бахметев. Пусть же поймет, что не всякий стервец четвертого класса есть самодержец. Но шестьдесят четыре года директора капеллы удерживали реченку духовной музыки, зато теперь пойдет наводнение. Владимир Соколов уже прилетел. Восхваляя мое мужество на трех страницах, на четвертой странице предлагает свои духовные пьесы.

Чорт бы его продрал! Он по бедности пишет, и сочинения его бедны во всех отношениях.

Я жду с большим интересом твоего ответа на мое предложение относительно Бортнянского. Издавая Бортнянского, я наношу сильный удар капелле и привилегии ее. Это давнишняя идея, которую непременно приведу в исполнение, и был бы очень рад,

* Pater familias (*лат.*) — отец семейства.
** детских песен
*** Так в подлиннике.

если бы ты не погнушался быть редактором этого издания: это устранило бы конкуренцию. Неужели ты не хочешь?

Толю я не вижу совсем, он возится с какими-то аристократами, венчает их противузаконно и делает всякие пакости. Вчера я был на даче у Натальи Николаевны. Эту дачу оставил мне Николай Григорьевич в наследство.

Сейчас вернулся из консерватории. Губерт имел вторичное свидание с Вотаном. Смягчился. Идет на всякие уступки, требуя взамен одно: Вильборга в профессора... Занавес.

Был сейчас у меня Толя. Конечно, у него миллион Abhaltungen:* генерал Фаня[?], племянница Таня, сестра Саша, князь Трубецкой (мерзавец), Савина, Бернардша, тайный советник Маслов, кн. Долгорукий и т. д.

Ноты тебе высланы. „Юдифу" и „Вражью силу" жду из Петербурга.

Стареть мы все стареем, но рано сложить оружие было бы ненормально. Скорее это затишье перед бурею — потом пойдешь писать „нечаянно" и „между прочим" эдак „6 Quartette", „32 Veränderungen", „12 Symphonische Dichtungen", „Trois Symphonies mignonnes" (в двести страниц каждая), „50 canons und Fugen über das Wort «Peter»"** (каламбур дурного тона). Будем надеяться, что ты много, много еще песен споешь.

Сегодня получил я уведомление из Николаевского банка, что деньги Задонской переведены в Москву на имя Русского музыкального общества.[1]

Кончено.

О себе имею сказать: Боря и Саша, вероятно, останутся в том же классе. Софья Ивановна переезжает на этой неделе на дачу в Люблино. Все здоровы.

Погода у нас стоит невероятно хорошая, тепло и зелено как никогда, даже необходимый дождь идет поздно ночью, как из скромности, — к утру опять все сухо и солнечно, лишь зелень гуще, зеленее стала.

Завтра утром Константин Николаевич едет через Москву. Мы, бедненькие, должны сделавшись похожими на официантов, встречать его на Николаевской станции. Боже Если он будет любезен и провезет нас еще до Курского вокзала... Merci!

Будет. Будь здоров и спокоен духом, чего и всем твоим желаю.

Что жених оказался дрянью, это счастье!

Тысячу раз лучше теперь, чем после свадьбы.[2]

Прощай!

Твой П. Юргенсон.

191. Чайковский — Юргенсону

Каменка,
11 мая [1881 г.]

Милый друг!

Ты спрашиваешь, хочу ли я быть редактором полного собрания Бортнянского? Разумеется, хочу, но в чем будет мое дело? Только корректуру держать или еще нечто другое?

Дурацкое письмо школьного учителя навлекло на его голову порядочный реприманд, и гармоника от него отобрана. Впрочем, письмо его есть результат глупости и бестактности, что очень жаль, ибо учитель он хороший, усердный, добрый, и мальчики его любят.

---

* задержек

** „6 квартетов", „32 перемены", „12 симфонических поэм", „три маленькие симфонии"... „50 канонов и фуг на слово «Петр»"

Нахожусь в довольно меланхолическом настроении духа, вследствие семейных обстоятельств довольно неприятного свойства,[1] вследствие отсутствия Алеши,[2] к чему никак не могу привыкнуть, а также по причине угрожающей мне бедности, ибо дела г-жи ф-М[екк] идут все хуже и хуже. Эта странная, но чудная женщина, сколько мне кажется, быстрыми шагами идет к полному разорению. Вероятно придется просить в Московской консерватории профессорства, но единый бог знает, как это будет мне тяжко! Надеюсь, что хоть один год еще можно будет пожить на свободе.[3]

До свидания, дружище!

Твой П. Чайковский.

Спасибо за Модестины деньги. В начале июня надеюсь уплатить долг.

192. Чайковский — Юргенсону

Каменка,
25 мая 1881 г.

Друг мой! Посылаю тебе „Орлеанскую Деву". Из сделанных в этом экземпляре сокращений и изменений я бы желал сохранить только следующие два (они уже сделаны и в подлинной моей партитуре, которую прошу тебя достать из дирекции). Сокращение и изменение первое: Действие второе, № 12, между страницами 166—173. Сокращение и изменение второе: Действие третье, № 20, Финал, стр. 370—407. Вот два существенных изменения, которые я желал бы оставить. Кроме их, ввиду петербургских условий постановки, были сделаны некоторые сокращения и перетасовки партий, которые имеют только местное значение.

Итак, все остальное остается по-старому. Но уж если ты решишься сделать второе издание, то кстати нужно исправить кое-какие опечатки, а также, согласно требованию цензуры, переделать Архиепископа в Кардиналы. Все поправки я отметил и на заглавном листе выставил страницы, на коих они имеются. В случае если текст будет переводиться, нужно, чтобы Архиепископ остался таковым, следовательно, Erzbischop, как у Шиллера, и в сцене, где он показывает Иоанне крест, так и должно остаться, ибо цензурное запрещение не относится к немцам.

Необходимо на стр. 449, 450, 451, 452 напечатать сделанные мною два примечания и знаки. Таким образом мы и театральной цензуре угодим и избегнем надобности сокращать музыку, которою в этом месте я дорожу.

Если дойдет дело до второго издания, то я желаю сделать его корректуру. Обнимаю тебя.

Твой П. Чайковский.

P.S. Само собой разумеется, что счет страниц изменится.

193. Юргенсон — Чайковскому

1881 г. мая 25—26. Москва.

Москва,
25 мая 1881 г.

Милый композитор!

Ты желаешь заказа. Мне пришло в голову: что ты скажешь насчет хоров или квартетов a capella? Причем я бы не желал подражания немцам, а так, как россияне поют. Я бы даже желал хуш тетрадку хориков с употреблением „октавы", т. е. с указанием тех мест, где употребление октавы не будет злоупотреблением. Если ты считаешь нужным прибавить аккомпанемент фортепиано, то пусть будет по-твоему. Затем, какого ты мнения насчет народных песен на четыре голоса?

Вчера Анатолий был у нас в Люблине и весьма удовлетворился. Мы вернулись вместе.

Я намереваюсь, если возможно будет, ехать на месяц в Карлсбад для поправления желудка, который у меня пошаливает. Не знаю, удастся ли.

Сейчас был у меня Танеев. Он сидит теперь с утра до вечера в консерватории, потом едет к Масловым с роялью вместе. Он говорит: „Отчего бы Петру Ильичу не написать оперу, в которой силы певцов и оркестра были рассчитаны на провинциальную оперу и небольшие сцены?" Я тебе передаю его слова; если мысль тебе нравится, то валяй! Смутно чувствую, что тут что-то не ладно, т. е. что тебе эта мысль не понравится ни с какой стороны.

Когда ты о принципе выскажешься, тогда я сообщу тебе свои Bedenken.*

26 мая

Сейчас поеду на фортепианный экзамен и увижу Вотана. Как-то мы встретимся? Прощай!

Твой П. Юргенсон.

P. S. Мое дело с Бахметевым попало в „Будильник".[1]

194. Чайковский — Юргенсону

Каменка,
4 июня [1881 г.]

Милый друг!

Спасибо тебе за разные заказы. Покамест я занят Всенощной. Когда кончу, хочу заняться детскими песнями, а засим, если хватит охоты и вдохновения, примусь за оперу. Это теперь единственная форма сочинительства, способная вызвать во мне увлечение. У меня есть в руках очень порядочное либретто, полученное мною от К. Ю. Давыдова, который сам начал писать на него оперу, но потом бросил за недосугом. Либретто основано на „Полтаве" Пушкина и составлено Бурениным. Итак, знай, что если буду писать что-нибудь большое, то это будет опера.[1] Об хорах пока ничего не скажу. Нет охоты писать их, хотя уже давно я обещал Карлуше заняться ими. На будущей неделе я вышлю тебе часть долга, но, увы, только часть!!! Не суждено мне

* соображения

быть относительно тебя честным исполнителем своих долговых обязательств. С величайшим [напряжением?] я мог бы, пожалуй, выслать тебе все восемьсот пятьдесят рублей, но ведь через неделю после того я бы снова принужден был обращаться к тебе, и ты бы наверное не отказал. Следовательно, это была бы излишняя комедия. Вероятно, я вышлю тебе рублей пятьсот.

Что ты хотел сказать, говоря при заказывании мне хоров об октаве? Я тщетно ломал себе голову, но решительно ничего не понял.

Обстоятельства слагаются так, что мне очень трудно писать что-нибудь свое; но Всенощная есть более переложение с древних напевов, чем сочинение, и работал я с удовольствием.

Жду Бортнянского, дабы тотчас же заняться и этим.

Обнимаю тебя!

П. Чайковский.

195. Чайковский — Юргенсону

[Каменка]
5 июня [1881 г.]

Милый друг!

Вчера я получил нотные книги, но, увы, в числе их одна оказалась совсем не нотная. С большим нетерпением ожидал я „нотного ирмологиона", ибо он мне очень нужен. Получаю посылку, с нетерпением ее развертываю, и что же? Вместо нотного ирмологиона мне прислали простой. Как нарочно, именно он-то, т. е. нотный ирмологион, мне теперь и нужен. Остальные книги присланы как следует, и я тебе очень за них благодарен, но, в самом деле, точно нарочно они мне в эту минуту не нужны, а то, что нужно, не пришло.

Итак, голубчик, прошу тебя распорядиться елико возможно скорее о присылке мне „нотного ирмологиона".

Случай этот задерживает меня и мешает продолжать заниматься Всенощной. Придется покамест обратиться к какому-нибудь другому делу.

До свиданья!

Твой П. Чайковский.

196. Юргенсон — Чайковскому

1881 г. июня 5—6. Москва.

Москва,
5 июня 1881 г.

Милейший друг!

Сегодня я тебе послал часть пьес Бортнянского. Вообрази, это все, что я мог достать. Остальное придется списать у частных лиц, что я и сделаю.

Между прочим, у восьмиголосных нет аккомпанемента фортепиано; не следует ли прибавить? Затем, если ты найдешь удобным для себя и меня переменить аккомпанемент, то сделай это, помолившись св. Петру...

Прилагаю тебе каталог духовных пьес. Из этого каталога ты увидишь, в каком порядке капелла сочинения Бортнянского сортировала. Остаться ли нам при этом, может быть, случайном порядке? Да благословит тебя бог, твою работу и дело рук твоих. Аминь [...]

Ты знаешь, Клиндворт вышел, Вильборг также, и сегодня еще Попов — из числа директоров. Все протесты! Клиндворт по крайней мере решает за себя и свое самолюбие. А те двое? — Из холопства и сочувствия...

Губерт поехал вчера в Лондон и Париж за пианистами. Не думаю, чтобы он нашел Феникса. Господи! Один человек сошел с арены, и сколько вместе с ним рушилось. Странно! Клиндворт ужасно был недоволен Рубинштейном, он ему поперек горла и дороги стоял, и все-таки Рубинштейн его удерживал в консерватории, и на основании условия контракта с дирекцией он имел право нарушить контракт, как только Рубинштейн не будет директором.[1]

Я твердо уверен, что все это устроится, найдутся пианисты и теоретики (Губерт не может дать сорок два часа в неделю), найдется и дирижер. Я жалею, что нельзя в России их найти; вечно заморских давай.

Сколько глупостей мне приходится выслушать. Между прочим, жаль, что требуется для директора консерватории русское подданство, а то бы из заграницы... например, Рейнеке. Рад я,— по крайней мере тут дорога варягам закрыта. [1]

Твой Алеша не был. Третьякову я отдал тысячу триста рублей.[2] Брат получил в Петербурге около двухсот пятидесяти рублей (у меня записано). Меня злит, что ты, стало быть, потерял около пятисот рублей. Чтоб им!

Прощай. До 16-го я здесь.

Твой П. Юргенсон.

6 июня 1881 г.

P. S. Вчера вечером Анатолий был в лагере у командирши и взял пятьдесят рублей для передачи Алеше.

197. Чайковский — Юргенсону

[Каменка]
6 июня [1881 г.]
Вечером.

Мне так грустно и тяжело здесь жить, что хочется на время уехать. Между тем совестно оставить их без надобности и какого-нибудь достаточного предлога. Поэтому прошу тебя прислать мне телеграмму приблизительно следующего содержания: „По делу такому-то твое присутствие нужно Москве. Приезжай скорее". Я телеграмму эту покажу, и тогда не так совестно будет уехать.

Нет никаких сил терпеть эту жизнь. То сестра, то племянница[1] больны; и из двух больных одна более нервничает, чем в самом деле страдает, другая же преувеличенно представляет себе состояние дочери, изнемогает от утомления и нравственных мук.

Просто убийственно быть свидетелем этой безотрадной картины. Хоть бы на несколько дней уехать!

Анатолию ни слова не говори.

Обнимаю тебя, и может быть: до скорого свиданья.

Твой П. Чайковский.

198. Юргенсон — Чайковскому

[Москва]
9 июня 1881 г.

Получил твои письма от 4-го и 5-го с. м. одновременно.

Я тогда в синодальную лавку послал с известной тебе запиской и не контролевал [контролировал], так ли они дали; я бы принял тем не менее ошибочно высланную книгу — я не знал. Сегодня я купил тебе нотную книгу и вышлю завтра в Каменку под бандеролью. Страховать нельзя, но ты скорее получишь. Надо полагать, никто не польстится на эти крючки.

Пиши, пиши — выдели музыку из себя, транспирируй музыку... Пусть в виде всенощной, детских песен, хоров или опер.

A propos оперы! Как насчет либретто? Кому оно принадлежит? Этот вопрос весьма важный, и я прошу тебя это выяснить с Давыдовым или Бурениным. Знай, что „Купец Калашников" мой, несмотря на мой весьма ранний вопрос о либретто у композитора, мне потом стоил больших денег... Вообще после разговаривать трудно. „Кузнец Вакула" ведь тоже отошел от меня. Смешно: опера с текстом принадлежит мне, текст отдельно — Гоппе.

Относительно денег поступи, как знаешь, без ложных угрызений совести: пятьсот, так пятьсот. При хоровом пении, особенно в церквах, архидиакон поет каким-то протобасом октавой ниже прочих, и это называют обыкновенно „октава". Тебе не нравится злоупотребление этим subbass'ом, и ты выразил это как-то при мне.

Я полагал, что можно написать или записать хоры или многоголосные песни, в которых отметить, когда дозволительно отвернуть кран у протодиакона, или у „октавы". Как это не понять, голова!

Бортнянского часть отправлена почтой в Смелу.

До свидания!

Твой П. Юргенсон.

Бандерольные отправки идут с легкой почтой, и потому книга придет завтра.

199. Чайковский — Юргенсону

Каменка,
21 июня [1881 г.]

Милый друг!

Я получил сочинения Бортнянского, просмотрел их и начал редактирование, которое оказалось работой довольно кропотливой и скучной, главнейшим образом потому, что бо́льшая часть творений Бортнянского суть весьма пошлая пустяковина. К чему нужно тебе издавать его полное собрание? Позволь тебе посоветовать отбросить этот план и вместо него принять следующий: издать сборник избранных сочинений Бортнянского. Это будет гораздо лучше для твоего кармана и во всех отношениях умнее. Не забудь, что добрые 7/10 или по крайней мере 3/5 полного собрания составят концерты, т. е. самый плоский набор общих мест и пошлостей, никогда и нигде в церквах не исполняемых и лишь раз в год попадающих в виде исключения на программу какого-нибудь духовного концерта. Те из сочинений Бортнянского,

в которых действительно есть потребность и которые везде поются, составляют очень небольшое число пьес, наперечет мне известных. Положим, что ты издашь их, а также, положим, два-три самых лучших концерта, и тогда получится вещь действительно нужная, и я ручаюсь тебе за то, что моя редакция выжмет из Бортнянского все годное и отбросит все негодное и не имеющее никакой будущности. Полное собрание — это очень громкое слово, но оно в настоящем случае звучит странно, ибо относится к человеку с маленьким талантом и написавшему ворох всякой дряни, среди которой, как оазисы в пустыне, мелькает десяток порядочных вещей. Я даже стал колебаться: давать ли мне свое имя для такого издания, которому не могу сочувствовать. Я пишу теперь духовно музыкальное сочинение, которое есть попытка (положим, очень скромная) бороться с установленным Бортнянским и tutti quanti дурным стилем и вдруг в то же время лезу к публике с предложением всего того, что собственным сочинением отрицаю. Положим, что на это можно смотреть проще, т. е. я музыкант, живущий своими трудами, и, следовательно, нет ничего предосудительного в том, что ради добытия средств к жизни редактирую всякую гадость, которую мой издатель вздумает издать, но моя гордость все-таки от этого страдает.

Подумай и напиши ответ! Я послал Софье Ивановне пятьсот рублей. Рыдая простился я с этими пятью Катьками.

Потрудись разрешить мне один денежный вопрос: все ли, что получено тобой и Осипом Ивановичем за обе мои оперы, отдано Третьякову, или часть осталась у тебя в счет моего долга? Я очень хотел бы привести в ясность свои дела. Обидно, что, получая так много, я вечно сижу без денег, и вечно парализована моя свобода. Хороша свобода! О многом еще хотел тебе сказать, да боюсь, что письмо не дойдет. Я вообще почему-то poste restante не доверяю.

Обнимаю тебя. Наталье Николаевне кланяйся.

Твой П. Чайковский.

200. Чайковский — Юргенсону

Каменка,
3 июля 1881 г.

По-моему, душа моя, середины тут быть не может.[1] Или нужно ограничиться сборником избранных сочинений или издать все полное собрание под моей редакцией, и так как я на это уже раньше изъявил свое согласие, то и не хочу брать его назад. Итак, будем издавать все, если ты этого желаешь. Аккомпанементы недостающие я тоже сам сделаю. Когда мне будут доставлены те концерты Бортнянского, которые ты не мог достать в продаже и хотел откуда-то приобресть в рукописи? Я не буду покоен, пока всего у меня не будет под рукой. Помнится, что в консерватории есть полное собрание кон-

цертов Бортнянского. По крайней мере лет пять тому назад по поручению Николая Григорьевича я выбирал между массой их один номер для исполнения в симфоническом собрании.

Радуюсь что ты лечишься. Конечно, это скучно, но лучше поскучать, чем пренебречь здоровьем, которое у тебя немножко расстроено и непременно требует лечения. Зато вернешься в Москву помолодевшим. А я все здесь живу очень скучной и безотрадной жизнью. Сестра наконец пустилась в путь по направлению к Карлсбаду, но в Киеве разболелась и теперь лежит там уже неделю. Зять мой при ней. Я здесь должен остаться при племянницах и племянниках, и, может быть, именно оттого, что должен, мне страшно хотелось бы куда-нибудь хоть ненадолго уехать, чтобы проветриться и освежиться. С другой стороны, для моего кармана гораздо лучше, что я прикован к Каменке.

Анатолий вероятно приедет сюда в конце этого месяца. Алеша мой после лагеря получит отпуск на два месяца, и тогда я с ним поеду, по примеру прежних лет, погостить в Браилов.

Желаю тебе выдержать скучное лечение как следует. Кланяйся Наталье Николаевне и Бисмарку.

Твой П. Чайковский.

201. Юргенсон — Чайковскому

Киссинген,
10/22 июля 1881 г.

Твое письмо от 3-го я получил вчера. Я ничего лучшего не желаю, как остаться при первоначальном моем плане насчет Бортнянского, и скажу тебе спасибо за обещание взять на себя эту несимпатичную тебе работу. Авось, ни ты, ни я не будем раскаиваться. Сегодня же даю приказ выслать тебе остальные вещи Бортнянского; они, кажется, задержались по случаю ожидаемого твоего приезда. Дай нам скоро возможность начинать гравировку. Тотчас по приезде составлю план издания и открою подписку.

Лечение мое идет своим порядком. Будет ли хороший результат, это покажет время. Живем мы здесь совершенно одинокими. Ни одного знакомства [...]

Жалею тебя, мой бедный Петр, за неволю твою; но крест этот принял ты добровольно? Отведи душу и напиши какую-нибудь элегию [...]

Наталья Николаевна благодарит за память и гордится за сопоставление с Бисмарком. Каналью Бисмарка мы ни разу не видели, даром, что живем здесь семнадцать суток.

Живой анекдот. Одна дама (русская) спрашивает у Badefrau: „Wo ist hier Watercloset?“ — „Das habe ich nicht“, * — был ответ.

Жизнь в Киссингене очень дорого обходится, если хочешь жить сносно. Дерут тут знатно с приезжих, дерут все от мала до велика. Собственная непрактичность тоже способствует израсходовать удешевленные рубли наши. Прощай, душечка. Наталья Николаевна тебе очень, очень кланяется.

Твой П. Юргенсон.

* банщицы: „Где здесь ватерклозет?“ — „У меня этого нет“.

202. Чайковский — Юргенсону

[Каменка]
11 июля [1881 г.]

Извещаю тебя, душа моя, что я выезжаю отсюда недели на две или на три в Москву, впрочем, не прямо, а по дороге заеду к Масловым в деревню, где мне очень хочется повидаться с Танеевым.[1] В Москву попаду около 20-го и прошу тебя, в случае если захочешь написать мне туда, адресуй в магазин свой.

Я погибаю от жары и почти ничего не делаю. Бортнянский подвигается туго.

Если после моего отъезда отсюда придет твое письмо, то его перешлют мне в Москву.

Пока до свиданья. Может быть, до отъезда напишу тебе еще, а покамест хотел только предупредить тебя.

Обнимаю!

Твой П. Чайковский.

203. Чайковский — Юргенсону

Каменка,
31 июля [1881 г.]

Милый друг!

Поздравляю с возвращением на родное пепелище.

Я занимаюсь теперь Бортнянским усиленно, дабы скорее отделаться от этой ужасной работы. Часто ругаюсь, злюсь и собираюсь отказаться от начатого дела, главнейшим образом вследствие крайней антипатичности содержания пресловутых творений Бортнянского, но потом успокаиваюсь, и дело будет кончено, как и все дела, которые я начинаю. Разве только могу когда-нибудь лопнуть со злости. Предстоит еще по крайней мере месяца три усидчивой работы.[1] Удивляюсь, какая тебе охота издавать эту пакость. Впрочем, как знаешь.

Но, однако, важнее всего, чтобы я получил наконец все, что составляет полное собрание; между тем в том, что мне прислали недавно, оказалось лишь очень немного недостающих номеров; остальное — повторение уже имевшихся у меня творений Бортнянского. Таким образом, многие вещи я имею теперь в двух и даже трех экземплярах, а огромного количества других не имею вовсе. Потрудись, пожалуйста, озаботиться, чтобы наконец мне прислали все, что нужно. Прилагаю на отдельном листе список недостающих номеров.

Вчера приехал Толя. Мне жалко его. По рассказам его вижу, что ему в Москве на сей раз было очень приятно жить летом, а теперь ему предстоит совсем не веселое житье.

С болью сердца думаю о нашей несчастной консерватории. Отчего до сих пор не объявляют о предстоящем учебном годе? Вообще что-то будет?

Не найдете ли вы полезным, чтобы я стоял в списке профессоров по теории, однакоже, с тем, что с 1-го сентября я беру отпуск на неопределенное время. Это, конечно, маленькое надувательство, но никакие силы всего мира не могут заставить меня в этом году состоять в консерватории на действительной службе, и откровенно тебе скажу, что только крайность может принудить меня прибегнуть к этому средству добывания хлеба. Может быть, это эгоистично, но, с другой стороны, подумай, какую пользу будет приносить учитель, ненавидящий свое дело, ненавидящий своих учеников, смотрящий в лес и стремящийся при первой возможности удрать? Прибавь к этому, что склонный к хандре я буду томиться в Москве, которую в глубине души ужасно люблю, но которая по многим причинам покамест еще невозможное для меня местожительство. Своим томлением буду наводить на всех уныние, начну пьянствовать, испорчу жизнь и себе и другим. Ну, одним словом, не знаю, что дальше будет, а теперь не пойду в класс ни за что на свете. Считаться же профессором готов сколько угодно, и если мое имя может чуточку придать обаяние консерватории, даю разрешение пользоваться им сколько угодно.

Вероятно, ты уже не получал моего письма, адресованного в Киссинген, в коем я разъяснял тебе причину, почему застрял в Каменке.

Напиши мне, имело ли на твое здоровье благоприятное влияние киссингенское лечение.

Твой П. Чайковский.

204. Чайковский — Юргенсону

[Каменка]
10 августа 1881 г.

Милый друг! Ты пишешь, чтобы я прислал то, что готово.[1] Я могу тебе выслать а) четырехголосную литургию и другие песнопения и б) все тридцать пять концертов одноxорных. Но предупреждаю тебя, что ввиду несвоевременной присылки всего, что мне нужно, придется гравировать не с начала, и это очень досадно, ибо что же ты сделаешь с страницами? Я полагаю разделить всего Бортнянского на три отдела:

Отдел I

Песнопения, употребляемые на божественной службе
Часть 1-я (однохорные)

1) Трехголосная литургия и восемь духовных трио.
2) „Слава и ныне“, четырехголосные.
3) Херувимские.
4) Достойно.
5) Ангел вопияше.

6) Отче наш.
7) Хвалите.
8) То же.
9) Да исполнятся.
10) Слава тебе, боже наш.
11) Многая лета.
12) Слава и ныне дева днесь.
13) Господи, силою твоею.
14) Под твою милость.
15) Ирмосы.
16) Ныне силы.
17) То же.
18) Вкусите.
19) То же.
20) Тело христово.
21) О тебе радуется.
22) Чертог.
23) Благообразный Иосиф.
24) Приидите ублажим.

Часть 2-я (двухорные)

1) Слава и т. д., №№ 88—103 по каталогу капеллы.

Часть 3-я (хвалебные песни)

а) четырехголосные
б) двухорные

Отдел II

1) 35 концертов четырехголосных.
2) 10 концертов двухорных.

Отдел III

Гимны и частные молитвы

Итак, прими все это в соображение и постарайся, чтобы я скорее получил все нужное. По поводу моих жалоб на скуку, испытываемую с Бортнянским, скажу тебе, что предлагаемое тобою утешение конечно имеет свое действие, но лишь до некоторой степени. Приятно думать о зарабатываемых скучным трудом деньгах, когда 1) тот, с кого их сдерешь, делает выгодную аферу, и 2) когда издаваемое имеет высокий художественный интерес. В настоящем случае нет ни того, ни другого. Не подлежит сомнению, что я за Бортнянского шкуру с тебя сдеру — но вместе с тем буду нравственно терзаться, ибо „мне жаль тебя!“ Не хочешь ли на попятный двор, а мне дать немножко отступного? Ну, довольно о приторно-слащавом запахе Бортнянского, издаваемого тобою.

Радуюсь успехам в твоем здоровье. Веди жизнь правильную, больше ходи, кути не более раза в две недели, и твоя хорошо налаженная природой организация вполне восстановится. Я не могу думать без щемящего чувства тоски о Москве и моих московских друзьях. Кое-кого, и при том очень заметного, в рядах наших вовсе не досчитаешься, а другие постарели, повыдохлись и сильно потрепаны судьбой-мачехой. Бедный Кашкин, говорят, болен! Зверев выдержал чертовскую операцию! Карлуша без Николая Григорьевича потерял половину самого себя! Губерт, сев совершенно не в свои сани, и себя уронит, ибо выкажет (несмотря на многие симпатичные качества) всю тряпичность своей натуры, да и консерваторию несомненно уронит! Клиндворта нет, и это, что ни говори, огромная потеря! Только на одном Танееве с удовольствием отдыхает моя мысль. Вот в ком вся будущность консерватории.

Пока до свиданья, голубчик. „Деву", балет: отрывки, вариации, пришли мне.

Твой П. Чайковский.

205. Юргенсон — Чайковскому

Москва,
11 августа 1881 г.

Милый мой!

Какой ты занимательный человек! Сейчас была у меня Кольрейфша и предлагала мне твой вексель заплатить. Сумма триста рублей „без процентов", по дружбе данных тебе по 1-е июня 1881 г. Что же мне было делать? Конечно, я не заплатил, но обещался тебе писать. Она делала вид, будто этого не хочет: „неловко — обидится" и т. д. [...]

Нового ничего нет. Губерта ждут 15-го. Ко мне пристают относительно профессуры твоей. Так как ты будто живешь гонорарами (хо-хо-хо), то я должен иметь влияние, должен действовать посредством приперки к стене и т. д. Разреши ты мне сказать им, сколь ничтожны гонорары и как они в целом на один месяц не хватят.

Я вчера произвел впечатление на Фирцыганова,* рассказав ему, что тебе в Питере предлагали шесть тысяч рублей за шесть уроков в неделю с манкировкой не более шести раз в неделю и отпуском ежемесячно на двадцать восемь дней. Я, вероятно, немного преувеличил, но что-то в этом роде тебе предлагали [...]

Кланяйся Анатолию и будьте здоровы.

Твой П. Юргенсон.

P. S. Пришли Бортнянского, сколько есть.

206. Юргенсон — Чайковскому.

Москва,
15 августа 1881 г.

Крайности сходятся! Горы скорее сойдутся, чем Чайковский с Бахметевым, — думал я всегда, и теперь двойное огорчение. Вы сходитесь! Боже праведный, пути твои неизъяснимы! Mene, tekel, phares[1] — пишешь ты то огненными перстами Чайковского,

* *Умышленно искаженное:* Фитценгаген

то тупоумными словесами тупоумного Бахметева. „Юргенсон рехнулся", — скажешь ты, конечно, Толе...

Вчера я получил твое письмо от 10-го, в котором ты еще раз пробуешь удержать меня от пагубной страсти издать Бортнянского [...].

Намерение мое издать Бортнянского не поколеблено. Одна минута была, когда я огорчился твоим очень метким замечанием, что и скучную работу можно делать, если выгодная афера или высокохудожественная цель. Я вполне согласен с тобою и ясно понимаю и всегда понимал, что Бортнянский не такой художник, чтобы для него чем-нибудь крупным жертвовать. Все же я не могу дойти до того, чтобы думать, будто лучше, если Бортнянского забудут или чтоб его вещи стали библиографической редкостью. Покуда Россия так бедна духовной музыкальной литературою, мне сдается, не следует пренебрегать и Бортнянским, и за мною останется заслуга, конечно, не спасения отечества, но хотя бы исторически интересного музыкального деятеля.

Я надеюсь, что моя уверенность о малом риске не осрамит меня, и потому не дрогнув приступлю к гравировке, как только получу от тебя оригиналы. Ты мне не писал, как мне гравировать: с ключами старозаветными или in chiave di sol.* Это очень важно для будущих церковных сочинений. Подумай хорошенько. Не пора ли бросить эти ключи?

Насчет распределения я вполне доверяю тебе как редактору. Гравировать мы можем в разбивку, это не мешает [...] Ты знаешь ли, капелла только что сделала новое издание 35 концертов у Бесселя? Чтоб его...

Что ты про Москву и наш кружок говоришь, это горькая правда. Все, что было заметного, бросили нас так или иначе. Один Танеев, но eine Schwalbe macht noch keinen Sommer.** Губерт мямля, но, верь, — консерваторию он не уронит. Я не разделяю взгляд тех, кто думает, что одни громкие имена поддерживают школу, — вздор. Губерт не был администратором; быть может, развернется? Организовать — вот где он пшик! Подождем — увидим. Он завтра приедет, о результатах его поездки я тебе напишу. Клиндворт — большая потеря, это и я говорю. Но разве с этим только себя любящим эгоистом-деспотом, с его Empfindlichkeit*** можно ужиться?

Сегодня высылаю балет под бандеолью в Каменку. После завтра — вариации в Смелу. „Деву" п о з ж е, так как мы немецкий текст подколачиваем. Приедешь ты в сентябре? Тогда „Деву" здесь посмотришь.

Анатолию напишу на-днях.

Прощай.

Твой П. Юргенсон.

207. Чайковский — Юргенсону

Каменка,
16 августа [1881 г.]

Душа моя! Кольрейфу я действительно должен триста рублей. Так как я думал, что плачу ему проценты на прежнем основании, то мало тревожился этим долгом и собирался погасить его 1-го октября. Теперь я попрошу тебя сделать одно из двух: или 1) сказать Кольрейфу или Кольрейфше, чтобы они соблаговолили подождать до 1-го октября, или же 2) заплатить им, если это тебе не трудно, д в е с т и руб.; остальные они получат 1-го октября, и тогда же я разъясню вопрос о процентах.

---

* в ключе sol [скрипичном ключе, заменившем в голосах употреблявшиеся ранее ключи сопранный, альтовый и теноровый]

** одна ласточка еще не делает лета

*** обидчивостью

Я тебе послал с Сангурским порядочное количество приготовленного уже Бортнянского, но меня смущает, что гравированье начнется не по порядку. Это ничего?

Можешь, если находишь нужным, говорить Фирцыганову и им подобным об истинных размерах гонорара, но прошу тебя убедительно даже не намекать никогда насчет М-me Мекк. Предложение мне места в Петербургской консерватории есть факт, совершившийся в 1878 году, когда я после годового отсутствия вновь вернулся ненадолго в нашу консерваторию. Давыдов не только предлагал, но упрашивал, умолял меня принять это место на следующих условиях: иметь два раза в неделю классы по два часа и давать их, если хочу, на дому. В середине я мог уезжать на два месяца. За это я получал бы шесть тысяч. Конечно, эти условия неестественно для меня выгодны и чрезмерны; но объяснение их очень просто. Давыдов тогда только что поссорился с Николаем Григорьевичем и приглашал меня не столько для чести иметь меня под своим началом, сколько из желания нанести неприятность Николаю Григорьевичу.[1] Все это я напоминаю тебе не для того, чтобы ты это рассказывал, а чтоб разъяснить преувеличенность выгодных условий и чтобы ты не думал, что я тут что-нибудь выдумал. Когда первый пыл ненависти к Николаю Григорьевичу у Давыдова прошел, он успокоился, и с тех пор ни разу он не возобновлял попытки залучить меня. Я предпочел бы, чтобы ты все это не рассказывал; мне будет неприятно, если Давыдов узнает, что я хвастаюсь его заискиванием.

До свиданья, душа моя.

Твой П. Чайковский.

Мой Алеша получает отпуск. Если он придет к тебе просить денег, то дай ему, пожалуйста, 25 руб. сер.

208. Юргенсон — Чайковскому

Москва,
19 августа 1881 г.

Душка!

У нас лето вновь наступило, с солнцем и теплотою, даже ночью тепло! Но какое дело [до] это[го] моему ревматизму?

Вчера я заехал в консерваторию узнать: как и что. Потом хотел на Поварскую к Губертам съездить. Поймав Николая Альбертовича на улице, я с ним поехал к Александре Ивановне. Изъездив всю Европу от хладных финских скал до пламенной Колхиды, Губерт между штрасбургским пирогом и большим петиверром* нашел пианиста Нейцерта или Нейтцеля[1] в Шграсбурге и утомленный непосильными неудачами взял его в шлептау [?]. Губерты — ничего, прыгают. Николай Альбертович бодр.

Завтра заседание. Будем решать судьбы московского государства [...]

Бортнянский и его концерты, может быть, не особенно нужны, а покупать будут; конечно, не прибегут, как на празднество, но, надеюсь, не оставят без внимания. Может, за усердие мне наперстный крест дадут (что это за орден?).

* рюмкой

Кашкин действительно болен. Лихорадка болезнь ужасно упорная, а Кашкин человек беспардонный, — нарочно еще в болоту на дачу поехал.

Вероятно, я человек черствый: не могу я понять, почему Ткаченко должен сделаться питомцем Петра Ильича и музыкантом?[2] Бог не дал ему таланта, а чорт ему шепнул мысль о музыке; иными словами, он помешался, — причем ты, Петр Ильич? Досадное недоразумение — и больше ничего. Единственная светлая минута: Ткаченко понял, что он не музыкант; нет, — надо его, бедненького, поддержать... [1]

Однако, прощай, формат моей бумаги слишком велик и почерк мелкий, не выгодно...

Твой П. Юргенсон.

Петровский П[ереулок?][3] тебе кланяется.

209. Чайковский — Юргенсону

Каменка,
19 августа [1881 г.]

Душа моя! Я никогда не говорил, подобно Бахметеву, что Бортнянский полнейшая бездарность, или если сказал, то сдуру, под впечатлением скуки, производимой большой массой его сочинений. Бортнянский был талант, но очень второстепенный, неспособный прокладать новые хотя бы тропинки. Он был музыкант отличный и превосходно владевший техникой и потому, если ты и не оказываешь искусству большой услуги, издавая его полное собрание, то и постыдного ничего не делаешь. Для меня же он стал ненавистен не потому, чтобы то, что он писал, было скверно, а потому, что он был плодовитая посредственность, в океане творений которой нет ни единого действительно живого местечка; все это гладко, чисто, мило, но однообразно и бедно, как степь Херсонской губернии. Итак, перестанем говорить о Бортнянском, а лучше поскорее примемся за него, чтобы поскорее и отделаться.

Ты весьма ошибаешься, думая, что следует бросить ветхозаветные ключи и писать все в chiave di sol. Долго и скучно давать тебе технические изъяснения, но скажу тебе, что нет ничего разумнее и логичнее, как эти ветхозаветные ключи, и если б их не было, то следовало бы их выдумывать, особенно для вокальной музыки. Начать перелагать на chiave di sol то, что прежде было писано ветхозаветными ключами, было бы так же глупо, как, например, для альта в струнном квартете изменить давно установившийся способ писать в альтовом ключе. Другое дело — светское вокальное сочинение, как опера; она будет издана для массы публики, не знающей ключей, и можно эту публику, окупающую стоимость издания, побаловать. Но те, которые имеют дело с Бортнянским, знают ключи, а те, кто не имеют настоящего дела, а лишь забавляются, должны довольствоваться тут же находящимся переложением.

Еще в последний раз возвращаясь к Бортнянскому, замечу, как велика разница между крупным талантом и посредственностью. Глинка подобно Бортнянскому учился у басурманов и тоже почти рабски подражал их

формам, но только формам. Внутренний же дух его творений, содержание его музыки совершенно самобытное. Бортнянский писал бесхарактерные и рутинные мотетики* под русский текст; Глинка же написал действительно русские оперы и создал совершенно новую если не школу, то хоть школочку музыки, к сфере которой и аз принадлежу и есмь порождение Глинки.

Спасибо за балет, но я не могу очень скоро возвратить его. Дай срок.

Твой П. Чайковский.

Надеюсь в начале сентября побывать в Москве.

210. Чайковский — Юргенсону

Каменка,
31 августа [1881 г.]

Почтеннейший друг! Письмо твое от 25-го сегодня получил. [1] Так как я ощущаю совершеннейший упадок сочинительской способности (может быть, временный, а может быть, и окончательный), то с удовольствием принимаю заказ арранжементов моих романсов. Но только еще далеко то время, когда можно будет за них приняться. Думаю, что я еще месяца три просижу над просмотром и переложениями Бортнянского, а там начнутся бесконечные корректуры, и я не предвижу, чтобы ранее как через полгода я нашел возможность отделаться от Бортнянского вовсе. А хорош ты, полный собиратель! Более месяца тому назад я написал тебе список недостающих нумеров. С тех пор один из них я получил (трехголосная литургия); остальные семнадцать продолжают блистать своим отсутствием. Сегодня я кончил просмотр всех имеющихся у меня двухорных творений Бортнянского. Завтра начну просмотр трехголосных, а затем начну переложение двухорных сочинений. Это длинная история! Мой Ehrensold** сохрани до моего приезда (в конце сентября или в начале октября) в виде марок. [2] По некоторым причинам я должен был отложить на месяц свою поездку в Москву. Благодарю за приглашение остановиться у тебя, но меня уже раньше звал к себе Толя. Впрочем, видеться будем ежедневно, так как я именно для Анатолия и тебя и еду в Москву.

Не понимаю, за что Кашкин и Зверев могут дуться на тебя? Не кажется ли тебе это?

Ты будешь иметь обо мне довольно подробные сведения от Анатолия, и потому я буду краток. Пожалуйста, душечка, пришли мне поскорей недостающие семнадцать нумеров. Спасибо за Кольрейфа. Жутко подумать, что завтра открывается консерватория без Николая Григорьевича!

Обнимаю.

П. Чайковский.

---

* Мотет — название многоголосных церковных песнопений в западно-европейских церквах.

** гонорар

211. Чайковский — Юргенсону

[Каменка]
1 сентября 1881 г.

Вчера я тебя упрекал в непосылании мне недостающих номеров Бортнянского, а сегодня получил некоторые из них, но не все еще; обрати на это внимание и по возможности скорее пришли остальное. Напиши мне, пожалуйста, которые из моих романсов наиболее в ходу; сколько мне кажется, таковых всего четыре: „Нет, только тот", „И больно и сладко", „Страшная минута" и „То было раннею весной". Впрочем, не скоро я за них примусь. Ведь у меня еще есть совершенно готовый opus, т. е. „Всенощное бдение", которое я было начал переписывать, но, принявшись за Бортнянского и не умея делать разом два дела, оставил на время.

Вот какая у меня к тебе просьба. Вероятно, „Ромео и Юлия" уже напечатаны Боком. Потрудись написать ему, чтобы прислал один экземпляр для меня, а другой — Балакиреву. Мне очень хочется, чтобы Балакирев получил эту вещь. Я посвятил ему увертюру еще в 1870 г., когда она была написана, но не знаю, почему Бок тогда не выставил его имя. Если можно, то нельзя ли это сделать поскорее.

Засим до свиданья, друг милый.

Твой П. Чайковский.

212. Юргенсон — Чайковскому

Москва,
4 сентября 1881 г.
Колпашников.

Милейший! Прежде всего — известие, которое, надеюсь, тебе так же приятно будет, как оно мне было: Бродский хочет твой скрипичный концерт играть повсюду в Германии. Он играл его Гансу Рихтеру, и тот в восторге, и решено его продуцировать * на первом сеансе новостей, устраиваемом Рихтером. Конечно, он просит о голосах и партитуре. Я голоса ему выслал немедленно, а насчет партитуры спрашиваю, как быть, т. е. не тебя, а его.

Мне очень приятно будет, если Бродский будет иметь успех. Как я вотру нос Гржимали и твоему с. с. Ауэру; ведь он до сих пор его нигде не играл.[1] [5]

Твое письмо от 31-го я получил сегодня. Вчера у нас обедал Толя, и мы с ним политиковали. Я нахожу — он реакционер по рождению. Насколько мне противны нигилисты, настолько же я не сочувствую путям, идущим обратно. Оказывается, Толя недоволен присяжным судом. Как будто общество может иметь лучших судей, чем своих кровных. Он возмущен дрябло-мягкосердием судей. Да как же иначе, когда и он сам дрябло-мягкосердечен? Все мы хороши! А от судей требуют чего-то иного! [1]

Не смущайся отдалением срока транскрибации романсов, — мы еще молоды: moi, je suis un jeune homme de quarante cinq ans, mais toi, tu n'as que 39!** Уверен, что ты

---

* преподнести

** я молодой человек сорока пяти лет, а тебе еще только 39!

заподозришь мой французский язык, будешь искать корни во французском вине... Нет! Десятый час, и собутыльников не было.

Бедный ты! Бедный и я! Ты стало быть с меня две шкуры сдерешь? [3] Полгода твоей работы на Бортнянском. Что-ж!? Миллион? Ренту пожизненную? [...]

Я пущу Бортнянского страшно дешево: по 1 коп. со страницы. Том во 100 стр. = 1 рублю; концерты, партитуры — по 25 коп., 4 голоса — 20 коп., 1 голос — 5 коп.

Я готовлю целые митральезы циркуляров, скорострельные публикации, заряжаемые с казенной части, динамитно-громогласные рекламы! Чтобы у меня Бортнянского покупали люди, играющие на ручной гармонии (пример: житель Архангельска выписал „Исламею" для ручной гармоники и л и для пения!!).

Не забудь свой Ehrensold, — я забуду. Я за Кашкиным и Зверевым ухаживаю,— бо не ведают, что творят.

Караул! Какие семнадцать нумеров? Что ты! Потерял часть? Ты смотри! У меня твое письмо!

В консерватории более трехсот учеников и ежедневно прибывает. Почти грустно! Помнишь? Все мы г. [?] м. [?] пойдем, и мал след остается. Вот творителям лучше но — много ли лучше-то?

Твой П. Ю.

213. Чайковский — Юргенсону

Каменка,
8 октября [1881 г.]

Я живу здесь в большом доме, где обитало прежде обширное семейство сестры и где теперь, кроме меня и прислуживающей мне женщины, нет души живой. Работаю как вол. Я положил себе в один месяц сделать все переложения двухорных вещей Бортнянского. Это будет фокус. Но я до тех пор не успокоюсь, пока не сброшу с себя омерзительную обузу. Боже мой, до чего я ненавижу Бортнянского, т. е. не его бедного, а его скучную кислятину! К фантазеру-издателю этой дряни отношусь двояко: иногда и его ненавижу, а иногда хвалю, ибо, не будь этого предприятия, я бы был в отчаянном финансовом положении. Если б я тебе сказал количество денег, истраченных мной в Москве сам не знаю как и куда, ты бы ужаснулся и даже обругал бы меня. Да и стоит того.

Думаю, что мало кто бы согласился жить, как я теперь живу, т. е. в полном одиночестве, но мне это не в тягость; напротив, это на меня действует даже благотворно, а уж работать так, как я теперь работаю, только и можно при подобных условиях. Погода стоит отвратительная; тем не менее аккуратно отхаживаю ежедневно свои два часа; по вечерам читаю и пишу письма. Напиши мне, пожалуйста, про твое здоровье. В день моего отъезда у тебя было скверное лицо. Надеюсь, что за отсутствием главного виновника наших излишеств в пище и питье (т. е. меня), ты повел правильную жизнь и уже совершенно оправился. Мне кажется, что если, бог даст, я покончу с Бортнянским, то примусь за сочинение оперы, а впрочем, иногда мне кажется, что я потерял всякую способность писать и что голова сделалась пуста как бочка. Право, я исписался и годен только перелагать Бортнянского.

Прощай, дружище милый; пожалуйста, будь здоров.
Всем поклоны, особенно Софье Ивановне.

Твой П. Чайковский.

214. Чайковский — Юргенсону

Каменка,
11 октября [1881 г.]

Милый друг!

Чувствую, что первым делом ты будешь смеяться, прочтя это письмо, но прошу тебя отнестись к нему серьезно и по возможности сочувственно отозваться на мою просьбу. Здесь есть один молодой человек лет восемнадцати или девятнадцати, очень талантливый, очень смышленый, тяготящийся своей теперешней жизнью отчасти потому, что семейная его обстановка скверная и неподходящая к его относительно высшему развитию, отчасти потому, что вообще его тянет туда, где больше жизни и света. Мечта его — получить какое-нибудь скромное местечко в городе. Здесь он служит счетчиком при экономии и пользуется самой безукоризненной репутацией честного, дельного малого, смекающего кое-что и в бухгалтерии. Он страстный любитель чтения; я обыкновенно снабжаю его книгами и таким образом с ним познакомился. Пишет он стишки очень порядочно для юноши, учившегося только с грехом пополам грамоте. Вообще это способный человек, очень страдающий от невозможности выдти из ограниченной теперешней сферы. Он просит меня (как ты увидишь из прилагаемого письма) помочь ему. И я не могу не попытаться содействовать его желанию. Не нужен ли тебе такого рода человек в нотопечатне или даже при магазине? Ты увидишь из письма, что он не только грамотен, но даже о ч е н ь грамотен. Могу тебе достать от каменской администрации самые лучшие аттестации. Голубчик, милый, возьми его себе. Что я помимо тебя могу для него сделать? А ведь это опять н е ч т о р о к о в о е: я его ни в каком случае не оставлю и не могу оставить здесь, ибо знаю, что он погибнет, если не помочь ему.

Посмейся, потом т р о н ь с я и ответь что-нибудь.

Твой П. Чайковский.

Это совсем п р о с т о й человек, без всяких претензий.

215. Чайковский — Юргенсону

Каменка,
19 октября [1881 г.]

Душа моя!

Отчего ты мне не посылаешь недостающих №№ 107 и 108 Бортнянского? Скоро они мне очень будут нужны; * очень неприятно будет

* Ведь №№ 106, 107, 108 и 109, хотя и не двухорные, тоже не имеют переложения, и нужно их сделать. (*Прим. Чайковского.*)

после двенадцати „Тебе бога хвалим“ остановиться на несколько дней и потом снова хвалить бога два раза тощими звуками Бортнянского. Эти „Тебе бога хвалим,“ над коими я теперь сижу, приводят меня в отчаяние своей жалкой мизерностью, но в особенности тем, что все они друг на друга как две капли воды похожи. Но у меня хватит терпения их докончить, только если не будет перерыва; если же ты не пришлешь мне во-время №№ 107 и 108, то вновь начать тянуть эту убийственную канитель у меня не хватит духа, и тогда придется это поручить другому.

Извини, что обеспокоил тебя своей телеграммой, но так пришлось. Корректуры так и падают на меня с неба одна за другой. Знаешь что, голубчик. Я сделаю тщательную вторую корректуру первого выпуска (т. е. четырехголосные и трехголосные сочинения), сделаю первую корректуру тех однохорных концертов, которые я уже получил, но затем, ради самого бога, дай мне отдохнуть. Ей богу, я могу, наконец, с ума сойти в этом океане Бортнянщины. Пусть первую и вторую корректуру всего остального делает кто-нибудь другой, а ты мне пришли уже только третью на окончательный просмотр и притом не листами, а тетрадью.

Я еду отсюда 1-го ноября на свадьбу племянницы в Киев.[1] Свадьба будет 4-го ноября. Что потом сделаю, не знаю. Может быть, заеду в Москву.

До свиданья, милый!

Твой П. Чайковский.

216. Чайковский — Юргенсону

Каменка,
20 октября 1881 г.

Ты отчасти прав, говоря, что мои жалобы на скучную работу не стоят сочувствия, но только отчасти. Ты говоришь, что нехорошо, если работа только приятная. Но что ты разумеешь под приятностью или неприятностью? Если ты думаешь, что я боюсь трудной работы, то очень ошибаешься. Я боюсь работы глупой, — работы, в результате которой я не вижу ни достижения художественных целей, ни выгоды для того, кто предпринял дело. Дай мне переложить сорок кантат Баха, докажи мне, что это для России нужно, и я с радостью займусь этим, нисколько не жалуясь на трудность. Но музыканту, который способен на что-нибудь более путное, человеку, у которого еще кое-что есть в голове и сердце, переложить сорок жалких плоскостей Бортнянского, — это дело неподходящее. Если я это делаю, то ради денег; а если нуждаюсь в деньгах, то в этом сам виноват.

Но я вполне согласен, что, раз взявшись, нечего казанскую сироту строить и плакаться, а тем более в письмах к тебе, как будто косвенным образом я тебя упрекаю. Но мне и в голову не приходит сетовать на

тебя в смысле моего обидчика, нанесшего мне огорчение и унижение. Я сетую на тебя потому, что (что бы ты ни говорил) ты, издавая Бортнянского, не приносишь пользы ни себе, ни другим.[1]

Итак, если своими неремиадами я досадил тебе, то прости, больше не буду.

То, что я писал тебе вчера относительно корректур, я беру назад. В сущности лучше, если я буду делать первую и третью корректуру. Что касается второй (т. е. смотреть, исправлены ли мои первые поправки), то это может делать для краткости другой кто-нибудь. Итак, посылай и посылай мне сколько хочешь. Но прими в соображение, что я здесь остаюсь только до 31-го октября, следовательно, после 26-го ничего больше не посылай, а поручи, если что будет готово, Анатолию, который едет на свадьбу племянницы и с которым 1-го ноября мы встретимся.

Относительно Клименко ты не можешь себе представить, до чего я был обрадован. Право, если б ты мог видеть бешеную радость молодого человека, когда я объявил ему твое согласие, то тебе было бы приятно. На дорогу (рублей двадцать пять) я ему дам. Как только можно будет, он приедет. Спасибо тебе, голубчик!

Из Киева всего благоразумнее мне было бы отправиться прямо за границу, но, может быть, я проеду и в Москву.

Надеюсь, до скорого свидания.

Твой П. Чайковский.

Я немножко просматривал вторую корректуру четырехголосных сочинений Бортнянского. Множество моих ошибок остались без исправления. Это досадно!

217. Чайковский — Юргенсону

Каменка,
27 октября [1881 г.]

Петр Иванович!

Посылаю тебе посылкой:

1) Тридцать шесть двухорных сочинений .Бортнянского. При них находятся сделанные мной переложения.

2) Два четырехголосных „Тебе бога хвалим“ и при них переложения. Остальные два четырехголосных „Тебе бога хвалим“ я не получил до сих пор; кажется, ты писал, что их списал и переложил Соколов. В таком случае нужно только ради единообразия и последовательности сделать то, что и во всем остальном, т. е. исправить ошибки, выставить русские знаки в пении и итальянские в переложении, а также везде, где в голосах соло, нужно, чтобы в переложении это было обозначено по-итальянски soli (когда несколько голосов) и solo (когда один голос поет соло) и т. п. Впрочем, я, может быть, еще получу в четверг (день, когда приходят посылки) недостающие №№ 107 и 108.

3) Вторую корректуру всех четырехголосных сочинений. Так как это собственно и есть вся суть Бортнянского, то нужно, чтобы тут было без опечаток, и потому прикажи мои исправления выполнить как можно тщательнее. Я бы желал третью корректуру сделать сам. Вероятно, я буду в Москве около 8-го числа (не более как на один или два дня и с соблюдением строжайшего инкогнито); в таком случае я сам и сделаю ее. Если нет, то пусть возьмет на себя просмотр кто-нибудь очень достойный доверия, например, попроси Алекс. Ив. Губерт.

4) Вторую корректуру трехголосной обедни.

5) Первую корректуру восьми трио.

6) Первую корректуру семи первых четырехголосных концертов.

7) Гимны и при них молитвы перед едой. В последних недостает переложения; поручи это кому-нибудь. Это может сделать в один присест кто-нибудь из музыкантов, который зайдет к тебе.

Засим скажу тебе, душа моя, следующее. Я просмотрел и исправил все; я сделал около сорока переложений и порядочное количество корректур. Я старался быть терпеливым, и мое последнее письмо к тебе проникнуто решимостью претерпеть до конца. Но если я буду делать сам все корректуры, то еще несколько месяцев мне придется иметь дело с творениями Бортнянского исключительно. Теперь я убедился, что не могу этого. Если я еще без всякого отдыха буду коптеть над этой работой, то отупею, заболею, сойду с ума! Не шутя, дело дошло до того, что сил больше нет.

Итак, голубчик, сердись—не сердись, жалей—не жалей, но вот что я тебе предлагаю. У меня остались еще первые корректуры трех концертов (8, 9, 10). Я их сделаю и или пришлю или сам привезу их. Если буду в Москве, сделаю также третью корректуру первого выпуска. Но затем я отказываюсь совершенно решительно от первой и второй корректуры; последнюю же буду делать и именно так: ты будешь посылать мне ее не кусочками, а выпусками. Как только выпуск два раза прокорректирован, ты прикажешь отпечатать его тетрадью (дабы удобно было проигрывать) и пришлешь мне. Кроме того, со дня моего отъезда из Киева или из Москвы (это вероятнее) за границу, попрошу тебя по крайней мере шесть недель не присылать мне Бортнянского вовсе.

Я бы желал, чтобы ты поручил первую и вторую корректуру или Губертше или Аврамовой; это единственные два человека, которым я доверяю. Разумеется, им нужно за это заплатить. Когда мы по отпечатании всего собрания определим следующее мне вознаграждение, то вычтем из него то, что ты заплатишь корректорам. Прошу тебя не сердиться на меня за то, что не мог сделать все, что хотел. Ты говоришь, что не жалеешь меня и что хорошо делать работу не по сердцу, находя таким образом, что я вовсе не стою выше того дела, на которое уже ухлопал несколько месяцев. Но ты забыл, кажется, что тебе, как моему издателю, следовало бы хоть на единую секунду допустить мысль, что если я ничего не теряю, отдавая свое время Бортнян-

скому, то те, положим, немногие, но все-таки существующие люди, которые лестного мнения о моих сочинительских способностях, немножко теряют и должны сожалеть, что я отвлекаюсь от композиторских трудов ради выставления p. и f. на дрянных произведениях чужой музы. [1]

До свидания, милый друг, не сердись.

Твой П. Чайковский.

P. S. Прилагаю инструкцию для корректора.

218. Чайковский — Юргенсону

Киев,
31 октября [1881 г.]

Милый друг!

Исполни, пожалуйста, следующую просьбу. Существует повесть Аверкиева „Хмелевая ночь“; из этой повести Антропов сделал пьесу под названием „Ванька-Ключник“. Пьеса давалась в Петербурге и, кажется, в Москве. Не знаю, была ли она напечатана. Но достать ее в Москве во всяком случае можно, если не в театре, так в театральной библиотеке Рассохина, где берутся переписывать всякую пьесу, когда-либо игравшуюся. Чем скорее ты это сделаешь, тем лучше. Как только пьеса будет в твоих руках, пошли ее в Рим по адресу: Roma. Hôtel Costanzi, Signor Modeste Tschaikovsky. Если я буду в Москве, то все равно не будет времени заняться, и потому пусть как можно скорее пьеса будет в Риме, дабы, приехавши туда, я бы мог решить, делать из нее оперу или же писать „Мазепу“. Сюжет „Ваньки-Ключника“ очень симпатичен. Все это должно остаться между мной и тобой.

Пожалуйста, голубчик, исполни это поручение тотчас. Я видел вчера пьесу эту здесь в театре, и мне она нравится.

До свиданья.

Твой П. Чайковский.

219. Чайковский — Юргенсону

Киев,
5 ноября [1881 г.

Друг!

Получил твою телеграмму. Меня она встревожила. Какую корректуру ты мне посылаешь? Вижу, что ты не получил моего большого, подробного письма, написанного в Каменке должно быть 27-го октября. В нем был подробный перечень всех высланных тебе работ моих, а также изложение причин, по которым я принужден вовсе отказаться от первой

и второй корректуры Бортнянского. Тут же я приложил подробную инструкцию для будущего корректора. Получил ли ты все это? Думаю, что нет, иначе бы ты не послал мне корректуры. Или, быть может, это третья корректура первой части?

Я не еду в Москву по многим причинам, из коих главная следующая. Я так устал от Бортнянского, от свадьбы, от беспутной и бестолковой скитальческой жизни, что нуждаюсь в тихом уголке, где бы мог, наконец, опомниться и немножко удовлетворить потребности в сочинительской работе, которая начинает во мне просыпаться. Разумеется, только за границей я могу найти что-нибудь подобное. Конечно, несколько лишних дней не могут помешать, но ведь если я попаду в Москву, то несколько сот рублей вылетят из кармана, который у меня не ахти как полон. Жаль, что не увижу тебя! Но что делать.

Итак, голубчик, увидимся с тобой не ранее весны, а теперь пока дай мне отдохнуть от Бортнянского. Присылай мне его выпусками для третьей корректуры. Поручи первую и вторую корректуры или Баталиной или Аврамовой. Только им двум можно довериться. Плати им, и сумму эту вычтем из моего гонорара. Пиши мне в Рим (Hôtel Costanzi). Целую и обнимаю тебя. Толя привезет тебе все, что у меня осталось из Бортнянского.

П. Чайковский.

220. Чайковский — Юргенсону

Киев,
7 ноября [1881 г.]

Друг мой! Мне очень грустно, что не придется побывать в Москве, но благоразумие заставляет предпринять путешествие на юг прямо отсюда. Я пришлю тебе с Анатолием следующие вещи:

1) Концерт № VIII корректированный.

2) Концерты №№ IX, X, XI, XII, XIII не просмотренные.

3) Два четырехголосных „Тебе бога хвалим“ (№ 2 и 3), присланные на-днях в рукописи, просмотренные и исправленные, но без переложения. Ты писал мне, что переложение сделал Соколов, и хотел прислать; почему не прислал? Относительно первого из этих „Тебе бога хвалим“ у меня явилось сомнение: оно показалось мне очень знакомым; не перепутал ли Соколов и не прислал ли под номером вторым номер первый или четвертый, мной уже исправленные и переложенные? Нужно это разъяснить. Не понимаю также, откуда взялся Великий канон, т. е. второй „Помощник и покровитель“. В каталоге капеллы такого номера не значится. Разве это Бортнянский? Если да, то его нужно (на основании моей инструкции) просмотреть и переложить. Я этого и не могу да и не поспею. Здесь заниматься мне невозможно, если бы даже и хотел.

При сем даю тебе заказ:

1) Один экземпляр моей обедни послать по адресу: Фастовской жел. дор. ст. Ольшаницы, оттуда в село Ромашки, Ферапонту Васильевичу Лебединскому. Это прошу записать в мой счет.

2) Ноты по прилагаемому списку послать в Каменку на имя Николая Васильевича Давыдова и приложить счет.

До свиданья весной!

Пиши мне, пожалуйста, в Рим (Hôtel Costanzi).

П. Чайковский.

221. Чайковский — Юргенсону

Киев,
9 ноября [1881 г.]

Милый друг!

Я получил отчаянное письмо от Клименки. У него на дороге украли чемодан со всем его скарбом, с моим рекомендательным письмом к тебе и т. д. и т. д. Вероятно, он имел жалкий вид, когда предстал перед тобой; пишет, что не решился сказать тебе. Пожалуйста, голубчик, если какая-нибудь крайность, то помоги ему несколько одеться. Он этого не просит, но думаю, что страшно нуждается.

Твой П. Чайковский.

222. Чайковский — Юргенсону

Венеция,
16/28 ноября [1881 г.]

Милый друг!

У меня засела в голове мысль написать оперу на сюжет „Ваньки-ключника". Чувствую, что на этот незатейливый сюжет я могу сделать хорошую, прочувствованную музыку. Прочел я пьесу Антропова, которую ты мне прислал, и чувствую, что сам не могу смастерить либретто как следует; мне необходима помощь. И вот мне пришла мысль попросить Аверкиева самого написать мне либретто. Хотел писать к нему сам, но не знаю, где он. Будь так добр, голубчик, узнай у Губерта, где он находится, и напиши ему в качестве издателя будущей оперы, не хочет ли он за приличный гонорарий сделать мне либретто. Я с величайшим удовольствием уступлю ему половину своего гонорария, и, следовательно, ты прямо можешь предложить ему пятьсот рублей серебром. Ему это самый пустой труд. Я предоставляю ему полную свободу писать какими угодно стихами, т. е. каким хочет размером. Относительно сценария имею сделать только одно замечание. Мне не нравится, что у Антропова в сцене любви, ночью в саду, Дашутка все время сидит

в своем шалаше. Для того, чтобы любовные излияния получили надлежащее и вполне соответствующее музыкальное воспроизведение, нужно, чтобы не только любовники предполагали себя одинокими, но чтобы и зрители не видели третьего лица. Дашутка может подкрасться в конце сцены. Иначе она будет стеснять и охлаждать меня. Между тем, эта ночная сцена самая важная для музыки, в ней вся суть; это нечто вроде „Ромео и Юлии", и я чувствую, что могу показать себя с хорошей стороны, если Дашутка не будет мешать. Итак, душка моя, устрой мне, ради бога, это дело. Музыка просто прет из меня, и, если „Ванька-ключник", хорошо сделанный, будет в моих руках, я отличусь. Если Аверкиев откажет, то не попросишь ли Плещеева! В крайнем случае поручи это Лишину. И даже вот что: не рассудишь ли прямо к Лишину обратиться? Он это сделает скоро. Ну, словом, как хочешь, только подавай мне либретто „Ванька-Ключник". Повесть Аверкиева, из которой сделана пьеса Антропова, называется „Хмелевая ночь".

Обнимаю.

П. Чайковский.

223. Юргенсон—Чайковскому

1881 г. ноября 21—24. Москва.

Москва,
21 ноября 1881 г.

Любезный друг! Прежде всего сообщу тебе о тебе самом, как сочинителе. В Петербурге брат мне читал статью музыкального критика Лангханса в „Centralblatt" — отзыв об исполнении „Бури" у Бильзе.[1] Очень хвалит и взывает к немцам ознакомиться с приближающейся опасностью, так как он согласен с знаменитым музыкальным писателем, который сказал, что звезды новой музыкальной эры заблистали на севере.[2] Он советует знакомиться с твоими сочинениями, ибо только со знакомыми опасностями борьба возможна, и т. д.

Затем Саразате ужасно жалеет, что ему не удается с тобою познакомиться, что этого пламенно желает и надеется в Риме с тобою видеться. Он находит, что концерт скрипичный недостаточно скрипичен и потому не благодарен. Он бы с радостью, если ты хочешь, взялся бы за скрипичный голос этого и будущих скрипичных твоих вещей. Его товарищ Гольдсмит рассказывал мне, что они из Лондона ездили на неделю на материк к Бруху для Второго концерта Бруха,[3] с единственною целью оскрипичить die Prinzipalstimme.* Я не хотел выдать Котека и потому молчал, обещаясь тебе передать о пламенном желании Саразата видеть тебя в феврале в Риме. Твою „Серенаду меланхолическую" он часто играет.

24-го.

Все сговорились меня осаждать и не дают мне покоя. Два дня путался с Гергардом. Из моей телеграммы, посланной 21-го в два часа ночи, ты уже знаешь, что симфония имела успех и Зике принят благосклонно.[4] Альбрехт называет переделку „ухудшением симфонии".

* главный голос [этого концерта]

Вчера я получил телеграмму из Вены от Бродского: „Tschaikowsky in Symphonie-Concert grossen Erfolg gehabt“.* Вероятно, скрипичный концерт твой, хотя об этом приходится догадаться.[5]

О „Ваньке-Ключнике“ я напишу прежде всего к Аверкиеву. Плещеев, мне кажется, слишком мало сцену знает. Лишин — шельма, ему довериться нельзя, он что-нибудь съерничает, наврет и т. д. Такая же шельма и Виктор Крылов, но все-таки неизмеримо лучше Лишина; одним словом, я тебе это устрою. Как жаль, что я, будучи в Питере, не знал о твоем намерении передать дело литератору. Я, признаюсь, всегда был того мнения, что Мейербер был ужасно прав, когда верил только талантливейшему тогда Скрибу. Я — публика и знаю, что не интересно или не сценично составленное либретто прямо мешает ценить музыку. Я рад, „наконец“, твоему решению бросить службу двум господам; я буду хлопотать изо всей мочи, и потому терпи! Пусть музыка прет: пиши бессловесные нумера — увертюры, антракты, танцы и пр. [...]

Прощай, душечка.

Твой П. Юргенсон.

224. Юргенсон—Чайковскому

Москва,
3 декабря 1881 г.

Дорогой друг! Вчера я в первый раз имел удовольствие слышать твой скрипичный концерт. Соре случайно у меня обедал с Нейтцелем, и скрипка его попала туда же случайно, и он охотно согласился сыграть концерт твой. Он молодцом его играет. Моей непорочной душе концерт понравился, особенно канцонетта, и я никак не могу понять, что такого тут ужасного, „необычного“, „идущего вразрез“ и т. д. Соре признался, что его в Петербурге отговорил от твоего концерта Ауэр, говоря, что он себя погубит, и т. д. Соре энергично отвергал, будто играть нельзя, но говорит: „Как мне было не бояться, когда мне говорят, что меня освистят, что я провалюсь с позором?“

Нейтцель аккомпанировал и сказал: „Вещь замечательная, и если кто ее проведет, то именно вы“. Но точно, — это совершенно необычно, из ряда вон, тут открываются новые горизонты, и важно, чтобы первый огонь выдержал бы человек с именем, исполнитель энергичный, шикарный. Сегодня он играет весь концерт у Софьи Алексеевны[1] для Анатолия. Дура эта не догадалась меня пригласить; мне ужасно хотелось бы еще раз слышать концерт. Вероятно, Софья Алексеевна пригласила разных высокопоставленных лиц и потому не ловко звать какого-то магазинщика. Это я ей не скоро забуду.

Сейчас получил от Аверкиева ответ. Он охотно берется за либретто. Совершенно согласен с тобою относительно сцены свидания и находит даже, что Антропов напрасно слишком близко держался повести.

Насчет гонорара он находит, что лучше всего предоставить ему известный процент авторского гонорара, причем „кстати“ сообщает, что вознаграждение композиторов будет увеличено за четырех-пяти актную оперу до двенадцати процентов с валового сбора. Ты пойми, он посягает на участие в тантьеме! Не будь глуп, не связывайся с этим, он будет с тобою точно венчан, он будет иметь постоянные точки соприкосновения, и ты будешь точно ходить как каторжник, с ядром, прикованным к ноге. Я ему напишу, что тантьемы твои идут на погашение большого долга и не в твоей власти; до совершенного погашения ты не можешь выделить ничего. Я нахожу, что и пятьсот рублей очень не дурной гонорар, тем более, что еще вовсе неизвестно, как он состряпает либретто. Не будь слишком уступчив, пожалуйста, не свяжи себя с ним, ведь он человек неприятный. Он желает твой адрес иметь, но я ему не дам его, а напишу, чтобы он написал бы в Рим, poste restante. Таким образом ты будешь за ширмами, можешь сказать, что письма не получил или при догонке за тобою потеряно, а нужно, — так и ответишь. Я ему пишу завтра.

Зике дирижирует лишь удовлетворительно. По отзывам, он туг на ухо, ибо часто пропускает, сиречь, не слышит грубые ошибки. С Гржимали он поступил бестактно

* „Чайковский имел в симфоническом концерте большой успех“.

и грубо, так что тот потребовал удовлетворения и извинения. Фитценгаген зато поступил как болван, потребовав от Губерта, чтобы он объявил в дирекции, будто, по мнению его и Гржимали, Зике роняет достоинство концертов, что он ниже всякой критики и что они не хотят играть под его управлением. Гржимали вовсе не говорил в этом решительном духе, но Фитценгаген не счел удобным быть одним в поле... Дирекция, конечно, не приняла вовсе это заявление, и, по-моему, Губерт не должен был принять это поручение. Все-таки Фитценгагену было сказано, что дирекция не признает их заявление уместным, так как профессора не составляют решителей вопроса о дирижере. Тем инцидент кончился.

Направник в Питере вышел из Музыкального общества. Давыдов кобенится. Балакирев принялся опять за концерты Бесплатной школы[2] [...]

Целую тебя на обе щеки. До свидания.

Твой П. Юргенсон.

Модесту Ильичу и Коле поклон.

Представь себе, какую гадость сотворил Клиндворт перед тобою и передо мною: Fürstner перепечатал твои „Времена года" под op 37 (Соната)[3] и твои 12 morceaux moyenne difficulté* и рекламирует: „Carl Klindworth's revidierte Ausgabe"** — буквами вдвое большими против Tschaikowsky.

Фюрстнер пусть делает, что хочет, но как Клиндворт может себе позволить что-либо твоего „ревизовать"? Что, ты умер? Юридически, конечно, твоего согласия не требуется, но по отношениям? Положим, на меня он зол, хотя, опять-таки, между нами ни единого грубого слова сказано не было. До такой мелочности дойти!! Ведь он затруднялся же, ввиду того что м-м Шуман жива, приняться за пересмотр сочинений ее мужа?! А с мадам Шуман он даже не знаком.

Меня это очень оскорбляет и раздражает. Я собираюсь ему писать об этом (крайне вежливо) и спрашиваю тебя, сказать ли мне что-нибудь от тебя? Не бойся, я не выйду из границ, ни за что не дам ему в руки документа против себя, но будь уверен, — уязвлю его сильнее тысячей грубостей.

Тебе, может быть, не совсем ясно, почему меня поступок Клиндворта волнует? Конечно, не те десять марок, которые Фюрстнер лишних получит, и вообще не денежная сторона, а поступок человека, которому я кроме добра ничего не сделал. Я один из всех, который стоял за него при дебатах о нем,[4] и он умышленно делает пакость, нахально выставляя себя выше автора, нахально выражая этим, что теперь перепечатка имеет преимущество перед оригиналом. На наших окраинах и без того везде распространяются перепечатки из Германии.

Ужасно я зол на Клиндворта, очень зол!

Прощай!

225. Чайковский — Юргенсону

Рим,
12/24 декабря [1881 г.]

Я третьего дня хотел тебе написать одну вещь, да позабыл. Вот в чем дело. Если б Николай Григорьевич был жив, то, по примеру прежних лет, я бы и в нынешнем году получил обычную дань с Русского музыкального общества, размер коей триста рублей и в виде исключения — тысяча, когда давался „Онегин", и в прошлом году по поводу Обедни. Особенного случая нет, и я не претендую на прибавку, но свои обычные триста рублей очень желал бы получить, ибо в настоящую минуту не то что нуждаюсь, но весьма и весьма обрадовался бы

* 12 пьес средней трудности [opus 40]
** „Издание, просмотренное Карлом Клиндвортом"

П. И. Чайковский
Надпись — Адольфу Бродскому

означенной сумме. Если это не неделикатно, если ты не усматриваешь в этом чего-либо неловкого, то нельзя ли тебе сказать дирекции, что мол так и так. Думаю, что моя серенада исполнялась или будет исполняться, и, следовательно, есть повод придраться к ней и назначить обычное вознаграждение. В случае если дело сие устроится, то прошу тебя прислать мне не деньги, а вексель (здесь страшно плохо ценят сторублевые билеты) по предъявлении и вложить его не в простое письмо (письма страшно часто пропадают), а в заказное. Весьма буду благодарен, если осуществится это дело.

Пойдет ли „Онегин"? Удастся ли мне разделаться с Третьяковым?

Известие о Зике, сообщенное тобой, меня нисколько не удивляет. Я отлично знал, что в нем много нахальства и самоуверенности, но очень мало настоящих достоинств. Я снова прошу поднять вопрос о Танееве. Если вдохнуть в него храбрости, то поверь, что из него должен выйти чудесный дирижер.

Обнимаю тебя, голубчик.

Твой П. Чайковский.

226. Чайковский — Юргенсону

Рим,
15/27 декабря 1881 г.

Душа моя! Недавно я зашел в café, и попалось мне в руки „Neue Freie Presse" со статьей Ганслика о венских концертах. Между прочим он отзывается о моем концерте скрипичном и столь курьезно, что советую тебе достать (к сожалению, я не догадался посмотреть, какой номер). Ганслик говорит, что моя музыка вонючая, eine stinkende Musik. Разумеется, слегка бранит Бродского за то, что он выбрал этот концерт.[1]

Вот в чем дело. Если ты знаешь адрес Бродского, пожалуйста, напиши ему, что я глубоко тронут тем мужеством, которое он выказал, взявшись перед предубежденной публикой играть вещь столь трудную и повидимому неблагодарную. Когда Котек, мой ближайший друг, струсил и малодушно отменил свое намерение познакомить Петербург с моим концертом[2] (а между тем это была его прямая обязанность, ибо на его ответственности Spielbarkeit* скрипичной партии), когда Ауэр, которому концерт посвящен, делает мне всякие пакости, — как не быть тронутым и благодарным милому Бродскому, терпящему теперь из-за меня ругательства венских газет.[3] Не везет мне в критике. В России, с тех пор как ушел Ларош, нет ни одного дружелюбного

* исполнимость [4]

и тепло относящегося ко мне рецензента; за границей мою музыку первый авторитет называет вонючей. Ах, чтоб их черти заели!

Напиши, пожалуйста, Бродскому.

Обнимаю.

П. Чайковский.

Модест и Кондратьев тебе очень кланяются.

227. Юргенсон—Чайковскому

1881 г. декабря 19—20. Москва.

Москва,
19 декабря 1881 г.

Милый мой римлянин! Вчера, вернувшись из Варшавы, я получил твое письмо от 11-го [12-го] декабря. Из Варшавы привез я сестру и Гришу и кстати уладил дело с Гебстнером и Вольфом о Шопене мирным путем. Я победил галилеян! В последнюю минуту перед отъездом встречаю Соре. Бедный! Ему нигде материально не повезло. В Петербурге он дал концерт в первый вечер с Саррою Бернар. Кстати, Сарра Бернар, в противность к Соре, нажила деньги в Москве и Питере, но лавров мало [...]

Ауэра мы вычеркнем на заглавных листах; но скоро ли? Ведь это только на новом издании. На серенаде, я думаю, скоро.[1]

Клиндворт человек мстительный, и вот я чем объясняю себе его мелкие подлости. Горд он, но глупо-гордый; он уверен, что подлость, сотворимая им, уже не подла, а revue et corrigée par Karl Klindworth* [...]

У нас Зике оказался швах. Он был ангажирован на три концерта; четвертым он не захотел дирижировать, если не намерены дать ему остальные... Не дали. Выписали Erdmannsdörfer'a, с которым Фитценгаген давно лезет. Чем мы больше гарантированы, чем от Зике, что он годится? Впрочем, не знаю; я вчера приехал [...]

Сегодня Левенсон горюет о Музыкальном обществе и восторгается Клиндвортом, который дал концерт в пользу какого-то приюта княгини Ливен. Сбор был плохой, бедным досталось мало, но Левенсон находит, будто без Клиндворта мы погибнем.[2] Нас спасет Эрдмансдерфер. Я думаю, мне пора выйти из директоров; может быть, кто-нибудь скажет: „Да, если б Юргенсон не ушел" и т. д.

Сергей Михайлович[3] вчера уехал за границу. Что твоя Всенощная? Как тебе нравится квартетное пение мужское, смешанное и женское? Ты, впрочем, не стесняйся моими вопросами о том или другом роде в искусстве, это ровно никакого значения не имеет. Пиши хоть для четырех скрипок с continuo.**

Толя сейчас у нас обедал и сообщил, что едет во вторник в Киев.

Клименко твой, мне кажется, пустой малый, судя по некоторым его действиям или, вернее, бездействиям. Он, видно, воображает себя будущим Кольцовым и боится уронить себя, если он исполнит поручение не важное. Я его очень серьезно бранил, говоря ему, что никакое дело, никакая работа не может ронять его, и от работ, от которых он отказывается, — я делал их охотно сам и готов их теперь исполнять. Он извинился, но веру мою, что из него выйдет полезный мне человек, совершенно разрушил.

Сегодня у Вас канун Нового года. Дай бог, чтобы был год хороший.

Скажи, что ты обратил внимание на пропасть лиг*** в аккомпанементе Бортнянского? Говорят, что это лишнее, и в твоих нет. В таком случае это непоследова-

---

* просмотрена и исправлена Карлом Клиндвортом.[4]

** основным басовым голосом, на котором строится ведение остальных голосов

*** знаков, связывающих ноты в мелодическом порядке

тельно, хотя, я думаю, никто на это не обратит внимание. Сохранили, мол, правописание Бортнянского. Первый выпуск вышел, прислать тебе в Рим?

Альбом Рубинштейна Николая прислать тебе?[5]

Бог знает, что за ерника! Этот Исаков, богатый человек, вместо того, чтобы выписывать твои вещи из какого-нибудь магазина, обращается к тебе! Ведь это противно. Высылая этим прохвостам, ты роняешь себя.

20 декабря.

По письму от 12-го сделаю, что смогу. В среду напишу.

[*Подписи нет.*]

228. Чайковский — Юргенсону

Рим,
29 декабря 1881 г./10 января 1882 г.

Милый друг!

Давно не писал тебе. Особенного сообщить ничего не имею. Праздники встретил невесело, ибо и Модест и его воспитанник были оба больны; последний довольно серьезно, так что приходилось за доктором посылать. Теперь лучше.

На poste restante не был. Мне не хочется, признаться, серьезно говорить теперь об опере. Я отложил писание оперы в долгий ящик.[1] Впрочем, на-днях схожу и получу Аверкиевское писание, если таковое имеется. Отложил же я писание оперы по совету Направника, от которого на-днях получил очень милое письмо. Узнав, что он вышел из Музыкального общества по неприятностям, я написал ему несколько теплых слов сожаления и в ответ получил всю историю его отставки.[2] Какой интриган Давыдов, или по крайней мере его друзья и прихлебатели. Я лично очень много потерял вследствие выхода Направника. Я питал большое доверие к нему как капельмейстеру. Давыдов мне кажется сомнительного качества дирижером, и притом у него ни на грош опытности. Итак, Направник мне отвечал большим письмом, в конце которого, по поводу моих жалоб на слабость вдохновения, говорит, что это временный упадок творческой силы, которая должна вернуться несомненно, но пока он советует мне не приниматься за оперу. Я так и сделаю. Пишу я теперь ни более ни менее как трио для фортепиано, скрипки и виолончели.[3] Что из этого выйдет, не знаю. Всенощную свою я кончил еще летом и до сих пор никак не могу найти времени для переписки. Как только окончу начерно Trio, так тотчас же примусь за переписку Всенощной. Относительно Клименки скажу тебе, что я, с одной стороны, глубоко возмущен его поведением, а с другой — мне его жалко. Это несчастный человек с какими-то неопределенными стремлениями куда-то, но неспособный бороться; это юноша, который, еще ничего не сделавши, уже считает себя непонятым и обиженным. Может быть, он одумается? А впрочем, вполне полагаюсь на твою справедливость, и если ты его, наконец, прогонишь, то уж, конечно, ни на минуту не усомнюсь, что он это заслужил.

Мне трудно отвечать тебе на вопрос о лигах в Бортнянском. Я разрешу его, когда ты мне пришлешь третью корректуру второго выпуска. Ведь ты не забыл, что согласно условию ты должен прислать мне третью корректуру?

Альбом Рубинштейна непременно пришли мне, а также первый выпуск Бортнянского.

Что такое ты мне пишешь об Исакове? Какой Исаков? И когда он ко мне обращался? Ничего решительно не понимаю. Очевидно ты что-то напутал. Не забудь разъяснить мне это обстоятельство.

Сейчас я был в квартетном утре и слышал новый квартет Сгамбати. Езуит Лист восседал, окруженный букетом дам, впрочем, большею частью старых, и притворялся, что восхищается произведением своего ученика. Гаже и бездарнее этого квартета я ничего никогда не слышал.

До свиданья, голубчик. Пожалуйста, пиши; твои письма для меня чистое наслаждение.

Твой П. Чайковский.

Всем твоим приветы и поклоны.

1882 г.

229. Юргенсон — Чайковскому

Москва,
3 января 1882 г.

Дорогой друг! Ты, конечно, будешь сочувствовать нашему горю: сегодня в два часа скончался наш Алеша от скарлатины. 31-го вечером он весело участвовал между „ряжеными“ как „торговка“ и сегодня — в гробу. Говорить ли тебе о горе Софьи Ивановны и пр.? Скарлатина вообще злая болезнь, но у него она проявилась сразу в злейшей форме. Вчера Филатов тотчас сказал, что больной очень опасен, он видел — конец плохой. Мальчик при нас с Софьей Ивановной заснул тихо на веки. Как быстро, как быстро! Жаль их, маленьких, даже в первый год, когда они едва лепечут, а тут пять с половиной лет существования, надежд.

Одновременно у Натальи Николаевны младший сильно нездоров горлом, да вдобавок теперь мне показываться туда нельзя. Боря и Саша у Ольги Ивановны. Гриша у сестры моей. За последнего мы боимся, так как старшие уже застрахованы, но их надо поставить вне формальной опасности, дабы гимназия их принимала. К пяти часам дом опустел. Софью Ивановну увезла Ольга Ивановна. Я остался один. Было время, когда я решился поехать в Эрмитаж обедать и напиться, но, к счастию, я этого совсем не понимаю, — я не хотел оставить мертвого сына. Если с кем-нибудь, но одному — нет. Я обедал один с немкой. Она после первого блюда заплакала и убежала. Жалко, так жалко, ведь это был живой человек.

Послезавтра мы его похороним в Алексеевском монастыре рядом с двумя сестрами и недалеко от третьей сестры. Он первый мальчик, которого я теряю...

Затем жизнь потечет, будто ничего не было, не было Алеши.

Ты не очень обрадуешься, если я тебе скажу, что скоро надо будет тебе опять вспомнить Бортнянского. Я торжественно обязался перед публикой выпускать по одному в ы п у с к у в месяц. Как тут быть? Ты мне скажи и подумай, сколько времени потерял бы я, высылая тебе корректуру в Рим. Покуда я не получу ответа, я пойду н е у к л о н н о, н е у д е р ж и м о вперед.

У нас в субботу концерт и дирижером Эрдмансдерфер, с которым я должен был сегодня обедать у Губерта.

Прощай, милый мой, жду твоих вестей.

Анатолий гуляет, в чем впрочем ему сильно должна помешать [1].

Твой П. Юргенсон.

P. S. У меня Поздирен поступил в управляющие; дай бог, в добрый час.

230. Чайковский — Юргенсону

Рим,
4 16 января 1882 г.

Милый друг,

Спасибо за письмо и вексель.[1] Я весьма был рад этим деньгам. Был на poste restante; никакого письма мне нет, и я, признаться, рад этому, ибо нерасположен в эту минуту серьезно думать об опере.

Ты пишешь, что „Онегина“ не дают и что следовало бы мне просить о том Бегичева. Ни за что! Скорее ты в качестве издателя можешь похлопотать об этом, и в случае отказа твое издательское самолюбие, мне кажется, будет меньше страдать, чем мое авторское (самое щепетильное из всех самолюбий). Оперу в прошлом году поставили, она делала хорошие сборы, и если теперь ее не возобновляют, то это результат чьего-нибудь недоброжелательства или же это глупость. Разъяснить эти причины, а тем более устранить враждебное влияние мне из Рима невозможно. Будь добр, узнай, в чем дело, и, если можно что-нибудь сделать, — сделай. Странная вещь! Я с Бегичевым в хороших отношениях. Но не знаю, почему обращаться к нему с просьбой мне как-то противно и унизительно.

В нынешнем сезоне мне вообще во всем не везет, и почему-то я очутился в черном теле. „Орлеанскую Деву“ не дают, ибо Каменская (эта стерва, из-за которой я столько вытерпел в прошлом году унижений и страданий) [отказалась], „Онегина“ не дают, против скрипичного концерта пакостит Ауэр, фортепианный концерт (второй) никто не играет, одним словом, — плохо! Но что мне страшно обидно, больно и досадно, это что дирекция театров, не давшая на „Орлеанскую Деву“ ни одной копейки, дает тридцать тысяч на постановку „Снегурочки“! Неправда ли, и тебе неприятно, что наш сюжет от нас отняли, что Лель запоет другую музыку на те же слова, что как бы силой от меня отняли что-то мое, родное мне, близкое и преподносят в новом, блестящем убранстве публике. Мне это до слез обидно![2]

До свиданья, дружище!

Твой П. Чайковский.

231. Юргенсон — Чайковскому.

1882 г. января 8—9. Москва. Москва, 8 января 1882 г.

[...] Я получил от Алексеева приглашение на воскресенье к обеду, но под рукою просили меня не приходить. Страх и трусость тут так естественны.[1]

Ведь совет Направника глупый. Если у тебя сочинение не польется, то ты и без его совета писать не будешь, если же тебя разопрет, так какие тут крокодиловые советы. „Timeo Danaos et dona ferentes“,* — говорит Катков и говорит совершенно справедливо. Почему он [1] не допускает „Деву“? Не силен, мол! А „Нижегородцы“? Чорт с ними, с чехами! [...]

Давыдов и Направник. Кто лучше? Кто искреннее? Бог знает. Давыдов слаб и находится под влияниями то жены, то других. Он иногда дон-кихотствовал по благородству и едва ли сделал бы открытую гадость. Чтобы пакостить с успехом, требуется характер. Где же у Давыдова характер?

Итак, мой совет: не слушай советов. Пиши только то, что твое нутро тебе говорит. Трио так трио. Для трио, кажись, требуется больше напряжения, чем для оперы? Мне помнится, ты дал клятву не писать трио, — где клятвы, ветренник? Интересно мне знать, первая часть будет длинная или менее длинная? Чуть не забыл. „Онегин“ идет послезавтра, в бенефис Дмитриева. Вот почему и не давали — чтобы этот паршивец сделал бенефис!

Из Клименко ничего не выйдет, и я ему сказал, что вряд ли ему пользу принесет пребывание у меня. Он согласился. Теперь я с Анатолием конец улажу. Я нисколько не сердился на него и отношусь к нему совершенно спокойно. Я вижу, ему не нравится сидеть за конторкой, но на иную деятельность он не годится, а главное, он не особенно хлопочет о том, чтобы быть полезным. Несимпатичны мне такие натуры, хотящие только взять, но не давать. По рассказам Анатолия, у него и природа недоброкачественна. Бог с ним.

Бортнянского я тебе не обещал второй, а — третий выпуск прислать. Дело в том, что второй выпуск, первая корректура тобою сделана, и потому Александре Ивановне оставалось только проследить, все ли исправили по твоим указаниям. Ты даже из третьего выпуска один или два концерта сделал. Завтра я высылаю тебе три концерта из третьего выпуска, но с конца, т. е. №№ 83, 84, 85, или концерты 15, 16, 17. Я помню, ты хотел целый выпуск разом получить, но, душа моя, я так спешу и боюсь опоздать, что я тебя прошу просмотреть их, нимало не медля — имей в виду, через месяц эти концерты должны находиться в станке! Через пять недель fix und fertig **. Ты спросишь: „Безумный, куда ты стремишься? Для кого ты торопишься? Успеешь погибать!“ Нет, г. редактор, у нас двести сорок пять подписчиков, хотя лыком сшитые, но это все-таки подписчики. Ты пойми! Мне важно, моя выгода поспешить до пятого выпуска. Это хлеб! Это Рубикон для меня, это оазис с живительной водой. По-твоему, тут только Сахара начинается — а я отсюда буду спокойно взирать на Мерв и буду ждать верблюдов, на которых навьючу выпуски шестой — десятый включительно.

Я тем временем воспрял духом настолько, что гранитно решил издать и голоса всех двухорных. Тебе кажется, я чувствую теперь наслаждение факира, вонзившего себе кинжал и выворачивавшего нож для пущего самонаказания и смирения...

Альбом Рубинштейна и первый выпуск Бортнянского выслал сегодня под банде-ролью recommandé [...] ***

Помнишь пресловутую контору артистов, придуманную Николаем Григорьевичем? Влопался я тогда тем, что внес преждевременно первую гильдию. Разрешение не давали

* „Боюсь данайцев, даже и дары приносящих“ [Виргилий].
** все готово
*** заказной

полтора года; я еще раз внес первую гильдию — контора не состоялась. Два года плативши, я возымел мысль платить еще восемь лет и получить потомственного почетного гражданина. Платил я тихим манером восемь или девять лет и недавно только узнал, что еще с шестьдесят шестого года удвоен срок на двадцать лет. Доживу ли я еще одиннадцать или двенадцать лет, ежегодно внося тысячу рублей? Тут же мне и говорят: „Да вам бы орденок какой-нибудь; всякий орден купцу дает потомственного почетного гражданина". Как ни противно лазанье за орденком, как будто нечистоплотно подобное исканье, я, кажется, сделаю эту пакость. Может быть, я только испачкаюсь, не достигнув цели? Или брошу, потеряв терпение. Конечно, это малодушие искать почетного гражданства, когда это пустой звук. Так. Но я не знаю, что̀ может быть без меня, и мне неприятно, если мои дети должны бы именоваться мещанами. Гражданин, Bürger, это ничего, но м е щ а н и н в России звучит не хорошо.

Итак, я гоняюсь за орденом. Яковлев (С. П.) будет моим начальником, и я буду ему праздником делать визиты и целовать ему ручку. Он уже купил у меня рояль на рассрочку. Софья Алексеевна тоже...

„Das ist der Fluch der bösen That:
Die Schuld muss neue Schuld gebären". *

Прощай, милый мой. Софья Ивановна тебе кланяется. Это письмо я пишу дома. Прощай.

Твой П. Юргенсон.

P. S. Получил ты пятьсот франков, или сколько я тебе прислал?

Надмогильный памятник хотят ставить Рубинштейну стоимостью в четыре тысячи рублей. Третьяков и Алексеев подписались по пятьсот рублей. Я хочу дать триста рублей. Конечно, подписка покроется с лихвою и без моих грошей, но мне хочется выразить что-то. Если деньги останутся, они пойдут на какое-нибудь дело его имени.

9 января 1882 г.

Еще прибавил шесть концертов, итого девять посланы разом, остаются два, которые пойдут послезавтра. Помни, седьмой и восьмой концерты тобою уже раз корректованы, я их высылаю для полноты. Возврати мне также под бандеролью, заказным. Это д е ш е в л е и в д в о е с к о р е е посылочной почты.

232. Чайковский — Юргенсону

Рим,
10/22 января 1882 г.

Милый друг!

Получил сегодня твое письмо с известием о твоей страшной потере. Я не только принимаю живое участие в вашем горе, но для меня самого это — не простое огорчение, а настоящее горе. В качестве человека, страстно любящего ж и з н ь (несмотря на все ее невзгоды) и столь же страстно ненавидящего с м е р т ь, я всегда глубоко бываю потрясен, когда умирает знакомое и милое существо. Но никогда смерть не представляется так чудовищно ужасной и бессмысленной, как когда умирает милый, симпатичный, здоровый ребенок. Когда горе Софьи Ивановны несколько смягчится, скажи ей, что наверное я один из тех,

* „Это — проклятье злодеянья:
Преступленье рождает преступленье" [Шиллер].

которые живее и глубже всех сочувствовали вашим родительским горестным чувствам. Модест, который менее меня знал Алешу, и тот испытывает тягостное огорчение по поводу этого события. Он просит меня передать тебе и Софье Ивановне выражения самой горячей симпатии.

Довольно об этом.

Мне не нравится, что ты так торопишься с Бортнянским. Мне хотелось бы делать последние корректуры. Если ты находишь это невозможным, обойдись без меня, но знай, что в случае промахов и ошибок я снимаю с себя ответственность за них, т. е. не перед публикой и не перед критиками, которым предоставляю бранить меня сколько угодно, а перед тобой. Решись пропустить один месяц и начни аккуратно высылать мне корректуру раз в месяц; я обещаюсь не задерживать. Впрочем, как хочешь.

Обнимаю тебя.

Твой П. Чайковский.

233. Чайковский — Юргенсону

Рим,
14/26 января 1882 г.

Друг мой! Прочти письмо Бернарда и научи, что мне делать.[1] Мне очень хотелось бы принять его предложение. Во-первых, заказ подзздоривает меня и внушает желание писать, во-вторых, могу ли я отказаться от шестисот рублей, в коих весьма и весьма нуждаюсь и которые мне решительно ничего не стоит заработать. Боюсь, что ты, ответишь: „Да напиши эти же пьесы для меня". Увы! Это нисколько не удовлетворит меня. Тебе эти пьесы не нужны, и мысль, что я их пишу человеку, некоторым образом поневоле покупающему ненужный товар, — мне тяжела. Да потом как-то мне неприятно эксплуатировать все один и тот же твой карман. Так бы хотелось пощипать Бернарда!

Прочти это письмо не как друг, а как купец. По-моему, тебе нечего гнаться за моими безделушками, написанными ради денег. А Бернарду я доставлю удовольствие, за которое с невыразимым блаженством получу с него шестьсот рублей.

Отвечай как можно скорее.

П. Чайковский.

234. Юргенсон — Чайковскому

Москва,
14 января 1882 г.
Вечером.

Дорогой друг! Написав тебе объемистое письмо, я через день получил твое письмо от 4-го. 10-го был в бенефисе в пользу Dmitrieff. Театр был полон; я заплатил за свое кресло пять рублей. В двух ложах в бель-этаже восседал Алексеев со своими гостьми.

Сильно подшефе прошли мимо меня, стараясь держаться солидными, Бабу́шка и Гильф не узнав меня, а потом в антрактах каждый раз снова со мною поздоровались, забывая что это уже не первый раз. Анатолий, как член jeunesse dorée,* сидел в первом ряду. В одной ложе сидели Иоахим, Эрдмансдерфер, Гржимали, Фитценгаген, Пабст, Альбрехт, Лангер, и т. д. Иоахим говорил, что ему музыка очень нравится, нашел ее „reizend". ** Эрдмансдерфер очень восторгался.

Эмануэль дирижировал изо всех сил. Несчастную Климентову почти не было слышно. От этого нескромного аккомпанемента оркестра пение очень теряло. Хохлов был плох. Он не был, по-моему, никогда очень искусен, теперь же он не поет, а плохо говорит. Не плавно, а как-то слоги деля, так ∿∿∿∿∿∿∿∿, вместо — — — — — —. Не знаю, понятно ли это тебе, музыкальными терминами не умею тебе сказать. Все-таки Климентова лучше всех во всем, кроме силы голоса.[1] После мы поехали с Толей в Эрмитаж, где вели себя ужасно скромно [...]

Я вспомнил „Нувеллиста" и Бернарда и его предложение писать пьесы в его г...ый журнал. Мне сдается, что ты в этом не нуждаешься. Я тебе всегда готовый покупатель — раз. Второе: ты его журналу оказал раз такую честь — будет.[2] Остальную часть своего существования пусть живет воспоминаниями. Я придумал компромисс: напиши мне шесть фортепианных пьес, Бернарду напиши, чтобы он со мной трактовал. Я постараюсь сорвать с него куш за одно только право помещать их в „Нувеллисте" с отметкой: „с согласия издателя П. Юргенсона". Я тебе заплачу, что следует, и Бернардовский гонорар предоставлю тебе как бы тантьему.

Если у тебя есть охота, если тебе это симпатично, то напиши трио, квартеты, хоры a capella или с аккомпанементом, как желаешь.

На этих днях будет заседание дирекции, и мы поговорим и о Ehrenhonorar'ах, и тогда я тебе пришлю сколько могу франков.

Я писал Сетову, отчего он не ставит „Онегина", укорял его. Он ответил, что приедет постом и тогда поговорит об этом. Ты думаешь, я бы скорей мог просить Бегичева в качестве издателя. Я тоже скажу: „Ни за что!" Я у Бегичева ничего не могу просить — огня для папиросы разве и то т о л ь к о з а б ы в ш и с ь. Между нами лежит такое омерзительное воспоминание, которое только усиливает с годами мое к нему отвращение. Лично мне он ничего не сделал, обиженный умер и т. д. Ты ему не говори об этом, не с п р а ш и в а й е г о. Прошу тебя очень об этом. Надобности не предстоит просить за твои оперы: вчера давали опять „Онегина" и вероятно еще дадут. „Деву" дали в Петербурге, но теперь опять не дают.

Я не согласен, чтобы тут была обида для твоей „Девы", если для Римского-Корсакова тратят деньги. Тысяча причин в пользу Корсакова. Он и сам без мыла пролезет, родные его хлопочут, связи эти придворно-петербургской казенной сцены, — что тут толковать. Вот сюжет взят — это обидно. Но одно меня успокаивает: Римский-Корсаков не из бессмертных, он один из тех, про которых немцы говорят: „Ein blindes Huhn findet auch einmal ein Korn".*** Может быть, зернышко Корсаков найдет в „Снегурочке". Эрдмансдерфер сказал: „Я даже Римского-Корсакова играл, хотя он мне несимпатичен". Если даже его „Снегурочка" понравится, я не боюсь за нашу, — мы не соперники. Без пьесы Островского твоя музыка не мыслима в театре, а в концертной зале — всегда. Вперед тебе наука: не трать свои силы в союзе с Островскими, Бегичевыми и т. д.; сколько жемчужин ты так просыпал [...]

Прощай, милый.

Твой П. Юргенсон.

P. S. Иоахим не был у меня как директора Музыкального общества, значит намеренно манкирует вежливостью. [4]

Когда „1812 год" получу?

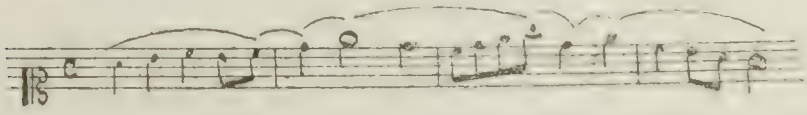
[1] золотой молодежи
[2] прелестной
[3] „И слепая курица иногда находит зерно".

235. Чайковский — Юргенсону

Рим,
18 января 1882 г.

Милый друг! Сегодня, согласно твоему совету, я выслал тебе корректуру концертов под бандеролью. Не без страха отдавал я на почте эту бандерольную посылку, — плохо как-то доверяю прочности бумажного пояса, охраняющего плод моих трудов. К одиннадцати концертам я приложил также корректуру Торжественной увертюры, которую продержал у себя более трех месяцев!! Вторую корректуру этой увертюры, если хочешь, поручи другому, но третья должна быть непременно в моих руках. Касательно Бортнянского скажу следующее: 1) Жаль, что к тем концертам, которых первую корректуру делала Баталина, ты не приложил оттисков с ее поправками. Интересно было бы знать, насколько в найденных мною ошибках виновата она и насколько виноваты г. г. граверы, не исполняющие поправок. 2) Баталина недостаточно усердно сообразовалась с написанной мною инструкцией. Я хотел, чтобы все издание Бортнянского отличалось бы полнейшим единством и чтобы даже в мелочах все приемы изложения были одинаковы. Многие из этих приемов установились у меня уже после того, как я тебе выслал просмотренные мною тридцать пять концертов, и я хотел ввести эти приемы при первой корректуре. Когда же пришлось передать первую корректуру, то я написал, с целью сохранения единства, „инструкцию", которой Баталина недостаточно придерживалась. Так, например, я установил все местоимения, относимые к богу и богородице, писать с большой буквы, и обратил на это внимание корректора. Между тем большею частью оставлены маленькие буквы. Я установил все ноты, относящиеся к одному слогу, соединять не многими лигами, а одной, т. е.

не так:



а так:

но и на это не обращено внимания. Хотел я теперь все это отметить, но, по зрелом размышлении, оставил как есть, ибо если б я захотел бы все это сделать, то корректура была бы готова не ранее как через

недели полторы, и тогда ты бы опоздал, а тебе, повидимому, всего более неприятно опаздывать. Запятые и другие знаки препинания тоже не особенно тщательно отмечены. Правда, что все это мелочи, на которые никто не обратит внимания, но приятно, когда даже и мелочи все приняты во внимание. Впрочем, надо правду сказать: за исключением первого выпуска, все остальное неважно, ибо вряд ли будет много расходиться... Но все-таки скажи Александре Ивановне, чтобы не забывала мою инструкцию. Когда я сегодня упаковал одиннадцать концертов и вспомнил, что еще восемь раз ты будешь дарить публику Бортнянской брехней, то меня некоторый ужас обуял!

Ты очень мало знаешь Направника. В честности и искренности Давыдова я несколько могу сомневаться. В Направнике я вполне уверен. „Деву" не дают потому, что Макарова не может осилить роли, а Каменская отказалась, ибо ей (впрочем, основательно) объяснили, что она губит свой голос, исполняя партию, не для него написанную.

Исаков действительно посылал к моим племянницам за увертюрой „Ромео", которую и возвратил, а я никогда и не воображал ничего для него выписывать, и откуда ты взял это, решительно не знаю. Исаков очень несимпатичный мне господин, и никогда мне и в ум не приходило с ним любезничать.

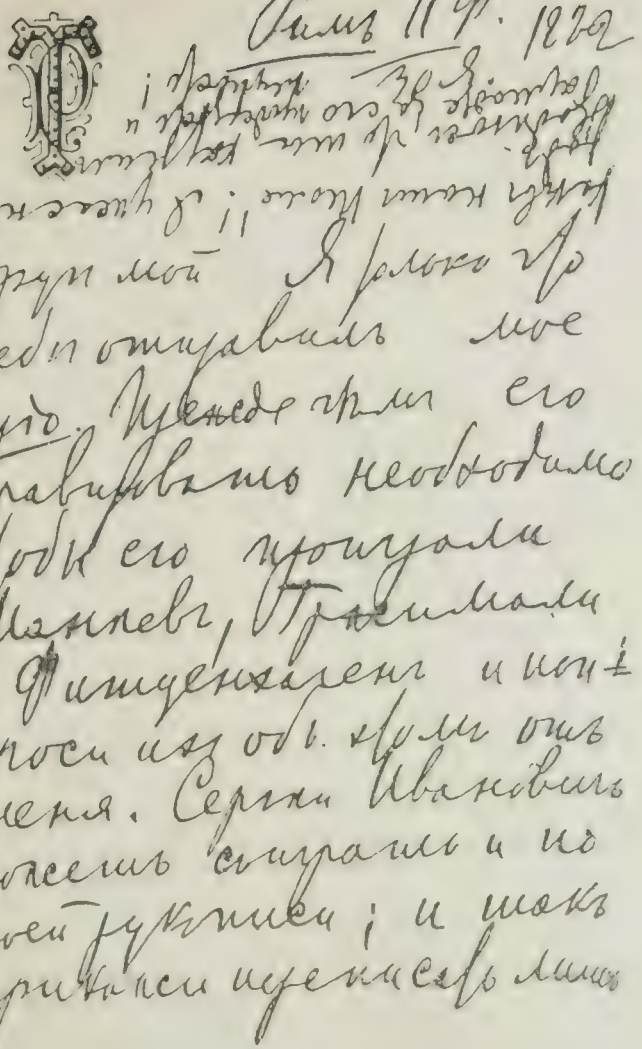
Весьма одобряю твои хлопоты об ордене. Что делать! С волками жить — по волчьи выть. Пятьсот франков я уже давно получил и давно издержал. Помню, что благодарил тебя за них письменно; если ты не получил этой благодарности, то значит письмо пропало.

Получил ли ты мое письмо, где я тебе пишу об заказе Бернарда? Пожалуйста, разреши мне поскорее намазать несколько листов нотной бумаги и содрать за них с Бернарда шестьсот рублей. Недели через две я тебе вышлю мое трио. Первую часть я уже переписал, вторую (Andante с вариациями, из коих последняя, двенадцатая, есть в то же время и финал) начну переписывать завтра.

В последнее время получаю из России разные невеселые известия. Это сильно расстраивает мою жизнь в Риме, которая без этого была бы очень приятна и покойна. Ах, как здесь хорошо! Ты, не видав, и представить себе не можешь. Одно только скверно — дорого. Деньги плывут, как вода. Правда, что я не один. Я живу с сыном очень богатого человека, посланного с воспитателем и слугой для здоровья в Рим.[1] И тем не менее, мне приходится покрывать дефициты нищенского бюджета, составленного богатым мерзавцем-отцом. Все это совершенно между нами, и в особенности Анатолию не говори, ибо он разболтает, и выйдет скверная история.

До свиданья, голубчик! Я восхищен твоей энергией. Мне невыразимо было приятно увидеть из письма твоего, что твое несчастье ты перенес с таким мужеством. Передай Софье Ивановне поклон и изъявление моей всегдашней любви к ней.

Твой П. Чайковский.



осмотреть

аля 1882 г.

ежде чем
ржимали,
ич может
скрипич-
ıа, К а ш-
пробном
ли другой
на м о и
Впрочем,
играться.
ознании
их прошу

несколько
ы в каче-
но было
бы в точ-
ы первым

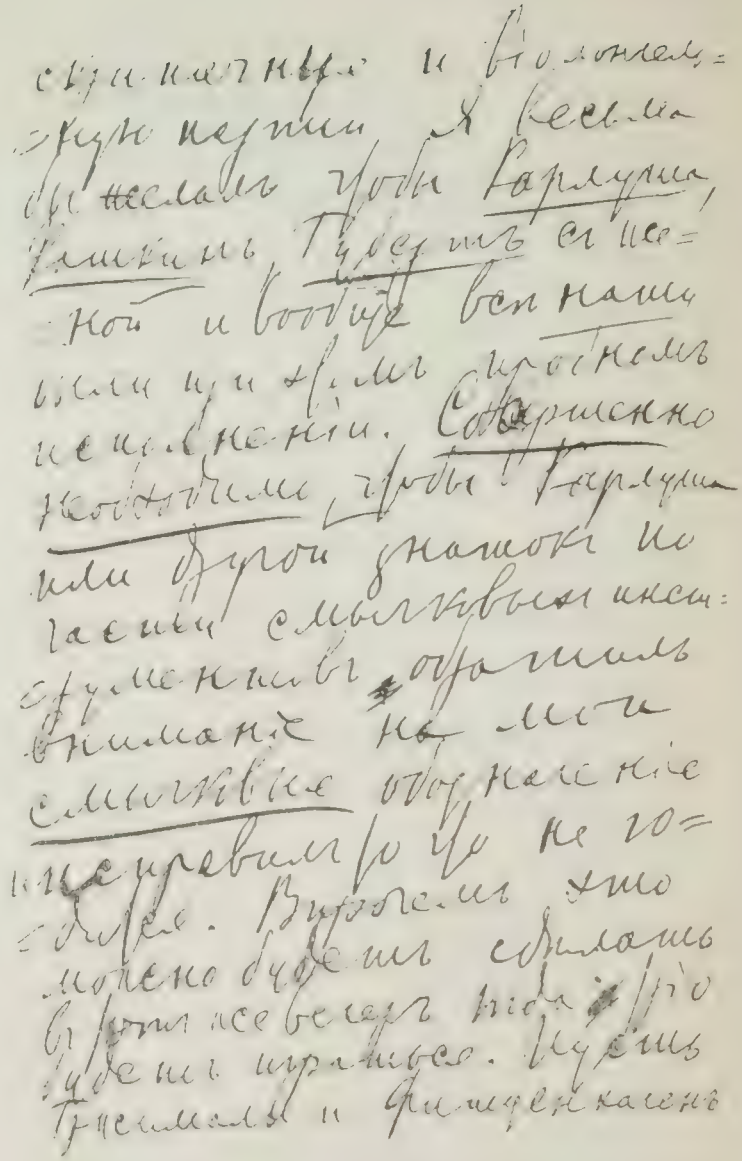
ıра и его
ко листов
новат, ты
ойми ты,
не хочу.
„Нувел-
що взять

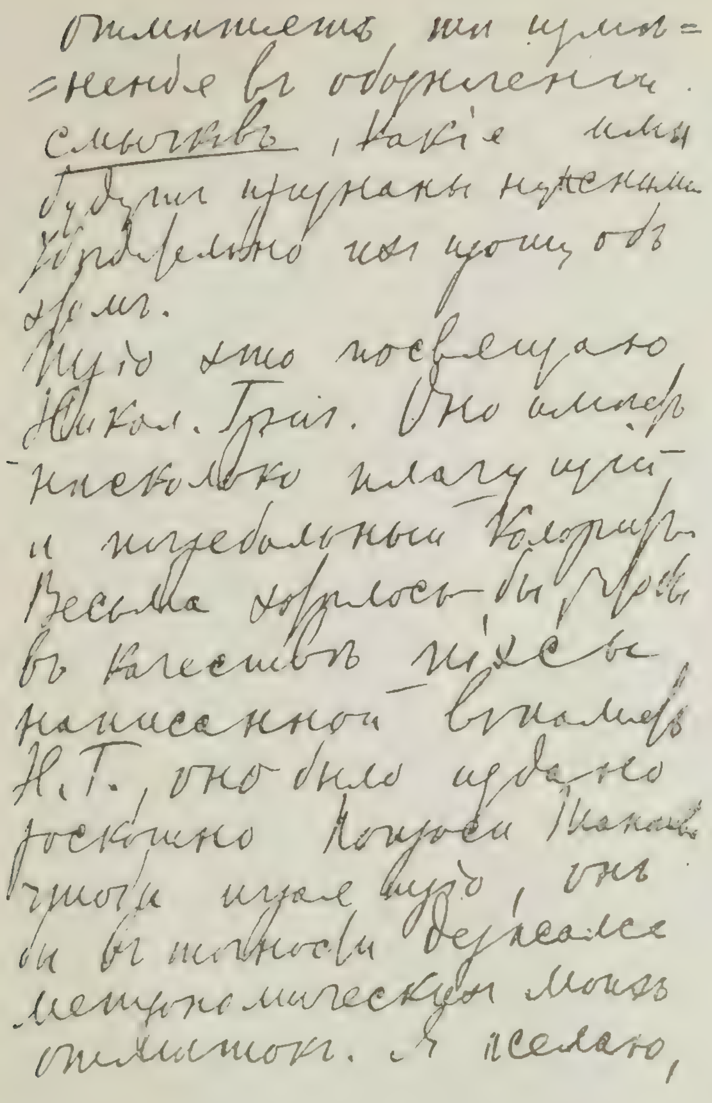
кий.

Рим,
аля 1882 г.

ıл твое.[1]
каз, ибо
ı доводы
. Трудно

недели полт
неприятно с
особенно ті
никто не об
няты во в
первого вы
ходиться...
мою инстр
и вспомнил,
брехней, то
Ты оче
Давыдова я
„Деву“ не
а Каменска
что она губ
Исако
рой „Ром
жал ниче
тельно не з
мне и в ум
Весьма
жить — по в
издержал. І
получил это
Получи
Пожалуйста,
бумаги и сс
две я тебе
(Andante с
время и фи
В после
Это сильно
бы очень п
и представи
плывут, как
богатого
здоровья
дефициты
отцом. Все
Анатолик
скверная
До свид
было приятн
с таким му
моей всегда




отмѣтить эти измѣ-
-ненія въ обозначеніи
смычковъ, какія имъ
будутъ признаны нужными
Убѣдительно тебя прошу объ
этомъ.
Трio это посвящаю
Никол. Григ. Оно имѣетъ
нѣсколько плачущій
и погребальный колоритъ.
Весьма хотѣлось-бы, чтобы
въ качествѣ пiэсы
написанной въ память
Н.Г., оно было издано
роскошно. Конечно такъ
чтобы играя трiо, онъ
бы въ точности держался
метрономическихъ моихъ
отмѣтокъ. Я желаю,

осмотреть

)аля 1882 г.

)ежде чем
Гржимали,
)ич может
скрипич-
)а, Каш-
пробном
ли другой
на мои
Впрочем,
играться.
)значении
их прошу

)есколько
ы в каче-
)но было
)ы в точ-
ы первым

)ра и его
)о листов
)оват, ты
)ойми ты,
не хочу.
„Нувел-
)що взять

кий.

Рим,
)аля 1882 г.

)л твое.[1]
каз, ибо
) доводы
. Трудно

недели полт
неприятно с
особенно т
никто не об
няты во в
первого вы
ходиться...
мою инстр
и вспомнил,
брехней, то

Ты оче
Давыдова я
„Деву“ не
а Каменска
что она губ

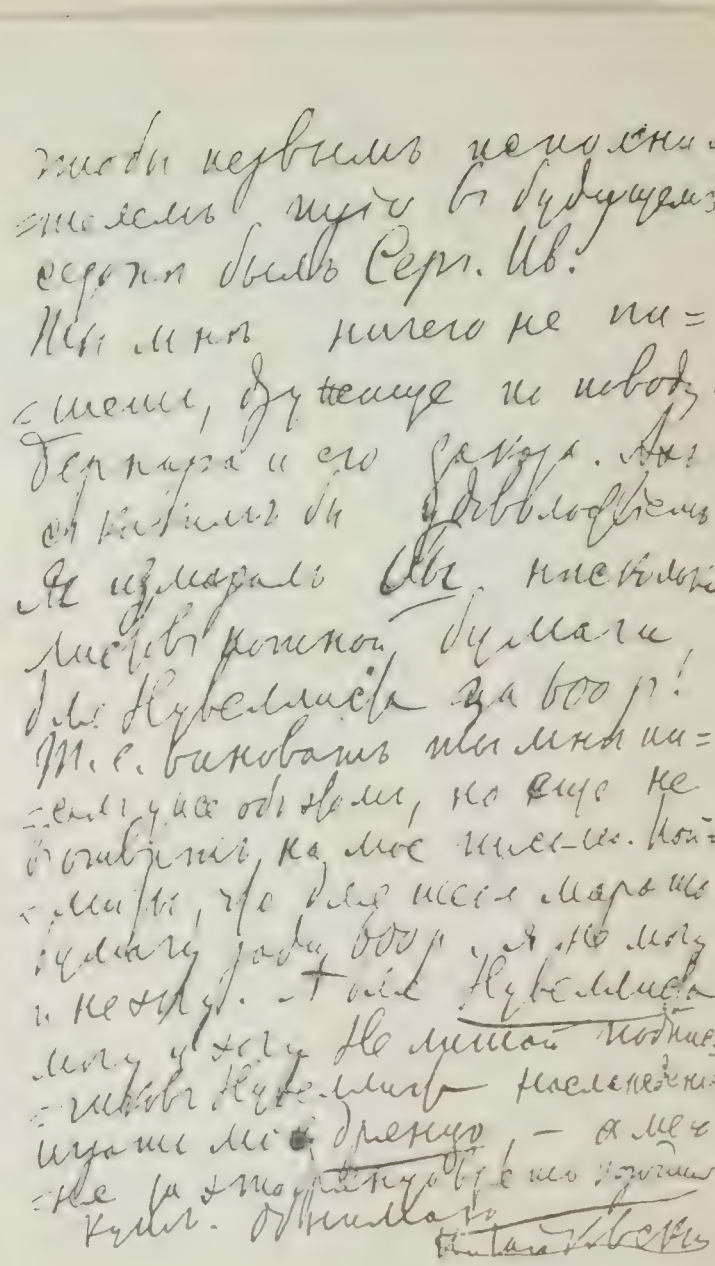
Исако
рой „Ром
жал ниче
тельно не з
мне и в ум

Весьма
жить — по в
издержал. I
получил это

Получи
Пожалуйста,
бумаги и с
две я тебе
(Andante с
время и фи

В после
Это сильно
бы очень п
и представи
плывут, как
богатого
здоровья
дефициты
отцом. Все
Анатолик
скверная

До свид
было приятн
с таким му
моей всегда



Если еще не поздно, не поручишь ли кому-нибудь просмотреть в концертах третьего выпуска орфографию текста?

236. Чайковский — Юргенсону

Рим,
30 января/11февраля 1882 г.

Друг мой! Я только что тебе отправил мое трио. Прежде чем его гравировать, необходимо, чтобы его проиграли Танеев, Гржимали, и Фитценхаген, и попроси их об этом от меня. Сергей Иванович может сыграть и по моей рукописи; итак, прикажи переписать лишь скрипичную и виолончельную партии. Я весьма бы желал, чтобы Карлуша, Кашкин, Губерт с женой и вообще все наши были при этом пробном исполнении. Совершенно необходимо, чтобы Карлуша или другой знаток по части смычковых инструментов обратил внимание на мои смычковые обозначения и исправил то, что не годится. Впрочем, это можно будет сделать в тот же вечер, когда трио будет играться. Пусть Гржимали и Фитценхаген отметят те изменения в обозначении смычков, какие ими будут признаны нужными. Убедительно их прошу об этом.

Трио это посвящаю Николаю Григорьевичу. Оно имеет несколько плачущий и погребальный колорит. Весьма хотелось бы, чтобы в качестве пьесы, написанной в память Николая Григорьевича, оно было издано роскошно. Попроси Танеева, чтобы, играя трио, он бы в точности держался метрономических моих отметок. Я желаю, чтобы первым исполнителем трио в будущем сезоне был Сергей Иванович.

Ты мне ничего не пишешь, дружище, по поводу Бернара и его заказа. Ах, с каким бы удовольствием я измарал бы несколько листов нотной бумаги для „Нувеллиста“ за шестьсот рублей! Т. е. виноват, ты мне писал уже об этом, но еще не в ответ на мое письмо. Пойми ты, что для тебя марать бумагу ради шестисот рублей я не могу и не хочу. А для „Нувеллиста“ могу и хочу. Не лишай подписчиков „Нувеллиста“ наслаждения играть мое дрянцо, а меня — за это дрянцо взять хороший куш.

Обнимаю.

П. Чайковский.

237. Чайковский — Юргенсону

Рим,
1/13 февраля 1882 г.

Только что отправил тебе вчера утром письмо, как получил твое.[1] Я исполню твое запрещение и напишу Бернарду учтивый отказ, ибо нахожу, что ты с своей точки зрения совершенно прав, и твои доводы очень основательны. И тем не менее мне это немного досадно. Трудно

как-то объяснить—почему, но мне бы легко и приятно было исполнить заказ Бернарда, т. е. именно для „Нувеллиста" написать шесть дрянных пьес и получить за это тысячу пятьсот франков, кои мне куда как теперь кстати. Для тебя же писать именно шесть пьес, которых ты не просишь и в коих не нуждаешься, я не хочу и не буду по той простой причине, что совершенно нерасположен в настоящую минуту писать для фортепиано, а тебе я привык отдавать то, что пишу по собственному, внутреннему побуждению.

Однако, деньги мне все-таки нужны, и я тебя хочу просить следующее. Я послал тебе трио, в скором времени вышлю Всенощную, затем должен не мало содрать с тебя за Бортнянского. Это с одной стороны. С другой же стороны, я тебе порядочно должен. Но часть моего долга, вероятно, покрыта поспектакльной платой. Хоть сколько-нибудь, да получу же я за несчастную „Орлеанскую Деву"! Сообрази все это, душа моя, и постарайся прислать мне как можно больше, но во всяком случае я бы хотел получить хоть те шестьсот рублей, которых ты меня, злодей, лишаешь. Мне немножко стыдно, но скажи, что̀ лучше: 1) занять у тебя теперь крупную сумму под залог будущих сочинений, которые напишу по побуждению своей музы, или 2) придравшись к твоему запрещению, навалять не шесть, а целых, положим, двенадцать фортепианных пьес или даже двадцать четыре и сказать: бери их и давай мне за них плату, хотя они написаны мной кое-как, ремесленным образом, лишь бы деньги получить? Мне кажется, что первое лучше. Но тут является новый вопрос: хорошо ли мне приставать с деньгами к тебе теперь, когда по случаю покупки дома ты так в них нуждаешься?

Становлюсь втупик и теряюсь. Впрочем, ты успеешь обдумать все это, ибо на будущей неделе я еду в Неаполь и попрошу тебя не посылать никаких lettres chargées или recommandées* до тех пор, пока не пришлю тебе оттуда точного адреса. Не помню, писал ли я тебе, что собирался с братом и его воспитанником в Алжир, к тетке последнего. План этот рушился, ибо отец Модестиного воспитанника запретил эту поездку. Между тем в Риме жизнь становится ввиду дороговизны совершенно не по карману, и мы решились переехать в Неаполь, где хотим основаться как можно скромнее. Я поеду вперед и приищу помещение, а уже потом вызову брата. Простые письма попрошу тебя адресовать poste restante. Думаю прожить в Неаполе до начала апреля, потом морем в Одессу, Каменку и оттуда съезжу в Москву. Впрочем, все это еще неизвестно: не знаю, потребует ли Толя меня к свадьбе. Может быть, и раньше придется ехать в отечество.

Поздравляю тебя с покупкой дома, радуюсь ей, но ужасаюсь размерам сумм, которые тебе придется уплатить. Я ужасно люблю твой отставной архив с его феноменально толстыми стенами, с его живописным положением и характерностью! Когда приеду в Москву, нужно будет хорошенько спрыснуть покупку.

---

* денежных писем или заказных

До свиданья, милый мой собственник! Извини, что опять приходится приставать к тебе с деньгами. У меня ли не было твердой решимости не выходить из бюджета! И, ей богу, я сделал все, что мог, но судьба всегда устраивает так, что мне приходится к кому-нибудь приставать! Прости!

Твой П. Чайковский.

P. S. Флеров здесь, но пока я еще его не видел. Боюсь его смертельно.

238. Чайковский — Юргенсону

Рим,
5/17 февраля 1882 г.

Душа моя! Получил сегодня твое письмо с переводом, который доставил мне значительное удовольствие, — впрочем, уж конечно ничуть не меньшее, чем самое письмо.[1] Твои письма для меня — величайшее удовольствие, утешение, развлечение, наслаждение. Ей богу, не лгу. Ты единственный мой аккуратный корреспондент, через которого узнаю все меня интересующее в Москве, а ведь Москву я продолжаю любить какой-то странной, но очень острой любовью. Я называю ее странной, ибо, несмотря на любовь к Москве, не хочу жить в ней. А между тем, именно оттого и не хочу, что очень люблю. Долго было бы разъяснять сию психологическую тонкость.

Итак, мне очень приятна корреспонденция с тобой, но одно обстоятельство отравляет удовольствие, — это, что не могу обойтись, чтобы не приставать к тебе с деньгами. Но горбатого могила исправит. Благодарю за пятьсот франков. Увы, из Неаполя буду просить еще.

Если увертюру ты мне пришлешь в конце месяца или начале будущего, то поверь, что я успею во-время доставить ее тебе, так чтобы к 1-му маю была готова. На сей раз в проволочке дела никто не виноват, кроме меня; я продержал первую корректуру т р и м е с я ц а! Но даже, в случае если мы и опоздаем, беды большой нет. Поверь, пусть лучше опаздывать, чем издавать с большим количеством ошибок. Не вижу никакой надобности в оригинале концертов Бортнянского, но если хочешь — вышлю.

Ф л е р о в весьма, кажется, добрый и милый человек, но... но я удираю от него в Неаполь. Вчера он просидел у меня от пяти часов дня до двенадцати вечера!!! Была минута, когда мне хотелось его убить, а именно, когда он приставал ко мне с вопросами, к а к и е к а р т и н ы, к а к и е о б р а з ы носились в моей фантазии, когда я писал то или другое! Ах, чтоб его! Он учен, начитан, но глуповат и приторен.

Напиши мне, голубчик, будет ли в Москве летом музыкальный отдел, т. е. концерты.[2] Отчего ты торопишься с увертюрой? Разве хотят играть ее? Мне остается пробыть здесь четверо суток; 9/21 числа еду

в Неаполь один, поищу помещение для Модеста со свитой и всех их к себе выпишу, а засим пошлю тебе новый адрес.

Анатолий депешой дал мне знать о своей помолвке, но с тех пор ни слова. Что он делает? Какой вид имеет? Обнимаю.

П. Чайковский.

239. Чайковский — Юргенсону

Неаполь,
11/23 февраля 1882 г.

Душа моя! Пишу тебе сегодня лишь свой новый адрес, дабы поскорее избавиться от poste restante, которую ненавижу.

Более обстоятельно напишу, когда совсем устроюсь. Я здесь один, целые два дня как сумасшедший бегал, ища помещение, и с величайшим трудом нашел нечто удобное для всех нас. Вид из наших окон обворожительный и вообще помещение необычайно просторное и удобное, но далеко от города. Адрес следующий: Napoli. Posilippo. Villa Postiglione.

Получил твое последнее письмо перед самым отъездом из Рима и немножко сердился на тебя. Как тебе не стыдно оправдываться от обвинений, возводимых на тебя Клименкой?[1] Я отлично знаю, что ты неспособен быть ни на минуту несправедливым. С другой стороны, знаю, что у Клименки сумасшедшая голова, расстроенная чтением Некрасова и дошедшими до него неопределенными отголосками нигилизма. Тон его писем возмутителен и отвратителен. Но вместе с тем малый он неглупый и способный, и жалко как-то оставить. Чувствуется, что если теперь в Москве он прочно себя не устроит, то уж нигде этого не случится. Я тебя прошу только еще немножко потерпеть, в надежде, что он образумится и поймет свои интересы.

Голубчик, не забудь моих денежных приставаний и по возможности удовлетвори!

Твой П. Чайковский.

240. Чайковский — Юргенсону

Неаполь,
18 февраля/2 марта [1882 г.]

Несчастный, многострадальный издатель! Только что получил твое письмо с иеремиадами по поводу вечных неудач по части корректур. Действительно, какая-то злая судьба преследует тебя в этом отношении. Что касается эпизода с басовым ключом в „Да исправится“, то я очень склонен думать, что это вина не моя, и не Ал. Ив. Губерт, и даже не Клефеля, — а гг. граверов, которые упорно не хотят исправлять некоторых ошибок. Мне очень помнится, что именно эту ошибку я отме-

тил, и, пока ты мне не покажешь корректурного листа без моей отметки, я буду считать себя невинным. Если же, паче чаяния, действительно я виновник происшедшей неприятности, то прошу от души извинить. Я как корректор (по крайней мере, своих вещей) сделал в последние годы большие успехи, но по природе своей рассеянной все-таки мало к этой работе пригоден.

Получил я третью корректуру XVIII, XIX и т. д. концертов Бортнянского. Они как раз появились во-время, чтобы совершенно отравить удовольствие пребывания в Неаполе. Считаю долгом сказать, что Ал. Ив. Губерт из всех бывших при тебе корректоров есть если не совершенство, то все-таки самая лучшая. Постарайся залучить ее. Женщина гораздо больше мне внушает доверия в подобных делах. Где нужно внимание, добросовестность и способность исполнять взятую на себя обязанность во-время, там всегда нужно стараться поручать дело женщине. Постараюсь поскорее отделаться от присланных концертов. Увертюру тоже получил и тоже постараюсь не задержать.

То, что ты мне пишешь о намерении улучшить постановку „Д е в ы", очень радует меня.[1] При виде векселя Шеншина я пришел в ярость. Никогда еще генеральский чин не был носим таким мошенником, как этот сукин сын. Конечно и я хорош. Несколько раз вносил я ему суммы на погашение капитала и процентов и ни разу не догадался, что, посылая ему деньги, я должен был поручать кому-нибудь надписывать уплаты на векселе! Спасибо, голубчик, за уплату двухсот десяти рублей. Спасибо за намерение прислать мне денег, в коих дозарезу нуждаюсь.

Ни за Бортнянского, ни за Всенощную не могу назначить суммы. Не хочу слишком много, но и мало не хочу. Если хочешь, поговорим при свиданье, а теперь пока пиши в счет, но только спасай утопающего в океане расходов...

Хотел написать кое-что из Неаполя, но очень меня расстроил Шеншин, неудачи с Бортнянским, и я не в духе. Одно скажу—по истине: v e d e i N a p o l i e p o i m o r i r e!*

Обнимаю.

Твой П. Чайковский.

241. Чайковский — Юргенсону

Неаполь,
21 февраля [1882 г.]

Душа моя. Хозяин виллы P o s t i g l i o n e оказался грабителем и разбойником. Пришлось переехать, заплативши ему вдвое больше против того, о чем мы сговорились. Теперь мы живем в городе. Здесь теснее, шумнее, но зато мы в порядочной гостинице, где меня будут обирать более деликатно и умеренно. Неаполь вообще город столь же

---

* Увидеть Неаполь — и потом умереть!

изумительно красивый и чудный, сколько отвратительный по людям, населяющим его. Это громадная шайка хищников, которые не стыдятся самым грабительским образом относиться к иностранцам.

Для скорости я тебе вчера телеграфировал адрес, но боюсь, что переврали, и поспешаю написать его: Naples, Hôtel Métropole (Chiatamone). Последнее название писать, впрочем, излишне, достаточно Métropole. Переезд задержал мои занятия корректурой; завтра вышлю тебе Бортнянского.

Твой П. Чайковский.

Я распорядился на почте, чтобы письма, адресованные в виллу Postiglione, были доставлены сюда.

242. Юргенсон — Чайковскому

1882 г. февраля 21—22. Москва.

Москва,
21 февраля 1882 г.

Дорогой друг Петюшечка! Похож ли ты на Петюшечку? Мне кажется, ты также мало смахиваешь на такого умаленного Петра, как и я, хотя ты, быть может, в таинственных похождениях своих иногда на моменты принимаешь облик мужского Снегурочки, т. е. таешь. Тем не менее, не будучи в состоянии, даже амурничая, принимать на себя образ Петюшечки, я в письмах могу сантиментальничать (стало быть, есть где-то в запыленном уголке сердца у меня Петюшечка), не будучи стеснен ложным стыдом: бумага терпелива и никого не конфузит.

Кстати о Звереве. Он смирился и съежился, он ходит в трактир более по привычке. Один из адъютантов [адъюнктов?] женится. Галли, с. с., выбрал себе очень красивую барышню и возводит ее в сан супруги своей. Признаться, я его считал уринго́м, или по крайней мере дионисирующим. Чорт его знает?!

Спустили десятый концерт. Дирижировал Давидов. Не скажу, чтобы он был изящным капельмейстером, хотя все, кажется, шло гладко. Пел Прянишников, играл Климов. Климов — пианист совсем дюжинный. Прянишников ужасно понравился. Какой у него чудный голос! Какая у него гриб-жена!

После дирекция (т. е. Алексеев и Петюшечка) дали ужин гостям. Странное дело! Давидов мне антипатичен, когда я его не вижу; сойдясь с ним, он мне очень нравится, т. е. теоретически. Неужели он так изловчился говорить как честный, хороший человек, несмотря на мелкую душу? Я этого не допускаю. Например, он энергично, как и год тому назад, отвергает для себя название композитора и упорно отказывается писать что-либо для оркестра. „Я считаю недобросовестным, если посредственности без композиторского призвания отнимают у публики время и место хороших, даровитых сочинителей“... Пусть это рассчитанная эффектная фраза, но кто ее скажет? Кто ее исполняет? Я допускаю, что он не скалà чести и окружающие заставляют его скакать по скàле чести (Танеева жанр каламбура), ибо он тряпка. Тряпичность не исключает чувствования благородства...

С Кашкиным мы продолжаем быть в холодных отношениях, т. е. сердечность отсутствует. Он не ищет моего сообщества, я не ищу его компании. Ведь и прежде, если сказать правду, инициатива всегда исходила от меня; стало быть, температура понизилась у меня, он же остался ко мне равнодушным. Я уверен, он приписывает это моей гордости, директорству, богатству (!). Я же скажу: [он] датирует мое охлаждение к себе со времени его корректорства, когда он не только исполнял свои обязанности плохо, но даже стал на меня злиться и выдумывать, в чем был уличен документально Ларошем (!) и Елизаветою Константиновной. Мы хотя с ним объяснились и жестоко

при этом напились, но вместе с Katzenjammer'ом прошла и теплота чувств. Он продолжает меня от времени до времени „пользовать", но это, кажется, влияет на него дурно.

Стареемся ли мы, или нет связывающего начала, но — кончился золотой московский век. Я горюю, что во мне нет элементов примирительных, сглаживающих, притягательных. Несмотря на мое сравнительное ничтожество, я бы стал центром общности в смысле gesellschaftlich * музыкального мира в Москве. Не дал бог талантов общественных ни мне, ни Софье Ивановне.

Откуда, наконец, гром грянул! Не скажу — из навозной кучи, но во всяком случае не менее неожиданно. Получаю я вместе с выпускным билетом на второй выпуск Бортнянского от духовного цензора из духовной Академии частным образом репримand святого отца: „Отметки и поправки духовного цензора делаются не для того, чтобы их оставили без внимания; этим вы доведете до того, что я Вам билета на выпуск не выдам"... [4] Что такое? Оказывается, святой отец втихомолку исправил текст тридцати пяти концертов, но так, что никто этого не заметил, — черным карандашиком или чернилами нежно, нежно, не выводя на боках ни значка ни черточки. Никто не заметил, тем более, что работали совершенно по другому экземпляру, не подозревая о добросовестности старого болвана. Теперь по тщательному напряженному вниманию оказывается: он всякое слово осмотрел, всякую запятую поставил на свое место, обратил внимание на , ; : и аккуратно исправил — тайком. Ах! Архираспро... Надо же, чтобы неожиданно идеальный корректор отыскался не с той стороны. Тьфу!.. Зато музыкальная корректура продолжает меня огорчать. Прогнал или, скромнее, отставил третьего, по счету, корректора голосовых партий; взял Бланкова.

Фаланга моих ругателей на Бортнянского растет. Ничего! Перейду в православие и на краеугольном камне моего могильного камня велю поставить: издатель Бортнянского, сокрушитель Бахметева, освободитель церковной музыки в России.

На-днях взыскали с Бахметева 143 рубля, описав его мебель!! За него просили адвокат мой Стасов и Иосиф Иванович. „Бери, — говорят, — лучше конфискованные 173 экземпляра литургии, а то они пойдут портить тебе цену"... Пусть свершится дело правосудия, — и велел взыскать 143 рубля, отдав их Стасову. Итак, я лишился 173 экземпляров литургии, был лишен на некоторое время прав своих, подвергнут полицейскому гонению, но как феникс воспрял из пепла и когтями острыми впился в дряблое тело Бахметева, оставив на этой дряни 143 рублевых ранок. Говоря правду, он для меня не Бахметев, он для меня — представитель мерзостной узурпатор-монополии, собака на сене. Мне иногда кажется, я бы мог его сжечь без жалости, как бы я сжег, не задумываясь, всех администраторов, злоупотребляющих своим постом незаконно. Подумай только: шестьдесят пять лет эта капельная сволочь присваивала себе право преградить всем путь: безусловно и сами совершенно погубили свою собственную торговлю, не издавая ничего нового, но и не возобновляя старое. Теперь они точно проснулись. Заказали у Бесселя новое издание тридцати пяти концертов, назначив 10 рублей за экземпляр. В мае выйдет мое издание в 3 рубля 50 копеек.

Мне предстоит на будущей неделе ужасная передряга: со всем магазином (нотным) перебраться в соседнее помещение, а у меня будут пол переделывать, который грозит провалом, вследствие бывшего два года тому назад потопа. Все балки и накат сгнили, мы осели уже на три вершка. Потом, задние комнаты склада остаются, будучи с каменным полом, и мы должны ежеминутно бегать через пропасть, по доскам и помостам, взад и вперед. Не уехать ли мне в Рим к Флерову? Он бы меня вылечил от понтийской лихорадки. Но нет, он не пьет, так что даже временно к нему не привяжешься.

Летом предстоит мне работа не по душе. Я плохо верю в успех концертов Губерта и не вижу задатков к тому. Где тот огонь, где та энергия, где та вера, двигающая горы? Мы спорим о каждом вздоре, о пустяках, не стоющих внимания. Альбрехт мечтает о перегородках, которые он поставит, чтобы публика не двигалась, Губерт — о царской ложе, Танеев, кажется, готов согласиться со всеми и т. д. Губерт — такая ж..., что он настаивает на „делегате из Петербурга", потому что это „долг вежливости". Понимаешь? Московское отделение жертвует средствами, людьми, работой, и мы будем сами себе

* общественном

ставить контролера собственного кармана!! Голубчик! Не пригласишь ли ты Бесселя контролировать твой расход? Все-таки это бы больше имело смысла: он по крайней мере тебе дал семьдесят пять рублей за Вторую симфонию (или сто двадцать пять рублей?). Кстати. Не прикажешь ли ты взыскать остальной гонорар? (сто двадцать пять рублей или семьдесят пять рублей?).

Получил ли тысячу франков? Надолго ли тебе это хватит? Телеграфни, если спешно.

Как это ты обходишься без русских газет? Удовольствуешься иностранными, благо, говоришь на всех европейских языках?

Анатолий продолжает отматывать свой жениховый клубок.

22 февраля.

Получил твой новый адрес. Видно, помещение — мерзость? Воняет, протекает, обитаемо злыми духами?

Со вчерашнего дня ничего нового. Ментер имела громадный успех, ее засыпали цветами.[1] Я же воздержался от цветов, а равно и от концерта. Я, как Фосс, говорю: Бетховен меня не хочет знать — я не хочу знать Бетховена. Обязательное посещение концертов Музыкального общества меня делает совершенно равнодушным к посторонним музыкальным торжествам, да и некогда. Прощай.

Твой П. Юргенсон.

Караул! Где четвертый выпуск? Боже, где четвертый выпуск Бортнянского? Концерты 18 по 27, по моим нумерам №№ 86 по 95 ???

243. Чайковский — Юргенсону

Неаполь,
23 февраля */7 марта 1882 г.

Начну письмо фразой, подобной той, которая в одном из прошлых писем тебе показалась забавной. „Получил твое чудное, большое письмо с целым коробом интересных новостей. Оно доставило мне громадное удовольствие; однакож, немалое удовольствие также ощутил я и при виде перевода". Нет, серьезно говорю, что и то и другое весьма кстати. Письмо рассеяло меня от расстройства, в котором нахожусь до сих пор по поводу пакостей, сделанных мне хозяином виллы, в которой я сдуру остановился. Деньги же представляют существенное исправление моих финансов. Итак, благодарю, благодарю, благодарю.

Интересно было бы рассказать тебе историю нанятия и оставления помещения на вилле Postiglione, но лучше я расскажу ее тебе при свидании. Письменно, во-первых, не умею хорошо рассказывать, во-вторых, я неимоверно сегодня устал от писания писем и корректур.[1]

Насчет гонорария за Бортнянского и Всенощную, ей-богу, не могу ничего сказать, а лучше решим это в Москве. Теперь же, голубчик, попрошу тебя прислать мне еще тысячу франков. И это уж конечно последние деньги, с коими к тебе пристаю до... следующего выпрашиванья. Надеюсь, что оно не скоро будет. Решительно не знаю, хороша или дурна моя увертюра („1812 г."), но скорее (прости за нескромность)

* *В подлиннике ошибка:* 22 февраля

первое. Кстати. Я желал бы, чтобы, в случае если Направник будет участвовать в концертах выставки, именно он бы дирижировал ею. При случае потрудись это заявить кому следует. Как ты советуешь: приехать мне на свадьбу Анатолия, или лучше потом? Во всяком случае в Москве я буду. Отчего Толя не упоен? Мне это не нравится. По первым письмам я скорее готов был думать, что именно упоен!

Прости, милый мой, что на твое интересное письмо я отвечаю этим жалким листиком. Авось, как будет посвободнее, напишу пообстоятельнее.

До свиданья! Всем твоим приветствия и поклоны, разумеется, Софье Ивановне больше всех. Борьку поцелуй.

П. Чайковский.

Модест тебе очень кланяется.

Корректуру высылаю завтра.

P. S. До сих пор все гонорары, которые ты назначал сам за мои посильные труды, казались мне всегда преувеличенными, но по расточительности и безалаберности я имел всегда преступную слабость на них соглашаться. Так, например, теперь, если буду тебе говорить как твой друг, а не как продавец своих произведений, скажу, что назначенная тобой плата пятьсот рублей за трио чрезвычайно преувеличена. Однакож, я рад, что ты назначил ее, ибо, быв затруднен, жажду доходов. Быть может, я злоупотребляю твоим Юргенсоновским великодушием? Как бы то ни было, но и теперь назначь сам. Ей-богу, спорить не буду, а уж если буду, то разве в том смысле, что слишком много, ибо ты всегда преувеличивал, а не наоборот.

Этот P. S. я прибавил ночью, страдая от бессонницы, вследствие подлостей, сделанных мне на Villa Postiglione, и коих никак забыть не могу.

П. Ч.

P. S. второй. Я отправлю тебе корректуру третью. Все остальное, т. е. старое издание с моими поправками и листы второй корректуры, оставляю, ибо иду на почту сам и нахожу излишним тащить совершенно ненужные, годящиеся лишь на подтирку бумаги. К чему, голубчик, тебе вся эта макулатура? Отчего ты требовал оставшиеся от прошлой корректуры ненужные листы?

Всю эту дрянь я на всякий случай сохраню и привезу, но, ей-богу, противно посылать через всю Европу подтирку твоим граверам...

244. Юргенсон — Чайковскому

Москва,
2 марта 1882 г.

Милый Pietro! Я получил твои письма от 18/2[18 февраля/2 марта], 22-го[23-го] февраля и жалею, что тебя, вероятно, самым прозаическим образом надули. То ли дело

в горах бандиты! Волосатые, черные, глаза огненные, борода всклокоченная, усищи аршинные, на каждом плече по саженному ружью, во всех карманах и за поясом несчетное количество пистолетов и кинжалов и грозное „la borsa o la vita“,* потом волочение через пропасти и ущелья в их пещеры, вечером огонь, бандиты женского пола, откалывающие тарантеллу, наконец, збирры,** битва и освобождение...

Плюнь ты на хозяина Villa Postiglione; очень нужно так долго сердиться.

Алек. Ив. Губерт в восторге от твоих похвал. Она торжествует, всем рассказывает.***

Концерты получил сегодня. Merci. Старые оттиски корректуры нужны были только как документы, как corpus delicti **** погрешностей. Шеншину скажи: „Ваше-ство, я генеральский сын, а Вы — с. с. Я презираю Вас“. Это очень облегчает.

Насчет Бортнянского цифру назначить мы можем при личном свидании. Всенощную я не знаю, — больше она или меньше литургии?

Трио твой хотят играть 11-го марта.[1] В дирекцию прислали с разных сторон петиции об музыкальной тризне Николаю Григорьевичу 11-го марта. Агитация доходила до заявления с шестьюдесятью подписями. Не находя возможным исполнить треб[уемый] „Реквием“ Шумана в такой короткий срок, не находя приличным дать концерт за плату с назначением денег на надгробный памятник (а главное, потерпеть fiasco), мы решились помянуть Рубинштейна обедней в Даниловском монастыре; в три часа панихида в консерватории и в восемь часов элегический концерт там же.

Настолько, сколько А. Рубинштейн привлекает в свои концерты, настолько Пабст, Есипова, Гейман, Делаборт потерпели от недобора.[2]

Боже! Какое мучение мне эти концерты, — этого я сказать не могу. Я точно [1], которая не потеряла стыд, но не может не [1] — [1] Бесселю, [1] Размадзе, но [1] с отвращением, омерзением, готовая задушить нахального [1]. Я, несмотря на мое отвращение, вынужден делать мерзости, повторяя их ежечасно. К несчастию, второй концерт был хотя объявлен, но билеты должны поступить в продажу лишь 10-го, т. е. на другой день после первого концерта. Теперь вся Москва ловит меня везде: в магазине, в конторе, дома, в консерватории, в концерте — всюду, с воплем: „запишите мне столько-то билетов на второй концерт“. Как ни вертись — не отвертишься. У меня записано около трехсот билетов, да Карлуша, чорт его знает, сколько. 10-го будут штурмовать мой магазин, — да, буквально! Но, находя, что большая и лучшая часть билетов проданы, будут безобразничать, ругать, и ругать не без оснований. Я понимаю, со стороны это комично, но мне причиняет буквально мучение и горе. Это оскорбляет мое самолюбие, что я как бы обязан подлость сделать. Странно: те, которые записаны, очень довольны, но едва ли находят мое поведение похвальным. Все прочие назовут меня всячески и прямо будут упрекать в ерничестве. Размадзе напишет статью о моей низости и подпишет: А. Б. Меня будет душить злоба бессильная...

Тысячу франков при сем прилагаю на Meuricoffre & C⁰ à Naples по 248½%. *****

Предполагается пригласить дирижировать первым или вторым концертами на выставке Направника, и тогда он может взять „1812“. Мы хотели бы дать десять концертов, если нам дадут субсидию, а то ничего не сделаешь. Нельзя же Музыкальному обществу делать долгов для выставки?

Анатолий если не упоен, то во всяком случае имеет (делает) вид упоенного. Почему? Да просто оттого, что он видов много видел и его юношеский пыл исчез, и теперь быть увлеченным сильною страстью — надо, чтобы Прасковея была импонирующей, вызывающей на поклонение. Этого, кажется, в ней нет. Я говорю так, но признаюсь: где же я мог проверить свой взгляд? Может, она орел. Анатолий доволен, — вот это так.

Приехать ли тебе на свадьбу? Если ты не желаешь быть их чичероне по Неаполю и окрестностям, то, конечно, очень удобно избегнуть это приездом в Москву. Если, напротив, тебе приятно с ними возжаться (хотя влюбленные и „молодые“ особенно

---

* „кошелек или жизнь“

** сыщики

*** Я оставил ей копию. *(Прим. Юргенсона.)*

**** свод

***** Указан, очевидно, курс франка.

довольно противны), то ты избегнешь московских церемоний. Тут Сцилла, там Харибдис. Которое из двух зол меньшее?

Новость. Уступая желаниям Алексеева и Губерта, я согласился на приглашение Размадзе секретарем на выставке. Дал же я согласие потому, что он для дела годится, и не легко найти другого на такую службу на несколько месяцев. Как тебе кажется, малодушно это с моей стороны? Мне казалось, личное свое чувство следует подавить для пользы дела. Я утешаю себя тем, что никто меня не пришил к выставке — могу уйти, если мне Соломонович[3] очень противен будет. В тайне души я опасаюсь, что я размякну и забуду прошлое, забуду недавнюю пакость.

Новости. Давыдов окончательно бросает директорство в Питере.[4] Климченко переходит на службу в дворцовое ведомство. Климченко избран в директора Музыкального общества, А. Гр. Рубинштейн также. Конечно, последний едва ли согласится.

Теперь я тебе все высыпал. Прощай!

Твой П. Юргенсон.

245. Чайковский — Юргенсону

Неаполь,
2 марта 1882 г.

Милейший человек! Опять получил сегодня твое письмо и прочел оное с наслаждением, и опять буду тебе отвечать лишь жалкой четвертушкой. Я сегодня болен желудком, и расположение духа самое отчаянное, несмотря на неслыханную красоту моря и Везувия, которые вижу из окна. Слушай, голубчик! Знавал ли ты человека более ненавистно-глупого, чем этот Флеров? Обрывок „Московских ведомостей", посланный тобой на-днях, возбудил во мне ярость. Мало того, что он совершенно отравил мне последние дни в Риме, нет, — нужно еще преследовать меня, когда я удрал от него в Неаполь. Худшей пакости нельзя мне нанесть, как выставляя меня напоказ перед публикой, да еще в виде человека, выигрывающего пикули (!!!) и на другой день *уверяющего* Флерова, что они прекрасны. Во-первых, *этого никогда не было* и ничего я при нем не выигрывал, а лишь рассказал, что однажды прежде это со мной случилось. Во-вторых, кому интересно это читать? Ах, чорт его возьми![1]

Вчера я послал тебе корректуру увертюры. Я сделал ее очень внимательно и все-таки не поручусь, что нет *ни одной* ошибки. Пусть третью корректуру сделает кто-нибудь, да кроме того, нельзя ли Танеева попросить просмотреть. Больше ничего мне не посылай, ибо около благовещения я буду в Москве, если останусь жив и здоров. Было у нас предположение дождаться Толи с женой здесь, дабы избегнуть мне свадебной суеты, но так как он никоим образом раньше 20-го апреля здесь не будет, а ждать так долго я не могу, то я лучше решил снарядить его к венцу и в дорогу, а затем, пожив несколько времени в Москве, уехать в деревню копить деньги. Через полторы недели мы едем во Флоренцию, где Модест водворится на несколько недель, я же, проведя дня два или три, еду прямо в Москву. Если что нужно будет дать знать, напиши мне по следующему адресу: Firenze, Lungarno Nuovo, 22, M-me Kondratieff, pour remettre à P. T. Я очень

смеялся по поводу эпизода с духовным цензором, сделавшим непрошенную микроскопическую корректуру, — это прелесть что такое!

Очень радуюсь твоему торжеству над Бахметевым. Ты совершенно прав, — не в личности старикашки дело, а в принципе.

Давно уж я получил твою медаль и все забывал сообщить об этом. Привезу ее с собой. Думаю, что ты получил мое письмо с новой просьбой о тысяче франков, и, вероятно, просьба уже исполнена. Благодарю и страшно конфужусь. Приготовь к моему приезду, голубчик, мой счет, если можно.

Обнимаю.

П. Чайковский.

Нельзя ли будет к моему приезду устроить пробу трио?[2]

246. Чайковский — Юргенсону

[Неаполь]
4 марта [1882 г.]

Корректуру Бортнянского я тебе выслал четыре дня тому назад. Корректуру (это я знаю отлично по опыту) нельзя делать срочно, т. е. засесть и сделать, ибо тогда тысяча ошибок пройдет незамеченными. Я могу ее делать лишь известными порциями и оттого всегда принужден держать ее дольше, чем нужно, а тут еще случилась неприятность с Postiglione, отнявшая у меня три дня. Впрочем, откровенно говоря, меня мало трогает твое отчаяние, голубчик мой! Издавай как можно лучше, т. е. чтобы как можно меньше ошибок было, а о сроках не беспокойся; от этого ничего трагического не произойдет, что выпуск выйдет неделей позже. Относительно Bombardone* потрудись узнать в театре, как называется инструмент, употребляемый для пушки, т. е. огромный барабан висящий, по которому бьют как по gran cassa.** Если названия нет, если я действительно ошибся, назвав эту штуку бомбардон, то вместо Bombardone выставь на партитуре Canon,*** или Colpi di Canone, или Coups de canons,**** или по-русски Пушка, а примечание, существующее на первой странице, разъяснит, что это не настоящая пушка, а барабан.[1]

К благовещению я в Москве.

Обнимаю.

П. Чайковский.

---

* низкий медный духовой инструмент
** большой барабан
*** пушка
**** пушечные выстрелы

247. Чайковский — Юргенсону

Киев,
24 апреля [1882 г.]

Душа моя! Меня удержали на несколько дней в Киеве. Погода здесь — совсем лето: деревья все давно покрылись зеленью, ландыши цветут, купанье в Днепре открылось, и я сейчас иду купаться.

Хочу тебе сказать и напомнить несколько вещей:

1) Мазурки Лауба или напечатай, или отошли ему.

2) Вещи Света сделаны со вкусом и любовью, но несколько по-дилетантски.[1] Их можно напечатать, но несколько переделавши. Свет этот умер нынче летом, и я от матери его получил известие, что он с любовью говорил обо мне на смертном одре. Меня трогает это и хотелось бы доставить удовольствие старушке, а потому прошу тебя прислать мне его переложение, и я сделаю в Каменке то, что не мог сделать в Москве, т. е. хорошенько просмотрю и отделаю. Там есть между прочим романс Рубинштейна: „Отворите мне темницу". Имеешь ли ты право печатать арранжемент этого романса?

3) В экземпляре „России", который ты мне дал, нашелся приколотый листочек с указанием двух ошибок.[2] Чуть ли этот листочек написан не рукой самого Антона. Видел ли ты это? Исправлены ли эти ошибки? На всякий случай посылаю тебе этот листочек. „Россия" мне нисколько не нравится. Только такой ограниченный, чтоб не сказать глупый, человек может написать подобный вздор. К чему тут эстонцы, евреи и вся эта процессия инородцев? Для чего муза Рубинштейна иллюстрировала тот грустный этнографический факт, что Россия немножко разношерстна и еще не слилась в нечто цельное и сильное своим единством? Прославляет ли он этот факт или скорбит о том? Я думаю, что он сам этого не понимает!

До свидания. Пиши.

П. Чайковский.

248. Юргенсон — Чайковскому

Москва,
15 мая 1882 г.

Позволь и мне, милый друг, отдать „дань почтения" (точно: долг природе), поздравив тебя с единогласным выбором в почетные члены общества охоты с правом охоты по всей Новгородской губернии. Одно странно. отчего ты скрывал, что Новгородская губерния есть твоя родина? Почему тебе больше хотелось быть рожденным в Пермской губернии?[1]

Танеев в восторге от письма.[2] Чтобы не остаться в долгу у тебя, сообщу тебе отрывок из письма одной композиторши из Иркутска, приславшей кадриль, написанную так ужасно, как мне еще не приходилось видеть. При этом хочет кадриль мне продать. Я ей коротко сообщил, что не только купить, но за деньги печатать могу только тогда, если она согласна заплатить деньги за „исправление" по три рубля за страницу. Она

отвечает: „Хотя моя кадриль составлена на основании правил генерал-баса, в строгом стиле контрапункта, но ввиду могших произойти описок“ и т. д. высылает деньги. Затем продолжает: „Моя кадриль в теперешнем виде довольно гармонична, а диссонансов и отступлений от строгого контрапункта я бы не желала“. Оканчивает письмо: „От публикации моя кадриль может быть освобождена“.

Я был две недели присяжным и только вчера освободился. Сегодня была первая репетиция „России“ и первого концерта с Танеевым.[3] Сергей Иванович играл молодцом, и мне смешно было, как Губерт после ему давал советы относительно исполнения. Прозрачно, но мало понятно.

Тебе известно, я состою членом комиссии Музыкального отдела, с Танеевым, а Губерт председатель. Тянул он, бездействовал до самого последнего времени. Наконец на прошлой неделе идет в полуофициальном заседании с Григоровичем и Третьяковым речь об экспертах, и Григорович говорит, что он меня предложит. Губерт прямо заявляет, что я ничего не понимаю, и Григорович „очень удивился“. Это он мне сам рассказывает. Я ему только сказал, что я жалею о форме, потому что можно было отклонить мой выбор в более товарищеских выражениях.

Вообще мне сдается, что Губерт не особенно доволен мною как сочленом. Сегодня, например, я хотел составить афишу второго концерта по готовому материалу и образцу, он этому решительно воспротивился и отнял у меня черновую, так [как] я не умею этого сделать как должно, и поручил это Альбрехту. Я, уходя, ему сказал: „Напрасно меня выбрали, если я ничего не умею“. Я думаю, мне следует выйти из состава комиссии и ограничиться продажею билетов.

Купчая и закладная дома уже пишется и на будущей неделе кончится.

Выставка вместо 16-го откроется 20-го, и первый концерт отложен поэтому на 21-е мая. Вместо Лавровской будет Леонова. В третьем концерте Антон Григорьевич хочет непременно что-либо из твоих оркестровых пьес исполнить, но не отрывок, а что-либо цельное, по времени, однакоже, не более двадцати минут. Хотелось ему „1812 г.“, но я сказал, что увертюра не готова. Теперь он колеблется между танцами из „Воеводы“ и серенадою[4] [...]

Вот я все тебе и высыпал. Теперь адью!

Твой П. Юргенсон.

Чтоже ты мне насчет Ткаченко не отвечаешь?

249. Чайковский — Юргенсону

Каменка,
17 мая [1882 г.]

Любезный Петр! Ведь в течение месяца я не имел ни единого письма от тебя. Наконец соскучился; изволь-ка отписать хоть вкратце, как поживаешь и что делаешь и здоров ли. А я ничего особенного сообщить тебе не имею. Живу понемножку, без больших радостей, но и без скуки, без забот и суеты. Провел здесь десять дней Модест, все время проболел и уехал, не выздоровевши, вызванный в Харьков известием о внезапной смерти Конради, отца его воспитанника. Смерть этого человека не есть большое горе для Модеста, так как они никогда не сходились между собою на искренно-дружескую [ногу], но, во-первых, жаль его бедного, умершего во цвете здоровья и материального благополучия, где-то в дороге, одиноко, а во-вторых, если от Конради и осталось обеспеченное состояние для Коли, но остались также и все отцовские обязанности, тяжелым бременем павшие на плечи Модеста. Завещание еще не найдено, и ранее шести недель еще неизвестно, как

Адольф Бродский

и что̀ будет, — но уже теперь бедному Моде приходится отстаивать обоих сирот от стаи родственников, налетевших в Конрадьевское гнездо. Анатолий проводит невеселый медовый [месяц] и пишет отчаянные письма. Жена его с самого выезда из Москвы постоянно больна, а ты знаешь нрав Анатолия и можешь себе представить, как ему каждая женина бобошка представляется ужасающей болезнью. Кроме того, его все еще [преследует] м а н и я воображать себя преступным сообщителем жене [2]. 25-го мая их ожидают сюда. Могу тебе с полною достоверностью сказать, что в Москву теперь не приеду, да и вряд ли раньше осени вылезу отсюда. Если б и были деньги, я бы их приберег, а у меня их и нет даже.

Скажи, голубчик, Наталье Николаевне, что, кроме выданных мне ею первых двух номеров „Р у с с к о й с т а р и н ы“, я не получил ничего, — ни майской, ни апрельской, ни мартовской книжки. Прошу ее сделать распоряжение о высылке.

Итак, жду от тебя хоть маленькую весточку. Опиши мне, дружище, концерты выставки. Обнимаю тебя.

П. Чайковский.

250. Чайковский — Юргенсону

Каменка,
24 мая [1882 г.]

1) Получил ли ты по переданной мною тебе накладной книги мои? Если да, то потрудись их выслать.

2) Ты меня в последнем письме спрашиваешь, отчего я не отвечаю на вопрос о Ткаченко. Никакого вопроса ты мне не делал (разве предположить потерянное письмо), и я не понимаю, о чем речь. Потрудись разъяснить, и я тотчас отвечу. Не в том ли дело, что Зверев просил тебя послать ему от меня денег, которых тот просит? Если так, то будь так добр: пошли сколько[-нибудь]. У меня ни гроша.

3) Печатается ли трио? Было ли оно на просмотре у Фитценхагена и Гржимали? Если нет, то надо попросить одного из них или обоих выставить с м ы ч к о в ы е з н а к и как в партитуре, так и в голосах, т. е. они должны или оставить м о и знаки в тех местах, где они их находят уместными, или изменить. Пожалуйста, друг мой, похлопочи об этом. Это для них пустяшная работа.

4) Отчего твоя безумно стремительная Бортнянская прыть потухла и ты мне ничего не пишешь? В газете „К и е в л я н и н“ недавно была хвалебная статейка за Бортнянского.[1]

5) Приглашен ли Б р о д с к и й? Если хотят, чтобы один из них двух играл мой концерт, то я п о л о ж и т е л ь н о стою за Бродского и прошу тебя иметь в виду мое это заявление на случай, что оно понадобится для разрешения вопроса: кто из двух.[2]

Обнимаю.

П. Чайковский.

251. Юргенсон — Чайковскому

1882 г. мая 24 — 25. Москва. 24 мая 1882 г.

Друг мой,

Ты, верно, удивлен скупостью известий юргенсоно-московских. Что делать! Я ужасно запустил всякие дела и корреспонденцию. Горы дел, глетчеры безделья в виде завтраков, обедов и т. д. не дают мне заниматься...

Начинаю свою повесть. На-днях кончил под целым градом завтраков и обедов курс в Вишах. Удивил всех изобилием новых теорем и выводов, успешно выдержал поток визитов доктора Шнауберта, нанесенных мне во время моего отсутствия, и кончил, приобрев великолепное состояние здоровья и обильным „на низ". Приобретеньям моим нет конца: брюшко в эмбрионическом виде [7], сто цыганских песен от Лейброка в Питере, новый котел в паровую, сорок песен Тертия Ивановича Филиппова купно с Римским Корсаковым,[1] и т. д.

Дом архива перешел еще более в мои руки: закладная с казною подписана, и сегодня Алексеев и я послали к старшему нотариусу заявление о том, что все расчеты кончены. Я заплатил тридцать тысяч, а двадцать тысяч покуда отсрочены. Все это делается с Алексеевым, а прочих мы и не спрашиваем. Бо-фрер твоего брата всю ответственность берет на себя, а я поклонник всяких упрощений.

Грешный человек, я рад за тебя и Модеста, что Конради перестал существовать. Ваш трио не расстраивается теперь по чужой воле. Мир вам.

Анатолий со всеми своими страхами смешон. Я не в состоянии понять эти страхи это — умопомрачение. Видно,

„А он бедный ищет бури,
Будто в буре есть покой".[2]

Экий урод! Чего ему не достает? Действовал бы себе по части умножения рода человеческого, доставляя этим себе и жене удовольствие.

Выставку открыли. Два концерта сдали. Выставка прелесть, т. е. изумительно! Мне совестно за себя и свою скромность, — увы, поздно! Покрываюсь фиговым листом скромности.

Антон Григорьевич сделал к концерту 21-го четыре репетиции. Вместо Лавровской пела Леонова. Затем Лавровская приехала и хотела петь, но Антон Григорьевич не допустил. Танеев играл твой концерт с большим успехом. Нашли, что есть длинноты, и Танеев согласился, но ему жаль было выпустить, ибо „долго учил". Особенно разговор шел о каких-то четырех страницах.[3] Концерт кончился в шесть часов!

Вчера был второй концерт с Терминской и Прянишниковым. Сбор полный.

25 мая.

Вчера вечером у Антона Григорьевича играла маленькая Bauche — скрипачка семи лет. Милая девочка, которая шалит и играет, как только скрипку отцу отдала. Мне антураж Рубинштейна не нравится, — эти вечные старые девы и бабы, липнувшие как банные листы: страшилище Малоземова, пискулька Залесская, M-me Пабст, Давыдова и т. д. [...]

Твой П. Юргенсон.

Простись навсегда с моими конвертами, картинно изображающими Неглинный проезд, 10. Почтовое ведомство узрело тут ущерб казенным интересам. [1]

252. Юргенсон — Чайковскому

Москва,
1882 г. мая 31 — июня 1. Москва. 31 мая 1882 г.

Петюшечке! Твоя Серенада имела громадный успех. Юпитер[1] на первой репетиции говорил мне: „Мне кажется, это лучшая вещь Чайковского". Другим он хвалил эту вещь также безусловно и на генеральной репетиции сказал: „С изданием этого опуса вы можете себя поздравить". Публике и музыкантам одинаково пришлась она по душе.

Мне бы хотелось издать Серенаду в две руки, кому ты советуешь отдать?[2] Какой красивый звук квартета, когда их так много и они „налягут", как во второй части Серенады. Вероятно, ты позаимствовал что-то из „Лебединого озера", или это только родственное сходство? [...]

1 июня.

В будущее воскресенье будет концерт Московской консерватории под управлением Губерта. Программа до сих пор не выяснилась, и я боюсь, что мы не устоим перед Петербургом. Мы как будто иссякались тремя первыми концертами и как будто понизились в качестве, будто явимся полинявшими. Сама дирекция будет не в сборе: Маслов потерял последний рассудок, Третьяков в Питере, Алексеев в Харькове... Остаются: вместо Рубинштейна — Губерт, вместо Алексеева — незначительный Юргенсон, вместо Третьякова — новичок, юноша Трубецкой. Все мы бледны.

Прощай, милейший, целую тебя в обе щеки.

Твой П. Юргенсон.

253. Юргенсон — Чайковскому

Москва,
2 июня 1882 г.

Любезный друг! Пишу дабы не забыть. Не считаешь ли ты нужным и возможным протестовать (в какой-либо форме) против нахальства, с которым тебя „ревизуют и коррегируют" разные господа, как Лессман, Клиндворт и другие? Мне кажется, это можно сделать с достоинством и ядовито. Мне неизвестно в прежней практике, чтобы живого композитора „пересматривали и исправляли" *без его ведома*. С. с. Клиндворт купно *с жидом* Фюрстнером издают *все* твои вещи под названием: „Edition Klindworth".

Если ты этого не желаешь, то оставь мою просьбу без внимания. Я бы отнюдь не желал против твоего чувства итти или создать тебе врага в лице Вотана. Чорт с ним.

Кроме того, я предлагаю тебе действительно пересмотреть все твои опусы и выставить doigté,* и тогда я постараюсь найти за границей (полагаю, во Франции) издателя, который бы следил за тем, чтобы не было новых изданий с твоими поправками.

Господи!! Что за Русь! В других странах трудно достигнуть просто права гражданства, а у нас чужестранцев производят с легкостью в генералы. Гензельт получил действительного статского советника. Человек живет сорок лет в России, знаменитый пианист, друг Ольденбургского и т. д. Получил давно желанное всего два года назад. Риба, паскудный, неизвестный, бездарный чех, тоже произведен в действительные статские советники. [1] Как, должно быть, умалился этот чин для Гензельта! После этого действительно было бы обидой дать действительного статского советника Рубинштейну (бедный Николай Григорьевич скромно надеялся после 1878 г. получить простого статского советника, а получил только позорный столб). [3] Хорошо, что у людей обиженных и обойденных есть награда в собственном сознании и есть что-то не допускающее их опустить руки и бросить дело. Итак, если тебе никогда не дадут действительного статского советника, то утешься хоть тем, что твой издатель тебя ставит выше всех статских советников в мире. Я не один!

---

* расстановку пальцев

И. И. Смирнова приговорили к платежу трехсот рублей штрафа, неустойки и судебных издержек, или шесть недель тюрьмы за либретто „Евгения Онегина". Его спасла от бо́льшего штрафа только его ерническая предусмотрительность: он, напечатав 2400 экземпляров, показал в цензуре только 300 экземпляров!!! Убытки присуждают у нас в России только доказанные, как бы велики ни были убытки вероятные. Я же мог „доказать" только напечатанные 300 экземпляров. От переплетчика его я знал, что их было 2400.

Спасибо и за это; по крайней мере адвокат уплачен и мои экземпляры либретто целы и невредимы.

Прощай! Твой П. Юргенсон.

254. Чайковский — Юргенсону

[Каменка]
3 июня [1882 г.]

Милый друг! Завтра я еду к Модесту; не знаю, сколько времени там останусь, но, вероятно, недели две или три, а может быть, и больше. Еду туда потому, что бедный Модест, во-первых, болен, а во-вторых, страшно расстроен и огорчен бесчисленными каверзами и пакостями, которые устраивают теперь разные родственники покойного Конради. Анатолий здесь уже три дня и завтра едет в Москву. Он расскажет тебе, в чем дело. Толя успокоился и представляет теперь с своей женой очень счастливую и милую парочку.

Если будешь писать, то потрудись впредь до уведомления писать по следующему адресу: Полтавской губернии, Константиноградского уезда, почтовая ст. Ново-Николаевка, оттуда в Гранкино, П. И. Ч.

До свиданья, голубчик!

Твой П. Чайковский.

255. Чайковский — Юргенсону

Гранкино,
12 июня [1882 г.]

Душа моя! Насчет протеста против Edition Klindworth отвечу следующее. На это можно смотреть с двух точек зрения. I. С точки зрения затронутых интересов друга моего Юргенсона. Смотря с этой точки, я возмущаюсь и сержусь, во-первых, на себя, что в былое время так легкомысленно относился к корректуре, а во-вторых, на Клиндворта, который занимается перепечаткой моих сочинений не ради любви к ним, а чтобы немножко напакостить тебе. II. С точки зрения достоинства моих исправляемых пьес. Здесь я с трудом заглушаю порыв эгоистической радости ввиду того, что такой превосходный знаток музыки вообще и фортепианной в особенности, как Клиндворт, будет заниматься этим исправлением. Постарайся встать на эту мою точку зрения и простить меня за то, что я не в состоянии

вызвать из души моей ту ядовитость, которою, согласно твоему желанию, должен быть проникнут мой протест. Ведь я не только не буду сердиться, но — радоваться самой чистой радостью, если Клиндворт подвергнет своему пересмотру и отдаст жиду Фюрстнеру вещи, принадлежащие Бесселю. Следовательно, тут для меня вся штука в том, что я тебя люблю и уважаю столько же, сколько презираю Бесселя. Но я нисколько не боюсь создавать себе врага в лице Вотана; я боялся бы этого, живя с ним в одном городе, ибо стеснялся бы встречаться с ним. Теперь же, когда мы обречены жить врозь, я совершенно не боюсь и вполне равнодушен к гневу, которым он воспылал бы, если б я протестовал. Итак, предлагаю тебе следующее: напиши, что хочешь и как хочешь, и я подпишу. Но сам не могу ничего ядовитого придумать, ибо по свойственной людям подлости, несмотря на недостойные поступки Клиндворта в отношении моего друга, все-таки не возмущаюсь его усердием к моей музыке настолько, чтобы быть ядовитым. Сознаюсь откровенно в эгоизме и каюсь в этом пороке, которым действительно страдаю в сильной степени.

Сам же заняться пересмотром не могу, ибо недостаточно хороший пианист для этого. Да кроме того все мои фортепианные вещи, за исключением сонаты и двух концертов, мне очень противны и гадки, а исправлять и пересматривать нужно с любовью. Предлагаю тебе пригласить в качестве пересмотрщика Танеева, или Пабста, или Нейтцеля. Впрочем, я не знаю, что ты понимаешь под исправлением. Если только корректуру, то это я могу, но выставлять doigté, а тем более педаль — решительно не умею.

Итак, обдумай это дело и реши. А не лучше ли всего пойти на компромисс с Клиндвортом? Не дать ли ему то, что ему дает Фюрстнер?

Я решительно не знаю, сколько времени останусь здесь, но думаю, что никак не меньше двух недель.

Обнимаю.

П. Чайковский.

256. Чайковский — Юргенсону

Гранкино,
19 июня [1882 г.]

Милый мой P. I. J!*

Вижу из твоего последнего письма, что ты сильно раздражен бестактной выходкой Губерта по поводу экспертизы.[1] Совершенно сочувствую и понимаю, что есть тут на что сердиться, и недоумеваю, как мог Губерт так дико-бестактно поступить. Но меня весьма огорчает, что ты хочешь выходить из Музыкального общества. Это будет ужасно

---

* *Инициалы латинскими буквами:* Петр Иванович Юргенсон!

грустно, да, впрочем, я почти уверен, что если ты только заикнешься о своем выходе, то они так все перепугаются, что падут к ногам твоим и упросят остаться. Питаю надежду, что твое раздражение пройдет и ради пользы дела, ради дружбы к покойнику ты останешься. Но весьма советую тебе как можно скорей облегчить свою душу посредством внушения, которое ты непременно должен сделать Губерту. Обругаешься и тотчас с достодолжным спокойствием отнесешься к этой глупости.

Скажи мне, голубчик, если я с Модестом, его воспитанником и состоящим при них юношей Сангурским (братом Бонифатия) приеду в будущем месяце в Москву дня на три или четыре, то не можешь ли ты нам оказать гостеприимство у себя в собственном доме? Модест едет в Петербург, чтобы воевать с матерью своего воспитанника, а я хочу на первое время быть с ним, чтобы умерять его справедливое раздражение. Вот отчего мы и попадем по дороге в Москву, где хотим остановиться, чтобы Толю повидать, тебя и выставку. Отвечай мне теперь уже в Каменку. Думаю, что весь июль Софья Ивановна проведет в Старой Руссе и что места у тебя достаточно. Не обеспокоим мы тебя остановкой?

Обнимаю.

П. Чайковский.

257. Юргенсон — Чайковскому

Москва,
30 июня 1882 г.

Долго я собирался дать подробный ответ на твое письмо от 12-го июня. Отвлекаемый разными делами, я, наконец, послал тебе короткую записку, что с удовольствием буду ждать вас, краса композиторов российских со свитою (или сиротою?) [1]

Насчет „Edition Klindworth" я готов перейти на твою точку зрения. Я готов поставить твой взгляд выше своего, если ты находишь, что русское издание может стоять ниже перепечатки заграничной. Уделяя известную долю на эгоистическое стремление издателя-собственника, я немножко обижался за тебя. Затем, что касается до передачи г-ну Танееву или г. Нейтцелю, то я решительно против этого. Иначе, как авторский пересмотр, я не могу признать. Это мой взгляд, высказанный много лет раньше относительно неизвестного Антона Краузе и еще менее известного Бухсвцева. Я отказался тогда наотрез от подобного издания и был уверен в отказе сочинителя. Допуская возможность такого издания с согласия автора, я тем не менее относительно тебя считаю это согласие неудобным. Покуда ты жив-здоров, я считаю тебя одного редактором твоих сочинений. Если тебе пересмотр противен — плюнь, будем печатать их в первоначальном виде. Оговорюсь, я тут не разумею простую корректуру, а тот пересмотр, который ты хотел предпринять год или более тому назад по собственной инициативе.

От ядовитого порицания Вотана я логически также отказываюсь, — это не имело бы смысла. Бесселевские издания твоих сочинений для фортепиано не попали в „Edition Klindworth"; только двенадцать романсов для пения. Злобу против Вотана я подавлю, но совершенно уничтожить и изгнать из моего организма едва ли удастся; она как мертвое тело воспрянет опять и опять, как только вспомню, что я решительно ничем не заслужил его пакостное поведение.

A propos! Клиндворт слагает оружие и бежит — в Берлин. Он открыто сознался, что боится не выдержать с могущественным врагом(?!) в лице И.Р.М.О. Экой шут гороховой! Не хватает у него насколько доброкачественности, чтобы не подозревать дирекцию в злокозненности. Я за себя и своих товарищей отвечаю, — никто ему ногу

не подставил и не подставит. Его в сущности мелкая душонка не может себе представить, что и врагу(?) причинить несправедливость — стыдно. Я ведь несколько месяцев тому назад написал было ему ядовитое письмо, но, не доверяя себе, дал его просмотреть Губерту, а тот и до сих [пор] держит черновое у себя. Я сильно охладел и очень сомневаюсь, что письмо пошлю по адресу, но иногда, в желчном состоянии духа,— послал бы. Я тебе, кажется, говорил, что в письмах я воздержан и вежлив; также и в письме к Клиндворту я очень осторожен в выражениях и язвителен только приведением фактов.

Если бы только речь шла о том, чтобы итти в Каноссу (по-твоему, компромисс) и просить у истукана Вотана помилования, с совершением бескровных жертв кредитными билетами... я бы это сделал, если б не подкладка своекорыстия [...]

Относительно Губерта мое раздражение улеглось, но он так умеет немытой рукой пройтись по твоему лицу, что я опять и опять возмущаюсь и конца не предвижу. Но, даю тебе слово, я не считаю свое присутствие нисколько необходимым и совершенно уверен, что меня заменить легко. Даю тебе слово, покуда я могу быть полезным Музыкальному обществу и консерватории, я все сделаю, но это я могу сделать без титула, в качестве комиссионера; оно и дешевле... Знаешь, сколько я в качестве директора на выставке прожрал? Пятьсот рублей! Пятьсот экю! И чорт меня понес на эту проклятую галеру! [...]

Прощай. Кланяйся всем твоим. Буду ждать Herrn Tschaikowsky nebst Suite.*

258. Чайковский — Юргенсону

Гранкино,
11 июля [1882 г.]

Друг мой!

Я получил прилагаемое при сем письмо от г. Бюргера, виолончелиста, который желает в этом сезоне играть в Москве. Пожалуйста голубчик, прими это к сведению. Я написал этому немцу ответ по-французски, что постараюсь исполнить его просьбу, но решительно не понимаю, куда адресовать. Что значит тут Лавровская? Почему нужно ей адресовать? Зачем она в Мюнхене? Что значит stets per adresse? Распутай эту дичь и надпиши на моем ответе адрес.

Модест выдержал операцию, от которой все еще не может поправиться.[1] От опекунов никаких известий не имеет, денег, которые ему за несколько месяцев должны, ему никто не посылает, и вследствие этого он все еще не может тронуться отсюда, а я не могу его оставить. Надеюсь, однако, в конце месяца попасть в Москву. Я написал в Каменку, чтобы мне выслали твои посылки; не беспокойся о них, они не пропадут ни в каком случае,— но задержка маленькая в возвращении корректуры будет.

Я согласен заняться пересмотром всех моих вещей; два года тому назад первые опусы я даже уже просмотрел и исправил; но мне все-таки нужно будет содействие какого-нибудь пианиста. По поводу всего этого нужно будет поговорить устно при предстоящем свидании, т. е. мне

---

* очередную сюиту господина Чайковского

нужно разузнать, к какому времени требуется вся эта история или никаким временем стесняться не нужно?

Пиши покамест сюда, а впрочем, ей-богу, не знаю, сколько здесь останусь, и потому, покамест не напишу чего-либо решительного, не пиши подробных писем.

Твой П. Чайковский.

259. Чайковский — Юргенсону

[Гранкино]
14 июля 1882 г.

Модест опять подвергся возне с своей болезнью. Опять пришлось посылать за доктором, что-то такое решать, что-то вставлять, и теперь бог знает, когда ему можно будет тронуться. Надеюсь, что дней через десять он вполне поправится, но не могу тебе сообщить ничего верного относительно моего прибытия в Москву и даже не могу сегодня просить тебя писать мне, ибо, ей-богу, не знаю, где буду через неделю. По одному делу мне собственно следовало бы в Каменку заехать. Одним словом, ввиду совершенной неизвестности моего ближайшего будущего, мне как-то и писать сегодня не хочется. Лучше подожду до следующей почты. Может быть, к тому времени все разъяснится.

Надеюсь завтра получить из Каменки корректуры.

Твой П. Чайковский.

260. Чайковский — Юргенсону

1882 г. июля 16—17. Гранкино. 16 июля 1882 г.

Между разными недоразумениями, происшедшими вследствие того, что я то даю свой адрес в Каменку, то сюда, произошло следующее: М-me М[екк] прислала мне в Каменку сумму денег в виде перевода на Киевский банк. Так как я был должен крупную сумму моему зятю, то уезжая сказал ему, что в случае письма от М-me М[екк] с деньгами он может распечатать и получить. Когда пришло письмо с переводом на банк, он дал мне знать, что из банка деньги не выдадут иначе, как мне лично, и спросил, что делать с переводом. Я отвечал, чтобы он его оставил у себя до моего приезда. А между тем мне на-днях (21-го) предстоит в Москве уплата по векселю Кольрейфу 585 рублей. Деньги эти я занял в апреле на три месяца. Очень не хотелось бы откладывать уплату, ибо, во-первых, при займе я обещался или к сроку уплатить или, заплатив проценты, выдать новый вексель. Последнего мне очень не хочется, ибо проценты он берет изрядные. Если б М-me М[екк] прислала мне кредитные билеты, то я или отсюда бы прямо ему выслал

или поручил бы Льву Васильевичу выслать. Но бог знает теперь, когда попаду в Киев, когда получу из банка. Я бы попросил тебя сделать эту уплату теперь же, ибо имею в будущем кое-что содрать с тебя за Бортнянского, но боюсь, что ты из-за дома затруднен в деньгах, и потому прошу по крайней мере, в случае если Кольрейф или жена его явятся, уплатить мой вексель с тем, что как только разменяю в банке, отдам тебе, — следовательно, очень не надолго прошу взаймы 585 рублей. Если же тебе этого не хочется или нельзя, то по крайней мере (уж нечего делать) заплати проценты за месяц вперед и поручись, что в скором времени я разделаюсь. Одним словом, как-нибудь помоги или совсем рассчитаться или протянуть до моего приезда. Я бы не хотел быть неаккуратным в отношении Кольрейфа, ибо тут замешано посредствующее лицо, которое ручалось, что я в срок исполню обязательство. Если ты догадываешься, кто посредствующее лицо, то прошу этого ни ему, ни его близким не давать чувствовать. Хорошо было бы, если бы ты даже как-нибудь узнал адрес Кольрейфов и послал за стариком или его женой. Я продолжаю решительно не знать, что буду делать и когда попаду в Москву. Может быть, завтра (почтовый день) это уяснится, и тогда я припишу тебе.

17 июля.

На будущей неделе во всяком случае мы решили ехать в Каменку, а что потом будет и долго ли там останусь, — не знаю. Прошу тебя написать мне туда, но корректур не высылай, ибо, быть может, из Каменки я поеду в Киев, получу деньги и махну в Москву, а может быть, и нет. Не смейся над моей нерешительностью, но я в зависимости от здоровья бедного Модеста, которое порядочно расшаталось. То ему лучше, и мы решаем так и так, но на другой день опять скверно, опять посылаем за доктором и снова все рушится...

Корректур до сих пор не получил, но завтрашняя почта, вероятно, привезет мне их.

Обнимаю.

П. Чайковский.

261. Чайковский — Юргенсону

Каменка,
26 июля [1882 г.]

Пишу тебе только несколько слов, чтобы сказать, что я сегодня приехал в Каменку и нашел здесь все прежде присланные корректуры. Вследствие моих бесконечных колебаний произошло то, что только через месяц почти по высылке я примусь за корректуру. Но обещаюсь тебе работать усердно и в самом скором времени окончить ее; сестра только что вернулась из Карлсбада и по дороге заехала в Прагу, чтобы услышать „Орлеанскую Деву“ или, как она там называется,

„Panna Orleanska". Оказывается, что опера шла в летнем деревянном, балаганоподобном театре, что исполнение и вся обстановка хотя очень старательны, но бедноваты. Певицы и певцы все некрасивые и старые, но недурные. Вообще, хотя не следует преувеличивать значение этого факта и не забывать, что серьезная постановка серьезной оперы не происходит летом иначе, как в третьестепенных театрах, тем не менее по всему, что рассказывает сестра, видно, что те, которые занялись постановкой, принесли много забот и старания, — и это меня чрезвычайно радует и даже трогает.

Бог знает, когда попаду в Москву. На-днях напишу.

Твой П. Чайковский.

P. S. Пожалуйста, дай мне знать, посылал ли ты деньги Ткаченке. Мне нужно это знать.

262. Чайковский — Юргенсону

Киев,
20 августа [1882 г.]

Я позабыл взять у тебя в магазине английских хоралов и духовных песней для фисгармонии. Пожалуйста, голубчик, сейчас же мне вышли рублей на десять этой дребедени. Я дал слово привезти их нашей англичанке[1] и позабыл, — так досадно!

Ехал я великолепно, благодаря тебе. Нет слов описать, как я наслаждался в дороге и наслаждаюсь теперь своим одиночеством и свободой.

Пожалуйста, голубчик, не забывай о проекте комнатки для меня в твоем доме. Пусть это будет самая маленькая клетушечка, но совершенно отдельная. Мне кажется, что только при этой комнатке, вблизи тебя и Софьи Ивановны, я могу гостить в Москве с приятностью.

Обнимаю.

П. Чайковский.

263. Юргенсон — Чайковскому

[Москва]
27 августа 1882 г.

Бортнянский — просто мой бич. Ни одного выпуска не было без приключений с цензурным выпускным экземпляром. Теперь ты виновник моих бедствий с седьмым выпуском. Ты захватил оригинал цензурованный „Тебе бога хвалим", а я без этого не могу получить выпускной билет. Пришли поскорей все хвалебные песни под бандеролью. Ради бога, поскорее.

Твой П. Юргенсон.

264. Чайковский — Юргенсону

Каменка,
10 сентября [1882 г.]

Голубчик ты мой! Ведь у меня требуемых тобой процензурованных экземпляров, ей-богу, нет!

„Тебе бога хвалим“ нашлись оттого, что корректуру их я делал здесь и процензурованные нумера остались между разным старым хламом. Что касается десяти концертов, то часть их я корректировал (первую корректуру) еще весной, а другую часть теперь в Москве, и мне только положительно [стыдно? страшно?] сказать, что относящиеся к этим последним цензурованные подлинники оставлены мной у Кокорева, как вещь, которую я считал вовсе ненужною, раз что корректура сделана. Кто знает, быть может, они сохранились? Не зайдешь ли ты туда? Очень извиняюсь в этой оплошности, но, во-первых, ей-богу только с микроскопом можно рассмотреть крохотные буквы отца цензора, а во-вторых, жаль, что ты меня не предупредил. Я прихожу в ужас, когда подумаю об ужасных последствиях этого недосмотра. Неужели придется опять отдавать в цензуру? Про себя сегодня ничего не пишу, ибо у меня болят зубы; я зол и на зубы, и на цензора, и на свою оплошность, да отчасти и на тебя: зачем, зачем ты не предупредил меня!..

Прости, обнимаю.

П. Чайковский.

265. Юргенсон — Чайковскому

Москва,
11 сентября 1882 г.
Вечером.

Давно, о друг, не писал я тебе частного письма, — все деловые писульки.

После твоего отъезда продолжалась летняя вакация, если не считать выставочную музыку. Сегодня, наконец, был последний концерт или, скорее, „музыка“, блистательно окончившая выставочную деятельность Музыкального общества. По желанию (конечно, вызванному неутомимым Алексеевым) государя императора играли одну „Россию“. Публику пускали с разбором, даром. Алексеев поднес императрице букет, Третьяков — отчет Музыкального общества, а я — экземпляр „России“ в бархатном переплете. Дирижировал Губерт. Его потом призвали для нескольких милостивых вопросов.

Теперь еще раздача наград экспонентам в концертном зале, с двумя военными оркестрами, „с гласом трубным“, по выражению Алексеева, и — шабаш. Ты спросишь, получу ли я свою награду? Вероятно, да, но не теперь, так как „личные награды“ будут утверждены позднее в Питере, говорят, к концу года. Признаюсь, мне жаль, что я выбрал орден, а не орла, т. е. уступил выгоду фирмы пользе семейственной. [1] Утешаюсь тем, что мне удастся, если проживу, поймать орла за сверхъестественную добродетель по части печатанья.

Ты не можешь себе представить, как трудно мне приходится в борьбе с препятствиями естественными, т. е. при отсутствии энергических или даже энергического помощника. Почти семьдесят человек и — ни единого сподвижника, ни одного дельного, вполне дельного человека. За дорогую цену держу людей, только слегка способных. „Скажи мне, кем ты окружен, и я скажу — кто ты“ мне иногда, как mene, tekel, phares, [2] безотрадно вспоминается. Увы! Это верно!

Не будем говорить о моих служащих, вспомним только вопрос о корректорах. Что за бич, что за безнадежная „нос вытащишь, хвост завязнет“... Фитценгаген привез мне на-днях четвертую корректуру твоего трио с массою отметок и требует пятую корректуру. Он объясняет плохую корректуру тем, что доверился оригиналу (?), писанному Лангером. Он по этому оригиналу (?) поправлял и потому поправлял так, что теперь прежние поправки приходится заменить. Сам посуди: за коррек-

туру и перемены я платил граверам и теперь за новые поправки опять. Да это что, — главный вред в бесплодной работе и потере времени. Если одна вещь держится семь месяцев (вероятно, восьмой уйдет), то сколько жизней надо иметь, чтобы выпустить их десятки, сотни!? Поневоле будем издавать г...о,* чтобы только пополнить пустоту; тут Бортнянский кажется манной небесной, несмотря на все задержки и препоны. Все-таки мне удастся кончить десять томов партитур и десять томов голосов двумя месяцами раньше срока.

Фитценгаген ужасно надоел мне объяснениями по поводу трио и очень нагло осудил меня за Andante из твоего квартета, сделанное de Swert'ом. [3] Он доказывал, что виолончельный голос списан у него и что ему обидно, что тот получил гонорар, а он нет. ** Я ему говорю, что я взял эту вещь у de Swert'а по тому расчету, что иначе тот издал бы Andante у немцев, чего я не желал допустить. Он все-таки остался недоволен мною [...]

Сегодня был первый холодный день, все время погода стояла летняя и даже без дождей. А между тем торговля идет недурно, пуще же всего покупка изданий дребезденных растет, как грибы. Покуда твое трио корректуется, я купил около трехсот нумеров готовых вещей у различных издателей за тысячу рублей, с готовыми досками. Музыки в этих трехстах нумеров совсем нет, все больше навоз, но в хозяйстве навоз идет на дело.

Теперь Танеев с Кашкиным переводят историю музыки и еще книжонки Бусслера, и я счастливый издатель. Поди тут и покупай дома... Надо быть двужильным, чтобы всю эту музыку переварить одному — инда страх берет! Не под силу дерево рублю. Хоть бы полиция мне запретила издавать... Просто болезнь и — дурная.

Прощай, милейший!

Твой П. Юргенсон.

266. Чайковский — Юргенсону

Каменка,
15 сентября [1882 г.]

Получил я, душа моя, твое письмо, в коем проливаешь слезы по поводу издательства. Я и сам думаю, что при тех неблагоприятных условиях, о коих ты говоришь, т. е. отсутствии помощников, корректоров и т. д., тебе следует умерять свой издательский пыл. Есть вещи, которых в твоем деле я совсем не понимаю. Неужели кроме бешеного пыла и жадности ко всякого рода гравированным доскам, есть еще какие-нибудь стимулы, заставляющие тебя платить тысячу рублей за навоз, о котором ты пишешь? Сравнение с навозом в настоящем случае, впрочем, неуместно. Навоз в хозяйстве драгоценнейший пособник, виновник качества и количества плодов, которые на нем вырастут. Но какой плод может принести музыкальный навоз, тобой приобретенный? Только в складе досок прибавится несколько пудов металла, а музыка ведь никаких пенок с этого г.... не снимет. Не понимаю!

Я этим вовсе не хочу сказать, что ты должен довольствоваться лишь творениями П. И. Ч[айковского] и стараться как можно больше марании этого писаки пускать по свету. Напротив, мне всегда кажется,

---

* Так в подлиннике.

** Его переложение тогда я не заказывал, он насильно навязал мне. (*Прим. Юргенсона.*)

что биржевая цена моих писаний какая-то дутая, искусственная, и потому немножко стыжусь преподносить их тебе столь часто. Тем не менее, на-днях тебя ожидает сюрприз, состоящий из шести пьес для фортепиано, мной только что рожденных на свет.[1] Я бы ни за что их не написал, если б не Осип Иванович, поощривший меня это сделать. Признаюсь, что и финансовые цели были не чужды фортепианному вдохновению, снисшедшему на меня. Пеняй на Осипа Ивановича, если придется мошной тряхнуть.

Меня очень пугает Фитценхаген с своей пятой корректурой. Я имею основание опасаться, что он что-то намудрит, и почти готов просить тебя прислать мне шестую корректуру. И зачем тебе вздумалось давать ему корректировать трио? Ради бога, все мои вещи посылай мне, исключительно мне и поверь, что лучшего корректора для них отныне никогда не найдешь. Ну, будем надеяться, что обойдется благополучно, и по окончании Фитценхагенской возни печатай трио с богом, да и мне экземплярчик (один) пришли.

Я кончил сочинение оперы и принимаюсь за оркестровку.[2] Мне кажется, что это будет хорошая опера, мне кажется, что на этот раз я не введу тебя в убыток, мне кажется, что и публика, и певцы, и я, и Юргенсон будут довольны, а впрочем чорт его знает!

До свиданья, голубчик, спасибо за письма.

Твой П. Чайковский.

267. Юргенсон — Чайковскому

Москва,
17 сентября 1882 г.

Получил я текст с нумерами девятого и десятого выпуска из Кокоревки. Точно только мелочь носит цензурную пометку. Но зло, причиненное мне невозвращением концертов, не умаливается: я бы заметил отсутствие цензуры. Ну, да бог с тобой. Только теперь [2] не упрекай своего издателя и своего Тамара не брани.[1]

С.... С.. св. Сергиевский отец цензор такой шельмец, что недавно возвратил мне оригинал, посланный в марте с. г., — 15-го сентября, с бумагой: „Не разрешаю"!!!

А я выдал заказчику экземпляр в июле; испугался очень, так как за выпуск без разрешения и без выпускного билета полагается тюремное заключение на несколько месяцев. Я уже видел, как Анатолий меня будет громить, как Бессель приедет из Петербурга, как он дыхнет на меня ядовитыми миазмами своего дыханья, и мысленно с Кашкиным устраивал мальчишник. Не угодно ли вспомнить через шесть месяцев, что̀ и как дело было, какое тут недоразумение имело место, кто тут напакостил. Я поднял гвалт, и благодаря этому оказалось, что светская цензура нам в мае разрешила, но что до сих пор выпускного билета не дала. Это совсем другое дело. Тут все не страшно, все уладится. Тайный виновник мой — Федор Федорович: он все напутал и все забыл. Ох, [2] — этих немцев [...]

Прощай, меня ждут дома.

Твой П. Юргенсон.

268. Чайковский — Юргенсону

Каменка,
20 сентября [1882 г.]

Друг мой!

Ты знаешь, что французский композитор Делиб писал балеты.[1] Так как балеты — вещь, не имеющая прочного существования, то он из них делал для исполнения в концертах сюиты. На-днях я вспомнил о своем „Лебедином озере“, и мне очень захотелось сохранить от забвения эту музыку, в которой есть несколько порядочных вещей. И вот я решился подобно Делибу сделать из него сюиту. Для этой цели мне нужны клавираусцуг балета и партитура. Не знаю, имеешь ли ты у себя партитуру; если нет и если достать ее из театра трудно, то пришли покамест одно переложение, а я впоследствии в точности укажу тебе, какие нумера и в каком последовании следует их переписать. А затем, если ты этого хочешь, эту сюиту можно издать в виде партитуры и переложения в четыре руки. Напиши же, что ты об этом думаешь.

Получил начало первой корректуры Всенощной и, вероятно, на этой неделе успею просмотреть и прислать тебе.

Позволь затруднить тебя одним поручением. В книжном магазине „Нового времени“ принимается подписка на „Историю Петра Великого“, Брикнера, выходящую выпусками. Мне очень хочется приобресть эту вещь; нужно заплатить с пересылкой, кажется, 14 рубл. сер. Первые четыре выпуска вышли, и я желаю их получить сейчас же. Получать желаю выпусками, а не частями (подписчикам предоставлено выбирать то и другое).[2] Прости, что надоедаю поручениями.

Я начал инструментовку оперы.

Обнимаю тебя.

П. Чайковский.

269. Юргенсон — Чайковскому

Москва,
20 сентября 1882 г.

Голубчик, я давно потерял невинность, и теперь поздно мне об этом горевать. Под словом „навоз“ я разумею многое, имеющее цену на рынке, дающее деньги, двигающее дело. Допустим, навоз „драгоценный материал в хозяйстве“, а все-таки это — г.... Если бы не было этого моего хлама, — не было бы размеров моей печатни. Откуда бы мне взять шесть миллионов нотных страниц музыкальных перлов? Ба! Мне, может быть, не к лицу говорить таким аскетом о музыкальных изданиях после того, как у меня хлам считается тысячами нумеров? Последние приобретения состоят из Лешетицкого, Контского, Шашиной, Макарова, Петрова и т. д.; между прочим и известный романс „Няня“ и пр. и пр. Со стороны торговли, эти вещи приобрести выгодно, ибо имеют сбыт. Если бы предоставил „хлам“ другим, я бы не имел той силы, того успеха, и число моих изданий было бы очень не велико. У меня ведется счет, сколько и когда какая вещь печатается; дрянь идет иногда поразительными массами. Эту ста-

В. Фитценгаген

тистику просмотреть бывает интересно. Разница между дрянью и хорошими вещами была и будет следующая: дрянь забудут непременно, хорошее очень живуче, чтобы не сказать: живет вечно.

Пришли, пришли шесть пьес. Немедленно займемся ими; пусть тогда брат удивит мир своей неблагодарностью или пусть продаст каждый нумер по тысяче экземпляров[...]

Аренский ангажирован для теоретических классов. [1] Это почти мальчик.

Эрдмансдерфер хочет твою Четвертую симфонию сделать, обижается, что у него отняли Серенаду, и желал бы танцы исполнить. [2] Губерт и Фитценгаген против. Мне нужно с Эрдмансдерфером любезничать: он из тех, которые сами составляют программы, и в этом отношении будет лишь политично быть с ним на дружеской ноге. Поди-ка попробуй!! У него жена еще хорошенькая, но с претензиями. Она известная пианистка и избалована... Merci.

Прощай, голубчик, я должен еще копаться в навозе — приготовить чернозем..

Твой П. Юргенсон.

270. Юргенсон — Чайковскому

1882 г. сентября 26—28. Москва.

Москва,
26 сентября 1882 г.

Дорогой друг, вчера я вернулся из северной Пальмиры, куда ездил по вызову Рубинштейна. Он мне передал свой балет „La vigne“ * и обещал и всякие будущие измышления свои передавать фирме Юргенсона. Итак, Бессель и Битнер вытеснили сами себя, а Бернард сидит на деревянной лошадке под названием „Нувеллист“ и радуется, если подписчик прибавился... Много ли человеку нужно? [...]

Партитура твоего балета находится в театре, это я верно знаю. Я ее оттуда извлеку с помощью доверенности и пришлю тебе в Смелу вместе с переложением для фортепиано.

Я совершенно согласен, что Делиб прекрасно поступает, выжимая из балета экстракт для сюиты. Я твой балет очень люблю, собственно музыку, несмотря на тоскливое чувство, с которым самые танцы смотрятся. Вероятнее всего, что я недостаточно развит для хореографических наслаждений, а может и то, что танцы поставлены больно вяло — мало жизни!

28 сентября.

На прошлой неделе у меня была большая неприятность. Я выдал артельщику десять тысяч рублей из денег Музыкального общества для доставления Алексееву. Он хотел их взять, не считая, за что получил строгий выговор и внушение: „никогда ни у кого не брать деньги без счета“. Два часа спустя он мне заявляет, что денег было только девять тысяч тридцать пять рублей. Ты можешь себе представить, в какое положение я поставлен: с одной стороны, моя уверенность, что денег было десять тысяч (я их считал накануне несколько раз и связал шнурком), а с другой, — растерянный вид провинившегося, его клятвы и уверения, затем всем известная моя забывчивость и т. д., и т. д... Артельщик безропотно предлагал внести деньги, но дело кончилось моим отказом от возмещения недосчитанных денег [...]

За партитурой балета я послал к Герберу, но ответа не получил; сейчас опять пошлю. Как же ты назовешь эту сюиту? Интересно, что ты оставишь и что выберешь. Я бы тебе три сюиты выкроил из этого балета... Любопытно, как этот Ballet comprimé * выйдет. Партитуру и в четыре руки издадим, но мне сдается, что отсутствие голосов всегда большая помеха. Ты хорошенько компримуй [...]

Прощай, не могу более.

П. Юргенсон.

* „Виноградная лоза“
* сжатый балет

271. Чайковский — Юргенсону

Каменка,
3 октября [1882 г.]

Ввиду совершенного отсутствия драматических сопран, дирекция петербургская очень резонно предложила мне переделать партию Орлеанской Девы для меццо-сопрано, а Направник и Каменская очень просят меня это сделать. Я должен согласиться, ибо это резонно. Теперь работаю с раннего утра до позднего вечера; приходится целые нумера переинструментовать и переделать, и все это требуется как можно скорее. Улучил минутку, чтобы тебя о том уведомить. Разумеется, я вовсе не желаю окончательной переделки, и настоящий, подлинный вид оперы останется прежний, ибо найдутся же когда-нибудь и сопрано. Но если, паче чаяния, опера будет иметь успех и сделается в Петербурге репертуарною, можно будет когда-нибудь прибавить к существующему изданию варианты на случай исполнения партии голосом mezzo-soprano. Пока не кончу этой несносной работы, ни о чем не могу ни думать, ни писать.[1]

Прости, что лишь несколько слов пишу. Обнимаю.

Твой П. Чайковский.

272. Юргенсон — Чайковскому

Москва,
3 октября 1882 г.
Вечером.

Петинька! (точно Бессель)

Сидишь ты в Каменке и ждешь свои книги. Между тем, я получил сегодня повестку, что ящик с книгами до сих пор не взят. Прилагаю повестку. С тебя штраф сдерут. Следует.

Котек сыграл твой концерт хорошо, но ему, по-моему, далеко до Бродского.[1] Несмотря на безукоризненность технической стороны, не было увлечения ни со стороны артиста, ни со стороны публики. Какая удивительная штука темперамент! Не всякая горячность увлекает, но никакая холодность не зажигает. Правда, наша публика Музыкального общества всегда сдержанна — и хлопала и т. д., но нельзя сравнить с увлечением на выставке.

Котек весь такой, как его игра, т. е. чрезвычайно приличен, даже изящен, но изящность немножко с оттенком пошлости. У Бродского также струйка пошлости имеется, но вместе с этим есть огонек, энергия и природная сообразительность. Для того чтобы поставить свою будущность в зависимость от концерта, преданного анафеме на всех вселенских соборах,[2] — тут надо кроме храбрости и еще кое-что.

Первое симфоническое собрание не обошлось без скандала. Когда Эрдмансдерфер вышел, музыканты хотели ему „туш“ сыграть. Альбрехт воспрепятствовал остентативно,— так, что в публике было видно, и Эрдмансдерферу в ложном свете представили. Он увидел в этом интригу Губерта, тем более, что Губерт был болен (Эрдмансдерферу казалось — фиктивно). Эрдмансдерфер был весь вечер мрачнее ночи, и лишь к двум часам ночи в Эрмитаже в темной зале произошло объяснение и с моей помощью примирение.

Временно я у Эрдмансдерфера в фаворе (как некогда у Клиндворта), и только ко мне имеется полное доверие и любовь. Поди-ты! Боюсь, не к добру это, и рано или

поздно буду я свергнут с пьедестала и с разбитым сердцем удалюсь в Колпашников-Castle, в успокоительную сень древнего обиталища думного дьяка [...]

Кстати о Иуде! Бессель занят изданием всех посмертных сочинений (масса!) Мусоргского и оперы Кюи „Кавказский пленник", причем право постановки в Польше (!) и Финляндии (!) по особому контракту принадлежит ему.

Целую тебя на обе щеки.

Твой П. Юргенсон.

273. Чайковский — Юргенсону

Каменка,
12 [октября 1882 г.]

Друг мой!

Ты, вероятно, сердишься за то, что так долго не высылаю тебе корректур. Они задержались вследствие переделок „Орлеанской Девы", которые теперь, слава богу, уже на пути в Петербург. Завтра высылаю корректуры как Всенощной, так и шести пьес. То и другое очень хорошо гравировано, но во Всенощной те листы, которые гравировал Noske, очень забавны тем, что он не признает буквы ч и вместо оной ставит г, вследствие чего многие слова вышли очень забавны. Я желаю сделать вторые корректуры, и если ты поручишься, что все, что во второй корректуре я отмечу, будет исполнено, то третьей вовсе не нужно. Попрошу тебя прислать мне эти вторые корректуры тетрадью, а не отдельными листами.

Пожалуйста, голубчик, прикажи узнать, почему магазин „Нового времени" не высылает мне первых выпусков „Истории Петра Великого". Билет я уже давно получил, а самой вещи до сих пор нету. Получил сегодня от какого-то André предложение отдавать ему мои сочинения.[1] Что это за птица? И какой странный город. В нем бы следовало только скабрезные оперетки издавать, а никак не глубокогениальные мои произведения. Я отвечал ему учтивым отказом и сослался на тебя.

Обнимаю. Недели через три увидимся.

П. Чайковский.

274. Чайковский — Юргенсону

Каменка,
20 октября 1882 г.

Милый друг! Попрошу тебя прислать мне триста рублей. Я хотел дотянуть до Москвы и уж там начать из тебя соки высасывать, но пришлось так, что необходимо пососать и отсюда. Я бы хотел вытянуть из тебя все, что можно, т. е. все то, что по счетам окажется мне должным и предупреждаю заранее, что буду безжалостен к тебе в Москве. Итак, приготовься выдержать новый удар злой судьбы, поставившей тебя на мою дорогу и обрекшей на высасывание.

Присланный тобою экземпляр трио доставил мне величайшее удовольствие. Мне кажется, что еще ни одно из моих творений не было так безупречно хорошо издано. Заглавные листы своей изящной простотой совершенно пленили меня.

В воскресенье это трио должно было исполняться, и, признаться сказать, я с тайным трепетом весь вечер этого дня и следующий день ожидал какой-нибудь от тебя или от кого-нибудь телеграммы. Увы! Тщетно! Заключаю из этого, что трио прошло не особенно заметным явлением на музыкальном горизонте Москвы. Это мне немножко неприятно.

Ты спрашиваешь, буду ли в Москве. Наверно буду в близком будущем и остановлюсь у Толи или у тебя. У тебя бы удобнее, потому что, кажется, у Толи нет уголка, где бы я мог сидеть один и в случае надобности позаняться. Но если он захочет, чтобы непременно у него, то нельзя будет отказаться.

Относительно измененных и транспонированных нумеров „Орлеанской Девы“ нужно будет подробно поговорить устно.

Радуюсь тому, что ты радуешься своему дому, но, боже! сколько денег это стоило! [1]

Мне так стыдно, что ты мне пишешь такие длинные и чудесные письма, а я тебе — только короткие писульки!

Целую тебя.

П. Чайковский.

275. Чайковский — Юргенсону

Каменка,
23 октября [1882 г.]

Сообщаю тебе совершенно конфиденциально сведение, которое сам узнал конфиденциально же.

Здешняя полиция наводит обстоятельные справки о Михаиле Клименко по предписанию, полученному приставом еще в конце сентября, а теперь он имеет подтверждение поскорее исполнить это поручение. Разумеется, может быть, все это не имеет серьезной подкладки, и весьма вероятно, что этот полоумный просто где-нибудь ораторствовал в трактире в анархическом духе, — но, может быть, и в самом деле его завербовали в шайку. Это именно такая личность, которую легко сбить с толку и увлечь. Во всяком случае, я счел своим долгом тебя об этом уведомить. Я тебе навязал этого болвана, и мне было бы очень неприятно, если б хоть малейшим образом тебя бы из-за него потревожили. Конечно, ты с ним не должен об этом говорить, и вообще нужно держать себя так, как будто ничего не знаешь. Но если найдется предлог и ты найдешь нужным его рассчитывать, то предупреждаю тебя, что я ни единой минуты не буду огорчен этим. Напротив, мне приятно было бы, чтобы ты отделался от него. С дру-

гой стороны, если ты наверное знаешь, что нет никакого основания подозревать его политическую благонадежность, и если он от своей прошлогодней фанаберии исправился, то несправедливо было бы гнать его. Одним словом, предоставляю тебе решить, как поступить.

Твой П. Чайковский.

276. Юргенсон — Чайковскому

Москва,
27 октября 1882 г.
Вечером.

1882 г. октября 21—28. Москва.

Твои два письма, от 20-го и 23-го, получил. Деньги триста рублей были уже отправлены в Смелу. Пососи, пососи.

Твой трио исполнили, и очень понравилось. Наши критики одни, кажется, во всей зале желали сохранить беспристрастие. Даже Алексеев был тронут и сказал: „Это и я бы издал!“ (Он стереотипно шутит над моими изданиями Чайковского; я в долгу не остаюсь.)

Трио многие просили (письменно и изустно) повторить. Решили 11-го марта в специальном концерте повторить.[1] Что тебе я не дал телеграммы, это просто моя недодума. Зверев, Кашкин и компания пошли в трактир, но меня не позвали. Я перестал им себя навязывать, не хочу уподобиться Эдуарду[2] [...]

Твой Мишка ерундист и не особенно „достойный молодой человек“, но чтобы он посягнул на Weltverbesserer * — вот уж не ожидал. Впрочем, ведь полоумных тоже вербуют, особенно с гвоздем! Он же непризнанный талант — быть может, гений! Юргенсон его не ценит, Давыдов к мамаше послал, Чайковские денег много дают и не восторгаются, словом, — чему тут радоваться? Недоволен, и только.

Я послал своего чеха и спросил, что он про Михаила знает, о его знакомых и пр. Ничего не выяснилось. Только он мол иногда среди дела минут на двадцать-тридцать отпрашивается. Я его на допрос: какие у него знакомые, с кем водится. Ничего путного не добился, и нельзя сказать, чтобы он изменился в лице. Живет он у какого-то банковского кассира. Отпрашивался он обедать. Чорт его знает! Конечно, если я что-нибудь подозрительное узнаю – долой. Не страха ради иудейского, а просто по собственному отвращению ко всему нахальному, да еще к такому бездонно-глупому...

28-го, сегодня, высылаю тебе корректуру твоих фортепианных пьес; tu l'a voulu, George Dandin! ** Хотя вторую проверить и здесь могли бы.

Затем прощение просим. Жму тебя в своих объятиях.

Твой П. Юргенсон.

277. Чайковский — Юргенсону

Питер,
25 декабря [1882 г.]

Друг ты мой! Представь, что все еще сижу в Питере по нездоровью. И нездоровье какое-то странное: насморк, но сопряженный с жаром, тошнотой и т. д. Каждый день собираюсь уехать и все откладываю, а теперь вот уже несколько дней даже не выхожу из дому, чтобы поскорее выздороветь, но никак не могу. Состояние духа поря-

---

* улучшение мира

** ты этого хотел, Жорж Данден! [Мольер]

дочное, ибо меня уже давно все считают уехавшим, и кроме Модеста я никого не вижу. Но противно быть нездоровым и терять время. Прости, что не писал, — не до писанья было. Надеюсь уехать во вторник 28-го. Остановлюсь в Берлине на один день и проеду прямо в Париж, где поселюсь в Rue Richepance, 14, Hôtel Richepance, куда и прошу тебя написать мне, и пожалуйста, голубчик, смастери мне письмецо с разными подробностями.

Денег вышла у меня масса, часть золота пришлось продать, а когда и этого не хватило, я решился на героическое средство, т. е. взял сто рублей у Осипа Ивановича, за что прошу не сердиться на меня. Когда он будет получать поспектакльную плату, то возьмет из нее сто рублей. Был я у Направника: страшно мил и любезен. „Орлеанская Дева“ готова, но Каменская нездорова, и все откладывают. Ты получишь из Каменки мою записную книжечку, в ней отмечены эскизы оперы, и по получении тотчас перешли ее мне в Париж.

Обнимаю тебя, голубчик, и поздравляю с Новым годом. Всем твоим передай поклоны и приветствия.

П. Чайковский.

278. Юргенсон — Чайковскому

Москва,
29 декабря 1882 г.

Дорогой друг! Начну для нового года с доброю вестью: один рыжий чиновник театрального ведомства нашел для тебя сто пять рублей, совершенно забытых с 1874 года! Скоро бы они погибли [для] тебя за земскою давностью! Неблагодарный! Это твои „Опричники“ тебе заработали сии деньги. Будем говорить: четверть тысячи франков. Так как доверенность, мол, датуется (вместо немецко-поганого слова: датируется), то для получения денег пришли форменное письмо верительное: „М. Г. Петр Иванович. Этим верительным письмом уполномачиваю вас получить из Московской Театральной конторы для передачи мне тантьему за оперу „Опричник“, следуемых мне еще с 1875 года. Композитор П. И. Чайковский“. При твоей широкой натуре этих денег хватит только на „pour boire“ * в гостинице; и то — хлеб [...]

Тотчас после тебя началось тут целое столпотворение. Во вторник призывает Губерт Фитценгагена к себе и откусил ему нос! (Это только стиль Губерта.) Он ему говорит: „Вы мне давно строите козни, вы подкапываетесь под меня, вы революте ** и сплетничаете. Вот вам мой ультиматум: вы мне дайте подписку, что согласны подчиниться всем моим, хотя нелепым (sic!) требованиям, или я вас выгоню к матери. До вашего ответа (через двадцать четыре часа) запрещаю вам ходить в консерваторию“... Все это буквально подтвердил сам Губерт.

Фитценгаген как ошпаренный полетел к Эрдмансдерферу, взбудоражил того, и вместе отправились к Алексееву, где в передней встретились с Губертом. Алексеев развел их в разные покои и принял сначала заговорщиков — немцев. Эрдмансдерфер объявил, что если Фитценгагена выгонят, то и он уйдет. Затем они ушли. У Алексеева находился случайно Третьяков. Они вели разговоры с Губертом до часу ночи (от шести часов) и много откровенничали и отнюдь нашего друга не одобряли. На другой день утром прибег ко мне Фитценгаген и пел и волновался, волновался и пел о своем горе. На мое счастье, телефон прозвонил из консерватории: Алексеев звал меня к себе

* „чаевые“
** revolter (*фр.*) — *здесь*: бунтовать

Я бросил Фитцена. В консерватории мы держали совет и решили созвать совет профессоров. В восемь часов собрались все. Алексеев объяснил дело, но поставил главным вопросом антагонизм между Губертом и Эрдмандерфером. Решили единогласно просить враждующих помириться ради общей пользы. Затем он рассказал случай с Фитценом, причем сказал, что дирекция не находит Губерта правым, так как он превысил свою власть, но, с другой стороны, был вызванным несколько обидным для Губерта предложением Фитцена отнять у Губерта дирижерство ученического концерта для каждого профессора во время игры своего ученика, не соблюдая при этом форм деликатности.

Единогласно решили послать за тремя враждующими и помирить их, прося Губерта взять назад свой ультиматум Фитцену. При этом выяснилось, что Фитценгаген не пользуется симпатиями товарищей. Послали за Эрдмандерфером, Губертом и Фитценгагеном. Первых нашли и помирили, причем Губерт держал спич не особенно удачно. Затем, в ожидании Фитценгагена, стали Губерту говорить о его суровости относительно Фитценгагена, доказывали ему незаконность форм и т. д., но он, ко всеобщему удивлению, стоял на своем, что он требует от Фитценгагена безусловного покорения посредством „да“ или „нет“.

Между тем, Фитценгагена искали по всему городу, не могли добыть. В час ночи разошлись, поручив Кашкину в девять часов утра поймать Фитценгагена и склонить его на уступки. Кашкин замечательно ловко исполнил свою миссию: Фитценгагену он дал понять, что дальше нельзя быть уверенным в поддержке его товарищами в совете, а Губерту намекнул, что в случае неулажения Алексеев откажется от директорства. Помирились.

С грехом пополам уладили эти дела, как пришлось трепетать за Эрдмандерфера и Танеева. Сергей Иванович написал Эрдмандерферу очень резкое письмо и вернулся из Питера мрачнее ночи. Эрдмандерфер написал письмо Танееву, и не хотят друг друга понять. Это дело еще не уладилось, [как] Губерт прислал Алексееву прошение в дирекцию об увольнении в отпуск на шесть недель в Крым. В прошлую среду заседали, и Алексеев прямо поставил вопрос: вернется ли он? Тут Губерт заявил, что он чувствует себя не в силах совладать с задачею, что он не пользуется доверием профессоров и т. д. Решили и уговорили его во всяком случае вернуться и свое намерение отложить до июня, после экзаменов. Прошлое воскресенье он с Александрой Ивановной уехал в Ялту. Александра Ивановна вернется к 15-му января, а Николай Альбертович — в первых числах февраля. Танеев тоже оттаял, и таким образом временно все спокойно [...]

У нас адские морозы. От двадцати пяти до двадцати семи градусов уже неделя или больше [...]

В сегодняшнем нумере появилась моя статейка о пошлинах на ноты.[1] Время только неудобное для воздействия на власть имущих, попробую пустить еще брандер * в Питере, в „Новое время“, а затем — ехать для личных ходатайств.

Некто Мишле, поверенный французского общества „des compositeurs et éditeurs de musique“, грозит мне процессом за перепечатки. Мне бы нечего бояться, так как я вновь ничего французского не издавал, но могу попасть в неприятное положение вследствие погони за законностью: прочие издатели, вопреки требованию цензурного устава, раз процензуровав текст, печатали себе со старой цензурной отметкой, я же, желая быть точным исполнителем цензурных правил, цензуровал при новом печатанье каждый раз вновь и тем не давал войти давности, — зато французам легко доказать, что давность не прошла... Понимаешь? Бог не попустит — свинья не съест. Я не столько боюсь даже проиграть, сколько боюсь глумлений газетных ретирадников...

Прощай, мой друг, мне еще два трудных письма предстоят.

Целую твои щеки.

Твой П. Юргенсон.

P. S. Ты заметил, я всегда на нотах и публикациях пишу: „Москва, у П. Юргенсона“ и т. д. На днях получаю письмо: „Москва, милостивому государю У. П. Юргенсону. 10, Неглинный пр.“

---

* зажигательный снаряд

1883 г.

279. Чайковский — Юргенсону

Париж,
3/15 января 1883 г.

Милый друг мой! Я в Париже. За исключением Рима, это для меня единственный город на чужбине, где сношу абсолютное одиночество без тоски и страха. Здесь чувствуешь себя если не совсем как дома, то во всяком случае менее изолированным, чем в Берлине. Я в душе echter Russe*, и, вероятно, на этом основании немец мне противен, чужд, тошен, мерзок. Я отдаю им в уме своем справедливость, я удивляюсь берлинскому порядку и чистоте, люблю тамошнюю дешевизну и доступность всех удовольствий, восхищаюсь кухней Hôtel St. Petersburg, нахожу превосходным берлинский музей и аквариум и все-таки более двух дней не могу выдержать немецкого воздуха. На третий день пребывания в Берлине чуть не задохся от отвращения ко всему немецкому. Какая странность! Собирался идти к Котеку три дня сряду, все откладывал, откладывал и, наконец, не пошел. Убоялся объяснений, взаимных упреканий, а также той фальшивой нотки, которая, увы, всегда будет звучать в моих сношениях с ним. Пожалуйста, если будешь писать ему, не говори, что я был в Берлине. Я ему отсюда что-нибудь навру, а возвращаясь в Россию, повидаюсь с ним.

Господи, сколько времени пропало! И думать нечего кончать к весне оперу; ранее как к лету она не будет готова. Завтра принимаюсь за работу и буду усердно писать. Через несколько дней приедет Модест, пробудем с ним вместе недельку и уедем в милый Рим. В Берлине

* истинно русский

стоял сильный мороз без снегу, а здесь я застал совершеннейшую весну, хотя сегодня с утра идет бесконечный дождь.

До свидания, дружище. Пиши сюда Rue Richepanse, Hôtel Richepanse (s, а не c). Всем поклоны.

Твой П. Чайковский.

280. Чайковский — Юргенсону

Париж,
5 января 1883 г.

Душа моя! Я было обрадовался, прочитав, что мне с неба упало сто рублей, которые мне бы были очень кстати, ибо страх как мало у меня денег, а до периодического получения от М[екк] еще далеко,— но потом быстро разочаровался, вспомнив, что не имею на сии деньги никаких прав, ибо... вспомни контракт, заключенный с г....цом Бесселем в 1874 г.! Он, т. е. Бессель, мне так гадок, что даже благовидно украсть у него эти деньги не хочется. Чорт его возьми. Поступи, как хочешь, — а я не намерен хлопотать и писать доверенности ради того, чтобы Бесселя наградить сотней рублев.

Что за прелесть этот Париж, особенно в такую чудную погоду, какая стоит теперь вот уже второй день! Какое оживление, какой блеск, как здесь удобно и хорошо живется. Одни постели чего стоят! Вчера был в Opéra Comique, где давали „Свадьбу Фигаро“ Моцарта, и притом превосходно.[1] В первом антракте слышу, что кто-то сзади меня, в партере, зовет меня по фамилии. Оборачиваюсь и вижу какого[-то] штатского, ничем не отличающегося от всякого штафирки.* Каково было мое удивление, когда в этом штатском узнал я вел. кн. Константина Николаевича. Он был, как водится, очаровательно любезен, мил. Говорят про него много худого. Чорт знает, сколь во всем этом правды, но одно знаю, что трудно быть приятнее и милее его в обращении. Каждый антракт он бегал со мной курить как самый простой смертный и болтал без умолку. Оказывается, что он страшно любит Париж именно за то, что здесь его не замечают и дают ему жить, как ему хочется.

Душечка моя! Устрой мне одну штуку. Бумага, заказанная мною, полученная от Осипа Ивановича и затем тобой в Москве, гласированная, все-таки никуда не годится, и я прихожу в ярость и бешенство на каждом шагу, когда работаю. Потрудись заказать мне еще такого же формата, но лучшего качества, тверже, плотнее, ну, одним словом, как та, на которой написана „Орлеанская Дева“ и первые шесть или семь тетрадей „Мазепы“, а засим вышли мне туда, где буду находиться в то время, когда готово будет. Я начал работать и очень усердно. Помещением своим очень доволен и вообще нахожусь в отлич-

* штатского (*презрит.*)

ном состоянии как физическом, так и нравственном. Брррр... Как мало я тебе завидовал, когда читал в письме про ваши варварские морозы. Нет, у нас, у цивилизованных европейцев, так тепло, что в одном сюртуке можно гулять. Зато в комнате холодно, но это для меня ничего.

Разлад, происходящий в консерватории, производит очень грустное впечатление. Но меня собственно отчего это особенно огорчает, — что я все-таки начинал было подумывать о том, чтоб в более или менее отдаленном будущем поступить туда преподавателем. Теперь вижу, что это невозможно. При настоящем персонале немыслим мир, совет да любовь. Нету настоящей главы. Дипломатика Алексеева поведет лишь к перемирию; отношения обострились, и ссоры, пререкания, сплетничание, интриги, подкапывание друг под друга, — все это возобновится не сегодня — завтра. А при таком положении вещей немыслимо мне соваться на эту галеру. Ведь я не могу быть нейтральным? Не могу совершенно в стороне остаться? Нет, ни за что на свете не хочу погрузиться в этот омут мелкого и жалкого всеобщего каверзничания. С другой стороны, где найти г л а в у? Если б Танеев был постарше, — это единственная надежда консерватории, но, увы, нельзя двадцатипятилетнего[2] юношу поставить начальством над всей ватагой г.г. профессоров, старших преподавателей и т. д.

Весь Париж последние дни волнуется по случаю манифеста и ареста Наполеона.[3] Но, кажется, много шуму из ничего. Этот Наполеон — такое жалкое ничтожество, что вся история кончится пустейшими разглагольствованиями газет и болтовней бульварных политиканов.

Если увидишь Толю, кланяйся и скажи, что ему буду писать послезавтра, и что вообще его д е н ь — пятница, т. е. раз в неделю, по пятницам, писать буду ему.

А засим, прося Вас передать тысячи поклонов всем помнящим меня, остаюсь весьма желающий итти спать и видеть вас во сне

П. Чайковский.

Так как великий князь выразил желание, чтобы я часто навещал его, то, испугавшись, как бы из-за него не пришлось, как два года тому назад, жить целые недели во фраке, — я соврал, что уезжаю завтра. Сегодня сделал ему визит и больше не пойду.

Спасибо тебе, голубчик, за милейшее письмо.

281. Юргенсон — Чайковскому

Москва,
15 января 1883 г.

Милейший мой! Где ты? В Париже или в спонтиниевских болотах? Или ты под чарами великокняжеских ласк? Или палероялъских соблазнов? Держу пари, тебе все это уже надоело! Где ты, о, где ты? В надежде, что тобою приняты меры, дабы письма были посланы тебе во след, пишу и адресую Hôtel Richepanse (подозрительная, не грамматическая гостиница).

Начну по порядку, отвечая на твое письмо от 5-го, полученное 9-го.

Если деньги за „Опричника“ целиком Бесселю следуют, то [3]. Но, мне кажется, это еще из денег того времени, когда он имел получить одну треть. (Это я знаю из контракта твоего с ним; позорный контракт, продукт твоего малодушия, памятник мерзкий [1] жадности Бесселя.) Когда же ты ему продал всю тантьему, не знаю. Конечно, ни единой минуты я не предполагал, чтобы ты воспользовался его достоянием, но нельзя ли, если все деньги ему следуют, получить семьдесят пять рублей за Вторую симфонию? [...]

Теперь два дела.

1. Алексеев говорил с тобой насчет „Славься“, чтобы петь этот хор на Красной площади, в виде куплетов (?). Так он тебя просит это сделать как можно скорее.[1]

2. Эрдмансдерферу ты обещал из „Мазепы“ для 19-го февраля. Будет это или нет?

Грустно-то грустно, неурядица наша, но это ведь не хроническая болезнь. Я ручаюсь, мы выйдем из кризиса; хотя с „окровавленными рылами“, но наша возьмет!

Один влиятельный человек советует нам Римского-Корсакова. Я замахал руками и ногами, и при мне этого не будет. Вот радость — тряпку на тряпку менять!

Твои horreur * против будущей жизни в Москве я отнюдь не разделяю; напротив, ты бы мог многое устранить, уладить, примирить. Твое влияние, быть может, спасло [бы] нас от многих бед. Я, напротив, совершенно серьезно принимаюсь за стройку, буду строить тебе две комнаты, обставлю их всеми дарами Терека, Ташкента, Архангельска и Гапсаля, святынями Киева, Одессы и Константинополя. Окрашу потолок всеми цветами радуги, в лучах которых будут играть шаловливые мальчики, а в центре — лик благозвучного Моцарта [...]

Что до распрей минуты, то они затихли и расплыли. Танеев по-прежнему весел. Эрдмансдерфер, чтобы выручить дирекцию (нам отказали в участии на 17-е все! Человек пятнадцать!!!), играет с женою на двух роялях, и потом она еще что-то играет; певца же до сих пор нет [...]

Прощай, мой милый! Желаю тебе бесконечно много бодрого духа парижского.

Твой П. Юргенсон.

Прилагаю письмо из Одессы.[2] Вырвал печать ради безопасности от почтовых воров.

282. Чайковский — Юргенсону

Париж,
16**/28 января 1883 г.

Милый друг! Я дал слово Эрдмансдерферу оркестровать и прислать ему для его концерта большой антракт к третьему действию „Мазепы“ (Полтавская битва), но, увы, принявшись за инструментовку, я разочаровался в этой вещи, хочу совсем переделать и покамест отложил ее в сторону. Мне очень совестно перед ним, и я написал извинительное письмо, в коем предложил ему вместо этого исполнить танцы из первого действия. Итак, если он пожелает, предупреждаю, что я ничего не имею против того, чтобы вещь эта была исполнена, и разрешаю дать ему партитуру для расписания на голоса. Танцы эти

---

* ужас, отвращение

[1] *В подлиннике ошибка:* 14

не составляют отдельного номера, а суть лишь часть не помню какого номера, озаглавленного Хор и пляска. Там, где хор прекращается, начинает играть один оркестр, — это и есть пляска.[1]

Сейчас посылаю к Ратеру потребные бумаги.

Обнимаю.

П. Чайковский.

283. Юргенсон — Чайковскому

Москва.
17/29 января 1883 г.

Элегия со словами.

У вас уже февраль, вы ходите в сюртуках, вам беззаботно весело. У вас франк стоит двадцать пять копеек и золото в нормальной цене. У нас январь и морозы знатные, мы кутаемся в шубы с аршинными воротниками, прячем ноги в полуаршинные сапоги, забот много и тоска на сердце. Отчего именно тоска? Это я тебе скажу, когда ты вернешься и когда [будет] солнце яркое и на душе весело [...]

Сегодня высылаю тебе „Иллюстрацию", где ты найдешь три сцены из „Девы".[1]

Сегодня же третий вечер камерной музыки, на котором жена Эрдмансдерфера играет с Гильфом, затем солы (между прочим твой opus 10) и, наконец, с мужем на двух роялях штуку Раффа. Господи! Сколько отказов было с легкой руки Арто на этот третий вечер! Целая дюжина певиц [и певцов] отказала: Мельников, Корсов, Крутикова, Гринфельт, Брейтнер — без конца. Рассердившись, я наконец предложил себя в певцы или похерить вокальный номер. Г-жа Эрдмансдерфер выручила, согласившись играть соло, и пения не будет.[2]

Еще новость: потерял я Евридику,[3] т. е. женщину с невозможной рожей — г-жу Войденову, Елизавету Петровну. Она будет жить рантьершей.

Прощай, мой друг, живи, живи весело, и — за меня.

Твой П. Юргенсон.[4]

284. Чайковский — Юргенсону

[Париж]
21 января/2 февраля 1883 г.

Милый друг!

Модест привез сюда больную племянницу Таню, которая будет лечиться у Шарко.[1] Вследствие этого все мои планы рушились, и я остаюсь на неопределенное, вероятно, на долгое время в Париже. Адрес тот же. Мне очень, конечно, не по душе это обязательное пребывание в Париже, но что же делать! Италию пришлось по боку.

1) Скажи Алексееву, что я совершенно не могу исполнить обещанное, не имея под рукой клавираусцуга „Жизнь за царя". Очень жаль, что, будучи в Москве, я не сделал этого. Если есть еще время, то пришли мне клавираусцуг (с текстом) „Жизнь за царя", а также спроси у Николая Александровича, что именно нужно сделать, ибо я совершенно позабыл, в чем дело, и письменно объясни.

2) Я написал М-me Эрдмансдерфер письмо с извинениями, а тебе писал, чтобы ты дал ему, если он захочет, танцы из первого действия.

3) За Марью Марковну от души благодарю.[2]

4) Я совсем и позабыл послать тебе полученное мною через тебя письмо какого-то попа. Посылаю тебе его и прошу выслать ему, разумеется, за деньги сокращенное руководство гармонии. Что касается инструмента, то предоставляю тебе решить — какой. Чакан* что ли?

Спасибо тебе, голубчик, за комнаты. Но считаю долгом предупредить, что, несмотря на всю благодарность, я все-таки не сочту себя обязанным поступить в консерваторию деятелем, и почти наверное можно сказать, что, скорее, не поступлю.

Спасибо, милейший, добрейший, за письма твои.

Твой П. Чайковский.

285. Юргенсон — Чайковскому

[Москва]
27 января 1883 г.

Спешу тебе, мой милый, дать все средства к исполнению заказа города Москвы. Высылаю тебе клавираус „Жизни за царя" под бандеролью. (Отчего ты не воспользовался случаем требовать у французского музыкального торговца эту оперу?) Затем, я навел вчера вечером справки у Алексеева насчет подробного заказа. Вот они.

„Славься" — в форме куплетов (примерно, четырех), для хора в семь тысяч пятьсот человек из учебных заведений г. Москвы и оркестра струнного, т. е. не военного. Исполнение на Красной площади во время проезда государя в Кремль. Хор унисоно. Слова без упоминания о Сусанине. После „Славься" переход (ура, ура, вперед) к гимну „Боже царя храни". Все это нужно сделать очень скоро, так как это печатать надо.** Тебе, конечно, за труд куш отвалят. Das ist nicht überflüssig.***

Для Эрдмансдерфера пишут Гопак из „Мазепы".

Искренно жалею о твоей неудаче; тем более жалею, что знаю, сколь мало интересного в интересных больных. Надеюсь, ты сумеешь себя поставить в независимое положение, иначе когда же тебе кончить оперу?

Попу послана краткая „Гармония" и объяснительное письмо. О, sancta simplicitas! **** Как он, остолоп, не мог найти иначе издателя, как через Париж. Забыл тебя спросить, не разрешишь ли мне распечатывать и прочитывать подобные письма? А то ты меня конфузишь перед почтенными людьми (Марья Марковна) за нарушение правил о неприкосновенности частной корреспонденции.

Допустим, ты не пойдешь „на эту проклятую галеру", даже и за „500 экю", т. е. в консерваторию. У меня родился другой план: класс гармонии придет к тебе на Хохловку.[1] Но ни ты их, ни они тебя не увидят. Ты будешь читать лекции свои за испанской стеной. Для охранения нравственности девиц особо устроенные сетки будут ловить всякие крепкие слова или непарламентарные выражения. Задачи просматривать может Левенсон.

Оно, знаешь, насчет комнат еще не особенно верно. Самый необходимый материал для стройки — все-таки деньги, и их-то, оказывается, нужно слишком много: пять тысяч рублей. Такую сумму истратить на прихоть было бы теперь непростительно, — а страсть как хочется.

* чешская прямая флейта

** Хоровые голоса надо сдать к 1-му марта; их-то пришли раньше, учить надо! Оркесто после. *(Прим. Юргенсона.)*

*** Это не лишнее.

**** О, святая простота!

Орден мой висит все еще на чиновничьем небосклоне, и мне от времени до времени грозят им. Сколько из-за этого ордена хлопот всем и каждому, так это просто невероятно. Тут министр, его директор департамента, вся Выставка, генерал-губернатор, обер-полицеймейстер, полицеймейстер, пристав, околоточный и весь их штат делают, наводят справки, требуют поправки, проверки и т. д. Все это делается так ласково и нежно, точно я трудно больной. Составляли формулярный список, а писать-то туда нечего. Даже письмоводитель консерваторский сконфузился, когда я ему на его спрос, где я окончил курс, сказал: „вышел из второго класса уездного училища". Он поставил: „воспитание получил домашнее". Затем: „нигде не служил, в походах не был, чина не имеет, знаков отличия не имеет" и т. д.

Московская полиция тоже немало трудилась. Вышло следующее qui pro quo.* Из Питера предписывают отобрать** от купца Юргенсона, какие медали он имеет. Летит чиновник ко мне и записывает под мою диктовку. Через две недели опять телеграмму к обер-полицеймейстеру: „сведения неполные". Опять ко мне: „Пожалуйте документы на медали! Какая у вас «сербская медаль»?" Оказывается, из Петербурга требовали сведения о медалях, пожалованных купцам для ношения на шее на орденских лентах, а, за неимением оных, мы им толкуем про выставочных!!! „Сербская медаль" — это переделка Миланской медали 1881 г. Чиновник думал, что это король Милан мне пожаловал медаль...

Ужасно весело, когда твой рок, твоя звезда (читай: орден) так „играючи" к тебе приближается.

Прощай! Целую тебя.

Твой П. Юргенсон.

286. Чайковский — Юргенсону

1883 г. января 29 — февраля 2. Париж.

Париж,
29 января 1883 г.

Милый друг! Твое последнее письмо, проникнутое грустью, навело на меня тем большую меланхолию, что я и сам нахожусь под гнетом самых тяжелых чувств. Это касается семейных дел и тебе не интересно.[1] Анатолию только не говори этого, — у него свои теперь тревоги и беспокойства. На душе настолько скверно, что даже писать не хочется. Напишу, когда будет об чем, а теперь только хотел сказать, что принимаю, конечно, величайшее участие в твоих горестях.

2 февраля.

Получил вчера „Жизнь за царя" и, несмотря на то, что крайне затрудняюсь в настоящее время работать, постараюсь поскорее сделать. Скажи Алексееву, что унисоном нельзя учить петь. Тема славься такова, что если и заставлять петь все голоса одну мелодию, то все равно инстинктивно вся эта масса поющих собьется на гармонию, подобно тому, как и крестьяне никогда не поют песню (исключая запевка) настоящим унисоном, а всегда с побочными голосами, образующими простые аккордные комбинации. И, кроме того, тема будет звучать плохо, жидко, слабо, если басы начнут где-то очень низко подпевать,

---

* курьез
** выяснить, допросить *юрид.)*

й не петь. Необходимо, чтобы хор был хорош. Другое дело, если к ученому хору пристанет весь народ, который будет стоять на площади, — им придется петь как попало, и тогда те, у кого слух получше, непременно попадут в свой диапазон и будут петь, что следует, а у кого похуже, те пускай подпевают тему. Я устрою хоровые голоса так, что будет очень легко выучить побочные голоса. Жаль, что я не догадался выписать печатную партитуру „Жизнь за царя". Если б она была у меня под рукой, эта работа была бы мне гораздо легче, ибо теперь я должен сам оркестровать, применяясь по воспоминанию к подлинной оркестровке.

Я сегодня телеграфировал тебе о ста пятидесяти рублях. Когда-нибудь при свидании объясню тебе, почему мне пришлось сделать эту трату, совершенно неизбежную. Анатолию об этом ни слова.

По совету Модеста и Направника,[2] которому я посылал мое либретто, я решился первое действие „Мазепы" разделить на две картины, как оно и было предположено в сценариуме. Поэтому мне необходима та тетрадь (или те две тетради партитуры), где после сцены похищения Марии и ухода Мазепы начинается номер не помню какой, — на слова: „Не гроза небеса"[3] и т. д. Это женский хор с маленьким ариозо матери. Пришли мне эту тетрадь или две тетради (если конец предыдущего номера и начало хора находятся в разных тетрадях). Мне хочется поскорей это сделать.

Засим до свиданья, обнимаю тебя, милый друг.

Твой П. Чайковский.

Разумеется, бессмысленно тратить пять тысяч на комнату, в которой нет нужды.

287. Юргенсон — Чайковскому

Москва,
3 февраля 1883 г.

Прилагаю тебе при сем новый „Verlagsschein" Ратера. Впиши туда, по образцу, собственноручно все и пошли на адрес D. Rahter in Hamburg. Сделай это, не откладывая.

Сегодня получил твою телеграмму о платеже ста пятидесяти рублей г-же Молас в Петербурге и дал брату ордер заплатить. Вдруг телеграмма не от тебя?

Вчера был один из тяжелейших дней моей жизни. Утром в 9 часов через телефон Альбрехт приглашает меня в $11^1/_2$ часов к Алексееву. Ровно в 11.30 я у Алексеева, и тот мне бухнул: „Сегодня в 10 часов утра Губерт должен был выгнать из консерватории Эрдмансдерфера"!!! — „Как? За что?" — „Он не желает, чтобы Эрдмансдерфер вел оркестровый класс, который Эрдмансдерфер по контракту обязан вести. Это только предлог, но главная причина — разные сплетни и пр. Губерт вносит сегодня в 4 часа свое предложение в Художественный совет. Этого мало: через неделю и Альбрехта вон из консерватории". Как его не урезонивали, он стоит на своем: гнать! Ему говорят, что Эрдмансдерфер тогда и дирижировать не станет и бросит Москву, концерты погибнуть должны и консерватория закроется. Ничего.

В 4 часа собрались в консерватории тринадцать профессоров. Прочли заявление Губерта, в котором он прямо говорит, что он не может вступить в должность до уда-

К. К. Альбрехт

ления из консерватории Эрдмансдерфера, который не желает подчиняться директору и разными интригами волнует людей и восстановляет и т. д. В конце своего заявления он ставит на вид, что он в случае неблагоприятного решения не останется в консерватории.

Танеев стал говорить. Он приготовился и говорил очень складно — за Губерта. Словом, баллотировали открыто, поименно, и в пользу Губерта оказалось восемь голосов против пяти. Но, за исключением Танеева, Зверева и Самарина, остальных пять человек тянули за волосы. Альбрехт долго упирался, не хотел своего мнения сказать. Наконец, измученный согласился с „большинством". Тогда баллотировали закрыто, шарами, и получился тот же результат. Позвали Губерта, он поблагодарил, и г.г. профессора уехали обедать. Остались Алексеев, Губерт, Альбрехт и я.

Так как об увольнении профессора докладывается на утверждение главной дирекции, то Алексеев сказал Губерту, что к его докладу дирекция приложит свой доклад, который будет не согласен с его мнением. „Затем, — спрашивает Алексеев, — кто же будет дирижировать десятым собранием? Кто 11-го марта?" Губерт спокойно отвечает: „Танеев или кто-нибудь из петербургских учеников" (sic!). Тогда Алексеев отводит меня в сторону и говорит: „Послушайте, не берите вы на себя сообщение решения Эрдмансдерферу. Ведь эту пакость пусть сам Губерт и передает. А я сейчас пришлю записку, чтобы меня не считали директором"... Ушел.

Я поспешно простился с Губертом и Альбрехтом и поехал к Алексееву. Он только что вернулся и повел меня обедать. За обедом он горячился и предлагал десять проектов. Некоторые были крайнего направления. Наконец я предложил: написать наш доклад, уничтожающий Губертовский, и, сообщив оный Губерту, предложить ему подать в отставку... Щекотливую эту штуку взял я на себя. Поехал. Он с первого слова говорит: „Альбрехт подал в отставку!" Я, признаюсь, такой храбрости от Альбрехта не ожидал, хотя знал, что он на стороне Эрдмансдерфера. Он же ему высказал категорически, что он не годится в директора и чтобы он для спасения дела подал в отставку.

Я ему тут и сказал, что это и мое с Алексеевым мнение. Мы не можем допустить, чтобы Музыкальное общество обратилось бы в пародию с пустой казной, и тоже находим желательным, дабы он сам подал в отставку. Он с этим не соглашался и долго и много говорил, путая все и обвиняя всех, а иногда ругая себя. Он все упирал на то, что он не может „выдать" тех восемь, которые за него стояли, и просил всё, „чтобы его принудили". Наконец поехал со мной к Алексееву. Через четверть часа пришел Альбрехт. Тут мы его приперли к стене и „принудили" его согласиться на отставку.

Опасаясь, что кто-нибудь из доброжелателей не настроил бы Эрдмансдерфера на непоправимую демонстрацию, мы, без Губерта, отправились к Эрдмансдерферу и объявили ему о результате всего.

Сегодня все обошлось благополучно. Пламенно желаю, чтобы друзья-россияне: Танеев — Зверев — Самарин не осложняли без того трудного положения.[1]

Твой П. Юргенсон.

288. Чайковский — Юргенсону

Париж,
4 февраля [1883 г.

Душа моя! Сегодня послал тебе „Славься" в куплетной аранжировке. Работа была весьма несложная, но, кажется, я сделал все, что нужно, т. е. упростил хор, самым площадным образом оркестровал его и сделал очень, как мне кажется, простой и естественный переход к гимну. Выражение площадным образом я употребил не в порицательном, а в буквальном смысле, т. е. сделал так, чтобы было как можно проще и сильнее.

Самостоятельного сочинения во всем этом только: несколько переходных тактов, да еще третий куплет текста. Итого мне следует получить с города Москвы, который, по твоему выражению, собирается отвалить мне куш, следующее:

За упрощение хоровых голосов и оркестровку 16 тактов, трижды повторяющихся	3 р.
За сочинение 8 тактов перехода к гимну . . .	4 р.
За сочинение четырех стихов для третьего куплета, по 40 к.	1 р. 60 коп.
Итого: . . .	8 р. 60 коп.

Эти 8 р. 60 коп. жертвую городу Москве. Нет, серьезно говоря,— смешно даже подымать вопрос о плате за подобный труд, и мне это будет неприятно. Такие вещи делаются даром, или вовсе не делаются.

Я нахожусь в большом беспокойстве. Жена Толи писала мне, что акушер возвестил ей роды на конец января; сегодня 4-е февраля, а известий об них нет!

Я живу себе кое-как. Много тяжелых минут, ибо на руках у нас больная и притом такая, что ни одной минуты нельзя быть покойным. Работаю далеко не так быстро, как бы хотелось. Нечего и надеяться окончить оперу раньше как к лету. Должно быть, стар становлюсь — уже нет прежней легкости. Все дается как-то не по-прежнему, а с усилием, с недоверием к себе, с сомнениями и колебаниями. Быть может, это признак только бо́льшей требовательности к самому себе? Дай бог. Увидим!

В истории о получении тобою ордена очень комична история с сербской медалью.

Письмо, которое ты мне прислал, написано каким-то любителем камерной музыки, называющим себя глубоким стариком; он просит меня переложить литургию для струнного квинтета.[1]

Обнимаю.

П. Чайковский.

289. Чайковский — Юргенсону

[Париж]
6 февраля 1883 г.

Милый друг! Я получил сегодня телеграмму от Барцала, который спрашивает, готова ли моя коронационная кантата и для каких голосов соло написана. Я отвечал, что никакой кантаты не писал. Повидимому, это вздор, на который внимания не стоит обращать, но в сущности я немножко беспокоюсь. Вот в чем дело. В начале декабря я встретился у Коншиных с неким г. Корга́новым, которого давно знаю как большого пошляка и глупца. Но глупец этот оказался членом

С. И. Танеев

коронационной комиссии и после обеда, отведя меня в сторону, он спросил (мы с ним на ты почему-то): „Надеюсь, что ты не нигилист?“ Я сделал удивленное лицо и спросил, зачем ему это нужно знать. „А видишь, хорошо было бы по случаю коронации что-нибудь написать... этакое... торжественное... чтоб, знаешь... этак патриотизм... Ну, одним словом, напиши что-нибудь!“ Я отвечал, что написать готов, но сам хорошего текста сочинить решительно не могу, что их комитету следует заказать Полонскому или Майкову текст, а потом я с большою готовностью напишу. Этим наш разговор кончился. А между тем я потом слышал, что в разных петербургских гостиных Корганов разглашал, что он заказал мне кантату. Приехав сюда, я и позабыл обо всем этом, как вдруг сегодняшняя телеграмма. Боюсь теперь, чтобы всю эту историю не размазали и чтобы не прошел слух, что я отказался написать. Оно бы, казалось бы, все равно, но дело в том, что я имею основание быть лично обязанным государю,[1] о чем я тебе когда-нибудь расскажу, и потому мне крайне неприятно, больно было бы, если бы вдруг до него дошло известие, что я отказался. Уполномачиваю тебя всякими средствами (хотя бы и печатно) восстановить истину, если понадобится защитить меня.

Не можешь ли достать из библиотеки Большого театра мою Кантату на политехническую выставку. В крайнем случае я бы мог из нее наворовать, но — слова, слова! И когда все это сделать? Уж поздно. На всякий случай постарайся достать кантату и, разумеется, мое намерение самого себя обворовать оставь в секрете.

Да нет — уж поздно!

Твой П. Чайковский.

290. Чайковский — Юргенсону

Париж,
9 февраля [1883 г.]

Пожалуйста, прости меня, милый мой, что я беспокою тебя такими делами, как, например, добывание сведений о моем Алексее. Анатолий сообщает мне как-то уклончиво, что Алеша очень болен и что он был у него, но так как Параша запрещает ему входить в палату, дабы не заразиться тифом, то он только видел фельдшера, который сообщил, что через пять дней будет перелом болезни и что он даст мне знать. Пять дней прошли, а вестей нет, и я очень беспокоюсь, но телеграфировать Толе не решился, ибо боюсь, что Параше будет неприятно, если я попрошу его опять побывать в больнице. Итак, к кому же обратиться, как не к тебе, милый друг! Прости, пожалуйста. По получении сего письма попрошу тебя послать к Алексею еще раз, и если он нуждается в деньгах, то дать ему денег сколько нужно (он лишнего никогда не спросит).

То, что ты пишешь об консерваторских делах, произвело на меня самое удручающее впечатление. С одной стороны, какая-то близорукая

бестактность и самообольщение, с другой — одностороннее и узкое патриотничанье, с третьей, — немецкая мелочность и склонность всюду втираться дальше, чем следует, — все это элементы бесконечных раздоров и дрязг. Головы нету! И, по-моему, величайшее несчастие, что устав требует для директорского места музыканта. Не будь этого пункта, против коего я всегда ратовал, консерватория в лице Никол. Ал. Алексеева с помощником Альбрехтом имела бы превосходнейшего директора. Нельзя ли этот закон обойти? Не хочет ли Николай Александрович, чтобы я несколько своих сочинений издал под его именем, чтобы он имел предлог, с подобающим ему достоинством и свойственными ему превосходными административными качествами, сесть на директорское место? Это единственный исход.

Очень, очень горько.

Пошлю завтра утром Ратеру то, что требуется.

Обнимаю.

П. Чайковский.

291. Юргенсон — Чайковскому

1883 г. февраля 17—20. Москва.

Москва,
17/29 февраля 1883 г.

Милый Петр! Четыре письма от тебя требуют ответа, и я судорожно желаю это сделать, но все мне не дают. Ни днем, ни вечером нет мне свободы. Целых две недели инцидент Губерто-Манстервский [1] тяготел над нами и отымал у меня много времени. Поехал в Петербург, чтобы развлечься — на другой день приехал Губерт, и пошла потеха! По три раза в день конференции. Завтракали, обедали и ужинали, и вместо приправы — вопрос о Губерте. Он, подав в отставку, приехал в Петербург искать поддержки против нас и Эрдмансдерфера. Мы с Третьяковым убеждали его и говорили ему очень откровенно, что не считаем его способным быть главою консерватории, и т. д. Наконец, в день моего отъезда, он решился бросить нас окончательно. Я с ним расстался друзьями.

Приехав в Москву, думал: вопрос кончен. Нет! Теперь Танеев и Кашкин говорят, что они и еще несколько личностей выйдут, если Эрдмансдерфер останется профессором. Их и так и эдак — ни с места. Им говорят: „Губерт требовал выхода и поставил вопрос: Губерт или Эрдмансдерфер? — Вы выбрали Губерта, но Губерт отказался, стало быть, и вопрос упразднен". — „Нет, решение Совета осталось". — „Да ведь решение было вынужденное, через неправильную постановку вопроса и неправильную (открытую) баллотировку". Знать не хотят. „Мы-де себя уважать после не сможем"...

Удивительная моральность. Человека без повода исключить — морально. Несправедливое решение перерешить — имморально!

Заседали, заседали — не поддаются (Кашкин-то!) и говорят: „Мы видим, — мы затрудняем дирекцию, и т. д.; отпустите нас, выпишите вместо нас несколько иностранцев и оставайтесь с Эрдмансдерфером, который вам, мы сознаем, нужен для дохода" и т. д. Решили, наконец, отправить депутацию к Эрдмансдерферу, чтобы просить его добровольно отказаться от консерватории. Третьяков (нарочно прибывший из Питера) и Гржимали (очень неохотно) в качестве толмача * отправились к немцу, а мы ждали у Алексеева их возвращения. Вернулись с ответом, что завтра даст ответ; — на другой

---

* переводчика

день, чтобы были только Алексеев и Третьяков. Меня он исключил в наказание за мой отказ во время распрей принимать официально подписку в пользу Эрдмансдерфера, так как я считал это бестактным со стороны Юргенсона-директора. Наконец на другой день Эрдмансдерфер подал в отставку (обезоружили его тем, что он сохраняет профессорские тысячу рублей) с резким письмом в дирекцию и бранью по адресу Художественного совета. 14-го в четыре часа был созван Совет профессоров и директоров и торжественно объявлено об окончательном выходе Капулета, а равно и Монтекка. [2] Хотели (до Совета; между нами), чтобы я читал письмо Эрдмансдерфера в Совете, но я воспротивился этому чтению вообще, так как оно адресовано в дирекцию, а нам не подобает передавать брань, да еще чужую. Третьяков стал немедленно на мою сторону, и было на словах сообщено, что Эрдмансдерфер оставляет консерваторию, не желая оставаться в среде лиц, из которых часть высказалась против него. Затем дирекция заявила, что не имеет никого предлагать в директора и потому желала бы учредить регентство или комиссию из пяти лиц, т. е. четырех членов Художественного совета и Альбрехта. Были выбраны: Танеев, Кашкин, Гржимали и Гальвани. Этим, надеюсь, окончится эта печальная история, в которой немногие остались беспристрастными зрителями.

15-го вечером я получил твое письмо от 9-го февраля и на другое утро, вооружившись одним словом „Алеша“, пошел в казармы Покровские. Дорогой я был искушен духом сомнения: довольно ли пойти в казармы и спросить, где мол Алеша? Голос разума ответил: да, довольно глупо. Но неистощимый запас доброго желания и дерзновенная мысль: как? людей находят, не зная вовсе ни их имя или фамилии, ни их общественного положения, ни их физиономию находят их по оторванной пуговице от штанов. А у „нас“ есть: 1) крестное имя, 2) общественное положение, 3) местонахождение, 4) состояние (болезненное), 5) знакомство с лицом.

Подошедши к первому крыльцу, я увидел страшилище в шубе невероятных размеров, караульного с лицом, лоснящимся от добродушия и вопрошающего меня:

„Вам кого?“

Юргенсон (немного конфузливо): „Скажите, как бы мне тут найти одного солдатика «Алешу»?“

„Как его хвамилия?“

Юргенсон (краснея): „Не знаю“.

„Какой роты?“

Юргенсон (краснее краснея): „Не знаю“.

Страшилище (снисходительно): „Какого полка, тоже не знаете?“

Юргенсон (бодрясь): „Я все это знал, но все забыл. Знаю только, что его зовут Алеша, что он нечто вроде унтер-офицера, наверное болен, и его бывший барин о нем сокрушается“.

Страшилище (участливо): „Не Софронов ли?“

Юргенсон (восторженно): „Непременно!“

Страшилище: „Екатеринославского полка“.

Юргенсон (подавляя желание броситься караульной шубе на шею): „Это он! Это он!“

Затем караульный дал мне указание, где мне найти ундера Розанова. Я наивно сунулся в разные места и тем не малый произвел переполох. Очевидно, не полагается в будни, днем, расхаживать по казармам. Наконец в третью дверь сунулся, также испугал людей, и меня довольно ласково изгнали, но и ундера предоставили за дверь. Розанов, со славным лицом, приятель Софронова, сообщил мне, что Алеше лучше, что он в таком-то отделении госпиталя и т. д.

Я послал Козлова (не обер-полицеймейстера) немедленно в военный госпиталь на проведки и с предложением услуг. Алеше лучше; он бы мог в воскресенье выписаться, но из предосторожности хочет масляницу обождать. Денег не принял, так как у него еще пять рублей в конторе [...]

Не помню, говорил ли я тебе о своих планах к 10-му августу 1886 г. [3] переформировать свою печатню, занять ею весь нижний этаж, поставить еще несколько машин, наборную и т. д., словом — перл создания!

Город принимает с благодарностью 8 р. 60 к., и Чичерин пришлет тебе благодарственное письмо.

Вполне понимаю, не легко теперь вам в Париже жить. Впрочем, человек такое существо, ко всему привыкает: к счастью, к несчастью и к неприятностям, даже говорили прежде, — к розгам.

Насчет твоей старости мы поговорим через тридцать лет, когда ты своего „Парсифаля" напишешь. Отчего бы тебе не попробовать сделать себе „Зигфрида"?? [...]

В последнем письме твоем мне очень понравились твои крупными чертами отмеченные характеристики партий: сильно, кратко и верно. Был тут и своего рода deus ex machina, * но об этом за бутылкою доброго вина „en deux". ** Тогда ты мне расскажешь о личных отношениях к кантате.

Les beaux esprits*** — Антон Григорьевич т о ж е говорит, что надо будет взяться за отыскание „просвещенного любителя" для директора консерватории. Но у нас другой план: годика через два позвать Танеева володеть нами. Теперь он еще молод, но, находясь у дел в провизориуме, **** он освоится, ознакомится и сможет быть директором. Другой вопрос, захочет ли он.

Алексеев не захочет удовольствоваться местом директора. Он метит выше, — и прав! Много ли у него соперников? Ему только тридцать лет! Кто его знает, он еще формуется и будет лучше, а может, и опошлится в погоне за популярностью.

Прощай, друг! Мне пора.

Твой П. Юргенсон.

[19 февраля].

P. S. 1. Сегодня концерт Эрдмансдерфера — сбор неважный. [4] 2. Балакирев назначен „управляющим капеллой". [5] 3. Римский-Корсаков — его помощником. 4. Шостаковскому поднесли пять тысяч рублей, а о т о р к е с т р а дирижерскую палку и серебряный венок. [6] Каковы холопы!! 5. Ноты, конец „Мазепы", отправлю завтра посылкой.

20 февраля. *****

Вчера твой Гопак понравился, повторили. Публика была малочисленная, но благодарная. Эрдманстерьвов [7] принимали и провожали горячо.

292. Чайковский — Юргенсону

1883 г. февраля 26 — марта 1. Париж.

Париж,
26 февраля 1883 г.

Мне уж давно следовало бы написать тебе, чтобы поблагодарить за то, что ты, милейший человек, сам был у Алеши. Но я теперь стал еще скупее на письма. Единственное время, когда я могу писать их, — вечер, а я заметил, что если после здешних страшно поздних обедов я превозмогу лень и пишу письма, то потом ночь сплю отвратительно и на другой день никуда не гожусь. Итак, я решил писать только, когда дело есть, и то кратко. Прости, голубчик, что так скупо отплачиваю тебе за твои столь интересные и полные содержания письма. Но что делать! Все свободные часы дня нужно посвящать опере, которая

* *Смысл:* неожиданный эпизод (*дословно:* „бог из машины" — *из древних трагедий*).
** „вдвоем"
*** возвышенные души
**** в предвидении (в перспективе)
***** *В подлиннике ошибка:* 18 февраля

ужасно туго подвигается. Я очень доволен впрочем сим с трудом мною рождаемым детищем. Холод здесь невообразимый. Получил вчера от Осипа Ивановича бумагу, а от тебя посылку с партитурой. Вчерашнюю народную демонстрацию видел мимоходом издали.[1]

28 февраля.

Меня уже давно посещает беспокойная мысль, что, быть может, я не совсем хорошо поступаю, окончательно бросив на произвол судьбы несчастную особу, соединенную со мной узами якобы супружества. Теперь все чаще и чаще мысль эта тревожит меня. Если особа эта нуждается, если она брошена своим любовником (что весьма вероятно) и ей некуда голову преклонить, — то мне следует прийти ей на помощь. И вот я хочу тебя просить достать того господина, который уже употреблен был для разведывания о ней, и снова поручить ему отыскать ее и узнать, не нуждается ли она в материальной помощи. Если да, то непременно следует дать ей денег. Прости, что злоупотребляю твоей дружбой.

Погода ужасная вот уже много дней: снег, метели, холодный, пронзительный ветер. И внутри меня тоже неладно: скверное душевное состояние. Плохо сплю и более чем когда-либо должен экономизировать свои рабочие силы и ввиду этого писать лишь маленькими порциями.

1/13 марта.

Пора, наконец, докончить этот листочек. Ничего интересного сообщить не имею. Недавно видел на окне музыкального магазина „Tableaux du Nord" par P. Tschaikovsky. Оказалось, что это пьеса Бернарда из „Нувеллиста". Что это: перепечатка или Бернард отдал издателю право? St. Saëns получил за оперу шестьдесят тысяч франков. Когда-то мы доживем, что я такую цену заслужу, а ты в состоянии будешь платить ее? Если проживем еще лет семьдесят или восемьдесят, то, пожалуй, и дойдем до этого. Оперу очень хвалят.[2] Обнимаю.

Твой П. Чайковский.

293. Юргенсон — Чайковскому

Москва.
1 марта [1883 г.]

Любезный друг! Когда получишь телеграмму: „Пиши заказанное тебе сочинение", то знай, что это значит торжественный марш по случаю приема государя в Сокольниках — городом. Заказывает этот марш город Москва за пятьсот рублей, да от меня сто рублей за право издания.

Дело это решится в четверг, и потому, дабы выиграть несколько дней, я пишу тебе сегодня несколько слов объяснений.

Алексеев просит оставить на всякий случай фермату, на случай исполнения гимна.

Сегодня вечером надеюсь еще тебе писать.

Твой П. Юргенсон.

294. Юргенсон — Чайковскому

1883 г. марта 1—2. Москва.

Москва
1 марта 1883 г.

Милый друг! Сегодня утром я послал тебе несколько приготовительных строк о марше, который намереваются тебе заказать. Вот еще несколько подробностей. Было предположение от города принимать государя в особо устроенном павильоне. Потом это как-то затерли и теперь опять поставили в программу. Алексеев и придумал, что надо угощать музыкой и между прочим маршем от тебя. Если этот вопрос будет обсуждаться, [то] в четверг: быть или не быть угощению в Сокольниках и заказать ли за пятьсот рублей марш и тогда — телеграфировать тебе.

Если позволишь мне сказать свое мнение, то я бы посоветовал не написать длинный марш, а такой, знаешь, вроде того-эдакого — патриотическое, краткое, но вразумительное.

Хорошо бы получить одновременно переложение (п р о с т о е) в две руки. У меня зародилась фантазия раздать марш гостям. Написать тебе не трудно, хотя не особенно приятно; принимая же в расчет твои расстроенные финансы, отказать не следует. Зачем-то А. А. Гирс взял твой адрес; не хотят ли они тебе тоже заказать какое-нибудь музыкальное блюдо?

Эрдмансдерфер советует издать твой Гопак скорее для оркестра и еще присовокупить туда интродукцию. Может, у тебя имеются в других актах еще оркестровые нумера? Что на это скажешь? Это делается.

Теперь до Всенощной. Что значит отсутствие четырех страниц, т. е. промах переплетчика!! Духовная цензура не дает мне в ы п у с к н о г о б и л е т а за ошибки в тексте. Цензор держал мои ноты шесть недель и потом возвратил их мне при официальной бумаге, в которой он меня б р а н и т, укоряет в нерадении и обвиняет „в явно п р е д н а м е р е н н ы х неисправностях“.

Между ошибками есть и такие: некоторые стихи первой кафизмы, вопреки требованию цензора, напечатаны в произвольно сокращенном виде (стр. 19, 22), „трисвятое“ по великом славословии до „слава ныне“, вопреки требованию цензора, повторены только два раза, а не три (стр. 112) и т. д. Можешь себе представить, как это все глупо. Все ошибки только орфографические: где е вместо ѣ, где большое Т вместо т, с вместо С, твой вместо Твой и т. д., но таких сорок четыре!! Теперь остается мне только его надуть: напечатать для него восемь экземпляров и послать их ему, чтобы получить выпускной лист и там продавать себе экземпляры до нового исправленного издания.

Верно, ты читал, что статс-секретарь Маков самоубился и петербургский директор почт Перфильев закололся — в о д и н д е н ь. Это приводят в связь с какими-то арестами, а другие думают, что из-за истории Токарева — Лашкарева, — за что бы Макова тоже стали бы судить. [1] Бог знает, какое страшное время: ищут свободу посредством грубейшего насилия, через динамит, и смертей без конца. Курс опять упал, и страхам нет конца.

Чичерин получил высочайший выговор со вписанием в формуляр за речь 12 января в трактире. А мы-то и не знали, что он спич держал. Он поехал в Питер; если государь его не примет, то он в отставку должен подать. [2] Дела!

В прошлой неделе приезжал Рубинштейн для „Маккавеев“. Возились мы с ним пять дней. По почину Рубинштейна мы с Третьяковым решили выдать Губерту жалованье за три месяца. Против этого был Алексеев, но уступил нам. Альбрехт в е с ь м а этим недоволен, спросил ядовито: „За что? Отчего не до сентября?“ А надо тебе сказать, что Альбрехт теперь получает директорское жалованье. Ему бы следовало, когда при нем положили дать ему директорский оклад, ему следовало сказать: „Я уступаю его до июня моему предшественнику“. Положим, это было бы геройство, но все же мне доступнее [попятнее] этого злобного: за что? Очень может быть, Губерт и не примет наш поздний поклон, ну тогда — от убытка бог избавил.

Мое кавалерство вместе с другими выставочными „личными наградами“ отложены до коронации. Так сам государь пожелал.

11-го марта мы даем концерт памяти Николая Григорьевича. Пойдет: 1) Trauermarche „Götterdämmerung“ [Вагнера], 2) Твой трио, 3) [Третья] симфония Бетховена с траурным маршем. Концерт будет днем, так как вечером итальянская опера, т. е. оркестр занят.

Скажи, не у тебя ли транскрипции Света (Swett)? Он умер, а мать его пристает ко мне. Ты их взял на просмотр и поправку давно-давно.

Я чуть не забыл: профессора консерватории, за исключением Гржимали, Фитцена, Лангера, Милорадович, дали Губерту обед и для демонстрации пригласили Антона. Накануне Губерт был „совсем“ болен, не был у Давидова на блинах, не был на „Маккавеях“ и на ужине, а на другой день выздоровел и исправно обедал. У меня в это же время обедали Третьяков и Петерсен, а потом мы встретили в с ю компанию, кроме Николая Альбертовича.

Отчего бы не дать обед Губерту! Это очень мило, но зачем пригласить одного Антона? Это было демонстративно и как-то мелко. Дай обед, дай два обеда, но для чего тут петь: „Не уезжай, голубчик мой“... Они, может быть, думали тут еще речами жигануть, но на это не было согласия: Рубинштейн неохотно принял приглашение, но с условием, чтобы никаких намеков, никаких шпилек не допускали. Так и было — все прилично и спокойно.

Я подписался на „Русский архив“ и исправно прочитываю всякую штуку. На каждом шагу тут Вигель вспоминается, и раза три я даже стал искать и нашел у Вигеля отзывы, например, про Мордвинова, Кристина, Воронцова, Блудова.

Я хочу себе купить Вигеля, Болотова, Второва. Эти „записки“ начинают меня интересовать. Жаль только, что пользы от этого только мне будет. Может, впрочем, в детях пробужу интерес к историческим личностям России.

Анатолий рассказывает, будто ты модификуешь * свой летний план на подмосковное житье на то, чтобы жить у них вместо своего „у себя“.**

Мне сдается, что это тебе „не модель“. Я вполне уверен, что тебя будут на руках носить, но также уверен, что это тебе „für die Dauer“ *** не выносить. А новая родня? Ведь эти все господа добродушно будут тебя резать тупым ножом...

Если только из экономии, то я тебе предлагаю домик в глуши, с большим парком и рыболовством; соседей никаких, кроме Натальи Николаевны, и то по ту сторону большого пруда и, конечно, без всякой тени навязчивости. Зато ты можешь завтракать или обедать там и л и у с е б я. Кроме того [Петровский] парк в двадцати пяти минутах ходьбы, Пресня в двадцати минутах ходьбы. Я летом обедаю там ежедневно, но от меня тебе легче уйти, чем от Коншиных. Это я так говорю, чтобы ты, если согласен, дал ответ; — надо бы занять домик, а то поздно будет.

Прощай, друг, поступи так, как тебе удобнее, без л о ж н о й деликатности.

2 марта 1883 г.

Твой верный друг

Губерты не приняли деньги. П. Юргенсон.

295. Юргенсон — Чайковскому

1883 г. марта 7—8. Москва.

Москва,
7 марта 1883 г.

Очень жалею, что твой сежур **** за границей в этом году тебя мало удовлетворяет. Стоит жить в Париже, чтобы тосковать самым ординарным образом. Твою лень отно-

---

* изменяешь
** un chez soi *(фр.)* — свой угол
*** продолжительное время
**** séjour *(фр.)* — пребывание

сительно писанья писем я понимаю и одобряю. У тебя слишком много корреспондентов однородных, и потому писать приходится повторяясь — это не весело!

Насчет Антонины Ивановны я постараюсь узнать, где она. Мне сдается, что она не в Москве, и, если в провинции, тогда трудно будет добыть сведений; впрочем, если в большом городе, то можно будет просить торговца музыкального. Увидим.

Если бы твои парижане могли бы видеть, какое изобилие снега у нас! Недавно пять дней подряд снег шел день и ночь. Теперь около домов такие брустверы, что за ними людей не видно.

Бернард, вероятно, продал парижскому издателю твои „Времена года".

Получил ли С. Санс действительно шестьдесят тысяч? Сомневаюсь! Если же да, то, наверное, уступил издателю тантьему. Парижане народ хвастливый и пыль в глаза пускать любят. Рассказывали, что Верди получил с Рикорди сто тысяч за „Аиду". То Верди, то „Аида"! Ведь нельзя их сравнивать по сбыту! Я за „Генриха Восьмого" ни [1] не дам... даром не напечатаю!

Чтобы дойти до шестидесяти тысяч франков, надо, чтобы у нас было столько театров оперных, сколько теперь музыкальных магазинов, и все были бы набиты слушателями. Сколько на это лет нужно? Кто знает, что „грядущее нам готовит"?

Нет сомнения, я был бы рад за тебя, за себя и за Русь.

Сегодня какой-то господин из провинции прислал мне четырехголосную партитуру „Милость и суд воспою тебе", музыка Бортнянского. Этой вещи нет в полном собрании. Надо будет прибавить фортепиано и при новом издании прибавить.

8 марта 1883 г.

Козлов вчера целый день провел в Сергиевском посаде у цензора. Оказалось, что две фразы выпущены; он это отметил еще в оригинале, но ты, как автор, не заглядывал в рукопись и, стало быть, оставил без внимания отметку. Опять билета на выпуск не дали, опять надо перепечатать, к счастию, только экземпляры ему, т. е. в цензуру назначенные. Получив билет, я тебе пришлю лист из твоего оригинала и лист печатного для исправления и вставки тактов.

Я [не] помню, говорил ли я тебе про Мишле, представителя французских издателей. Наконец, после двух лет угроз и переговоров, он подал на меня жалобу от имени Шуданс за оперу „Фауст". По дурацкой страсти к безукоризненности, я желал исполнить требование закона о цензуровании вновь текстов при новом печатании. Этим я дался в руки Мишле, так как он взял справку из цензуры, что я вновь печатал „Фауст" 1879 г. 12-го мая и значит сам прервал д а в н о с т ь!

Это бы чорт с ним, за глупость платить не особенно грустно, и я бы, не дрогнув, проиграл бы процесс, заплатив со вздохом — и только. Меня волнует и тяготит тут то, что я „подсудимый", что я п о д судом, что тут судбище будет, я буду сидеть на скамье п о д с у д и м ы х, что надо мною м о ж е т висеть уголовное наказание и приговор тюремного заключения!! Пусть не было примера, чтобы по частному обвинению суд приговаривал бы к тюрьме и т. д., но каково находиться под этим мечом?

Я сам навел своего адвоката на статью в конвенции с Францией, где сказано, что „ни одна сторона не может пользоваться в другом государстве бо́льшими правами, чем у себя дома", и указал на то, что во Франции не ведутся такие дела уголовным порядком, ergo * и Шуданс не должен меня преследовать иначе, как гражданским судом. Нос открыл глаза и произнес глубокомысленно: „Да, это из совсем другой оперы! Это надо испробовать" и т. д.

Словом, der langen Rede kurzer Sinn ist,** что́ я тебя хочу просить: узнать адрес хорошего адвоката и сходить к нему для предложения ему вопроса № 1 и просить у него ответ официально на бумаге, по возможности на его бланке. Вопрос № 2 я считаю излишним: я знаю, что издательское право не знает во Франции пределов. Само собою разумеется, за эту справку надо платить, но ты спроси цену в п е р е д, иначе эти господа, чего доброго, тысячу франков п о т р е б у ю т. Мне важно, чтобы ответ был получен как можно скорей, раньше, чем меня закуют в кандалы... Даже

---

* следовательно

** короче говоря

в гражданском порядке результаты могут быть достаточно серьезными, т. е. пахнуть тысячами.

Я просил Анатолия, чтобы он содействовал направлению этого дела на гражданскую путь.

Как это странно, что парижский издатель может висеть грозою надо мною, а я ничего не могу сделать в своей стране против ввоза немецких изданий Чайковского и Рубинштейна в Россию!!

Мало того, я написал статью в „Новое время“ и тем навлек на себя гнев своих коллег и даже репримand брата Осипа Ивановича: он упрекает меня в преследовании эгоистических целей в интересах узко-издательских крупного производителя. Ратер думает, что я это прямо его желаю подрезать, ибо он печатает все за границей и т. д.

Что же мне делать, если интересы России не противоречат моим интересам? Я считал бы себя обязанным подчинить мой интерес общей пользе, даже если бы мне это было в ущерб, но это настолько донкихотство, что никто этому не верит. Кончится тем, что я сам о себе начну думать: не мошенник ли я? Чудовищный нарыв на здоровом теле музыкальной торговли...

С. Ив. Танеев нездоров и в пятницу играть не может трио, и, вероятно, пойдет марш Фитцена; помнишь: „Die Apotheose habe ich in meinem Marsch!“ * Вместо твоего трио пойдет „Danse macabre“ — Зилоти и Liszt „Héroide funèbre“. [1]

A propos! Был тут Вагнер-Feier 5-го от комитета Deutscher Reichsangehöriger. ** Дирижировал Max Erdmannsdörfer. [2] После концерта пошли мы: Анатолий, два Гудима-Левковичи в Патрикеевский, мирно выпили по три рюмочки и незаметно поободрились на шампанском. В два часа к нам присоединились Кашкин и рыжий Волков. В три часа мы трое: Волков, Кашкин и я мчались на „паре пошевнях“ *** к Стрельне. Там уже прекратили торговлю, и мы поехали к Яру. Там мы удалились с евреем цимбалистом в отдельную комнату, и он играл нам на Давидовой арфе до шести часов утра. Тут наши буйные головы поостыли, и мы поехали домой. 6-го был концерт Зилоти в большой зале, с оркестром. Он имел большой успех и играл даже „прибавку“. После ужин в „Patrie“ от Зверева, я удрал в два часа, по-английски.

Теперь прощай, милый друг, не унывай! Я надеюсь, с хорошей погодой и твой дух воспрянет. Я подозреваю, тебе не столько нужен воздух, но нужнее воздуха тебе нужны деньги. Верно? Ответствуйте!

Прощай! Целую тебя в щеку.

Твой П. Юргенсон.

296. Чайковский — Юргенсону

Париж,
12/24 марта 1883 г.

Через три дня после твоего письма пришло официальное письмо от председателя Коронационной комиссии Рихтера со вложением одобренного государем текста кантаты Майкова и с самой убедительной просьбой написать музыку и прислать в Комиссию не позже 17-го апреля. Отказать невозможно. И вот я разом пишу теперь и марш и кантату, которая будет иметь тем более почтенные размеры, что из текста, одобренного государем, я считаю себя не вправе сократить хоть единую строчку. [1] Вероятно, марш я не успею сделать так скоро, как обещал прежде, но во всяком случае, если останусь жив и здоров, он до апреля попадет в Москву.

---

* „Мой марш — мой апофеоз!“
** немецких подданных
*** пошевни — сани

Я день распределил таким образом: утром до двенадцати часов пишу марш; после прогулки от двух с половиной до шести с половиной пишу кантату; вечером не могу работать, ибо иначе лишусь сна и даже письма писать не буду иметь времени; поэтому не удивляйся, что кроме кратких деловых записочек не будешь ничего получать от меня. Марш пришлю, как ты желаешь, с переложением для двух рук.

Засим до свиданья, милейший человек.

Твой П. Чайковский.

Оперу раньше лета окончить не могу. Это очень досадно. А ты все-таки, ангел мой, хоть изредка пиши мне. Обнимаю.

297. Юргенсон — Чайковскому

Москва,
18 марта 1883 г.

Я ужасно рад, я ликую! Я рад, что царская комиссия тебе кантату заказала и тем тебе даст возможность облегчить твою душу уплатою... а главное, уплатою куда следует, ибо эта комиссия есть царская, а городская комиссия марш-то заказывает! Город ассигновал от себя двести тысяч рублей. Эти деньги положительно московские и с твоим займом ничего общего не имеют. Как бы то ни было, я эти деньги за марш за тебя возьму, непременно возьму; я навру на тебя, я выставлю тебя форсилой, который только и ждет, чтобы ему насильно навязали деньги и т. д.*

Я тебе скажу более: единственно неловкое тут это твоя наивность (писать письмо), которую действительно можно принять за нахальство; но для чего же продолжать в этом духе?[1] Сколько король баварский истратил на Вагнера?[2] И мне ни разу не приходилось читать упреки Вагнеру за пользование королевскими деньгами. Ты же конфузишься, что получил каплю императорских денег. Я готов пари держать, что вся история давно забыта, и нечего тебе тревожиться. Одним словом, отними у меня доверенность через публикацию в газетах, иначе я буду настаивать на букве доверенности: „спорить и прекословить не буду". Пусть ты меня лишишь наследства, а на этот раз я твой тиран. Dixi.**

Немножко я тебя жалею, твой усиленный труд над двумя Gelegenheitscompositionen.*** С другой стороны, это все-таки интереснее возни с больной девицей... Кантата — слово страшное для меня, это нечто вроде каракатицы музыкальной, восьминога, кисты композиторской...

Если же ты говоришь, что этот текст почтенных размеров, так этому не только надо верить, но надо думать, что это нечто чудовищно длинное и утомительное.

Спасибо за доброе твое намерение насчет марша.

Оперу окончить надо к осени и тотчас представить в комитет; теперь прежних задержек, кажется, нет. Главное, пришли мне по актам оригинал для переписки. Этим мы выиграем время.

Ужасно горю желанием получить ответ на мой юридический запрос насчет контрфакции или нарушений droit d'auteurs.**** Для меня это очень важно, ибо меня освобождает от шантажа со стороны Мишеля. Толя принимает сердечное участие в моем деле и помогает мне своим влиянием и знанием почвы.

Красиво будет видеть меня (себя) на скамье подсудимых. Верно: от сумы и от тюрьмы не отказывайся.

---

* Это на случай, если ты начнешь бунтовать. (*Прим. Юргенсона.*)

** Я все сказал.

*** композициями по случаю

**** авторского права

Я получил из Парижа от Hamelle (ci devant* J. Mahr) предложение продать ему для Франции твой трио. Почему-то я не люблю продавать по многим практическим причинам, а главное, по внутреннему отвращению... Будучи уверен, что он отскочит, когда ему скажу mille francs,** я ему назначил эту цифру. Он согласился, но с условием, чтобы я ему дал еще за эту же цену: Sérénade mélancolique, Скрипичный концерт, Valse-scherzo для скрипки и „Исламея"!! Excusez du peu! *** [...]

Прощай, друг! Не надо ли тебе д е н е г?

Модесту Ильичу почтение!

Твой П. Юргенсон.

298. Чайковский — Юргенсону

Париж,
19 марта 1883 г.

Отвечу тебе на все кратко и ясно. Марш уже пишу и надеюсь дней через десять выслать его. Очень мне это не по нутру, ибо вообще не расположен к сочинению, а тем более, когда меня отрывают этим от моей бесконечно длящейся оперы. Денег не могу принять; так и скажи, что берусь написать, но — даром. Даже и с тебя не возьму сто рублей все по той же причине. Кстати, раз навсегда скажу тебе эту причину, но знай, что кроме тебя и меня, да еще двух лиц, никто этого не знает, и я не хочу, чтобы знали. Два года тому назад, погрязши в долги до такой степени, что не видел исхода, ибо бюджетные деньги были забраны чуть не за целый год и других доходов, за исключением звезды Бортнянского, едва блиставшей на дальнем горизонте, не предвиделось, я с горя напился однажды пьян коньяком, в деревне, ночью у себя в комнате и в пьяном виде написал письмо к г о с у д а р ю, прося его велеть выдать мне три тысячи рублей из казны с тем, чтобы долг погашался из поспектакльной платы. Когда на другой день я проснулся, то, разумеется, хотел разорвать письмо, но оно уже лакеем было сдано на почту. Я ужасно стыдился и мучился, а дней через десять получил от одного министра конверт с тремя тысячами рублей и с письмом, в коем он передает желание государя, чтобы деньги эти я не выплачивал, а принял бы как подарок.[1] Я был рад деньгам, но воспоминание об этой истории действует на меня как воспоминание о какой-то подлости, мной совершенной. Вместе с тем я был тронут необыкновенною благосклонностью государя к наглой просьбе, и решился пользоваться всякими поводами, чтобы выплатить этот долг. Вот и представился повод первый.

Спасибо, голубчик, за предложение нанять дачку; очень соблазнительно, но не могу решиться прежде, чем не приеду в Москву. Боюсь огорчить Толю, да и вообще нужно будет осмотреться.

Об Г о п а к е мы подумаем, когда я вернусь.

Переложения С в е т а у меня; свали вину проволочки на меня. Как только будет время, сделаю, что нужно.

---

* бывший

** тысячу франков

*** Только-то! (*иронич.*)

Прости безалаберность писания. Я очень устал и в большой суете. Жди марша в 20-тых числах марта, а может и ранее.

Обнимаю.

Твой П. Чайковский.

299. Чайковский — Юргенсону

Париж,
20 марта*/1 апреля 1883 г.

В половине августа, бывши в Москве, я имел уже в руках рукопись Всенощной с поправками цензора. Ты просил меня тогда эти поправки сделать. Иные из них, мелочные, но не лишенные смысла, я и сделал. Относительно же других написал для цензора объяснение, которое и принес тебе и, если помнишь, застал еще у тебя Римского-Корсакова, при коем и передал тебе мою письменную отповедь придирчивому старцу. Куда это объяснение девалось? Или ты его забросил и не послал цензору, или же сей последний так упорен и глуп, что с ним нельзя дело иметь. Штука в том, что я не сочинял музыку на текст всенощной, а перелагал с книги, изданной Синодом. Как в этой книге записан напев, так я его и гармонизировал; и те слова, коих у меня нет, нет и в Синодальной нотной книге. Так как пропуски, отмеченные цензором, находятся в таком именно номере, где ничего моего нет, то я не хочу и не могу исполнить его требование вставить слова, для коих в данном случае нет подлинного напева. Кроме того цензор заявляет тут свое незнание порядков службы. Кафизма Блажен муж есть псалом Давида. Никогда его целиком нигде не поют, а пропускают одни то, а другие другое. Там, где принят киевский напев, поют, положим, три куплета, а там, где знаменский, — четыре; по большей же части в наше время поют только первые два стиха; помнится, была еще поправка, которая выказала его музыкальное невежество, т. е. он вообразил, что нет какого-то повторения слов, ибо у меня был вместо троекратного выписывания знак сокращения Одним словом, все, что можно и должно поправить, я поправил. А исполнять капризы этого безмозглого педанта не хочу: для меня он не указчик, и синодская книга важнее его. Нужно пожаловаться на него кому следует. Этакий сукин сын — расстроил меня на целый день!!

Если же ты хочешь уконтентовать** его во что бы то ни стало, то пусть кто другой изменит и прибавит сколько угодно, а я не хочу.

---

* *В подлиннике ошибка:* 19 марта

** *Здесь:* ублажить

Новую пьесу Бортнянского нужно будет арранжировать, но я принужден это отложить, ибо, ей-богу, пяти минут свободных нет, из-за марша и кантаты.

Твой П. Чайковский.

300. Чайковский — Юргенсону

Париж,
23 марта [1883 г.]

Мне ужасно совестно перед тобой, что до сих пор ничего не отвечал по поводу юридического вопроса, который ты поручил мне разъяснить. Но, ей-богу, не по моей вине. Модест на другой же день после твоего письма был у адвоката, который сказал ему решительно, что дела по нарушению музыкальной собственности иначе как гражданским порядком не разрешаются. По просьбе Модеста он обещал дать нам письменный ответ с указанием на статьи законов, и вот теперь уже больше недели водит нас за нос и не дает ответа. Модест два раза был у него, и он все извинялся, обещал прислать в тот же вечер и опять надувал. Это просто возмутительно. Наконец сегодня он снова просил извинения, уверял, что ответ был послан три дня тому назад, но посланный потерял его, и поклялся завтра утром прислать записку. Если и на этот раз надует, придется пойти к другому. Я буду, вероятно, тебе завтра телеграфировать сущность ответа.

Я марш кончил и на-днях, просмотрев его еще раз, вышлю. Насчет платы, несмотря на твои насмешки, остаюсь при прежнем решении. Да по правде сказать, если город Москва заказывает марш по случаю коронации, то следует платить не пятьсот, а пять тысяч рублей. Что же касается Алексеева, то я буду игнорировать, что это он всю историю выдумал, ибо я только оттого и взялся писать марш, что воображал, что это в самом деле городу Москве нужно. Нечего и говорить, что с него, Алексеева, уж никоим образом не могу брать этой нищенской подачки, в коей, если б и нуждался, все-таки вижу нищенскую подачку. С тебя, как с друга и издателя по ремеслу, я могу и пять рублей брать за тот или другой маленький труд, но с какой стати я буду исполнять за деньги фантазии Алексеева? Не хочу.

Кантату я тоже кончаю и вышлю вместе с маршем. Я очень доволен ею и хочу, чтобы ее в будущем сезоне спели в Музыкальном обществе. Буду в свое время просить об этом. А тебе издавать ее не советую, хотя не препятствую. Клавираусцуг сделан в партитуре. И это я написал ценой страшного усилия и бессонных ночей — даром. Никогда я так не нуждался в деньгах и никогда еще не задирал так высоко носа своего. Прекурьезно.

Обнимаю.

Твой П. Чайковский.

Я надеюсь быть в Москве в половине апреля или в двадцатых числах.

P. S. По поводу желания Балакирева, чтобы ты его вещи печатал за границей, ты нападаешь на какое-то собирательное лицо, говоря: Вы, ваши сочинения и т. д.[1] Так что как будто и я провинился в этом отношении? Когда? Не понимаю. Кажется, я никогда к тебе с подобной просьбой не обращался.

Бумага, которую мне прислал Осип Иванович, никуда не годится, так что я употребляю ее для топки камина. Она протекает до того, что вместо ноты, например, такой выходит

Чорт знает, как мне не везет с бумагой.

301. Чайковский — Юргенсону

[Париж]
24 марта [1883 г.]

Я имел несчастье напасть на какого-то полусумасшедшего адвоката, который ничего не помнит, ничего не исполняет, что обещал, и потом еще врет. Вчера, все не получая ответа, я просил хозяина гостиницы сходить к нему и вытребовать ответ на бланке. Хозяин не застал его, а вечером пришло предлагаемое письмецо, которое я тебе и посылаю. Кажется, смысл ответа тот, что эти дела решаются гражданским порядком. Придется обратиться к другому.

Извини, ради бога.

Твой П. Чайковский.

302. Чайковский — Юргенсону

[Париж]
25 марта [1883 г.]

Милый друг!

Сегодня, пока я доканчивал мои писания, Модест в сопровождении Н. Д. Кондратьева отправился на консультацию к другому, весьма хорошему адвокату, и он обещал составить обстоятельную записку на бланке в самом скором времени. Он так же, как и первый адвокат, очень удивлялся делаемым ему вопросам и как бы не сразу понимал, в чем дело, говоря, что никакого уголовного преследования в таком деле быть не может, а можно только взыскивать dommages-intérêts* гражданским порядком. Ради бога, прости, что дело это так затянулось. По рекомен-

* убытки и издержки

дации хозяина отеля мы обратились сначала к какому-то бестолковому и беспутному человеку, который только отнял время.

Ценою значительного усилия мне удалось, однакоже, для самого себя непостижимо скоро окончить марш и кантату, которые я высылаю завтра к Осипу Ивановичу с просьбой доставить кантату в Коронационную комиссию, а марш и кстати готовое третье действие „Мазепы" — тебе.

Спасибо за предложение денег. Две недели тому назад я взял вперед из известного тебе источника две тысячи, которые должен был бы получить в июне. Надеюсь, что их хватит. (Вследствие рокового стечения обстоятельств, я принужден содержать здесь свою племянницу и издержал уже с 1-го января по сие время пять тысяч рублей. Это между нами.) Но летом мне страшно и ужасно будут нужны деньги. Я даже мечтаю о каком-нибудь займе вроде Третьяковского. Во всяком случае спасибо, голубчик, — покамест не нужно.[1]

Твой П. Ч.

303. Чайковский — Юргенсону

[Париж]
26 марта [1883 г.]

Наконец мы имеем дело с хорошим адвокатом. Он призвал сегодня Модеста и сообщил ему, что не только пересмотрел все законы, относящиеся к делу, но побывал и в обществе авторов, узнал, кто такой Мишель, отлично изучил конвенцию и вполне понимает, что̀ тебе нужно знать. Во вторник 29-го (по нашему) он пришлет записку на бланке и скрепленную подписью и печатью, которую (т. е. записку) тотчас я тебе пришлю. Сущность сказанного им Модесту состоит в том, что ты никоим образом не подлежишь суду уголовному, что, может быть, давность даже послужит тебе средством избегнуть всякой ответственности, но если таковая будет, то придется платить и что-то очень много: все количество денег, вырученных за продажу, какой-то тройной штраф и все оставшиеся экземпляры нужно отдать. То есть так бы был оштрафован француз, который бы преследовался русским здесь за нарушение русской собственности. А как по русским законам, — это ты сам знаешь, и если твоя голова это не знает, то твой Нос пронюхает.

Сегодня выслал Осипу Ивановичу большою скоростью мои писания. Третье действие оперы переложено, но голоса солистов и хора не вписаны. Принимаюсь за второе действие.

Обнимаю тебя.

П. Чайковский.

304. Юргенсон — Чайковскому

1883 г. марта 29—30. Москва.

Москва,
29 марта 1883 г.

Твое письмо от 19-го с. м. относительно цензуры и цензора я получил 24-го марта. Не стоит особенно на этом цензорском самодурстве останавливаться, — я все равно его обошел. Бортнянского новоявленную пьесу не спеши: это только при случае.

Спасибо за письмо от 23-го. Этот проклятый вопрос сидит на мне кошмаром и не дает мне покоя. Обстоятельства сложились так благоприятно для противной стороны тем, что следователь попался молодой, рьяный, который смотрит на частное обвинение как на дело государственное и мнит „раскрытием", „разоблачением", „уличением" выдвинуть свою особу и просвещенной Европе дать пример бескорыстия и юридической мудрости. Он щадит меня только потому, что противная сторона великодушно его удерживает. Он — родственник Алексееву и успел тому напеть о страшных последствиях моего „преступления". В глазах Алексеева мое издание „Фауста" есть „подделка", равная подделке фабричных клейм, и мне предстоит séjour в Титах * месяцев на восемь!! Алексеев советует кончить во что бы то ни стало миром, не доводить и т. д., иначе это повредит моему исканию почетного гражданства и пр.

Как бы то ни было, не подлежит сомнению, что дело о „Фаусте", попав к такому следователю, как Гвозданович, будет направлено по дороге, мне не благоприятной. Не могу я допустить процесса, где в перспективе мне грозит уголовное наказание и нахождение под надзором полиции, запрещение выезда и тому подобное ограничение гражданских прав.

Исправляющий должность судебного следователя кандидат на судебные должности Гвозданович все это мне готовит. Случись это, то я по собственному почину выйду из дирекции Музыкального общества, и дело о почетном гражданстве надо бросить, так как там требуется безукоризненность, по крайней мере формальная. Вот почему мне необходим хотя бы дурной мир. Мой адвокат советует искать мира у самого издателя, у Choudens père et fils** в Париже.

Несколько дней тому назад я писал Шудансу, прося его уступить мне „Фауста" для России. При этом я писал, что его поверенный подал на меня иск, что я, не касаясь вопроса о прошедшем, не входя в оценку процесса, желая обеспечить за собою право издания на оперу „Фауст", прошу его (Шуданса, а не Фауста) продать мне это право для России либо со всеми правами, либо только *издание* с одним русским текстом. Ответа я еще не получил, но теперь, ввиду всего того, что я на предыдущих страницах говорил, мне очень важно покончить дело миром и, как мне ни жалко, как тебе ни противно, поручить это дело приходится никому другому, как тебе. Прости, но я не могу без тебя, мне нужен тут и близкий человек и человек с весом. Для Шуданса это будет иметь значение, в этом я уверен.

Теперь насчет инструкции. Необходимо перво-на-перво объяснить ему, что его поверенные подали не *иск*, а *жалобу*, ищут (покуда) не убытки, а *уголовного наказания*. Приговора позорного, может, не будет, но *может быть* и [во] всяком случае, если я даже блистательно выиграю, я все-таки оплеван. Зачем же это нужно?

Если Шудансу надо возместить убытки, то их взыщет гражданский суд, и ему нет надобности поставить своего товарища по торговле под фонтан с помоями. Он, вероятно, думает, что суд ему присудит миллион. Это вздор: у нас ведь *убытки надо доказать*, т. е. юридически доказать, и только на этом может быть основан иск об убытках. Допустим, что он получил преувеличенное понятие об ожидаемом вознаграждении, то опять вопрос: зачем ему шантажное преследование криминальным путем?

---

* Титовский арестный дом в Москве
** [фирмы] Шуданс отец и сын

Вернее всего, что он не знает о том, что̀ его поверенные тут делают, и потому весьма важно его уломать, чтобы он дал приказ снять уголовное преследование или взять с меня выкуп и дело совсем прекратить.

1) Просить Шуданса продать мне право на издание „Фауста", ограниченное или неограниченное, т. е. безусловно или с условием издавать оперу только с одним русским текстом.

2) Прекратить всякое преследование меня судом или по крайней мере уголовное.

3) Если он согласен уничтожить иск, но не согласен продать мне право издания, то я обязуюсь уничтожить все до сих пор изданное из этой оперы.

Прочти все мною написанное относительно этого вопроса еще раз и отправляйся выручать меня к свирепому Шудансу père et fils, Rue St. Honnoré, 265. Сын его Antony тоже композиторствует и, может быть, будет мягкосердечнее отца. Прости за мое поганое поручение, но мне решительно кажется, что ты мне поможешь, что тебе удастся убедить гг. Шудансов, отца и сына, в бесполезности криминального процесса.

Насчет того, как тебе себя держать, когда он заломит цифру (а этого надо ждать), то прошу тебя, на всякий случай, сделать испуганное лицо (хотя бы он назначил сто франков), и начни ныть и ныть... Насчет же того, что̀ собственно может он с меня искать, что̀ „доказать", я сообщу тебе для твоих приватных соображений: ему закон предоставляет содрать с меня за каждый мною напечатанный экземпляр свою продажную цену; например, „Расскажите вы ей, цветы" у меня стоит 20 копеек, у него 5 франков,* стало быть за тысячу экземпляров — 5000 франков полностью. Словом, при удаче он может содрать до 10 000 франков.

Нельзя, однако, сказать, что он непременно выиграет: многое говорит против его претензии, но я пострадаю во всяком случае — даже если окончательно выиграю. Вот где ключ моей трусости.

Было бы желательно, если [бы] вы оба пошли с Модестом Ильичем (но отнюдь не он один), потому что спокойное отношение твоего брата к делу будет очень полезно успеху.

Итак, выручи меня из беды и не сердись за подлое поручение. Дай телеграммами знать о ходе дела.

Теперь прощай. Перейду к твоему письму от 23-го.

30 марта 1883 г.

Буду ждать кантату и марша. Относительно того, что городу Москве следует заплатить пять тысяч рублей, так это верно. Тут ты прав, и я согласен: коли ты находишь гонорар недостаточным. — лучше даром.

Насчет того, что ты не желаешь от Алексеева взять деньги, предполагая, что это его собственные, — это ошибочно: он не из таких! Он непременно отдаст свои, если товарищи по комиссии откажут; в том-то и сила, что они не откажут Алексееву, — в этом я глубоко уверен.

Я доволен твоим решением, но ты помнишь: ты хотел этим платить долг природе, а я говорил: город Москва и природа — не одно и то же. Затем я говорю, как Филипп V испанский: „Испанца я люблю гордым". Дон Педро, вы мне нравитесь! Прикажите моему кошельному гранду выдать вам тысячу скуди, благо ваши средства оскудели... Это ты хорошо насчет пяти рублей... Merci! Мне бы хотелось издать клавираус кантаты, и я рад, что это готово и ты не препятствуешь. Раньше передачи кантаты я поспешно велю переписать и отдам им копию. Отчего тебе не драть высоко нос? Должно. Ты имеешь право поднять нос и делаешь это так симпатично, что я горю желанием целовать подошву твоего высокого носа. Но, между нами, я боюсь: не бисер ли ты сыплешь?!

Вчера я получил письмо от 24-го с французским непонятным письмом и сегодня, сейчас, письмо от 25-го...

Сколько я вам хлопот наделал, о русские в Париже! Простите...

Очень может быть, что парижская бумага мне не поможет, ибо раньше, чем я успею доказать, что для французов не должно существовать право уголовного процесса, меня все-таки протащут через уголовщину.

---

* Со скидкою 85%. (*Прим. Юргенсона.*)

Жаль, что ты послал кантату в Питер: коронационная комиссия ведь в Москве; таким образом, я не успею списать копию. Я, впрочем, напишу брату, — может, успеет списать, и тогда оригинал я оставлю у себя.

Вчера Анатолий ловко устроил так, что Шуданcу отказано за недостаточно ясную доверенность. Эта мера только временная, но они через это могут пропустить один из сроков. Важно и то, что их уверенность в непогрешимость, неотразимость поколеблена, ибо удар наносит тот же Гвозданович, на которого они надеялись. Через Толю же в высших судебных сферах на дело Мишле смотрят неблагосклонно. Мне это очень важно, потому что мне страшно осуждение до разбора, рассуждение вроде Алексеевского, сравнивающего печатание „Фауста" с подделкою фабричного клейма.

Теперь является одно новое обстоятельство: в каких ладах Шуданс с Гуно? Здесь склонны думать, что возбудить дело уголовным порядком мог бы только Гуно, т. е. что для этого надо бы доверенность от самого Гуно, а не от Шуданса. Если автор и издатель (как говорят) в ссоре, то легко может быть, [что] Гуно не даст доверенности, и тогда Шуданс волей неволею должен начать гражданский иск...

Боже, как ты меня поразил цифрой пять тысяч рублей. Это чорт знает что! Бедный, ты совсем погрязнешь в долгах, которые тебя так мучили прежде. Ты радовался в прошлом году, что у тебя ни копейки долга. Когда приедешь, надо будет придумать, как быть, изобрести финансовую меру для поднятия твоего кредита.

Прощай, милый расточитель. Целую тебя в щеки.

Твой П. Юргенсон.

P. S. Помни, Петинька, мне нужно, чтобы ты сам сходил к Шуданcам. Не говори о цене, которую я бы дал за мир, а только сбей его притязания... не показывай карты.

P. S. № 2. Не думал я обобщать тебя с Балакиревым; я, вероятно, забыл поставить кавычки. Это очевидно я ему говорил.

305. Чайковский — Юргенсону

Париж,
6 апреля [1883 г.]

Милый друг! Если я не вполне хорошо исполнил твое поручение,* то это потому, что разом нахлынуло столько тревог и забот, что голова кругом ходила. Модест был на выезде, уже заранее был взят билет в sleeping-car, а между тем он вдруг разболелся, а с другой стороны, племянница причиняла нам вчера и сегодня такие беспокойства, что я был в ужасно нервном состоянии. Вчера после твоего письма я хотел тотчас же итти к Choudens и даже пошел и дошел до дверей, но раздумал, боясь в этом состоянии наглупить. Сегодня утром пошел. Сначала прикащик адресовал меня к Шуданcу-сыну, сидевшему тут же за конторкой. Но когда я сказал ему, что пришел переговорить по делу Юргенсона, он учтиво предложил мне итти к его отцу. Какой-то человек повел меня на двор и потом наверх. Я дал карточку и стал ожидать. Минут через пять ко мне вышел тот же человек и, возвращая карточку, сказал, что г. Шуданс, имея у себя гостей, извиняется и просит спуститься к сыну. Пошел вниз; Шуданс-сын просил подождать; прошло

* Впрочем, кажется, ничего лишнего я не сказал и вообще действовал согласно твоему указанию. *(Прим. Чайковского.)*

минут десять, во время коих я рассматривал ноты, а он объяснялся с посетителем. После того он очень приветливо попросил меня последовать за ним в какую-то каморочку, где, просив сесть, предложил изложить дело. Прежде всего я спросил его, имеет ли он решающий голос и не лучше ли мне в другой раз придти, чтобы видеть отца. Ответ: „Не беспокойтесь; говоря со мной, вы как бы говорите с отцом моим". Когда я изъяснил ему, что ты желал бы купить „Фауста", то он отвечал, что по этому поводу было от тебя письмо и что они решительно отказали и вообще никому не продают, а устраивают так, что их сочинения продаются за границей тамошними издателями как бы от себя, но в сущности от них. Я не совсем это понял, но кажется, что это на подобие того, как ты продаешь „Жизнь за царя", или как Брандус — мои вещи в Париже, т. е. доски твои, а Брандус только обертку свою делает. Как только я заговорил, что недурно бы покончить миром, так как дело затянется, а тебе бы хотелось скорее покончить, то Шуданс изъявил большую радость, рассыпался в похвалах к тебе, в своем уважении, уверял, что для него ничего так не желательно, как жить с тобой в мире. „Но какие бы вы полагали условия мира?" — спросил я. „Прежде всего, — отвечал он, — нужно, чтобы Mr. Жюржансон (так он тебя называет) прислал нам все доски „Фауста", — это самое первейшее условие". Засим я спросил его, что еще он полагает нужным. „Нам, вы вероятно согласитесь с этим, справедливо можно надеяться, что г. Жюржансон вознаградит нас за убытки".

Я (желая воспользоваться случаем, чтобы сделать удивленную мину, которую ты мне рекомендовал): „Но каковы могут быть размеры суммы вознаграждения?".

Он: „Это пусть решит сам г. Юргенсон, на добросовестность которого мы должны рассчитывать".

Я: „Однакоже, любопытно было бы знать, ибо по русским законам вознаграждение это может быть не будет так велико, как вы рассчитываете".

Он: „Извините — мы ничего не рассчитываем, ибо мы не знаем, что может дать г. Юргенсон. Пусть он напишет, сколько он согласен дать, а мы, получив его письмо, увидим, достаточно ли вознаграждение".

Я: „Как бы вы думали кончить дело, в случае если условия его будут Вами приняты".

Он: „Мы тотчас же дадим знать г. Мишелю, чтобы он прекратил преследование г. Юргенсона, и затем, если он пожелает, заключим условие насчет дальнейшей торговли нашими изданиями".

Я было начал вставать и прощаться, но видно было, что желание мира в нем очень сильно, ибо он просил назначить срок и предложил мне шесть дней для твоего ответа. Я объяснил ему, что, дабы написать тебе в Москву и дождаться твоего ответа, необходимо по меньшей мере две недели. Мне показалось, что он испытал как бы маленькое разочарование, увидев, что мы не особенно торопимся и, следовательно, со-

всем не полезли к нему ввиду близкой и неминуемой гибели. Как бы то ни было, но Шуданс-сын мне понравился своей любезностью, симпатичной простотой обращения. Так как ты почему-то считаешь, что моя персона может иметь вес в глазах Шуданса (в чем, кажется, ты ошибаешься), то ради добросовестности я хотел, чтобы он узнал, кто я, и все ждал, чтобы он спросил меня: с кем имею честь?.. и т. д. Но видя, что это вовсе его не интересует, и в то же время желая поступить согласно твоему желанию, я, прощаясь, уже у дверей, очень конфузясь, сказал ему: „Г. Юргенсон пишет мне, что вы композитор, и мне... очень лестно... т. е. я очень рад... что... одним словом, я ваш коллега по сочинительству". При этом я сунул ему все ту же карточку, которая уже побывала у его папаши и которую во время беседы я все вертел в руках. Он прочел ее и, любезно улыбаясь, сказал: „Да, мне знакомо ваше имя". Тут я еще больше сконфузился, пожал ему руку и хотел грациозно повернуться в дверях, но вдруг под ногой на тротуаре оказалась апельсинная корка, я поскользнулся и чуть-чуть не упал, но, к счастью, настоящего падения не случилось, и я, быстро восстановив равновесие и еще раз искусственно грациозно мотнув головой и рукой, поспешно удалился. Пройдя несколько шагов, я остановился у зеркального простенка какого-то магазина и взглянул на себя. Лицо мое было красно как брусника и выражение глаз невыразимо глупое.

Вот тебе моя реляция. Прости, голубчик, — что мог, то и сделал.

Твой П. Ч.

306. Чайковский — Юргенсону

Париж,
14/26 апреля 1883 г.

Сегодня утром, доведенный до крайности, я решился тебе телеграфировать насчет присылки денег. Не удивляйся, голубчик, и не думай, что я играю глупую роль, тратя такое множество не на себя. Тут есть семейное щекотливое и таинственное обстоятельство, о котором кроме Модеста и меня никто не знает.[1] Я не могу не поступать так, как поступаю. Ты спрашиваешь, конечно: „А что бы было, если б у тебя не было денег?" — Ей-богу, не знаю, что бы было, но знаю, что роковые обстоятельства так сложились, что я д о л ж е н их иметь. Убедительно прошу тебя Т о л е как об деньгах, так и о всем вышеизложенном ничего не говорить. Я сердился на тебя за то, что, несмотря на предупреждение, ты ему насчет п я т и т ы с я ч говорил. Он сейчас мне грозный запрос сделал, а я его очень опасаюсь, ибо, во-первых, он болтун, а во-вторых, вообразив меня требующим защиты, он, пожалуй, в Каменку об этом напишет; между тем нужно, чтобы в Каменке ничего не знали. Итак, молчание.

Я решительно не могу наверное сказать, когда мне можно будет отсюда уехать, ибо это не от меня зависит. Но только о ч е н ь хочется поскорей уехать. Вероятно, на Фоминой освобожусь. Ты мне прислал попрек, что пьесы, игранные Рубинштейном, принадлежат Бесселю.[3] Действительно, я немножко суеверный страх питал к нему и боялся, что он мне напакостит в театре, если я ему не сделаю уступок. Очень раскаиваюсь в этом, но впрочем скажу тебе в оправдание следующее. Если бы тогда, т. е. двенадцать, десять лет тому назад, я так же как теперь и как уже давно сознавал бы, что для тебя составляет хоть малейшее лишение н е иметь чего-либо моего, то, конечно, никакие соображения в мире не заставили бы меня изменить тебе. Но в то время, вероятно, ты еще не имел достаточно случаев доказать мне, что не только в виде дружеского самопожертвования готов был печатать все, что я ни писал. Помнится, что тогда я был еще далек от мысли, что твое издательское достоинство немножко пострадает от того, что я полезу к Бесселю. Дорого бы я дал, чтобы выхватить эти вещи от него. Какой странный человек А. Рубинштейн! Что бы ему было обратить внимание на мои фортепианные пьесы десять лет тому назад? Что бы ему тогда хоть одну мою какую-нибудь нотку сыграть? Какая бы это была заслуга! Теперь я все-таки очень ему благодарен, но разница большая.

Постарайся, голубчик, при случае к моему приезду свести мои счеты с тобой, с Осипом Ивановичем, с театром, с Музыкальным обществом. В Музыкальном обществе я взял заимообразно пятьсот рублей в декабре. Но не полагается ли мне гонорар, и какова эта сумма гонорара? Затем, получил ли Осип Иванович тантьемы за „Деву“? Все-таки несколько сотенок, думаю, набежало. Лето нужно будет жить даром у братьев. Остановлюсь в Москве у тебя, если позволишь.

Обнимаю.

П. Чайковский.

307. Чайковский — Юргенсону

[Париж]
17 апреля (1883 г.
Воскресенье.

Господи, в каком волнении и расстройстве я был вчера! Вечером получаю вдруг телеграмму от генерала Рихтера (которому уже три недели тому назад возвестил, что партитура кантаты отослана) такого содержания: „Кантаты Вашей нет, не знаю где искать. Каким путем послали ее?“ Можешь себе представить, в какой я был тревоге, решив, что все три партитуры и в том числе целое действие оперы пропали. И как было не прийти в отчаяние? Три недели тому назад я выслал эти партитуры и тогда же написал письмо аккуратнейшему, серьезнейшему, постояннейшему О с и п у И в а н о в и ч у, прося его н е м е д л е н н о п о п о л у ч е н и и п а к е т а к а н т а т у п е р е д а т ь Р и х т е р у в с о б-

ственные руки. И вдруг кантаты нет! Тотчас же побежал телеграфировать и истратил целых пятьдесят франков на депеши к Рихтеру и к Осипу Ивановичу. Ночь провел ужасную. Утром пришла телеграмма от Рихтера, что партитура нашлась в Москве! Слава богу, но как она туда попала? Каким образом Осип Иванович мог не поступить с манускриптом согласно моему указанию? Или он не получил письма моего? Ведь время дорого; я нарочно страшно торопился, чтобы успеть во-время расписать на партии, разучить и т. д. Потом вдруг я вспомнил, что ты мне писал что-то такое о кантате, начал перечитывать твои письма, и наконец загадка отчасти разгадана. Ты пишешь, что велишь до передачи Рихтеру переписать партитуру. Я тогда не обратил особенного внимания на это место, вполне полагаясь на точность Осипа Ивановича, и только удивился, как ты можешь полагать, что будет время переписать партитуру, когда всего месяц остался до коронации. И очень глупо сделал, что тогда не дал знать Осипу Ивановичу, чтобы вещь, заказанную Рихтером и написанную для коронационной комиссии, отдали бы прямо Рихтеру и прежде всего расписали бы партии. Однакож, оказывается, что он, вероятно, согласно твоему приказу распорядился иначе, чем я просил. Хотя я рад, что партитура не пропала, но, признаюсь, очень сердит на тебя за то, что ты поставил меня в такое неловкое положение перед Рихтером, которому я возвещаю, что партитура ему выслана, а он, несчастный, целых три недели ждет ее и теряется в догадках, куда бы она девалась. Неужели в самом деле партитуру переписывали, а время пропадало и до сих пор нет голосов и нельзя репетиции делать? Все это меня страшно тревожит, сердит, беспокоит, и я целый день сегодня болен был от огорчения. И к чему было все это? Ведь я тебе именно советовал не печатать эту вещь, а если и печатать, то потом. Мог ли я думать, что так странно распорядятся моим произведением, стоившим мне невероятных усилий, чтобы именно поскорее успеть кончить и дать возможность хорошо разучить. Но всего более я сердит на Осипа Ивановича. Одно может только оправдать его, это, что письмо мое не дошло. Может быть, глупо из всего этого историю делать, но я так здесь одинок, так и без того раздражен и расстроен, а тут еще такая история.

За деньги бесконечно благодарен.

Ох эти деньги, деньги.

Обнимаю.

Твой П. Чайковский.

308. Чайковский — Юргенсону

Париж,
28 апреля 1883 г.

Завтра, 29-го, я высылаю тебе большою скоростью следующие части „Мазепы“:

1) Переделку конца седьмого и начала восьмого номера первого акта, одним словом, то место, где я разделил этот первый акт на две картины. Перемена небольшая: всего несколько тактов иначе сделано. Перемены эти нужно перенести в клавираус, и для этой цели я написал особый листик, который вложен в приклейку, сделанную на партитуре.

2) Либретто оперы „Мазепы" в том виде, как оно должно быть напечатано.

3) Весь второй акт, разделенный на три картины. Переложение для фортепиано написано в самой партитуре внизу. Но для третьей картины места не оказалось, и оно, т. е. переложение, сделано отдельно, причем голосовые партии не вписаны, а лишь место для них оставлено. Таким образом теперь вся моя опера „Мазепа" кончена и вся находится у тебя. Два года я над ней сидел, и много трудов она мне стоила. Дальнейшую судьбу ее поручаю тебе.

Деньги еще не получил, но чиновник из банка уже приходил и завтра придет еще раз, ибо сегодня не застал меня.

Ничего, кроме спасибо, не скажу. Ужасно совестно перед тобой; очень понимаю, что две тысячи рублей почти разом выложить не так-то легко. Но одно знай: ей-богу, не виноват, ей-богу, страшная крайность. Я жертва рока, против коего ничего не сделаешь. Надеюсь числа 6-го или 7-го наконец уехать отсюда.

Обнимаю.

П. Чайковский.

309. Чайковский — Юргенсону

[Подушкино] [1]
18 июля [1883 г.]

Милый друг! Я получил из Коронационной комиссии еще неделю тому назад уведомление, что мне пожалован из кабинета его величества драгоценный подарок в полторы тысячи рублей. Толя справлялся, и оказалось, что я могу просить вместо вещи деньги. Я так и сделал и написал в кабинет его величества просьбу о присылке этой суммы в магазин Юргенсона, с передачей мне. Если деньги уже пришли, то выдай пакет Алеше. Если же нет, то прошу тебя (независимо от наших общих счетов) выдать Алеше заимообразно столько рублей, сколько нужно, чтобы составилось по курсу пятьсот франков. Дело в том, что я должен сегодня по телеграфу перевести в Париж пятьсот франков. Это равняется приблизительно двумстам рублям. Я их отдам тебе тотчас по получении денег.

Хорошо ли съездил? Я совершенно благополучен. Ранее субботы не буду в Москве. Устал от корректуры до изнеможения, даже болен от нее. Вели, чтобы хорошенько исправляли.[2]

До свиданья, голубчик!

Твой П. Чайковский.

310. Чайковский — Юргенсону

Подушкино,
28 июля [1883 г.]

Я хотел подождать до своего приезда в Каменку и уж оттуда, дав улечься своему раздражению и волнению, написать то, что сейчас скажу. Но оказывается, что по свойствам своей поганой нервности я не в состоянии ничего делать, ничем заниматься до тех пор, пока не объяснюсь с тобой. Дело идет о счете, который ты мне дал при последнем свидании. Ты знаешь, что я никогда с тобой не спорил относительно назначаемых тобой гонораров, да и случая не было спорить, ибо не только ты не обижал меня в этом отношении, но скорее, как мне казалось, обижал себя, и подчас я находил, что ты слишком щедро мне платишь. Теперь случилось нечто совершенно противное: цена, назначенная тобой за „Мазепу", слишком не соответствует справедливости, и я не могу оставить это без протеста. Если не ошибаюсь, даже за „Орлеанскую Деву" я получил с тебя более тысячи рублей. Но положим даже, что та же тысяча. Ведь с тех пор прошло четыре года. Каким образом цена моя за все это время не поднялась ни на грош? К тому же, тогда я не сам делал переложение, а делали его Мессер и Котек (по сто рублей за акт), не сам делал все три корректуры. Когда ты начинал гравировать „Деву", ее постановка была вопросом; судьба ее была неизвестна. Теперь, когда уже оба столичные театры соревнуют в получении от тебя голосов, партий, клавираусцугов „Мазепы", ты назначаешь мне тысячу за оперу, которой я посвятил два года и три месяца усидчивой работы. Это столь же преувеличенно мало, как преувеличенно велика и неестественно щедра твоя плата за кантату. За последнюю я не возьму с тебя ни копейки. Она написана на случай, стоила мне менее двадцати дней работы, не имеет никакой будущности, и я вовсе даже и не желал ее печатания. „Мазепа" — другое дело. Весьма может статься, что он ограничится лишь двумя русскими столицами и дальше не пойдет; может быть, успех его не будет велик или даже никакого успеха не будет, — но ведь может быть и наоборот. Кто знает? Как бы то ни было, но смешно, странно, несправедливо, что опера, которую всякий Бютнер и всякий Бернард, из одного желания отбить ее от тебя, приобрели бы охотно за гораздо более высокую цену, чем та, которую я сейчас назначу, оценивается тобой как какие-нибудь десять паршивых романсов моих. Я полагаю, что в „Мазепе" заключаются сотни романсов; в нем есть целая симфоническая картина, еще один симфонический номер не без будущности и что если быть логичным, то она должна мне принести по крайней мере в десять раз более мзды, чем десять романсов или десять дрянных фортепианных пьес. С другой стороны, знаю трудность сбыта больших сочинений сравнительно с мелкими и потому думаю не нарушать справедливости, если назначу за „Мазепу" следующую цену:

За право собственности . . . . . 2000 р.
За переложение по 100 р. за акт . 300 „
За корректуру . . . . . 100 „

Итого: . . 2400 р.

За кантату не хочу ничего.

Еще мне очень не нравится в твоем счете одна мелочь, о которой не стоило бы и говорить, если б я не привык считать тебя более, так сказать, широкой натурой в этом отношении. Я говорю о том, что ты заставляешь меня платить сорок [рублей] за ноты, которые я просил тебя послать Ларошу не как мой подарок, а как дань его положению в среде рецензентов. Ведь в январе он явился, чтобы писать в „Голосе"![1] Да и вообще я передавал тебе просьбу Лароша к тебе, а не заказ. Впрочем, к чорту это.

Надеюсь, милый друг, что ты как следует примешь мой протест и по зрелом рассуждении не найдешь в моей претензии ничего преувеличенного и нахального. Я объясняю себе твою несправедливую оценку единственно рассеянностью. Что касается твоего временно затруднительного финансового положения, то, конечно, имею его в виду и вовсе не хочу сейчас же брать тот Saldo Ihnen,* который образуется от изменения цены. Счет посылаю тебе назад. Корректуру возвращаю. Печатать можно, но убедительно прошу тщательно исправить ошибки. Посылаю на всякий случай официальное уведомление о подарке, как доказательство принадлежности мне кольца.[2]

Не сердись, пожалуйста.

Твой П. Чайковский.

311. Юргенсон — Чайковскому

Москва,
29 июля 1883 г.

Милый мой! Мне никогда не нравилась моя роль оценщика твоих пьес, и я очень рад, что ты пользуешься своим правом назначить сам следуемое тебе вознаграждение. Это мне тысяча раз милее. Что же касается нот, посланных Ларошу, то я даже не знаю, когда это было.

Счет будет изменен.

От Иосифа Ивановича ответа еще нет. Вероятно, сегодня получу, и тогда тебе напишу.

До свиданья!

Твой П. Юргенсон.

Корректуру получил. Будь покоен; все ошибки будут исправлены.

---

* остаток в вашу пользу [со стороны фирмы, т. е. в пользу Чайковского]

312. Чайковский — Юргенсону

Вербовка,
12 сентября [1883 г.]

Милый друг!

Я ничего не имею против того, чтобы ты издал Гопак отдельно. Что касается „Полтавского боя“, то это тоже было бы хорошо, но тут та помеха, что он написан для штатского и военного оркестра. Впрочем весьма возможно кое-что переинструментовать для концертов так, чтобы Бой мог быть исполняем одними штатскими. Это очень несложная работа, и ты можешь поручить ее даже Бюхнеру или кому-нибудь в этом роде; есть также бывшие ученики консерватории: Ляпунов, Кленовский, Арендс и т. п., которые это могут сделать. Если же хочешь, чтобы я сам это сделал, то подожди моего приезда, — сюда присылать партитуру не стоит, да к тому же я занят сюитой и не хочется отрываться. Я думал, что печатать необходимо переложение в одно время с партитурой, оттого и отдал первую часть Баталиной; если она может в скором времени окончить переложение, то не отбирай партитуры; в противном случае уполномачиваю тебя на время отнять рукопись. Остальные части переложу сам. Сомневаюсь, впрочем, чтобы к ноябрю могло быть все это напечатано, и лучше не буду на это рассчитывать. Эрдмансдерферу напиши, пожалуйста, что я согласен совершенно, чтобы сюита шла в его концерте.[1] Имей в виду, что для исполнения одного номера сюиты нужны четыре аккордиона в десять клапанов в строе E-dur. Я думаю, что в партитуре можно напечатать, что таковые у тебя имеются, а тебе не мешало бы их на всякий случай приготовить. Недели через две я вышлю тебе партитуру второй, третьей и четвертой части с переложением. Остальные несколько позже.

Я благоденствую здесь, хотя в Вербовке (имение зятя рядом с Каменкой) природа весьма жалкая после Подушкина. На случай присылки заказных корректур, посылок и писем имей в виду, что теперь в Каменке есть почтовая контора и нужно адресовать прямо, а не в Смелу.

До свидания!

Твой П. Чайковский.

313. Юргенсон — Чайковскому

Москва,
20 сентября 1883 г.

Милый друг!

Твое письмо от 12-го сентября я получил 18-го сентября. Насчет „Полтавского боя“ приму к сведению и руководству [...]

Осип Иванович спрашивает, правда ли, что ты ставишь неисполнимые (невозможные) условия для постановки „Мазепы“ в Питере, — он это знает от Направника. Но,

видно, Направник брату не сказал, какие „идеальные" условия ты ставишь (относительно Рааб), но что он, со своей стороны, все сделает, причем указал на то, что лучшие баритоны: Мельников и Прянишников будут петь в этой опере, что хоры уже разучены и т. д.

Я не знаю петербургскую труппу, не знаю, кто там еще, кроме Рааб, не знаю, сколько Рааб может провалить роль Марии, но мне очень бы хотелось, чтобы оперу в Питере не откладывали. Ведь это в самом деле странно: оперы моего издания даются не иначе, как с препятствиями („Онегина" уже три раза назначали и три раза откладывали). Теперь „Мазепа" будет *десятая* (опера или балет) с препятствиями. Везде в театрах интригуют, но нигде высшее управление не ведут так за нос, как в императорских театрах. У нас всего два театра оперных; если случай играет нам в руку — разумно ли быть очень требовательным?

Конечно, все это — антихудожественные соображения, но твое дело — художество, мое дело — действительность со своими требованиями. Я, ей-богу, не знаю, эгоизм ли это с моей стороны, жадность ли, но было бы очень досадно, если [бы] опера „Мазепа" в Петербурге не пошла...

„Деву" давали со Славиной. Иванов говорит, что партия Жанны ей не [по] голосу: „тесситура"-мол неподходяща.[1] Завтра, наконец, „Онегин" назначен четвертый раз в первый раз. Может, тоже какая-нибудь тесситура помешает.

На Макара шишки валятся.

Сейчас получил письмо из конторы вел. кн. Екатерины Михайловны, в котором меня просят взять партитуру кантаты у Альтани. Тут же приложена копия твоего письма к Малоземовой.[2] Ты мне об этом не говорил. Тем не менее соображения твои относительно права твоего верны. Право наше настолько лишь сильно, насколько мы можем препятствовать доставке партитуры.

Я возьму у Альтани партитуру и голоса и пошлю к великой княгине. Лично я не сочувствую монополизации великою княгинею: это злоупотребление! Тебе это бесполезно (по меньшей мере), а мне прямо во вред. Вот, по-истине, сказочное царство! Боже! От одного бескорыстия тошнит. [5]

Так мне и чудится Малоземова со своими клыками и свинцовыми глазами, костлявыми руками забирающая твою кантату. [1]

Хотел я тебе про поездку в Смоленск писать, да некогда.

Ларош и Кашкин получили деньги от консерватории на поездку, но я нечаянно заплатил за их путь туда и обратно. Какая у меня счастливая звезда! Всю эту депутацию пришлось и боками и деньгами оплатить, да с меня же возьмут пятую часть лепты нашей (пятьсот рублей) на памятник Глинке. Скажи, как тут директорствовать между миллионерами!?

Прощай, голубчик, будь здоров.

Твой П. Юргенсон.

314. Чайковский — Юргенсону

Вербовка,
25 сентября [1883 г.]

Милый друг!

Вел. кн. Екатерина Михайловна хочет устроить исполнение кантаты очень блестящее: с громадным хором, с Лавровской и т. д., и естественно, что ей бы не хотелось отнять интерес новизны от своего предприятия. Я же, с своей стороны, тем более сочувствую ей, что знаю заранее, что у нее исполнено будет лучше, чем в Музыкальном обществе, где хоры скверны и репетиций очень мало. Поэтому я очень бы желал, чтобы в Петербурге кантата не была исполняема раньше чем у нее, и прошу тебя насколько можно стараться, чтобы так и вышло.

Относительно „Мазепы“ успокойся: весь мой каприз и моя злоба состояли в том, что я не хотел Рааб; все остальные причины, почему я хотел отложить постановку оперы в Петербурге, не важные. Направник на мое письмо отвечал, что ручается за хорошее исполнение партии Марии Сионицкой или еще какой-то другой дебютанткой. Я послал официальное распределение ролей, и опера пойдет.[1] Надеюсь на будущей неделе выслать тебе три части с переложением, а первую советую тебе отнять от Губертихи и гравировать; переложение она потом сделает. Засим еще останется финал, который в половине октября будет готов, если ничто не помешает.

Наслаждаюсь деревенским спокойствием и со страхом помышляю о будущих треволнениях в обеих столицах.

Будь здоров. Поздравь Софью Ивановну с прошедшими именинами.

Твой П. Чайковский.

Каково Ларош держится?

315. Юргенсон — Чайковскому

1883 г. сентября 23 — октября 4. Москва.

Москва,
23 сентября 1883 г.

Дорогой друг,

Твоя кантата неожиданно возбуждает соревнование между: 1) вел. кн. Екатериной Михайловной, 2) Зике — Музыкальное общество и 3) Альтани — Общество слепых. Три грации: Малоземова, Зике le petit * и Альтани le grand! ** Я — непризнанный Парис. Я целомудренно воздерживаюсь от требования заголения и интригую, — обещая яблоко всем троим. Альтани во власти и пользуется этим, т. е. дает концерт в начале октября и затем: Votre Altesse c'est à vous, faites votre jeu... ***

Труднее будет мне борьба с Зике, ибо едва ли он захочет быть qui rira le dernier. Каков француз? [...]

29 сентября.

Сейчас был у меня господин, лицом и ростом напоминающий певца Орлова. Взял твой адрес. Он мне показался подозрительным: говорил про какую-то посылку к тебе, которую он сам завезет к тебе, потому что по почте громоздко, и не настаивал на поездке, когда я ему заметил, что лично отвозили посылки за тысячу верст разве в прошлом столетии, а теперь не в пример безопаснее послать и застраховать.

Одним словом, он говорил загадочным языком: будто „там“ были при его отъезде твой брат, Кондратьев, но говорил он это с моих слов; он говорил: „разные лица“ и после моего подсказыванья: „брат его“, — „да, брат“. „Еще тот... Кондратьев“. — „Да, и Кондратьев“... Словом, тут нечисто что-то. Вероятнее всего, что это кто-нибудь из пассивных уринингов, выжимающих сок из лимона. Timeo Danaos et dona ferentes. Может, он тебе адскую машину шлет...

---

* маленький [*противопоставление Альтани*]
** большой [*намек на его веское положение в Большом театре*]
*** ваше высочество, это вам, играйте...

4 октября.

Хорош я! [4]

Зике мы поставили бекар.* „Apres nous le Sicke,** — сказала великая княгиня.

За „Мазепу“ и Петербург я рад. Два шанса лучше одного.

Относительно опер я нахожусь в положении того немца, у которого „der Himmel voller Geigen hängt“.*** На театральном небе висят чуть ли не десять опер моих. Юргенсоновское солнце затмило луну Бесселя.

Сегодня А. И. Губерт принесла мне сюиту, партитуру и переложение. Она ничего не хочет брать за арранжемент. Она говорит, что не я ей поручил перекладывать. [6]

Ларош изображает из себя горячий камень, на котором капли денег моментально высыхают. Он покуда исправно читает свои лекции и живет в Кокоревке „без денег, книг и инструмента“.

Он наивно предложил мне продать ему рояль в рассрочку, да на три года! Если бы он был аккуратнейший из смертных, то это была бы жертва с моей стороны. Это менее, чем отдать на прокат рояль и через три года потерять оный посредством пожара. Книги его в Москве, но у него нет денег, чтобы заплатить за провоз — сорока трех рублей. Катков дал ему недавно двести рублей вперед, но они фюйть!

Танеев наконец продал мне одно сочинение: романс на немецкий текст Гете. Для начала это недурно! Я поспешил послать романс для перевода в Петербург... но где такие вещи делаются? Между тем это так „по-русски“: Гете — Танеев — Юргенсон — Петербург — Тюменев...

Прилагаю письмо и целую тебя.

Твой П. Юргенсон.

Билеты Музыкального общества разобраны с остервенением.

316. Чайковский — Юргенсону

Каменка.
5 октября [1883 г.]

Милый друг! Н. Ф. фон-Мекк, узнав, что по выкупе перстня я желаю продать его, предложила мне приобрести его и спрашивает, какую я назначу ему цену. Я не знаю, что ответить на это, и хочу назначить ту, за которую принимает свои изделия Бутц. Если не ошибаюсь, Осип Иванович еще летом осведомлялся, и ему сказали, что Бутц выдает сумму, в которую оценивает подарки Кабинет, но только с вычетом пятнадцати процентов. Так ли это? Кстати о перстне, напоминаю, что 25-го числа ему срок. Прошу тебя, голубчик (если не произошло никакого замешательства), выкупить перстень и тотчас же препроводить его к брату г-жи Мекк Александру Филаретовичу Фроловскому, жительствующему в Кисельном пер. в собственном доме, под его расписку. Сегодня высылаю тебе три части сюиты: партитуру и переложения.

Твой П. Чайковский.

---

* отстранили

** „После нас хоть Зике“ [перефразировка: „После нас хоть потоп“]

*** [над которым] нависло небо, полное скрипок. *Смысл:* [который] блаженствует

317. Чайковский — Юргенсону

Каменка,
1 ноября [1883 г.]

Милый друг! Я не получал никакого твоего письма, где бы ты говорил о выкупе кольца не ранее ноября.[1] Было письмо, где ты говорил, что раньше 26 октября нельзя выкупить, и это совершенно верно, ибо был назначен трехмесячный срок (с 26 июля по 26 октября). Итак, я думаю, что это не рассеянность ли с твоей стороны, и так как желаю поскорее кончить вопрос этот, то и бегал сейчас телеграфировать тебе.

Относительно Годара ты прав, — но зачем эти черти пишут мне такие умильные письма?[2] Во всяком случае прошу и требую, чтобы это было на мой счет. После я тебе расскажу, почему я почел себя обязанным безденежно выслать партитуры свои. Каким образом сюита № 1 осталась неоплаченной, я не понимаю, но не ошибаешься ли ты? Нельзя ли еще посмотреть? Во всяком случае, что с возу упало, то пропало, и я за нее ничего не хочу, а за Вторую желал бы получить пятьсот рублей, в том числе пятьдесят, которые ты уже уплатил Баталиной. Но тебе грозит еще бедствие: я пишу сборник детских песней, коих будет не менее пятнадцати, и так как мне кажется, что они очень удачны, то я не намерен быть скромным и хочу взлупить тебя на все корки. Зато потом уж долго ничего не буду писать.

Не можешь ли ты узнать, когда предполагается постановка „Мазепы“ в Москве и когда меня туда вызовут. Я бы хотел остаться здесь подольше и очень буду рад, если весь этот месяц можно будет прожить еще в деревне.

Засим обнимаю тебя и от души благодарю за то, что либретто „Онегина“ уже печатаешь.

Твой П. Чайковский.

318. Чайковский — Юргенсону

[Каменка]
3 ноября 1883 г.

Сегодня я выслал тебе пятнадцать детских песен. Их желательно было бы издать как можно милее и с картиночками, — так, чтобы это могло служить роскошным подарком для детей; а впрочем, как знаешь. Если хочешь, можно присоединить к ним „Лизочек“.[1] Получил ответ на телеграмму, но все-таки не понимаю, отчего три месяца обратились в четыре. Вероятно, ты мне об этом писал, но письмо пропало. Получил корректуру первых двух частей и теперь исключительно предамся этому занятию. Не бойся! Теперь уж надолго не будет нового опуса.

Твой П. Чайковский.

319. Чайковский — Юргенсону

[Каменка]
8 ноября [1883 г.]

Я послал тебе сегодня корректуру первых четырех частей. Как водится, все время, пока корректировал, злился и неоднократно имел побуждение лететь в Колпашный переулок, чтоб истребить твою металлографию до тла. Как доставалось маменьке Алексея Карпова! Если она жива, то ей икалось несколько дней сряду без конца, а если — покойница, то косточки ее содрогались в могилке. Грустно признаться, но все, что гравировано немцами, без сравнения лучше, чем бесшабашное царапанье по доскам, производимое Алекс. Карповым и т. п.!!!

Вторую корректуру я необходимо должен сам сделать, чтобы видеть, поняты ли мои указания и поправки. Третью пусть сделает, кто хочет, но если я в то время буду в Москве, то сам сделаю. Макс очень торопился и во многих местах только еще больше напутал. Жду поскорей второй корректуры, а также пятую часть. Хотел послать бандеролью, но не приняли, ибо более десяти фунтов.

П. Ч.

320. Чайковский — Юргенсону

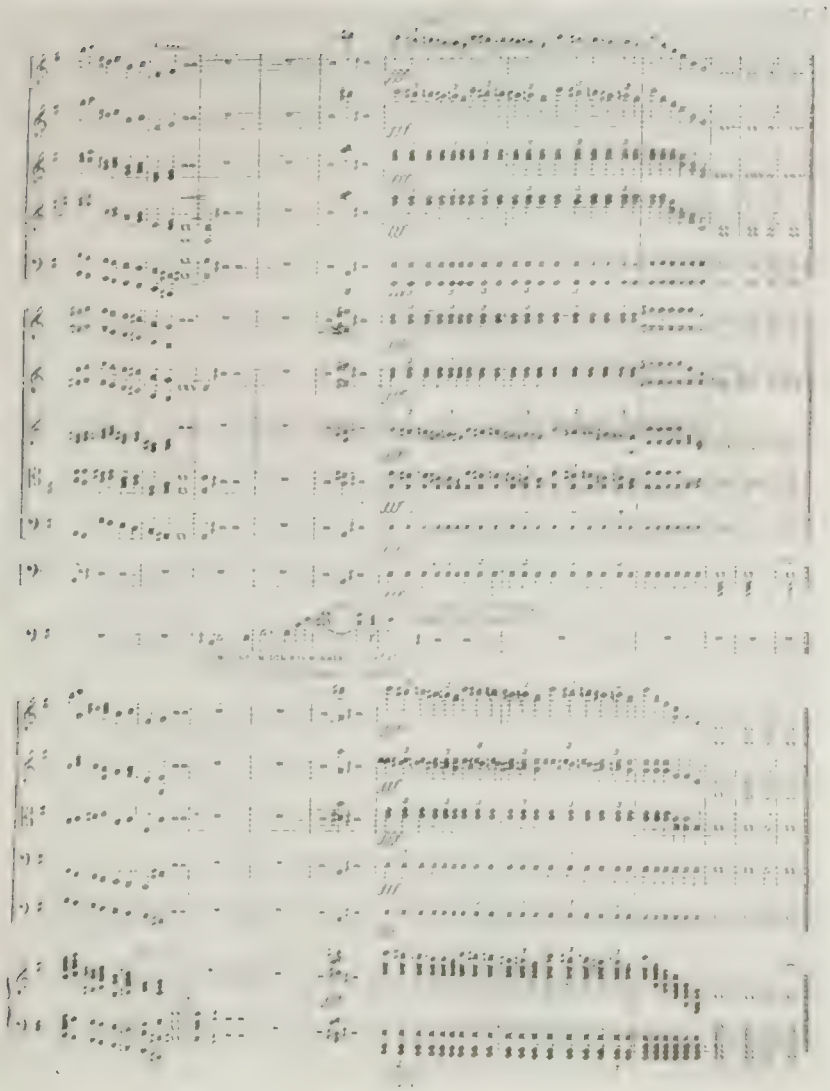
[Каменка]
9 ноября [1883 г.]

Посылаю контракт, хотя он совершенно излишний, ибо точно такой я уже подписал в Петербурге, в мае, чему свидетелем был Осип Иванович, с которым мы вместе ходили в контору. Как глупо, что в правилах о поспектакльной плате нет примечания, что если трехактная опера занимает весь вечер, то за нее получается столько же, сколько за четырехактную. Ведь „Мазепа“ и „Евгений Онегин“ не оттого в трех актах, что они меньше других опер, а потому, что такого разделения потребовали художественные мотивы и сценические соображения. Надеюсь, что мне в виде легкого уклонения от правила будут выдавать не восемь, а десять процентов. Впрочем, я не решился вписать цифру процентов; пусть сами впишут, но прошу тебя, если можно, похлопотать. Помнишь ли, что когда Барцал просил „Мазепу“, то я предупредил его, что хочу получать столько же, сколько полагается за четырехактную оперу. Впрочем, если они будут артачиться, то историй заводить не стоит. Ты мне пишешь, чтобы я приехал к пятому концерту, но когда он будет, — не пишешь. Я, разумеется, приеду, ибо ведь по моей просьбе и играется Первая симфония.

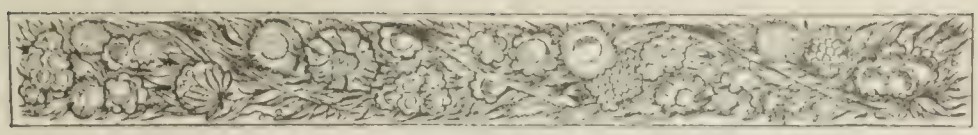
Твой П. Чайковский.

У меня есть один долг брату Николаю Ильичу, который меня страшно тяготит. Получивши поспектакльную плату, потрудись выслать ему пятьсот рублей в С. Петербург, у Торгового моста, дом Стерлигова.

ПРИМЕЧАНИЯ



Последняя страница партитуры оперы „Евгений Онегин“



К письму № 1

[1] Отъезд Чайковского за границу был вызван крайне тяжелыми семейными обстоятельствами. В дальнейшей переписке им будет уделено много места, и необходимо теперь же сказать о них. 6 июля 1877 г. Чайковский женился на ученице консерватории, дочери мелкопоместной дворянки Клинского уезда Московской губернии, Антонине Ивановне Милюковой. Женитьба была сознательной попыткой ввести свою жизнь в норму человеческих отношений, но опыт оказался неудачным. Чайковский возненавидел жену с первого же дня, а 26 июля в самом угнетенном состоянии уехал от нее. В сентябре он встретился с ней в Москве, но вскоре нервно заболел и был увезен братом за границу. С тех пор было лишь несколько случайных встреч между ними. О предполагавшемся разводе и дальнейших отношениях много говорится в следующих письмах. Подробности о женитьбе см. в наших примечаниях к письмам №№ 24 и 34 в Ч. М., I. Там же и в примечаниях к т. II и III этой переписки напечатано несколько писем жены Чайковского к нему и одно письмо Чайковского к ней.

[3] Жена Юргенсона.

К письму № 2

[1] Алексей Иванович Софронов, слуга Чайковского.

[2] Речь идет о Четвертой симфонии, черновые эскизы которой были готовы в мае 1877 г. Перед отъездом за границу Чайковский закончил первую часть. Остальные три части были готовы к 20 декабря.

[3] Сын Юргенсона.

К письму № 3

[1] 20 октября Чайковский закончил оркестровку первого действия оперы „Евгений Онегин", к середине ноября — первой картины второго действия. В декабре был перерыв, и к 20 января 1878 г. опера была закончена.

[2] Вотан — прозвище Карла Клиндворта.

[1] Еще не скоро появится в переписке с Юргенсоном имя Надежды Филаретовны фон-Мекк. Дружба с ней приняла к тому времени уже устойчивую форму, но знакомство это Чайковский хранил в тайне даже от близких приятелей. Вероятно, всем читателям этой книги хорошо известна история их своеобразных отношений, и будет излишним говорить о них здесь. В данном случае необходимо отметить, что отказ Чайковского от займа у Юргенсона был вызван получением от фон-Мекк крупной субсидии (3000 франков единовременно, с обещанием 1500 франков ежемесячно). Вероятно, это же обстоятельство побудило Чайковского так легко отказаться от предложенной Юргенсоном работы по переложению испанских увертюр. См. Ч. М., I, № 37 и прим. 1 к нему.

[4] Письмо Н. Г. Рубинштейна об этом опубликовано в сборнике „История русской музыки в исследованиях и материалах", под ред. проф. К. А. Кузнецова, I, М. 1924, стр. 161.

К письму № 4

[1] О том же Чайковский писал Н. Д. Кашкину 26 ноября. См. Ч. М., I, прим. к № 46.

[2] Перефразированное начало популярного стихотворения Гете „Миньона". Чайковский часто приводил его в письмах и по-русски и по-немецки (точный текст: „Kennst du das Land, wo die Zitronen blühn").

[3] Эти письма Н. Г. Рубинштейна (недатированные) напечатаны в указанном выше сборнике, стр. 160—161 и 162.

[4] В Музее Чайковского имеются копии писем Чайковского к Альбрехту и сохранилась большая часть писем Альбрехта к нему. В данном случае имеется в виду первое письмо к Альбрехту из-за границы от 25 октября/6 ноября 1877 г. Два отрывка из него: „Милый Карлуша! Мне очень трудно говорить о всем случившемся, и позволь мне обойти этот грустный предмет разговора. Прости меня за то, что я не мог исполнить твоего совета вытерпеть год. Помнишь? Я и двух недель не вытерпел. Никто не знает все, что я выстрадал в эти две недели! Но, повторяю, мне тяжело говорить обо всем этом. Итак, весь этот год я проживу за границей и возвращусь домой 1 сентября будущего года. Только в разлуке познаешь всю силу любви к друзьям... Напиши мне также, как вы устроили мои классы. Меня очень терзает, что я поставил консерваторию в столь затруднительное положение своим отъездом. Но что же мне было делать! Все-таки лучше отсутствовать год, чем исчезнуть навеки. Если б я остался хоть еще один день в Москве, то сошел бы с ума или утопился бы в вонючих волнах все-таки милой Москвы-реки". 3 декабря Чайковский получил ответ Альбрехта и в тот же день написал ему пространное письмо, опубликованное в Ж. Ч., II, стр. 57—59.

[5] Кашкину Чайковский написал 26 ноября. См. Ж. Ч., II, стр. 52—53 и Ч. М., I, прим. к № 46.

[6] Имеются в виду симфонические и квартетные собрания Московского отделения Р. М. О. В сезоне 1877/78 г. было 100 действительных членов Общества и 1676 членов-посетителей (в предыдущем сезоне — 89 действительных членов и 1500 членов-посетителей).

К письму № 5

[1] В Петербурге в то время шла опера Чайковского „Кузнец Вакула".

К письму № 6

[1] Л. И. Шестакова, сестра Глинки, была инициатором издания его произведений. Редакторами главнейших из них были Балакирев, Римский-Корсаков и Лядов.

[2] Чайковский имеет ввиду ряд сочинений Глинки, относящихся к раннему периоду его творчества и носящих еще чисто школьно-классный характер. Таковы ученические наброски В-дурной симфонии, некоторые переложения и пр.

[3] По предложению Фитценгагена Чайковский передал немецкому издателю Лейкарту право на издание его двух произведений: „Вариации на тему рококо" для вио-

лончели с оркестром (1876), ор. 33, посв. Фитценгагену, и „Вальс-скерцо“ для скрипки с оркестром (1877), ор. 34, посв. Котеку. Лейкарт их своевременно не издал, и Чайковский в 1878 г. передал издание Юргенсону. См. Ч. М., I, № 122.

К письму № 7

[1] Перечисленные три номера Юргенсон не издал.

[2] „Tu sei figlia e lodo anch'io il pensier del genitore“ („Скоро узы Гименея на себя наложишь ты“). Перечисленные ниже номера изданы Юргенсоном. Этот — под № 76 (у следующих указаны только номера и фирма не повторяется). Этот и указанные ниже романсы и арии относятся к посмертным изданиям сочинений Глинки.

[3] „Pur nel sonno almen allora vien colei, che m'innamora“ („Я в волшебном сновиденьи видел милое явленье“). (№ 78.)

[4] „Mio ben ricordati se avvien ch'io mora“ („Если вдруг среди радостей смертный час мой настанет“). (№ 73.)

[5] „Ho perduto il mio tesoro, ogni speme ho gia smarritta“ („Смертный час настал нежданный, нет надежды, нет спасенья“). (№ 77.)

[6] Вероятно, имеются в виду или ария для тенора (№ 75): „Mi sento il cor trafiggere“ („Тоска мне больно сердце жмет“), или ария для сопрано (№ 85): „L'iniquo voto e profferito“ („В суде неправом решен мой жребий“).

[7] „Молитва“, квартет для сопрано, альта, тенора и баса (№ 79): „С небеси услыши наши моленья“ (итальянского текста нет).

[8] Воспитанник М. И. Чайковского — Коля Конради.

К письму № 8

[1] Рубинштейну Чайковский писал в тот же день, 1/13 января. Опубликовано в указанном сборнике, стр. 173—174.

К письму № 9

[1] Четвертая симфония посвящена Н. Ф. фон-Мекк без указания ее имени („Моему лучшему другу“). Поэтому-то Чайковский и заботился, чтобы клавираусцуг был сделан и издан „безукоризненно“. На издание симфонии Мекк прислала Чайковскому особую субсидию. Переложение для ф-п. в четыре руки выполнено Танеевым. Об этой работе Чайковский писал ему 2/14 января 1878 г. См. в книге „Письма П. И. Чайковского и С. И. Танеева“, М. [1916], стр. 19—20.

К письму № 10

Осенью 1877 г. Чайковский получил приглашение быть делегатом на Всемирной выставке 1878 г. в Париже для организации там русских концертов. Сначала он принял это предложение, потом стал колебаться и по получении официального извещения о состоявшемся назначении окончательно отказался. Он писал Н. Г. Рубинштейну, хлопотавшему об этом назначении: „Я не могу ехать в Париж. Это не малодушие, это не лень, но я не могу. Я все эти три дня, с минуты получения известия о моем назначении, совершенно болен, я с ума схожу. Лучше смерть, чем это... Я не могу видеть людей, мне необходима изолированность от всякого шума и суеты. Словом, если ты хочешь, чтобы я возвратился в твои объятия целым, не требуй, чтобы я ехал в Париж“ (23 декабря 1877 г.). Отказ Чайковского рассердил всех его московских приятелей, особенно Рубинштейна, обвинявшего его в том, что он „блажит“. См. Ч. М., I, прим. 1 к № 70 и Ж. Ч., I, стр. 83 и сл.

К письму № 11

[1] См. прим. 2 к письму № 6.

К письму № 12

[1] Одновременно с отправкой рукописи „Евгения Онегина" Чайковский писал Альбрехту 3/15 февраля 1878 г.: „Милый мой Карлуш! Вчера я выслал на имя Николая Григорьевича остальные части моей оперы, т. е.: 1) микроскопическую интродукцию перед первым актом, 2) вторую картину второго акта, 3) третий акт. Прошу у тебя следующее. 1) Просмотреть, не напутал ли я в номерах. 2) Отдать переписать клавираусцуг. 3) Выставить как в этих новых частях оперы, так и в старых, в клавираусцуге все сценические отметки, которые находятся на партитуре. 4) Попросить Самарина прочесть внимательно либретто. Теперь, когда уже партитура готова, я не могу ничего изменить в с у щ н о с т и хода действия, но я убедительно прошу милого моего Ивана Васильевича поправить в сценических отметках все, что ему покажется глупо, неудобно, неловко и т. д. Я прошу его также обратить особенное внимание на последний стих. Я принужден был ради музыкальных и сценических требований сильно драматизировать сцену объяснения Татьяны с Онегиным. В конце у меня появляется муж Татьяны и жестом повелевает Онегину удалиться. При этом мне нужно было, чтобы Онегин сказал что-нибудь, и я вложил в его уста следующий стих: „О смерть, о смерть! Иду искать тебя!" Мне кажется все, что это глупо, что ему надо сказать что-нибудь другое, а что — не могу придумать. Вот я и прошу Ивана Васильевича, чтобы он оказал мне неоцененную услугу и в ручил из этого затруднения" [дальше идут еще два пункта: об изготовлении копии клавира и о просмотре рукописи Танеевым].

В результате этой заочной правки первое издания клавираусцуга и партитуры оказались несогласованными. В первом издании клавира (1878 г.) оставлена реплика первоначальной редакции: „Входит князь Гремин. Татьяна, увидев его, испускает крик и падает в обморок к нему в объятия. Князь делает Онегину повелительный знак удалиться", — но последние слова Онегина даны в окончательной редакции: „Позор, тоска, о жалкий жребий мой!" В партитуре же, изданной в 1880 г., при той же ремарке сохранились первоначальные слова, которые по указанию Чайковского были удалены из клавира еще в 1878 г.: „О смерть, о смерть! Иду искать тебя!" (см. иллюстрацию). В дальнейших изданиях и ход действия изменен. Ремарка: „Татьяна уходит, Онегин несколько времени стоит в недоумении, пораженный отчаянием".

К письму № 13

[1] О том же Чайковский писал фон-Мекк в двух письмах (Ч. М., I, №№ 78, 89), Альбрехту (Ж. Ч., II, стр. 57) и Танееву (Переписка, стр. 19).

[2] Карл Карлович Альбрехт.

К письму № 14

[1] Выдержки из этого письма к Альбрехту опубликованы в Ч. М., I, прим. к письму № 123.

[2] Туда, туда, где никакие лимоны не цветут. — Перефразированная цитата из „Миньоны" Гете. См. прим. 2 к письму № 4.

[3] В мае 1878 г. Чайковский написал 24 легких пьесы (à la Schumann), составивших Детский альбом (ор. 39). Посвящены племяннику Чайковского, Володе Давыдову.

[4] В мае 1878 г. Чайковский написал „Литургию св. Иоанна Златоуста" для четырехголосного смешанного хора. В дальнейшем много говорится о конфискации этого издания Юргенсона по требованию начальника императорской певческой капеллы, Бахметева, считавшего издание духовных произведений монополией капеллы. Юргенсон возбудил процесс против Бахметева и выиграл его в Петербургском окружном суде.

К письму № 15

[1] Не вчера, а третьего дня вечером (25 февраля) приехал Чайковский в Клаван. См. Ч. М., I, № 104.

К письму № 16

[1] В то время А. И. Чайковский был увлечен Панаевой. См. Ч. М., I, по указателю.

[2] Так назвали Чайковского в одной из почтовых расписок, которые он отправил Юргенсону 24 ноября, вслед за письмом № 11, при краткой записке (она не печатается).

[3] Дуэт Альфреда и Виолетты из последнего акта „Травиаты" Верди. Смысл: Юргенсон издал клавираусцуг „Травиаты", с текстом в переводе Кашкина (на нотах фамилия переводчика не указана).

[4] Каламбур: фамилии двух виолончелистов — Грюцмахер и Фитценгаген. В девятом симфоническом собрании выступал Грюцмахер.

К письму № 17

[1] А. И. Баталина, недавно вышедшая замуж за Губерта.

[2] Концерт для скрипки и оркестра (ор. 35) начат в Кларане и к 16 марта в эскизах был закончен. 24 марта написано новое Andante. Инструментовка закончена в двадцатых числах апреля. Упоминаемые семь мелких пьес вошли в opus 40 (двенадцать фортепианных пьес средней трудности, посвященных М. И. Чайковскому), два романса — в opus 38 (шесть романсов, посвященных А. И. Чайковскому). Большая соната для фортепиано (G-dur), ор. 37, посвященная Клиндворту, начата в первых числах марта. После перерыва, вызванного работой над Скрипичным концертом, Чайковский вернулся к ней в апреле, закончив 30 апреля.

[3] Софья Ивановна — жена Юргенсона. В прежнее время она имела контору объявлений и подписки на периодические издания. Тогда же П. И. Юргенсон познакомился с ее служащей, Н. Н. Печковской, сыгравшей в его жизни большую роль (вторая его семья). Впоследствии, еще раньше комментируемого периода, С. И. Юргенсон ликвидировала свое дело, и Печковская самостоятельно открыла такую же контору в Петровских линиях. В дальнейших письмах Юргенсон не один раз говорит о сложности своей семейной жизни.

[4] Агафон — камердинер Рубинштейна, популярный среди московских музыкантов.

[5] В своем концерте 10 марта 1878 г. (экстренное собрание Р. М. О.) Н. Г. Рубинштейн впервые исполнил тот самый фортепианный концерт Чайковского (b-moll), который когда-то он сурово забраковал, что вынудило даже Чайковского снять посвящение Рубинштейну. После этого исполнения он стал часто играть его. Присутствовавшая на концерте фон-Мекк писала Чайковскому 11 марта 1878 г.: „Что за прелесть Ваш концерт и как он играет его, этот Рубинштейн! Сверхъестественно! Его игра до того хороша, что забываешь не только весь мир, но и его собственные недостатки. Он возвышается в ней на степень божества, которого судить не приходит и в голову... Конечно, говорить нечего, что публикою зала была переполнена и аплодисментов было более чем достаточно. Поднесены были два лавровых венка с другими вещественными приложениями". А Чайковский по получении известия о предполагавшемся исполнении писал Альбрехту 9 марта: „Поблагодари от меня Николая Григорьевича за концерт. Он оказывает мне большую услугу исполнением его. Это известие мне было очень, очень приятно".

К письму № 19

[1] Чайковский вел с женой переговоры о разводе через брата Анатолия. Вину он брал на себя, обязавшись уплатить А. И. Чайковской десять тысяч рублей. Деньги эти Чайковский должен был получить не от сестры, а от фон-Мекк, что он тщательно скрывал даже от семейных; знали только братья Модест и Анатолий, а сестре было сказано, что деньги выдаст Русское музыкальное общество. Переговоры были длительные и неприятные, но развод не состоялся по вине А. И. Чайковской. Она до смерти своей формально считалась женой Чайковского. Регулярно (с небольшими перерывами) она получала от него пенсию. В восьмидесятых годах она вступила в неофициальный брак с неизвестным Чайковскому лицом и имела нескольких детей, отданных

ею в воспитательный дом. С 1896 г. в течение двадцати лет А. И. Чайковская находилась в петербургской лечебнице для душевнобольных, где и скончалась в 1917 г. Ее воспоминания, написанные вскоре после смерти Чайковского, очень неточные и тенденциозные, напечатаны в „Петербургской газете" 1894, № 91 („Из воспоминаний вдовы П. И. Чайковского"). О начале переговоров о разводе см. Ч. М., I, №№ 99, 104, 109, 131 (последнее написано в тот же день, что и письмо к Юргенсону, 15 апреля 1878 г.).

К письму № 20

[1] По просьбе Юргенсона Чайковский написал марш „Добровольный флот", изданный под псевдонимом П. И. Синопова. Это единственный случай, когда Чайковский нашел нужным скрыться под псевдонимом. Издание успеха не имело и не повторялось.

К письму № 21

[1] Это письмо Юргенсона не сохранилось.

К письму № 22

[1] Чайковский жил в то время не в Каменке, а в Браилове, имении фон-Мекк в Подольской губернии. Ради конспирации он указал Каменку. См. Ч. М., I, №№ 143 и сл.

[2] Отрывки из этого письма А. И. Чайковской (от 15 мая 1878 г.) опубликованы в Ч. М., I, прим. 2 к № 146 (письма Чайковского к жене не сохранились). На другой день, 22 мая, Чайковский писал брату Модесту, который переслал ему письмо жены: „Поразительное, неподражаемое, изумительное письмо Антонины Ивановны. Первое впечатление было — радость и желание поскорее, тотчас же ехать устраивать, хлопотать, ускорять дело о разводе. Между тем, как и когда ехать? Я даже ничего не могу решить и в будущем, ибо денег почти нет. Следовательно, нужно ждать денег от Надежды Филаретовны, а она в своем последнем письме ничего о них не говорит. Писать же ей: дескать „пришлите скорей, нужно ехать!" — нельзя. Я не сомневаюсь, что деньги будут, нужно только подождать. Как бы то ни было, но я пришел в какое-то особенного рода нервное состояние, вследствие которого должен был часа полтора буквально бегать по саду, чтобы физическим утомлением добиться просветления голов ы, которая находилась в каком-то тумане. Потом стал писать письма Надежде Филаретовне, Юргенсону, Антонине Ивановне и каждое из них должен был несколько раз переделывать и переписывать. Какое-то затмение нашло. Письмо Антонины Ивановны перечел еще раз и, каюсь, имел ребячество и слабость злиться и порывался отвечать колкостями и сарказмами. Наконец сообразил, что это ровно ни к чему не поведет... Сегодня утром только я вполне оценил всю неподражаемую прелесть письма Антонины Ивановны. Не правда ли, что это письмо писала не она, а разом M-me Никльби, тетка-приживалка в „Крошке Доррит", Каурова из „Завтрака у предводителя", Городничиха, Коробочка, обе дамы из „Мертвых душ", — словом, непостижимо, что в одной человеческой голове может набраться столько глупости и упорного непонимания". См. также Ч. М., I, № 146, стр. 338.

К письму № 23

[1] Письмо Юргенсона не сохранилось. Приводим выдержку из письма к фон-Мекк от того же числа, 16 июня 1878 г.: „Сегодня я получил от [Юргенсона] длинное письмо. В первой части его он сообщает, что известную особу [*так называлась А. И. Чайковская в их переписке*] невозможно найти. Во второй он пишет, что она наконец отозвалась и что он был у нее. Дальнейшие подробности я выпишу из письма Юргенсона: „Через несколько минут вышла Антонина Ивановна, и мы начали разговор о посторонних делу вещах. Я наконец прямо изложил, в чем дело. Говорили

мы много, и Антонина Ивановна иногда входила в азарт и гневное воодушевление. Вначале она приняла меня за одного из агентов бракоразводного дела и решительно объявила, что ни с кем, кроме мужа, говорить не хочет, выражала сильное неодобрение тебе, бранила Анатолия и т. д. Разговор вертелся буквально, как белка в колесе, и мы все опять оказывались на исходном пункте. Не стану тебе передавать подробности, но я получил полное убеждение, что с нею каши сварить нельзя: она ни за что не хочет „лжи", и „ни за какие блага в мире не будет лгать. Я пробовал ей объяснить, что „лжи" не будет, ибо будет доказана твоя неверность, но она невозмутимо спокойно ответила: „а я докажу противное". Она твердо стоит на одном: пускай явится сам, и мы с ним обойдемся без окружного суда. Она высказала предположение, что „все это было задумано еще до свадьбы". Я робко заметил, что предположение это неверно, ибо зачем это могло быть нужно? Она возразила, что не знает, зачем, но все это интриги Анатолия, Рубинштейна, твоей сестры" и т. д. Итак, вот что пишет Юргенсон. Что теперь делать?.. Мое мнение следующее. При феноменальной, непроходимой глупости известной особы щекотливое дело развода вести с ней нельзя. Это будет возможно только в том случае, когда по каким-либо причинам она сама захочет его, для того чтобы выйти замуж или для другой какой-либо цели. В настоящее время в ней утвердилась мысль, что я, в сущности, влюблен в нее и что злые люди, т. е. брат Анатолий, сестра и т. д., — виновники нашего разрыва. Она убеждена, что я должен вернуться и пасть к ногам ее. Вообще это такое море бессмыслия, что решительно нельзя взяться за дело. Уж если она совершенно серьезно в письме ко мне утверждала, что развод был задуман ее врагами еще до свадьбы, то согласитесь, что путем убеждения ничего от нее не добьешься. Если посредством давления на нее и добиться, наконец, ее согласия начать дело, то нельзя быть уверенным, что она не скомпрометирует его во время различных щекотливых процедур, без которых обойтись нельзя. Итак, с грустью, но с полной ясностью я вижу, что мои мечты тотчас же добиться свободы тщетны".

[2] „Вальс-скерцо" для скрипки с оркестром (ор. 34).

[3] Три пьесы для скрипки с сопровождением фортепиано (ор. 42), посвященные Б[раилову]: „Воспоминания о дорогом месте" („Souvenir d'un lieu cher"): 1. Méditation, 2. Scherzo и 3. Mélodie. № 1 сочинен в Кларане, остальные в Браилове в мае 1878 г.

[4] Чайковский приезжал в Москву по делу о разводе и пробыл там с 1 по 4 июня. Подробно об этом приезде в Ч. М., I, № 156.

К письму № 24

[1] Основание датировки: согласно пометки Юргенсона, письмо получено в Москве 26 июня 1878 г.; отсчитываем четыре дня, в соответствии с другими письмами этого времени, имеющими авторскую дату и пометку Юргенсона о дне получения.

[2] Книга выписывалась для домашнего спектакля, состоявшегося 13 июня в Вербовке (имении Л. В. Давыдова, близ Каменки). Играли „Женитьбу" Гоголя и сцену из „Мизантропа" Мольера. Режиссер и суфлер — Чайковский. См. Ч. М., I, № 169.

[3] В первом издании Скрипичный концерт посвящен Ауэру, который предполагал впервые исполнить его в Петербурге в марте 1879 г. Начав разучивать, Ауэр не одобрил его и отказался от публичного исполнения. Чайковский снял посвящение, и в следующем издании концерт посвящен Бродскому, впервые исполнившему его в Вене.

К письму № 25

[1] Это письмо А. И. Чайковской в архиве не сохранилось. По поводу его Чайковский писал брату Модесту 4 июля 1878 г.: „Из [ее] письма явствует, что она окончательно сходит с ума. Глупости ее предыдущего, известного тебе письма ничто в сравнении с последним. Дерзостей, мерзостей пропасть, но они, конечно, только забавны. Беспокоит же меня мысль, что она никогда не отстанет от меня... Я отвечал на полустраничке, что она получит в августе 2500 р. для уплаты долга и будет получать по мере возможности свою пенсию. Письма же ее будут возвращаемы к ней нераспечатанными. Теперь я уж отделался от первого впечатления и начинаю забывать, что

все это было. Но не дай бог, чтобы в дурную минуту она попалась ко мне навстречу в Москве. Боюсь, как бы я не имел слабости притти в ярость".

[2] Н. Г. Рубинштейн взял на себя организацию русских концертов на Всемирной выставке в Париже (см. прим. к письму № 10). Сведения о концертах Чайковский запрашивал для фон-Мекк.

[3] Деньги Чайковский должен был получить от фон-Мекк. Он сам попросил у нее эту сумму, сообщив о назначении ее. См. Ч. М., I, № 165.

[4] На Всемирную выставку.

[5] Для этих толков имелись большие основания.

К письму № 26

[1] 2 июля 1878 г. после сильного дождя речка Неглинка прорвала трубы и залила подвалы многих домов по Неглинному проезду. Особенно пострадал полуподвальный склад магазина Юргенсона (убытки четыре тысячи рублей). В „Московских ведомостях" 1878, № 170 от 5 июля напечатана заметка об этом, судя по стилю, написанная Юргенсоном (подписи нет).

[2] В Колпачном переулке в Москве находились дом Юргенсона и его нотопечатня. В письмах Юргенсона будет часто встречаться шутливое обозначение: Колпашников-Кестль (Castle) (Колпашников-замок; *англ.*).

[3] Эта симфония (Вторая, h-moll) осталась неоконченной. См. С. С. Попов, „Неизданные сочинения и работы С. И. Танеева" в сборнике „Танеев. Личность, творчество, документы его жизни", М. 1925, стр. 124—127. О симфонии в тот же день, 12 июля 1878 г., Чайковский писал Танееву. В изданной их переписке см. стр. 33.

К письму № 27

[1] Очевидно, письмо написано в день отъезда А. И. Чайковского из Вербовки в Москву — 18 июля 1878 г. Упоминаемую в письме сумму Чайковский получил от фон-Мекк на другой день после отъезда брата, 19 июля (Ч. М., I, стр. 395), но деньги (вероятно, занятые у сестры) А. И. Чайковский увез с собой и вручил Юргенсону на другой день по приезде в Москву (установлено по письму А. И. Чайковского к брату от 21 июля 1878 г.).

[2] В 1872 г. М. А. Мамонтова издала „Детские песни на русские и малороссийские напевы. Составлены М. А. Мамонтовой, под редакцией П. И. Чайковского". Выраженное Чайковским в 1878 г. желание, чтобы его имя на новых изданиях не упоминалось, не было исполнено, и на всех изданиях (в 1915 г. шестое) имя Чайковского сохранено. В Клинском музее имеются черновики работы Чайковского над этими песнями.

К письму № 28

[1] Из письма к брату Анатолию от 28 июля 1878 г.: „Если б ты знал, какая мерзость корректура оперы! Хорош Кашкин! После трех корректур — ошибок, как тараканов в вербовской буфетной".

К письму № 29

[1] Основание датировки: получено письмо в Москве (пометка Юргенсона) 6 августа 1878 г.; обычный интервал — три-четыре дня, но 3 августа отпадает, так как написано перед письмом от 3 августа (распоряжение о „Вальсе-скерцо").

[2] Очевидно, имеется в виду письмо № 13.

[3] В тот же день, 2 августа 1878 г., Чайковский писал фон-Мекк: „Чем более я думаю об исполнении этой оперы, тем более убеждаюсь, что оно невозможно, т. е. такое исполнение, которое соответствовало бы моим мечтам и замыслам. Особенно Татьяна и Ленский меня ставят втупик. Поэтому я склонен думать, что, за

исключением консерваторского исполнения, на которое я смотрю как на пробу и ученическое упражнение, опера моя никогда не увидит сцены. Я никогда не буду хлопотать о постановке ее, ибо в случае моей инициативы дирекция по своему обыкновению обставит оперу кое-как. Если же дирекция будет просить у меня этой оперы, то требования мои будут очень велики".

[4] Граверы Юргенсона.

К письму № 30

[1] В Ворожбе Чайковский был только один день — 8 августа 1878 г. (см. Ч. М., I, № 179).

[2] Это письмо Юргенсона не сохранилось.

К письму № 31

[1] Датируется в соответствии с письмом № 32.

К письму № 32

[1] Приглашение быть профессором Московской консерватории Балакирев получил от Н. Г. Рубинштейна в связи с уходом Чайковского. После сильного потрясения, вызванного женитьбой, Чайковский взял в консерватории годичный отпуск, кончавшийся в сентябре 1878 г. Чайковский предчувствовал, что возвращение в „несимпатичную среду" с ее „убийственно раздражающими классными занятиями" приведет к новому приступу „мизантропической хандры" и, заручившись одобрением со стороны фон-Мекк и ее обещанием выдавать постоянную ежемесячную субсидию, той же осенью навсегда вышел из состава профессоров консерватории, полностью отдавшись независимой деятельности композитора (он вернулся в консерваторию в 1885 г. в качестве одного из директоров Московского отделения Р. М. О.). См. Ч. М., I, №№ 189, 191, 193, 214.

[2] Это отголоски распространившихся зимой 1877/78 г. слухов о тяжелом душевном состоянии, даже сумасшествии Чайковского. Брат Модест писал ему из Петербурга 9 ноября 1877 г.: „Твоя болезнь страшно популярна здесь и служит вместе с военными известиями предметом разговора, начиная от гостиной вел. кн. Константина Николаевича и кончая столбцами газеток, вроде «Петербургского листка»". См. Ч. М., I, прим. к № 89.

[3] Переписка Чайковского с Балакиревым, прервавшаяся в 1871 г., возобновилась только в 1881 г. Издана отдельной книгой.

[4] Михаил Иванович Софронов, брат Алексея Софронова.

[5] Нараставшие несогласия между отдельными группами московских музыкантов вылились осенью 1878 г. в открытый конфликт между пианистом Шостаковским и Н. Г. Рубинштейном. Внешняя канва его: под давлением Рубинштейна Шостаковский был лишен возможности выступать в симфонических и камерных собраниях Р. М. О., а в других концертах не мог участвовать по контракту. После этого Шостаковский ушел из состава профессоров консерватории и открыл собственную школу, которая стала пользоваться популярностью; вскоре он взял на себя инициативу организации Филармонического общества, сделавшегося сильным, под конец побеждающим конкурентом Р. М. О. Часть оппозиционно настроенных музыкантов, страдавших от властной административной руки Рубинштейна, объединилась с Шостаковским. Чайковский, Юргенсон и все основное ядро Р. М. О. были на стороне Рубинштейна. Некоторые газеты подняли вокруг этого дела большой шум, продолжая нападки на Рубинштейна, начавшиеся после его концертов на Всемирной выставке в Париже. См. прим. 3 к письму № 38 и Ч. М., I, прим. 1 к № 214.

К письму № 33

[1] Осип Иванович — брат Юргенсона, его петербургский комиссионер. Бессель был раздражен, что право на издание „Евгения Онегина" получил не он (Бессель), а Юргенсон. См. письмо № 35.

К письму № 34

[1] Гулак-Артемовская — известная аферистка, имевшая в Петербурге салон, выиграла у купца Пастухова в дурачки свыше 160 000 рублей и после его смерти предъявила фиктивные векселя на 58 000 рублей. Судилась в 1878 г. Сослана в Сибирь.

К письму № 35

[1] Записки Чайковского (о корректурах) от 24 и 26 октября 1878 г. Не печатаются.

К письму № 36

[1] Первую сюиту (ор. 43) Чайковский начал в августе 1878 г. в Вербовке. После перерыва работа возобновилась 6 ноября и вчерне закончена в том же месяце во Флоренции. Инструментована в 1879 г.

[2] Не это причина поспешного отъезда Чайковского за границу. Он предполагал поехать только в начале января, но получил от фон-Мекк приглашение теперь же приехать во Флоренцию и поселиться на специально для него нанятой вилле Бончиани (Villa Bonciani). См. Ч. М., I, №№ 208 и сл.

К письму № 37

[1] Это не „Давыдовский знакомый", а фон-Мекк. См. прим. 2 к предыдущему письму.

К письму № 38

[1] Чайковскому послали за границу написанные им летом 1878 г. эскизы первых частей Первой сюиты. Рукопись задержалась в пути, и Чайковский думал, что она затерялась.

[2] В первом симфоническом собрании 3 ноября 1878 г. Н. Г. Рубинштейн исполнил Первый фортепианный концерт Чайковского.

[3] Нападки на Н. Г. Рубинштейна начались после Парижской выставки и усилились в связи с уходом из консерватории Шостаковского (см. прим. 5 к письму № 32). Резкий тон газетным статьям задал Стасов, обвинявший Рубинштейна за его нежелание показать парижской публике образцы лучшей, подлинно национальной русской музыки — произведения представителей „Могучей кучки". Он писал в „Новом времени". Цитаты см. в Ч. М., I, прим. 4 к № 189. В сентябре, октябре и первых числах ноября появились резкие фельетоны в других петербургских газетах. См. „Биржевые ведомости" 1878, №№ 221, 235, 249, 270, 291; „Русская правда" № 37. Выдержки из этих газет помещены в Ч. М., I, прим. к №№ 189, 196 и 214. См. также в этом томе прим. 2 к № 45.

[4] Шутка: Немрод — внук библейского Хама, страстный охотник. Жерар — французский офицер, прославившийся охотой на львов в Алжире. Смела — местечко близ Каменки.

К письму № 39

[1] В третьем симфоническом собрании заболевшего Корсова никто не заменил, и вокальные номера были опущены.

[2] Поездка Н. Г. Рубинштейна в Америку не состоялась.

[3] Брассен выступал в первом квартетном собрании Р. М. О. второй серии.

[4] Жена Клиндворта.

[5] Имеется в виду опера Мерме „Jeanne d'Arc" (1876).

К письму № 40

[1] Эти ноты Чайковский выписывал для фон-Мекк. См. Ч. М., I, № 226.

[2] Три пьесы для скрипки („Воспоминания о дорогом месте") посвящены Бран-

лову, но на нотах все буквы после первой заменены соответствующим количеством точек.

[3] Четвертая симфония посвящена „Моему лучшему другу" [фон-Мекк]. Вот почему так беспокоился Чайковский по поводу заглавного листа.

К письму № 41

[1] Программа пятого симфонического собрания Р. М. О.: Гендель, Концерт № 6 (concerto grosso); Перголезе, ария из „Stabat mater", в первый раз (исп. Паприц); Монюшко, антракт к третьему действию из оперы „Графиня", для виолончелей, альтов и контрабасов (в первый раз); Шель, лезгинка из оперы „Демон"; Дютш, романс „Новгород велик"; Балакирев, романс „Слышу ли голос твой" (исп. Паприц); Гольдмарк, симфония („Ländliche Hochzeit"), ор. 26 (в первый раз).

К письму № 42

[1] Игра слов: Hahn *(нем.)* — петух.

[2] В Московской консерватории в то время существовал обычай устраивать в „Николин день", 6 декабря (именины Н. Г. Рубинштейна) спектакль или музыкальный вечер, а затем парадный ужин в ресторане. На этот раз предполагалось поставить часть „Евгения Онегина" в виде подготовки к предстоявшему исполнению оперы на сцене Малого театра. Постановка не состоялась. См. письмо № 46 и Н. Кашкин, „Воспоминания о П. И. Чайковском", М. 1896, стр. 122.

[3] Шутка. Чайковский жил во Флоренции на вилле, принадлежавшей г-ну Бончиани.

К письму № 43

[1] В Колпачном переулке была квартира Юргенсона, а в Столешниковом переулке — квартира Н. Н. Печковской.

К письму № 44

[1] Имеются в виду Вариации на тему рококо, для виолончели (ор. 33), посвященные Вильгельму [Гильому] Фитценгагену.

[2] Детский альбом посвящен племяннику Чайковского, Володе Давыдову. На заглавном листе даны рисунки к каждой пьесе, работы худ. А. Степанова.

[3] Новую оперу („Орлеанская дева") Чайковский начал писать 5 декабря 1878 г. Либретто и плана еще не было. Потом он сам составил либретто по „Орлеанской деве" Шиллера в переводе Жуковского (несколько сцен взяты из книги Валлона „Jeanne d'Arc", драмы Барбье „Jeanne Darc" и либретто оперы Мерме того же названия). К 10 декабря была вчерне готова вторая половина второго акта, и вся опера закончена 22 февраля 1879 г. Инструментовка была готова 27 августа.

[4] О своей работе Чайковский в тот же день писал фон-Мекк и М. И. Чайковскому. См. Ч. М., I, № 260 и прим. к нему.

К письму № 45

[1] На Поварской улице в Москве жила А. И. Губерт.

[2] Дюбюк напечатал в „Московских ведомостях" 1878, № 298 от 23 ноября возражения против непрекращавшихся нападок прессы на Н. Г. Рубинштейна в связи с уходом из консерватории Шостаковского. „Сравнение Н. Г. Рубинштейна с Шостаковским немыслимо. Это все равно, что: куда конь с копытом, туда рак с клешней", — писал Дюбюк. Он указывал, что Рубинштейн никогда не боялся конкуренции, постоянно приглашая на концерты видных пианистов. Поэтому смешно подозревать его в желании отделаться от опасного конкурента Шостаковского, этого „калифа на час". См. Ч. М., I, № 247.

О Четвертой симфонии, по поводу исполнения ее в Петербурге, Ларош писал в „Голосе", 1878, № 338 от 7 декабря. Подробно разобрав все части симфонии, он писал: „Главное, что меня поражает в новой партитуре, это намерение автора захватить гораздо более широкую область, чем обыкновенная симфоническая, освободиться, если можно так выразиться, от официального „высокого слога", которым пишут симфонические композиторы, совместить в ней трагический акцент диссонанса с беззаботным ритмом балетного „колена"; совместить не одновременно, конечно, а в последовательных частях симфонии или даже в последовательных партиях одной и той же части [грозный трубный призыв интродукции, патетическая жалоба первой темы и ее кудреватая разработка]".

[4] 7 декабря 1878 г. на сцене Петербургского собрания художников состоялось первое представление одноактной комической оперы Кюи „Сын Мандарина" (написана в 1859 г.). В рецензиях отмечалось, что комическому сюжету не соответствуют лишенное остроумия тяжеловесное либретто (В. Крылова) и такая же тяжеловесная музыка. Стихотворную шутку об этой постановке см. в „Новом времени" 1878, № 1012.

[5] E. Hanslick, „Vom Musikalisch-Schönen. Ein Beitrag zur Revision der Aesthetik der Tonkunst". Ларош сделал этот перевод: „О музыкально-прекрасном. Опыт поверки музыкальной эстетики", изданный Юргенсоном только в 1895 г. (в предисловии указано, что перевод начат в 1879 г., возобновлен в 1885 г. и с большими перерывами закончен в 1889 г.).

К письму № 46

[1] Дата Юргенсона ошибочна. Седьмое симфоническое собрание состоялось 15 декабря 1878 г. — в ч е р а.

[2] Программа седьмого симфонического собрания Р. М. О.: Свендсен, Симфония № 2 (B-dur), ор. 15 (в первый раз); Глюк, ария из оперы „Ифигения в Авлиде" (исп. М. А. Макарова); Г. Венявский, концерт для скрипки (a-moll), в первый раз (исп. автор); Кюи, романс „Моя баловница" (в первый раз); Чайковский, романс „И сладко и больно" (исп. Макарова); Сен-Санс, Вакханалия из оперы „Samson et Dalila", для оркестра (в первый раз).

К письму № 48

[1] Приложенное письмо А. И. Чайковской к Юргенсону в архиве не сохранилось (оно было отправлено брату Анатолию). На другой день, 21 декабря, Чайковский получил известие от брата о визите к нему неизвестного лица, сообщившего о намерении Антонины Ивановны самостоятельно начать бракоразводный процесс. Чайковский ответил ему, что развода он сам добивался, готов на него и теперь, но что обещанных десяти тысяч она уже не получит. Выдержки из этого письма к А. И. Чайковскому напечатаны в Ч. М., I, прим. к № 269.

[2] См. письмо № 45.

К письму № 49

[1] См. прим. 1 к следующему письму.

[2] У издателя Брандуса имелись в продаже все произведения Чайковского.

К письму № 50

[1] Программа экстренного симфонического собрания Р. М. О. в пользу фонда для вспомоществования вдовам и сиротам артистов, 22 декабря 1878 г.: Мендельсон, симфония № 3 (a-moll), ор. 56; Гендель, ария „Verdi prati" из оперы „Alcina" (исп. Дезире Арто); Бетховен, романс для скрипки, F-dur (исп. Г. Венявский); Сен-Санс, дуэт для двух фортепиано, вариации на тему Бетховена (исп. Танеев и Пабст); Шуберт, „Песня Маргариты"; Глинка, „Песня Маргариты" (исп. Арто); Глинка, „Арагонская хота". Намеченное в программе исполнение „Легенды" Венявского не состоялось по внезапной болезни автора.

К письму № 54

[1] О работе над либретто см. письмо к фон-Мекк от 8/20 января 1879 г. (Ч. М., I, № 5).

[2] См. Ч. М., II, прим. 2 к № 3.

К письму № 55

[1] Конфликт с Зильберштейном дал повод для новых резких нападок на Н. Г. Рубинштейна враждебно к нему настроенной прессы. См. „Новое время" 1879, №№ 1033 и 1081; „Биржевые ведомости" № 12; „Молва" № 46, „Голос" № 9; „Московские ведомости" №№ 27 и 48.

[2] Родилась дочь у Н. Н. Печковской, Елена.

[3] Письмо Чайковского к Танееву от 4/16 января 1879 г. (по поводу репетиции „Евгения Онегина") опубликовано в их переписке, стр. 34—35. Был ли ответ Танеева, неизвестно.

К письму № 56

[1] Шутка. N. N. и Л. Б. — псевдонимы Чайковского: N. N. — псевдоним при переводе текстов немецких романсов Рубинштейна и Б. Л. — псевдоним как рецензента „Русских ведомостей".

[2] На другой день, 15/27 января 1879 г., Чайковский писал фон-Мекк: „Я сегодня начал отдыхать. Два действия оперы кончены. Вчера вечером я сыграл все второе действие сполна и имел нескромность восхищаться произведением своей музы. Это, разумеется, еще ничего не доказывает. Кто знает, может быть, это самое второе действие через два-три года будет вызывать на мои щеки краску стыда! Со мной это бывало! Но как бы то ни было, а я остался собой очень доволен, но, как это всегда бывает со мной, стал думать о том, сколько еще предстоит труда, сколько хлопот и стараний, чтобы добиться постановки (опера, не поставленная на сцене, не имеет никакого смысла), сколько мук и разочарований на репетициях от неимения подходящих артистов, упорной тупости дирекции театров и т. д., и т. д. Вследствие всех этих страхов и беспокойств сильнейшим образом расстроил себе нервы и провел плохую ночь".

К письму № 58

[1] Имеется в виду особенность конституции Чайковского, болезненно страшившегося огласки.

[2] Письмо Чайковского к Стасову от 18 января 1879 г. напечатано в „Русской мысли" 1909, март, в выдержках — в Ч. М., II, прим. 2 к № 12.

К письму № 59

[1] Корреспонденции Стасова в „Новом времени" о русских концертах на Всемирной выставке 1878 г. в Париже. См. прим. 3 к письму № 38.

[2] Ответ Стасова от 24 января 1879 г. см. в Ч. М., II, прим. 1 к № 18. Это письмо и ответ Чайковского от 29 января напечатаны в „Русской мысли" 1909, март.

[3] Об изменившемся отношении к Рубинштейну Чайковский тогда же писал братьям и фон-Мекк. См. Ч. М., II, письма за январь — февраль 1879 г. и прим. 1 к № 18.

[4] В выпущенной части письма № 57 Юргенсон рассказал курьезный эпизод, случившийся в театре с его женой.

К письму № 60

[1] В то время в крупных городах делались опыты по устройству уличного электрического освещения системы Яблочкова, проводимые фирмой „Товарищество электрического освещения в России П. Н. Яблочков, изобретатель, и К°".

К письму № 63

[1] Десятое симфоническое собрание состоялось 23 февраля. Н. Г. Рубинштейну был поднесен адрес с двумя тысячами подписей, в тот же день была учреждена в консерватории стипендия его имени; вечером был парадный ужин у С. М. Третьякова. Адрес опубликован в „Московских ведомостях“ 1879, № 48 от 25 марта, с сопроводительной статьей, в которой говорилось о Рубинштейне: „Можно сказать без преувеличения, что принесенная им жертва беспримерна в истории искусства... Взамен блестящей карьеры европейского виртуоза он добровольно избрал менее видную, менее заманчивую долю московского капельмейстера и педагога. Но едва ли он предвидел, что наряду с этою скромною долей на него выпадет и другая — быть мишенью для самой беззастенчивой, циничесκой и нахальной диффамации. Такова не редко на Руси участь честной общественной деятельности“. Сочувственная заметка напечатана также и в „Голосе“ 1879, № 58 от 27 февраля. Поспешила откликнуться и враждебная пресса. А. Лукин высмеивал „инсценировку“ с адресом, предпринятую для „уврачевания нравственных недугов [Рубинштейна], огорченного прессой и московским обществом, заметно охладевшим к своему недавнему кумиру“ („Московские письма“ — „Молва“ 1879, № 60 от 3 марта).

[2] Очевидно, письмо не написано; в архиве его нет.

[3] Смысл каламбура: в 1878 г. в Ветлянской станице Астраханской губ. был очаг чумы.

[4] Московским Брейткопфом Юргенсон назвал самого себя.

К письму № 64

[1] Это письмо Чайковского к Рубинштейну не опубликовано, и текст его неизвестен.

К письму № 65

[1] Эта часть письма Юргенсона № 60 выпущена редакцией.

[2] Отзыв о Берлиозе см. также в Ч. М., II, № 29 и прим. 1 к нему.

К письму № 66

[1] 15 февраля 1879 г. умер семнадцатилетний вел. кн. Вячеслав Константинович.

К письму № 67

[1] Дмитрий Васильевич Разумовский.

[2] Большая часть мелких статей печаталась в „Московских ведомостях“ без подписи. На тему о карантине было много заметок, и которая принадлежит Юргенсону установить трудно.

К письму № 68

[1] Неожиданно для себя Чайковский израсходовал много денег, а субсидии от фон-Мекк в предполагавшийся им срок не получил. См. Ч. М., II, прим. к № 44.

[2] На этом концерте Чайковский присутствовал инкогнито. Как обычно, неуспех временно подорвал у него веру в достоинство своего произведения. На другой день, 26 февраля 1879 г., он подробно писал об этом брату Модесту. Приводим отрывок: „Исполняли „Бурю“ весьма недурно, хотя и не первостатейно... Когда кончились последние аккорды, раздались довольно тщедушные аплодисменты, потом как будто собрался новый залп, но тут раздались три или четыре весьма громких свистка, и засим зала огласилась криками: „Oh! Oh!“, имевшими значение благосклонного протеста против шиканья, и потом все замолкло. Все это я выдержал без особенного огорчения. Но меня убивала мысль, что „Буря“, которую я привык считать блестящим моим произведением, в сущности так ничтожна!.. Я помирился с этим обстоятельством

[неуспехом „Бури" в о м н е] на том, что после оперы и сюиты я, наконец, напишу образцовое симфоническое сочинение. Итак, до последнего моего издыхания я буду, должно быть, только стремиться к мастерству и никогда его не достигну. Чего-то во мне недостает, я это чувствую, но делать нечего" (полностью напечатано в Ч. М., II, прим. к № 37; там же есть сведения об оценках прессы).

К письму № 69

[1] Телеграмма с вызовом на первое представление „Евгения Онегина", состоявшееся 17 марта 1879 г. в Малом театре силами учеников Московской консерватории, под управлением Н. Г. Рубинштейна (телеграмма не сохранилась). Чайковский специально для этого приехал в Москву и присутствовал на генеральной репетиции и на премьере. По просьбе Рубинштейна он в каждом антракте выходил на вызовы публики. См. Ч. М., II, № 48 и примечания к нему.

[2] Юргенсон в этом деле не помог. Следующее исполнение у Колонна состоялось по инициативе и на средства фон-Мекк: 13 января 1880 г. была исполнена Четвертая симфония, отдельные части которой имели значительный успех. Чайковский писал фон-Мекк 30 сентября 1879 г.: „Мне, конечно, очень было бы приятно, чтобы Colonne сыграл мою симфонию, хотя я почти заранее уверен в неуспехе ее у французской публики". Но к новому предложению Мекк — просить Колонна поставить в программу следующих концертов другие его произведения — Чайковский отнесся отрицательно: он боялся, что ее денежное участие станет широко известным, его обижал и самый факт оплаты. „Если б повторилось такое же соглашение, мне было бы т о л ь к о совестно перед Вами, — писал он Мекк, — и обидно думать, что Colonne лишь при свете кучки золота умеет ценить мои авторские достоинства" (16/28 февраля 1880 г.). См. Ч. М., II, №№ 142, 145, 146, 205, 207, 218.

[3] Самый резкий отзыв о „Буре" был в „Paris-Journal" 1879 от 9 марта (нов. ст.). Автор фельетона заявил в конце своего разбора: „Музыка г. Чайковского не поддается никакой критике. Это правильное последование нот. На этот раз г. Колонн случайно ошибся. Вот и все".

К письму № 70

[1] В этом концерте исполнялись также произведения и Сен-Санса.

К письму № 71

[1] Партитура утвертюры „Ромео и Джульетта" была издана в 1871 г. фирмой Боте и Бок. В 1872 г. с согласия Чайковского клавираусцуг был издан Бесселем (без уплаты авторского гонорара). Юргенсон издал увертюру только в 1892 г.

[2] „О времена, о Бессель и К°!" — перефразированное восклицание Цицерона: „O tempora, o mores!" („О времена, о нравы!").

[3] Еще 15 ноября 1878 г. Тургенев писал Л. Н. Толстому по поводу фортепианного переложения „Евгения Онегина": „Несомненно замечательная музыка. Особенно хороши лирические, мелодические места. Но что за либретто!" Лично Тургенев и Чайковский не были знакомы и не переписывались. Тургенев всегда относился сочувственно к его музыке. См. Ч. М., II, № 34 и прим. 3 к нему.

К письму № 73

[1] А. Д. Александрова-Кочетова.
[2] Жена Чайковского.

К письму № 74

[1] 14 апреля 1879 г. торжественно праздновался юбилей „пятидесятилетней службы в офицерских чинах" московского генерал-губернатора В. А. Долгорукова.

К письму № 76

[1] Ответ на несохранившееся письмо Юргенсона.

К письму № 77

[1] Чайковский скрыл от Юргенсона свое местопребывание. Он 4 мая приехал в Браилов, имение фон-Мекк. Тартаки — хутор близ усадьбы, где Чайковский не жил.
[2] По поводу развода см. письма от тех же чисел к фон-Мекк и к братьям в Ч. М., II, № 67 и прим. к нему.

К письму № 79

[1] Намерение это осуществилось: четырехручное переложение „Евгения Онегина" выполнено А. И. Губерт.

К письму № 81

[1] Из письма к брату Анатолию от 22 мая 1879 г.: „Вчера получил твое письмо и читал выписку из гениального эпистолярного произведения гадины. Конечно торопиться не нужно и — знаешь что? — может быть, в самом деле не оставить ли ее в заблуждении насчет внушаемого ею страха и трепета? Может быть, она вследствие этого будет податливее, т. е. пойдет на развод, чтобы напакостить мне и воображая, что я этого не хочу? Решительно приходишь в тупик перед безмерностью этой глупости".
[2] Игра слов: Messer (*нем.*) — нож.

К письму № 83

[1] Речь идет о трех пьесах для скрипки (ор. 42), посвященных Б[раилову], имению фон-Мекк.
[2] Юргенсоном изданы две транскрипции Мессера из „Евгения Онегина" для скрипки с сопровождением фортепиано.

К письму № 84

[1] Повторение „Евгения Онегина" для вел. кн. Константина Николаевича состоялось 12 июня 1879 г. На спектакле присутствовали и Юргенсон с женой. Во всех почти письмах к Юргенсону Чайковский старательно подчеркивал свое расположение к Софье Ивановне Юргенсон, и здесь уместно показать ее отношение к Чайковскому. Она писала ему после этого спектакля: „Милый Чайковский! Пишу Вам после второго представления „Онегина". Не посмейтесь надо мною, не осудите меня за неодолимое желание высказаться Вам, именно Вам. Великие творения потому-то и велики, что способны вызывать бездну чувств даже в самых дюжинных натурах, и эти чувства иногда так сильны, наплыв их так велик и стремителен, что они вырываются целою бурею. Только у поэтов находят подобные ощущения, подобающее выражение. А я-то что? Я чувствую себя в эту минуту такою ничтожною, такою жалкою, а все-таки пишу Вам! Чайковский! Вы — великий творец, великий художник! Только со временем поймут Вашего „Онегина", и с каждым поколением будет расти его мировое значение. Так понять и так передать весну жизни и всю идеальную сторону любви может только бессмертный художник. Нет возраста, нет положения, нет доли на свете, которые помешали бы увлечься до самозабвения Вашим „Онегиным". И куда же влечете Вы? Вы даете возможность переживать то, что бывает только один раз в жизни, но бывает у каждого человека, что хранит на дне души как нечто чистое, дорогое даже черствый, даже плохой человек. Весь мир отразился в Вашем „Онегине" и в прошедшем, и в настоящем, и в будущем... Музыка, музыка взошла на сцену, ее звуки вторглись в душу, вызвали образы, чувства, словом, я и теперь еще безумная, безумная! Я рыдаю по временам как сумасшедшая. Не могу писать, преклоняюсь перед Вами. С. Юргенсон. [P. S.]Какая я глупая" (без даты). Чайковский ответил ей 16 июня

1879 г.: „Милая и дорогая Софья Ивановна! Спасибо Вам за письмо Ваше. Оно мне доставило невыразимое удовольствие. Думаю, что Вы преувеличиваете достоинства моей музыки, и сомневаюсь, чтоб „Онегин" был великим произведением. Но несомненно то, что музыка эта в высшей степени прочувствована и что она — плод глубокого и искреннего увлечения. Я знал заранее, что избранные души отзовутся симпатично на это сочинение и что на них отразится то поэтическое воодушевление, в котором находился автор, когда писал „Онегина". Но мне чрезвычайно приятно получить такое теплое, красноречивое изъявление сочувствия, как Ваше письмо, а тем более от Вас, т. е. от одного из лучших и симпатичнейших людей, с какими я сталкивался в жизни. Еще раз спасибо Вам, милая моя Софья Ивановна! Зачем Вы называете свое письмо глупым? Оно именно умное. Только умные люди не стыдятся выражать свои чувства. Вы и умная и добрая, что впрочем мне известно с самой первой минуты нашего знакомства. Поцелуйте за меня детей Ваших, начиная с Бори. Целую Вашу ручку. Ваш П. Чайковский".

К письму № 85

[1] Ответ на несохранившееся письмо Юргенсона.

[2] Письмо к брату Анатолию о разводе см. в Ч. М., II, прим. 1 к № 79.

[3] Фитценгаген исполнил Вариации на тему рококо (ор. 33) на Висбаденском фестивале. Отрывки из письма Фитценгагена к Чайковскому от 13 июня нов. ст. 1879 г. опубликованы в Ч. М., II, прим. 2 к № 83.

[4] Подробный отзыв о переложении симфонии и о корректуре см. в письме к фон-Мекк, Ч. М., II, № 79.

К письму № 87

[1] Юргенсон телеграммой известил Чайковского о выигранном процессе с Бахметевым. См. прим. 4 к письму № 14 и Ч. М., II, № 81.

К письму № 89

[1] Эти вопросы в письме Юргенсона № 88, в выпущенной его части.

К письму № 90

[1] К. К. Альбрехт и его жена.

[2] Статью о Литургии Чайковского Ларош написал позднее; напечатана в январьской книжке „Русского вестника" 1880 г. После краткого разбора — его резюме: „Вполне удовлетворительная и почтенная сама по себе композиция г. Чайковского занимает лишь второстепенное место между другими его произведениями. Физиономию композитора она не обогащает ни одною характерною чертой; в нашу духовную музыку она не вносит ни раскола, ни попытки реформы, ни тем менее революции".

К письму № 92

[1] Ответ на письмо Юргенсона от 19 июля 1879 г., выпущенное редакцией.

[2] Первое объявление Юргенсона появилось в „Современных известиях" 1879, № 179 от 2 июля. Текст его: „Вновь поступила в продажу конфискованная его превосходительством господином директором императорской певческой капеллы Бахметевым Литургия Иоанна Златоуста, переложенная на музыку П. Чайковским". „Современные известия" — славянофильская газета, уделявшая много места церковной жизни, чем и объясняется помещение там в первую очередь этого объявления.

К письму № 91

[1] Чайковский опять скрыл от Юргенсона свою поездку в Браилов, где он пробыл по 31 августа. В датах следующих его писем указаны Симаки (точнее: Сиамаки); это хутор близ имения, где и жил Чайковский (в самом Браилове жила в то время фон-Мекк).

К письму № 96

[1] Первая сюита для оркестра сначала предполагалась в пяти частях: Интродукция и фуга, Скерцо, Анданте, Интермеццо и Рондо. В окончательном виде сюита составлена из шести частей: Интродукция и фуга, Дивертименто, Интермеццо, Миниатюрный марш, Скерцо, Гавот.

К письму № 97

[1] Ответ на несохранившееся письмо Юргенсона.

К письму № 98

[1] Датируется в соответствии с предыдущим письмом („...по данному вчера адресу").
[2] Ответ на несохранившееся письмо Юргенсона.

К письму № 100

[1] Основание датировки: письмо написано после письма от 27 августа 1879 г. и до отъезда Чайковского из Браилова (31 августа).

К письму № 101

[1] Основание датировки: письмо написано на другой день после приезда Чайковского в Петербург (3 сентября 1879 г.). См. Ч. М., II, № 133.

К письму № 102

[1] „Мизантропия" — обычное состояние Чайковского во время пребывания в городе. Он писал фон-Мекк 8 сентября 1879 г.: „Мне очень трудно изобразить Вам то смутное состояние души моей, которое ни на единый миг здесь не проясняется... Точно будто меня ударили ухватом по голове и мои умственные способности помутились. Так действует на меня этот резкий переход от деревенской жизни к петербургской суматохе. Одна мысль безраздельно занимает мою голову, и одно желание охватило всю мою душу, это к а к б ы п о с к о р е е у е х а т ь о т с ю д а!"

К письму № 103

[1] Н. Д. Кашкин отметил в своих воспоминаниях: „У нас в Москве, т. е. в нашем кружке, „Орлеанская дева" произвела, сколько помнится, скорее неблагоприятное впечатление, несмотря на многие превосходные частности ее" („Воспоминания о П. И. Чайковском", стр. 126).
[2] С. И. Танеев, почти не употреблявший вина.

К письму № 105

[1] Д. В. Стасов, по поручению Юргенсона, ведший это дело.

К письму № 106

[1] Речь идет о предстоявшей постановке „Орлеанской девы" в Петербурге. 17 сентября Чайковский лично передал Направнику либретто; Юргенсон описывает свой разговор с начальником репертуара Лукашевичем.

К письму № 108

[1] Второй концерт для фортепиано и оркестра (ор. 44) начат в первых числах октября 1879 г., закончен в начале февраля 1880 г., оркестрован в мае и июне. Посвящен Н. Г. Рубинштейну. Впервые исполнен С. И. Танеевым 22 мая 1882 г. в Москве.

К письму № 109

[1] Это письмо Юргенсона не сохранилось.
[2] Во всех письмах Юргенсон писал с в и т а, вместо с ю и т а. В нашей публикации исправлено редакцией на с ю и т а.

К письму № 110

[1] Основание датировки: письмо получено в Москве 3 ноября 1879 г. (пометка Юргенсона).
[2] Следующая ниже приписка сделана на отдельном листе, чем и объясняется перерыв в нумерации.

К письму № 111

[1] В архиве Чайковского сохранилось это письмо (на английском языке) от Alla F. Zyler, полученное в адрес Юргенсона. На письме приписка Юргенсона „О, счастливец!! Не послать ли мне свой автограф unaufgefordert [непрошенный]?"

К письму № 112

[1] В тот же день Чайковский писал об этом и Н. Г. Рубинштейну. См. в указанном издании их переписки стр. 180
[2] А. И. Губерт, рожденная Баталина.

К письму № 113

[1] Программа второго симфонического собрания Р. М. О., состоявшегося 10 ноября 1879 г.: Бетховен, увертюра „Леонора" № 1 (ор. 138); Мендельсон-Бартольди, концерт для скрипки (e-moll), ор. 64 (исп. Гржимали); Гендель, хоры из оратории „Торжество звуков"; А. Рубинштейн, драматическая симфония № 4 (d-moll), ор. 4.

К письму № 114

[1] См. прим. 2 к письму № 69.

К письму № 115

[1] „Caprice russe" (ор. 102) А. Рубинштейна исполнил Н. Рубинштейн в третьем симфоническом собрании 17 ноября 1879 г.

К письму № 116

[1] Имеется в виду фон-Мекк, жившая в то время в Париже и собиравшаяся в Аркашон.

К письму № 117

[1] Копия письма к Фюрстнеру хранится при подлиннике комментируемого письма Текст его опубликован в Ж. Ч., II, стр. 339—340. На другой день, 27 ноября/9 декабря 1879 г., Чайковский писал фон-Мекк: „Я получил от берлинского издателя Фюрстнера предложение отдать ему право собственности для Германии на все будущие еще не напечатанные мои сочинения. Он спрашивает меня при этом мои условия. Это уже не первое предложение, делаемое мне со стороны немецких издателей. Они для меня очень лестны, но я принужден отказывать и вот почему. Юргенсон охотно брался печатать мои сочинения еще тогда, когда я не пользовался никакой репутацией, сначала даром, а потом за совершенно достаточный гонорарий. Впоследствии он печатал все, что я ни писал, а пишу я, как Вам известно, так много, всякое новое сочинение расходится в публике так туго, что до сих пор он на всей массе моих сочинений ничего не выиграл, ибо если некоторые из них имеют уже хороший сбыт, то другие покоятся пока на полках его магазина. Весь его расчет основан на том, что когда-нибудь моя репутация перешагнет через границу и сочинения мои с тесного русского рынка перейдут на общеевропейский. Не правда ли, что именно теперь, когда моя заграничная известность начинает распространяться в Европе, было бы несправедливо и секербительно для Юргенсона, если б я ограничил его одной Россией? Кроме того, мне кажется, что не следует потакать предубеждению немцев против русской музыки. Они до такой степени привыкли только о т п у с к а т ь в Россию свой музыкальный товар, отказываясь что-либо вывозить из нее, что предпочитают скорее печатать контрафакции [незаконные перепечатки] (как это они сделали с моими фортепианными пьесами и романсами), чем выписывать от русского издателя. Юргенсон — едва ли не первый русский издатель, добившийся того, чтобы у него выписывали его издания. Мне кажется, что мой долг русского и честного человека требует безжалостно отказывать немцам в подобных просьбах. Вот почему я и написал вчера г. Фюрстнеру учтивый, но решительный отказ". После отказа Чайковского Фюрстнер самовольно перепечатал большое количество его сочинений.

К письму № 119

[1] 6 декабря — день именин Н. Г. Рубинштейна. О „серенаде" Танеев писал Чайковскому 28 декабря 1879 г.: „Карл Карлович [Альбрехт] придумал к именинам Николая Григорьевича сюрприз. Он должен был состоять в следующем. Монаршею милостью нам дозволено иметь свойственные нашему званию мундиры. Карл Карлович должен был купить золоченые пуговицы, которые преподаватели консерватории должны были нашить на свои фраки и явиться в восемь часов утра к Николаю Григорьевичу для того, чтобы спеть ему нарочно для этого случая приготовленный хор, сочинение коего было поручено мне. Слова для этого хора были отысканы Карлом Карловичем совместно с Самариным. Они остановились на стихотворении, которое школьники поют своим начальникам:

„Мы тебя любим сердечно,
Будь ты начальником вечно.
Наши зажег ты сердца,
Мы в тебе видим отца".

Музыку я написал (соло и хор с аккомпанементом струнного квартета), но сюрприз не состоялся: Николай Григорьевич уехал из Москвы".

[2] Очередной каламбур Юргенсона: „Нерон" — опера А. Рубинштейна. „Светочи Нерона" — знаменитая картина Семирадского, в то время выставленная в Риме. На м е с т е — т. е. в Риме, где происходит действие.

К письму № 120

[1] Фриденталь исполняла „Thême original et variations" (ор. 19, № 6), Котек — Меланхолическую серенаду (ор. 26) и Вальс-скерцо (ор. 34). (Барцевич исполнял их в пятом

симфоническом собрании Р. М. О. 1 декабря 1879 г.) Краткое упоминание об этом концерте есть в письме Котека к Чайковскому от 8 января нов. ст. 1880 г.

[2] Первая сюита для оркестра впервые была исполнена в Москве в шестом симфоническом собрании Р. М. О. 8 декабря 1879 г.— последним номером (большой успех у публики, сочувственные отзывы прессы). Упоминаемая ниже Раевская пела романс Чайковского „То было раннею весною" и „Песню Маргариты" Гуно.

К письму № 122

[1] Письмо Чайковского к Танееву опубликовано в их переписке, стр. 35—36 (оно почти текстуально совпадает с соответствующей частью комментируемого письма). В ответном письме от 28 декабря 1879 г. Танеев писал: „Я повидался с Николаем Григорьевичем, и он по партитуре показал мне все то, что считает в сюите неудобным. Сказанное им может быть резюмировано таким образом. Юргенсон несколько преувеличил, написав Вам, что исполнять сюиту почти невозможно. Николай Григорьевич находит, что исполнять ее только трудно Наш оркестр был затруднен ее исполнением... Трудности этой сюиты сосредоточены в партиях духовых инструментов, в деревянных особенно" [следует подробный перечень этих трудностей]. В ответ на это сообщение Чайковский вновь пространно писал Танееву 4/16 января 1880 года. Он возражал: „Объяснения Николая Григорьевича нимало не удовлетворили меня. По всему вижу, что, как это иногда бывает с ним, на него нашло дурное расположение духа и обрушилось на сюиту. Никто в мире не докажет мне, что флейты не могут двадцать два такта сряду делать триолеты в скором темпе. Да они и без всякого труда двести тактов могут валять подобные пассажи... Можете не говорить Николаю Григорьевичу о моем ответе на его замечания... Меня нисколько не удивит, если через три года он поставит эту же сюиту как пример легкости". См. письмо № 125 и Ч. М., II, № 197.

К письму № 124

[1] 30 декабря 1879 г., праздновался пятидесятилетний юбилей музыкально-издательской фирмы Бернарда. Отчеты были и в других газетах. См. „Новое время" 1880, № 1380 от 1 января (и там отмечено присутствие Юргенсона).

К письму № 125

[1] См. прим. к письму № 122.

[2] В ответном письме от 11 января 1880 г. Бессель писал „любезному другу": „Касательно тех щекотливых вещей, которые ты мне высказываешь как к купцу-издателю, то мой ответ должен бы быть весьма кратким и отрицательным, но так как я считал всегда наши отношения одновременно дружескими и товарищескими (конечно, только по воспоминаниям), поэтому я и ныне желаю отнестись к тебе как друг и товарищ". Дальше он твердо напомнил, что Вторая симфония подарена ему, что издать ее он не успел по ряду обстоятельств и что партитура исправленной редакции будет издана вскоре, а четырехручное переложение — немедленно.

К письму № 127

[1] Речь идет о докладной записке в дирекцию императорских театров о постановке „Орлеанской девы". См. прим. к письму № 106.

[2] Ауэр выступал в восьмом симфоническом собрании Р. М. О. 19 января 1880 г. Исполнил произведения Лало, Паганини и др.

[3] Ауэру Чайковский посвятил Меланхолическую серенаду и первоначально Скрипичный концерт.

К письму № 128

[1] В начале января 1880 г. Чайковский задумал „Итальянское каприччио" для большого оркестра, законченное к 5 февраля. Инструментовано в мае того же года. Посвящено К. Ю. Давыдову.

[2] Берлиоз, „Римский карнавал" (увертюра к „Бенвенуто Челлини").

См. Ч. М., II, №№ 210 и 212.

К письму № 129

[1] Это письмо Юргенсона не сохранилось. Вильборг играл на девятом симфоническом собрании Р. М. О. 26 января 1880 г.

К письму № 130

[1] М. Иванов, „Музыкальные наброски" — „Новое время" 1880, № 1421 от 11 февраля. Весь фельетон посвящен „Евгению Онегину". Отмечены огромные достоинства оркестровки, необыкновенная мелодичность, отсутствие эффектов в угоду публике, покоренной непосредственностью вдохновения. Самый сюжет нельзя счесть удачным: в опере нужна известная условность, отдаленность действия от наших дней ради необходимой зрителю иллюзии, а тут — бытовые картины нашей эпохи. На большой сцене эта опера не произведет впечатления и всегда будет иметь успех на концертной эстраде или в более интимной обстановке. Успех „Евгения Онегина" (распродажа первого издания, частые исполнения отрывков в концертах) можно сравнить только с успехом „Жизни за царя".

[2] Это письмо от Дамроша от 21 января нов. ст. 1880 г. хранится в Музее Чайковского (сообщение об успешном исполнении Первой сюиты в Нью-Йорке).

К письму № 131

[1] Чайковский имеет в виду случай с его Первым фортепианным концертом (1875 г.), который он тоже предполагал посвятить Н. Г. Рубинштейну. О Втором концерте Рубинштейн писал Чайковскому 18 сентября 1880 г.: „...Что касается твоего концерта, то я еще ничего не могу сказать; мы его проиграем на-днях с Танеевым. Мне показалось по первому просмотру только странно, что фортепианная партия идет слишком эпизодически и большей частью в диалоге с оркестром и слишком мало на первом плане с аккомпанементом оркестра. Но все это я говорю, сыгравши едва один раз концерт. Может быть, я ошибаюсь". По поводу этого письма Чайковский писал фон-Мекк 28 сентября: „Мне кажется, что он ошибается. Впрочем, он знает его только по одному поверхностному просмотру, и я надеюсь, что по мере ближайшего знакомства мнение его изменится. Вообще Рубинштейн очень часто бывает несправедлив при оценке новой, еще неусвоенной вещи. Припоминаю множество случаев, когда он глубоко уязвлял меня враждебным своим отношением к той или другой новой вещи, а потом, через год-два, радикально изменял свое суждение. Надеюсь, что и на сей раз так будет, а если он прав, то это очень досадно, ибо я как раз заботился о том, чтобы на фоне оркестра инструмент solo выделялся как можно рельефнее". Несколько месяцев спустя Рубинштейн скончался, не успев разучить концерт.

К письму № 132

[1] „Пускай погибну я" („Евгений Онегин", ариозо Татьяны во второй картине и ариозо Онегина в шестой картине).

[2] „Катенька" — сторублевый кредитный билет.

[3] Опера А. Рубинштейна „Купец Калашников" была поставлена в Мариинском театре. После первого представления была снята по цензурным требованиям (возобновлена в 1889 г. и снова была снята).

[4] Юргенсон был издателем этой оперы.

[5] В Москве концерт состоялся 14 марта 1880 года. Вскоре в газетах появились объявления Юргенсона, что в его магазинах „продаются пьесы, которые Н. Г. Рубинштейн с большим успехом исполнил в концерте 14 марта".

К письму № 133

[1] Это письмо Юргенсона не сохранилось.

К письму № 135

[1] 23 марта 1880 г. состоялось в Москве экстренное симфоническое собрание Р. М. О. в пользу Фонда для вспомоществования вдовам и сиротам артистов, с участием А. и Н. Рубинштейнов.

[2] Речь идет об опере „Орлеанская дева".

К письму № 137

[1] Тогда же с просьбой о деньгах Чайковский обратился и к фон-Мекк. См. Ч. М., II, № 227 и сл.

[2] Концерт состоялся 25 марта 1880 г. в зале Петропавловского училища в Петербурге. Программа была исключительно из произведений Чайковского (романсы, ария из „Евгения Онегина", Анданте из Первого квартета, Первая сюита и увертюра „Ромео и Джульетта"). Чистый сбор предназначался на учреждение стипендии при Петербургской консерватории. Рецензии газет были единодушно восторженные. Моим концертом (т. е. устроенным самим Чайковским) называли этот концерт и в публике и в прессе (некоторые упрекали Чайковского за слишком высокие цены).

К письму № 140

[1] Речь идет о письме Направника к Чайковскому от 14 апреля 1880 г., являющемся ответом на письмо к нему Чайковского от 10 апреля. Чайковский уведомил Направника о своих переговорах с Юргенсоном об издании его Четвертой симфонии (d-moll). Он писал, что издатель затрудняется печатать уже исполненное симфоническое произведение, но в данном случае готов это сделать, однако, не ограничивая себя поставленным автором сроком; гонорар сто рублей. В ответном письме Направник писал: „Я нахожу много справедливого в ответе П. И. Юргенсона и не удивляюсь его осторожности... Я привык к терпению и я прошу Вас, дорогой Петр Ильич, не стыдиться передо мною, будто Вы не устроили дело по Вашему и моему желанию" (оба письма опубликованы в указан. выше сборнике „Чайковский", стр. 125—127).

К письму № 142

[1] Об этом в тот же день подробно писал Чайковский фон-Мекк. См. Ч. М., II, № 246.

[2] По определенным причинам Чайковский всю жизнь боялся этих „газетных инсинуаций". См. письмо № 58 и в Ч. М., I, прим. 1 к № 189.

[3] А. И. Чайковский был переведен по службе из Петербурга в Москву на должность товарища прокурора.

К письму № 143

[1] „Итальянское каприччио"; инструментовка его закончена 12 мая 1880 г.

К письму № 145

[1] Все эти рассуждения — ответ на несохранившееся письмо Юргенсона.

К письму № 146

[1] Ответ на несохранившееся письмо Юргенсона.

К письму № 147

[1] Чурбан — Мессер.

К письму № 148

[1] Из „Лоэнгрина" Вагнера.

К письму № 150

[1] В то время в газетах печаталось рекламное объявление провизора В. Чайковского об изобретенном им „верном средстве от мозолей".
[2] Сторублевых кредитных билетов.
[3] Это письмо Юргенсона не сохранилось.

К письму № 151

[1] „Евгений Онегин" (четвертая картина, ссора Онегина с Ленским).
[2] Письмо Юргенсона не от 28, а от 29 мая. См. № 148.
[3] Транскрипция для фортепиано этого романса (ор. 38, № 2) издана Юргенсоном.
[4] Эта нумерация на следующих письмах не повторяется.

К письму № 152.

[1] Непонятно, о каком высокопоставленном лице идет речь; во всяком случае не об Александре II, к которому верноподданническое отношение Чайковского ясно выражено в этой переписке и особенно в переписке с фон-Мекк.
[2] Фон-Мекк подарила Чайковскому на память об его работе над оперой „Орлеанская дева" часы, на одной крышке которых изображена Жанна д'Арк и на другой — Аполлон и две музы. Часы были украдены у Чайковского в 1891 г. По поводу этого подарка см. Ч. М., II, прим. к № 260.
[3] В октябре 1876 г. Чайковский занял у генерал-майора Дмитрия Семеновича Шеншина под вексель тысячу рублей. Окончательно расплатился он с Шеншиным только в 1882 г.

К письму № 154

[1] Это письмо Юргенсона не сохранилось.
[2] Чайковский написал шесть дуэтов для пения и фортепиано, составивших opus 46: „Вечер", слова Сурикова; „Шотландская баллада", слова А. Толстого; „Слезы", слова Тютчева; „В огороде, возле броду", слова Сурикова; „Минула страсть", слова А. Толстого и „Рассвет", слова Сурикова. Посвящены Т. Л. Давыдовой. Тогда же Чайковский начал писать романсы (ор. 47).

К письму № 157.

[1] Либретто прислал Чайковскому сам автор Симаков с просьбой к „гениальному музыканту" написать оперу для домашнего театра. Подробно привел Чайковский это либретто в письме к Танееву от 21 июля 1880 г. (в их переписке стр. 46—48). Цитируем по этому письму (с сокращениями): „Опера называется „Саша и Ваня". Сюжет в том, что Ваня, деревенский подкидыш, влюблен в барышню Сашу. У Саши

мать, помещица-вдова. Ваня с Сашей сходятся на rendez-vous... Их застает помещица и на просьбу позволить обвенчаться говорит:

„Ах ты хамское отродье,
Зачем ты к дочери пришел,
Ах свинья ты породья,
Иди прочь отсюда, осел".

После этого Саша немедленно бросается в колодезь, а вслед за нею Ваня. Является хор. Помещица просит их вытащить. Крестьяне лезут и вытаскивают. [Поют хор и вдова.] Вдова (Фаддею, полезшему в колодезь):

„Не мучь нас, скажи скорей,
А то ведь это просто срам:
Ну что ж, достал ли что ты там?
Что ты молчишь там, брат Фаддей?"...

Потом их откачивают, и после сего, разумеется, вдова соглашается на их брак. [Поют Саша и Ваня, благодарящие мать, и затем хор:]

„Хвала богу! обошлося
Все как лучше нельзя быть
И подкидышу пришлося
Через случай сей богато жить".

К письму № 158

[1] Это письмо Юргенсона не сохранилось.

К письму № 159

[1] Оба письма Котека, от 1 и 10 августа нов. ст. 1880 г., сохранились в архиве Чайковского. В последнем Котек писал: „Так как Бильзе дал мне поручение к тебе, то уж ты извини, — я при разговоре (по твоему поручению) сообщу ему, что ему будут присланы разные партитуры и впредь всегда будут посылаться, что ты написал уже Юргенсону. Если ты этого немедленно не сделаешь, т. е. не напишешь Юргенсону, то, во-первых, поставишь себя и меня в неловкое положение. Затем я пишу сам к Юргенсону и в крайнем случае выписываю партитуры на свой счет. Сен-Санс имеет огромное имя в Берлине и во всей Германии; главным образом обязан он этим Бильзе".

[2] В концертах Бильзе „Франческа да-Римини" была исполнена дважды, осенью и зимой 1878 г. Были ожесточенные нападки прессы („настоящее сумасшествие", „музыкальная гримаса" и т. п.), были и похвальные отзывы (их меньше). См. Ж. Ч., II, стр. 209—211 и Ч. М., II, № 16.

К письму № 160

[1] Из письма к брату Модесту от 7 августа 1880 г: „[Толя, брат] рассказал мне всю историю Лароша за последнее время. Это поразительно интересно, и, боже мой, что это за благодарный тип для литературного воспроизведения! Целый ряд отъявленных подлостей и низостей, колебаний между Катериной Ивановной [женой Лароша] и свободной жизнью закончился тем, что, получивши от матери Катерины Ивановны 5000 рублей сер., он прекратил свои посещения Рубинштейна и Толи и уехал с Катериной Ивановной в Париж на пароходе. Ужасно хочется знать, доехали ли они и что будут там делать. Впрочем очень может быть, что [это] якорь спасения для Лароша и что в Париже он возродится. Перед отъездом он ездил на лихачах, стал франтить, но тщательно избегал встреч с Толей".

[2] Это письмо Юргенсона от 31 июля 1880 г. выпущено редакцией.

К письму № 161

[1] Ответ на несохранившееся письмо Юргенсона.

[2] Для парижского театра Grand Opéra А. Рубинштейн написал в 1877 г. оперу „Нерон" (не была поставлена там).

К письму № 163

[1] Ответ на недатированное письмо Юргенсона от 20? августа 1880 г.; сохранился только отрывок, не помещаемый нами в общую цепь. Приводим текст упоминаемой Чайковским сцены:

Чайковский у себя, но вне себя:

— С ума этот Юргенсон сошел! Что он мне высылает эти дурацкие письма? Точно я не знаю и без того, что дураков много... Надо ему внушительнее писать об этом (садится, пишет):

„Милый друг, присланные мне письмо и отрывок очень забавны и даже оригинальны, я тебе очень благодарен за желание меня развлечь, хотя теперь настолько этим удовлетворен, что хочу тебя просить не тратить более почтовых марок на это г.... Но тем не менее я тебе очень благодарен" и т. д.

Юргенсон сконфужен: „Прости, больше не буду".

[2] Адрес магазина Юргенсона. На конвертах и бумаге Юргенсона отпечатан внешний вид этого дома.

К письму № 165

[1] К Лангеру и Кашкину просьба была обращена через Танеева. См. письмо к нему от 1 сентября 1880 г. (переписка, стр. 62—63).

[2] „Москва в родной поэзии". Сборник под редакцией С. И. Пономарева. Изд. Суворина, Спб., 1880. Книга имеется в библиотеке Чайковского.

К письму № 169

[1] В Мариинском театре готовилась постановка оперы Кюнера „Тарас Бульба" (успеха не имела).

К письму № 171

[1] Чайковский отправил в Москву учиться Бонифация Сангурского, сына одного из служащих конторы в Каменке. Впоследствии Сангурский был учителем рисования. См. Ч. М., II, № 285.

К письму № 172

[1] В издании Юргенсона (1880 г.) автор этого переложения не указан.

[2] По поводу заказа ответил Чайковскому сам Н. Рубинштейн 18 сентября 1880 г.: „Вчера, узнав содержание твоего последнего письма к Петру Ивановичу, я убедился, что ты совсем прав, и потому спешу исправить свою ошибку. Состоя председателем музыкального отдела выставки, я бы желал возвысить значение искусственной части выставки и потому предположил не ограничиваться военной музыкой или бальным оркестром, но исполнять от времени до времени отечественные сочинения большим оркестром и хором, если нужно, и даже дать несколько отдельных концертов. Для этого мне хотелось бы иметь исключительную новую программу из вещей, нарочно написанных для этой цели... Без всяких комплиментов, ты понимаешь, что твое сочинение мне было бы дороже и милее всяких других. Это не заказ, но большое одолжение для меня, во-первых, для дела, — во-вторых, и еще раз для меня... Вперед искреннее с п а-

с и б о за твою готовность и, вероятно, за отличное исполнение моего желания. Жду твоего решения: убей, но люби" (это последнее письмо Рубинштейна к Чайковскому).

28 сентября Чайковский писал фон-Мекк: „Для меня нет ничего антипатичнее, как сочинять ради каких-нибудь торжеств... Что, например, можно написать по с л у ч а ю о т к р ы т и я в ы с т а в к и, кроме банальностей и шумных общих мест? Однакож, отказать в просьбе я не имею духа, и придется волей-неволей приняться за несимпатичную задачу". К 10 октября Чайковский написал черновые эскизы торжественной увертюру „1812 год" (ор. 49), сочиненной по случаю освящения Храма спасителя в Москве (оркестровка закончена в первых числах ноября).

К письму № 174

[1] По поводу требований цензуры Чайковский тогда же писал фон-Мекк (Ч. М., II, № 289) и Направнику (сб. „Чайковский", стр. 128). Направник писал Чайковскому 5 октября: „Виделся на-днях с П. И. Юргенсоном, который хлопочет здесь между прочим по поводу Ваших столкновений с цензурой".

[2] Направник просил сообщить, когда будет издана партитура каприччио (он наметил его в программу своих концертов).

К письму № 176

[1] Это письмо Юргенсона не сохранилось.

[2] По поводу Второй симфонии, которую Направник предполагал исполнить в наступавшем сезоне, Чайковский писал ему еще 12 сентября, предупреждая, что навряд ли Бессель успеет издать голоса и партитуру и что исполнять симфонию можно только в исправленной редакции (в крайнем случае придется просить у него рукописный экземпляр). „Вообще я весьма сожалею, что имел сношения с этим недобросовестным издателем" (сб. „Чайковский", стр. 128—129).

К письму № 177

[1] Это письмо Юргенсона не сохранилось.

К письму № 179

[1] Это произведение было задумано в начале сентября 1880 г. в форме симфонии или струнного квинтета. Черновые эскизы серенады были закончены в начале октября, инструментовка и четырехручное переложение — к 27 октября. Посвящена серенада К. К. Альбрехту. Впервые исполнена в Москве 16 января 1882 г. Это одно из наиболее любимых Чайковским произведений; он считал его лучшим из всего им написанного (см. Ч. М., II, стр. 451).

К письму № 181

[1] Здесь и дальше имеются в виду отзывы прессы о первом представлении „Орлеанской девы" в Мариинском театре, состоявшемся 13 февраля 1881 г. (Чайковский присутствовал и затем немедленно уехал за границу). Вполне одобрительных отзывов не было; в одних газетах напечатаны сдержанные комплименты, в других — суровые приговоры. Общий вывод — недурное произведение, но нового слова в нем не сказано. Выдержки из этих отзывов см. в Ч. М., II, прим. к № 332 и Ж. Ч., II, стр. 454 и сл. Упоминаемая в письме статья напечатана в „Новом времени" 1881, № 1786.

[2] „Голос" 1881, № 50 (отдел музыкальной хроники).

[3] Вчера, т. е. 19-го, надо понимать так, что петербургскую газету от 19-го Юргенсон читал вчера, т. е. 20-го.

[4] Статья Кюи напечатана в „Голосе" 1881, № 50. Большие выдержки из нее приведены в Ч. М., II, прим. к № 332. Автор резюмирует: „В целом „Орлеанская дева" слабое произведение способного и хорошего музыканта, ординарное, монотонное, скуч-

мое, длинное (тянется за полночь), с редкими проблесками более яркой, рельефной музыки, и то представляющей воспоминания из других опер".

[5] О. Л[евенсо]н, „Музыкальная хроника" — „Русские ведомости" 1881, № 52. Сожалея, что в „Орлеанской деве" много подражания иностранным оперным композиторам, автор заключает: „Новая опера будет иметь большой и продолжительный успех, но истинные ценители его таланта столь же долгое время будут сожалеть об его измене высоким идеалам искусства".

[6] Н. Г. Рубинштейн собирался ехать за границу лечиться. Вскоре уехал и 11/23 марта скончался в Париже (похоронен в Москве). Захарьин посылал его лечиться от подагры, а оказался туберкулез кишечника. По утверждению заграничных врачей, поездка была излишней. Узнав из телеграммы Юргенсона о смертельной болезни Рубинштейна, Чайковский собрался к нему из Ниццы в Париж, но перед отъездом получил известие о смерти. Ездил в Париж проститься с прахом. См. его корреспонденцию в „Московские ведомости", перепечатанную в Ж. Ч., II, стр. 463—465.

[7] Н. М. Мазурина.

К письму № 182

[1] „Мои сомненья разреши" (из „Евгения Онегина" — письмо Татьяны).

[2] О вкусах — или ничего или хорошо. Перефразированная латинская поговорка: „De mortuis aut bene aut nihil" [„О мертвых (следует говорить) или хорошо или ничего"]

[3] М. Иванов, „Музыкальные наброски" — „Новое время" 1881, № 1792 от 23 февраля. По поводу издания Второй симфонии Иванов заметил: „Бессель и на этот раз выполнил дело, за которое музыканты его поблагодарят" (в фельетоне говорится также и об „Орлеанской деве").

К письму № 183

[1] Это было временное затруднение в делах фон-Мекк. См. Ч. М., II, №№ 339 и сл.

К письму № 184

[1] Описывается поездка представителей музыкальной Москвы для встречи гроба с прахом Н. Г. Рубинштейна.

[2] В письме к фон-Мекк от 20 марта 1881 г. Чайковский так объяснил причины, по которым он не поехал в Москву на похороны Рубинштейна: „1) Более, чем когда-либо, хочется одиночества, и 2) мне пришлось бы быть постоянным свидетелем странного, непонятного и оскорбляющего мое чувство поведения Анг. Рубинштейна по отношению к погере брата. Не хочу бросать в него камнем, ибо как войти в душу человека, как объяснить, насколько внутреннее душевное состояние соответствует внешним его проявлениям, но скажу Вам только, что здесь он держал себя так, как будто не только не сокрушен смертью брата, а радуется ей. Непонятно, непостижимо, но тяжело было это видеть".

3. С. А. Бернар и ее сестра.

4. Разрешить вопрос о преемнике Н. Г. Рубинштейна было очень трудно — не было равного ему заместителя. Чайковский „самым решительным образом отклонил энергические требования дирекции Музыкального общества о принятии места директора" (Ч. М., II, стр. 504). Пришлось выбрать Губерта, но его кандидатура встретила большие возражения со стороны ряда профессоров, а некоторые даже ушли после этого из консерватории. Выбор действительно был неудачный: Губерт был плохим, бестактным, безавторитетным администратором, и начались бесконечные ссоры. См. письма № 196 и сл.

К письму № 185

1. В течение нескольких месяцев Чайковский переживал это угнетенное состояние. О причинах см. Ч. М., II, прим. 2 к № 354.

К письму № 186

1. Из письма к М. И. Чайковскому от 7 мая 1881 г.: „Теперь, когда ты уже получил вероятно деньги, я тебе признаюсь, Модичка, что мне в высшей степени тяжело было исполнить твою просьбу, и вот почему. В Москве, перед выездом, мне нужны были деньги, ибо от полученных в Петербурге пятисот у меня не оставалось ничего. Когда я сказал Петру Ивановичу, что возьму у него еще денег, он в первый раз в жизни сделал гримасу и весьма сердито спросил: сколько? Я хотел взять триста, но струсил и сказал: двести. И этих денег мне едва хватило, чтобы сделать разные московские расплаты и приехать сюда.

Обстоятельство это заставило меня призадуматься, и теперь я с неудовольствием и сжиманием сердца думаю о Юргенсоне. Все это пишу тебе никак не для того, чтобы тебя помучить, но отдаю тебе отчет в очень неприятном ощущении, испытанном мной, когда пришлось посылать телеграмму о твоих деньгах.

Отчасти неудовольствие Петра Ивановича я объясняю себе тем, что он сердит на меня за отказ от директорства. Как бы то ни было, но я никогда не забуду отвратительной минуты, когда увидел на лице Юргенсона мысль: «Однако, ты слишком со мной бесцеремонен»“.

К письму № 187

1. Бонифаций Сангурский.

К письму № 188

1. Произведение К. К. Альбрехта.

К письму № 189

1. В мае 1881 г. Чайковский начал новую работу: Всенощное бдение. Опыт гармонизации богослужебных песнопений для смешанного хора (ор. 52; семнадцать песнопений). В июле работа вчерне была закончена. После перерыва, в январе 1882 г., Чайковский ее переписывал, закончив к 7 марта 1882 г., и затем вновь исправлял. Рукопись подписана 25 ноября 1882 г.

К письму № 190

[1] А. А. Задонская пожертвовала московскому отделению Р. М. О. семьдесят тысяч рублей, обращенные в неприкосновенный капитал имени Н. Г. Рубинштейна. После этого Задонская была избрана почетным членом Общества.

[2] Расстроилась свадьба племянницы Чайковского, Т. Л. Давыдовой, и кн. В. А. Трубецкого (см. Ч. М., II, № 358). Юргенсон узнал об этом от А. И. Чайковского.

К письму № 191

[1] Чайковский тяжело переносил семейное горе Давыдовых (разрыв с кн. Трубецким). Он писал фон-Мекк 13 мая 1881 г.: „Весь этот год есть бесконечная цепь всякого рода бедствий и неприятностей для всех, кто мне дорог. Я повергнут в жестокое уныние. Все противно; хочется умереть. В будущем ничего утешительного“.

[2] Слуга Чайковского А. И. Софронов отбывал воинскую повинность.

[3] Еще в феврале этого года Чайковский намекал фон-Мекк, что ему придется из-за расстройства ее дел поступить в консерваторию, но она тогда же заверила его,

что получаемая им сумма никак не может отразиться на ее бюджете, хотя бы и сильно сокращенном. Субсидии от фон-Мекк не прекратились, и Чайковскому не нужно было поступать на службу. См. Ч. М., II, №№ 337 и 339.

К письму № 193

[1] „Будильник" 1881, № 21, стр. 327 (краткая информационная заметка).

К письму № 194

[1] См. прим. 2 к письму № 266.

К письму № 196

[1] Подробно о положении дел в консерватории писал Чайковскому Танеев 19 июля 1881 г. См. в их переписке стр. 70.
[2] О долге Чайковского Третьякову см. письмо № 153.

К письму № 197

[1] Татьяна Львовна Давыдова. См. Ч. М., II, № 368.

К письму № 200

[1] Ответ на несохранившееся письмо Юргенсона.
[2] Кн. Бисмарк обычно проводил лето в Киссингене.

К письму № 202

[1] Поездка Чайковского в Селище не состоялась.

К письму № 203

[1] Об этой работе Чайковский тогда же писал и фон Мекк. См. Ч. М., II, № 386.

К письму № 204

[1] Ответ на несохранившееся письмо Юргенсона.

К письму № 206

[1] По библейскому рассказу, эти никому не понятные слова были начертаны появившейся рукой во время пира вавилонского царя Валтасара. Были объяснены пророком Даниилом как предсказание гибели царства.

К письму № 207

[1] Об этом предложении Чайковский тогда же, 12 сентября 1878 г., писал фон-Мекк. См. Ч. М., I, № 191.

К письму № 208

[1] Отто Нейтцель был приглашен в качестве профессора консерватории по старшим классам игры на фортепиано. Пробыл в консерватории до 1885 г.
[2] Вероятно об этом писал Юргенсону А. И. Чайковский (а может быть, не сохранилось письмо П. И. Чайковского, на которое отвечает Юргенсон). Чайковский в 1879 г.

вступил в переписку с Ткаченко и с тех пор принимал в судьбе этого неудачника большое участие. См. о нем Ч. М., II, по указателю.

[3] Вероятно Петровские линии, т. е. семья Н. Н. Печковской.

К письму № 210

[1] Письмо Юргенсона от 25 августа 1881 г. не печатается.

[2] Юргенсон уведомил Чайковского, что из Дрездена поступил гонорар за исполнение сюиты в размере 19 марок, по курсу составляющих 8 руб. 61 46/55 коп.

К письму № 212

[1] Об отношении Ауэра к Скрипичному концерту Чайковского и о посвящении ему этого концерта см. прим. 3 к письму № 24.

[2] Ошибка. Чайковскому было тогда 41 год.

К письму № 215

[1] В ноябре 1881 г. вышла замуж за Николая Александровича Римского-Корсакова: племянница Чайковского В. Л. Давыдова.

К письму № 216

[1] На подлиннике у этого листа реплика Юргенсона, датированная 31 декабря 1898 г.: „Он был неправ. Издание Бортнянского было полезно издателю и публике настолько, что даже капелла пользуется моим изданием".

К письму № 217

[1] Чайковский сократил свою работу по редактированию Бортнянского по настоянию фон-Мекк, которая для этой цели прислала ему сверхсметную сумму. См. Ч. М., II, №№ 409 и 413.

К письму № 223

[1] Выдержки из этой статьи, помещенной в „Musikalisches Centralblatt" 1881, № 46, напечатаны в „Московских ведомостях" 1881, № 335.

[2] Об этом писал Ганс фон-Бюлов.

[3] Второй скрипичный концерт Брух написал для Сарасате.

[4] Вторая симфония Чайковского (новая редакция) была исполнена в Москве 21 ноября 1881 г. в четвертом симфоническом собрании Р. М. О., под управлением К. Зике.

[5] Бродский исполнил Скрипичный концерт Чайковского 22 ноября/4 декабря 1881 г. в Вене на симфоническом собрании, под управлением Ганса Рихтера. См. письмо № 226.

К письму № 224

[1] С. А. Бернар.

[2] В середине 1881 г. Балакирев вновь принял на себя должность директора Бесплатной музыкальной школы и дирижировал первым же концертом, 15 февраля 1882 г., — после десятилетнего перерыва.

[3] Под opus 37 числится соната (G-dur), а „Времена года" opus 37bis.

[4] См. письма №№ 187, 190, 196.

К письму 226

[1] Первое исполнение скрипичного концерта — один из ярких эпизодов творческой биографии Чайковского, представляющий значительный исторический и психологический интерес. Поэтому уместно обстоятельно документировать его. Первым исполнителем явился скрипач Бродский, сыгравший концерт в Вене (см. прим. 5 к письму № 223). Исполнение концерта вызвало сильные разногласия в публике (аплодисменты и энергические протесты). Большая часть прессы отнеслась к новому произведению неодобрительно. Самый резкий отзыв дал Ганслик. Он писал: „Скрипачу А. Бродскому дали плохой совет выступить с этим концертом перед венской публикой. Русский композитор Чайковский, конечно, необычный талант, но форсированный, производящий неудобовкушаемые, безразборные, безвкусные вещи. Все, что мне из них известно (пожалуй, за исключением D-dur'ного квартета), есть странная смесь оригинальности и грубости, счастливых мыслей и безотрадной утонченности. Таков же его новейший длинный, претенциозный Скрипичный концерт. Некоторое время он течет музыкально и не без вдохновения, но грубость скоро врывается и не покидает первой части до конца. Скрипка уже не играет, но скребет, дерет, ревет. Можно ли вообще чисто передать эти страшные трудности, не знаю, но, конечно, г. Бродский, пробуя воспроизвести их, замучил нас не менее, чем самого себя. Adagio со своей мягкой славянской тоской снова нас примиряет, покоряет, но оно скоро кончается, уступая место финалу, который нас переносит в грубое, мрачное веселье русского церковно-престольного праздника. Мы видим ясно дикие, пошлые рожи, слышим грубые ругательства и обоняем сивуху. Фридрих Фишер однажды, говоря о чувственной живописи, выразился, что бывают картины, которые „видишь, как воняют". Скрипичный концерт Чайковского приводит нас в первый раз к ужасной мысли: не бывают ли и музыкальные пьесы, которые слышишь, как воняют" (цит. по Ж. Ч., II, стр. 502—503). Чайковский, вообще болезненно относившийся к нападкам прессы, был особенно оскорблен этим отзывом. По словам М. И. Чайковского, он всю жизнь его помнил дословно и цитировал наизусть.

[2] Чайковский был обижен на Котека и на Соре. Из писем Котека видно, что̀ писал ему Чайковский. Котек писал: „Вчера вернулся я из Питера. Не знаю, известно ли тебе, что я играл [там], но твоего концерта мне не пришлось играть. Хотя я и убежден, что подчеркнутая угроза в твоем последнем письме — ни что иное, как шутка (очень впрочем огорчившая меня своею странностью), поспешу прибавить, что твой концерт играет Соре, и надеюсь, что это тебе в сто раз приятнее, чем если бы я его сыграл". [Соре тоже не играл.] „Меня очень огорчает, что ты оказываешься таким несправедливым ко мне. Я не играл твоего концерта не по недостатку дружбы и еще менее из боязни авторитетов (каких я в Петербурге не знаю), а по весьма простой причине: я не был подготовлен, и не было времени подготовиться... Странный ты человек, Петруша! Сколько ни думаю, никак не могу примирить твои слова: „никогда не прощу" с моим представлением о тебе, как о человеке. Как будто сыграть не игранный еще большой и трудный концерт в городе, в котором приходится редко играть, да еще в такое время, когда Сарасате давал переполненные концерты и сводил публику с ума, все равно, что: дай мне целковый взаймы; если не дашь, никогда не прощу" (письма от 13/25 ноября и 15/27 декабря 1881 г.). По поводу этих писем Чайковский писал брату Анатолию 19 декабря 1881 г.: „Прекурьезная у меня переписка с Котеком. На мое письмо, о котором я тебе говорил в Киеве, он мне не отвечал, а съездил сначала в Петербург и, уж возвратившись, написал, что не мог играть, ибо Соре будет играть мой концерт. Я ответил, что, во-первых, Соре тоже струсил и не играл, а во-вторых, что дело не в Соре и даже не в концерте, а в том, что я от него, Котека, должен ожидать бо̀льшего самопожертвования ради меня, больше смелости и гражданского мужества, одним словом, что мне не хотелось разочароваться в нем, а пришлось. На это письмо он опять долго не отвечал, и наконец вчера я получил от него преглупое письмо... На это и глупое, а слегка даже и грубое письмо я ему сегодня ответил, как он этого заслуживает. Да! Грустно сказать, — а Котик сплоховал и выказался с довольно мизерной стороны". Личные отношения их с этого времени прервались и восстановились только во время смертельной болезни Котека.

[3] Еще до письма к Юргенсону, еще до чтения статьи Ганслика, 1/13 декабря 1881 г. Чайковский писал Л. А. Куперинку: „Я узнал только вчера из письма П. И. Юргенсона, что наш добрый, милый Бродский играл в Вене концерт мой. Вы не можете себе представить, какое удовольствие доставило мне это известие и как я тронут героическим поступком Бродского. Дело в том, что мой концерт, написанный еще четыре года тому назад, признан разными русскими скрипичными авторитетами совершенно неудобоисполнимым, и, если не ошибаюсь, его никто никогда еще не играл. Между тем я знал, что отзывы помянутых авторитетов очень преувеличены, и все ждал, чтобы явился какой-нибудь скрипач-герой, который доказал бы, что невозможное оказалось возможным. Весьма радуюсь, что этот кто-то оказался Бродским, к которому всегда питал искреннюю симпатию и которому мне приятно быть обязанным. Очень знаю, что ему, еще не прочно установившему свое положение в Вене, было затруднительно и страшно являться перед венской публикой с концертом неизвестного автора, еще вдобавок русского. Оттого-то я вдвойне ценю услугу, им мне оказанную, и испытываю неодолимую потребность поблагодарить его. Но адрес его мне неизвестен, и вот я придумал написать Вам и просить Вас передать ему от меня самую искреннюю и горячую благодарность". Получив письма от Юргенсона и Куперника, Бродский ответил Чайковскому обширным письмом, выдержки из которого опубликованы в Ж. Ч., II, стр. 500—501. Тогда же, 1/13 января 1882 г., Чайковский написал лично Бродскому, вновь благодаря его: „Только прочтя отзыв [Ганслика], наиболее авторитетного венского критика, я оценил всю безграничность гражданского мужества, которое Вы выказали, появившись перед венской публикой с моим концертом. Меня это удивляет и трогает в высшей степени. Когда-нибудь при свидании я Вам подробно расскажу, как по поводу этого несчастного концерта выказали себя с довольно неблаговидной стороны некоторые так называемые друзья мои. Я очень философски привык относиться к неуспеху или совершенному игнорированию моих произведений, но сильно страдаю душой, когда люди, которых я в воображении своем снабдил всевозможными добродетелями, оказываются совсем не тем, что я думал. В настоящем случае было чем огорчиться". После этого Чайковский снял с концерта посвящение Ауэру и поставил посвящение Бродскому.

[4] В процессе работы над Скрипичным концертом Чайковский советовался с Котеком о технической исполнимости солирующей партии.

К письму № 227

[1] На Меланхолической серенаде посвящение Ауэру сохранилось.

[2] О. Л[евенсо]н, „Музыкальная хроника" — „Русские ведомости" 1881, № 343 от 19 декабря. По словам автора, шестое симфоническое собрание, под управлением Зике, произвело на всех „удручающее впечатление". „Неужели это был один из концертов Музыкального общества, пользовавшихся такою заслуженною славою?" — восклицал он. В противоположность этому концерту, несмотря на слабый состав, весьма удачен был благотворительный концерт, на котором дирижировал Клиндворт. „Приходится сожалеть, что г. Клиндворт разошелся с Музыкальным обществом. В настоящее время это единственный человек в Москве, который мог бы поддержать симфонические собрания на надлежащей высоте".

[3] С. М. Третьяков.

[4] Каламбур: так обозначались издания, выходившие под редакцией Клиндворта.

[5] Вскоре после смерти Н. Г. Рубинштейна Юргенсон приступил к изданию написанных им девяти пьес для фортепиано. Изданы под названием: „Souvenir-Album. 1835—1881".

К письму № 228

[1] Опера „Ванька-Ключник" не была написана.

[2] Текст этого письма Чайковского к Направнику неизвестен. Письмо Направника к нему от 16/28 декабря 1881 г. опубликовано в сборнике „Чайковский", стр. 137—141. Приводим заключительные слова этого письма, так повлиявшие на Чайковского:

„Если, дорогой друг, приступите опять к сочинению оперы, то я уверен, что Ваши прежние опыты покажут Вам дорогу, ведущую ближе и вернее к достижению цели. Избегайте, главное, торопливости. Простите, дорогой друг, мои последние слова".

[3] Трио, законченное к 30 января 1882 г., посвящено „Памяти великого артиста" [Н. Г. Рубинштейна]. Для Чайковского был неожиданным выбор этой формы музыкального произведения, так как он „совершенно не переносил комбинации фортепиано со скрипкой или виолончелем solo". См. Ч. М., II, № 303.

К письму № 230

[1] Это письмо Юргенсона не сохранилось.

[2] В 1873 г. Чайковский написал музыку к весенней сказке Островского „Снегурочка" (ор. 12). Вследствие недостатка сценического действия пьеса вскоре была снята со сцены. Чайковский считал эту музыку одним из любимых своих детищ (Ч. М., II, стр. 262). Как видно из письма, он считал этот сюжет авторской собственностью. По поводу нового произведения Римского-Корсакова он записал в дневнике пять лет спустя, 26 марта 1887 г.: „Читал „Снегурочку" Корсакова и удивлялся его мастерству и даже (стыдно признаться) завидовал". Очевидно Римскому-Корсакову было известно об обиде Чайковского: только лишь после его смерти он решился взять сюжет „Ночь перед Рождеством", чего не делал раньше из-за боязни обидеть Чайковского, хотя и считал его оперу „Черевички" слабой (см. его „Летопись моей музыкальной жизни", гл. XXIII).

К письму № 231

[1] Имеется в виду скарлатина в доме Юргенсона.

[2] Мервский оазис в Средней Азии.

К письму № 233

[1] В письме от 3 января 1882 г. Бернард просил Чайковского написать шесть легких пьес с оплатою по его рублей за каждую. „Настоятельное требование подписчиков видеть Ваши произведения на страницах „Нувеллиста" вынуждает меня попытать счастье", — писал он.

К письму № 234

[1] Об этом спектакле писал и А. И. Чайковский 17 января 1882 г.: „...Климентова для меня, да нет, — для всех бесспорно лучше Верни. Письмо в прошлом году никогда не вызывало таких аплодисментов, как в нынешнем. Вообще первое представление сошло прекрасно, аплодисментам не было конца".

[2] В „Нувеллисте" были напечатаны „Времена года".

К письму № 235

[1] Чайковский жил в Риме с братом Модестом и его воспитанником Конради.

К письму № 237

[1] В письме от 22 января 1882 г. (выпущенном редакцией) Юргенсон решительно возражал против удовлетворения просьбы Бернарда и просил Чайковского написать эти пьесы для него. Иронизируя, он подчеркивал, что Бернард готов делать заказы только на „хлебный кусок" в виде шести пьес и не подумал бы издать шесть симфоний. В обычном шутливом тоне Юргенсон настаивал на своей монополии: „Г. композитор, не посягайте никогда на освобождение из кабалы, не старайтесь выпутаться из пут

бархатных, из цепей золотых (licentia poetica), не вороти физиономию (деликатно) от рублей кредитно-юргенсоновских". В этом же письме Юргенсон сообщал о покупке дома в Колпачном переулке за 125 тысяч рублей.

К письму № 238

[1] Письмо Юргенсона от 28 января 1882 г., выпущенное редакцией.
[2] Чайковский спрашивал, будут ли концерты на устраивавшейся в Москве Художественно-промышленной выставке.

К письму № 239

[1] Ответ на письмо Юргенсона от 2 февраля 1882 г., выпущенное редакцией.

К письму № 240

[1] Ответ на письмо Юргенсона от 11/23 февраля 1882 г., выпущенное редакцией.

К письму № 242

[1] 21 февраля 1882 г. состоялся второй (последний) концерт Софии Ментер.

К письму № 243

[1] См. об этом Ч. М., III, № 18.

К письму № 244

[1] Трио Чайковского было исполнено в годовщину смерти Н. Г. Рубинштейна в частной обстановке в консерватории (Танеев, Гржимали, Фитценгаген). Повторено в присутствии автора в апреле (после этого Чайковский внес „основательные исправления"). Публичное исполнение состоялось 18 октября в том же составе.
[2] Газеты отмечали, что с 28 февраля по 5 марта в Москве была своего рода „неделя пианистов": концерты Вильборга, Пабста, Есиповой, Геймана, Делаборта.
[3] Александр Соломонович Р. змадзе.
[4] Давыдов оставил пост директора Петербургской консерватории только в 1886 г.

К письму № 245

[1] В статье С. Васильева (псевд. Флерова) „Письма из Италии" („Московские ведомости" 1882, № 42) рассказывается о том, как Чайковский выигрывал пикули в лотерее, устроенной на Piazza Navona. „Можно ли так бесцеремонно выставлять напоказ человека, который о том только и думает, чтобы его особой никто не занимался! Конечно это такая мелочь, которая прошла незамеченной, но я все-таки крайне был раздражен бесцеремонностью г. Флерова", — писал Чайковский фон-Мекк 9/21 марта 1882 г.
[2] См. прим. 1 к письму № 244.

К письму № 246

[1] Речь идет об издании увертюры „1812 год".

К письму № 247

[1] Свет делал аранжировки фортепианных произведений для скрипки и фортепиано. Есть несколько его переложений пьес Чайковского.

[2] Новое произведение А. Рубинштейна (музыкальная картина „Россия") спешно издавалось перед первым исполнением, состоявшимся под управлением автора в первом симфоническом концерте на Художественно-промышленной выставке.

К письму № 248

[1] Чайковский родился в Воткинском заводе Вятской губернии.

[2] Вся шутка Юргенсона непонятна; в письмах к братьям нет никаких упоминаний об увлечении Чайковского охотой в то время. Очевидно, не сохранилось какое-то письмо Чайковского к Танееву или Юргенсону.

[3] Ошибка. В первом концерте на Выставке Танеев исполнил не Первый, а Второй фортепианный концерт Чайковского (первое исполнение).

[4] В третьем концерте была исполнена Серенада Чайковского, в четвертом — ария Онегина из первого акта и гимн из первого акта „Орлеанской девы", в пятом — ария Ленского из второго акта, шестой концерт весь был посвящен произведениям Чайковского, во втором, седьмом и восьмом концертах его имя не стояло в программах.

К письму № 250

[1] Заметки об издании Бортнянского появились в двух номерах газеты „Киевлянин" (1882, №№ 103 и 105). В обоих отмечено участие Чайковского в новом издании.

[2] Чайковский спрашивал, кто будет исполнять вставленный в программу шестого симфонического концерта на Выставке его скрипичный концерт: Бродский или Котек. Исполнил Бродский. Котек играл в первом симфоническом собрании Р.М.О. 30 октября 1882 г.

К письму № 251

[1] Юргенсон издал 40 народных песен, собранных Т. И. Филипповым и гармонизированных Н. А. Римским-Корсаковым.

[2] Лермонтов, „Парус" (искаженный текст).

[3] Еще разучивая концерт, Танеев писал Чайковскому 9 апреля 1882 г.: „Много страдания причиняют мне четыре страницы в каденции, где левая рука с правою по очереди берут аккорды: играть страшно трудно, и вряд ли это хорошо будет звучать в исполнении. Полагаю, что к концу второй страницы слушатели утомятся, а к концу четвертой выйдут из терпения, что случается по временам и со мною во время учения сего места". Он же после публичного выступления: „Мнения [о концерте] довольно различные, но все они сходятся в том, что первая и вторая часть слишком длинны. Случалось слышать такие отзывы, что это один из красивейших концертов и очень блестящий в исполнении, и такие — что первый концерт следует предпочесть второму и т. п.; мало лиц, одобряющих скрипку и виолончель с о л о во второй части: говорят, что в ней фортепиано нечего делать, с чем, кажется, нельзя не согласиться: слишком большой перевес на стороне двух других инструментов. Вообще же выходит, что этот концерт весьма и весьма можно играть в публике" (18 июня 1882 г.).

К письму № 252

[1] А. Г. Рубинштейн, под управлением которого исполнялась серенада.

[2] Четырехручное переложение Серенады выполнено автором, двухручное — А. Шеффером.

К письму № 256

[1] Юргенсон писал об этом в письме от 8 июня 1882 г., выпущенном редакцией. Чайковский отвечает на следующую его часть: „Писал ли я тебе, какую штуку мне Губерт сыграл? Он при С. М. Третьякове сказал Григоровичу (председателю второй

группы), когда Григорович выразил желание меня предложить в эксперты: „Да он ничего не понимает!“ Григорович очень удивился!!! Это мне сам Губерт рассказал. Оказывается, что этот пассаж меня грызет, как я и не предполагал возможным. Я совершенно не могу освободиться от этого и боюсь, что это у меня сделается idée fixe, на которой рехнусь... Я предполагал с окончанием двадцатипятилетия, т. е. в 1886 г., выйти из Музыкального общества, теперь же хочу это сделать в нынешнем году. Никто от этого не потеряет“.

К письму № 257

[1] Эта записка Юргенсона не сохранилась.
[2] В замке Каносса (Италия) император Генрих IV в 1077 г. униженно просил у папы Григория VII прощения за свою борьбу с ним.

К письму № 258

[1] О болезни М. И. Чайковского (геморрой) см. Ч. М., III, № 50 и сл.

К письму № 262

[1] Гувернантка детей Давыдовых, мисс Иствуд.

К письму № 265

[1] Юргенсон предпочел орден званию придворного поставщика.
[2] См. прим. к письму № 206.
[3] Фитценгаген сделал переложение Andante Первого квартета для виолончели и фортепиано. Жюль де-Сверт сделал две аранжировки этого же Andante для виолончели и фортепиано (или органа) и для виолончели (главный голос) с аккомпанементом двух скрипок, альта, виолончели и контрабаса.

К письму № 266

[1] В конце августа — начале сентября 1882 г. Чайковский написал шесть фортепианных пьес, составивших opus 51.
[2] Речь идет об опере „Мазепа“ (либретто Буренина по Пушкину, с исправлениями Чайковского), первые наброски которой были сделаны еще летом 1881 г. Вернулся Чайковский к опере только в середине мая 1882 г., напряженная работа началась с июня. Инструментовка закончена в апреле 1883 г.

К письму № 267

[1] Умышленно искаженная цитата из „Демона“ Лермонтова.

К письму № 268

[1] Чайковский очень высоко ставил балет Делиба „Sylvia ou la nymphe de Diane“. „Это первый балет, в котором музыка составляет не только главный, но и единственный интерес. Что за прелесть, что за изящество, богатство мелодическое, ритмическое и гармоническое! Мне было стыдно. Если б я знал эту музыку, то конечно не написал бы «Озеро лебедей»“, — писал он Танееву 7/19 декабя 1877 г. См. также Ч. М., I, № 54.
[2] В библиотеке Чайковского сохранилось это издание: А. Г. Брикнер, „История Петра Великого“, тт. I—II, изд. Суворина, Спб. 1882.

К письму № 269

[1] Аренский поступил в Московскую консерваторию в качестве преподавателя гармонии и контрапункта.

[2] Очевидно, речь идет о программе симфонических собраний Р. М. О. в наступавшем сезоне (всеми концертами управлял Эрдмансдерфер). Из произведений Чайковского были исполнены: Скрипичный концерт (в первом собрании), Первая сюита (в пятом) и гопак из „Мазепы" (в экстренном собрании).

К письму № 271

[1] Предложение о переделке Чайковский получил непосредственно от Направника. Об отношении его к этой работе см. в письме к фон-Мекк от 8 октября 1882 г. (Ч. М., III, № 80). Переписка Чайковского с Направником по этому поводу напечатана в сборнике „Чайковский", стр. 143 и сл.

К письму № 272

[1] Котек исполнил Скрипичный концерт Чайковского в первом симфоническом собрании Р. М. О., 30 октября 1882 г.

[2] Намек на Ауэра. См. прим. 3 к письму № 24.

К письму № 273

[1] Это письмо в архиве Чайковского не сохранилось.

К письму № 274

[1] Об этом Юргенсон писал в письме № 272, в выпущенной его части.

К письму № 276

[1] Трио Чайковского было исполнено 18 октября 1882 г. в квартетном собрании Р. М. О. (первое публичное исполнение). Пресса отнеслась сдержанно к новому произведению, найдя его слишком длинным, имеющим серьезные стилистические недостатки. Особенно шокировала непосредственная последовательность мазурки после девятой вариации — плача при похоронном звоне. Об этом исполнении подробно писал Чайковскому С. И. Танеев в письме от 24 октября 1882 г. См. в их переписке стр. 88—89 и Ч. М., III, прим. к № 85.

[2] Э. Лангер.

К письму № 278

[1] П. Юргенсон, „Тариф и ноты" — „Московские ведомости" 1882, № 360 от 29 декабря. В статье говорится о необходимости обложения пошлиной заграничных музыкальных изданий, что „остановило бы неимоверный прилив иностранных перепечаток в Россию и дало бы возможность окрепнуть русским издательским силам, не причинив при этом никакого вреда успехам музыкального образования".

К письму № 280

[1] 11 января Чайковский вторично слушал эту оперу и в тот же день писал фон-Мекк: „Если еще будут давать, то пойду еще и еще и еще. Знаю, что мое поклонение Моцарту удивляет Вас, милый друг. Да я и сам удивляюсь, что такой надломленный, не совсем нравственно и умственно здоровый человек, как я, сумел сохранить в себе способность наслаждаться Моцартом, не обладающим ни глубиной, ни силой Бетховена, ни теплотой и страстностью Шумана, ни блеском Мейербера, Берлиоза, Вагнера и т. д.

Не оттого ли это, что „Дон-Жуан" был первой оперой, давшей толчок моему музыкальному чувству, открывшей мне целый неведомый дотоле горизонт высшей музыкальной красоты? Моцарт не подавляет, не потрясает меня, но пленяет, радует, согревает. Слушая его музыку, я как будто совершаю хороший поступок. Трудно передать, в чем состоит его благотворное действие на меня, но оно несомненно благотворно, и чем дольше я живу, чем больше знакомлюсь с ним, тем больше люблю его". Много высказываний Чайковского о Моцарте есть в опубликованных трех томах его переписки с фон-Мекк (см. по указателю). Можно добавить еще, что в библиотеке Чайковского имеются различные издания Моцарта и полное собрание его сочинений, изд. Breitkopf & Härtel (подарок Юргенсона). На некоторых нотах Чайковский делал пометки. Приводим наиболее интересные. Quartett D-dur: „Очаровательно, а между тем никогда не играют. Поразительна разработка в первой части из мотивов заключительной каденции. А еще говорят, что это Бетховен выдумал. См. стр. 25. [*На этой странице:*] До чего восхитительно!!". Quintett A-dur: „Очень милая вещь. Andante напоминает какую-то его же арию. Последние вариации прелестны". Trio Es-dur: „Милые вариации". „La finta Giardiniera", opera buffa: „№ 2 восхитительная ария Рамиро для сопрано с колоратурой. № 3 — забавно, что тут поется про Pauken, Trompeten, Fagotten, и все это сообразно тексту инструментовано. №№ 13 и 14 изумительны! № 15 еще прелестней!" „Geistliche und weltliche Gesangwerke (serie 24 полного собрания, Supplement № 28): „Дивная missa brevis!!! 16 янв. 91. Что за красота!"

[2] Танееву шел в то время двадцать седьмой год.

[3] Воспользовавшись растерянностью и бездействием правительства после смерти Гамбетты принц Наполеон (племянник Наполеона I), претендент на престол, выпустил вызвавший всеобщее негодование резкий манифест против республиканского правительства. Манифест был конфискован, а принц арестован. Был внесен законопроект об изгнании из Франции членов царствовавших династий (принят в 1886 г.). Об отношении Чайковского к этому событию см. Ч. М., III, № 101.

К письму № 281

[1] Это начало переговоров о написании нового произведения для предстоявших коронационных торжеств.

[2] Из Одессы письмо было от А. Шидловского. См. Ч. М., III, № 72 и прим. 3 к нему.

К письму № 282

[1] Эрдмансдерфер просил Чайковского предоставить новое произведение для его концерта (экстренного симфонического собрания Р. М. О.), состоявшегося 19 февраля 1883 г. В программу был включен упоминаемый в письме гопак из „Мазепы".

К письму № 283

[1] „Всемирная иллюстрация" 1883, № 731 от 15 января (статья Галлера об „Орлеанской деве" и три снимка с постановки оперы).

[2] На шестом вечере камерной музыки П. Фихтнер-Эрдмансдерфер и А. Гильф исполнили Сонату для фортепиано и скрипки (e-moll), op. 25 М. Эрдмансдерфера; П. Фихтнер-Эрдмансдерфер играла произведения Генделя, Листа и Ноктюрн (op. 10) Чайковского. Вместе с М. Эрдмансдерфером исполнила Фантазию для фортепиано (op. 205) Раффа, им обоим посвященную.

[3] Так начинается ария Орфея из оперы Глюка „Орфей".

[4] На подлиннике Чайковским написан черновик какой-то деловой записки на французском языке.

К письму № 284

[1] Племянница Чайковского, Т. Л. Давыдова, приехала в Париж для родов. Ее положение старательно скрывалось от родителей, от близких родственников и знакомых

(знали только М. И. и П. И. Чайковские). Лечение у Шарко от морфинизма — официальная версия. См. Ч. М., III, прим. 1 к № 103.

[2] Неизвестно, о чем идет речь. Подходящего письма в архиве нет.

К письму № 285

[1] Дом Юргенсона выходил в Колпачный и Хохловский переулки.

К письму № 286

[1] См. прим. 1 к письму № 284.

[2] Разбор либретто „Мазепы" Направник сделал в письме от 31 декабря 1882 г. В конце он писал: „Оно без сомнения лучше всех прежних. Желательно, чтобы „Мазепа" и по музыке стоял выше прежних. Не забывайте, что прежний ваш способ или Ваши приемы сочинять оперы могут улучшить „Мазепу" только в смысле внутреннего музыкального содержания, но опера, как драматическое, а не симфоническое произведение, может выйти так же неудачной в целом, как и первые... Постарайтесь, главное, попасть в тон новый, т. е. оперный" (в опубликованной их переписке стр. 148—149).

[3] Картина вторая первого действия № 7 (Хор и причитания матери).

К письму № 287

[1] В письме от 2 марта 1883 г. Танеев подробно писал о консерваторских делах и с другой точки зрения. См. в их переписке стр. 94 и сл.

К письму № 288

[1] Это письмо сохранилось в архиве Чайковского. Подпись: „Ив. Ив. Гаврушкевич, глубокий старик, подписчик на журнал «Музыкальный мир»" (дата: 8 января 1883 г.)

К письму № 289

[1] Из письма к фон-Мекк от 9/21 марта 1883 г.: „Мне известно из достоверных источников, что государь весьма расположен ко мне (т. е. к моей музыке), и я бы не хотел, чтобы ему донесли, что я о т к а з а л с я". См. письмо № 298.

К письму № 291

[1] В дальнейших письмах Юргенсон часто будет называть Эрдмансдерфера Манстерьвой.

[2] Капулетти и Монтекки — веронские дворянские фамилии, враждовавшие между собой в XV веке („Ромео и Джульетта" Шекспира).

[3] В этот день должно было исполниться двадцатипятилетие издательской фирмы Юргенсона.

[4] См. прим. к письму № 282.

[5] См. прим. 2 к письму № 224.

[6] 15 февраля состоялся симфонический концерт под управлением Шостаковского, устроенный Обществом любителей музыкального и драматического искусств (в программе был и полонез из „Евгения Онегина", транскрипция Листа). О. Л[евенсо]н отметил, что „Шостаковский никогда еще не играл публично так дурно, как в этот вечер" („Русские ведомости" 1883, № 50).

[7] В концерте Эрдмансдерфера участвовала и его жена.

К письму № 292

[1] В феврале и марте 1883 г. в Париже происходили демонстрации безработных.

[2] В Париже, в Grand Opéra была поставлена новая опера Сен-Санса „Henry VIII".

По этому поводу Чайковский писал брату Анатолию 25 февраля 1883 г.: „Да, счастье родиться французом. Я чувствую и знаю, что мой „Мазепа“ гораздо лучше Сен-Санса, а между тем дальше жалкой Мариинской сцены моя опера нигде не пойдет, и получу за нее гроши медные“.

К письму № 294

[1] В один и тот же день, 28 февраля 1883 г., застрелился член государственного совета Маков и ранил себя (не смертельно) директор почтового департамента Перфильев. Самоубийства были вызваны предстоящей ревизией канцелярии министерства внутренних дел, вскрывшей крупные растраты.

[2] 12 января 1883 г. на традиционном обеде бывших студентов Московского университета Б. Н. Чичерин сказал речь в защиту университетского устава, против которого восставали крайние правые. Царь и высшая администрация нашли это выступление неуместным. Вскоре другая его речь, во время коронационных торжеств, опять вызвала неудовольствие (в ней усмотрели требования конституции), и в результате в июле 1883 г. Чичерину было предложено оставить пост московского городского головы. См. его „Воспоминания“, вып. 4, М., 1934, стр. 223 и сл.

К письму № 295

[1] Окончательная программа экстренного симфонического собрания Р. М. О. в память Н. Г. Рубинштейна, состоявшегося 11 марта 1883 г.: Вагнер, похоронный марш из „Götter dämerung“; Лист, „Danse macabre“ (исп. Зилоти); Лист, симфоническая поэма („Heroide funèbre“); Бетховен, Третья симфония. Сбор предназначался на увековечение памяти Рубинштейна, но концерт дал дефицит. „Русские ведомости“ писали об этом 20 марта: „В зале публики меньше, чем музыкантов в оркестре! Даже члены Р. М. О., не успевшие еще износить и сапог, в которых они шли рыдая за гробом Рубинштейна, и те блистают своим отсутствием! Коротка же память у московских меломанов! В результате концерт в память Н. Г. Рубинштейна вместо ожидаемого дохода дал убыток в 280 р. 50 к.! Срамота!“ („Наблюдения и заметки“).

[2] Концерт, устроенный Обществом немецких подданных, был посвящен памяти Вагнера, недавно скончавшегося. Отчет см. в „Русских ведомостях“ 1883, № 70.

К письму № 296

[1] В марте 1883 г. для коронационных торжеств Чайковский написал Торжественный коронационный марш для оркестра и кантату „Москва“ на слова Майкова для солистов, хора и оркестра. Марш был исполнен 23 мая в Сокольниках на „празднике“, под управлением Танеева, Кантата — 15 мая во время коронации, на обеде в Грановитой палате.

К письму № 297

[1] Коронационная комиссия предложила Чайковскому за марш пятьсот рублей. Чайковский отказался от гонорара, считая, что „город Москва в подобных случаях должен платить или, по меньшей мере, пять тысяч или ничего“. За кантату вознаграждение совсем не было предложено. Упоминаемый в комментируемом письме долг Чайковского — долг его С. М. Третьякову (см. письмо № 153). См. Ч. М., III, стр. 162.

[2] Людвиг II, король баварский, построил в Байрейте театр для произведений Вагнера.

К письму № 298

[1] Просьбу царю Чайковский направил через К. П. Победоносцева, от которого вскоре 28 мая 1881 г., получил ответ, что поручение его выполнено и что ожидается благоприятное разрешение вопроса. На телеграмме Победоносцева от 3 июня, в которой он

запрашивал, куда отправить деньги, Чайковский сделал подсчет своих неотложных долгов: „Леве 500, Третьякову 700, Юргенсону 850, Кольрейфу 400 = 2400". Письма Чайковского и Александра III к Победоносцеву опубликованы в книге: „К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки", т. I. М.-П. 1923, стр. 235—236, 403—405. Письма Победоносцева хранятся в Клинском музее.

К письму № 302

[1] Ответ на несохранившееся письмо Юргенсона.

К письму № 306

[1] См. прим. 1 к письму № 284.

[2] Ответ на несохранившееся письмо Юргенсона. А. Рубинштейн играл произведения Чайковского в своем концерте в Петербурге 4 апреля 1883 г. В газетах отмечалось, что эти вещи произвели особенно сильное впечатление.

К письму № 309

[1] Чайковский гостил в то время у брата Анатолия в Подушкине под Москвой.

Из писем к фон-Мекк и М. Чайковскому: „В России нет ни одного человека, на которого я мог бы возложить с уверенностью в успехе это дело. В Германии при каждом хорошем издателе есть несколько корректоров, и никогда там авторы не теряют целых месяцев на возню с гравированием своих сочинений. У Юргенсона нет и никогда не было ни одного хорошего корректора, хотя он всегда хлопочет об этом. Опыт научил меня, что если я хочу видеть свою вещь изданною без ошибок, как следует, мне не следует вверяться никому, кроме себя... Все мое время теперь уходит на эти ужасные, доводящие до уныния корректуры. Они испортили мне все это лето, они мешают мне как следует отдохнуть от зимних трудов". „У меня теперь какой-то болезненный страх перед опечатками и ошибками, безобразящими большинство моих сочинений. Все три корректуры я делаю сам" (письма от 17 и 14 июля 1883 г.).

К письму № 310

[1] В январе 1883 г. статей Ларош в „Голосе" не было.

[2] Чайковский получил из „Кабинета его величества" вместо денег перстень с бриллиантами, который он заложил и тут же потерял квитанцию (после долгих формальностей с согласия Чайковского перстень выкупила фон-Мекк и взяла его себе). 26 июля 1883 г., перед отъездом в Подушкино, Чайковский писал брату об этих неудачах — потере квитанции и счете Юргенсона: „...Тебе покажется странным, что без всякой надобности я спешу сообщить тебе неприятное известие [о потере квитанции]. Но это произошло вот отчего. Мне оставалось два часа до отхода поезда, и я, дабы убить время, пошел к Юргенсону. Этот не нашел ничего лучшего, как дать мне свой счет со мной. Ты знаешь, что я никогда не спорю и не торгуюсь с Юргенсоном из-за гонорара и до сих пор всегда был доволен назначенными им цифрами. Каково было мое изумление, когда я увидел, что за „Мазепу" он назначил мне всего тысячу рублей!!!! За „Орлеанскую деву" я получил больше, а именно: полторы тысячи. Теперь прошло четыре года, я сам делал переложение, сам корректировал и, следовательно, составил ему экономию в четыреста рублей, и вдруг он назначает теперь, когда цена моя поднялась очень сильно, такую жалкую плату. Я страшно возмущен этим, но не в силах ничего сказать, и вот, чтобы найти c o n t e n a n c e [форму дальнейшего поведения], сказал, что хочу писать тебе, потребовал бумаги и пишу". В ответном письме от 3 августа М. И. Чайковский писал: „Пропажа денег не так огорчила меня, как проявление купца эксплоататора в симпатичном человеке. Я долго был под впечатлением этого грустного открытия".

К письму № 312

[1] Так и было: Вторая сюита Чайковского впервые исполнялась 4 февраля 1884 г. в экстренном симфоническом собрании Р. М. О., в пользу Эрдмансдерфера.

К письму № 313

[1] Рецензия М. Иванова в „Новом времени" 1883, № 2714 от 18 сентября (без подписи) написана по поводу представления „Орлеанской девы" в Большом театре в Петербурге 16 сентября.

[2] В архиве Чайковского сохранилось письмо С. Малоземовой, с просьбой от имени вел. кн. Екатерины Михайловны предоставить кантату „Москва" для патриотического концерта в январе 1884 г., с тем чтобы до этого она нигде не исполнялась.

К письму № 314

[1] Эти письма Чайковского и Направника опубликованы (сборник „Чайковский", стр. 151 и сл.). См. также Ч. М., III, № 156.

К письму № 317

[1] Ответ на письмо Юргенсона от 26 октября 1883 г., выпущенное редакцией.

[2] Юргенсон возражал в этом письме против намерения Чайковского послать Годару в ответ на его просьбу сюиту и каприччио (Чайковский писал об этом в выпущенном редакцией письме от 19 октября 1883 г.). Мотивы Юргенсона: „Первая и главная причина в том, что это тебя ставит на одну ногу с дилетантами, которых хлебом не корми, только проси у них даровых экземпляров. Вторая причина эгоистичная. Если всем капельмейстерам: Бильзе, Паделу, Колонн, всем артистам: Клаус, Бюлов, Брейтнер, Брассену и т. д. и, наконец, всем, кто „интересуется", послать даром — кому же продать? В счет тебе я эти экземпляры ставить не буду".

К письму № 318

[1] За период с 16 октября по 3 ноября 1883 г. Чайковский написал пятнадцать детских пьес для одного голоса, составивших ор. 54. В этот же сборник включена Детская песенка („Мой Лизочек...") на слова С. Т. Аксакова, написанная в 1881 г.

Указатель собственных имен

В указатель включены собственные имена, названия музыкальных произведений и сочинений о музыке — под фамилией автора. Имена, упоминаемые только при их произведениях, не аннотированы. В иностранном указателе сделаны ссылки на русский у тех имен, которые в тексте встречаются на русском и иностранном языках.

Абаза Юлия Федоровна (ум. 1915 г.) — жена министра А. А. Абаза, певица — 73.

Аверкиев Дмитрий Васильевич (1836—1905) — драматург — 213, 215 — 217, 221.

Аврамова Анна Константиновна (ум. 1918 г.?) — пианистка, преп. Московской консерватории (класс теории) — 212, 214.

Агафон — камердинер Н. Г. Рубинштейна — 36, 319.

Адлерберг Александр Владимирович (1818—1888) — министр императорского двора — 117.

„Аида", опера — см. Верди.

Аксаков Сергей Тимофеевич (1791—1859) — 357.

Александр II (1818—1881) — 166, 338.

Александр III (1845—1894) — 257, 281, 286, 289, 291, 354—356.

Александра Ивановна — см. Губерт А. И.

Александрова-Кочетова Александра Дормидонтовна (1833—1903) — оперная певица (сопрано), проф. Московской консерватории — 91, 329.

Алексеев Николай Александрович (1848—1893) — директор Московского отделения Р. М. О., впоследствии московский городской голова — 55, 63, 157, 158, 187, 227—229, 238, 243, 248, 249, 257, 261, 265—267, 273—279, 282—286, 293, 296, 297.

Алексей, Алеша — см. Софронов А. И.

Альбрехт Анна Леонтьевна — жена К. К. Альбрехта — 104, 331.

Альбрехт Евгений Карлович (1842—1894) — скрипач, инспектор музыки императорских оркестров — 115, 121.

Альбрехт Константин (Карл) Карлович (1836—1893) — виолончелист, инспектор и преподаватель Московской консерватории — 20, 22, 31—35, 53, 57, 58, 87, 102—104, 113, 114, 119, 121, 123, 129, 135, 136, 189, 193, 202, 216, 230, 233, 239, 242, 246, 262, 278, 279, 282, 283, 286, 318, 319, 325, 331, 334, 341, 343.

Альтани Ипполит Карлович (1846—1919) — дирижер оперы московского Большого театра — 307, 308.
Анна Алексеевна — сестра С. А. Бернар — 186, 187.
Антропов Лука Николаевич (1843—1884) — драматург — 213, 215, 217.
Апухтин Алексей Николаевич (1844—1893) — поэт, друг Чайковского — 140.
Арендс Андрей Федорович (1855—1926?) — скрипач, дирижер, композитор (ученик Чайковского по теории) — 41, 306.
Аренский Антоний Степанович (1861—1905) — композитор — 261, 352.
Арто Девире (1835—1907) — знаменитая французская певица (меццо-сопрано) — 63, 66, 275, 326.
Ауэр Леопольд Семенович (1845—1925) — скрипач-виртуоз, проф. Петербургской консерватории — 42—44, 49, 136, 207, 217, 219, 220, 226, 321, 335, 345, 347, 352.

Бабу́шка К. О. — скрипач, преп. Московской консерватории — 230.
Балакирев Милий Алексеевич (1836—1910) — 18, 22, 49—51, 167, 171, 173, 189, 207, 218, 284, 294, 298, 323, 345.
— фантазия „Исламей" (1869) — 208, 291.
— Романс „Слыщу ли голос твой" — 325.
Барбье Жюль, драма „Jeanne Darc" — 325.
Барцал Антон Иванович (1847—1927) — артист московского Большого театра (тенор), впоследствии режиссер — 73, 280, 311.
Барцевич Станислав Карлович (р. 1858 г.) — скрипач, впоследствии проф. Варшавской консерватории — 126, 334.
Баталина А. И. — см. Губерт А. И.
Бауэр Ф. М. (1829—1914) — известный цитрист, основавший в Москве школу игры на цитре — 36.
Бах Иоганн-Себастиан (1685—1750) — 101, 210.
Бахметев Николай Иванович (1807—1891) — композитор церковной музыки, директор Придворной певческой капеллы — 95, 102, 115, 188, 190, 193, 202, 203, 205, 239, 244, 318, 331.
Бевиньяни Энрико-Модесто (ум. 1903 г.) — в 1874—1881 гг. дирижер московского Большого театра — 106, 107.
Бегичев Владимир Петрович (1838—1891) — драматург, начальник репертуара московских императорских театров — 226.
Безекирский Василий Васильевич (1835—1921?) — скрипач-виртуоз, первый скрипач московского Большого театра — 36, 107, 116.
Беллини Винченцо, опера „Норма" (1831) — 90.
Берлиоз Гектор (1803—1869) — 84, 328, 352.
— Драматическая легенда „Гибель Фауста" („La Damnation de Faust") (1846) — 84.
— Фантастическая симфония (Symphonie fantastique), ор. 14—85.
— Симфония-кантата „Romeo et Juliette" (1839) — 21.
— Увертюра „Римский карнавал", ор. 9 (1843) — 137, 336.
Бернар Сара (1844—1923) — французская трагическая артистка, пользовавшаяся мировой известностью — 220.
Бернар София Алексеевна (ум. 1920 г.) — московская филантропка, заведывавшая дешевыми квартирами Московской консерватории — 92, 186, 191, 217, 228, 342, 345.
Бернард Александр Иванович (1816—1901) — пианист, после смерти своего брата М. И. Бернарда, владелец фирмы и издатель „Нувеллиста"—65, 101, 133, 229, 230, 232—234, 261, 285, 288, 304, 335, 348.
Бернард Матвей Иванович (1794—1871) — пианист и композитор, основатель музыкально-издательской фирмы, издатель дилетантского музыкального журнала „Нувеллист" — 133, 335.
Бессель Василий Васильевич (1843—1907) — основатель издательской фирмы в Петербурге, первый издатель Чайковского — 34, 51, 52, 89, 90, 98, 120, 122, 123, 125, 134—140, 142, 144, 145, 147, 148, 166—168, 170, 171, 173, 177—179, 185, 203, 239, 240, 251, 252, 259, 261, 263, 272, 274, 301, 309, 323, 329, 335, 341, 342.
Бетховен ван Людвиг (1770—1827) — 240, 352, 353.

— 3-я (героическая) симфония (Es-dur), ор. 55 (1804) — 85, 287, 355.
— Увертюра „Леонора" № 1, ор. 138—333.
— Соната для ф.-п. и скрипки (A-dur), ор. 49, посв. Крейцеру — 66.
— Романс для скрипки (F-dur) — 66, 326.

Бильзе — дирижер, имевший в Берлине свой концертный зал — 163—165, 216, 339, 357.

Бисмарк кн. Отто (1815—1898) — германский канцлер — 198, 344.

Битнер — петербургский издатель — 261.

Бланков — корректор фирмы Юргенсона — 239.

Богуслав Флорентий Вячеславович (1848—1915) — дирижер оркестра московского Малого театра — 171.

Бок Густав — владелец музыкально-издательской фирмы, совместно с Эдуардом Ботэ — 37, 50, 80, 90, 97, 124, 125, 142, 145—147, 166, 173, 177, 178, 207.

Балахонцев — служащий Юргенсона — 83.

Болотов Андрей Тимофеевич (1738—1833) — писатель, автор известных записок „Жизнь и приключения Андрея Болотова" — 287.

Больков — фактический муж А. И. Чайковской — 184, 285.

Бонифаций — см. Сангурский Б.

Борис — см. Юргенсон Б. П.

Бортнянский Дмитрий Степанович (1751—1825) — композитор церковной музыки — 189—191, 194—199, 203—206, 208, 211, 221, 288, 291, 293, 296, 345, 350.

Боте и Бок — музыкально-издательская фирма в Берлине — 50, 146, 167, 329.

Бочечкаров Николай Львович (ум. 1879 г.) — близкий знакомый Чайковского — 21, 29, 36, 48—51, 58, 64, 85, 160.

Брандус (Брандус, Дюфур и К°) — крупная издательская фирма в Париже — 66, 90, 134, 299, 326.

Брассен Луи (1840—1884) — пианист, композитор, проф. Петербургской консерватории — 54, 55, 324, 357.

Брейткопф и Гертель — крупнейшая издательская фирма в Лейпциге 81, 328.

Брейтнер Людовик (р. 1855 г.) — пианист — 126, 275, 357.

Брикнер А. Г., „История Петра Великого" — 260, 263, 351.

Бродский Адольф (1851—1929) — скрипач, в 1875—1878 гг. преп. Московской консерватории — 35, 73, 207, 217, 219, 220, 247, 262, 321, 345—347, 350.

Брух Макс (1838—1920) — немецкий композитор — 216.
— 2-й скрипичный концерт (d-moll), ор. 44 — 216, 345.

Буренин Виктор Петрович (1841—1926) — поэт и критик, с конца семидесятых годов влиятельный сотрудник „Нового времени" — 193, 196, 351.

Бусслер Людвиг (1838—1901) — музыкальный теоретик — 258.

Бутц — петербургский ювелир — 309.

Буховцев Александр Никитич (1850—1897) — пианист, музыкальный педагог-теоретик, автор ряда учебников — 176, 252.

Буш Мориц, „Граф Бисмарк и его приближенные во время войны с Францией" — 91.

Бюлов бар. фон Ганс-Гвидо (1830—1894) — пианист, дирижер, музыкальный критик — 126, 164, 345, 357.

Бюргер — виолончелист — 253.

Бютнер — см. Ратер (Бютнер).

Бюхнер Ф. Ф. — флейтист, преп. Московской консерватории — 306.

Вагнер Рихард (1813—1883) — 104, 125, 126, 289, 290, 352, 355.
— Опера „Лоэнгрин" (1847) — 152, 338.
— „ „Гибель богов" („Gotterdämmerung") — 287, 355.

Валлон Анри, „Jeanne d'Arc" — 325.

Валтазар — по библии последний вавилонский царь — 344.

Вальнер Ф. Ф., опера „Граф фон-Глейхен" (поставлена в Казани в конце 1870-х гг.; изд. Юргенсона) — 100.

Василий — гравер фирмы Юргенсона — 47, 323.

Васильев Владимир Иванович (1828—1900) — певец (бас), артист Мариинского театра — 171.
Венявский Генрих Иосифович (1835—1880) — скрипач и композитор — 43, 62, 63, 66, 121, 122, 124, 136 326.
— „Легенда", ор. 17—326.
— Концерт для скрипки (a-moll) — 62, 63, 326.
Венявский Иосиф Иосифович (1837—1912) — пианист и композитор — 121—123.
Верди Джузеппе (1813—1901) — итальянский композитор — 288.
— Опера „Аида" (1871) —21, 95, 288.
— „ „Травиата" (1853) — 35, 319.
Верни Августа — певица (сопрано), в 1879—1883 гг. артистка московского Большого театра — 348.
Вигель Филипп Филиппович (1786—1856) — русский мемуарист, реакционер — 287.
Виллуан Александр Иванович (1808—1878) — ф.-п. преподаватель (учитель братьев Рубинштейнов), автор ф.-п. школы, изд. Юргенсоном — 143.
Вильборг В. И. (ум.) — пианист, ученик Клиндворта — 56, 138, 191, 195, 336, 349.
Виргилий Публий Марон — римский поэт — 227.
Войденова Елизавета Петровна — служащая магазина Юргенсона — 275.
Волков — знакомый Кашкина — 289.
Вольф Маврикий Осипович (1826—1883) — основатель издательской фирмы — 220.
Воронцов гр. Александр Романович (1741—1805) — государственный канцлер, автор „Записок о своем времени" — 287.
Вотан — прозвище К. Клиндворта (см.).
Второв Иван Алексеевич (1772—1844) — автор известных записок „Москва и Казань в начале XIX века" — 287.
Вячеслав Константинович, вел. кн. (1862—1879) — 84, 87, 328.

Гаврушкевич Иван Иванович (1814—1901) — скрипач-любитель, отставной чиновник — 280, 354.
Гаде Нильс-Вильгельм (1817—1890) — датский композитор — 171.
Галеви Жак-Фроманталь, опера „Жидовка" (1835) — 176.
Галлер Константин Петрович (1845—1888) — музыкальный критик — 353.
Галли Анатолий Иванович — пианист, преп. Московской консерватории — 238.
Гальвани Джакомо — в 1869—1887 гг. преп. пения Московской консерватории — 283.
Гамбетта Леон-Мишель (1838—1882) — французский политический деятель — 353.
Ган — издатель немецкой газеты — 57.
Ганслик Эдуард (1825—1904) — выдающийся немецкий музыкальный критик, проф. Венского университета — 63, 219, 220, 346, 347.
— „Vom Musikalisch-Schönen" — 62, 326.
Гаук Минни (р. 1852 г.) — американская оперная певица (сопрано), с большим успехом гастролировавшая в Европе — 85.
Гвозданович — следователь — 296.
Гебстнер — варшавский музыкальный издатель — 220.
Гейман Карл (р. 1854 г.) — немецкий пианист-виртуоз — 242, 349.
Гендель Георг-Фридрих (1685—1759) — 353.
— Опера „Alcina" (1735) — 66, 326.
— Оратория „Торжество звуков" — 333.
— Концерт № 6 — 325.
Гензельт Адольф Львович (1814—1889) — композитор, выдающийся пианист и педагог — 50, 120, 155, 249.
Генрих IV (1050—1106) — римско-германский император — 351.
Гербер Юлий Густавович (1831—1883) — скрипач, дирижер балета и инспектор музыки московского Большого театра — 261.
Гергард — знакомый Юргенсона — 216.
Гете Иоганн-Вольфганг (1749—1832) — 20, 33, 316, 318.
Гилев Сергей Васильевич (р. 1854 г.) — певец (баритон), первый исполнитель

партии Онегина на консерваторском спектакле, в год окончания консерватории (1879) — 32.

Гильф Арно (1858—1909) — скрипач, в 1878—1888 гг. второй концертмейстер и преподаватель Московской консерватории — 66, 121, 230, 275, 353.

Гирс Александр Александрович (р. 1850 г.) — член коронационной комиссии, впоследствии дипломат — 286.

Главач Войцех Иванович (1849—1907) — дирижер и композитор — 121, 139.

Глинка Михаил Иванович (1804—1857) — 19, 22, 23, 29, 35, 205, 307, 317.

— Опера „Жизнь за царя" (1836) — 129, 275.

— Испанские увертюры: Арагонская хота (1845) и Ночь в Мадриде (1851) — 18, 19, 95, 171, 316, 326.

- „Песня Маргариты" — 66, 326, 335.

Глюк Кристоф-Виллибальд, опера „Ифигения в Авлиде" (1772) — 326.

— Опера „Орфей" (1762) — 275, 353.

Гоголь Николай Васильевич (1809—1852) — 84, 320, 321.

Годар Бенжамен-Луп-Поль (1849—1895) — французский композитор — 310, 357.

Гольдмарк Карл, симфония „Ländliche Hochzeit", ор. 26 — 57, 325.

Гольдсмит — музыкант, сопровождавший Саразате — 216.

Гоппе — владелец типографии — 196.

Грег — музыкальный магазин в Париже — 65, 66.

Грейг Самуил Алексеевич (1827—1887) — министр финансов — 152.

Гржимали Иван Войцехович (1844—1915) — скрипач, проф. Московской консерватории, концертмейстер концертов Р. М. О. — 35, 121, 207, 217, 218, 230, 233, 247, 282, 283, 287, 33², 349.

Грибоедов Александр Сергеевич (1795—1829) — 141.

Григ Эдвард (1843—1907) — норвежский композитор — 171.

Григорий — слуга Н. Г. Рубинштейна — 185.

Григорий VII (XI в.) — папа римский — 351.

Григорович Дмитрий Васильевич (1822—1899) — писатель — 246, 350, 351.

Гринфельт — певица — 275.

Грюцмахер Фридрих-Вильгельм-Людвиг (1832—1903) — немецкий виолончелист-виртуоз и композитор — 35, 319.

Губерт Александра Ивановна, рожд. Баталина (1850—1937) — жена Н. А. Губерта, пианистка, преп. Московской консерватории, в 1889—1914 гг. инспектор ее — 33, 36, 61, 95, 96, 120, 122, 123, 133, 204, 212, 214, 227, 231—233, 236, 237, 242, 267, 287, 306, 308—310, 319, 325, 330, 333.

Губерт Николай Альбертович (1840—1888) — проф. теории музыки в Московской консерватории, в 1881—1883 гг. директор ее - 32, 34, 36, 96, 98, 102, 113, 114, 118, 120, 123, 125, 128, 129, 187, 189, 191, 195, 202—204, 215, 218, 226, 233, 241, 243, 246, 249, 251—253, 257, 261, 262, 266, 267, 278, 279, 282, 286, 287, 319, 342, 350, 351.

Гудим-Левковичи — приятели А. И. Чайковского — 289.

Гулак-Артемовская — аферистка — 51, 52, 324.

Гуно Шарль-Франсуа (1818—1893) — французский композитор — 298.

— Опера „Фауст" (1859) — 288, 296—299.

Гутхейль Александр Богданович (ум. 1883 г.) — основатель музыкально-издательской фирмы — 95, 101, 123, 133.

Давыдов Владимир Львович (1831—1906) — любимый племянник Чайковского, впоследствии наследник его авторских прав — 60, 318, 325.

Давыдов (Давидов) Карл Юльевич (1888—1889), — виолончелист-виртуоз, композитор, в 1876—1886 гг. директор Петербургской консерватории — 149, 169, 189, 193, 196, 204, 218, 221, 227, 349.

Давыдов Лев Васильевич (1837—1896) — сын декабриста, муж сестры Чайковского — 38, 53, 93, 94, 101, 110, 157, 158, 160, 187, 189, 198, 254, 255, 306, 321, 356.

Давыдов Николай Васильевич (ум. 1917 г.) — брат Л. В. Давыдова, владелец Каменки — 172, 215.

Давыдова Александра Аркадьевна (1849—1902) — жена К. Ю. Давыдова, издатель журнала „Мир божий" — 227, 248).
Давыдова Александра Ильинишна (1842—1891) — сестра Чайковского — 33, 38, 40, 53, 91, 93, 101—103, 135, 151, 187—189, 191, 195, 198, 208, 255, 256, 319, 321, 322.
Давыдова Вера Львовна (1863—1889) — племянница Чайковского, с 1881 г. жена Н. А. Римского-Корсакова — 210, 211, 345.
Давыдова Татьяна Львовна (1862—1886) — племянница Чайковского — 135, 191, 195, 275, 280, 290, 295, 298, 338, 343, 344, 353, 354.
Дамрош Леопольд (1832—1885) — скрипач и дирижер, основатель Нью-Йоркского симфонического общества — 139, 336.
Данте Алигьери (1265—1321) — 61.
Даргомыжский Александр Сергеевич, „Славянская тарантелла" — 127.
Де-Ана Генрих (1835—1892) — немецкий скрипач-виртуоз — 80, 82, 85.
Делаборт — пианист — 242, 249.
Делер Теодор (1814—1856) — итальянский пианист, композитор — 123.
Делиб Лео (1836—1891) — французский композитор — 260, 261.
— Балет „Sylvia ou la nymphe de Diane" (1876) — 351.
Денис — слуга одного из профессоров Московской консерватории — 36.
Дервиз фон Иван Григорьевич (1839—1891) — председатель правления Рязано-Уральской железной дороги — 185.
Диккенс Чарльз (1812—1870) — 320.
Дмитриев — артист московского Большого театра — 227, 229.
Дмитрий Васильевич — см. Разумовский Д. В.
Дмитрий Донской (1350—1389) — вел. кн. московский, одержавший победу над Мамаем — 190.
Додонов Александр Михайлович (1837—1914) — певец (тенор), в 1869—1890 гг. артист московского Большого театра — 32, 121.
Долгоруков кн. Владимир Андреевич (1810—1891) — с 1856 г. московский генерал-губернатор — 92, 191, 329.
„Дон-Жуан", опера — см. Моцарт.
Донауров Сергей Иванович (1839—1897)—композитор-дилетант, автор популярных в свое время романсов — 104, 106.
Доор Антон 1833—1919) — пианист-виртуоз, до 1869 г. проф. Московской консерватории, а затем — Венской консерватории — 20, 90.
Дютш, романс „Новгород велик" — 325.
Дьяговченко — московский фотограф — 80, 92.
Дюбюк Александр Иванович (1812—1897) — пианист, до 1873 г. проф. Московской консерватории — 61, 83, 325.
Дюссо — московская гостиница и ресторан — 115.

Екатерина II (1729—1796) — русская императрица — 57.
Екатерина Ивановна — см. Ларош Е. И.
Екатерина Михайловна вел. кн. (1827—1894) — дочь вел. кн. Михаила Павловича — 307—309, 357.
Елизавета Константиновна — см. Кашкина Е. К.
Есипова Анна Николаевна (1851—1914) — выдающаяся пианистка — 185, 242, 349.

Жедринский Владимир Александрович (1851—1892) — тов. прокурора Петербургского окружного суда, приятель А. И. Чайковского — 141, 162.
Жерар Сесиль-Жюль-Базиль (1817—1864) — французский офицер, приобревший европейскую известность охотами на львов во время службы в Алжире — 54, 324.
„Жидовка", опера — см. Галеви.
Жуковский Василий Андреевич (1783—1852) — 73, 325.

Задонская Анна Алексеевна — с 1881 г. почетный член Московского отделения Р. М. О. (за крупное пожертвование) — 191, 343.
Зайцев — композитор — 133.

Залесская Анастасия Карловна — жена генерал-майора, владелица магазина учебных пособий „Сотрудник школ“ (Москва) — 248.

Заремба Николай Иванович (1821—1879) — директор (1867—1872), проф. Петербургской консерватории (по классу теории) — 54.

Захарьин Григорий Антонович (1829—1897) — врач, известный терапевт — 184, 342.

Зверев Николай Сергеевич (1832—1893) — пианист, преп. Московской консерватории — 20, 36, 54, 57, 95, 114, 121, 125, 129, 202, 206, 208, 238, 247, 265, 279, 289.

Зембрих Марчелла (1858-1935) — знаменитая певица (колоратурное сопрано) — 185.

Зенф Бартольф (1815—1901) — основатель музыкально-издательской фирмы в Лейпциге, издатель произведений А. Рубинштейна в Германии — 164.

Зике Карл Карлович (1850—1890) — дирижер, проф. теории Московской (1881—1882) и Петербургской (1882—1889) консерваторий — 216, 218, 219, 308, 309, 345, 347.

Зилоти Александр Ильич (р. 1863 г.) — пианист, дирижер, в 1881 г. окончивший Московскую консерваторию — 289, 355.

Зильберштейн Моисей Иоакимович (1855—1928) — певец (тенор), в то время ученик Московской консерватории (не окончил) в 1884—1896 гг. артист Мариинского театра под фамилией Михайлов (с 1893 г., после крещения, принял имя Мих. Ив. Михайлова) — 32, 73, 327.

Зимрок Фриц (1838—1901) — берлинский издатель — 82.

Иванов Михаил Михайлович (1849—1927), — композитор, музыкальный критик (сотрудник „Нового времени“) — 139, 184, 185, 307, 336, 342, 357.

Иоанна д'Арк (Жанна д'Арк) (1412—1431) — мистически настроенная крестьянская девушка, под руководством которой французский отряд освободил осажденный город Орлеан. Была взята в плен англичанами и сожжена как колдунья — 60.

Иохим Иосиф (1831—1907) — скрипач-виртуоз, директор Высшей музыкальной школы в Берлине — 83, 85, 230.

Исаков Василий Николаевич (ум. 1912 г.) — певец-дилетант, сын генерал-адъютанта Н. В. Исакова — 221, 222, 232.

Иствуд — гувернантка детей Давыдовых — 256, 351.

Кавелин — 91.

„Калашников“, опера — см. Рубинштейн А.

Калашников Петр Иванович (1826—1897) — автор и переводчик ряда оперных либретто — 75.

Каменская Мария Даниловна (1852—1925) — певица (меццо-сопрано), артистка Мариинского театра — 75, 185, 226, 232, 262, 266.

Карепин Александр Митрофанович — московский фельетонист „Нового времени“ — 81.

Карлуша — см. Альбрехт К. К.

Карпов Алексей — гравер фирмы Юргенсона — 47, 311, 323.

Катков Михаил Никифорович (1818—1887) — реакционный публицист, редактор „Московских ведомостей“ — 187, 227, 309.

Кашкин Николай Дмитриевич (1839—1920) — проф. Московской консерватории по классу теории и истории музыки, музыкальный критик — 19, 20, 22, 33—36, 38, 40, 47, 49, 51, 52, 54, 56—58, 60, 67, 79, 80, 91, 93, 95, 96, 98—100, 102, 103, 113, 114, 116, 118, 121, 125, 129, 161, 168, 202, 205, 206, 208, 233, 238, 239, 258, 259, 265, 267, 282, 283, 289, 307, 319, 322, 325, 332, 340.

Кашкина Елизавета Константиновна (1846—1910) — жена Н. Д. Кашкина — 57, 98, 238.

Кашперов Владимир Никитич (1827—1894) — композитор, организатор бесплатных хоровых классов — 89, 90, 152.

Керубини Луиджи, опера „Wasserträger“ („Водовоз“) (1800) — 21.

Кистер (Кюстер) бар. Карл Карлович — статс-секретарь, управл. кассой министерства двора и императорскими театрами — 107, 115.

Клаус — 357.

Кленовский Николай Семенович (р. 1857 г.) — дирижер и композитор, в 1879 г.

окончивший Московскую консерваторию (помощник Н. Рубинштейна по управлению ученическим оркестром при постановке „Евгения Онегина") — 74, 306.

Клеффель — корректор — 188, 236.

Клименко Иван Александрович — архитектор, друг Чайковского — 122, 171, 175.

Клименко Михаил — служащий Юргенсона, рекомендованный Чайковским — 209, 211, 215, 220, 221, 227, 236, 264, 265.

Климентова, по мужу Муромцева, Мария Николаевна (р. 1856 г.) — певица (сопрано), в 1879 г. окончившая Московскую консерваторию, артистка московского Большого театра — 32, 62, 63, 91, 92, 103, 230, 348.

Климов Дмитрий Дмитриевич (р. 1850 г.) — пианист, преп. Петербургской консерватории — 238.

Климченко Андрей Михайлович (ум. 1909 г.) — до 1882 г. смотритель Петербургской консерватории, с 1891 г. и. о. председателя дирекции Петербургского отделения Р. М. О. — 243.

Клиндворт Генриетта — жена К. Клиндворта — 55, 61, 324.

Клиндворт Карл (1830—1916) — пианист, ученик Листа, с 1868 г. проф. Московской консерватории — 18, 19, 27, 28, 36, 38, 49, 52, 55, 58, 61, 76, 96, 98, 104, 108, 110, 125, 126, 138, 167, 171, 173, 184, 189, 191, 193, 195, 202, 203, 218, 220, 249—253, 262, 315, 347.

Козлов — служащий Юргенсона — 283, 288.

Козлов Александр Александрович (1837—1924) — московский обер-полицеймейстер, впоследствии (1905 г.) генерал-губернатор — 104, 115, 190.

Кокорев Василий Алексеевич (1817—1889) — владелец гостиницы в Москве — 257, 259.

Колонн Эдуард (1838—1910) — известный французский дирижер — 84, 88, 122 164, 329, 357.

Кольрейф — кредитор Чайковского — 202, 203, 206, 254, 255, 356.

Кольцов Алексей Васильевич (1808—1642) — поэт — 220.

Кондратьев Геннадий Петрович (1835—1905) — режиссер Мариинского театра — 140, 176.

Кондратьев Николай Дмитриевич (183?—1887) — помещик Харьковской губ., друг Чайковского — 48, 50, 84, 102—105, 120, 139, 160, 161, 220, 294, 308.

Кондратьева — 117.

Конради Алина Ивановна (1849—1932) — мать Н. Г. Конради — 252.

Конради Герман Карлович (1833—1882) — агроном, управляющий крупными имениями на Украине, отец Н. Г. Конради — 232, 234, 246, 248, 250.

Конради Николай Германович (1868—1923) — воспитанник М. И. Чайковского, полтавский помещик (Гранкино) — 23, 125, 218, 221, 232, 234, 246, 248, 252, 317, 348.

Константин Николаевич вел. кн. (1827—1892) — сын Николая I, президент Р. М. О. — 51, 79, 97, 100, 143, 177, 191, 272, 273, 323, 330.

Контский Антон Григорьевич (1816—1899) — пианист, композитор салонных пьес — 260.

Коншин Владимир Владимирович — брат жены А. И. Чайковского — 248.

Коншина П. В. — см. Чайковская П. В.

Коншины — семья жены А. И. Чайковского, крупные коммерсанты — 280, 287

Корганов — 280, 281.

Корсов Готфрид Готфридович (Богомир Богомирович) (1845—1920) — выдающийся певец (баритон), до 1882 г. артист петербургского и затем московского императорских театров — 54, 55, 275, 324.

Котек Иосиф Иосифович (1855—1885) — скрипач, приятель Чайковского — 21, 37, 38, 41—43, 48, 56, 58, 83, 85, 87, 97, 107, 108, 110, 112, 124, 126, 142, 163—165, 186, 216, 219, 247, 262, 271, 304, 334, 339, 346, 347, 350, 352.

Краевский Андрей Александрович (1810—1889) — журналист, редактор газеты „Голос" — 62.

Краузе Антон (1834—1907) — педагог (ф.-п.), дирижер, композитор — 252.

Кристин Фердинанд — французский эмигрант, состоявший в переписке с княжной В. И. Туркестановой (опубликовано) — 287.

Крутикова Александра Павловна (1851—1919) — певица (меццо-сопрано), артистка московского Большого театра — 275.
Крылов Виктор Александрович (1838—1906) — драматург — 217, 326.
Куперник Л. А. — 347.
„Купец Калашников", опера — см. Рубинштейн А. Г.
Кюи Цезарь Антонович (1835—1920) — композитор — 184, 341.
— Опера „Кавказский пленник" (1857) — 263.
— „ „Сын Мандарина" (1859) — 61, 326.
— Романс „Моя баловница" — 63, 326.
Кюнер В. В., опера „Тарас Бульба" (1880) — 171.

Лавровская — домовладелица в Мюнхене — 253.
Лавровская Елизавета Андреевна (1849 — 1919) — известная певица (контральто) — 35, 73, 246, 248, 307.
Лало Эдуард (1823—1892) — французский композитор, скрипач — 335.
Лангер Эдуард Леонтьевич (1835—1905) — преп. Московской консерватории, автор многих ф.-п. переложений оркестровых произведений русских авторов — 28, 49, 57, 58, 84, 101, 121, 125, 129, 152, 168, 171, 230, 257, 265, 287, 340, 352.
Лангханс Вильгельм (1832—1892) — скрипач, немецкий музыкальный писатель — 216.
Ларош Герман Августович (1845—1906) — музыкальный критик, в 1872—1879 гг. проф. Петербургской, в 1883—1886 гг. проф. Московской консерватории по классу теории и истории музыки — 49, 51, 61—63, 74, 90, 91, 95, 105, 121, 150, 164, 219, 238, 305, 307—309, 326, 331, 339, 356.
Ларош Екатерина Ивановна — жена Г. А. Лароша — 339.
Лауб Вячеслав Фердинандович (р. 1857 г.) — в то время учитель музыки в Екатерининском институте в Москве, композитор — 245.
Лашкарев Александр Григорьевич (1823—1898) — генерал-лейтенант, член совета министерства внутренних дел — 286.
Лебединский Ферапонт Васильевич — знакомый Чайковского — 215.
Левенсон Осип Яковлевич (ум. 1892 г.) — музыкальный критик, сотрудник „Русских ведомостей" — 95, 170, 171, 184, 220, 276, 342, 347, 354.
Лейброк — музыкальный издатель — 248.
Лейкарт — музыкально-издательская фирма в Лейпциге — 22, 30, 31, 33—35, 37.
Ленский Дмитрий Тимофеевич (1805—1860) — водевилист (сборник „Театр Д. Т. Ленского", изд. 1874) — 42.
Леонова Дарья Михайловна (1835—1896) — певица (контральто), артистка императорских театров — 246, 248.
Лермонтов Михаил Юрьевич (1814—1841) — 248, 259, 350, 351.
Лессман Отто (р. 1844 г.) — немецкий музыкальный педагог — 249.
Лешетицкий Федор Иванович (1831—1915) — пианист — 260.
Ливен княгиня — дама-патронесса — 220.
Лист Франц (1811—1886) — 127, 138, 139, 222, 353.
— Симфоническая поэма „Héroide funebre" — 289, 355.
— Кантата „Страссбургские колокола" — 123.
— „Danse macabre" для ф.-п. с оркестром — 355.
— Полонез из оперы „Евгений Онегин" Чайковского. Транскрипция для ф.-п. — 127, 138, 141, 354.
Лишин Григорий Андреевич (1854—1888) — композитор-дилетант, переводчик оперных либретто — 75, 216, 217.
Лодий Петр Андреевич (1852—1920) — оперный певец (тенор), педагог — 73.
Лонгфелло Генри (1807—1882) — американский поэт — 85.
Лорис-Меликов гр. Михаил Тариэлович (1825—1888) — в 1879 г. во время чумы временный астраханский генерал-губернатор — 81.
Лугерт — 66.
Лукашевич Николай Александрович — член дирекции императорских театров, начальник репертуара — 115, 117, 143.

Лукин Александр Петрович (ум. 1905 г.) — журналист, сотрудник „Русских ведомостей" — 61, 81, 91, 328.
Лукка — итальянский музыкальный издатель — 122.
Львов Алексей Федорович (1798—1870) — композитор, автор переложений для церковного пения — 33.
Людмила Николаевна — служащая Юргенсона — 19, 36.
Людовиг (Людвиг) II (1845—1886) — король баварский, почитатель Вагнера — 290, 355.
Люценко Любовь — певица, в 1876—1880 гг. артистка московского Большого театра — 32.
Ляпунов Сергей Михайлович (1859—1924) — композитор, в 1883 г. окончивший Московскую консерваторию — 306.

„Мадридская ночь", увертюра — см. Глинка.
Мазурина Надежда Митрофановна (ум. 1911 г.) — дочь фабриканта, пианистка, впоследствии жена А. А. Брандукова — 184, 342.
Майков Аполлон Николаевич (1821—1897) — поэт — 281, 289, 355.
Макаров — композитор — 260.
Макарова Мария Александровна — певица (сопрано), в 1879—1882 гг. артистка Мариинского театра — 63, 169, 185, 232, 326.
Маков Лев Саввич (1830—1883) — министр почт и телеграфов — 286, 355.
Макс — см. Эрдмансдерфер.
Маламa — знакомая А. И. Чайковской — 27.
Маловемова София Александровна — пианистка, проф. Петербургской консерватории — 248, 307, 308, 357.
Мамонтова Мария Александровна — деятельница в области детского воспитания — 46, 48, 91, 322.
Мария Федоровна (1847—1928) — жена Александра III — 257.
Марфа — 36.
Мария Марковна — корреспондентка Чайковского — 276.
Маслов Иван Ильич — управляющий московской удельной конторой, приятель Тургенева — 89, 191, 249.
Масловский — учитель школы в Каменке — 188, 191.
Масловы — орловские помещики, друзья С. И. Танеева — 193, 199.
Масман — акушерка — 184.
Мейербер Джакомо (1791—1864) — 217, 352.
— Опера „Пророк" — 140.
Мейков — владелец музыкального магазина в Москве — 91, 133.
Мейн Александр Данилович (1836—1899) — московский банковский деятель — 74.
Мекк фон Надежда Филаретовна (1831—1894) — миллионерша, меценатка Чайковского — 29, 38, 52, 53, 99, 100, 122, 153, 155, 157, 159, 175, 186, 192, 204, 254, 272, 295, 309, 316—320, 322—325, 327—330, 332—334, 336—338, 341—345, 349, 352, 354, 356.
Мельников Иван Александрович (1831—1906)—певец (баритон), артист Мариинского театра — 169, 171, 275, 307.
Мельцер, „Дитя-пианист" — 176.
Мендельсон-Бартольди, симфония № 3 (a-moll), ор. 56—66, 326.
— Концерт для скрипки (e-moll), ор. 64—121, 333.
Ментер София (1846—1918) — известная пианистка, ученица Листа — 240, 349.
Мерелли — антрепренер итальянской оперы — 107.
Мерме Огюст, опера „Jeanne d'Arc" (1876) — 53, 55, 65, 324, 325.
Мессер Юрий — преп. Московской консерватории, корректор Юргенсона, автор нескольких ф.-п. произведений — 95, 97, 100—104, 106—108, 110—117, 126, 143, 148, 150, 152, 162, 163, 166, 304, 330, 338.
Милан I (1854—1901) — с 1882 г. сербский король — 277.
Милорадович Мария Михайловна — певица (сопрано), преп. Московской консерватории — 287.

Милюкова Мария Ивановна — сестра жены Чайковского — 100, 102, 105, 147, 184
Милюкова Ольга — мать жены Чайковского — 151, 152, 184.
Мишель — см. Мишле.
Мишле — московский представитель французского Общества композиторов и музыкальных издателей — 267, 288, 290, 295, 298, 299.
Моисеева — композитор-дилетант — 51.
Молас — компаньонка Т. Л. Давыдовой — 278.
Мольер Жан-Батист-Поклен (1622 - 1673) — 321.
Монюшко Станислав, опера „Графиня" — 56, 325.
Мордвинов гр. Николай Семенович (1754—1845) — государственный деятель — 287.
„Москва в родной поэзии", сборник — 168, 172, 340.
Моцарт Вольфганг-Амедей (1756—1791) — 274, 352, 353.
— Опера „Дон-Жуан" (1787)—353.
— „ „Свадьба Фигаро" (1786)—272, 353.
Муромцева — 50, 91.
Мусоргский Модест Петрович (1839—1881)—263.

Наполеон I (1769—1821)—353.
Наполеон, принц (1822—1891) — племянник Наполеона I, претендент на престол, выпустивший манифест против республиканского правительства — 273, 353.
Направник Эдуард Францевич (1839—1916) — дирижер петербургской оперы, композитор, член главной дирекции Р. М. О. — 115, 117 - 119, 121, 133, 140, 141, 143, 144, 146, 147, 149, 153, 158, 168—171, 176, 177, 188, 218, 221, 227, 232, 241, 242, 262, 266, 278, 306—308, 333, 337, 341, 347, 348, 352, 354, 357.
— Опера „Нижегородцы" (1868)—119, 227.
— Симфония „Демон" (1874) — 119.
— Трио g-moll, op. 24—146.
Нейперт Эдмунд (1842—1888) — пианист, в 1881—1883 гг. преп. Московской консерватории — 171.
Нейтцель Отто (1852—1920) — пианист, в 1881—1884 гг. преп. Московской консерватории — 204, 217, 251, 252, 344.
Некрасов Николай Алексеевич (1821—1877) — 236.
Немрод — внук библейского Хама, страстный охотник — 54, 324.
Николаи — музыкальный магазин в Москве — 91.
Николай Львович — см. Бочечкаров.
Ниссен-Саломан Генриетта (1819—1879) — известная шведская певица, жена композитора Саломана — 171.
„Норма", опера — см. Беллини.
Нос Андрей Евдокимович — московский присяжный поверенный — 295.

Одоевский кн. Владимир Федорович (1803—1869) — писатель, один из директоров Московского отделения Р.М.О. — 98.
Оллендорф, „Самоучитель французского языка" —85.
Ольга Ивановна — см. Соц О. И.
Ольденбургский принц Петр Георгиевич (1812—1881) — попечитель Училища правоведения — 249.
Орлов Дмитрий Алексеевич (р. 1842 г.) — певец (тенор), артист Мариинского театра — 169, 308.
Островский Александр Николаевич (1823—1886) — 230.

Пабст Павел Августович (1854—1897) — пианист, композитор, проф. Московской консерватории — 82, 121, 170, 171, 230, 242, 281, 326, 349.
— Paraphrase de Concert sur l'opéra „Eugen Onegin", op. 81—121, 141.
Паганини Никколо (1784—1840) — знаменитый скрипач-виртуоз — 335.
Паделу Жюль-Этьен (1819—1887) — известный парижский дирижер — 84, 88, 357.

Панаева Александра Валерьяновна (р. 1853 г.) — певица (не профессиональная) ученица Виардо — 35, 73, 75, 319.
Паприц Е. Э. — певица — 56, 325.
Пастухов — купец, — 51, 52, 324.
Перголезе Джованни-Батиста (1710—1736) — итальянский композитор — 325.
Переслени — родственница Давыдовых — 46.
Перфильев Степан Степанович (ум. 1908 г.) — в то время директор почтового департамента — 286, 355
Петерсен Павел Леонтьевич (1831—1895) — пианист, совладелец ф.-п. фабрики Беккера, член дирекции Р.М.О. — 105, 140, 287.
Петр I (1672—1725) — 57.
Петров — композитор — 260.
Печковская Елена Петровна (р. 1879 г.) — дочь Н. Н. Печковской—74, 76, 327.
Печковская Наталия Николаевна (1850—1930) — владелица конторы по приему объявлений и подписки на периодические издания, неофициальная жена Юргенсона — 146, 147, 191, 197, 198, 205, 225, 247, 287, 319, 325, 327, 345.
Плещеев Алексей Николаевич (1825—1893) — поэт — 216, 217.
Победоносцев Константин Петрович (1827—1906) — обер-прокурор синода, крайний реакционер — 291, 355, 356.
Поздирен — управляющий нотопечатней Юргенсона — 226.
Полонский Яков Петрович (1819—1898) — 281.
Попов Константин Семенович (1850—1919) — директор чайной торговли бр. К. и С. Поповы, член дирекции Р.М.О. — 195.
„Пророк", опера — см. Мейербер.
Прянишников Ипполит Петрович (1847—1921) — певец (баритон), в 1878—1885 гг. артист Мариинского театра — 73, 169, 238, 248, 307.
Пургольд — см. Римская-Корсакова Н. Н.
Пушкин Александр Сергеевич (1799—1837) — 168, 193, 351.

Рааб Вильгельмина Ивановна — певица, артистка Мариинского театра — 169, 171, 308.
Раевская — певица — 335.
Раевский Н. Д. — 86.
Размадзе Александр Соломонович (1845—1896) — музыкальный критик, сотрудничавший в нескольких периодических изданиях — 61, 81, 82, 95, 242, 243, 349.
Разумовский Дмитрий Васильевич (1818—1889) — протоиерей, проф. истории церковной музыки в Московской консерватории — 34, 54, 86, 94, 125, 190, 328.
Рассохин Сергей Федорович — владелец театрального бюро — 42, 213.
Ратер (Бютнер) — музыкальный издатель в Гамбурге — 139, 171, 175, 185, 275, 278, 282, 289, 304.
Рафаэль Санти (1483—1520) — 60.
Рафф Иосиф-Иохим (1822—1882) — немецкий композитор — 275.
— Фантазия для ф.-п.—353.
Редер Карл-Готлиб (1812—1883) — владелец крупнейшей нотопечатни в Лейпциге — 61.
Рейнеке Карл (1824—1910) — композитор, дирижер концертов Гевандгаузена в Лейпциге — 195.
Риба Иосиф Вячеславович (1821—1895) — пианист, педагог, автор рациональной методы ф.-п. игры — 50, 120 249.
Рикорди Джулио (1840—1912) — владелец крупнейшей итальянской издательской фирмы, основанной его отцом — 288.
Римская-Корсакова, рожд. Пургольд Надежда Николаевна (1848—1919) — пианистка, жена композитора — 171, 173.
Римский-Корсаков Николай Александрович (р. 1852 г.) — адъютант вел. кн. Константина Николаевича, муж В. Л. Давыдовой — 345.
Римский-Корсаков Николай Андреевич (1844—1908) — 90, 93, 189, 230, 248, 274, 284, 292, 348, 350.

— Опера „Снегурочка“ (1882) — 226, 348.
— „ „Ночь перед Рождеством“ (1895) — 348.
— Симфоническая музыкальная картина „Садко“ — 57.
Рихтер Ганс (1843—1916) — выдающийся дирижер — 345.
Рихтер Петр Александрович (1829—1895) — председатель коронационной комиссии — 207, 289, 301, 302.
Родиславский Владимир Иванович — чиновник канцелярии московского ген.-губернатора, деятель Общества драматических писателей — 58.
Розанов — солдат Покровских казарм — 283.
Ротшильд — миллиардер — 83.
Рубинштейн Антон Григорьевич (1829—1894) — пианист, дирижер, композитор, один из основателей Р.М.О. — 140—143, 154, 155, 164—166, 185, 186, 189, 242, 243, 245, 246, 248, 249, 261, 284, 286, 287, 289, 301, 337, 350, 356.
— Опера „Купец Калашников“ (1880) — 100, 140, 141, 155, 196, 336.
— „ „Маккавеи“ (1875) — 286.
— „ „Нерон“ (1877) — 126, 165, 334, 340.
— Балет „Виноградная лоза“ — 261.
— Драматическая симфония № 4 (d-moll), ор. 4—333.
— Музыкальная картина „Россия“ (1882) — 245, 246, 257, 350.
— Caprice russe (ор. 102) — 122, 333.
— Романс „Отворите мне темницу“ — 245.
Рубинштейн Николай Григорьевич (1835—1881) — пианист и дирижер, основатель Московского отделения Р.М.О. и консерватории — 19, 20, 27, 28, 32, 35, 36, 43, 45, 50, 51, 53—56, 61—64, 66, 73, 74, 76—82, 87, 89, 93, 97, 98, 100, 102, 103, 105 113—116, 118, 119, 121, 122, 125, 126, 128, 129, 134, 140—142, 144, 152, 155, 156, 162, 165 169, 172, 173, 184—187, 191, 195, 198, 202, 204, 206, 218, 228, 233, 242, 249, 287, 301, 316—319, 321—325, 327—329, 333—337, 339—342, 347—349, 355.
— „Souvenir-Album. (1835—1881)“—221, 222, 227, 347.

Савина Мария Гавриловна (1854—1916) — выдающаяся драматическая артистка Александринского театра — 191.
Сазиков Сергей Игнатьевич — владелец московской фирмы серебряных изделий — 133.
Саломан Зигфрид (1816—1889) — шведский скрипач, композитор — 171.
Самарин Иван Васильевич (1817—1885) — артист московского Малого театра; преподавал в консерватории драматическое искусство — 32, 125, 279, 318, 334.
Сангурский Бонифаций (р. 1865 г.) — ученик Школы живописи и ваяния, впоследствии учитель рисования — 172, 188, 204, 340, 343.
Сангурский — брат Б. Сангурского — 252.
Сарасате Пабло (1844—1908)—известный испанский скрипач — 109, 216, 345, 346.
Свендсен Иоганн-Северин, симфония № 2 (B-dur), ор. 15 — 326.
Свет — музыкант, автор переложений произведений Чайковского для скрипки — 245, 287, 291.
Сгамбати Джованни (1843—1914) — итальянский пианист, дирижер, инструментальный композитор — 222.
Семирадский Генрих Ипполитович (1843—1902) — исторический живописец — 126, 334.
Сен-Санс Шарль-Камилл (1835—1921) — французский композитор — 88, 285, 288, 326, 329, 339.
— Опера „Генрих VIII“ (1883) — 285, 288, 354, 355.
— „ „Самсон и Далила“ (1877) — 63, 326.
Сергиевский — духовный цензор — 259.
Серов Александр Николаевич (1820—1871) — композитор, музыкальный критик — 274.
— Оперы „Вражья сила“ и „Юдифь“ — 189, 191.
Сетов Осип Яковлевич (1835—1894) — антрепренер киевской оперы — 230.

Симаков Иван Ефимович — крестьянин, автор курьезного либретто „Саша и Ваня“ — 161, 164, 338.

Сионицкая, с 1884 г. Дейша-Сионицкая Мария Адриановна (1861—1929) — певица (сопрано), артистка петербургской сцены (дебют в 1883 г.) — 308.

Скот Вальтер (1771—1831) — знаменитый английский романист — 171.

Скриб Огюстен-Эжен (1791—1861) — популярный французский драматург, автор нескольких либретто — 217.

Славина Мария Акександровна (р. 1858 г.) — выдающаяся певица (меццо-сопрано), артистка Мариинского театра — 307.

Смирнов И. И. — книготорговец, незаконно издавший либретто „Евгения Онегина“ — 250.

Соболев — газетный фельетонист — 61.

Соколов Василий — знакомый Чайковского — 91.

Соколов Владимир Тимофеевич (ум. 1890 г.) — самоучка-композитор, автор романсов, одно время субъинспектор Петербургской консерватории — 190, 211, 214.

Соловов — 35.

Соловьев — владелец книжного магазина — 42, 91.

Сорѐ Эмиль (1852—1920) — французский скрипач-виртуоз — 217, 220, 346.

Софронов Алексей Иванович (1859 1925) — слуга Чайковского с 1871 г. — 18, 44, 50, 67, 85, 106, 112, 114, 149, 158, 160, 192, 195, 198, 201, 281, 283, 284, 303, 315, 323, 343.

Софронов Михаил Иванович (1848—1932) — брат А. И. Софронова, первый слуга Чайковского, впоследствии служащий Юргенсона — 50, 82, 83, 85, 149, 323.

Соц Ольга Ивановна — сестра С. И. Юргенсон — 220, 225.

Стасов Владимир Васильевич (1824—1906) — 22. 77—79, 81, 91, 93, 115, 324, 327.

Стасов Дмитрий Васильевич (1828—1918) — петербургский присяжный поверенный — 93, 95, 239, 332.

Стелловский Ф. — владелец музыкально-издательской фирмы — 171.

Степанов А. — художник — 60, 325.

Суворин Алексей Сергеевич (1834—1911) — издатель „Нового времени“ — 77, 81.

Сумбул Леонид Николаевич (ум. 1900 г.) — московский домовладелец, гласный думы — 187.

Танеев Владимир Иванович (1840—1921) — брат композитора — 103.

Танеев Сергей Иванович (1856—1915) — композитор, пианист, с 1878 г. профессор, в 1885—1889 гг. директор Московской консерватории — 27, 28, 31, 35, 38, 45, 47, 52, 53, 66, 74, 82, 91, 93, 95, 96, 103, 111, 114, 118, 119, 123, 128, 134, 136, 149, 152, 165, 168, 172, 193, 199, 202, 203, 219, 233, 238, 239, 243, 245, 246, 248, 251, 252, 258, 267, 273, 274, 279, 282—284, 289, 309, 317, 318, 326, 327, 332—336, 338, 340, 344, 349—355.

— Вторая симфония (b-moll) — 45, 322.

Тарновский Константин Августович (1826—1892) — драматург, инспектор репертуара московских императорских театров, автор ряда романсов — 99.

Терминская Моника Викентьевна (р. 1850 г.) — пианистка, ученица А. Рубинштейна — 248.

Ткаченко Леонтий Григорьевич (1857—1921) — знакомый Чайковского, в судьбе которого он принимал большое участие — 205, 256, 345.

Токарев Владимир Николаевич — член совета министерства внутренних дел — 286.

Толстой Лев Николаевич (1828—1910) — 329.

Томсен — композитор — 95.

Третьяков Сергей Михайлович (1834—1892) — крупный коммерсант, вместе с братом создавший Третьяковскую галлерею, член дирекции Московского отделения Р. М. О. — 58, 74, 157—159, 185, 195, 197, 219, 220, 228, 246, 249, 257, 266, 282, 283, 286, 287, 295, 328, 347, 350, 355, 356.

Трубецкой кн. — помещик Пензенской губернии — 51.

Трубецкой кн. Василий Андреевич (1856—1920) — офицер — 343.

Трубецкой кн. Петр Николаевич (1858—1911) — член дирекции Московского отделения Р. М. О. (сезоны 1881—1882 и следующий) — 249.

Тургенев Иван Сергеевич (1818—1883) — 89, 90.

Ульман — импрессарио — 79, 81.

Фаворский — 91.
„Фауст", опера — см. Гуно.
Федор Федорович — служащий Юргенсона — 259.
Филатов Нил Федорович (1847—1902) — известный врач по детским болезням — 225.
Филипп V (1700—1746) — испанский король — 297.
Филиппов Тертий Иванович (1827—1899) — товарищ государственного контролера, собиратель народных песен, друг Балакирева — 248, 350.
Фитценхаген Вильгельм Федорович (1848—1890) — виолончелист-виртуоз, проф. Московской консерватории — 22, 30, 33, 35, 57, 58, 60, 101, 123, 125, 136, 202, 204, 218, 220, 230, 233, 247, 257—259, 261, 266, 267, 287, 289, 319, 325, 331, 349, 351.
Фихтнер-Эрдмансдерфер Паулина (1847—1916) — пианистка, жена Макса Эрдмансдерфера — 274, 275, 284, 353, 354.
Фишер Фридрих-Теодор (1807—1888) — немецкий писатель по вопросам искусства — 346.
Флеров Сергей Васильевич (псевдонимы: С. Васильев, Ignotus) (1841—1901) — журналист, музыкальный рецензент „Московских ведомостей" — 235, 239, 243, 349.
Фосс — 240.
Фриденталь Ф. — пианистка, окончившая Московскую консерваторию в 1880 г. — 126, 334.
Фроловский Александр Филаретович (ум. 1913? г.) — брат Н. Ф. фон-Мекк, служащий жел. дороги — 123, 309.
Фюрер Отто Р. (ум. 1906 г.) — певец (бас), в 1876—1889 гг. артист московского Большого театра — 32.
Фюрстнер — немецкий музыкальный издатель — 124, 125, 134, 135, 218, 249, 251, 334.

Хмелевский — московский адвокат — 184, 185.
Хохлов Павел Акинфиевич (1854—1919) — певец (баритон), артист московского Большого театра — 230.
Христофоров Николай Иосифович — заведующий театральной библиотекой петербургских императорских театров — 115.

Цицерон (106—43 до н. э.) — 329.

Чайковская Антонина Ивановна (1849—1917) — жена композитора — 27, 34, 38, 40—45, 47, 48, 61, 62, 64, 72, 91, 94—97, 99—103, 105, 110, 117, 119, 120, 127, 129, 133, 135, 146, 148, 150—152, 184—186, 285, 288, 315, 319—322, 326, 329.
Чайковская Елизавета Михайловна — мачеха композитора — 120.
Чайковская Прасковья Владимировна, рожд. Коншина — жена А. И. Чайковского — 242, 243, 247, 250, 280, 281.
Чайковский Анатолий Ильич (1850—1915) — брат композитора, в то время тов. прокурора петербургского, а затем московского окружного суда — 20, 21, 34, 35, 45, 47, 50, 51, 54, 64, 65, 71, 72, 85, 90, 94, 97, 99—102, 105, 106, 113, 117, 120, 133, 141, 142, 146—148, 151, 152, 156, 159, 162, 164, 166, 167, 169—172, 178, 183—185, 187, 189, 191, 193, 195, 198, 199, 202, 203, 206, 207, 211, 214, 217, 220, 226, 227, 230, 232, 234, 236, 240—243, 247, 248, 250, 252, 259, 264, 273, 277, 281, 287, 289—291, 298, 300, 301, 303, 319, 321, 322, 326, 330, 331, 337, 339, 343, 344, 346, 348, 355, 356.
Чайковский В. (однофамилец) — провизор — 154, 155, 338.
Чайковский Илья Петрович (1795—1880) — отец композитора, горный инженер, в то время в отставке — 50, 135—137.
Чайковский Модест Ильич (1850—1916) — брат композитора, впоследствии драматург, автор нескольких оперных либретто и трехтомной биографии Чайковского, основатель Клинского музея — 23, 35, 37, 48—51, 72, 106, 107, 122, 125, 127, 129, 136, 142, 151, 152, 162, 188, 192, 213, 218, 220, 221, 229, 232, 234, 236, 241, 243, 246—248, 250, 252, 255, 266, 271, 275, 278, 293, 295, 297, 298, 301, 319—321, 323, 325, 327, 328, 330, 339, 343, 346, 348, 350, 354, 356.

Чайковский Николай Ильич (1838—1911) — брат композитора, горный инженер — 106, 162, 311.

Чиардулли — владелец нотного магазина в Неаполе — 57, 86.

Чичерин Борис Николаевич (1828—1903) — философ, либеральный общественный деятель, московский городской голова — 91, 283, 286, 355.

Шарвенка — 56.

Шарко Жан-Мартен (1825—1893) — знаменитый французский невропатолог и психиатр — 275, 354.

Шашина Аделаида Сергеевна (ум. 1890 г.) — певица, автор нескольких романсов — 260.

Шекспир Уильям (1564—1616) — 354.

Шель-Фитингоф Б. А., опера „Демон" („Тамара") (1871) — 57, 325.

Шеншин Дмитрий Семенович — генерал-майор, кредитор Чайковского — 158, 160, 237, 242, 338.

Шестакова Людмила Ивановна (1816—1906) — сестра Глинки, пропагандистка и издательница его произведений — 22.

Шефер Александр Николаевич — пианист-педагог, автор многочисленных переложений произведений русских композиторов для ф-п. — 350.

Шидловский Александр Иванович — бывший репетитор детей Давыдовых — 353.

Шиллер Иоганн-Фридрих (1759—1805) — 73, 192, 228, 325.

Шкот Вальтер — см. Скот Вальтер.

Шнауберт — врач — 248.

Шопен Фредерик (1809—1849) — 22, 220.

Шостаковский Петр Адамович (1853—1916) — пианист, основатель музыкальной школы, один из основателей московского Филармонического общества — 50, 73, 91, 284, 323—325, 354.

Шотт — крупнейшая немецкая музыкально-издательская фирма — 126.

Шуберт Франц (1797—1828) — 22.

— „Песня Маргариты" — 66, 326.

Шуданс — музыкально-издательская фирма в Париже — 65, 288, 289, 296—300.

Шульцен-Астен — певица — 80, 82.

Шуман Клара — пианистка, жена композитора — 218.

Шуман Роберт (1810—1856) — 22, 169, 352.

— „Реквием" (1852) — 242.

Щуровский Петр Андреевич (р. 1850 г.) — дирижер императорских театров — 50.

Эккерт К., Концерт для виолончели (d-moll), ор. 26 — 123.

Эмануэль — дирижер Большого театра — 230.

Эрдмансдерфер Макс (1848—1905) — в 1882—1883 гг. проф. Московской консерватории, в 1882—1889 гг. дирижер симфонических собраний Р. М. О. — 189, 220, 226, 230, 261, 262, 266, 267, 274—276, 278, 279, 282—284, 286, 289, 306, 311, 352, 353.

— Соната для ф.-п. и скрипки (e-moll), ор. 25 —353.

Эрдмансдерфер Паулина — см. Фихтнер-Эрдмансдерфер.

Эрлер — немецкий музыкальный издатель — 124, 125.

Эскюдье Леон (1821—1881) — владелец французской издательской фирмы, издатель музыкального журнала „L'art musical" — 57.

Юргенсон Александра Петровна (р. 1869 г.) — дочь П. И. Юргенсона, художница — 225.

Юргенсон Алеша (ум. 1882 г. в детском возрасте) — сын П. И. Юргенсона — 228, 229.

Юргенсон Борис Петрович (1868—1935) — сын П. И. Юргенсона, впоследствии совладелец фирмы, автор аннотированного каталога произведений Чайковского — 18, 22, 191, 225, 241, 315, 331.

Юргенсон Григорий Петрович (1872—1936) — сын П. И. Юргенсона, впоследствии совладелец фирмы — 220.

Юргенсон Осип (Иосиф) Иванович (1829—1910) — брат П. И. Юргенсона, владелец нотного магазина в Петербурге, комиссионер изданий своего брата — 51, 59, 61, 64, 65, 71, 90, 113, 119, 120, 133, 140, 141, 156, 176, 187, 188, 195, 197, 239, 259, 266, 272, 285, 289, 294, 295, 301, 302, 305—307, 311, 323.
Юргенсон София Ивановна (1840—1911) — жена П. И. Юргенсона — 17—19, 28, 32, 33, 36, 38, 39, 45, 60, 61, 74, 78, 89, 96, 113, 140, 184, 189, 191, 197, 209, 225, 228, 229, 239, 241, 252, 256, 308, 315, 319, 330, 331.

Яблочков Павел Николаевич (1847—1894) — изобретатель электрической свечи — 79, 139.
Яковлев Сергей Павлович (1837—1906) — владелец типографии, член дирекции Московского отделения Р. М. О. — 58, 67, 228.

André (Андрэ) — музыкальный издатель — 263.
Andreoli (Андреоли Карл) (р. 1840 г.) — пианист, проф. Миланской консерватории — 136.

Bauche — скрипачка-вундеркинд — 248.
Bazzini (Баццини Антонио) (1818—1897) — итальянский композитор — 123.
Brassin — см. Брассен.
Breitner — см. Брейтнер.

Cerfbeer — корреспондентка Чайковского — 175.
Choudens — см. Шуданс.
Ciardulli — см. Чиардулли.
Colonne — см. Колонн.
Cramer, „50 Etudes", revue par Bülov — 101.

Erdmannsdörfer — см. Эрдмансдерфер.

Fürstner — см. Фюрстнер.

Georges Sand (Жорж Санд) — псевдоним французской романистки Авроры Дюдеван — 99.
Gregh — см. Грег.

Hammelle J. (ancienne maison J. Mahr) — парижский музыкальный издатель — 291.

Ketterer (Кеттерер Эжен) (1831—1870) — пианист, популярный композитор салонных пьес — 65.

Leuckart — см. Лейкарт.
Lucca — см. Лукка.

Marie (Мари) — горничная отеля в Кларане — 85.
Mayor — владелица виллы Ришелье в Кларане — 33, 85.
Mermet — см. Мерме.

Noske (Носке) — гравер — 263.

Pabst Paul — см. Пабст.

Rather — см. Ратер.
„Roméo et Juliette", симфония-кантата — см. Берлиоз.
Rummel (Руммель Август) (1824—1886) — пианист — 126.

Swert de (Сверт де) — музыкант, автор нескольких переложений — 258, 351.

„Wasserträger", опера — см. Керубини.

Zyler von Alla — американка, корреспондентка Чайковского — 119, 333.

Указатель произведений П. И. Чайковского

Для сцены (оперы, балет, музыка к драматическим произведениям):

„Ванька-Ключник", проект оперы (неосуществившийся) — 213, 215—117, 221, 347.

„Евгений Онегин", оп. (лирические сцены) в 3 действиях (7 картин), ор. 24 (1878)— 18, 22, 28, 31—33, 35, 37, 38, 41, 42, 44, 45, 47, 51, 52, 56, 62—64, 72—76, 82, 84, 87—89, 91, 92, 95—98, 100—106, 109, 110, 112, 116, 117, 119, 121, 122, 126, 127, 134, 137—139, 142, 144, 145, 155—157, 184, 197, 218, 219, 226, 227, 230, 250, 307, 310, 311, 315, 318, 322, 323, 325, 327, 329—331, 336—338, 342, 350, 354.

„Кузнец Вакула", оп. в 3 действиях (7 картин), ор. 14 (1874) — 34, 157, 196.

„Мазепа", оп. в 3 действиях (6 картин) (1881—1883) — 193, 196, 208, 213, 259, 260, 266, 271, 272, 274—276, 278, 280, 284—286, 290, 291, 295, 302—304, 306—311, 351—356,

„Опричник", оп. в 4 действиях (1872), — 52, 134, 142, 145, 156, 170, 266, 274.

„Орлеанская дева", оп. в 4 действиях (6 картин) (1879), посвящена Э. Ф. Направнику — 60, 72, 74, 75, 79, 81, 91, 96—100, 102—110, 112—115, 117—119, 122, 137, 138, 140, 143, 144, 146—149, 151—155, 157—161, 167—176, 178, 185—188, 192, 197, 202, 203, 226, 227, 230, 232, 234, 237, 255, 256, 262—264, 266, 272, 275, 301, 304, 307, 325, 327, 332, 333, 335, 337, 338, 341, 342, 350, 352, 353, 356, 357.

„Снегурочка", музыка к весенней сказке Островского, ор. 12 (1873) — 101, 169, 348.

„Лебединое озеро", бал. в 4 действиях, ор. 20 (1876) — 202, 249, 260, 261, 351.

„Черевички", оп. в 4 действиях (8 картин) (1885) [2-я редакция оп. „Кузнец Вакула"] — 348.

Для оркестра:

1-я симфония „Зимние грезы" (g-moll), ор 13 (1866), посвящена Н. Г. Рубинштейну — 168, 311.

2-я симфония (c-moll), ор. 17 (1872), посвящена Московскому отделению Р. М. О.— 120—123, 127, 134—137, 145, 147, 168, 170, 177, 178, 185, 216, 274, 335, 341, 342, 345.

3-я симфония (D-dur), ор. 29 (1875) — 85, 166—168.

4-я симфония (f-moll), ор. 36 (1877), посвящена „Моему лучшему другу" [Н. Ф. фон-Мекк] — 18, 22, 23, 27, 28, 30, 31, 33, 35, 37, 38, 52, 54—56, 58, 61, 86, 95, 96, 98—101, 122, 123, 163, 169, 171, 175, 176, 261, 315, 317, 325, 326, 329, 337.

1-я сюита, ор. 43 (1879), посвящена негласно Н. Ф. фон-Мекк — 52—56, 59—61, 64, 65, 71, 72, 91—94, 96, 103, 109—111, 116—118, 126—128, 137, 138, 143, 163, 175, 310, 324, 332, 335—337, 345, 352, 357.

2-я сюита, ор. 53 (1883), посвящена П. В. Чайковской — 309, 310, 357.

„Буря", фантазия по Шекспиру, ор. 18 (1873), посвящена В. В. Стасову — 55, 57, 87, 88, 163, 168, 175, 216, 328, 329.

„Итальянское каприччио", ор. 45 (1880), посвящено К. Ю. Давыдову — 137, 138, 149—152, 163—166, 169, 172, 176, 178, 179, 336, 337, 341, 357.

„Ромео и Джульетта", увертюра-фантазия по Шекспиру (1870), посвящена М. А. Балакиреву — 88, 89, 121, 142, 144—148, 166, 167, 170, 171, 177, 178, 207, 216, 232, 329, 357.

Серенада для струнного оркестра, ор. 48 (1880), посвящена К. К. Альбрехту — 179, 261, 341, 350.

Славянский марш, ор. 31 (1876) — 55, 86, 107, 110, 113, 175.

Торжественный коронационный марш (1883) [сочинен по случаю коронации Александра III] — 289—293, 295, 297, 355.

Торжественная увертюра на датский гимн, ор. 15 (1866) — 169, 175.

„1812 год", торжественная увертюра, ор. 49 (1880) — 230, 235, 240—244, 246, 341, 349.

Увертюра к оп. „Воевода" [опера уничтожена Чайковским] — 175, 246.

„Франческа да-Римини", фантазия по Данте, ор. 32 (1876), посвящена С. И. Танееву — 33, 35, 36, 38, 52, 85, 163, 175, 339.

Для камерного ансамбля:

1-й квартет, для 2 скрипок, альта и виолончели (D-dur), ор. 11 (1871), — 36, 88, 101, 126, 175, 258, 337, 346, 351.

2-й квартет, для 2 скрипок, альта и виолончели (F-dur), ор. 22 (1874), — 101, 175.

3-й квартет, для 2 скрипок, альта и виолончели (es-moll), ор. 30 (1876), посвящен памяти Ф. Лауба — 33, 101.

Трио, для ф.-п., скрипки и виолончели (a-moll), ор. 50 (1882), посвящен „Памяти великого артиста" [Н. Г. Рубинштейна] — 221, 227, 232—234, 241, 242, 247, 257—259, 264, 265, 287, 289, 348, 349, 352.

Для отдельных инструментов (ф.-п., скрипка, виолончель):

1-й концерт, для ф.-п. с оркестром (b-moll), ор. 23 (1875), посвящен Гансу фон-Бюлову — 36, 52, 126, 140, 319, 324, 336, 350.

2-й концерт, для ф.-п. с оркестром (G-dur), ор. 44 (1880), посвящен Н. Г. Рубинштейну — 118, 121, 125, 137—140, 146—148, 162, 164, 165, 169, 172, 178, 179, 185, 226, 248, 333, 336, 350.

Вальс-скерцо, для скрипки с оркестром, ор. 34 (1877), посвящен Иосифу Котеку — 22, 30, 34, 35, 37, 41, 42, 48, 126, 134, 291, 321, 322, 334.

Вариации на тему рококо, для виолончели с оркестром, ор. 33 (1876), посвящены В. Фитценгагену — 22, 30, 34, 35, 37, 54, 60, 101, 325, 331

„Воспоминания о дорогом месте", 3 пьесы для скрипки с сопровождением ф.-п., ор. 42 (1878), посвящены Б[раилову] — 41, 46, 56, 58, 99, 100, 321, 324, 325, 330.

„Времена года", 12 пьес для ф.-п., ор. 37 bis (1876) — 101, 218, 285, 288, 345, 348.

Двенадцать пьес средней трудности для ф.-п., ор. 40 (1878), посвящены М. И. Чайковскому — 36, 46, 51, 52, 58, 101, 134, 168, 218, 319.

Детский альбом (24 детских пьесы), для ф.-п., ор. 39 (1878), посвящен Володе Давыдову — 33, 46, 50, 51, 54, 58, 60, 134, 142, 318, 325.

Концерт для скрипки с оркестром (D-dur), ор. 35, (1878), посвящен первоначально Л. Ауэру, а потом А. Бродскому — 36—38, 40, 42—44, 47, 49, 54, 58, 60, 80, 95, 100, 207, 216, 217, 219, 226, 247, 291, 319, 321, 335 345—347, 352.

Меланхолическая серенада, для скрипки с сопровождением оркестра (b-moll), ор. 26 (1875), посвящена Л. Ауэру — 105, 106, 108, 109, 126, 216, 219, 220, 246, 249, 291, 334, 335, 347.

Ноктюрн, для ф.-п., ор. 10, № 2 (1871), посвящен В. С. Шиловскому — 275, 353.

Оригинальная тема с вариациями, для ф.-п., ор. 19 № 6 (1873), посвящена Г. А. Ларошу — 126, 334.

Соната (Большая), для ф.-п. (G-dur), ор. 37 (1878), посвящена К. Клиндворту — 36, 41, 46, 52, 58, 76, 86, 89, 101, 141, 218, 319, 345.

„Скобелев—марш" (марш „Добровольный флот"), соч. Синопова (псевдоним Чайковского), для ф.-п. (1878) — 21, 39, 40, 320.

Шесть пьес для ф.-п., ор. 51 (1882), посвящены разным лицам — 259, 261, 263, 265, 351.

Для пения (хор, дуэты, романсы):

„Всенощное бдение", для четырехголосного хора, ор. 52 (1881—1882) — 190, 193, 194, 196, 197, 207, 220, 221, 234, 237, 240, 242, 260, 263, 286, 292, 343.

Кантата на открытие Политехнической выставки в Москве, на слова Я. П. Полонского, для тенора, хора и оркестра (1872) (не издана) — 281.

„Литургия св. Иоанна Златоуста", для четырехголосного хора, ор. 41 (1878) — 33, 46, 52, 58, 86, 89—91, 99, 102, 104—106, 115, 215, 218, 242, 280, 318, 331.

„Москва", кантата, для 2 голосов, хора и оркестра, слова А. Майкова (1883) — 289, 290, 293, 295, 297, 298, 301, 302, 304, 305, 307, 308, 355, 357.

Семь романсов, для голоса и ф.-п., ор. 47 (1880), посвящены А. В. Панаевой — 166, 167, 171, 338.

Шестнадцать детских песен, для голоса с ф.-п., ор. 54, (1883) — 310, 357.

Шесть дуэтов, для 2 голосов и ф.-п., ор. 46 (1880)., посвящены Т. Л. Давыдовой — 160, 166, 167, 171, 338.

Шесть романсов, ор. 38 (1878), посвящены А. И. Чайковскому — 36, 46, 52, 54, 58, 60, 168, 319, 338.

— № 2. „То было раннею весною" — 155, 207, 335.

„И больно и сладко", слова гр. Растопчиной, ор. 6 № 3 (1869), посвящен А. Д. Кочетовой — 63, 207, 326.

„Страшная минута", слова П. И. Чайковского, ор. 28 № 6 (1875), посвящен Е. Кадминой — 207.

Переводы романсов Глинки (1877) — 18, 20, 21, 23, 29—31, 317.

Редактирование духовно-музыкальных сочинений Бортнянского (1881) — 196, 199—202, 204—214, 220—222, 225, 227, 229, 231—237, 239—242, 244, 247, 255—258, 293, 296, 345, 350.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Б. В. Асафьев (Игорь Глебов) 5
От редакции 13

ПИСЬМА

(указаны даты старого стиля)

1. Чайковский — Юргенсону 1877 г. октября 5 17
2. „ „ „ „ 16 17
3. „ „ „ „ 28 18
4. „ „ „ ноября 13 19
5. „ „ „ „ 27 21
6. „ „ „ декабря 5 22
7. „ „ „ „ 15 23
8. „ „ 1878 г. января 1 27
9. „ „ „ „ 12 28
10. „ „ „ „ 17 29
11. „ „ „ „ 24 30
12. „ „ „ „ 26 31
13. „ „ „ февраля 4 32
14. „ „ „ „ 14 33
15. „ „ „ „ 27 34
16. Юргенсон — Чайковскому „ марта 3 35
17. Чайковский — Юргенсону „ „ 15 36
18. „ „ „ „ 27 37
19. „ „ „ апреля 15 38
20. „ „ „ „ 24 39
21. „ „ „ мая 15 39
22. „ „ „ „ 21 40
23. „ „ „ июня 16 41

24. Чайковский — Юргенсону 1878 г. июня 22 ? 42
25. „ „ „ июля 1 44
26. „ „ „ „ 12 44
27. „ „ „ „ 18 45
28. „ „ „ „ 29 46
29. „ „ „ августа 2 47
30. „ „ „ „ 8 48
31. „ „ „ октября начало — середина 49
32. Юргенсон — Чайковскому „ октября 18—19 49
33. Чайковский — Юргенсону „ „ 20 50
34. Юргенсон — Чайковскому „ „ 24 51
35. „ „ „ „ 27 52
36. Чайковский — Юргенсону „ ноября 11 52
37. „ „ „ „ 15 53
38. Юргенсон — Чайковскому „ „ 16 54
39. „ „ „ „ 18 54
40. Чайковский — Юргенсону „ „ 24 55
41. Юргенсон — Чайковскому „ декабря 2 56
42. „ „ „ „ 2 57
43. Чайковский — Юргенсону „ „ 3 59
44. „ „ „ „ 10 59
45. Юргенсон — Чайковскому „ „ 13 61
46. „ „ „ „ 16 62
47. Чайковский — Юргенсону „ „ 18 63
48. „ „ „ „ 20 64
49. Юргенсон — Чайковскому „ „ 21 65
50. „ „ „ „ 28 66
51. Чайковский — Юргенсону „ „ 29 67
52. „ „ „ „ 30 68
53. „ „ 1879 г. января 3 71
54. „ „ „ „ 7 72
55. Юргенсон — Чайковскому „ „ 10—12 73
56. Чайковский — Юргенсону „ „ 14 74
57. Юргенсон — Чайковскому „ „ 19 75
58. Чайковский — Юргенсону „ „ 19 76
59. „ „ „ „ 27 77
60. Юргенсон — Чайковскому „ „ 31 79
61. Чайковский — Юргенсону „ февраля 1 79
62. „ „ „ „ 6 80
63. Юргенсон — Чайковскому „ „ 7—8 81
64. „ „ „ „ 12—13 82
65. Чайковский — Юргенсону „ „ 13 83
66. „ „ „ „ 18 84
67. Юргенсон — Чайковскому „ „ 17—21 85
68. Чайковский — Юргенсону „ „ 25 86
69. „ „ „ „ 26 87
70. „ „ „ „ 27 88
71. Юргенсон — Чайковскому „ „ 28—марта 2 88
72. „ „ „ апреля 12 90
73. Чайковский — Юргенсону „ „ 14 90
74. Юргенсон — Чайковскому „ „ 14 91
75. Чайковский — Юргенсону „ „ 19 92
76. „ „ „ „ 22 93
77. „ „ „ мая 6 94
78. Юргенсон — Чайковскому „ „ 12 94
79. Чайковский — Юргенсону „ „ 15 95
80. Юргенсон — Чайковскому „ „ 20 96

81. Чайковский — Юргенсону 1879 г. мая 24 97
82. Юргенсон — Чайковскому „ „ 26 98
83. Чайковский — Юргенсону „ „ 31 99
84. Юргенсон — Чайковскому „ июня 7 100
85. Чайковский — Юргенсону „ „ 8 100
86. „ „ „ „ 9 101
87. „ „ „ „ 14 102
88. Юргенсон — Чайковскому „ „ 15 103
89. Чайковский — Юргенсону „ „ 20 103
90. Юргенсон — Чайковскому „ „ 18—21 104
91. Чайковский — Юргенсону „ июля 14 105
92. „ „ „ „ 24 106
93. Юргенсон — Чайковскому „ „ 31 107
94. Чайковский — Юргенсону „ августа 7 107
95. „ „ „ „ 9 108
96. „ „ „ „ 12 109
97. „ „ „ „ 24 109
98. „ „ „ „ 25 111
99. „ „ „ „ 27 111
100. „ „ „ „ 28—31? 112
101. „ „ „ сентября 4 113
102. „ „ „ „ 11 113
103. Юргенсон — Чайковскому „ „ 11—12 114
104. Чайковский — Юргенсону „ „ 15 114
105. Юргенсон — Чайковскому „ „ 20 115
106. „ „ „ „ 29 115
107. Чайковский — Юргенсону „ октября 3 116
108. „ „ „ „ 20 117
109. „ „ „ „ 21 118
110. „ „ „ ноября 1—2? 118
111. „ „ „ „ 4 119
112. „ „ „ „ 8 120
113. Юргенсон — Чайковскому „ „ 12 120
114. Чайковский — Юргенсону „ „ 19 121
115. Юргенсон — Чайковскому „ „ 22 122
116. „ „ „ „ 24 123
117. Чайковский — Юргенсону „ „ 26 124
118. „ „ „ „ 30 124
119. Юргенсон — Чайковскому „ декабря 5—6 125
120. „ „ „ „ 7—10 126
121. Чайковский — Юргенсону „ „ 16 127
122. „ „ „ „ 19 128
123. „ „ „ „ 27—28 128
124. Юргенсон — Чайковскому 1880 г. января 2— 3 133
125. Чайковский — Юргенсону „ „ 4 134
126. „ „ „ „ 11 135
127. Юргенсон — Чайковскому „ „ 12—17 136
128. Чайковский — Юргенсону „ „ 25 136
129. „ „ „ февраля 5 137
130. Юргенсон — Чайковскому „ „ 14 138
131. Чайковский — Юргенсону „ „ 20 139
132. Юргенсон — Чайковскому „ „ 28 140
133. Чайковский — Юргенсону „ марта 10 141
134. Юргенсон — Чайковскому „ „ 14 142
135. Чайковский — Юргенсону „ „ 19 143
136. Юргенсон — Чайковскому „ 26 144
137. Чайковский — Юргенсону „ „ 27 144

138. Чайковский — Юргенсону 1880 г. марта 28 . . . 145
139. „ „ „ апреля 18 . . . 146
140. „ „ „ „ 19 . . . 146
141. Юргенсон — Чайковскому „ „ 23—24 . . . 147
142. Чайковский — Юргенсону „ „ 30 . . . 148
143. „ „ „ мая 3 . . . 148
144. „ „ „ „ 10 . . . 149
145. „ „ „ „ 16 . . . 150
146. „ „ „ „ 20 . . . 150
147. „ „ „ „ 22 . . . 151
148. Юргенсон — Чайковскому „ „ 29 . . . 152
149. Чайковский — Юргенсону „ июня 17 . . . 153
150. „ „ „ „ 23 . . . 154
151. Юргенсон — Чайковскому „ „ 27—28 . . . 155
152. Чайковский — Юргенсону „ июля 3 . . . 156
153. Юргенсон — Чайковскому „ „ 15 . . . 158
154. Чайковский — Юргенсону „ „ 18 . . . 159
155. „ „ „ „ 20 . . . 160
156. „ „ „ „ 21 . . . 161
157. „ „ „ „ 23 . . . 161
158. „ „ „ августа 1—2 . . . 162
159. „ „ „ „ 3 . . . 163
160. „ „ „ „ 8 . . . 163
161. „ „ „ „ 12 . . . 164
162. „ „ „ „ 13 . . . 165
163. „ „ „ „ 24? . . . 166
164. „ „ „ „ 29 . . . 167
165. „ „ „ сентября 1 . . . 168
166. „ „ „ „ 6 . . . 169
167. „ „ „ „ 6 . . . 169
168. „ „ „ „ 7 . . . 169
169. Юргенсон — Чайковскому „ „ 7 . . . 170
170. „ „ „ „ 6—10 . . . 171
171. Чайковский — Юргенсону „ „ 12 . . . 172
172. „ „ „ „ 13 . . . 173
173. „ „ „ „ 15 . . . 175
174. „ „ „ „ 18 . . . 176
175. „ „ „ „ 21 . . . 176
176. „ „ „ октября 9 . . . 177
177. „ „ „ „ 11 . . . 177
178. Юргенсон — Чайковскому „ „ 14 . . . 178
179. Чайковский — Юргенсону „ „ 27 . . . 179
180. „ „ 1881 г. февраля 21 . . . 183
181. Юргенсон — Чайковскому „ „ 21 . . . 184
182. „ „ „ „ 28 . . . 185
183. Чайковский — Юргенсону „ марта 1 . . . 185
184. Юргенсон — Чайковскому „ „ 29 . . . 186
185. Чайковский — Юргенсону „ апреля 9 . . . 187
186. „ „ „ мая 2 . . . 188
187. Юргенсон — Чайковскому „ „ 5 . . . 188
188. Чайковский — Юргенсону „ „ 7 . . . 189
189. „ „ „ „ 8 . . . 190
190. Юргенсон — Чайковскому „ „ 11 . . . 190
191. Чайковский — Юргенсону „ „ 11 . . . 191
192. „ „ „ „ 25 . . . 192
193. Юргенсон — Чайковскому „ „ 25—26 . . . 193
194. Чайковский — Юргенсону „ июня 4 . . . 193

195. Чайковский — Юргенсону 1881 г. июня 5 . . . 194
196. Юргенсон — Чайковскому „ „ 5—6 . . . 194
197. Чайковский — Юргенсону „ „ 6 . . . 195
198. Юргенсон — Чайковскому „ „ 9 . . . 196
199. Чайковский — Юргенсону „ „ 21 . . . 196
200. „ „ „ июля 3 . . . 197
201. Юргенсон — Чайковскому „ „ 10 . . . 198
202. Чайковский — Юргенсону „ „ 11 . . . 199
203. „ „ „ 31 . . . 199
204. „ „ „ августа 10 . . . 200
905. Юргенсон — Чайковскому „ „ 11 . . . 202
206. „ „ „ „ 15 . . . 202
207. Чайковский — Юргенсону „ „ 16 . . . 203
208. Юргенсон — Чайковскому „ „ 19 . . . 204
209. Чайковский — Юргенсону „ „ 19 . . . 205
211. „ „ „ „ 31 . . . 206
210. „ „ „ сентября 1 . . . 207
212. Юргенсон — Чайковскому „ „ 4 . . . 207
213. Чайковский — Юргенсону „ октября 8 . . . 208
214. „ „ „ „ 11 . . . 209
215. „ „ „ „ 19 . . . 209
216. „ „ „ „ 20 . . . 210
217. „ „ „ „ 27 . . . 211
218. „ „ „ „ 31 . . . 213
219. „ „ „ ноября 5 . . . 213
220. „ „ „ „ 7 . . . 214
221. „ „ „ „ 9 . . . 215
222. „ „ „ „ 16 . . . 215
223. Юргенсон— Чайковскому „ „ 21—24 . . . 216
224. „ „ „ декабря 3 . . . 217
225. Чайковский — Юргенсону „ „ 12 . . . 218
226. „ „ „ „ 15 . . . 219
227. Юргенсон — Чайковскому „ „ 19—20 . . . 220
228. Чайковский — Юргенсону „ „ 29 . . . 221
229. Юргенсон — Чайковскому 1882 г. января 3 . . . 225
230. Чайковский — Юргенсону „ „ 4 . . . 226
231. Юргенсон — Чайковскому „ „ 8—9 . . . 227
232. Чайковский — Юргенсону „ „ 10 . . . 228
233. „ „ „ „ 14 . . . 229
234. Юргенсон — Чайковскому „ „ 14 . . . 229
235. Чайковский — Юргенсону „ „ 18 . . . 231
236. „ „ „ „ 30 . . . 233
237. „ „ „ февраля 1 . . . 233
238. „ „ „ „ 5 . . . 235
239. Чайковский — Юргенсону „ „ 11 . . . 236
240. „ „ „ „ 18 . . . 236
241. „ „ „ „ 21 . . . 237
242. Юргенсон — Чайковскому „ „ 21—22 . . . 238
243. Чайковский — Юргенсону „ „ 23 . . . 240
244. Юргенсон — Чайковскому „ марта 2 . . . 241
245. Чайковский — Юргенсону „ „ 2 . . . 243
246. „ „ „ „ 4 . . . 244
247. „ „ „ апреля 24 . . . 245
248. Юргенсон — Чайковскому „ мая 15 . . . 245
249. Чайковский — Юргенсону „ „ 17 . . . 246
250. „ „ „ „ 24 . . . 247
251. Юргенсон — Чайковскому „ „ 24—25 . . . 248

252. Юргенсон — Чайковскому 1882 г. мая 31 — июня 1 249
253. „ „ „ июня 2 249
254. Чайковский — Юргенсону „ „ 3 250
255. „ „ „ „ 12 250
256. „ „ „ „ 19 251
257. Юргенсон — Чайковскому „ „ 30 252
258. Чайковский — Юргенсону „ июля 11 253
259. „ „ „ „ 14 254
260. „ „ „ „ 16—17 254
261. „ „ „ „ 26 255
262. „ „ „ августа 20 256
263. Юргенсон — Чайковскому „ „ 27 256
264. Чайковский — Юргенсону „ сентября 10 256
265. Юргенсон — Чайковскому „ „ 11 257
266. Чайковский — Юргенсону „ „ 15 258
267. Юргенсон — Чайковскому „ „ 17 259
268. Чайковский — Юргенсону „ „ 20 260
269. Юргенсон — Чайковскому „ „ 20 260
270. „ „ „ „ 26—28 261
271. Чайковский — Юргенсону „ октября 3 262
272. Юргенсон — Чайковскому „ „ 3 262
273. Чайковский — Юргенсону „ „ 12 263
274. „ „ „ „ 20 263
275. „ „ „ „ 23 264
276. Юргенсон — Чайковскому „ „ 27—28 265
277. Чайковский — Юргенсону „ декабря 25 265
278. Юргенсон — Чайковскому „ „ 29 266
279. Чайковский — Юргенсону 1883 г. января 3 271
280. „ „ „ „ 5 272
281. Юргенсон — Чайковскому „ „ 15 273
282. Чайковский — Юргенсону „ „ 16 274
283. Юргенсон — Чайковскому „ „ 17 275
284. Чайковский — Юргенсону „ „ 21 275
285. Юргенсон — Чайковскому „ „ 27 276
286. Чайковский — Юргенсону „ „ 29 — февраля 2 277
287. Юргенсон — Чайковскому „ февраля 3 278
288. Чайковский — Юргенсону „ „ 4 279
289. „ „ „ „ 6 280
290. „ „ „ „ 9 281
291. Юргенсон — Чайковскому „ „ 17—20 282
292. Чайковский — Юргенсону „ „ 26 — марта 1 284
293. Юргенсон — Чайковскому „ марта 1 285
294. „ „ „ „ 1—2 286
295. „ „ „ „ 7—8 287
296. Чайковский — Юргенсону „ „ 12 289
297. Юргенсон — Чайковскому „ „ 18 290
298. Чайковский — Юргенсону „ „ 19 291
299. „ „ „ „ 20 292
300. „ „ „ „ 23 293
301. „ „ „ „ 24 294
302. „ „ „ „ 25 294
303. „ „ „ „ 26 295
304. Юргенсон — Чайковскому „ „ 29—30 296
305. Чайковский — Юргенсону „ апреля 6 298
306. „ „ „ „ 14 300
307. „ „ „ „ 17 301
308. „ „ „ „ 28 302

309. Чайковский — Юргенсону 1883 г. июля 18 303
310. „ „ „ „ 28 304
311. Юргенсон — Чайковскому „ „ 29 305
312. Чайковский — Юргенсону „ сентября 12 306
313. Юргенсон — Чайковскому „ „ 20 306
314. Чайковский — Юргенсону „ „ 25 307
315. Юргенсон — Чайковскому „ „ 23 — октября 4 308
316. Чайковский — Юргенсону „ октября 5 309
317. „ „ „ ноября 1 310
318. „ „ „ „ 3 310
319. „ „ „ „ 8 311
320. „ „ „ „ 9 311
Примечания 315
Указатель собственных имен 358
Указатель произведений Чайковского 375
Список иллюстраций 384

Список иллюстраций

П. И. Чайковский — 1877 г.
П. И. Юргенсон.
Н. Г. Рубинштейн.
Пансион „Жоли“ в Сан-Ремо, где П. И. Чайковский заканчивал оперу „Евгений Онегин“
П. И. Чайковский — Ницца, 1878 г.
П. И. Чайковский — 1878 г.
Дом в Кларане (Швейцария), где П. И. Чайковский писал оперу „Орлеанская дева“.
П. И. Чайковский — 1879 г.
Браилов — дом фон-Мекк.
П. И. Чайковский (×) в Каменке, имении Давыдовых.
Титульная страница партитуры оперы „Евгений Онегин“, первое издание П. Юргенсона.
Последняя страница партитуры оперы „Евгений Онегин“.
Браилов — парк.
Титульная страница партитуры оперы „Орлеанская дева“, первое издание П. Юргенсона.
П. И. Чайковский — 1881 г.
П. И. Чайковский — надпись Адольфу Бродскому.
Адольф Бродский.
В. Ф. Фитценгаген.
К. К. Альбрехт.
С. И. Танеев.

Цена 15 р.
Перепл. 2 р.